КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ОКТЯБРЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXV. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Тревожные годы. Очеркъ изъ общественной и политической жизни г. Кіева и юго-западнаго края въ 1811—1812 гг. О. Левицкаго (1—21).

II. Ѳедоръ Лисовскій. 1709 – 1722. (Очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи въ 1-й пол. XVIII ст.). (Окончаніе). С. П. Мордовскаго (22—59).

III. Нѣсколько соображеній къ вопросу о князѣ Турѣ. И. Голубовскаго 58—81).

IV. Илья Ѳедоровичъ Тимковскій, педагогъ прошлаго времени. (Окончаніе). П. Р. Шугурова (82—97).

V. Записки Михаила Чайковскаго (Садыкъ-паши). Х. (98—107).

VI. Бакотскій скальный монастырь. В. А. (108—116).

VII. Докум ты, извѣстія и замѣт Астрономъ Эйлеръ въ Сѣчи Запорожской въ 1770 г. А. Скальковскій. Сазва Чаленко и Игнатъ Голый. В. Щербины. Судьба одной знатной козацкой фамиліи. В. Щербины. Рисунки изъ путешествія имп. Екатерины II въ южную Россію. Г. Случай столкновенія кіевскаго магистрата съ военнымъ начальствомъ (1773 г.) А. А. Изъ бумагъ сенатора тайн. сов. М. П. Миклашевскаго. Сооб. И. Васильенко. Памяти И. Ѳ. Тимковскаго. М. А. Максимовича и П. А. Антоновича. В. Науменка. Къ вопросу о сохраненіи памятниковъ историческихъ лицъ (117—137).

VIII. Библіографія. Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга пятая. П. В. Харьковскій сборникъ, литературно научное приложеніе къ „Харьковскому Календарю“ на 1891 г., вып. V. М. Довнаръ-Запо[illegible] н. Лебедевъ. Духоборцы [illegible] слободской Украинѣ. П. В. Обозрѣніе журналовъ (138—167).

Объявленія (1—2).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Скальная живопись въ древнемъ Бакотскомъ монастырѣ (два рисунка).

2) Дневникъ генеральнаго подскарбія [illegible] ва Марковича.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензур. Кіевъ, 8-го октября 1891 г.

Библиотека "Руниверс"

Рис. 1.

Библиотека "Руниверс"

Рис. II.

Библиотека "Руниверс"

ТРЕВОЖНЫЕ ГОДЫ.

Очерки изъ общественной и политической жизни г. Кіева и юго-западнаго края въ 1811—1812 гг.

I. ПОЖАРНЫЯ ТРЕВОГИ.

Кіевскіе пожары. Паника горожанъ. Слухи о поджигателяхъ. Слѣдствіе о причинѣ пожаровъ въ г. Кіевѣ. Открытіе злодѣйскаго замысла. Эртелевская коммиссія. Чрезвычайныя мѣры для поимки поджигателей. Прискорбныя недоразумѣнія. Приключеніе съ с-бернардскими монахами. Самозванный поджигатель. Неунывающій слѣдователь. Розыски въ Кіевѣ. Неожиданное открытіе. Дерзкій мистификаторъ.

Въ іюлѣ текущаго года исполнилось ровно 80 лѣтъ со времени страшнаго бѣдствія, постигшаго мать русскихъ городовъ: разумѣемъ пожаръ 9 іюля 1811 г., уничтожившій почти весь Подолъ. Чтобы представить истинные размѣры этого бѣдствія, надобно знать, что Подолъ въ то время составлялъ лучшую и самую многолюдную часть Кіева, точнѣе сказать—это и былъ въ собственномъ смыслѣ *городъ* Кіевъ: здѣсь именно было сосредоточено все, что давало ему значеніе извѣстнаго центра въ торговомъ, промышленномъ и образовательномъ отношеніяхъ. „Старый-городъ“ все еще оставался почти въ томъ же жалкомъ положеніи, въ какомъ онъ изображается въ описаніяхъ путешественниковъ и въ люстраціяхъ XVI—XVII ст. Окруженный древними валами, онъ, кромѣ Софійскаго собора, Михайловскаго монастыря и двухъ-трехъ церквей, представ-

Примѣч. При составленіи настоящихъ очерковъ главнымъ матеріаломъ служили старинныя дѣла изъ архивовъ кіевскаго губ. правленія и канцеляріи военнаго губернатора.

Библиотека "Руниверс"

лялъ нестройное сборище хижинъ и лачугъ, между которыми тамъ и сямъ виднѣлись развалины древнихъ храмовъ. Нынѣшней Крещатицкой улицы не было и въ поминѣ, а на мѣстѣ теперешнихъ „Липокъ“ существовала большая липовая роща, отъ которой и получило свое названіе впослѣдствіи образовавшееся здѣсь поселеніе. Отдѣленный огромными пустырями Печерскъ представлялъ въ то время видъ незначительнаго уѣзднаго города, въ которомъ на тысячу съ лишнимъ частныхъ домовъ не было ни одного каменнаго; между тѣмъ какъ на Подолѣ числилось: церквей каменныхъ 15 и деревянныхъ 11, частныхъ домовъ каменныхъ 12, деревянныхъ свыше 2000, церковныхъ зданій каменныхъ 16 и таковыхъ же общественныхъ зданій 12. Въ числѣ послѣднихъ особенно славилось оригинальное зданіе кіевскаго *магистрата*, построенное въ стилѣ рококо въ концѣ XVII в. Оно стояло на площади нынѣшняго толкучаго рынка, близъ Сампсоновскаго фонтана, и было обращено однимъ фасадомъ къ Братскому монастырю, а другимъ, съ главнымъ входомъ, къ Успенскому собору. Надъ главнымъ фасадомъ возвышалась круглая съ балкономъ башня, высотою до 15 саженъ; въ ней были устроены городскіе часы, а надъ ними, вокругъ карниза башни, была надпись славянскими золочеными буквами: „Богомъ хранима града Кіева ,ѧχ҃ѕ (1697)“. Ниже, во всю высоту зданія, выходилъ обширный выступъ, въ которомъ помѣщались сѣни и парадная лѣстница. Вверху этого выступа устроена была открытая галлерея, или терраса, украшенная наверху фронтономъ, на которомъ стояла колоссальная мѣдная статуя Ѳемиды, съ мечемъ въ одной рукѣ и съ вѣсами въ другой. Въ лѣтнее время ежедневно, съ половины 11-го часа утра до половины 1-го, на высокомъ балконѣ вокругъ башни играли четыре трубача, а по вечерамъ въ открытой галлереѣ городскіе музыканты играли *зорю*. „Но особенное вниманіе и удивленіе простого народа (говоритъ очевидецъ) привлекалъ, по своему устройству, гербъ кіевскій. Это было мѣдное, въ кругу, до 4-хъ аршинъ въ поперечникѣ, барельефное изображеніе св. архистратига Михаила, который издревле почитается покровителемъ Кіева. Фигура архангела была такъ

Библиотека "Руниверс"

устроена при часахъ на башнѣ, что во время ихъ боя она ударяла стальнымъ копьемъ въ кремнистую пасть змѣя, отъ чего сыпались изъ нея искры“ [1]). Пожаромъ 1811 г. это прекрасное зданіе было настолько испорчено, что его не признали возможнымъ починить, а велѣли разобрать, кирпичъ же былъ употребленъ на постройку нынѣшняго Контрактоваго дома, который до того времени помѣщался въ другомъ зданіи, близъ Покровской церкви.

Одинъ изъ очевидцевъ подольскаго пожара, впослѣдствіи извѣстный историкъ Кіева Н. Закревскій сохранилъ для насъ превосходное описаніе этой катастрофы, отъ которой такъ много потерпѣла его собственная семья. Правда, автору въ то время едва минуло шесть лѣтъ отъ роду; но кому не извѣстно, какъ рѣзко запечатлѣваются въ дѣтской памяти картины подобныхъ общественныхъ бѣдствій! Притомъ же Закревскій впослѣдствіи имѣлъ возможность провѣрить и восполнить свои дѣтскія воспоминанія письменными свидѣтельствами и устными разсказами старожиловъ. По его словамъ, пожаръ начался въ прекрасное лѣтнее утро (9 іюля), предвѣщавшее тихій, знойный день. Въ 10 или 11 ч. [2]) раздался первый набатъ съ колокольни Воскресенской церкви. „Любопытные устремились къ тому мѣсту, гдѣ впервые вспыхнулъ пожаръ; это было на пространствѣ между Житнымъ торгомъ и упомянутою церковью. Но изумленіе объяло жителей, когда они почти въ одно время услышали со всѣхъ колоколенъ несчастное извѣстіе и тогда же увидѣли страшный огонь въ четырехъ или пяти противоположныхъ концахъ города. Куда бѣжать? Кому помогать? Всякій обратился къ своему жилищу. Это обстоятельство было поводомъ, что многіе послѣ утверждали, будто при началѣ пожара полиціи удалось схватить нѣсколько жидовъ, поляковъ и даже французовъ, поджигавшихъ домы кіевлянъ посредствомъ зажженнаго трута, скоропалительныхъ свѣчей и другихъ удобно возгорающихся веществъ. Я не знаю (прибавляетъ Закревскій),

[1]) Закревскій Н., „Описаніе Кіева“, т. I, стр. 440—441.

[2]) По другимъ свидѣтельствамъ, пожаръ начался въ 1-мъ ч. по полудни.

Библиотека "Руниверс"

справедливо ли это мнѣніе, или нѣтъ. Но и естественные случаи были причиною чрезвычайно скораго распространенія пожара кіевскаго. Тогда было лѣто жаркое и сухое, слѣдовательно деревянныя кровли домовъ легко возгорались отъ падающихъ искръ; усилившійся пламень нарушилъ равновѣсіе атмосферы и произвелъ бурю, которая разносила искры и головни на величайшее пространство и распространяла пожаръ съ такою скоростью, что въ продолженіе трехъ часовъ Кіево-Подолъ представился огненнымъ моремъ. Кто не успѣлъ заблаговременно спастись, бѣгая по тѣснымъ улицамъ, не могъ уже сыскать выхода и сдѣлался жертвою свирѣпой стихіи. Многіе погибли въ погребахъ или въ церквахъ; такъ нѣсколько монахинь, надѣясь найти убѣжище въ большой церкви Флоровскаго монастыря, задохлись отъ дыма [1]). Обгорѣвшія и оставшіяся безъ крышъ церкви густо дымились, потому что были завалены разною домашнею рухлядью, снесенною жителями туда для сохраненія отъ пламени. Старокіевскій валъ отъ Андреевской церкви до угла Михайловскаго монастыря надъ Крещатикомъ былъ усѣянъ нѣсколькими тысячами жителей Стараго-города и Печерска, которые отсюда могли удобно смотрѣть на несчастье своихъ собратій, потому что помощь человѣческая была тогда безсильна. Пламенныя волны, переходящія отъ одной части нижняго города до другой, сильный вѣтеръ, разносящій во всѣ стороны горящія доски, густой дымъ, паденіе домовъ на пространствѣ трехъ квадратныхъ верстъ и отдаленный крикъ спасающихся—все это представляло зрѣлище необыкновенное и ужасное".

---

[1]) По болѣе точному свидѣтельству другого очевидца, знаменитаго кіевскаго проповѣдника І. Леванды, во Флоровскомъ монастырѣ заживо сгорѣло *болѣе тридцати* монахинь и послушницъ. Считаемъ нелишнимъ привести цѣликомъ это вполнѣ современное свидѣтельство о кіевскомъ пожарѣ: „Вы очень помните — писалъ Леванда къ одной своей почитательницѣ — прекрасный городъ нашъ Кіево-Подолъ, не теперь его нѣтъ; онъ уже не существуетъ. 9 іюля истребилъ его страшный пожаръ, не щадя въ немъ ничего, при засухѣ, вѣтрѣ и пламенномъ вихрѣ. Церкви, монастыри, домы пали въ огнѣ и пеплѣ. Палъ и мой домъ съ нѣкоторою частью имѣнія, но немало и спасено. Въ городѣ (т. е. на Подолѣ) осталась одна Пречистенская базарная церковь, да за канавой... двѣ съ домами приходскими уцѣлѣли. Отъ

Библиотека "Руниверс"

Къ ужасамъ разъяренной стихіи вскорѣ присоединились ужасы грабежа и насилій со стороны разнузданныхъ солдатъ и обезумѣвшаго съ отчаянія народа. „Дворъ нашъ (продолжаетъ авторъ), находившійся на улицѣ, называемая „Черная-Грязь“, былъ наполненъ множествомъ солдатъ и чернью въ лохмотьяхъ. Эти вандалы казались весьма озабоченными: они отбивали замки у нашихъ чулановъ, выносили въ банкахъ варенье и тутъ же ѣли, вынимая руками, а посуду въ дракѣ разбивали; то же было съ напитками,—словомъ, въ нѣсколько минутъ кладовыя и погребъ совершенно опустѣли. Потомъ принялись за вещи. Услужливость ихъ простиралась до того, что у насъ ничего не осталось бы, еслибы отецъ мой не успѣлъ спасти нѣкоторыхъ вещей“.—Нужно было, однако, поскорѣе уходить въ виду приближающагося пламени. „Съ трудомъ могли мы пробираться въ кривыхъ и узкихъ улицахъ, загроможденныхъ мебелью, людьми, экипажами. Со всѣхъ сторонъ огонь и дымъ, шумъ и крикъ приводили меня въ ужасъ. Наконецъ мы достигли до днѣпровскаго берега и на Оболони остановились. Тутъ необъятное множество вещей въ величайшемъ безпорядкѣ было разбросано на пескѣ; люди суетились, нѣкоторые были даже полуодѣты; общая горесть царствовала въ этомъ станѣ разоренія; иные горько плакали, смотря на гибель города и буйство пламени, котораго видъ во время ночи казался еще ужаснѣе“.

Пожаръ продолжался около трехъ дней. Окрестныя мѣста Кіева съ восточной стороны на весьма далекія разстоянія (наприм., Козелецъ, даже Нѣжинъ) были покрыты густымъ дымомъ. Отъ цвѣтущаго Кіево-Подола осталась лишь небольшая сѣверная часть за *Канавою*—Царекопстантиновская, Введенская и Волошская улицы; все остальное представляло однѣ смрадныя, дымящіяся развалины. Улицъ нельзя было распознать, а тлѣющія бревна и вещи въ ямахъ и погребахъ, засыпанныхъ землею

стѣнъ каменныхъ что не догорѣло, то осталось въ безобразіи, поражающемъ сердца. Повсюду виды ужаса; но зрѣлище во Флоровскомъ монастырѣ, послѣ сгорѣвшихъ до основанія келій представившее тридцать слишкомъ тѣлъ монахинь и послушницъ, задохшихся и обгорѣвшихъ, превосходило ужасы другіе“ („Кіево-Софійскій протоіерей І. В. Леванда“, т. I, стр. 50).

Библиотека "Руниверс"

и золою, дѣлали опасною всякую попытку ходить по пожарищу. Изъ всѣхъ церквей и публичныхъ зданій не было почти ни одного, которое не пострадало бы отъ этого страшнаго пожара. Церкви—Спасская, стоявшая на нынѣшней Спасской улицѣ, Вознесенская, близъ Флоровскаго монастыря, и Святодуховская, на берегу Днѣпра, были совершенно истреблены огнемъ, отъ нихъ не осталось никакихъ слѣдовъ. Монастыри—Греческій или Петропавловскій, Флоровскій и Братскій съ академіею, 11 каменныхъ и 5 деревянныхъ церквей съ колокольнями, Лаврское подворье и другія церковныя зданія были жертвою пламени. Разсказывали, что обширный дворъ Братскаго монастыря, соборная церковь и даже колокольня, загроможденные пожитками воспитанниковъ и сосѣднихъ обывателей, представляли собою наибольшую пищу для губительнаго пламени. Тогда погибло много книгъ изъ академической библіотеки [1]).

Еще развалины Подола продолжали дымиться, какъ 11-го, 12-го, 14 и 17-го іюля въ разныхъ частяхъ города снова вспыхнуло нѣсколько пожаровъ. Паническій ужасъ объялъ несчастныхъ жителей. Казалось, будто Кіевъ снова переживалъ тѣ давнопрошедшія времена, о которыхъ повѣствуется въ древнихъ лѣтописяхъ, когда „по вся дни загорашеся невѣдаемо, и не смѣяху людіе жити въ домѣхъ, но на поли живяху“. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Въ дневникѣ тогдашняго митрополита Серапіона читаемъ: „14 іюля, въ 11 ч. вечера, паки былъ пожаръ на Печерскѣ, сгорѣлъ домъ войта Рыбальскаго, и сей пожаръ навелъ такой страхъ, что всѣ выбирали все имѣніе свое изъ домовъ и вывозили въ поле. И мы (прибавляетъ ми-

---

[1]) Закревскій, „Описаніе Кіева“, т. I, стр. 116—118. Кстати, для большей полноты свѣдѣній о кіевскомъ пожарѣ 1811 г. приведемъ еще одно современное извѣстіе, сохранившееся въ записной книжкѣ кіевскаго гражданина Мисаевскаго: „1811 г., 9 іюля, случился въ Кіевѣ столь ужасный пожаръ по полудни, въ первомъ часу, и въ 9 или 10 часовъ превращено въ попелъ болѣе 2000 домовъ каменныхъ (sic!) и магистратъ, церквей каменныхъ 8, деревянныхъ 4, монастырей три: Братскій, Петропавловскій и Флоровскій, съ множествомъ имущества какъ церковнаго, такъ и обывательскаго. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ (іюля и августа?) въ Кіевѣ было всѣхъ вообще зажигательствъ около 20-ти“ („Кіевск. Стар.“ 1884 г., апр., стр. 690). Но были „зажигательства“ и раньше іюля: въ дневникѣ тогдашняго

Библиотека "Руниверс"

трополитъ) всю ризницу выносили въ выходъ, что подъ полатнымъ амбаромъ, и ночь почти всю не спали, и мои коробы, и вина, и водки въ подвалъ же вынесли". Къ довершенію ужаса, какіе-то негодяи вздумали пугать и безъ того напуганныхъ горожанъ, разбрасывая подметныя письма и расклеивая по улицамъ угрожающіе аннонсы: подъ 4 авг. митроп. Серапіонъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что „сказывалъ-де ему протопопъ Криницкій о *письмѣ*, стихами писанномъ и прибитомъ акибы къ дому часовщика Коробки, что́ на Подолѣ, о сгорѣніи и остальныхъ подольскихъ домовъ" [1]). Это обстоятельство, въ связи съ ходившими въ народѣ преувеличенными разсказами о случившихся въ то лѣто довольно многочисленныхъ пожарахъ въ бо́льшей части городовъ юго-западнаго края, породило въ Кіевѣ всеобщее убѣжденіе въ существованіи шайки, или даже нѣсколькихъ шаекъ поджигателей. Подольскіе погорѣльцы долго не хотѣли возвращаться на свои пепелища, боясь потерять послѣднее, спасенное отъ огня имущество, и продолжали жить въ шалашахъ на Оболони; между ними жилъ и знаменитый въ то время кіевскій проповѣдникъ І. Леванда, потерпѣвшій равную участь съ своими согражданами. Приняты были всѣ мѣры предосторожности: и днемъ и ночью ходили по городу военные патрули; воспрещено было позже извѣстнаго часа ночи имѣть въ домахъ огонь; брали въ полицію всякаго, проходившаго ночью по городу; ежедневно задерживали по нѣскольку человѣкъ мнимыхъ поджигателей. Бывшій въ то время кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, извѣстный впослѣдствіи герой отечественной войны, Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, донося Государю о катастрофѣ 9-го іюля и о неоднократномъ возобновленіи

кіевскаго митрополита Серапіона отмѣчены два пожарныхъ случая на Подолѣ въ маѣ 1811 г.: въ ночь на 10 е число въ притиско-никольскомъ приходѣ сгорѣлъ одинъ домъ „отъ пьяныхъ хозяевъ и въ немъ умершая дѣвица сгорѣла", а 28 мая погорѣло до 15-ти дворовъ близъ Введенской церкви. Вообще то былъ какой-то необычайно несчастливый годъ, когда губительные пожары свирѣпствовали по всему югу Россіи съ весны и до глубокой осени.

[1]) Отрывки изъ дневника митр. Серапіона напечатаны въ іюльской кн. „Кіевск. Старины", 1884 г. Къ сожалѣнію, въ подлинной рукописи утраченъ листокъ съ записями отъ 9 по 14 іюля.

Библиотека "Руниверс"

пожаровъ въ слѣдующія за тѣмъ числа, счелъ нужнымъ представить на Высочайшее усмотрѣніе „объ открывшихся при томъ подозрѣніяхъ на злоумышленниковъ и о разныхъ слухахъ, приводящихъ жителей въ большое безпокойство".

Въ Петербургѣ съ большою тревогою отнеслись къ извѣстіямъ изъ Кіева. Тотчасъ послѣдовало на имя Милорадовича Высочайшее повелѣніе приложить всѣ старанія и попеченія къ успокоенію жителей, къ водворенію безопасности и къ доставленію потерпѣвшимъ несчастье возможнаго пособія, для чего въ распоряженіе губернатора ассигнована была значительная сумма. Вмѣстѣ съ этимъ императоръ Александръ приказалъ командировать въ Кіевъ опытнаго чиновника для производства на мѣстѣ слѣдствія о причинахъ пожаровъ, вмѣнивъ ему въ обязанность „стараться паче всего обнаружить злоумышленниковъ въ поджогѣ и поводы къ таковому злодѣйству". Съ тою же цѣлью еще раньше учреждена была на мѣстѣ особая слѣдственная коммиссія изъ чиновниковъ кіевскаго губернскаго правленія, подъ предсѣдательствомъ полиціймейстера. Жители Кіева были приглашены заявлять членамъ этой коммиссіи обо всѣхъ извѣстныхъ имъ фактахъ и даже слухахъ, относящихся къ предполагаемымъ злоумышленникамъ.

Сверхъ ожиданія, мѣра эта привела къ результатамъ, совершенно противоположнымъ видамъ правительства: вмѣсто ожидаемаго „прекращенія слуховъ, наносящихъ жителямъ безпокойство", дѣятельность коммиссіи скорѣе способствовала ихъ зарожденію и распространенію. Если прежде этимъ слухамъ довѣряли лишь легковѣрные, то теперь, когда сама администрація, видимо, признавала фактъ существованія злодѣевъ-поджигателей, тревога жителей продолжала расти, а не уменьшаться. Небылицы, одна другой безсмысленнѣе, росли какъ грибы послѣ дождя, и не было такой нелѣпости, которая не находила бы себѣ вѣры среди встревоженнаго населенія. Тамъ видѣли поляковъ, якобы покушавшихся на поджогъ; въ другомъ мѣстѣ будто-бы поймали французовъ, въ третьемъ—раскольниковъ, евреевъ, нѣмцевъ, цыганъ и т. под. Даже до митрополита доходили слухи, „акибы отсель (изъ Кіева) отправлено въ

Библиотека "Руниверс"

С.-Петербургъ 8 человѣкъ, подозрительныхъ въ зажигательствѣ Кіева, а 6 содержатся здѣсь"—слухи, замѣтимъ, совсѣмъ невѣрные. Сегодня схватывали и приводили въ слѣдственную коммиссію евреевъ, „кои несли по улицѣ вѣникъ", завтра—поляковъ-шляхтичей, „ходившихъ по переулкамъ, чаятельно, для зажигательства домовъ", послѣ-завтра какихъ-то брянскихъ мѣщанъ, „подавшихъ якобы способъ для укрытія нѣкоему еврею, оставившему на Яхонтовой улицѣ зажженную тряпицу", или же нѣмцевъ-мастеровыхъ, навлекшихъ на себя подозрѣніе лишь тѣмъ, что проходили мимо артиллерійскихъ складовъ. Помѣщики тащили въ коммиссію своихъ дворовыхъ, офицеры—деньщиковъ, цеховые мастера—своихъ подмастерьевъ, обвиняя ихъ въ покушеніи на поджоги. Общая суматоха достигла крайнихъ предѣловъ, и сама администрація увидѣла наконецъ необходимость принять мѣры къ обузданію не въ мѣру расходившейся народной фантазіи и начала подвергать взысканіямъ распространителей „ложныхъ разговоровъ", которыхъ сама еще наканунѣ выслушивала съ незаслуженнымъ вниманіемъ. Такъ, наприм., однажды явился къ полиціймейстеру еврей и донесъ, что въ винопродажномъ погребѣ купца Рябчикова, на Печерскѣ, въ присутствіи многихъ кіевскихъ мѣщанъ, подмастерій межигорской фаянсовой фабрики Давидъ Моленко разсказывалъ слѣдующее: вчерашнею ночью былъ-де онъ наряженъ въ с. Межигорье въ обходъ и имѣлъ при себѣ два пистоля, ружье и саблю. Въ полночь онъ замѣтилъ вышедшихъ изъ лѣса двухъ человѣкъ, и когда они на его окликъ не отозвались, то онъ выстрѣлилъ изъ ружья и одного изъ нихъ ранилъ, а другого поймали товарищи Моленка, обходчики. Задержанные оказались людьми великороссійской породы, въ карманахъ у нихъ найдены изъ березовой коры трубки, набитыя селитрою и порохомъ. Въ виду такой предосудительной находки, обходчики привязали пойманныхъ къ колесу и начали пытать, что они за люди, и какія у нихъ намѣренія; тѣ откровенно сознались, что они—поджигатели и что въ слѣдъ за ними, надъ Днѣпромъ, идутъ ихъ товарищи, два еврея. Моленко пошелъ въ засаду и скоро привелъ тѣхъ евреевъ связанными; при нихъ

Библиотека "Руниверс"

также оказались набитыя селитрою и порохомъ трубки изъ березовой коры. Подвергнутые пыткѣ, всѣ четыре злоумышленника якобы сознались, что они принадлежатъ къ шайкѣ поджигателей, состоящей изъ 5000 человѣкъ, что они разосланы фрнцузами и поляками по всей Россіи для зажигательства въ городахъ и мѣстечкахъ строеній, а въ поляхъ хлѣба, что при нихъ есть старшіе—три полковника, которые бродятъ повсюду, одѣтые въ женскія платья, и платятъ имъ жалованье по 25 р. въ день, и что одинъ изъ этихъ полковниковъ скрывается въ Кіевѣ, подговариваетъ людей къ поджогамъ и платитъ таковымъ охотникамъ по 25 р. въ день.—Моленка разыскали и привлекли къ допросу: съ какимъ умысломъ говорилъ онъ тѣ „ложные разговоры“? Онъ хотѣлъ было отпереться отъ своихъ словъ, но, уличенный свидѣтелями, повинился, что былъ въ то время „довольно пьянъ“ и полагалъ, что слушатели „почтутъ имъ сказанное шуточнымъ, какъ имъ вымышленное и никогда небывалое“. Коммиссія не приняла во вниманіе этой отговорки и постановила: отослать Моленка въ кіевскій земскій повѣтовый судъ для законнаго возмездія „за таковые произносимые имъ ложные слухи“.

12 августа прибылъ въ Кіевъ штата петербургской полиціи слѣдственный приставъ Аничковъ, по Высочайшему повелѣнію присланный для производства слѣдствія о бывшихъ здѣсь пожарахъ. Какъ на то, вслѣдъ за его пріѣздомъ въ Кіевѣ случилось нѣсколько пожаровъ: 14 августа сгорѣлъ домъ Леонтьевой, 16-го домъ поручика Корта и 18-го домъ приказа общественнаго призрѣнія, въ которомъ содержалъ аптеку коллежскій асессоръ Бунге. Снова возобновились толки о поджогахъ, но Аничковъ не придалъ имъ никакого значенія и въ короткое время открылъ, что означенные пожары произошли отъ самыхъ обыкновенныхъ причинъ: въ двухъ случаяхъ такими причинами было неосторожное обращеніе съ огнемъ, а дворъ Корта хотя и сгорѣлъ отъ поджога, но виновникомъ его оказался не кто иной, какъ 12-лѣтній дворовый мальчикъ, который, взявъ съ бывшаго наканунѣ пожара головню съ огнемъ, слѣзъ съ нею на конюшню и бросилъ въ сѣно, любопытствуя знать,

Библиотека "Руниверс"

что отъ сего произойдетъ. Столь же просто открыта была Аничковымъ причина большого пожара (9-го іюля), истребившаго Подолъ. Отбросивъ всякія предвзятыя мысли о злодѣяхъ-поджигателяхъ, онъ сдѣлалъ лишь то, съ чего слѣдовало бы начать членамъ кіевской слѣдственной коммиссіи: подвергъ умѣлому и обстоятельному допросу семейство и жильцовъ мѣщанина Авдіевскаго—того самаго, съ двора котораго начался пожаръ, принявшій столь громадные размѣры. При этомъ допросѣ 15-лѣтній сынъ Авдіевскаго, Василій, откровенно повинился въ томъ, что въ то время, когда отецъ и мать его предавались послѣобѣденному сну, онъ начинилъ порохомъ гусиное перо и, выйдя на дворъ, вздумалъ устроить фейерверкъ; когда же ему обожгло руки, онъ бросилъ снарядъ въ лежавшую на дворѣ солому и видя, что она загорѣлась, испугался, убѣжалъ со двора и два дня пропадалъ въ толпѣ погорѣльцевъ, не имѣя возможности отыскать родителей. Столь же обыкновенными оказались, при дальнѣйшемъ слѣдствіи, причины и другихъ пожаровъ, происходившихъ съ 11 по 17 іюля.

Такимъ образомъ миѳъ о шайкѣ поджигателей, казалось, окончательно былъ разсѣянъ. Населеніе успокоилось и понемногу принялось отстраивать свои пепелища. Военный губернаторъ М. А. Милорадовичъ, донося Государю о результатахъ оконченнаго слѣдствія, аттестовалъ съ самой лучшей стороны усердіе и расторопность Аничкова и ходатайствовалъ о его награжденія. Въ отвѣтъ на это представленіе послѣдовалъ 6 сентября Высочайшій приказъ: объявить Аничкову Монаршее благоволеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердить, что бы онъ „приложилъ все стараніе отыскать злоумышленниковъ въ поджогахъ“.

Очевидно, въ Петербургѣ все еще не хотѣли отказаться отъ предвзятой мысли о существованіи злоумышленниковъ-поджигателей и не теряли надежды изловить ихъ. Сколько, однако, Аничковъ ни прилагалъ старанія оправдать возлагаемыя на него надежды, ему не удалось открыть ни малѣйшихъ слѣдовъ страшнаго призрака, столь многихъ тревожившаго и въ хижинахъ и въ чертогахъ, и мѣсяцъ спустя онъ былъ отозванъ къ мѣсту постоянной своей службы.

Библиотека "Руниверс"

Слѣды страшнаго призрака скоро открыты были въ другомъ углу юго-западнаго края, и это открытіе послужило сигналомъ къ новымъ тревогамъ, далеко превосходившимъ первыя какъ по степени напряженности, такъ и по мѣсту распространенія. Въ концѣ сентября въ балтскомъ повѣтѣ, подольской губерніи, задержанъ былъ, по неимѣнію письменнаго вида, человѣкъ, назвавшій себя шляхтичемъ Павломъ Тршалковскимъ, уроженцемъ волынской губерніи, острожскаго уѣзда, с. Колесникъ. При допросѣ онъ показалъ, что восемь мѣсяцевъ тому назадъ, находясь въ г. Дубнѣ, былъ онъ договоренъ польскимъ генераломъ Габріелемъ Пашковскимъ въ услуженіе на четыре года. Одновременно съ нимъ наняты были Пашковскимъ еще двѣнадцать человѣкъ: шляхтичъ кременецкаго повѣта Синькевичъ, шесть человѣкъ караимовъ изъ находящихся за Дубномъ корчемъ, называемыхъ Гурбы, да изъ самаго Дубна пять человѣкъ мѣщанъ. При наймѣ Пашковскій увѣрялъ, что имѣетъ повелѣніе набрать четырехъ-тысячный полкъ, и въ то время было уже имъ собрано 12 человѣкъ нѣмцевъ, 15 татаръ, да разнаго званія 8 человѣкъ. По составленіи именного списка охотниковъ, съ описаніемъ личныхъ примѣтъ, приведены они были въ дубенскомъ костелѣ къ присягѣ на вѣрность службы, при чемъ должны были дать клятву въ томъ, что будутъ безпрекословно исполнять всѣ приказанія своего непосредственнаго начальника, генерала Пашковскаго. Послѣ того они выступили изъ Дубна, прошли черезъ Кіевъ и были за г. Глуховомъ. Возвратясь назадъ, Пашковскій собралъ въ одно мѣсто весь свой отрядъ и, показывая какой-то листъ, объявилъ, что имѣетъ повелѣніе зажигать города. По словамъ Тршалковскаго, это приказаніе нѣсколько смутило его самого и многихъ изъ его товарищей; но, будучи связаны учиненною ими присягою, они должны были повиноваться. Послѣ этого Пашковскій раздѣлилъ свой отрядъ на три партіи: первая осталась подъ его собственною командою, вторая состояла исключительно изъ однихъ татаръ, а третья, въ которой находился самъ Тршалковскій, состояла подъ начальствомъ нѣмца, по имени Антона. Разсѣявшись по всему юго-западному краю, они, съ открытіемъ весны,

Библиотека "Руниверс"

занялись поджогами и первоначально зажгли г. Острогъ, потомъ м. Тульчинъ, Староконстантиновъ, Базалію и Кіевъ—въ послѣднемъ поджогомъ распоряжался самъ генералъ Пашковскій; послѣ того сожгли Немировъ, Умань, Ольгополь, Радзивиловъ, въ Кременцѣ сожгли еврейскую школу вмѣстѣ съ молившимися тамъ евреями, предварительно заперши двери; еще подожгли м. Катербургъ, Бердичевъ, Бершадъ и другіе города и мѣстечки, названій коихъ Тршалковскій не могъ и припомнить. Наконецъ въ послѣднее время всѣ зажигатели сошлись въ м. Тульчинѣ, гдѣ Пашковскій снова раздѣлилъ ихъ на партіи и далъ приказаніе слѣдовать въ разныя мѣста, а къ 1-му октября собраться всѣмъ партіямъ въ Бѣлой-Церкви. Поджоги совершались по большей части днемъ, при помощи зажженнаго трута съ порохомъ и сѣрою. Награбленное при пожарахъ имущество отправлялось въ м. Владаву и хранилось въ наемномъ амбарѣ у какого-то купца. Одѣваются поджигатели разно, смотря по времени года, иногда носятъ черное ксендзовское платье; но такъ какъ они не всѣ знаютъ въ лице другъ друга, и при томъ отрядъ постоянно пополняется новыми лицами, то, въ видахъ удобнѣйшаго между собою сношенія, всѣ члены отряда имѣютъ на платьи особые знаки, придуманные самимъ Пашковскимъ, именно: кто носитъ круглыя шляпы, тѣ имѣютъ на нихъ по краямъ четыре какъ-бы кисточки изъ темнозеленаго сукна, а у кого обыкновенныя шапки, тѣ пришиваютъ такія же кисточки на верхнемъ платьи подъ мышками, по одной съ каждой стороны Самъ генералъ Пашковскій носитъ разное одѣяніе. Онъ роста средняго, лицемъ мало рябоватъ, смуглъ, черноволосъ, стрижется по-модному, безъ бакенбардъ; говоритъ на разныхъ языкахъ, ѣздитъ русскою повозкою, некрытою и некованною, на парѣ буланыхъ лошадей, изъ коихъ одна на переднія ноги бѣлокопытная, а другая англизированная. Десятникъ нѣмецъ Антонъ также ѣздитъ русскою повозкою, на парѣ лошадей; одна изъ нихъ карая, съ малою на лбу лысиною, а другая пѣгая, съ бѣлою гривою, заднія ноги и копыта бѣлыя, переднія черныя. Изъ партіи зажигателей, по словамъ Тршалковскаго, пойманы уже: изъ десятка Пашков-

Библиотека "Руниверс"

скаго—два нѣмца и два татарина—схвачены въ Кіевѣ, изъ татарскаго десятка два въ Ольгополѣ, а изъ третьяго десятка задержанъ пока одинъ—самъ показатель.

Когда въ Петербургѣ узнали о поимкѣ Тршалковскаго, тамъ и безъ того были въ немалой тревогѣ по поводу полученнаго военнымъ министромъ донесенія о покушеніи неизвѣстнаго злоумышленника поджечь провіантскій магазинъ въ м. Вишневцѣ, волынской губерніи. Разославъ всѣмъ военнымъ властямъ въ юго-западномъ краѣ строжайшія предписанія принять крайнія предосторожности къ охранѣ казеннаго имущества въ виду повсемѣстныхъ пожаровъ, военный министръ поставилъ на видъ министру полиціи А. Балашеву, что происшествіе въ Вишневцѣ составляетъ не первый случай покушенія на поджогъ военныхъ запасныхъ складовъ въ югозападныхъ губерніяхъ, и что, благодаря бездѣйствію чиновъ мѣстной полиціи, злоумышленники всякій разъ остаются неразысканными. Балашевъ былъ такъ встревоженъ, что, не справившись съ географіей, послалъ не въ Житомиръ, а въ Кіевъ строгій запросъ: почему онъ не получилъ еще „о помянутомъ чрезвычайномъ происшествіи по установленію донесенія отъ мѣстной полиціи?“ и просилъ Милорадовича „взять о томъ съ кого слѣдуетъ объясненіе и его о томъ увѣдомить для положенія надлежащаго взысканія“. Понятно, какую тревогу должно было произвести донесеніе подольскаго губернатора Н. Тучкова о поимкѣ Тршалковскаго и полученныхъ отъ него показаніяхъ. Организованная шайка поджигателей, о которой до сихъ поръ имѣлись лишь гадательныя предположенія, оказывалась существующимъ фактомъ; ее безуспѣшно искали въ Кіевѣ, а она безнаказанно бродитъ по цѣлому краю, ознаменовывая свой слѣдъ заревомъ пылающихъ городовъ и мѣстечекъ. Это не шайка обыкновенныхъ грабителей, руководимыхъ лишь жаждой наживы: во главѣ ея находится польскій генералъ, дѣйствующій по какимъ то таинственнымъ „повелѣніямъ“ и располагающій значительными средствами для найма многочисленныхъ охотниковъ, которыхъ онъ вербуетъ среди польскихъ шляхтичей и мѣщанъ или же среди инородцевъ—евреевъ, татаръ, нѣмцевъ,

Библиотека "Руниверс"

но не среди русскаго населенія; польскіе ксендзы приводятъ этихъ злодѣевъ къ присягѣ и призываютъ Божье благословеніе на ихъ злодѣйскіе подвиги. Ясно, что это—одно изъ проявленій злостной политической интриги, внушенное изъ Варшавскаго герцогства или же, быть можетъ, изъ самой Франціи,—своего рода прелюдія къ наступательнымъ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи, къ которымъ поляки явно готовились тогда въ союзѣ съ французами. Не даромъ вѣдь злодѣи покушаются на поджоги военныхъ провіантскихъ магазиновъ, чего не дѣлаютъ обыкновенные грабители. Для борьбы съ послѣдними были бы достаточны обыкновенныя средства полицейской охраны; но въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ требуются и чрезвычайныя мѣры.—И вотъ въ началѣ октября состоялось Высочайшее повелѣніе о командированіи въ югозападный край генералъ-лейтенанта Ѳ. Ѳ. Эртеля и объ учрежденіи подъ его начальствомъ особой „коммиссіи для изслѣдованія о пожарахъ въ губерніяхъ, отъ Польши пріобрѣтенныхъ“ [1]). Въ секретной инструкціи, подписанной самимъ Государемъ, прямо было сказано, что на Эртеля возлагается важное порученіе—„изыскать причину бывшихъ пожаровъ и открыть самихъ зажигателей“. Въ качествѣ лица, облеченнаго личнымъ довѣріемъ Государя, генералъ Эртель снабженъ былъ чрезвычайными полномочіями. Мѣстнымъ губернаторамъ вмѣнялось въ обязанность оказывать ему всевозможное содѣйствіе и дать предписанія городскимъ и земскимъ полиціямъ, дабы его требованія были исполняемы въ самой точности и безъ всякаго промедленія.

Генералъ Эртель, какъ можно заключить по его дѣйствіямъ, былъ человѣкъ весьма смѣлый и рѣшительный, но въ слѣдственныхъ дѣлахъ совершенно неопытный. Возложенное на него порученіе представлялось ему дѣломъ весьма легкимъ, и онъ приступилъ къ нему съ полнымъ убѣжденіемъ въ быстромъ и совершенно успѣшномъ его окончаніи. Планъ его дѣйствій

[1]) Вопреки этому наименованію, районъ дѣятельности коммиссіи ограничивался исключительно предѣлами трехъ губерній: кіевской, подольской и волынской и вовсе не касался губерній бѣлорусскихъ и литовскихъ. Главная квартира Эртеля находилась въ Могилевѣ на Днѣстрѣ.

Библиотека "Руниверс"

былъ очень простъ: принявъ за исходный пунктъ показанія Тршалковскаго, коимъ онъ довѣрялъ безусловно, Эртель полагалъ, что, направивъ поиски согласно указаніямъ этого необыкновенно словоохотливаго и откровеннаго преступника, не трудно будетъ въ самое короткое время переловить всю шайку злоумышленниковъ вмѣстѣ съ ея предводителемъ Пашковскимъ. Въ этихъ видахъ составлены были, со словъ Тршалковскаго, полные именные списки поджигателей, съ подробнымъ обозначеніемъ ихъ примѣтъ, и разосланы по всѣмъ городскимъ и земскимъ полиціямъ въ краѣ съ строгимъ предписаніемъ изловить ихъ въ самоскорѣйшемъ времени и представить въ Могилевъ за крѣпкимъ карауломъ и со всею осторожностью. Когда одни розыски оказывались безуспѣшными, Эртель, ни мало этимъ не смущаясь, снова обращался, точно къ оракулу, къ тому же Тршалковскому; послѣдній нѣсколько варьировалъ прежнія показанія, припоминалъ новыя подробности, называлъ новыя имена, давалъ болѣе обстоятельныя описанія мѣстностей, костюмовъ, личныхъ примѣтъ и т. под. Снова разсылались повсюду новыя инструкціи, а вслѣдъ за ними дополнительныя и разъяснительныя предписанія, полиція цѣлаго края выбивалась изъ силъ, привлекалась къ отвѣтственности огромная масса ни въ чемъ неповинныхъ людей, суматоха достигала крайнихъ предѣловъ,—а дѣло нисколько не подвигалось впередъ, и злодѣи-зажигатели все-таки оставались неразысканными. Конечно, при такой обширной ловлѣ, въ сѣтяхъ правосудія нерѣдко запутывались мелкія рыбы — воры, конокрады, ихъ укрыватели, передержатели и сбытчики воровскихъ вещей, по большей части евреи и цыгане. Такихъ немедленно за крѣпкимъ карауломъ отсылали къ Эртелю, а тотъ сейчасъ же возводилъ ихъ въ званіе „главныхъ участниковъ въ поджогахъ", по ихъ показаніямъ направлялъ свои поиски и еще болѣе отвлекался въ сторону отъ главной цѣли своихъ разысканій.

Въ нашу задачу не входитъ подробное обозрѣніе дѣятельности Эртелевской коммиссіи; мы будемъ упоминать объ ней лишь настолько, насколько дѣйствія ея касались собственно кіевской губерніи, какъ то позволяютъ имѣющіеся у насъ подъ

Библиотека "Руниверс"

руками матеріалы; но и въ тѣхъ немногихъ фактахъ, о коихъ намъ придется говорить, читатель, надѣемся, найдетъ подтвержденіе сдѣланной выше характеристики этой своеобразной коммиссіи, причинившей правительству и населенію столько заботъ и тревогъ и въ концѣ концовъ потерпѣвшей полное фіаско.

Лишь только Эртель приступилъ къ исполненію возложеннаго на него порученія, онъ прежде всего обратился къ мѣстнымъ губернаторамъ съ требованіемъ принять самыя крайнія мѣры къ поимкѣ поджигателей, а отъ кіевскаго военнаго губернатора сверхъ того требовалось „безъ замедленія и съ довлѣемою секретною осторожностію“ прислать къ нему пойманныхъ-де въ Кіевѣ четырехъ поджигателей изъ партіи Пашковскаго, двухъ татаръ и двухъ нѣмцевъ. Милорадовичъ отвѣчалъ, что „изъ показываемыхъ арестантомъ Тршалковскимъ зажигателей, ни нѣмцевъ, ни татаръ въ Кіевѣ никогда поимано не было, и гдѣ они находятся—не извѣстно, а хотя были браты подъ караулъ, по случаю происходившихъ здѣсь пожаровъ, разные люди, но изъ нихъ по слѣдствіямъ никто въ умышленномъ зажигательствѣ виновнымъ не оказался“; что же касается мѣръ для наблюденія за могущими появиться гдѣ-либо въ губерніи преступниками, то таковыя давно уже приняты.

Дѣйствительно, еще со времени кіево-подольскаго пожара, въ особенности же послѣ происходившихъ въ іюлѣ въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстечкахъ пожаровъ, кіевская губернія поставлена была почти на военное положеніе. Въ то время составъ уѣздной полиціи былъ крайне малочисленъ: въ городахъ находились городничіе, а за благочиніемъ въ уѣздахъ наблюдали земскіе исправники вмѣстѣ съ подвѣдомственными имъ засѣдателями нижняго земскаго суда, исполнявшими въ то же время и судейскія обязанности. Теперь, въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, на помощь чинамъ обыкновенной полиціи были призваны органы сельской полиціи—сотскіе и атаманы. Каждый уѣздъ былъ раздѣленъ на 8 или болѣе участковъ, и въ каждомъ участкѣ поставленъ „сельскій начальникъ“, или главный сотскій, выбираемый изъ людей грамотныхъ, расторопныхъ и исправныхъ

Библиотека "Руниверс"

и приводимый при назначеніи на эту должность въ присягѣ; подъ его командой должны были состоять обыкновенные сотскіе по мѣстечкамъ и селамъ и атаманы по деревнямъ. Первоначально сельской полиціи поручены были функціи, такъ сказать, исключительно противупожарнаго характера: сельскимъ начальникамъ вмѣнялось въ обязанность „настоять, а въ случаѣ невыполненія и экзекуціею понудить", чтобы во всякомъ мѣстечкѣ имѣлась при каждомъ домѣ бочка на телѣжкѣ, наполненная водой, помело и желѣзный крюкъ, а въ каждомъ селѣ, при домѣ сотскаго, всегда находились наготовѣ двѣнадцать бочекъ съ водой и столько же помелъ и крючьевъ; чтобы вездѣ заведены были ночные караулы: въ мѣстечкахъ изъ десяти, въ селеніяхъ изъ восьми и въ деревняхъ изъ шести человѣкъ, которые „ходили бы по улицамъ каждой порознь, покликаясь одинъ къ другому, не спали чрезъ цѣлую ночь и имѣли бы строгое смотрѣніе за тѣмъ, дабы никто праздно не шатался, послѣ обыкновеннаго времени въ сумерки не имѣлъ отнюдь въ домѣ огня, а особливо зъ свѣтломъ съ избы не ходилъ"; наконецъ сотскіе обязаны были еще настоять, чтобы „во всякомъ домѣ были сдѣланы трубы, или, по здѣшнему названію, комена, къ верху избы" [1]) и чтобы „никто соломы на потолкахъ не имѣлъ". Но по мѣрѣ того, какъ росли толки о поджигателяхъ, въ особенности же со времени поимки Тршалковскаго, на сельскихъ сотскихъ возложено было столько новыхъ, непривычныхъ для нихъ обязанностей спеціально-полицейскаго характера, что эти простецы не могли, конечно, справиться съ ними. Сообщая городничимъ и исправникамъ списки лицъ, оговоренныхъ Тршалковскимъ, съ подробнымъ описаніемъ примѣтъ генерала Пашковскаго и членовъ его шайки, кіевскій военный губернаторъ, въ циркулярѣ отъ 12 октября, предписывалъ принять всѣ мѣры для поимки означенныхъ преступниковъ, и при этомъ прибавлялъ: „При семъ случаѣ подтверждаю вамъ обратить все ваше вниманіе на проѣзжающихъ и проходящихъ людей и всѣхъ

[1]) Очевидно, рѣчь идетъ о курныхъ избахъ, въ которыхъ предписывалось устроить дымопроводныя трубы.

Библиотека "Руниверс"

безписьменныхъ или же съ сомнительными паспортами безъ отлагательства доставлять ко мнѣ. Буде откроется при поимкѣ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ подозрительной человѣкъ, который находился или проходилъ во ввѣренномъ вамъ уѣздѣ (или городѣ), то за сіе отвѣтственность падетъ на васъ, и вы подвергнете себя должному и строгому взысканію; при поимкѣ же злоумышленника или праздношатающагося не премину я, отдавая должную справедливость усердному, исходатайствовать достойное награжденіе". Подобныя строгія предписанія слѣдовали быстро одно за другимъ: сейчасъ требуютъ поймать Пашковскаго и его соучастниковъ, черезъ нѣсколько дней генералъ Эртель сообщаетъ имена новыхъ поджигателей или же тѣхъ самыхъ, но подъ другими прозвищами и по инымъ примѣтамъ, и съ свойственною ему рѣшительностью строжайше предписываетъ „съ полученія сего тотчасъ приступить и непремѣнно въ теченіе трехъ дней исполнить" его требованіе; а вслѣдъ затѣмъ отъ министра полиціи получается новое предписаніе: изловить посланныхъ въ Россію изъ Варшавы отъ генерала Босницкаго его адъютанта Птащинскаго и майора Дяконскаго или же поляка Валевскаго, „который подозрѣвается по частымъ его разъѣздамъ изъ Парижа въ Россію". Полицейскіе чиновники совсѣмъ сбивались съ ногъ и въ свою очередь сбивали съ толку агентовъ сельской полиціи, предъявляя къ нимъ совершенно непосильныя требованія. Земскіе исправники, напримѣръ, разсылали сотскимъ такого рода циркуляры: „Къ лучшему сохраненію должнаго порядка, строжайше вамъ предписывается: съ полученія сего, заразъ въ каждомъ мѣстечкѣ и селеніи, не минуя ни одного, учредыть на всѣхъ въѣздахъ караулы такимъ образомъ, чтобы на каждомъ въѣздѣ стоялъ днемъ одинъ сторожъ, а ночью по два непремѣнно, и ежелибы кто сторонній ѣхалъ или ишелъ, хотя бы назвался и съ близкихъ мѣстъ, но не имѣлъ письменнаго вида и не былъ никому свѣдущъ (т. е. свѣдомъ), такова взять подъ присмотръ, и естли тотъ человѣкъ будетъ простого званія, то прислать его за карауломъ въ нижній земскій судъ, а ежели будетъ проѣзжать какой человѣкъ состоянія знатнаго и никакого письменнаго вида не будетъ

Библиотека "Руниверс"

имѣть и не будетъ никому свидущъ, чили знакомъ, такова пристойно упросить, дабы онъ обождалъ до резолюціи, и заразъ давать о семъ же знать нижнему суду или земскому исправнику; задержанныхъ же простого состоянія людей сумнительныхъ заразъ обревыдовать, и что только при комъ найдено будетъ, запечатанное доставлять вмѣстѣ съ задержаннымъ. Словомъ сказать, сей караулъ долженъ, не пропуская никого сторонняго, ѣдущаго и идущаго, всякаго спросить, и за спросомъ естли будетъ сумнѣніе въ неимѣніи письменнаго вида или въ чемъ другомъ, поступить какъ выше объяснено, то есть незнатнаго представить, а о знатномъ, упросивъ обождать, доносить". Черезъ недѣлю новый циркуляръ: „По случаю что частые случаются пожары, а отъ чего—никогда дойтить не возможно, предписывается вамъ строжайше въ сію минуту оповѣстить, за подписками, всѣ экономіи части вашей, дабы они самовѣрнѣйшій сдѣлали по мѣстечкамъ, селеніямъ и хуторамъ обыскъ черезъ своихъ асауловъ и экономическихъ слугъ, а также черезъ сотскихъ и десятскихъ, и ежели гдѣ у хозяина на жнивахъ, а у жида на услугахъ какой сторонній человѣкъ или такъ праздно, хотя бы отколь за пашпортомъ проживающій оказался, таковыхъ доставляли бы за крѣпкимъ присмотромъ прямо въ нижній земскій судъ, хотя бы онъ былъ и въ видѣ нищаго, но не тамошняго мѣста, гдѣ сыщется, и таковаго присылать въ судъ, не исключая и самихъ калѣкъ темныхъ съ поводатырями, ибо и таковые должны находиться въ томъ селѣ или мѣстечкѣ, отколь они есть; причемъ объявить господамъ помѣщикамъ, а экономамъ и управителямъ ихъ внушить крѣпко, что ежели сіе выполняемо не будетъ и хотя малѣйшее усмотрится въ томъ для всѣхъ благополучіи нерадѣніе, такой каждый экономъ, по взятіи подъ стражу, преданъ будетъ неминуемо строжайшему сужденію". Спустя нѣсколько дней снова предписывалось: „подтвердить всѣмъ обывателямъ, чтобы они, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія, никого изъ проѣзжающихъ и проходящихъ пѣшихъ для ночлега въ домы свои безъ вѣдома сельской полиціи не пускали, извѣщая при томъ и о проходящихъ не чрезъ селеніе, а мимо онаго". Еще черезъ два-три дня новый цирку-

Библиотека "Руниверс"

ляръ сельскимъ начальникамъ и сотскимъ: „предписывается вамъ строжайше завести у себя записныя тетради, въ которыя записывать каждаго проѣзжающаго или проходящаго по прилагаемой у сего формѣ, а съ тѣхъ тетрадей черезъ каждые три дня присылать ко мнѣ о проѣхавшихъ и прошедшихъ всѣхъ безъ изъятія вѣдомость безъ малѣйшаго упущенія; а дабы о каждомъ заѣхавшемъ или зашедшемъ скоро вы были извѣстны, всѣмъ евреямъ, шляхтичамъ и прочимъ жителямъ строго подтвердить, чтобы они въ одну секунду о заѣхавшемъ или зашедшемъ вамъ доносили". По формѣ требовалось вписывать въ тетрадь не только имя и званіе проѣзжаго или проходящаго, откуда и куда онъ слѣдуетъ, по какому пашпорту, на сколькихъ лошадяхъ, въ какомъ экипажѣ, останавливался ли и у кого именно „попасать", т. е. кормить лошадей, но прописывать также примѣты лица, его костюмъ, масть лошадей и „все, что только у проѣзжающаго и на проѣзжающемъ примѣтить можно". Наконецъ всѣмъ сельскимъ сотскимъ разосланы были именные списки разыскиваемыхъ злоумышленниковъ съ подробнымъ описаніемъ ихъ примѣтъ—на тотъ конецъ, чтобы они, при повѣркѣ паспортовъ у проѣзжающихъ и проходящихъ, „наблюдали секретно, не имѣетъ ли кто изъ нихъ какого сходства съ примѣтами укрывающихся преступниковъ". И всѣ эти грозныя предписанія, сыпавшіяся словно изъ рога изобилія на головы полуграмотныхъ блюстителей сельскаго благочинія, оканчивались угрозами, по большей части въ слѣдующей стереотипной формѣ: „а ежели сіе все черезъ недѣлю не будетъ устроено и по осмотрѣ черезъ отряженныхъ чиновниковъ не окажется выполнено, то сельскіе начальники удалены будутъ заразъ отъ службы и выдержатся въ тюрьмѣ черезъ двѣ недѣли, а сельскіе сотскіе строжайше наказаны будутъ, яко нерадивые къ сохраненію общей пользы и не повинующіеся начальничьей власти".

О. Левицкій.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

ѲЕДОРЪ ЛИСОВСКІЙ.[1]

1709—1722.

(*Очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи въ 1-й пол. XVIII ст.*)

(Окончаніе).

Главной, если не единственной, цѣлью сотнической дѣятельности Лисовскаго была нажива, а ея руководящими мотивами—„драпижство“ и „ненасытное лакомство“, о которыхъ такъ часто и съ такой нескрываемой горечью говорятъ документы. Трудно представить себѣ болѣе грустную и однообразно-мрачную картину всевозможныхъ правонарушеній, чѣмъ та, которую рисуютъ добытыя розыскомъ Хрипунова данныя [2]): здѣсь представлены, кажется, всѣ виды хищничества, всѣ нечистые способы опустошенія чужого кармана.

Какъ сотникъ, Лисовскій владѣлъ двумя ранговыми селами, Бугриновкой и Голубовкой, данными „на хоругвь“. Но этого ему, конечно, было мало; это было слишкомъ непрочное владѣніе, котораго онъ могъ всякую минуту лишиться вмѣстѣ съ сотницкой хоругвью. Необходимо было позаботиться о пріобрѣтеніи собственныхъ маетностей. На гетманскія пожалованія Лисовскій не особенно могъ разсчитывать, такъ какъ постоянно былъ не въ ладахъ съ гетманомъ и генеральной старшиной; впрочемъ, документы не разъ упоминаютъ о какомъ-то хуторѣ

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1891 г., № 9.

[2]) Св. 43, № 58, также № 61.

Библиотека "Руниверс"

Изруѣ [1]), къ которому Л—ій относился съ особеннымъ попеченіемъ: онъ тамъ строился (на общественныя деньги, конечно), перевозилъ туда награбленное имъ добро—жито, коровъ и даже амбаръ, принадлежавшій старому писарю Михею. Но Л—ій умѣлъ обходиться и безъ гетманскихъ пожалованій: онъ просто отбиралъ чужіе „грунта“. Вотъ нѣсколько обращиковъ его пріобрѣтательской дѣятельности: рыковскій попъ убилъ человѣка во дворѣ бывшаго войта въ присутствіи рыковскихъ жителей Ярченка и Воротниченка и войтовой невѣстки. На судѣ попъ не признался; не стала показывать на него и войтова невѣстка, „бива боячися и застерегаючи своего дому“, но Ярченко и Воротниченко показали правду, какъ было дѣло. Тогда Лисовскій, говоритъ челобитчикъ, „увѣдавъ, что у меня грунта есть доволны и не вынашовши иныя причины до отнятья, обвинилъ меня за тое, что свидѣтельствовалъ на попа, и з такой причины дворъ и весь грунтъ мой отнялъ у меня“, а жену и дѣтей челобитчика обратилъ въ свое „подданство“. Воротниченко жаловался гетману и получилъ отъ него „листъ“ съ приказаніемъ сотнику возвратить захваченное имущество, но Л—ій тотъ листъ взялъ, а Воротниченка посадилъ въ тюрьму. Выпущенный потомъ изъ тюрьмы, Воротниченко снова обратился въ Глуховъ и получилъ отъ генеральнаго судьи такой-же листъ; но на пути изъ Глухова челядникъ Лисовскаго, устроившаго цѣлую засаду, вытащилъ въ шинкѣ у пьянаго Воротниченка этотъ листъ изъ-за пазухи и отдалъ своему пану. Самъ челобитчикъ едва ускользнулъ изъ рукъ Лисовскаго, который „искалъ его убить, и доселѣ по разныхъ селахъ и городахъ бѣгаючи отъ него крылся“. Такимъ-же способомъ отобралъ Лисовскій у Якова и Ѳедора Бакуненокъ и Герасима Черченка ниву съ засѣвомъ (а также другое имущество), у старика Михея поле съ сѣножатью, которой тотъ владѣлъ „отъ самой лядчины“; „а то поле и сѣножать, разсказываетъ потерпѣвшій, были пана Песочинскаго, якіе намъ товариству войсковому блаженные памяти панъ Ва-

[1]) Вѣроятно, это тотъ же самый Изруй или Узруй въ „гетьманщинѣ“, въ шептаковской сотнѣ, о которомъ говоритъ А. М. Лазаревскій (Опис. старой Малор. т. I, стр. 186).

Библиотека "Руниверс"

сята, полковникъ на тотъ часъ будучи нѣжински стародубовски, подѣлилъ былъ за услуги наши къ Его Царскому Величеству пресвѣтлаго монарха Алексѣя Михайловича". Не болѣе церемонился Лисовскій и съ державцами, которые имѣли несчастье быть его сосѣдями. „Ускаржаюся на пана Ѳ. Лисовскаго, пишетъ одинъ изъ нихъ, Андрей Зиновіевичъ Фай, сотника новгородскаго, отъ котораго поношу великія трудности и разореніе въ купленныхъ кгрунтахъ моихъ, знайдуючихся въ селѣ Бугриновци, отъ давнихъ часъ покупленныхъ. Наипервѣй, якъ сталъ оній Лисовскій въ Бугриновци дворъ будовати, заразъ того-жъ часу двора моего занялъ подъ свой будинокъ, тамъ-же и огорода занялъ. Овину мою скидалъ, а стайню (конюшню) постановилъ на томъ мѣсцу; постовнякъ (выгонъ) увесь занялъ къ своему двору, поле пахатное поотнималъ и своимъ подданнымъ поотдавалъ; сѣножати отъ новаго млина до самого села Бугриновки мои власныя самоволне коситъ; усе тое кгвалтомъ чинитъ, а не куплею". Не брезгалъ Лисовскій и мелкими угодіями. „Нижеподписанные сироты" (рыковскіе жители) жалуются, что онъ имъ „обнищалымъ людямъ чинитъ многіе побои и разоренія" и въ довершеніе всего отнимаетъ послѣднія средства къ существованію, „ибо волные ступы до ловленія рибы на себѣ поотбиралъ и посудъ также пограбилъ". Л—ій отнялъ у богатаго мѣщанина Ситника дворъ на рынкѣ, смежный со своимъ дворомъ и выгналъ изъ него шинкаря Ситникова, угрожая ему: „ежели ты будешь боле жить в дворѣ Ситниковѣ, и я де тебя велю до смерти бить кіями"; тотъ, разумѣется, не ожидая исполненія угрозы „и видя его страхъ, покинулъ все, медъ и пиво, которое не успѣлъ продать, и дворъ его Ситниковъ оставилъ"; другой дворъ того-же владѣльца сотникъ разорилъ, повыбиралъ изъ свѣтлицы затворы отъ оконъ, столы, лавки, скамьи и двери, и даже воспользовался лѣсомъ для сосѣдней своей постройки. Торговля горѣлкой была очень развита въ то время въ Новгородъ-Сѣверскѣ; ею занимались очень многіе зажиточные мѣщане и козаки, вывозя горѣлку въ Кіевъ и др. мѣста. Не преминулъ воспользоваться выгодами этого промысла и Лисовскій, но велъ онъ свои дѣла очень оригинально. Куфы (бочки) горѣлки онъ забиралъ

Библиотека "Руниверс"

даромъ у своихъ сотнянъ, вымогая ихъ всевозможными способами; если и случалось сотнику курить вино или варить пиво и медъ, то онъ дѣлалъ это на чужихъ броварахъ (безплатно, конечно). Не ограничиваясь своими шинками, которые онъ ставилъ даже на церковномъ мѣстѣ (какъ напр. въ Рыковѣ, гдѣ Л—ій устроилъ свой шинокъ „на церковномъ плецу, ведля самой церкви; и тамъ жида власно на поруганіе храму Божьяго поставилъ шинковать"), не ограничиваясь этимъ, Л—ій насильно навязывалъ свою горѣлку шинковать братскимъ дворамъ различныхъ цеховъ, причемъ десятину, обыкновенно уплачиваемую за это шинкарямъ, онъ заставлялъ платить изъ братской кружки. Наконецъ, если въ какомъ-нибудь изъ шинковъ сотникъ терпѣлъ убытокъ, то онъ всегда умѣлъ найти способъ возмѣстить его: такъ, когда одна изъ шинкарокъ Л—го прошинковала что-то, онъ взыскалъ съ городничаго Шенелича 50 злотыхъ [1]) на томъ основаніи, что Шенеличъ, будто-бы, принялъ эту шинкарку въ отсутствіе сотника и поручился за нее. При такихъ условіяхъ торговля горѣлкой должна была быть, безъ сомнѣнія, чрезвычайно выгодной, но Лисовскому все было мало, и онъ употреблялъ тысячи другихъ способовъ, чтобы нажиться какъ можно скорѣе.

Кромѣ доходовъ съ ранговыхъ селъ и деревень, на содержаніе сотника шли разныя приношенія его подчиненныхъ и сотенныхъ обывателей; приношенія эти были какъ случайныя, такъ и регулярныя, пріуроченныя къ опредѣленнымъ срокамъ. Ни одинъ почти случай сношенія съ сотникомъ не обходился безъ „поклона", который считался вполнѣ законнымъ и естественнымъ и строго различается въ документахъ отъ взятки и мздоимства: на пріѣздъ Лисовскаго на сотничество зажиточный мѣщанинъ Ситникъ „положилъ поклону червонныхъ два"; козакъ Матвѣй также явился къ нему съ поклономъ и „на новое господарство" привезъ Л—му „вепра"; впослѣдствіи Матвѣй жаловался на разныя несправедливости и вымогательства

[1]) Въ рублѣ того времени было 5 злотыхъ, въ копѣ $2^1/_2$ зл., въ талерѣ 3 зл. (битый талеръ равнялся рублю).

Библиотека "Руниверс"

Л-го, но въ концѣ своей жалобы прибавляетъ: „а что я давывалъ ему сотнику поклону, того я на немъ не взыскую и въ челобитной не писалъ“. Когда Л—ій ѣздилъ съ атаманомъ и войтомъ встрѣчать гетмана, пироговскіе жители Крушъ и Ивановъ принесли ему поклону „курку и утку“; рыковскій житель Шерантай явился по своему дѣлу къ Л—ому и „поклону ему сотнику далъ два рубли, и о тѣхъ двухъ рубляхъ, пишетъ онъ въ своей жалобѣ, я на него сотника не челобитчикъ“. Іеромонахъ Гаврила, обвиняющій Л—аго въ лихоимствѣ, ничего не имѣетъ противъ „поклона“: „и хоча-бъ ему сотнику поклониться малымъ дѣломъ, чѣмъ-бы мы сами знали, того ради, что мы живемъ въ ихъ селѣхъ и просимъ за нихъ Бога“.

Кромѣ поклоновъ по разнымъ поводамъ сотникъ получалъ еще извѣстную свадебную пошлину, такъ называемую „веселные куницы“ [1]); при прежнихъ сотникахъ давали по золотому и

---

[1]) „Веселные куницы“ представляютъ собой любопытное и, сколько намъ извѣстно, не объясненное до сихъ поръ явленіе въ малорусскомъ общественномъ быту. А. М. Лазаревскій въ своемъ „Опис. старой Малор.“ (т. I, стр. 202 пр. 340) говоритъ: „куницу брали обыкновенно державцы отъ каждой невѣсты, выходившей замужъ въ чужое владѣніе. Требуя куницу, Лисовскій, значитъ, смотрѣлъ на своихъ сотнянъ, какъ на подвластное себѣ посполъство“. Конечно, естественнѣе всего объяснять „куницы“, какъ merchetum, взимавшійся феодальнымъ сеньоромъ, а въ Л—омъ видѣть узурпатора, насильно присвоившаго себѣ права державцы. Но изъ приведеннаго нами случая ясно, что не одинъ Л—ій, но и всѣ его предшественники брали куницу, и что это было не отдѣльнымъ актомъ насилія, а нормальнымъ явленіемъ, вполнѣ признаннымъ и установившимся, Л—ій только самовольно повышалъ куницы и дѣлалъ ихъ разорительными для бѣдныхъ людей. Такимъ образомъ, нельзя смотрѣть на куницу исключительно какъ на выкупъ державцѣ за крѣпостную, ускользающую изъ подъ его власти; это была въ полномъ смыслѣ слова пошлина на бракъ вообще, уплачиваемая сотнику, какъ сотнику, а не какъ державцѣ. Любопытно, что и аналогичное явленіе западно-европейской жизни шире обычнаго объясненія, которое г. Лазаревскій примѣнилъ въ данномъ случаѣ къ малор. куницѣ, что и merchetum платили не одни только виланы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и свободные люди. Проф. Виноградовъ, разсматривая это явленіе въ Англіи, приходитъ къ заключенію, что „разнообразіе соединеній, въ которыхъ встрѣчается merchetum, внушаетъ мысль, что подъ этимъ именемъ и подъ вліяніемъ юридической теоріи были объединены повинности, въ основѣ своей различныя: выкупъ отъ права первой ночи, вознагражденіе сеньора за потерю крѣпостной, уходившей подъ власть другого господина и *пошлина за бракъ, платившаяся не сеньору, а общинѣ или сотнѣ*“. (Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка, стр. 62).

Библиотека "Руниверс"

меньше „хто що зможетъ дати, а Л—ій безъ милости талярей по два беретъ и по пять золотыхъ, чего ради боимось убогіе люди дѣтей женити“. Не меньшія злоупотребленія позволялъ себѣ Лисовскій и по отношенію къ другой повинности, которой онъ пользовался въ качествѣ сотника. Въ Малороссіи того времени былъ обычай ходить два раза въ годъ „о святахъ воскресенскихъ и Рождества Христова“ къ начальству „съ ральцемъ“: ходили цеховые братчики къ цехмистру, къ сотнику и писарю, къ атаману и войту сотеннаго города, ходили сельскіе атаманы къ сотнику, и сотенная старшина къ полковнику и т. д. Лисовскій строго наблюдалъ, чтобы подчиненные не пренебрегали этимъ старымъ обычаемъ: такъ, однажды серединскій атаманъ не могъ по болѣзни явиться съ ральцемъ, „который сбирается съ товариства сотнику“ на Пасху, а пріѣхалъ на Николу вешняго; тогда Л—ій посадилъ его на гармату, сковавши за шею и ноги, и взялъ контрибуцію въ видѣ куфы горѣлки и трехъ или четырехъ талеровъ битыхъ. Обычная такса ральца была также значительно возвышена Лисовскимъ: кравцы и шевцы жалуются, что прежде ходили къ сотнику „съ хлѣбомъ да съ солью“ (шевцы давали и одну пару чоботъ), а сотничкѣ давали по два золотыхъ, Лисовскій же сталъ требовать себѣ цѣлый талеръ да двѣ пары чоботъ сафьяновыхъ, а для жены запаску полутабинковую, цѣной въ 9—10 злотыхъ. Л—ій оправдывался, что такъ и раньше было, что вообще ему нѣтъ никакой прибыли отъ ральца, что приносящіе „болше напитку выпьютъ“, чѣмъ стоитъ ихъ приношеніе; на это „кравецкаго цеху цехмистеръ“ не безъ иронiи отвѣчалъ: „а что онъ сказалъ, когда мы придемъ съ ралцемъ, то будто болши выпьемъ напитку, то его неправда; развѣ онъ слыхалъ, у прежнихъ сотниковъ то было, а у него Л—аго въ домѣ того не было“ [1]).

Лисовскій бралъ не только деньгами и разнымъ имуществомъ, но и трудомъ: онъ заставлялъ цеховыхъ шевцовъ, тка-

[1]) Ральцемъ, повидимому, злоупотреблялъ не одинъ только Л., такъ что въ концѣ концовъ это обратилось въ зло, которое замѣтила и считала нужнымъ искоренить высшая администрація. Уже Скоропадскій писалъ изъ Москвы въ 1722 г. наказному гетману, черниг. полковнику Полуботку о запрещеніи ральца.

Библиотека "Руниверс"

чей и кравцовъ работать на себя панщину, бралъ ихъ къ себѣ на домъ или давалъ свой матеріалъ для разныхъ подѣлокъ, за что, разумѣется, ничего не платилъ, а отвѣчала за все „скрынка брацкая“, которая до того истощалась иногда этими постоянными расходами, что не на что было воску купить на свѣчи. Сотникъ пользовался даровымъ трудомъ рыболововъ: „тяжкою нашею працею, жалуются пироговцы, всегда безпотребно и безвременно ему неводъ тягнемъ“, однажды онъ ихъ цѣлую ночь „мордовалъ тягненіемъ нивода“; возилъ на козацкихъ лошадяхъ свою горѣлку и лѣсъ для постройки, отправлялъ сѣно на кролевецкую ярмарку на обывательскихъ подводахъ, которыя тамъ „гинули цѣлый тыждень“, забиралъ въ лавкахъ товаръ даромъ (одинъ лавочникъ представилъ реестръ, въ которомъ между прочимъ упомянуты „фарбиты разные до корѣты“, рыжъ и розинки (изюмъ), цукеръ канарскій по полъ-талера фунтъ и т. п.). Наконецъ, если ему надобно было что-нибудь строить, онъ бралъ мастеровъ, занятыхъ на какой-нибудь общественной работѣ, иногда даже импровизировалъ таковую безъ видимой надобности, чтобы только имѣть даровыхъ рабочихъ. Новгородсѣверцы обвиняли Лисовскаго между прочимъ въ томъ, что онъ „башту (башню) добрую пораскидалъ напрасно безъ воли командира своего (полковника) и безъ совѣту мѣщанъ, а на тое мѣсто началъ строити иную, непотребне и неуважне минувши иншіе потребнѣйшіе дѣла городовыя и оставивши церковное строеніе, приказалъ строити въ самую пору, когда у людей хлѣба не стало, передъ жнивами, з великою людскою трудностью“. Болѣе всего возмутилъ Лисовскій сотнянъ тѣмъ, что устроилъ онъ эту башню „не такъ якъ у фортеціяхъ належитъ для поставленія амуниціи“, а построилъ на башнѣ тюрьму „для посаженія мѣщанъ“, „а на тюрьмѣ звонницу по своему нраву и по совѣту отца Ѳедора, своего единомышленника“. Лисовскій оправдывался, доказывая, что на башнѣ имъ построена не тюрьма для посаженія мѣщанъ, а комора, а звонница надъ коморой сдѣлана для набату. Но мѣщане упорно стояли на своемъ, уличая сотника, что „коморы у насъ въ рядахъ краморскихъ звыкли дѣлатися, а на верхъ башты у насъ торги нигдѣ не звыкли

Библиотека "Руниверс"

бувати; также и коморы краморскіе и складніе не такъ дѣлаютца, поневажъ з дверьми и съ тремя окнами хатою сія тюрма здѣлана; также и звонницѣ у насъ нигдѣ на баштахъ не звыкли строити кромѣ монастырей, и набатъ у насъ не на баштѣ-жъ, але посередъ города у соборной церкви въ великій колоколъ выбиваютъ". Плотниковъ, которые строили башню (теслей), Лисовскій „казалъ мѣщаномъ наймати и кормити, якіе тесли, беручи плату у мѣщанъ, ему кромѣ башты будовали лазню и погребъ", а также на хуторѣ Изруѣ „свѣтлицу съ комнатою и съ сѣнцами"; „а на оное строеніе лѣсъ и тертицы брали отъ новой башни, которой лѣсъ на тое башню воженъ міромъ, также брали и церковной лѣсъ, который лѣсъ воженъ на строеніе церковныхъ коморъ".

Лисовскій пользовался всякимъ мало-мальски удобнымъ случаемъ, чтобы сорвать что-нибудь. Съ погребского козака Матвѣя онъ взялъ „коня добраго копъ въ 30, и вепра золотыхъ въ 10, и 3 тарели битыхъ" за обѣщаніе сдѣлать его атаманомъ и освободить отъ „належитности войсковой": „покуда я буду сотникомъ, увѣрялъ Матвѣя Лисовскій, то ты будешь атаманомъ, и въ войско ходить не будешь". Но обѣщанія своего сотникъ не исполнилъ, а взятое добро все-таки удержалъ; правда, впослѣдствіи онъ возвратилъ коня, но „зопсовавъ и замуча его, который конь по принятію отъ него сотника скоро издохъ". Сына іеромонаха Гаврила выбрали попомъ въ Рыковѣ; Гаврила обратился къ сотнику за „презентомъ" (рекомендательнымъ письмомъ) къ архіерею, „того ради, что безъ письма урядоваго у в попы архіерей не поставитъ". Лисовскій заломилъ слишкомъ большую цѣну за презентъ, Гаврило не давалъ, тогда Лисовскій, разсказываетъ челобитчикъ, „до толь меня многажды лаялъ и безчестилъ, хвалючися мого сына з села кіями вибити, донежели не выдралъ у насъ остатные худобы: мусили отдать ему 20 тарелей битыхъ".

Впрочемъ, Лисовскій умѣлъ обходиться и безъ всякаго повода, чтобы обобрать кого-нибудь. Такъ будучи въ Кіевѣ [1]).

[1]) Л—ій нѣсколько разъ выѣзжалъ со своими козаками „въ войско" (по крайней мѣрѣ два раза, какъ видно изъ „жалобной сказки" шевцовъ, которые каждый

Библиотека "Руниверс"

онъ безъ всякаго повода взялъ 100 злотыхъ у челядника Ситникова, находившагося тамъ по торговымъ дѣламъ своего господина. У Леона Тимофѣева сотникъ забралъ въ 1715 г. 24 рубля (посадивши его предварительно въ тюрьму), въ началѣ 1718 г. 104 р., а въ концѣ того же года передъ самымъ розыскомъ „обликъ“ (вексель) кіев. жителя Каленика на 14 р. Нужно было сотнику сѣно, онъ приказалъ городничему пойти къ слесарю и сказать ему „словомъ сотницкимъ“: „поди, отомкни огородъ Никиты Труса“; огородъ отомкнули и взяли 20 возовъ сѣна. Михей имѣлъ неосторожность обѣщать Л—му два воза сѣна, а тотъ безъ вѣдома его забралъ цѣлый стогъ „возовъ 8 якъ коню дерзнуть наклалъ“ („а сѣно тохды я и наши продавали по два золотыхъ и по копѣ ровно“). Не побрезгалъ сотникъ даже оставленной на рынкѣ отлучившимся мужикомъ Кутневскаго лошадью съ санями; хватившійся лошади мужикъ „по обыкновенію малороссійскому спрашивалъ на ратушѣ и во всѣхъ окрестныхъ уѣзду селахъ и деревняхъ“, но безъ успѣха; а потомъ оказалось, что лошадь въ Бугриновкѣ во дворѣ Лисовскаго, но ни онъ, ни его староста въ теченіе пяти недѣль не заявили о томъ въ ратушѣ, „и то у насъ, прибавляетъ Кутневскій, причитается за злодѣйство“; когда-же отъ уряда (въ это время сотней правилъ наказной сотникъ Пекулицкій) прислали въ Бугриновку за лошадью, то Л—ій не только не отдавалъ ее, но даже грозилъ побить посланнаго. „Уподобалась“ сотнику оксамитная шапка Никиты Трусевича; онъ „помѣнялся“ шапками—отдалъ свою барашковую и обѣщалъ додачи соболь въ 20 р., но, само собой разумѣется, это такъ и осталось обѣщаніемъ.

До какой простоты способовъ присвоенія чужого имущества дошелъ Лисовскій, видно изъ дѣла Васи Іосифовны, малолѣтней сироты, которую сотникъ обобралъ совершенно [2]); между про-

---

разъ платились своимъ карманомъ, снаряжая сотника). Между прочимъ въ 1715 г. Л—ій былъ въ Кіевѣ съ отрядомъ въ 120 человѣкъ, которые принимали участіе въ постройкѣ кіево-печерской крѣпости (Лазаревскій. „Опис. старой Мал. 203).

[2]) Онъ взялъ у нея „всѣ имѣнія (т. е. все имущество), позасталыя у ея родичевъ отцу и матце, скрыню съ платьемъ и иные фантины, которые тамъ въ той

Библиотека "Руниверс"

чимъ онъ забралъ 50 штукъ „дерева рѣзанаго трехсаженнаго“. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ опекунъ Васи, войтъ Семенъ Юркевичъ: „А какъ дерево привезли къ берегу, тутъ была жена моя, и онъ сотникъ спросилъ: чье дерево? и моя жена сказала: „то дерево наше“, и онъ сотникъ женѣ моей сказалъ: „поди-де ты домой, а я сіе дерево возьму себѣ“, потомъ и побралъ“. Больше всего поводовъ сорвать что-нибудь съ обывателя представляла судебная дѣятельность Лисовскаго, какъ сотника, причемъ ретивый судья взыскивалъ безразлично и съ праваго, и съ виноватаго, и за доказанныя судомъ преступленія, и за простое подозрѣніе и даже за невозбужденіе дѣла.

У Петра Острика произошла кража; онъ высказалъ подозрѣніе на своего бывшаго челядника, который отъ него перешелъ на службу къ дядѣ Петра, Исаю Острику. Лисовскій явился въ домъ послѣдняго и „не употребляючи до разсмотрѣнія жадныхъ свидѣтелей, безо всякого роспросу и безъ лица“ велѣлъ бить кіями заподозрѣннаго челядника; тотъ подъ ударами показалъ на сына своего новаго хозяина Игната. Тогда сотникъ обратился къ Игнату, „мордовалъ его и билъ батожьями безъ милости“, но признанія вымучить не могъ. Тѣмъ не менѣе Лисовскій отобралъ у Исая Острика ключи и вмѣстѣ съ племянникомъ сго пошелъ по всѣмъ клѣтямъ и скрынямъ искать украденныхъ денегъ, но денегъ не нашли; Лисовскій все-таки велѣлъ забить въ колодки обоихъ сыновей Исая и, взявши съ собой въ городъ, посадилъ ихъ въ тюрьму. Исай долженъ былъ, „вызволяючи напраснаго мучительства“, выкупить своихъ дѣтей и дать сотнику 20 рублей.

Пироговскій житель Крушъ поймалъ „знатнаго злодѣя“, укравшаго гдѣ-то лошадь, и передалъ его Василью Харченко, но тотъ безъ умыслу, „ради простоты своей“ выпустилъ вора. Лисовскій билъ ихъ обоихъ за это безъ милости батогами и кромѣ того прислалъ въ домъ Круша слугу своего съ приказаніемъ запечатать домъ и взять у Круша коня и 11 злотыхъ. Крушъ

скрынѣ были, все побралъ и ни во что обернулъ; взялъ жита на гумнѣ 60 копъ и взялъ силою, а не въ позыку и не прозбою (какъ оправдывался Л—ій), бо въ позыку жито никогда копами не даетца“ и т. д.

Библиотека "Руниверс"

сталъ просить, чтобы ему вернули хоть коня; сотникъ потребовалъ за это рубль, но, взявши рубль, коня все-таки не возвратилъ, „пригоняючи вину, объясняетъ Крушъ, что я въ то число былъ войтою".

Въ домѣ Ситника умеръ его должникъ Хайло. Несмотря на выданное священникомъ свидѣтельство, удостовѣряющее естественную смерть должника и то, что причиной ея не могъ быть Ситникъ, обращавшійся хорошо со своимъ должникомъ,—несмотря на это Лисовскій рѣшилъ не упускать такого удобнаго случая для вымогательства. Онъ отобралъ у Ситника „обликъ на Толстенка". Ситникъ сталъ просить о возвращеніи векселя, заплатилъ за это 2 червонца; Л—ій червонцы взялъ, но векселя не отдалъ и даже посадилъ самого Ситника въ тюрьму, гдѣ и продержалъ два дня. Потомъ прислалъ къ Ситнику есаула съ извѣщеніемъ, что тотъ получитъ свой „обликъ", если дастъ двухъ сивыхъ коней; переговоры тянулись долго и въ концѣ концовъ обѣ стороны сошлись на двухъ бочкахъ горѣлки. Вообще богатому мѣщанину часто приходилось платиться за свое богатство; обращеніе къ властямъ, попытки найти себѣ защиту въ гетманѣ и въ генеральномъ судѣ ни къ чему не приводили и только раздражали сотника, который находилъ тысячи случаевъ досадить строптивому мѣщанину. Между прочимъ онъ поставилъ къ нему двухъ жолнеровъ [1]), несмотря на протестъ Ситника, заявлявшаго, что „во всемъ новгородскомъ уѣздѣ никто двухъ жолнеровъ не годуетъ".

Не менѣе хлопотъ причинялъ корыстолюбивый сотникъ и другому зажиточному мѣщанину, Семену Налегакѣ. Произошла-ли семейная потасовка въ присутствіи Семена, подрались-ли въ его кабакѣ посѣтители, случилось ли его женѣ купить рушникъ,

[1]) Вотъ приказъ, съ которымъ Л—ій послалъ одного изъ жолнеровъ: „Микифору Ситнику, мѣщанину нашему новгородскому, посылаемъ на консистенцію жолнера одного, додавъ ему на мѣсяцъ порцію одну сыровую харчъ, муки житной гарцовъ 16, крупъ гаренецъ, соли 2 фунта, денегъ на каждый день по копейце, сѣно и оброкъ, якъ и прежде. Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества новгородскій сотникъ Лисовскій".

Содержаніе двухъ жолнеровъ обошлось Ситнику за три года въ 150 р. 43 алтына 4 деньги.

Библиотека "Руниверс"

оказавшійся потомъ краденнымъ,—за все это долженъ былъ платиться несчастный Налегака и платиться дорого.

Рыковскіе жители распахали сосѣднее поле, принадлежавшее къ владѣніямъ гетмана, и кромѣ того „ниву жита выбили“. Явился гетманскій староста Шентаковскій, осмотрѣлъ выбитую „спашу“ и потомъ прислалъ „господаря оную землю розъѣхать и учинить межу новую; и мы его господарю, разсказываютъ рыковцы, были ни въ чемъ не скрежны, того ради, хотя у насъ отъѣхали и излишнее, и намъ противиться не можно, того ради, что то село ясновельможнаго гетмана“. Впрочемъ, гетманскій староста ограничился тѣмъ, что „отъѣхалъ“ кусокъ крестьянской земли, и никакого процесса не затѣвалъ; но отъ Лисовскаго нельзя было такъ легко отдѣлаться: онъ воспользовался виной несчастныхъ рыковцевъ и „взялъ альбо зодралъ“ съ нихъ 60 талеровъ.

Одинъ изъ жителей того-же села Рыкова, принадлежавшаго новг.-сѣв. ратушѣ, Данило Парфеновъ рѣшилъ эмигрировать „за тягостью“. „Позбывши свои грунта, разсказываетъ Данило (своему односельчанину Павлу Шерантаю за 62 копы, изъ которыхъ получилъ наличными только „полтретьядцать“—32½ копы) хотѣлимъ себѣ изаврести лутчую отраду, отишолъ былъ на малое время“; поволочившись мѣсяцевъ пять по слободамъ и „не найдя гдѣ жити“, Данило „паки вернулся на свое жителство“ въ Рыковъ. Онъ обратился къ сотнику и получилъ разрѣшеніе выкупить свою землю; но Шерантай требовалъ надбавки, сдѣлка между ними не устраивалась, и 32 копы, какъ „заводные гроши“, были переданы черезъ бугриновскаго атамана Л—му, который ихъ и присвоилъ. Поле, остававшееся спорнымъ, сотникъ велѣлъ сжать „згономъ“ (Данило вернулся 28 Іюня) и „перемолотя того жита пять осмачекъ напрасно“, увезъ его на свой хуторъ. Кромѣ того, Лисовскій взялъ и у Шерантая 10 копъ за обѣщаніе оставить поле за нимъ и дать ему „съ уряду купчую, чтобы ему тѣмъ полемъ владѣть вѣчно“. Но взятыя у Данилы Парфенова 32 копы (не считая поклона) создавали тоже своего рода нравственное обязательство; поэтому Лисовскій, послѣ того какъ спорное поле было

Библиотека "Руниверс"

уже сжато въ его пользу „не устоя въ своемъ словѣ, згодивъ недѣль 20 и болши, велѣлъ Шерантаю отъ того поля отступить, а у него Данилы велѣлъ принять деньги (другія уже) изъ подъ неволи“.

Кривоносовскій житель Ященокъ продалъ женѣ полковаго хорунжаго Юркевичкѣ млинъ съ займищемъ при немъ. На этомъ займищѣ атаманъ с. Кривоносовки [1]) „розробилъ себѣ ниву“; зять Юркевички Кир. Матв. Черняцкій заявилъ претензію атаману, и тотъ „усмотрѣвъ свою неправду“ просилъ только, чтобы ему позволили за работу снять „два хлѣба“, на что и получилъ разрѣшеніе. Но Опонасъ Мартыненокъ (такъ звали атамана) не ограничился этимъ и сталъ копать рвы и въ другихъ займищахъ и „разводить ниву изъ пущи“, принадлежавшей Юркевичкѣ (нива эта не значилась въ „купчей письмѣ“); этими нивами атаманъ нѣсколько лѣтъ владѣлъ „съ позволенья громадскаго“. Черняцкій „скаржился“ сотнику, который и послалъ въ Кривоносовку своего есаула и писаря; Затѣмъ Мартыненокъ съ Черняцкимъ были сужены передъ сотникомъ и передъ всѣмъ новгородскимъ урядомъ; атаманъ былъ „учиненъ виннымъ“ и подписалъ „помиркованіе“ съ Черняцкимъ [2]). Кромѣ того, онъ долженъ былъ заплатить 17 копъ выкладу (изъ которыхъ Черняцкій получилъ только 4 р. 13 алтынъ 2 деньги), еще 18 злотыхъ сотнику, по 5 злотыхъ есаулу и писарю и 4 зл. служкамъ сотницкимъ.

Одной изъ характерныхъ особенностей малорусскаго процесса былъ „выкладъ“—извѣстная сумма денегъ (болѣе или менѣе произвольная), которую истецъ или обвинитель „накладывалъ“ на отвѣтчика; эти деньги вносились при возбужденіи

---

[1]) Кривоносовка населена была крестьянами Кутневскаго (это село было пожаловано ему въ 1708 г.) и козаками; и тѣ и другіе владѣли землей *сообща*, какъ видно изъ показанія атамана: „мы поля съ мужиками дѣлимъ во вся годы: годъ владѣютъ козаки, а на другой годъ мужики“. Отмѣчаю эту подробность, которая, какъ и вообще все это дѣло, можетъ быть интересна для исторіи землевладѣнія въ Малороссіи.

[2]) Вотъ текстъ этого документа: „ижъ неслушне вогнался окопомъ а нивку выробилъ в чистыхъ добрахъ займанныхъ єна пани Юркевичкиной до хутора Пилина прилеглыхъ, такъ з оного займища уступилъ; имѣлъ бы впредь чинити под-

Библиотека "Руниверс"

дѣла судьѣ, которому онѣ и служили вознагражденіемъ. Если искъ или обвиненіе оказывались неправильными, то истецъ терялъ свой выкладъ; въ противномъ-же случаѣ сумма, равная выкладу, уплачивалась ему отвѣтчикомъ. Лисовскій и здѣсь допускалъ цѣлый рядъ злоупотребленій. Казакъ Иващенко „позывалъ въ свою бою“ Зюзю и Семенова, на которыхъ и наложилъ 8 копъ выкладу; Л—й посадилъ обоихъ на гармату и вымучилъ съ Зюзи 20 копъ, а съ Семенова 5 рублей (которые тотъ занялъ и потомъ за нихъ служилъ два года), но истцу не далъ ничего. Въ принесенной потомъ жалобѣ Зюзя и Семеновъ не признавали себя виновными, но, прибавляетъ Семеновъ, „по нашимъ правамъ, ежели-бъ мы были и винны, то намъ бы надлежало только заплатить одинъ выкладъ (т. е. 8 копъ) пополамъ“. Чтобы получать побольше съ обвиненныхъ по суду, Лисовскій прибѣгалъ къ такой уловкѣ: „будучи ненасытенъ въ своемъ драпижствѣ, онъ же Л—ій, когда придетъ до его кто убогій позыватися, а не мѣетъ чего наложити, такимъ давалъ свои гроши, червонцы и тарели, жебы другихъ людей до его позывали и накладами многими утежали, и то его явное Божьему и гражданскому закону противенство“. Въ виду того, что каждая тяжба приносила ему извѣстный доходъ, Лисовскій, понятное дѣло, строго преслѣдовалъ всѣхъ, уклонявшихся отъ его праведнаго суда. Невѣстку того-же Зюзи покусала сосѣдова собака; избѣгая хорошо извѣстнаго всѣмъ сотническаго правосудія, сосѣдъ уговорилъ Зюзю не возбуждать дѣла и далъ ему за это „чвертку жита, да нанялъ челядку, покамѣстъ у его невески рука загоитца“; но Л—ій, разсказываетъ Зюзя, „о томъ почувши, задралъ у меня 8 копъ за тое, что я его (сосѣда) не позывалъ“.

Лисовскій сплошь и рядомъ нарушалъ обычныя формы процесса, не стѣсняясь никакими формальностями и дѣйствуя скорѣе административной властью, чѣмъ судебною. Сотникъ

ступъ и утискатися в мененныя займища или вщинати за оныя заводъ, таковый (Мартыненокъ) неотмѣнно повиненъ войсковое каранie понести и знатную вину всякого суду и права тарелей сто заплатити мѣетъ„ Подписали Мартыненокъ, сотникъ, атаманъ и войтъ новгородъ-сѣверскіе.

Библиотека "Руниверс"

отобралъ у Подольскаго коня, который оказался краденымъ, и отдалъ его прежнему владѣльцу, заявившему о кражѣ; но это было незаконно, по заявленію Подольскаго: „а держать было того коня на ратушѣ, или-бы иному кому отдать съ роспискою, а мнѣ было сказать срокомъ и сказать заводцевъ у кого я того коня купилъ, и нынѣ я тѣхъ заводцевъ сыскалъ и привезъ отъ нихъ оправдательныя письма, которые при семъ розыскѣ въ улику объявляю". У Михея были украдены „казаны винничные", съ которыми воры и были пойманы въ Шатрищахъ квартировавшимъ тамъ капитаномъ; капитанъ „покаралъ злодѣевъ", а казаны отдалъ Михею. Но Лисовскій „почувши, казаны казалъ зарасъ атаману до города привезти, бо мѣлъ заводы съ тымъ-то капитаномъ", и тѣ казаны, „презъ двадцать недѣль ваковали напрасно и барзо звенчали"; нѣкоторые изъ нихъ оказались даже подмѣненными, а произошло это потому, какъ объясняетъ Михей, что Лисовскимъ были нарушены обычныя судебныя формальности: „и ему было сотнику надлежало тѣ казаны осмотрѣть при людехъ и описать и положить на нихъ какіе клейма или печать и отдать на ратушу, а у себя было держать и въ другія мѣста отдавать не надлежитъ".

Изложеныхъ случаевъ, я думаю, совершенно достаточно для характеристики Лисовскаго, какъ судьи; но я позволю себѣ привести еще одно дѣло, въ виду того интереса, который оно представляетъ обиліемъ бытовыхъ подробностей и живымъ изложеніемъ, дѣлающимъ его похожимъ скорѣе на страничку изъ какой-нибудь исторической повѣсти, чѣмъ на судебный документъ. Одна „значная жителка новгородская", Стуколиха подъ старость сдѣлалась черницей подъ именемъ Анфіи. Стуколиха была богата и бездѣтна. Когда пришла пора умирать, она послала „хлопя своей сусетки" къ Леону, также зажиточному новгородскому мѣщанину. „Ходи, бабуся звалась чего-сь"; Леонъ пошелъ. Стуколиха передала ему „мѣхъ великій" съ деньгами; на верху, видно было, лежали талеры битые. Леонъ и спрашиваетъ „кому сіи гроши отдать?" „Тебѣ даю, только не кажи никому". Но тутъ, какъ на грѣхъ, случилась сосѣдка: она стояла въ той же хатѣ, но только въ отдаленіи, такъ что могла ви-

Библиотека "Руниверс"

дѣть и при нѣкоторомъ напряженіи слуха (которое она и сдѣлала, какъ показали дальнѣйшія событія) и слышать кое-что. Леонъ замѣтилъ постороннюю женщину и говоритъ старухѣ: „Матуся, вѣдаетъ твоя сусѣтка сокретъ нашъ“.—„Что ей за дѣло! На тебѣ шматокъ полотенъ, отдай отцу моему Филиппу духовному и скажи: позвала меня старуха у утрени и дала мнѣ полотенца шматокъ—отдайте отцу духовному“. Но сосѣдку не такъ-то легко было провести: она обратилась къ внукамъ, ходившимъ за старухой и сказала: „Вы догледайте Олену: мѣшокъ грошей дала оная старуха“, а затѣмъ подошла къ Леону и замѣтила: „Для чего ты такіе гроши берешь безъ людей? Чтобъ на меня въ томъ отъ людей поговор(т)ки не было“.—„Не бойся ты ничего, отвѣчалъ ей Леонъ; поговорки тебѣ отъ людей никакой не будетъ. Будетъ изъ тѣхъ денегъ и тебѣ и мнѣ“. Стуколиха умерла, и Параска Дорошиха, такъ звали сосѣдку, стала требовать отъ Леона обѣщанной ей части денегъ. „Что я тебѣ дамъ?!“ отвѣчалъ ей Леонъ на это—и ничего не далъ. Это показалось ужъ слишкомъ обидно Дорошихѣ, надо было отомстить: „и почела оная сусетка ложные и невинные слова плести“ на Леона. Наслѣдникомъ Стуколихи былъ ея племянникъ, юхновскій житель Григорій Дудка; Параска и обратилась къ нему, наговаривая, будто-бы при передачѣ денегъ Леону старуха говорила: „Не забудь племянника моего Григорія Дутку! будетъ и тебѣ, и племяннику моему“. Дудка и повѣрилъ Дорошихѣ и написалъ „духовницу по ея словесамъ ложную“ и представилъ ее сотнику. Лисовскому это дѣло было, конечно, очень на́ руку, и онъ обѣщалъ Дудкѣ, что когда получитъ съ Леона деньги, то дастъ ему сто золотыхъ. Призвали Леона. „Вычиталъ я тую духовницу, разсказываетъ Леонъ; и отказалъ я на тую духовницу: оная старуха мѣла умъ свой доброй, кому хотѣла, дала своима рукама: дала въ монастырь 22 рубли, осмачекъ жита, и на похоронъ дала себя поховати 16 рублевъ. Еще по смерти ея осталось денегъ рублевъ 50 и скрыня полотенъ, которые деньги и полотна побрали ченцы въ монастырь, а що Дуткѣ дала, потому каялось“. Лисовскій сказываетъ: „И признаютъ на тебя и сусетка, что ты взялъ грошей много“. Принесли образъ, по-

Библиотека "Руниверс"

ставили его на столѣ и велѣли Леону присягнуть. „Я на тую присягу замолчалъ“, говоритъ Леонъ. Тогда его повели въ комнату и начался допросъ. „Чи бралъ гроши Стуколихины?“ спрашиваетъ Л—ій.—„Бралъ, да не толко, колко они написали“.—„Колко?“—„Колко было, толко и топеря есть. Бодай меня пагуба душевная не знала, якъ я не знаю: якъ я положилъ, такъ топерѣ есть“. Этимъ допросъ пока и кончился. Вскорѣ явились къ Леону на домъ атаманъ и войтъ, а потомъ и самъ сотникъ: Леонъ отдалъ имъ Стуколихины деньги, всѣ „шестаки, злотковцы, ворты и чвертки“, которые заключалъ въ себѣ мѣшокъ старухи. „Оные гроши отмѣнны, говоритъ Леонъ: вельми черны; такихъ-же грошей и промежъ моихъ грошей шукали, и не нашли“. Л—ій запечаталъ домъ Леона, самого его посадилъ въ тюрьму, а сына за караулъ на ратушу, „окромѣ приносячи сыну моему страхи батоговые“. Ихъ продержали въ заключеніи недѣли двѣ. „Потомъ, ночи темны, вельми позда, прислалъ городничего до мене въ тюрьму: „Ходи, панъ звалъ“. Пошелъ я до Лисовского. Кажетъ Л—ій: „Отдай гроши Стуколихины: кажутъ люди на церковь отказаны“ и ссылается при этомъ на показанія Дорошихи. Леонъ отвѣчалъ: „Кажи ею панью бить, а я, какъ не признается, то я заранѣя буду платить“.—„Якъ есть, дай мнѣ своихъ грошей половину“. Леонъ, „видя надъ собой такой страхъ и тюремное везеніе“ и хорошо зная, что дѣло можетъ принять совсѣмъ скверный оборотъ, отвѣчалъ: „Воля твоя, не токмо надъ грошми, но и надо мной: запечатанные“. Л—ій отправилъ его съ карауломъ домой и приказалъ караульному: „Нехай придетъ и жена его до насъ“. Пришла жена Леона. „Леониха, обратился къ ней сотникъ, отдай гроши Стуколихины, кажутъ люди на церковь отказаны“.—„Добро-де отдать на церковь, отвѣчала та, а нашихъ не руште“. Сотникъ сталъ грозить пыткой: „отдай мнѣ своихъ грошей половину“, настаивалъ онъ, и, не дожидаясь согласія послалъ ночью атамана и писаря „трусить“ домъ Леона. Посланные искали денегъ „по клѣтяхъ и въ другихъ мѣстахъ, по житу и въ другихъ хлѣбахъ“, перерыли весь домъ, и нашли наконецъ деньги въ хатѣ подъ изголовьемъ, запечатанными въ скрынѣ. Деньги

Библиотека "Руниверс"

были принесены Лисовскому и положены на столъ; онъ пересчиталъ ихъ: оказалось „тарелей битыхъ 50 безъ трехъ червоныхъ, 7 копъ, золотыхъ 600, чеховъ золотыхъ 70“. Сотникъ отобралъ себѣ тарелей битыхъ 50 безъ трехъ, атаману и войту далъ по 20 р., а на церковь и Дудкѣ не далъ ничего. Когда Дудка осмѣлился обратиться къ Лисовскому за обѣщанными 100 золотыхъ, то получилъ въ отвѣтъ: „Развѣ я тебѣ дамъ сто березинъ, а не сто золотыхъ“. Бѣдному Дудкѣ послѣ этого оставалось только „поеднаться“ съ Леономъ относительно Стуколихинаго дѣла и къ его жалобѣ на розыскѣ присоединить и свою.

Допуская полный произволъ въ судебной дѣятельности, въ которой руководствовался исключительно своей непомѣрной алчностью и жаждой наживы, Лисовскій обнаруживалъ тѣ-же качества и въ другихъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ; онъ дѣйствительно „чинилъ себя самовластникомъ“, ни въ комъ и ни въ чемъ не встрѣчая себѣ достаточно сильнаго сопротивленія. Лисовскій, не стѣсняясь, бралъ „заводные гроши“ изъ ратуши, причемъ шафаръ (казначей и городской сборщикъ) и самъ войтъ безропотно исполняли всѣ его требованія, не смѣя прекословить всемогущему сотнику; бралъ церковныя деньги и, когда священникъ поднялъ изъ-за этого дѣло и жаловался протопопу, Лисовскій побилъ его; забиралъ безъ вѣдома священника дорогія вещи и деньги, положенныя въ церковь на храненіе частными лицами. Онъ не задумался присвоить себѣ „покуховные гроши“, которые взялъ съ кравецкаго и швецкаго цеховъ (по 50 зл. съ каждаго) будто-бы для передачи гетману [1]). Если кто-нибудь изъ должностныхъ лицъ обнаруживалъ попытки сопротивленія расходившемуся „самовластнику“, Л—ій всегда находилъ способы справиться съ такимъ смѣльчакомъ и даже со-

[1]) „Покуховный“ сборъ въ размѣрѣ 2 р. съ каждой проданной въ раздробь куфы замѣнилъ собой послѣ измѣны Мазепы винную аренду. Этотъ сборъ шелъ на войско. Шинки ремесленныхъ цеховъ бывали, вѣроятно, освобождаемы отъ этого сбора, такъ какъ цехмейстеръ шевскій категорически заявляетъ, что „при прежнихъ сотникахъ у насъ такихъ покуховныхъ грошей с брацкихъ дворовъ не бирали, того ради что тѣ деньги идутъ у насъ на всѣ божественныя церкви“.

Библиотека "Руниверс"

всѣмъ устранить его съ своего пути. Иванъ Андреевичъ Судіенко за вѣрную службу во время Мазепиной измѣны былъ назначенъ гетманомъ въ 1710 г. атаманомъ новгородъ-сѣверскимъ. При сотникахъ Березовскомъ и Кутневскомъ атаману жилось покойно „безъ всякого мнѣ отъ нихъ препятія, какъ онъ самъ разсказываетъ въ своей челобитной, бо якъ я имъ честь належитую отдавалъ, такъ и они, слушая повеленья ясневельможнаго, жадные мнѣ обиды не дѣлали, а Лисовскій когда сталъ у насъ сотникомъ, мало что поживши спокойный, заразъ началъ безвинно частократно меня безчестити и отъ уряду отдаляти". Произошло-же это потому, что Судіенко оказался недостаточно покладистымъ для новаго сотника. Лисовскій учинилъ какой-то „непотребный заводъ" съ офицерами лейбъ-регимента и драгунами; дѣло доходило, повидимому, и до рукопашныхъ схватокъ, но Судіенко не рѣшался бить драгуновъ по сотницкому приказанію, что должно было, конечно, сильно раздражать Лисовскаго. Въ другой разъ этотъ послѣдній „мѣючи злость нѣякую-сь на монастырь" отправился въ монастырское подворье и приказалъ атаману разбивать замки; тотъ не послушался и былъ за это битъ тростиною. Эти и подобные имъ случаи возстановили Лисовскаго противъ Судіенка, и онъ началъ всяческими способами преслѣдовать строптиваго атамана: онъ грозилъ ему, что велитъ выкопать яму, положитъ его въ ту яму брюхомъ, а по спинѣ будетъ бить батогами; жену атамана онъ на одной „учтѣ" такъ безчестилъ, „же и писать стыдно". „Видячи его такое наступленіе, говоритъ Судіенко, просилемъ ясневельможного з его справедливости и обороны, яко-жъ и получилимъ уневерсалъ, жебы онъ болѣе мене ни въ чемъ не обижалъ, и отъ власти не дерзалъ отставляти". Но универсалъ не помогъ; когда атаманъ принесъ его Л—му, тотъ, „вычитавши" гетманское письмо, закричалъ на Судіенку и велѣлъ посадить его на гармату. Кончилось все это тѣмъ, что сотникъ самовольно смѣстилъ Судіенку и на его мѣсто назначилъ болѣе покладистаго человѣка.

Въ преслѣдованіи людей, почему-либо не понравившихся или мѣшавшихъ ему, Лисовскій положительно ни передъ чѣмъ не останавливался. Вотъ что разсказываетъ въ своемъ челобитьи

Библиотека "Руниверс"

Фай, сосѣдъ его по Бугриновкѣ: челядь Фая, идущую на мельницу, Л—ій забираетъ въ свой дворъ и безъ всякой причины „бьетъ кіями тиранско“; греблю во владѣніяхъ Фая постоянно (даже тогда, когда Бугриновка принадлежала къ шептаковской волости) гатили всѣмъ селомъ какъ козаки, такъ и посполитые, такъ какъ она была одинаково необходима всѣмъ селянамъ „для переизду и для перегнаня ихъ чередъ“. „А теперь, продолжаетъ Фай, за онымъ Лисовскимъ, якъ стало его, не тилко не каже гатити, але гною, соломы и хворосту на злость не велитъ давати тамошнимъ людемъ, наветъ если везу форостъ з моего кгрунту, солому или гной з моихъ дворовъ, то, перенявши на улици, кажетъ зворачувати и скидати з возовъ, не допускаючи до гребли, а тимъ мене бѣднаго хотячи з власного моего доброго вижити. А зверхъ тоей безчеловѣчной пакости у ставу моемъ, якъ у власномъ своемъ добромъ ловлею рибною доволствуютъ его подданніе, безпрестанне денно и нощно з остми, сутка́ми, волоками, з неретами и зо всякимъ по́судомъ, до рыбной ловлѣ способнымъ, полощутся и учинили пусто ставъ оній, а посваритися або отогнать нѣма: если мой пойде одинъ, а ихъ збѣгутца десятокъ и другихъ и нападутъ бити, що якъ и теперешняго времени подъ часъ порваня греблѣ напали всякимъ посудомъ рибу ловити всѣ селомъ; видячи люде мои, что они такъ насилно чинятъ, побѣгъ хлопецъ мирочныковъ, гамуючи, абы не чинили кгвалту, которіе-то бугриновци напали хлопца бити, що обачивши челядникъ мой побѣгъ хлопца ратовати, а бугриновци, покинувши хлопца, напали и челядника моего бити остми и бовтати, который челядникъ боронячися тими въ ихъ-же будучими остми, мало обрѣзалъ едного человѣка, и того-жъ часу якъ пріихалъ Лисовскій у село, теды человѣкъ его, в которого ости однято, занесъ скаргу предъ Лисовскимъ, а оной Л—ій заразъ послалъ слугъ своихъ, щобъ побрали людей усѣхъ моихъ, якіе на греблѣ робили, до его двора. Видячи пре то люде мои... и знаючи его честь, всѣ побѣгли втекы: иншіе болотомъ одтоплялися, а инихъ половлено и до двора его якъ приведено передъ самого Лисовского, такъ оный Л—ій заразъ безъ всякого розпросу казалъ иншихъ въ колоду позабивати, а иншихъ, лан-

Библиотека "Руниверс"

цугомъ за шію побравши, по селу и по полю водили, мене самого шукаючи, абы, гдѣ знайти, тамъ и убити на смерть. „А если не знайдете, то я, мовитъ, самъ, гдѣ его знайду, то въ лобъ стрѣлю, або кіями кажу до смерти убити". А мирочника бугриновскаго мого того-жъ часу казалъ взяти и бити, положивши, у два кіи, якій мало не до смерти тимъ боемъ зосталъ приправленъ, и говоритъ: „Знайте мене, хто я; бо мнѣ хто що учинитъ, то я никого не боюся. Еще и панови вашему тое будетъ!" И на томъ еще не угамовавшися, въ самую полночь, посѣдавши на коней, з челядью своей побѣглъ на низшую греблю мою, на которую маю два унѣверсали ясневельможного пана гетмана и декретъ суду войскового енералного блаженной памяти покойнаго Савы Прокоповича судіи енералнаго на тые мои власные кгрунта, что оній Лисовскій, унѣчтожаючи унѣверсали яснев. пана з своей завзятости прибѣгши на оную греблю, мене шукаючи забити, а не знайшовши мене, самъ скочивши въ ступнякъ, казалъ все руйновати, метолнѣ всѣ порубали, лапи также порубали и въ воду повкидали, двери повыломлювали, валници, подстриженки — все тое порубали на скринѣ, водяной мостъ верхній и испудній увесь казалъ на шматки порубати и въ воду повкидати; греблю казалъ всю роскопати, що вода, въ той часъ будучи великая, все тое не знати где позаносила. Еще-жъ того не доситъ, убѣгши у хату, двери выломали, пѣчь побили, оболонки побили, начине побрали, борошно, якое було, порозсипали и въ нѣвецъ обернули, посудъ, якій бувъ, увесь у воду повкидали,—во всемъ въ добрыхъ моихъ власныхъ въ конецъ разореніе учинилъ".

Еще болѣе пострадали отъ самоуправства сотника Леско шапочникъ и Василій Красовскій, которыхъ онъ подвергъ немилосердному истязанію. Придравшись къ тому, что Леско завелъ какія-то предосудительныя сношенія съ его ключникомъ, котораго сманивалъ вступить съ нимъ въ компанію и получалъ отъ него будто-бы украденныя у Л—аго деньги и разные припасы, сотникъ призвалъ шапочника къ себѣ въ свѣтлицу и сталъ его спрашивать „съ пристрастіемъ"; потомъ посадилъ его въ шедвахъ (тюрьму) и, отобравши ключи, ограбилъ въ домѣ Леска

Библиотека "Руниверс"

все, что только можно было взять; наконецъ, велѣлъ привести его къ себѣ въ ратушу и тамъ пыталъ батогами, „покладаючи разъ десять, и бьючи по спинѣ, поливалъ горелкою и посыпалъ солью“.

Красовскій-же, можно сказать, пострадалъ за свою любезность. Въ отсутствіи мужа, сотничка, разсказываетъ онъ, „ходивши по дворахъ и напившись, велѣла мнѣ себя проводить“, потомъ зазвала къ себѣ и „стала меня много поить и сама пить не токмо горелку, но уже отъ изумленія, въ пьянствѣ прибывшаго, и разсоломъ бураковымъ честовалися; въ такомъ пьянствѣ ее видячи“, Красовскій поспѣшилъ уйти по добру-поздорову и „безъ памяти выбравшись со двора а не дошедши до своего дому“, повалился на улицѣ, гдѣ и провелъ ночь. Ихъ „пьянственную волокиту“ съ сотничкой видѣли прохожіе и смѣялись, „и паче великороссійскіе люди“, состоявшіе при генералахъ Ренѣ и Кантакузенѣ. Тѣмъ-бы дѣло и кончилось, если-бы въ домѣ сотника въ то время, когда всѣ, перепившись, спали, не произошла кража: пропали сукни (платья), которые сотничка повынимала передъ тѣмъ изъ скрыни. Пріѣхавшій черезъ нѣсколько дней Лисовскій заподозрилъ въ кражѣ собутыльника своей жены и посадилъ его въ тюрьму. Затѣмъ обратился къ дворецкому ген. Рена съ просьбой дать ему двухъ профосовъ (катовъ, палачей) съ обѣщаніемъ, что если онъ допытается пропавшихъ вещей, то дастъ дворецкому „погребецъ съ хрустолевыми склянками“. (Сотникъ обращался къ гетману за разрѣшеніемъ „мучить катожскими руками“ обвиняемаго и, получивши отказъ, рѣшилъ сдѣлать это самовольно). Красовскаго безъ всякой „инквизиціи (слѣдствія) и доводу“ и „безъ вѣдома всѣхъ мѣщанъ, безъ суду“ привели ночью въ свѣтлицу сотника и тамъ мучили въ присутствіи дворецкаго, а также войта и атамана, за которыми Л—ій нарочно посылалъ (войтъ стоялъ за дверьми во время экзекуціи). Потомъ Красовскаго повели въ „пустой городокъ“ и тамъ, заведя въ кусты, сотникъ велѣлъ взять его „на тряску и много стряскою и колкодесятнимъ кнутовымъ боемъ долго мучилъ“ (на стрыскѣ его держали, просунувъ бревно между ногами). Л—ій оправды-

Библиотека "Руниверс"

вался тѣмъ, что экзекуція была произведена по приказанію ген. Рена; но свидѣтельскими показаніями было установлено, что Ренъ въ „малороссійскія правы не втручался и малороссійскихъ людей между собою не судилъ“, а ген. Говальдеръ, когда узналъ, что профосы безъ его вѣдома пытали Красовскаго, взялъ ихъ подъ караулъ и наказалъ.

Для полноты характеристики Л—го приведу еще два эпизода, не лишенныхъ интереса въ бытовомъ отношеніи. Престарѣлому Михею Антіоху, который служилъ 70 лѣтъ и былъ одно время сотеннымъ писаремъ, „случилось бути въ дому его пана сотника съ поважными особами“; тутъ-же присутствовалъ и хорунжій Тимоѳей, который, чтобы потѣшить компанію и поощряемый сотникомъ (по росказанію сотницкому), сталъ „жартовать“ съ Михеемъ; но „жартовалъ онъ необычно“ и, по другому выраженію стараго писаря, „гонилъ его прикрыми плюгавыми словами“. Михей „отходилъ отъ хоружего многажды и, не стерпя отъ него жарту, сталъ просить у сотника на него хоружего справедливости“. Это только подлило масла въ огонь. Л—ій притворился, что хочетъ наказать Тимоѳея, и приказалъ есаулу посадить его на гармату, шепнувъ, чтобы онъ этого не дѣлалъ; хорунжаго выводили въ одну дверь, а онъ входилъ въ другую, продолжая свой жартъ. Обиженный старикъ требовалъ возбужденія дѣла и наложилъ на Тимоѳея червонецъ битый и талеръ, „но такъ и по сѣ число, заключаетъ онъ свою челобитную, на него хоружего справедливости нѣтъ и отбываютъ смѣхомъ; а выкладу моего не ворочаютъ“.

Данило Лотышенко сошелся съ одной вдовой по имени Волотчихой; желая вступить въ законный бракъ, они „въ томъ учинили совершенный договоръ и межъ собою побожилися, что ей кромѣ Лотышенка замужъ не идти и ему кромѣ Волотчихи не жениться“. Невѣста жила въ хатѣ у отца жениха, и тотъ „хаживалъ къ ней для увѣренья сватанья“. Въ виду будущаго брака вдова выпросила у своего жениха для выкупа своихъ грунтовъ 100 злотыхъ, которые Лотышенко и и далъ ей „проча себѣ тѣхъ грунтовъ“. Но легкомысленная Волотчиха „стала отъ кого-сь непраздною и непріята стала до

Библиотека "Руниверс"

браку его Лотышенка". Женихъ сталъ искать съ нея взятыя деньги и по донесенію городничаго, что „Волотчиха живетъ непостоянно и ходитъ по ночамъ", ее арестовали (это случилось уже послѣ того, какъ начался розыскъ Хрипунова и должность сотника въ это время исполнялъ Пакулицкій). Но скоро ее отдали на поруки зятю ее Ѳедору Малику; Маликъ не сразу согласился на это; когда его призвали къ сотнику, онъ спрашивалъ: „Въ какомъ дѣлѣ мнѣ за нее ручитца"? и когда ему отвѣчали, что его невѣстка чревата, онъ сказалъ: „Ежели-бъ въ какомъ иномъ дѣлѣ, въ долгахъ (напримѣръ), и я-бъ по ней ручался, а въ такомъ дѣлѣ я по ней ручатца не хочю". Въ концѣ концовъ онъ все-таки согласился; но на другой-же день вечеромъ Волотчиху похитили слуги Лисовскаго, увезли въ Голубовку и тамъ мѣстный священникъ повѣнчалъ ее „пенную" и безъ „квиту" съ однимъ изъ челядниковъ бывшаго сотника Игнатомъ Кирѣевымъ. Казалось-бы, самого Лисовскаго все это нисколько не касается; но слѣдствіе и допросъ свидѣтелей представили все дѣло въ нѣсколько иномъ свѣтѣ. Оказалось, что Волотчиха уже давно приглянулась самому сотнику; по этому случаю онъ два раза сажалъ въ тюрьму Лотышенка и второй разъ призывалъ къ себѣ и допрашивалъ, по какому поводу онъ ходитъ къ Волотчихѣ. Когда-же Лотышенко объяснилъ, что хочетъ на ней жениться, Лисовскій отпустилъ его за 5 рублей: „а ежели-де ты мнѣ денегъ не дашь, то я велю тебя на мосту бить кіями". Связь сотника съ Волотчихой была совершенно ясно установлена свидѣтельскими показаніями, изъ которыхъ особенно выдѣляется своей эпической простотой показаніе Тимоѳея Спорыша, служившаго сторожемъ у Лисовскаго: „посылалъ меня, разсказываетъ Спорышъ, сотникъ Л—ій поздно ночью къ Волотчихѣ, чтобъ она къ нему пришла на ночь, а жена его сотничка въ тѣ числа была въ селѣ Бугриновцѣ. И какъ я къ ней пришелъ и дома ея Волотчихи не засталъ и, пришедъ, сказалъ ему сотнику, что ея дома нѣтъ, онъ послалъ меня шукати ее по шинкамъ и велѣлъ ее найти, гдѣ ни на есть, а къ себѣ привести, и далъ мнѣ грошей шестакъ. Искалъ я ее по многимъ шинкамъ, и тое-жъ ночи вы-

Библиотека "Руниверс"

шелъ изъ кравецкаго шинку коморной сторожъ Андрей, и я его Андрея спросилъ про Волотчиху; Андрей сказалъ, что здѣсь пьетъ въ кравецкомъ дому и я велѣлъ Волотчиху выкликать; и какъ оная В—чиха ко мнѣ вышла и пошла со мною къ сотнику во дворъ, и привелъ къ нему въ свѣтлицу; и какъ привелъ къ нему въ свѣтлицу, сотникъ велѣлъ мнѣ въ сѣняхъ двери и окна позапирати и никого мнѣ пускать не велѣлъ; и съ оною В—чихою легли на постель, которую подъ нихъ я и слалъ, а меня выслалъ въ сѣни. Потомъ, мало згодивъ, кликнулъ меня въ свѣтлицу и поднесъ мнѣ стопу пива, а она В—чиха и онъ сотникъ ходили при мнѣ въ однихъ сорочкахъ и между собой перепивались и цѣловались. Потомъ, гуляючи, лягутъ на одной постелѣ, а меня вышлютъ въ сѣни, и такъ меня высылали изъ свѣтлицы раза со три. Передъ свѣтомъ онъ сотникъ велѣлъ мнѣ оную В—чиху проводить до двора ея и далъ ей семь щукъ рыбы да пукъ лучины сосновой, которую рыбу и лучину я до двора ея В—чихи и отнесъ. И такъ онъ Лисовскій посылалъ меня за В. по ночамъ два раза, какъ сотнички дома не бываетъ. И потомъ онъ Л—ій мнѣ говорилъ: „Ежели де ты про ее кому скажешь, то тебѣ дамъ сто кіевъ“.

Розыскъ Хрипунова обнаружилъ всѣ злоупотребленія Лисовскаго. Лишь только онъ начался, на удаленнаго въ Глуховъ сотника такъ и посыпались обвиненія въ самыхъ разнообразныхъ проступкахъ и преступленіяхъ. Новгородъ-Сѣверцамъ ужъ не въ моготу стало сотничество Лисовскаго и чуть не всѣ они просятъ, умоляютъ избавить ихъ отъ такого начальника. Ремесленники шевскаго цеха „просятъ смиренно освободить ихъ отъ его безчеловѣчнаго начальства; а ежели оной будетъ у насъ начальствовать, то мы всѣ, свои домы покинувши, мусимо розыйтись розно“; кравцы заявляютъ, что „домы братерскіе церковные спустѣютъ и мы всѣ изъ города поутекаемъ“; тѣмъ-же угрожаютъ Леско шапочникъ и В. Красовскій. Ткачи „рабски молятъ, да не впредь имъ таковое разореніе станетца“; погребскій казакъ Матвѣй—„дабы онъ Лисовскій болши надъ

Библиотека "Руниверс"

нами не знучался здирствомъ"; Ив. Воротниченко изъ Рыкова—„абы скаранъ былъ и дабы вовся отъ сотничества отставленъ былъ"; Григорій Шепеличъ умоляетъ „весьма его сотника лишить"; даже маленькая Вася Іосифовна и та проситъ въ своемъ челобитьѣ „да не впредь намъ такого разоренія станется, удалити отъ насъ оного Лисовскаго". Іеромонахъ Гавріилъ въ концѣ своей жалобы восклицаетъ: „Умилосердись, пресвѣтлѣйшій монархъ, повели избавить насъ отъ такого мучителя". Люди всѣхъ классовъ, половъ и возрастовъ соединялись въ этомъ общемъ желаніи и, обнадеженные указомъ о розыскѣ, несли Хрипунову свои „плачливыя скарги" на досадившаго всѣмъ сотника.

На каждую изъ челобитныхъ Лисовскій писалъ оправданія, но эти оправданія представляли собой почти исключительно голое, ничѣмъ не доказываемое отрицаніе взводимыхъ на него обвиненій, и вызывало лишь „улику" челобитчика, въ которой обвиненіе повторялось съ еще большей силой, опираясь на новыя доказательства и раскрывая новыя подробности совершеннаго сотникомъ проступка[1]). Подавляющее большинство свидѣтельскихъ показаній было не въ пользу Лисовскаго за исключеніемъ нѣсколькихъ завѣдомо ложныхъ показаній свидѣтелей, лично зависѣвшихъ отъ него. Но онъ и не обращалъ, повидимому большого вниманія на отдѣльныя обвиненія: онъ хорошо зналъ, что ихъ слишкомъ много для того, чтобы можно было обѣлить себя совершенно. Лисовскій усвоилъ себѣ иной планъ защиты: онъ старался дискредитировать главныхъ зачинщиковъ обвиненія, Кутневскаго и К°, съ другой стороны—подчеркивалъ то обстоятельство, что онъ не составляетъ исключенія и что точно такимъ-же образомъ ведетъ себя вся малороссійская старшина; наконецъ, онъ не забывалъ какъ можно чаще упоминать, гдѣ слѣдуетъ, о своей вѣрности во время измѣны Ма-

[1]) Улика обыкновенно кончалась требованіемъ присяги: „вели ему Л—ому противъ сей моей улики присягнуть, а будетъ онъ присягать не станетъ, я въ томъ самъ присягну". Или: „то онъ сказалъ неправду" и въ томъ даю ему сотнику на душу". Или-же: „А буде въ чемъ по свидѣтельству разобрать не можно и дойдетъ до вѣры, и мы отдаемъ на вѣру ему сотнику, а ежели онъ въ томъ божитца не будетъ, и мы то беремъ себѣ на вѣру".

Библиотека "Руниверс"

зепы и прислуживался Протасьеву, отъ котораго, какъ онъ хорошо понималъ, въ концѣ концовъ зависѣлъ исходъ пред принятаго розыска. Л—ій обращаетъ вниманіе Протасьева на то, что Кутневскій жалуется за другихъ, тогда какъ эти другіе сами-бы могли за себя жаловаться, если считали себя обиженными [1]); что Кутневскій для увеличенія числа челобитчиковъ „атаманью сельскую и прочіихъ людей кіевымъ принуждалъ боемъ“ и вмѣстѣ съ Пекалицкимъ разсылалъ по всей сотнѣ письма съ увѣреніемъ, что Л—ій больше не будетъ сотникомъ, и уговаривалъ въ виду этого всѣхъ бить на него челомъ [2]); даже отдѣльныя жалобы онъ старается объяснить наговорами враговъ; такъ, въ одномъ изъ своихъ оправданій онъ говоритъ: „а челобитчица Вася, шестолѣтная дѣвчина, и тая проситъ, чтобъ сотникомъ не былъ, и потому, знать, что все съ науки непріятелей моихъ то чинитца, и уже такіе младенцы будто изобижены бываютъ отъ меня“. Сами враги ослабляли значеніе своихъ обвиненій доносами вродѣ слѣдующаго: Лисовскій вылилъ колоколъ для линковской церкви, и на этомъ колоколѣ оказалась надпись: „Слитъ звонъ сей въ Новѣ-городку до села Линкова, до храму свѣтаго Архистратига Михаила стараніемъ его милости пана сотника новогородскаго Ѳедора Лисовскаго благомудраго и отъ враговъ непобѣдимаго, року ѧψ҃ѕ марта въ к҃“, а подъ этой надписью таинственныя буквы: „цы, покой, вѣди, вѣди, земля, ѳита, люди, слово, нашъ“. Кутневскій и Заруцкій убѣдили линковскаго попа написать въ своей челобитной [3]) объ этомъ колоколѣ, котораго онъ даже, по собственному признанію, хорошенько и не видѣлъ, такъ какъ колоколъ былъ привезенъ и повѣшенъ въ то время, какъ онъ служилъ обѣдню. Враги Лисовскаго настаивали, чтобы его допросили „подъ какимъ онъ прилогомъ непобѣдимымъ велѣлъ себя писати“ и что значатъ таинственныя литеры,—изображая его чуть не вторымъ Мазепою. Поднялось цѣлое дѣло, допросили и самого Л—аго и свидѣтелей, и въ результатѣ оказалось, что надпись

[1]) Св. 43 № 61.
[2]) Св. 41, № 51.
[3]) Св. 43, № 61.

Библиотека "Руниверс"

сочинилъ безъ вѣдома сотника выливавшій колоколъ глуховскій звонникъ Александръ Карповъ; сдѣлалъ онъ это „съ простоты, хотя тѣмъ ему Л—ому прислужитца“, за что и получилъ сверхъ условленной платы сапоги.

Лисовскій воспользовался также для своей защиты происшедшей во время розыска дракой между Андреемъ Пикулицкимъ (братомъ наказного сотника Парѳена) и сыномъ протопопа Андреемъ Заруцкимъ—съ одной стороны, и челядниками Лисовскаго—съ другой. У А. Заруцкаго собрались гости: Пикулицкій, маляръ Коробаненко и др.; пригласили въ качествѣ пѣвцовъ старшаго дьяка успенской школы Петра Ѳедорова и „молодиковъ“ воскресенской школы Ивана Косого и Матвѣя[1]); приглашали также и дьяка этой школы Евстрата Семенова, но онъ не пошелъ, несмотря на двукратный зовъ протоповскаго сына. Гости засидѣлись до поздней ночи; потомъ, Заруцкій, Коробаненко и дьякъ Петръ по приглашенію Пикулицкаго отправились къ нему на хуторъ и, погулявши тамъ часа два, стали возвращаться въ городъ всѣ вмѣстѣ въ коляскѣ и верхомъ. При въѣздѣ въ городъ у подгулявшей компаніи погасла въ фонарѣ свѣчка. Петръ подъѣхалъ къ воскресенской школѣ, сталъ стучаться и просить огня; огня ему не дали. Тогда пришелъ Пикулицкій и сталъ кричать; школьникъ Иванъ Конотопецъ, „видѣвъ то ихъ напрасное нахожденіе въ школу, выбилъ Пикулицкаго изъ школы вонъ“. Тотъ вернулся снова уже въ сопровожденіи Заруцкаго, и завязалась общая свалка, въ которой принимали участіе и дьяки, и школьники, и даже „кухаръ“ воскресен. школы; Пикулицкій билъ дьяка саблей „плазомъ“, но и самъ пострадалъ не мало: у него оказалась голова „испроломлена“ и въ крови.

На шумъ изъ находившагося противъ школы двора Лисовскаго выбѣжалъ его слуга Денисецъ и сталъ бранить Заруц-

[1]) Школы устраивались при церквахъ и были въ то же время пѣвческими капеллами подъ управленіемъ старшаго дьяка—регента и учителя школы. Школы были очень распространены въ Малороссіи того времени: въ Новг.-Сѣв. ихъ было нѣсколько (въ излагаемомъ дѣлѣ упоминаются 3 школы). есть указаніе на существованіе школы въ селѣ Рыковѣ; среди челобитчиковъ и свидѣтелей попадаются грамотные мастеровые, челядники и простые козаки.

Библиотека "Руниверс"

каго съ Пикулицкимъ; тѣ погнались за нимъ, но онъ спрятался во дворъ и оттуда сталъ ихъ „лаять и, стоячи на хворткѣ, сталъ ихъ къ себѣ звать: „подите де къ намъ на дворъ, будете-ли живы?!“ но они ему сказали: „мы де къ вамъ на дворъ не пойдемъ и бросили въ него полѣномъ“. Произошла новая драка, въ которой, разумѣется, досталось обѣимъ сторонамъ. Лисовскій и придрался къ этому случаю, по словамъ Заруцкаго „хотя отбыть иску отца моего и многихъ новгородцкихъ обывателей“; онъ представилъ все дѣло, какъ одинъ изъ моментовъ постояннаго гоненія на него его враговъ, и обвинялъ Заруцкаго и Пикулицкаго въ томъ, что они „въ ночной годинѣ на его дворъ многолюдствомъ три раза находили, ворота его ломали, дворъ въ конецъ разорили и малыхъ его дѣтей великимъ воплемъ пужали“ (самъ Лисовскій былъ все время розыска въ Глуховѣ, его жена съ маленькимъ ребенкомъ и родственницей Л—каго изъ Стародуба „дѣвкой Мариной, прозываемой Гирею“,—на хуторѣ Изруѣ; во дворѣ оставался только старшій сынъ сотника съ своимъ „инспекторомъ“ (гувернеромъ) Рожанскимъ.

Лисовскій не только силился доказать, что его преступленія преувеличены и раздуты его врагами, которые воздвигли на него гоненія, съ самаго перваго дня его появленія въ Новгородъ Сѣверскѣ. Онъ употреблялъ еще и другой, не лишенный своеобразнаго значенія, способъ оправданія. Отданный подъ судъ сотникъ не отрицалъ того, что за нимъ водятся кое-какіе грѣхи; но и другіе дѣлаютъ то-же самое: бывшій войтъ Степанъ Мажуга, еще до назначенія его сотникомъ „великія обиды и разоренія всенароднія чинилъ“, также поступали и бывшіе до него сотники [1]).

Въ другой своей челобитной (отъ 13 Марта 1719 г.) онъ говоритъ: „Ежели я одинъ въ Малороссіи, что въ моемъ розыску явилося, чинилъ, а въ другихъ сотняхъ того не чинятъ, о томъ да повели Ваше Царское Величество розыскать и ежели

[1]) Св. 46 №—81.

Библиотека "Руниверс"

по розыску явится, что того въ иныхъ полкахъ и сотняхъ не чинятъ, и за то положить на меня штрафъ“ [1]).

Повидимому, оправданія Лисовскаго достигали своей цѣли и положеніе его было вовсе не такимъ критическимъ, какъ можно было-бы думать. По крайней мѣрѣ, онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для того, чтобы затѣять ссору съ производившимъ розыскъ Хрипуновымъ. Онъ не только объявлялъ во всеуслышаніе въ домѣ Протасьева, что Хрипуновъ производитъ розыскъ неправильно, но отважился даже на угрозы самому Хрипунову: передъ отъѣздомъ изъ Новгородъ-Сѣверска по окончаніи (надо думать, вполнѣ благополучномъ) слѣдствія Ергольскаго, Лисовскій послалъ къ капитану Хрипунову своего слугу съ приглашеніемъ явиться и, зазвавши его такимъ образомъ въ свой домъ, „сталъ бранить и безчестить всякою неподобною бранью и грозилъ: увидишь де ты самъ, что я тебѣ при окончанію розыску учиню“ [2]).

Въ мартѣ 1719 г. Лисовскій жалуется на то, что уже 6 мѣсяцевъ (съ сентября 1718 г., когда начался розыскъ) „пребываетъ безъ сотницкаго уряду“, и ссылается на царскій указъ гетману, въ которомъ сказано, что его не могутъ смѣстить безъ такого же указа [3]), а 12 мая мы застаемъ его уже въ новгородъ-сѣверской сотнѣ, откуда онъ пишетъ Протасьеву: „самъ того ради до отданія уклону Вашему Превосходительству не ѣду, же на село Голубовку для драни Вашему Превосходительству потребной поѣхали“ [4]).

Гетманъ посылалъ П. Пикулицкаго къ канцлеру гр. Головкину съ различными пунктами, среди которыхъ былъ и слѣдующій: „Дабы окончательный получить указъ на Ѳ. Лисовскаго,

---

[1]) Св. 42 № 21.

[2]) Св 42, № 29.

[3]) Св. 42, № 21.

[4]) Св. 42, № 32. Адресъ этого письма заслуживаетъ того, чтобы его привести цѣликомъ: „Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Великаго Государя нашего Его Царскаго Священнѣйшаго Величества ближайшему столнику Превосходительнѣйшему и Высокопочтеннѣйшему Его милости Господину Ѳедору Ивановичу Протасьеву мнѣ премилостивѣйшему Господину Господину и величайшему добродѣеви покорне“.

Библиотека "Руниверс"

бывшаго протопопу Гадяцкого, теперь сотника новгородскаго по челобитью многаго народа отъ его озлобленнаго и разоренаго, которыхъ озлобленій и разореній розыскъ черезъ превосходителнаго столника господина Ѳ. И. Протасьева выведенный и сюда присланный явныя документа свидѣтельствуетъ“ [1]). Но окончательный указъ пришелъ изъ Петербурга не скоро, а можетъ быть его и совсѣмъ не хотѣли давать пока. По крайней мѣрѣ изъ документовъ видно, что послѣ Хрипуновскаго розыска Лисовскому была возвращена хоругвь, и онъ опять водворился въ Новгородъ-Сѣверскѣ и тамъ далъ полную волю своей злобѣ противъ челобитчиковъ. Такъ В. Красовскій жалуется: „а опослѣ того розыску онъ, Л—ій, метячися на меня еще за тое, что я на ево билъ челомъ, приказалъ меня ухватить на ринку въ Новгородку и велѣлъ приволокти у свой дворъ и билъ меня тамъ чуть не до смерти. За тое моя жена била челомъ ясневельможному г. гетману на Лисовскаго, но онъ Л—ій той судъ гетманскій осмѣялъ и уничтожилъ; и въ тѣ поры стало мнѣ убытку рублей на 6, и онъ Лисовскій и паче сталъ на меня гонить, и, чтобъ меня убожества збавилъ, я мусилъ в людей взаймы взять два червонца и тѣ червонцы съ нуждою и нехотя ему Л—ому напастнику и грабителю отдалъ, боячися, чтобъ менѣ крайняго своево здоровя не лишитися [2]).

Если розыскъ Хрипунова и не привелъ ни къ какимъ рѣшительнымъ результатамъ и Лисовскій продолжалъ оставаться сотникомъ, то все-таки положеніе его послѣ этого значительно пошатнулось. Л—ій уже пересталъ быть для своего непосредственнаго начальства неприкосновенной особой, какую онъ представлялъ собой раньше. Уже въ іюнѣ 1719 г. по новымъ жалобамъ новгородъ-сѣверцевъ гетманъ рѣшился самъ назначить слѣдствіе надъ Л—имъ и снова отобралъ у него хоругвь [3]). Но своевольный сотникъ не переставалъ повторять, что онъ не подсуденъ гетману, не можетъ быть отставленъ отъ уряда по его распо-

[1]) Св. 46, № 74.
[2]) Св. 48, № 38.
[3]) Лазар. 204—5.

Библиотека "Руниверс"

ряженію безъ царскаго указа и требовалъ себѣ подорожной въ Петербургъ, чувствуя необходимость укрѣпить нѣсколько свое положеніе и удержать подъ собой почву, которая видимо начала колебаться и ускользать изъ-подъ него. Тогда Скоропадскій, очевидно, выведенный изъ себя, рѣшился на крайнія мѣры. Въ караульную избу былъ посланъ гетманскій гайдукъ Ѳедоръ за тремя гренадерами, которые и были отпущены ему бывшими на карауле офицерами полка Еропкина, предупрежденными заранѣе своимъ начальникомъ полковникомъ Шарфомъ. Гренадеры, предводительствуемые гайдукомъ, привели Лисовскаго къ гетману; ихъ поставили у крыльца, а Л—аго ввели въ гетманскую свѣтлицу и тамъ избили до полу-смерти: били обухами гетманскіе слуги съ господаромъ Ив. Перехристомъ во главѣ, „а бьючи причитали: отъ тобѣ московская вѣрность, тутъ-же и подорожная будетъ тобѣ на той свѣтъ“. Потомъ гренадеры привели его въ караульню съ приказомъ держать его тамъ и никого къ нему не пускать. Избитаго сотника осматривалъ „цылюрикъ“ и нашелъ, что голова у него повыше праваго уха разбита до кости (рана шириной съ вершокъ), на правомъ плечѣ пониже сустава рана, въ которую цырульникъ клалъ „кнотъ болши вершка“; правый бокъ отъ шеи до поясницы, рука отъ плеча до локтя, „на грудяхъ противъ серца и подъ грудьми и на брюхѣ“, а также „ниже поясницы и стегна—все синя и багрова“ [1]).

Несмотря на неудачу своей первой попытки побывать въ Петербургѣ и на то, что гетманъ скорѣе готовъ былъ дать ему

[1]) Св. 43, № 38. А. М. Лазаревскій, упоминая про жалобу Л—аго по поводу гетманской экзекуціи, говоритъ: „Все это, разумѣется, сказка, выдуманная самимъ Л—имъ, разсчитывавшимъ, что слова о „московскій вѣрности“ будутъ приняты на вѣру и произведутъ свое дѣйствіе. Скоропадскій до такой степени боялся Лисовскаго, что и „на армату“ не смѣлъ-бы его посадить“: (Оп. Ст. Мал. стр. 205, прим. 342). Слова о „московской вѣрности“, очень можетъ быть, выдуманы самимъ Лисовскимъ, но фактъ экзекуціи тѣмъ не менѣе не можетъ подлежать никакому сомнѣнію: въ этомъ удостовѣряютъ бывшіе у насъ подъ руками документы, среди которыхъ находится не только жалоба Л—аго, но и показанія караульныхъ офицеровъ—поручика Карачанцова и прапорщика Малѣева, а также медицинскій осмотръ съ перечисленіемъ найденныхъ на тѣлѣ Л—аго ранъ и увѣчій. Происшло описываемое событіе въ іюнѣ или іюлѣ 1719 г.

Библиотека "Руниверс"

подорожную на тотъ свѣтъ, чѣмъ въ Петербургъ, Л—ій все-таки очутился въ столицѣ въ началѣ 1721 г. 24 іюня этого года онъ уже писалъ Государю челобитную въ компаніи съ неуступавшими ему въ злоключеніяхъ Потапомъ Пискуненкомъ, бывшимъ воронежскимъ сотникомъ, и Андреемъ Колбасой, бывшимъ полковникомъ компанейскимъ. Вотъ что писала эта достойная тройца въ своемъ челобитьи: „Мы нижеименованные рабы Вашего Царскаго Величества, пожалованные за вѣрность нашу въ измѣну Мазепину, многія и нестерпимыя обиды и разоренія и крайнее гоненіе безвинно претерпѣваемъ; именные указы Вашего Ц. В. испразднившіе, отъ урядовъ нашихъ отдалены и многое время безъ своихъ командъ въ гоненіи, въ разореніи и въ нестерпимой бѣдѣ пребываемъ, чего не могучи стерпѣти и съ нуждою нашею мусили въ Санктъ-Петербурхъ прибывши дерзнули просити милости въ иностранной коллегіи объ обидахъ нашихъ, какія на пунктахъ при челобитью изображены, понеже въ тѣхъ-де нашихъ обидахъ и разореніяхъ подавали мы челобитныя и пункты свѣтлѣйшему князю (Меншикову), будучему прошлого году въ Украинѣ, въ которомъ въ нашемъ челобитьѣ и разореніи и испражненые урядовъ нашихъ просимъ Вашего Ц. В. премилостивѣйшаго милосердія, Всемилостивѣйшій Государь, да повелитъ Державство Ваше въ тѣхъ нашихъ обидахъ и разореніяхъ послать отъ гвардіи Вашего Ц. В. офицера праведно розыскать“ [1]).

Мы не знаемъ, по доброй-ли волѣ попалъ Лисовскій въ Петербургъ (какъ это можно заключить изъ вышеприведенной челобитной), или-же его вызвали туда вслѣдствіе жалобъ гетмана и новгородцевъ Меньшикову въ 1720 г.[2]) а также дѣла, поднятаго первой женой Лисовскаго, Пелагеей Улѣзковной; во всякомъ случаѣ пребываніе Л—аго въ Петербургѣ было роковымъ для него. Услышавши про розыскъ Хрипунова, Пелагея подала Протасьеву челобитную, въ которой жалуется на Лисовскаго, что онъ „назадъ тому лѣтъ 15 принялъ зо мною шлюбъ

[1]) Св. 48, № 31.

[2]) См. Лазарев. 205.

Библиотека "Руниверс"

и, имѣніе, якое мѣламъ отъ родителей своихъ, похитивши, утеклъ отъ мене; а я, скитаючися черезъ тое время, сохраняючи дѣвство свое, ожидаючи его Л—аго ку себѣ возвращенія, которого-же не могламъ дождатися, а прочувши по долгомъ исканю, что онъ Лисовскій послѣ протопопства гадяцкого сталъ сотникомъ у Новгородку, писаламъ до него, ознаймуючи о своей чеканкѣ, а до того сожалѣючи своего имѣнія, имъ взятого". Лисовскій отвѣчалъ ей на это приглашеніемъ: „абымъ до его на футоръ Узруй пріѣхала для повѣданія къ розговору для нѣякого. Не познавши хитрости, у писмахъ его прелесныхъ выраженной, когда пріѣхаламъ до его на футоръ, надѣючись нѣякой отрады себѣ получити, онъ Л—ій не памятаючи на боязню Божую, поцтивости мене, до того времени хранимой, усклонне позбавилъ". Она проситъ „въ томъ приказать и разыскать, а по розыску святую христіанскую подлугъ артикуловъ правнихъ, з его Л—аго учинити справедливость" [1]). Но справедливости Пелагея не скоро добилась. „Съ криваво плачливыми моими слезами, пишетъ она въ другой своей челобитной, бью я челомъ Вашему благородію и прошу суду изъ своего мужа Лисовскаго; отъ его и многихъ укоризнъ претерпѣваю и посмѣянія людского; ижи-бы онъ большей мене не изводилъ и на ...аляцію не откладалъ, што и по сихъ мѣстъ не получиламъ отъ Вашего Високородія ни жадной справи изъ Л—аго своего мужа, и его ни разу не вѣдѣла управи изъ собою предъ вашимъ благородіемъ. Когда-жъ онъ не склоненъ и не слушаетъ благородія вашего на право изо мною стати, то изволте в. б. мнѣ причинный листъ, написанный до Царскаго Величества, нѣмъ тамъ получу отъ Его Ц. В. милость и право на своего мужа Л—аго, поневажъ то я и самому ясневельможному пану гетману являлась и въ суду енералного прохаламъ права на его, не получиламъ тилко. Ваше благородіе, изволте мене отпустити до Санату у Питенбурхъ, про що и я за щасливое ваше благородіе должна зостаю Господа Бога благати до конца живота своего. Вашему бла-

[1]) Св. 43, № 58.

Библиотека "Руниверс"

городію всенижайшая подножка Пелагія Степановна Лисовская“ [1]).

Наконецъ, несчастной Пелагеѣ удалось пробраться въ Моску, гдѣ по ея жалобѣ и подняли дѣло о двоеженствѣ Лисовскаго. Синодъ рѣшилъ разлучить Л—аго со второй женой, но тотъ не соглашался разстаться съ Ксеніей и принять Пелагею, за что отданъ былъ „тамъ въ Москвѣ въ святѣйшій синодъ подъ крѣпкій караулъ и оттоль отосланъ, въ нѣкоторыхъ важныхъ причинахъ, къ слѣдованію въ преображенскій приказъ, гдѣ вскорѣ и животъ свой окончилъ“ [2]).

Ѳедоръ Лисовскій своей шумной и безпокойной дѣятельностью оставилъ нѣкоторый слѣдъ и въ современной ему литературѣ. Среди документовъ, относящихся къ Лисовскому, намъ попались два „пашквѣля“, которые могли-бы служить превосходной эпитафіей на могилѣ этого многострадальнаго искателя приключеній, всю жизнь свою неустанно трудившагося надъ созиданіемъ своего собственнаго благополучія. Вотъ эти пасквили:

Въ тисячи семъ сотъ пятомнадцеть годѣ
Отпалъ отъ Христа попъ въ украинскомъ родѣ,
Ѳедоръ Лисовскій, новъ заблужденній
Бога чужденній
Сый, живий въ мирѣ Бога не бояся,
Блудилъ безчинно, людій не срамляся;
Три жены имѣвши, коснулся на священство.
Ахъ, безпеченство.
Санъ апостольскій взяти недостойнѣ
О, како дерзнулъ, живый своеволнѣ!
Се, вторый Іюда нине наречеся
Сѣту промчеся.
Хто, живя въ градѣ, противится власти,
Такій не увойдетъ злой ему напасти;
Тако Лисовскій, надѣяся на языкъ,
Жемати извыкъ,
Ровъ копалъ многимъ, яко пишетъ Давидъ,
Самъ въ яму упалъ и посрамилъ свой видъ.
Гдѣ честь священства дерзнулъ, малоумной,
Зри, о безумной!

---

[1]) Св. 43, № 58.

[2]) Донесеніе въ 1722 г. Жураховскаго, епископа черниговскаго, въ генеральную канцелярію. Лазарев. 206.

Библиотека "Руниверс"

Лучше-бы тебѣ утратити гла́ву
Нѣжъ іерейства загладити славу.
Слави искалъ еси и мірскія власти,
А не душу спа́сти.
Воровство въ тебѣ зѣло ся вплодило
Заздрость очію въ погибель водило,
Блуду бо еси и лжи исполнился,
Ахъ, нахопился.
Монархъ хотѣлъ еси, плуте, ошукати;
Побѣгъ въ Пѣтербурхъ пановъ удавати.
Господиномъ попамъ осторогу давъ,
Абы на тое кождый з нихъ не дерзалъ,
Ложныхъ свидѣтелствъ си воздержали
И не глаголя́ли.
Горе человѣку, имъ же кто вдается:
Таковый-бо, вѣмъ, да и не спасется.
Горе безумне таковой твоей славѣ
Безчинной гла́вѣ.

Второй пасквиль состоитъ всего изъ трехъ строкъ, раздѣленныхъ каждая на двѣ риѳмующихъ между собой половины:

Отче Лѣсовсвій, плаче кнутъ московсвій
По твоей шкурѣ, навсть по бандурѣ.
Возьмешь, небораче, ни попе, ни козаче [1]).

С. Моравскій.

[1]) Св. 48, № 19. Лисовскій представляетъ при челобитной копіи этихъ пасквилей съ заявленіемъ, что оригиналы переданы ему Протасьевымъ; „а отъ кого его благородіе тые пашквѣли получилъ, самъ онъ изволитъ донести". Въ концѣ стоитъ приписка Л—го: „повторной сей пашквѣлъ выданъ канцеляріи войсковой въ поруганіе мнѣ; а писалъ своею рукою канцеляриста войсковой Ханенко; а мнѣ подалъ сей пашквѣлъ Иванъ Суденко, житель и знатной казакъ новгородской при пану Захаріи Гапоненку въ девятую субогу". Помѣчено 14-мъ февраля 1721 г.

Библиотека "Руниверс"

Нѣсколько соображеній къ вопросу о князѣ Турѣ.

Двѣ строки лѣтописи, что Туръ пришелъ вмѣстѣ съ Рогволодомъ изъ-за моря и отъ него прозвались туровцы [1]), не могутъ, казалось-бы, обращать на себя большаго вниманія. Князь Туръ ни разу болѣе въ лѣтописи не упоминается,—ясное доказательство, что сколько—нибудь важной роли въ событіяхъ нашей исторіи онъ не игралъ. „Пришелъ изъ-за моря“ и больше ничего. Конечно, можно, имѣя одно это извѣстіе, говорить, что онъ былъ призванъ кривичами или дреговичами, или покорилъ ихъ съ своими дружинниками, сталъ въ вассальныя отношенія къ князю полоцкому, [2]) насаждалъ среди жителей лѣсовъ и болотъ культуру. Все это будетъ не болѣе какъ историческая гипотеза, и при томъ основанная лишь на одномъ глухомъ лѣтописномъ извѣстіи и слабыхъ аналогіяхъ. Говорить о значеніи князя въ политическихъ событіяхъ едвали возможно по неимѣнію для этого какихъ-либо данныхъ. Одно глухое извѣстіе дать ничего не можетъ. Эта глухость, мимолетность упоминанія заставляетъ историка видѣть здѣсь отголосокъ народныхъ преданій, но при этомъ столь отдаленныхъ по времени, что даже въ моментъ составленія лѣтописи изъ нихъ осталось только одно, что въ Туровѣ былъ Туръ. Но разъ только преданіе было, то историкъ обязанъ съ нимъ считаться, постараться его себѣ уяснить, основываясь на той простой аксіомѣ, что никакое народное преданіе не существуетъ безъ историческаго

---

[1]) Лаврентьев. Лѣтоп. Спб. 1872 г. стр. 74.

[2]) Завитневичъ. „Область Дреговичей, какъ предметъ археологическаго изслѣдованія“. Труды Кіев. Духовн. Академіи. 1886 г., № 8 стр. 587—588.

Библиотека "Руниверс"

основанія, затемненнаго временемъ, устной передачей, наслоеніями и народной фантазіей. Отыскать эту историческую основу преданія интересно хотя-бы только потому, что она можетъ уяснить изслѣдователю культурныя отношенія въ тотъ періодъ времени, до котораго не хватаетъ взоръ исторіи. Своими собственными силами историкъ въ данномъ случаѣ справиться, конечно, не можетъ, и необходимо прибѣгнуть къ содѣйствію изслѣдователей въ другихъ родственныхъ исторіи областяхъ знанія.

Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что мы имѣемъ въ извѣстіи о Турѣ дѣло съ народнымъ преданіемъ. Брать преданіе цѣликомъ, въ томъ видѣ, какъ оно доходитъ до насъ изъ устъ народа, какъ оно есть въ лѣтописи, куда занесено лѣтописцемъ также изъ этого источника,—нѣтъ никакого основанія. Попытки оправдать это лѣтописное извѣстіе другими доказательствами едвали могутъ привести къ прочнымъ результатамъ. Отыскивая имя „Туръ“, или лучше его созвучіе, въ скандинавской миѳологіи, приравнивая его къ имени „Торъ“, имени бога грома [1]), для доказательства заморскаго происхожденія туровскаго князя. Сторонники теоріи славянскаго происхожденія русскихъ князей утверждаютъ, что имя „Туръ“ чисто славянское. Въ самомъ дѣлѣ, странно было-бы принимать сближеніе „Туръ“ и „Торъ“ когда у поляковъ мы находимъ имя Туръ, у чеховъ, у сербовъ точно также, какъ и вообще имена, Туровъ, Турецъ, Туръ и Туры суть древнѣйшія славянскія наименованія мѣстъ и людей [2]). Соблюдая строгую послѣдовательность, послѣдователямъ первой гипотезы необходимо утверждать, что всѣ эти Туры—чехи, сербы и поляки—имѣли своими предками скандинавовъ, и что разсыпанныя на огромномъ пространствѣ славянской земли рѣчки Туровица, Турья, Турова, урочища Турово, Турье и т. д., ведутъ, по имени, свое происхожденіе отъ скандинавскаго Тора. Но это уже абсолютно невозможно. Пожалуй, можно тутъ выйти изъ затрудненія смѣлымъ утвержденіемъ, что всѣ эти Турьи и

---

[1]) Kunik. Die Berufung der schwedischen Rhodsen. II, s. 148—153.

[2]) Гедеоновъ. Варяги и Русь. I, стр. 247.

Библиотека "Руниверс"

т. д. сами по себѣ, и прозвались отъ нашего звѣря тура, а туровскій князь носилъ имя скандинавскаго бога Тора, но, конечно, это будетъ только новая смѣлая гипотеза. Отдѣлять Туровъ дреговецкій отъ Турова сѣверянскаго, бывшаго вблизи города Воргола [1]), и считать ихъ имена разнаго происхожденія, по нашему мнѣнію, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Въ той-же приблизительно мѣстности, гдѣ находится Туровъ, существуетъ р. Турья и городъ Турійскъ [2]). Производство тутъ вполнѣ ясное: Турійскъ отъ Турьи, а Турья отъ тура; Туровъ непосредственно отъ тура, очевидно, отъ того-же самаго, отъ котораго происходитъ и Турья, а не отъ скандинавскаго. Наконецъ, около самаго Турова, по преданію, рѣчка называлась нѣкогда Туры [3]). Очевидно, эти топографическія названія такого же происхожденія, какъ Оленья рѣка, Медвѣжья рѣка и т. д., и получили свое прозваніе отъ того самаго звѣря, о которомъ Владиміръ Мономахъ говоритъ: „тура мя два метала на розѣхъ, и с конемъ олень мя одинъ болъ, и два лоси одинъ ногама топталъ, а другый рогама болъ...“ [4]). Это мѣсто поученія Мономаха весьма важно. „А изъ Чернигова вышедъ, и д....о лѣта по сту угонивалъ и ....*кромѣ Турова*, иже со отцемъ ловилъ всякъ звѣрь“, разсказываетъ онъ раньше, затѣмъ передаетъ о ловлѣ дикихъ въ Черниговской области [5]), послѣ чего слѣдуетъ вышеприведенный отрывокъ объ охотѣ на туровъ, оленей, лосей и т. д. по преимуществу, около Турова. Такимъ образомъ оказывается, что именно въ окрестностяхъ Турова было главное мѣсто княжеской охоты на туровъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что тутъ мы находимъ и Турью рѣку, и городъ Туровъ. Послѣдователи теоріи славянскаго происхожденія русскихъ князей, доказывая славянство имени „Туръ“, не приводятъ однакоже

---

[1]) Барсовъ. Матерьялы для историко-географич. словаря Россіи Вильно. 1865 г. стр. 202.

[2]) Ibidem, стр. 202; Андріяшевъ. Очеркъ исторіи Волынской земли. Кіевъ. 1887 г. стр. 58.

[3]) „Творенія святого отца нашего Кирилла Туровскаго“. Кіевъ. 1880 г. стр. II, примѣч.

[4]) Лавр. Л. стр. 242.

[5]) Ibidem.

Библиотека "Руниверс"

никакихъ подтвержденій извѣстію лѣтописи о князѣ туровскомъ, принимая этотъ фактъ какъ дѣйствительный, а между тѣмъ прежде всего и слѣдовало-бы доказать несомнѣнность этого извѣстія, а потомъ уже объяснять происхожденіе самаго имени.

Едвали можно найти какія-нибудь другія данныя для доказательства существованія князя Тура кромѣ этого единственнаго, крайне глухаго, лѣтописнаго извѣстія. На нашъ взглядъ, названіе Туровъ, какъ я раньше указывалъ, произошло отъ обилія въ данной мѣстности дикаго звѣря тура. Но является вопросъ, какъ могло явиться самое преданіе о князѣ Турѣ? Я позволю себѣ въ настоящей небольшой замѣткѣ представить нѣсколько соображеній по этому вопросу, не придавая имъ никакого рѣшающаго значенія, соображеній, которыя, можетъ быть, вызовутъ другихъ изслѣдователей высказать нѣсколько новыхъ мнѣній о разбираемомъ лѣтописномъ извѣстіи и сообщить новыя данныя для его объясненія.

„А Туры (имяше власть) Туровѣ, отъ негоже и Туровци прозвашася“. Прежде всего ясно, что туровци прозвашася не отъ тура, а отъ Турова, какъ черниговцы отъ Чернигова, ростовцы отъ Ростова. Имя Туровъ взято отъ Тура, т. е., вѣрнѣе по имени города „Туровъ“ могли найти основателя его Тура. Аналогичное явленіе данному мы находимъ въ прозваніи города Кіева отъ Кія, который, по однимъ преданіямъ, былъ тоже мѣстный князекъ, по другимъ, перевозчикъ черезъ Днѣпръ [1]). Историческая критика не можетъ признать этого Кія лицомъ дѣйствительнымъ, а относитъ его къ патронимическимъ [2]) героямъ. Въ этомъ случаѣ заключенію историка помогаютъ подробности разсказа о трехъ братьяхъ, о ихъ сестрѣ Лыбеди. Такихъ подробностей въ разсказѣ о Турѣ нѣтъ; это обстоятельство вполнѣ объясняется: мы имѣемъ лѣтопись полянскую, которая, конечно, знаетъ преданія Полянъ, но могла не знать преданій другихъ племенъ. Она не знаетъ многихъ преданій новгородскихъ и глухо передаетъ преданіе туровское, т. е., дря-

[1]) Лаврен. Л. стр. 8—9.

[2]) или эпонимическимъ, какъ считаетъ правильнымъ В. Б. Антоновичъ.

Библиотека "Руниверс"

говицкое. Самое преданіе о Рогволодѣ и Рогнѣдѣ, по нашему мнѣнію, несомнѣнно сѣвернаго, а не южнаго, происхожденія, о чемъ мы скажемъ подробнѣе нѣсколько ниже. Что тамъ, въ Дряговицкой или Полоцкой землѣ, какъ на югѣ о Кіѣ, преданія варьировались и о Турѣ, лучшимъ доказательствомъ служитъ извѣстіе архангелогородскаго лѣтописца, который говоритъ: „а братъ его (Роговолода) Тыры имяше Туровъ“ [1]). Существовалъ, значитъ, варіантъ, по которому Туръ являлся братомъ Рогволода. Почему преданіе, связанное съ городомъ Туровомъ, причислявшимся въ историческое время къ Кіевской области, могло сохраниться въ бо́льшихъ подробностяхъ среди преданій полоцкихъ, а не кіевскихъ, объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что дряговичи области туровской съ полнымъ подчиненіемъ Кіеву скорѣе утратили эти преданія, а дряговичи, отошедшіе къ Полоцку и образовавшіе потомъ у себя самостоятельныя княжества, могли съ бо́льшимъ успѣхомъ сохранить свои племенныя традиціи. Этому могло способствовать и еще одно обстоятельство чисто политическаго характера.

Преданіе о Турѣ, какъ извѣстно, является мимолетной вставкой въ преданіи о Рогнѣдѣ [2]). Послѣднее, несомнѣнно, сѣвернаго происхожденія, а не южнаго. Доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что первоначальная лѣтопись совершенно ничего не знаетъ о судьбѣ Рогнѣды послѣ выхода ея замужъ за Владиміра, но про это знаютъ сборники сѣверные, какъ

---

[1]) Лѣтописецъ. Въ Москов. типографіи. 1781 г. стр. 23.

[2]) Преданіе о Рогнѣдѣ ни разу не подвергалось полному разбору. Ни ученые, занимавшіеся разработкой лѣтописей, ни историки, не старались выяснить смыслъ этого преданія. Правда, находили въ немъ черты общія съ нѣкоторыми былинами о Владимірѣ (см. Миллера. „Илья Муромецъ и богатырство кіевское“, Спб. 1869 г., стр. 368, 369, 370), съ поэмами западно-европейскими (см. Кирпичникова: „Поэмы ломбардскаго цикла“, Москва 1873 г., стр. 161 и слѣдующая). Наиболѣе глубокій анализъ преданія о Рогнѣдѣ сдѣланъ Костомаровымъ въ статьѣ „Преданія первоначальной русской лѣтописи“ (Историч. монографіи, т. XIII, стр. 172 и слѣд.). Недавно г. Довнаръ-Запольскій въ своемъ „Очеркѣ Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столѣтія (Кіевъ 1891 г.) посмотрѣлъ на это преданіе съ надлежащей точки зрѣнія, хотя и невѣрно, по нашему мнѣнію, объяснилъ его смыслъ, остановившись на одномъ его пунктѣ.

Библиотека "Руниверс"

Лаврентьевская лѣтопись, Тверская, въ которые, очевидно, вошли преданія мѣстныя полоцкія [1]). Когда преданіе о Рогнѣдѣ

[1]) Вотъ отрывки повѣсти о Рогнѣдѣ, какъ они сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ. „И посла (Владиміръ) ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: хочю пояти дщерь твою собѣ женѣ". Онъ же рече дщери своей: „хочеши ли за Володимера?" она же рече: „не хочю разути рабичича, но Ярополка хочю". Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть свою въ Полотьскѣ, а Туры Туровѣ, отъ него же и Туровци прозвашася. И придоша отроцы Володимеровы, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дщери Рогъволожѣ, князи Полотьскаго; Володимеръ же собра вои многи, варяги и словѣни, чюдь и кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время хотяху Рогнѣдь вити за Ярополка; и приде Володимеръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя женѣ, и поиде на Ярополка". (Первоначальная лѣтопись; Лавр. лѣт., изд. 1872 г., стр. 74) „О сихъ же Вославичахъ ище есть, яко сказаша вѣдущии, преже: яко Роговолоду держащю и владѣющю и княжащю Полотьскую землю, а Володимеру сущю Новѣгородѣ, дѣтьску сущю, еще и погану, и бѣ у него уй его Добрыня воевода, и храборъ и наряденъ мужь; и сь посла к Роговолоду и проси у него дщере его за Володимера. Она же рече: „не хочю разути рабичича; но Ярополка хочю"; бѣ бо Роговолодъ пришелъ изъ заморья, имѣяше волость свою Полтескъ. Слышавъ же Володимеръ, разгнѣвася о той рѣчи, аже рече: „не хочю я за рабичича"; пожалися Добрыня и исполнися ярости, и поемъша вои и идоста на Полтескъ и побѣдиста Роговолода. Рогъволодъ же вбѣже в городъ, и приступивъше к городу, и взяша городъ, и самого князя Роговолода яша, и жену его и дщерь его; и Добрына поноси ему и дщери его нарекъ ей рабичица, и повелѣ Володимеру быти с нею предъ отцемь ея и матерью. Потомъ отца ея уби, а саму поя женѣ и нарекоша ей имя Гориславa; и роди Изяслава. Поя же паки ины жены многы и нача ей негодовати. Нѣколи же ему пришедшю к ней и уснувшю, хотѣ и зарѣзати ножемь; и ключися ему убудитися, и я ю за руку. Она же рече: „сжалилася бяхъ, зане отца моего уби и землю его полони, мене дѣля, и се нынѣ не любиши мене и съ младенцемъ симь". И повелѣ ей устроитися во всю тваръ цесарьскую, яко же в день посяга ея, и сѣсти на постели свѣтлѣ въ храминѣ, да пришедъ потнеть ю; она же тако створи, и давши мечь сынови своему Изяславу в руку нагъ, и рече: яко внидеть ти отець, рци выступя: „отче еда единъ мнишися ходя?" Володимеръ же рече": а хто ти мнѣлъ здѣсь?" и повергъ мечь свой, и созва боляры, и повѣда имъ. Они же рѣкоша: „уже не убий ея, дѣтяти дѣля сего, но въздвигни отчину ея и дай ей с сыномъ своимъ". Володимеръ же устрои городъ, и да имя, и нарече имя городу тому Изяславль. И оттолѣ мечь взимаютъ Роговоложи внуци противу Ярославлимъ внукамъ". (Суздл. лѣт. по Лавр. списк. Изд. 1872 г., стр. 284—285)·

„Владимеръ же просвѣщень сый самь и сынове его святымъ крещеніемъ, посла къ женѣ своей Рогнѣди, глаголя сице: „азъ убо отнынѣ крещень есмь, и пріяхъ вѣру и законъ христіанскій; подобаше ми едину жену имѣти, еюже поях въ христіанствѣ; избеги убо себѣ отъ велможъ моихъ, его же хощеши, да сочетаю тя ему". Она же отвѣщавши, рече ему: „или ты единъ хощеши царствіе земное и небесное въспріяти, а мнѣ маловременнымъ симъ и будущаго дати не хощеши;

Библиотека "Руниверс"

получило въ Полоцкѣ окончаоельную редакцію? Кажется, на этотъ вопросъ можетъ быть данъ почти категорическій отвѣтъ. Замѣтимъ прежде, что въ Ипатьевской лѣтописи въ цѣломъ видѣ этого преданія нѣтъ. Оно вставлено въ Лаврентьевскомъ сборникѣ подъ 1128 г. В лѣто 6636. Преставился князь Полотьскый Борисъ. В се же лѣто бысть вода велика, потопи люди и жита, и хоромы унесе. Все же лѣто преяша церковь Дмитрия Печеряне и нарекоша ю Петра, съ грѣхомъ великимъ и неправо. В то же лѣто заложи церковь Мьстиславъ князь камену святаго Ѳеодора. О сихъ же Всеславичѣхъ сице есть, яко сказаша вѣдущии, преже: . . . . . (слѣдуетъ разсказъ о Рогволодѣ и Рогнѣдѣ).

В лѣто 6637 (1129). Преставися Ярославъ Святославичь Муромѣ. В то же лѣто преставися Михалко Вячеславичь. В то же лѣто поточи Мстиславъ князи Палотьскыѣ Цесарюгороду, с женами и с дѣтьми“ [1]). Въ лѣтописи по Ипатскому списку подъ 1129 годомъ читаемъ: „Преставися князь Полотьскый Борисъ. Все же лѣто бысть вода велика, потопи люди и жито и хоромы снесе. Того же лѣта заложи Мстиславъ церковь камену святаго Федора, в Киевѣ, сынъ Володимерь“. Другихъ извѣстій никакихъ здѣсь нѣтъ. Подъ 1130 г. говорится о ссылкѣ полоцкихъ князей въ Грецію съ интереснымъ

ты бо отступи отъ идолскыа прелести въ сыновленіе Божіе, азъ же бывъ царицею, не хощу раба быти земному цару ни князю, но увѣститися хощу Христови, и въспріиму аггелскый образъ“. Сынъ же ея Ярославъ сѣдяше у неа, бѣ бо естествомъ таковъ отъ рожениа, и слыша глаголы и отвѣты матери своеа къ Володимеру; и въздхнувь, съ плачемъ глагола матери своей: о мати моа, въ истинну царица еси царицамь и госпожа госпожамь, яко въсхотѣ измѣнити славу нынѣшнего вѣка будущею славою, и не въсхотѣ со высоты на нижняа съступити, тѣмже блаженна еси въ женахъ. И отъ сего словесы Ярославъ въста на ногу своею и хождааше, а прежде бо бѣ не ходилъ. Рогнѣдь же сіа изрекши, постриженся въ мнишескый образъ, наречено бысть имя ей Анастасіа“. (Тверской Сборникъ. П. С. Р. Х., т. XV стр. 112—113).

В лѣто 6508 (1000) . . . . В се же лѣто преставися и Рогънѣдь мати Ярославля“ (Лавр. лѣт., стр. 126; Ипатьевск. лѣт., изд. 1871 г., стр. 89; Тверс. Сборникъ, стр. 121; Никоновск. лѣт., изд. 1767 г., ч. I, стр. 111, подъ 1002 г.).

[1]) Лавр. Лѣт., стр. 286—287.

Библиотека "Руниверс"

прибавленіемъ: „еже приступиша хрестьное целованіе“ [1]). Замѣчательно, что ни въ Лаврентьевской, ни Никоновской, ни Тверской лѣтописи послѣдняго объясненія нѣтъ, и только въ одной Воскресенской, составитель которой пользовался несомнѣнно и южными лѣтописями, сказано не ясно: „за ослушаніе“ [2]). Изъ этого сопоставленія лѣтописныхъ извѣстій прежде всего видно, что 1) на югѣ въ полномъ видѣ преданіе о Рогнѣдѣ не было извѣстно, потому что въ противномъ случаѣ оно вошло бы и въ Ипатьевскій сборникъ; 2) на югѣ всю вину борьбы между кіевскими князьями и полоцкими складываютъ на послѣднихъ, смотря на дѣло съ точки зрѣнія централизаціонной политики; 3) въ Лаврентьевскомъ сборникѣ преданіе является вставкой, безъ связи, не у мѣста, ибо не смерть Бориса полотскаго вызвала воспоминаніе о Рогнѣдѣ, тѣмъ болѣе, что какъ мы видѣли, преданіе это отдѣлено отъ извѣстія о Борисѣ другими посторонними сообщеніями. Далѣе, Лаврентьевская лѣтопись писана до 1156 г. въ Переяславлѣ южномъ, а съ этого года рѣзко переносится на сѣверъ, въ землю суздальскую; окончательная-же редакція этого компилятивнаго сборника сдѣлана, по всей вѣроятности, въ Твери [3]). Если-бы преданіе о Рогнѣдѣ было южнаго происхожденія и если бы оно было занесено въ лѣтопись еще въ Переяславлѣ южномъ, то въ такомъ случаѣ мы нашли бы его и въ южномъ изводѣ, т. е., въ лѣтописи Ипатьевской. Слѣдовательно, преданіе о Рогнѣдѣ внесено въ Лаврентьевскій сборникъ на сѣверѣ изъ какого-нибудь сѣвернаго-же источника. Въ то время какъ между Кіевомъ и Полоцкомъ существуютъ натянутыя отношенія, между Полоцкомъ и другими сѣверными областями особой враждебности мы не видимъ. Мы можемъ даже предполагать, что споры изъ-за границъ между полоцкими и смоленскими князьями, старая традиціонная вражда между Изяславичами и Мстиславичами, устанавливали нѣкоторую дружественную связь между Изяславичами и Юрьевичами. Вотъ почему,

[1]) Ипатьев. Л., стр. 211.

[2]) Лавр. Л., стр. стр. 285—6; Никон. Л. ч. I, стр. 64; П. С. Р. Л. т. XV стр. 195; Ibidem, т. VII, стр. 29.

[3]) Указанія на это—въ самой лѣтописи.

Библиотека "Руниверс"

когда кіевская лѣтопись объясняетъ разгромъ полоцкихъ князей тѣмъ, что они „приступиша хрестьное целованіе“, лѣтопись суздальская стремится сгладить дѣло. Она не упоминаетъ ни о стремленіяхъ кіевскихъ князей, ни о „непослушаніи“ князей полоцкихъ, а сваливаетъ все на рокъ, на неизбѣжность вражды между двумя княжескими домами—Изяславичей и Ярославичей. *„Оттолѣ*, говоритъ она, мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославлимъ внукомъ“. Рогнѣда хотѣла зарѣзать Владиміра; Владиміръ хотѣлъ убить Рогнѣду, и вотъ эта-то кровавая черта должна проходить и въ отношеніяхъ Изяславичей и Ярославичей. Составитель Лаврентьевскаго сборника, сборника всеже писаннаго въ предѣлахъ Ярославичей, къ которымъ принадлежали и Юрьевичи, взялъ это преданіе изъ лѣтописей полоцкихъ [1]) и втиснулъ его подъ 1128 годомъ среди другихъ извѣстій, неимѣющихъ съ нимъ никакой связи, придавъ ему приведенный выше конецъ, стараясь оправдать и Изяславичей и Ярославичей. Но очевидно, что въ самой полоцкой землѣ смотрѣли на дѣло иначе. Первая четверть XII в. есть время самаго сильнаго стремленія князей кіевскихъ подчинить своей власти князей полоцкихъ. Идетъ отчаянная борьба, но, къ несчастью, глухо отразившаяся въ лѣтописи, писанной въ предѣлахъ Ярославичей. Насколько она была интензивна, видно изъ ссылки полоцкихъ князей за предѣлы Руси въ 1129 году [2]). Вотъ въ это-то печальное для полоцкой области время и получило окончательную свою редакцію преданіе о Рогнѣдѣ. Владиміръ нарушилъ права своей супруги Рогнѣды; онъ вполнѣ заслуженно подвергался мести этой полоцкой героини; онъ созналъ свою ошибку и выдѣлилъ ей съ сыномъ владѣніе, которое, въ силу этого выдѣленія, имѣетъ полное право на самостоятельное существованіе, независимое отъ кіевскихъ князей. Рогнѣда—это типъ гордой, независимой, сознающей свое достоинство, женщины. Въ полной редакціи преданія, сохраненной въ Тверскомъ сборникѣ, она выдерживаетъ себя до конца. Обратите внима-

[1]) Или изъ полоцкихъ лѣтописей, или просто полоцкія преданія были извѣстны и въ землѣ суздальской

[2]) Лавр. Л., стр. 286.

Библиотека "Руниверс"

ніе на ея гордый, полный достоинства отвѣтъ Владиміру, когда онъ хотѣлъ послѣ своего крещенія выдать ее замужъ за кого-нибудь изъ своихъ приближенныхъ. Полоцкое преданіе выдвигаетъ еще рѣзче превосходство своей героини надъ кіевскимъ княземъ, выставляя ее болѣе проникнутой христіанскими идеалами, чѣмъ самъ князь.

Причемъ-же въ этомъ преданіи Туръ?

Споры между полоцкими и кіевскими князьями велись, главнымъ образомъ, по вопросу о границахъ. Область племени Дреговичей, разорванная на двѣ части, была яблокомъ раздора [1]). Природной грани не было. И вотъ въ Полоцкѣ и выдвигается преданіе о давней связи области Дреговичей съ областью полоцкой, связи династической: Рогволодъ и Туръ—друзья-товарищи, а можетъ быть, и братья. Отчего они изъ-за моря? Къ XII в. окончательно сложилось преданіе о призваніи изъ-за моря братьевъ Рюрика, Синеуса и Трувора. Легенда объясняетъ фактъ зависимости Новгорода, Смоленска, Бѣла-озера отъ кіевскихъ князей. Подчиненіе полоцкой области основывали на родствѣ Изяслава съ Владиміромъ. Въ противовѣсъ этому въ Полоцкѣ выставляется преданіе о нѣкогда бывшей самостоятельности его, о своей собственной династіи, которая точно также основана норманскими князьями, равными по достоинству съ Рюрикомъ и его братьями. Ссылка, хотя и на собственную, но туземную династію, на племенныхъ національныхъ князьковъ, не могла имѣть значенія въ глазахъ современнаго общества, такъ какъ кіевскіе князья уничтожали ихъ, ставя ихъ ниже себя.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть, объясняемо преданіе о заморскомъ происхожденіи нашего Тура и, отчасти, о самомъ его существованіи. Это патронимическій герой, которымъ воспользовались въ Полоцкѣ для политическихъ цѣлей. Таково, какъ намъ кажется, происхожденіе преданія о князѣ Турѣ, но и самая патронимичность въ народныхъ преданіяхъ можетъ имѣть какое-нибудь основаніе.

---

[1]) Причиной борьбы кіевскихъ князей съ полоцкими было также и постоянное стремленіе послѣднихъ къ захвату новгородской территоріи. Объясненіе этого стремленія мы дадимъ въ особой работѣ.

Библиотека "Руниверс"

Въ преданіи о Рогнѣдѣ и князьяхъ полоцко-туровскихъ заключается два элемента. Послѣдняя редакція его и особенно въ послѣднихъ своихъ частяхъ есть, конечно, позднѣйшій наростъ. Это именно та часть, гдѣ передается поэтически судьба Рогнѣды послѣ принятія Владиміромъ христіанства. Основа-же преданія, несомнѣнно, восходитъ ко временамъ язычества и принадлежитъ къ циклу полоцкихъ преданій о сѣдой старинѣ. Для такихъ преданій, какъ я уже сказалъ, у народа имѣлись какія-нибудь основанія. Преданіе о змѣѣ связывается на югѣ съ зміевымъ валомъ; кіевское сказаніе о Никитѣ-Кожемякѣ имѣетъ своей основой древнюю легенду о Янѣ Усмошвецѣ, которая, въ свою очередь, выросла на почвѣ преданій о борьбѣ осѣдлаго славянскаго населенія съ кочевникомъ, который является въ образѣ змія [1]). Чтобы выдвинуть въ преданіи князя Тура, необходимо было имѣть какое-нибудь основаніе въ преданіяхъ мѣстныхъ, которыя, въ свою очередь, произошли изъ туманныхъ воспоминаній о нѣкогда бывшемъ значеніи г. Турова, чисто мѣстномъ значеніи, въ какомъ-нибудь отношеніи.

Въ какомъ-же отношеніи могъ имѣть Туровъ значеніе въ доисторическое время? Раскопками В. Б. Антоновича и г. Завитневича, кажется намъ, выяснено достаточно, что поселенія дреговичей существовали и на южномъ, правомъ, берегу р. Припети [2]). Эти южныя дреговицкія поселенія представляли собою остатки нѣкогда бывшаго поселенія дреговичей по обѣимъ сторонамъ р. Припети. Двигаясь изъ прикарпатской общей славянской родины, дреговичи сначала должны были занять мѣстность къ югу отъ р. Припети, или оба ея берега, а потомъ подъ давленіемъ новаго движенія племени древлянъ, покидали мало по малу южный берегъ этой рѣки и переселялись на сѣверный, распространяясь въ этомъ направленіи все далѣе и далѣе. Вотъ въ тѣ то отдаленныя времена, когда дреговичи занимали оба берега р. Припети, и долженъ былъ возникнуть г. Туровъ, являясь центральнымъ пунктомъ между южными и сѣ-

[1]) Объ этомъ подробнѣе см. нашу работу: „Печенѣги, Торки и Половцы".

[2]) Завитневичъ „Археологическая экскурсія въ Припетское Полѣсье". (Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. IV, стр. 22—23.

Библиотека "Руниверс"

вернымн поселеніями ихъ. Съ занятіемъ южныхъ мѣстностей древлянами, съ отступленіемъ дреговичей на сѣверный берегъ р. Припети, повидимому, долженъ былъ появиться и другой центръ ихъ земли, далѣе къ сѣверу. Такимъ новымъ центромъ могъ быть Минскъ или другой изъ дреговицкихъ городовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи; сравнительно позднее упоминаніе объ этихъ городахъ въ лѣтописи, какъ извѣстно, ничего не доказываетъ. Однако-же и Туровъ не теряетъ своего значенія. Съ подчиненіемъ дреговичей власти кіевскихъ князей, Туровъ дѣлается политическимъ центромъ земли, и кіевскій князь сажаетъ туда одного изъ своихъ сыновей, а для древлянской земли въ Овручѣ особаго князя. Очевидно, была какая-то особая необходимость тѣснѣе привязать Туровъ, была необходимость наблюдать за нимъ, какъ за мѣстомъ, имѣющимъ какое-то особое значеніе въ жизни дреговицкаго племени. Мнѣ кажется, что съ этимъ, вполнѣ несомнѣннымъ фактомъ, можно сопоставить преданіе, сообщенное г. Завитневичемъ, и съ его объясненіемъ этого преданія, по которому жители г. Турова оказали очень сильное сопротивленіе введенію у нихъ христіанства: здѣсь пришлось употребить тѣ-же мѣры, что и въ Новгородѣ В. [1]). Если мы обратимся къ другимъ аналогичнымъ фактамъ въ русской исторіи, то замѣтимъ, что особенно сильное сопротивленіе христіанство встрѣчало въ тѣхъ центрахъ, которые имѣли важное значеніе во времена язычества, какъ центры религіозные. Припомнимъ, напр., исторію христіанства въ Ростовѣ, бывшемъ мѣстомъ поклоненія Велесу, противъ котораго долго боролся св. Авраамій [2]); припомнимъ смутныя преданія о борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Муромѣ, гдѣ было поклоненіе финскому божеству и стояла кереметь, на развалинахъ которой христіане соорудили церковь [3]). У финновъ даже есть богъ Ке-

[1]) Завитневичъ: „Изъ Археологической экскурсіи въ Припетское Полѣсье“ (Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. IV, стр. 21).

[2]) Житіе св. Авраамія ростовскаго (Четьи-Минеи, Макарія. Спб. 1880 г.). Октябрь, стр. 2025.

[3]) Житіе свв. Петра и Февроніи (Памятники старин. рус литературы в. II, стр. 40).

Библиотека "Руниверс"

реметь, которому, можетъ быть, на этомъ мѣстѣ и покланялась древняя Мурома [1]). Вообще, центральные города славянскихъ (и не славянскихъ) племенъ были, конечно, и ихъ религіозными центрами, какъ Кіевъ, Новгородъ В., Черниговъ [2]) и т. д. На основаніи этихъ фактовъ можно по аналогіи утверждать, что и центральный городъ дреговичей былъ центромъ и религіознымъ, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, если туровцы оказали сильное сопротивленіе проповѣдникамъ новой религіи. Какъ въ Ростовѣ главнымъ мѣстнымъ божествомъ являлся Велесъ, такъ точно въ Туровѣ могъ быть какой-нибудь свой богъ, противъ обожанія котораго приходилось, главнымъ образомъ, бороться миссіонерамъ. Какое-же было это божество?

Еще въ своей азіатской прародинѣ, какъ извѣстно, Аріи воздавали божескія почести коровѣ и быку. Съ этимъ культомъ они перешли и въ Европу. Отдѣльныя вѣтви этого великаго племени удержали это поклоненіе быку и далѣе, какъ олицетворенію бога солнца, оплодотворяющаго своими лучами землю. Это религіозное представленіе возникало у первобытныхъ народовъ вполнѣ естественно, и распространяться о происхожденіи этого культа здѣсь я считаю совершенно излишнимъ, какъ о вещи общеизвѣстной [3]). Всѣ индо-европейцы имѣютъ общее слово для обозначенія понятій *быкъ*, *волъ*, *туръ*. Корень tar, tur, по объясненію Микуцкаго,=sonare; отсюда литов. *stauretu*=выть, ревѣть, *tauras*=туръ, славян. *туръ*, др. нѣмец. *stior*, готск. *stiurs*; санскритскій корень является въ формѣ *sthira*, въ формѣ прилагательнаго означаетъ: *крѣпкій*, *сильный*, какъ объясняетъ

---

[1]) Castrenn: „Über die finische Mythologie“, 1853. SPB. s. 107.

[2]) О первыхъ двухъ городахъ мы имѣемъ лѣтописныя извѣстія; относительноже Чернигова это доказывается находкой двухъ серебряныхъ идоловъ при постройкѣ колокольни собора. (Макарій. „Исторія Церкви“. ч. I, стр. 121.

[3]) О происхожденіи и развитіи этого культа см. у Pictet. Les origines indo-europeennes“, Bergaigne. La religion indique“; Овсянико-Куликовскій: „Культъ божества Зота“ (Записки имп. новоросс. университета, т. 39, Одесса, 1884 г.) его-же: „Къ вопросу о „быкѣ“ въ религіозныхъ представленіяхъ съ Востокомъ“ (тамъ-же, т. 43, Одесса, 1885 г.).

Библиотека "Руниверс"

Пикте [1]). Въ данномъ случаѣ не наше дѣло рѣшать вопросъ о томъ, дѣлали-ли аріи различіе между быкомъ, воломъ и туромъ. Туръ у насъ, славянъ, есть дикій звѣрь, сильный и опасный, охота на котораго была сопряжена съ большими трудностями. Зоологическій періодъ въ развитіи религіозныхъ вѣрованій пережили и мы, славяне, и поклоненіе дикимъ звѣрямъ, сильнымъ и опаснымъ животнымъ существовало, нѣкогда и у насъ. Если Мономахъ въ XI—XII ст. разсказываетъ объ опасностяхъ охоты на тура, то что же должны были испытывать при видѣ этого звѣря обладатели первобытнаго, крайне несовершеннаго оружія, доисторическіе кривичи, дреговичи и т. д.! Очевидно, они преклонялись предъ нимъ, какъ преклоняется и теперь еще житель Африки предъ львомъ, или житель нашего крайняго сѣвера предъ медвѣдемъ. Поклоненіе туру является въ данной мѣстности еще болѣе естественнымъ потому, что тутъ этотъ звѣрь водился въ изобиліи, больше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Туръ могъ быть, такъ сказать, племеннымъ божествомъ дреговицкой земли. Не даромъ-же именно здѣсь, какъ мы видѣли, устраивалась охота княжеская на этого звѣря. Что за звѣрь былъ туръ,—этого, собственно говоря, мы до сихъ поръ не знаемъ точно. Одно несомнѣнно, что онъ былъ изъ породы быковъ, дикій быкъ, bos primogenius, по внѣшнему виду, подходящій, можетъ быть, къ зубру или бизону. Старое обще-арійское поклоненіе быку, какъ силѣ оплодотворяющей, соединилось съ обожаніемъ тура, какъ звѣря, страшнаго по своей силѣ, быстротѣ и другимъ опаснымъ качествамъ.

Ученые, посвящавшіе свои труды разработкѣ славянской миѳологіи, раздѣляются во мнѣніяхъ по вопросу о существованіи у нашихъ предковъ бога Тура. Одни признаютъ его и отождествляютъ съ другимъ славянскимъ божествомъ, Яриломъ, богомъ любви; другіе, признавая поклоненіе Ярилѣ и быку, отрицаютъ бога Тура, что̀ есть уже въ самой основѣ своей противорѣчіе. И тѣ, и другіе основываютъ свое мнѣніе на данныхъ народной

[1]) См. Pictet, op. cit. v. I, p. 416—418; Микуцкій: „Наблюденія и выводы по сравнительному арійскому языкознанію". Варшава. 1874 г. стр. 15.

Библиотека "Руниверс"

поэзіи, одни—признавая ея показанія вполнѣ ясными, другіе—не считая ихъ достаточно опредѣленными для положительнаго вывода[1]). Но разъ только мы признаемъ у славянъ существованіе поклоненія быку, то не можемъ отрицать поклоненія туру, быку дикому или богу Туру. Всѣ ранѣе приведенныя нами соображенія могутъ найти себѣ подтвержденіе и въ данныхъ археологіи и древней письменности.

Въ новооткрытомъ поученіи XII в. епископа Ильи между прочимъ стоитъ: „и о тоурѣхъ, и о лодыгахъ, и о колядницѣхъ и про беззаконный бой, попове, оуимайте своихъ дѣтей...“ [2]). Какъ-бы ни старались затемнить тутъ смыслъ, для всякаго ясно, что „колядницы“ и „безаконный бой“ суть остатки нѣкогда священныхъ языческихъ обрядовъ въ честь того или другаго бога. Очевидно и „тоуры“ и „лодыги“, поставленные рядомъ съ предыдущими, должны быть таковыми-же. Въ честь божества Тура должны были существовать празднества, игры, противъ которыхъ и приходилось впослѣдствіи бороться русскому духовенству.

Когда производится изслѣдованіе въ области миѳологіи или вообще этнографіи народовъ, населяющихъ или населявшихъ восточно-европейскую низменность, то обращать исключительное вниманіе на бытовыя явленія жизни только одного изъ нихъ нѣтъ никакой возможности. Съ незапамятныхъ временъ на территоріи нынѣшней Россіи сталкивались, жили подолгу совмѣстно, боролись и ассимировались народы двухъ племенъ: урало-алтайскаго и арійскаго. Существуетъ гипотеза объ единствѣ происхожденія финскаго и арійскаго племенемъ, о единомъ праплемени Аріо-финновъ. Если сама по себѣ эта гипотеза требуетъ еще дальнѣйшихъ изысканій, то факты, на которые она опирается, заслуживаютъ полнаго вниманія историка. Отысканное сродство языковъ, которыми говорятъ народы

[1]) Касторскій: „Начертаніе славянской миѳологіи“. Спб. 1841 г.; Потебня: „О миѳическомъ значеніе нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“ (Чтеніе моск. общ. ист. и др. Росс. 1865 г. кн. II; Сумцовъ: „Туръ въ народной словесности (Кіев. Ст. 1887 г. № 1).

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1890 г. Октябрь, Павлова: „Неизданный памятникъ русскаго церковнаго права XII в.“ Стр. 298.

Библиотека "Руниверс"

финскаго и арійскаго племенъ, сродство глубокое, указываетъ на давнее доисторическое, и при томъ весьма и весьма продолжительное, сожительство этихъ племенъ [1]). Если такъ взаимно повліяли другъ на друга ихъ языки, то тѣмъ болѣе должны были взаимно вліять другъ на друга ихъ культуры. Противъ этого спорить нельзя. Наша лѣтопись въ своей народной легендѣ, передѣланной на книжный ладъ, о призваніи Варяговъ, сохранила намъ драгоцѣнный фактъ близости финно-угрскихъ племенъ съ славянскими. Я разумѣю преданіе о союзѣ сѣверно-славянскихъ племенъ съ финно-угрскими племенами чуди, мери и веси [2]). А фактъ несомнѣнный ассимиляціи и поглощенія этихъ племенъ Славянами [3]), не указываетъ-ли онъ достаточно сильно на внѣдреніе бытовыхъ чертъ финно-угровъ въ бытъ славянскихъ плененъ? Данныя, собранныя Альквистомъ [4]), указываютъ на многочисленныя заимствованія словъ, сдѣланныя финно-уграми изъ литовскаго и славянскаго языковъ. Въ самое послѣднее время Веске указалъ на цѣлый рядъ культурныхъ общихъ заимствованій въ языкахъ финскихъ, славянскомъ и литовскомъ [5]). Заимствованія эти касаются всѣхъ сторонъ быта. Тѣмъ болѣе долженъ былъ существовать взаимный обмѣнъ религіозныхъ вѣрованій. Въ язычествѣ обоихъ племенъ было очень много общихъ чертъ. Языческая религія развивается на лонѣ природы. И у славянъ, и у финно-угровъ одинаковое обожаніе силъ природы и отсюда и у тѣхъ, и у другихъ существованіе божествъ почти съ одинаковыми аттрибутами власти и функціями. Этого было достаточно, чтобы не было религіозной борьбы: догматовъ не было, были только вѣрованія. Это была самая удобная почва для сближенія. Достаточно было общихъ

[1]) См. Кеппена: Матерьялы къ вопросу о первоначальной родинѣ и первобытномъ родствѣ индоевропейскаго и финно-угорскаго племени (Ж. М. Н. Пр. 1886 г. №№ 8, 10, 11 и 12).

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр. 11, изд. 1871 г.

[3]) Бѣляевъ. „Какъ образовалось великорусское племя" (Извѣстія Антропологическ. Отдѣленія Общества любителей естествознанія 1865 г. т. I.

[4]) „О древней культурѣ западныхъ финновъ", (Ж. М. Н. Пр. 1877 г. № 61).

[5]) Веске. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Казань. 1890 г.

Библиотека "Руниверс"

сходныхъ чертъ, чтобы произошло дальнѣйшее заимствованіе подробностей, чертъ второстепенныхъ. Происходила не борьба, а взаимный обмѣнъ религіозныхъ вѣрованій. По даннымъ языка ясно видно, что финское племя нѣкогда жило гораздо далѣе на западъ [1]) и занимало даже часть Германіи [2]). Антропологическія и лингвистическія данныя подтверждаютъ фактъ нѣкогда близкаго и совмѣстнаго сожительства Мордвы и Литвы [3]), Можно указать очень много аналогичныхъ явленій въ бытѣ русскославянскихъ, литовскихъ и финно-угрскихъ племенъ [4]). При такихъ условіяхъ исторіи русскихъ славянъ, мнѣ кажется, является абсолютно необходимымъ при изслѣдованіяхъ въ области славянской миѳологіи слѣдовать сравнительному методу, не упускать изъ вида данныхъ о бытѣ вообще и миѳологіи въ частности другихъ племенъ, населявшихъ и теперь еще населяющихъ восточную Европу; кромѣ того, данныя этнографическія необходимо сопоставлять съ данными археологическими.

[1]) Веске op. c. passim.

[2]) Кеппенъ, op. c.

[3]) Эвропеусъ. „Объ угорецкомъ народѣ". Спб. 1874 г. Винклеръ. Uralaltaische Völker und Sprachen. Berlin. 1884. s. 33.

[4]) Лѣтопись Быховца разсказываетъ. что Литовцы въ могилы „kładywali nohty rysii, abo medweżyi, dla toho iż wiru tuiu mili, iż sudny deń mił byty, y tak znamenali sobi, iżby boh mił pryty y sedity na hory wysokoy, y sudyty żywych y mertwych, na kotoriiz trudno budet wzoyty, bez tych nochtey rysich, abo medweżych... „(Narbut. Pomniki do dziejów litewskich. 1846. Vilno, p. 10—11). Въ мерянскихъ курганахъ мы видимъ, что меря клала со своими покойниками также и медвѣжьи когти, и даже изображенія звѣриной лапы съ когтями (Уваровъ. Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ", Труды I Археол. С. т. 1, стр. 699 и 701), Финскій богъ Piry или Perkele заимствованъ финнами изъ миѳологіи индо-германскихъ народовъ и соотвѣтствуетъ славянскому Перуну, литовскому Перкуну, летскому Перконсу („Castren, Uber die finnische Mythologie" p. 110, Spb. 1853). У финскихъ племенъ существовалъ религіозный обычай погребать своихъ боговъ. На сѣверѣ существуетъ преданіе, что и Перунъ былъ погребенъ со многимъ плачемъ на берегу р. Волхова съ великою тризною поганскою и могилу ссыпали на немъ высокую. Такихъ совпаденій можно было-бы указать гораздо болѣе, но считаю вполнѣ достаточнымъ и сказаннаго, Эти совпаденія могутъ быть и совершенно случайными, но нѣкоторыя заимствованія въ области религіозныхъ вѣрованій уже ясно констатированы, а потому и вообще подобныя аналогіи должны останавливать на себѣ серьезное вниманіе изслѣдователя, ввиду указанныхъ историческихъ условій жизни народовъ восточной Европы.

Библиотека "Руниверс"

Припомнимъ, хотя-бы, раскопки Черной могилы, обратимъ вниманіе на массу произведенныхъ и каждый годъ производящихся раскопокъ кургановъ. Каждая изъ нихъ даетъ что-нибудь изслѣдователю для объясненія быта, вѣрованій языческой старины.

Это взаимное вліяніе культуръ различныхъ племенъ на территоріи Россіи должно было начаться съ первыхъ моментовъ ихъ территоріальнаго соприкосновенія. Близкое сожительство, взаимныя мирныя и враждебныя столкновенія начались между финно-угрскими и славянскимъ племенами еще на югѣ восточной Европы. По вопросу о распространеніи финно-угрскаго племени на территоріи Россіи существуютъ несомнѣнныя данныя. Указано въ ихъ языкахъ существованіе иранскихъ элементовъ, которые могли въ нихъ появиться во времена пребыванія финно-угрскаго племени на самомъ югѣ восточной Европы [1]). Данныя лингвистическія и антропологическія вполнѣ совпадаютъ. Слѣды угрскаго племени лингвистическіе, въ видѣ названій мѣстностей [2]), и антропологическіе, въ видѣ длинно-головыхъ череповъ [3]), найдены теперь до Полтавской губерніи *включительно*. Къ несчастію, у новѣйшаго изслѣдователя, Веске, не было данныхъ для правой стороны Днѣпра въ видѣ списковъ населенныхъ мѣстъ, но это случайное обстоятельство не даетъ возможности отрицать распространенія финно-угрскихъ племенъ и на правой сторонѣ Днѣпра, тѣмъ болѣе, что въ древлянскихъ могильникахъ найдены длинноголовые черепа [4]). Въ параллель съ этимъ можно поставить и данныя языка: лѣвые притоки р. Припяти звучатъ не по славянски:

---

[1]) Cruel. Die Sprachen und Völker Europas vor der arischen Einvanderung Detmold 1883. s. 129 u. v. Lipp-von Schroeder. „Uber Ossetisches und Ugro finnisches“ (Sitzungsberich te der gelehrten estnischen Geselschaft. Dorpat. 1889. Ss. 117—119).

[2]) Веске. op. c. passim.

[3]) Богдановъ „О могилахъ скиѳо-сарматской эпохи въ Полтавской губ.“. Baer. Beschreib ung der Schädel welche aús dem Grabhügel eines skythischen königs aurge graben ist“.

[4]) Гамченко... Житомірскій могильникъ. Антоновичъ: „О древлянскихъ могильникахъ“ (Чтенія въ Ист. О. Нестора Л. кн. V, отд. I стр. 24).

Библиотека "Руниверс"

Цна, Ясіолда, Пина и др... На этотъ фактъ обращалъ вниманіе еще извѣстный Надеждинъ [1]). Если мы находимъ слѣды пребыванія финно-угровъ на югъ отъ р. Припяти, то тѣмъ болѣе, имѣя подобныя гидрографическія названія, мы въ правѣ предполагать, что финно-угры занимали области и къ сѣверу отъ нея, откуда и были вытѣснены движеніемъ славянъ. Мы увѣрены, что находки длинно-головыхъ череповъ при дальнѣйшихъ раскопкахъ вполнѣ совпадутъ съ данными лингвистическими. Словомъ, мы и въ этихъ мѣстностяхъ, въ области между рѣками З. Двиной и Припятью, можемъ предполагать съ незапамятныхъ временъ культурный обмѣнъ между финно-угрскимъ, славянскимъ и литовскими племенами.

Собственно говоря, мы черезчуръ уже стараемся усилить наше положеніе. Намъ нѣтъ даже нужды настаивать на томъ, что именно и тутъ, между рр. Припятью и З. Двиною славяне вліяли на финно-угровъ, и наоборотъ. Это взаимодѣйствіе культуръ могло совершаться гораздо раньше прихода славянъ именно въ эту область, и Дреговичи могли явиться сюда уже съ обожаніемъ Тура, или, если этотъ культъ чисто-славянскій, то славяне могли передать его финно-уграмъ еще до своего разселенія по областямъ, въ которыхъ ихъ застаетъ исторія.

Общепризнаннымъ является существованіе у славянъ божества Ярила, бога любви, сладострастія. Ему, конечно, воздавали поклоненіе и изображали его въ видѣ φαλλός. До насъ дошли такія изображенія [2]). Сначала у славянъ существовало лишь поклоненіе быку, какъ силѣ оплодотворяющей, одной изъ функцій бога солнца. Такъ было въ зооморфическій періодъ. Затѣмъ, когда зооморфизмъ сталъ переходить въ высшую стадію религіознаго развитія, стали являться божества для выраженія болѣе отвлеченныхъ идей, какъ любовь, сладострастіе. Тогда былъ или туръ, у насъ въ восточной Европѣ, быкъ рас

[1]) Библіотека для чтенія. 1837 г. т. XXII. III, 55. Надеждинъ. „Опытъ исторической географіи русскаго міра“.

[2]) Въ Ботаническомъ саду Кіевскаго Университета есть нѣсколько такихъ изображеній. Всѣ они каменныя, и на одномъ изъ нихъ вырѣзанъ даже носъ ротъ и глаза.

Библиотека "Руниверс"

excellence, нѣсколько стушевался, явилось pars pro toto, явилось обожаніе φαλλος'а.

Между тѣмъ мы имѣемъ и этнографическія и археологическія данныя, неопровержимо доказывающія, что финно-угры поклонялись быку. Въ могилахъ, въ области р. Медвѣдицы, найдены были отломки каменныхъ изваяній быка и барана [1]). Делиль сообщаетъ, что въ его время вотяки воздавали божескія почести быку [2]). Двѣсти лѣтъ тому назадъ мордва также поклонялась быку, котораго, по прошествіи трехъ лѣтъ, рѣзала и съѣдала [3]). Вообще, у финно-угрскихъ народовъ обожаніе животныхъ было сильно развито, чему можно было-бы привести многочисленныя доказательства. Но рядомъ съ данными, приведенными нами, указывающими на поклоненіе быку у финно-угровъ, существуетъ несомнѣнное указаніе, что они поклонялись и φάλλος'у. Извѣстно, что башкиры и венгры это одинъ и тотъ-же народъ, или вѣрнѣе, два народа одного и того-же племени Югры, и Башкирія—это Великая Венгрія средневѣковыхъ писателей [4]), откуда и произошло выселеніе венгровъ (части Югры) въ Европу. Въ настоящее время башкиры утеряли свой угрскій языкъ, подвергнувшись съ древнихъ временъ сильному вліянію тюркскаго племени. Но въ самомъ началѣ они были совершенными уграми, потому что даже въ XIII ст., когда у нихъ былъ извѣстный Рубруквисъ, они говорили языкомъ венгерскимъ, угрскимъ [5]). Въ X ст. былъ въ В. Венгріи (Башкиріи) знаме-

---

[1]) Рус. ист. сборникъ, т. I, 1837 г. Галинко: „О древностяхъ бѣжецкаго уѣзда тверской губерніи", стр. 24, пр. 1.

[2]) Записки имп. ак. н. т. VI, Спб. 1865 г. Пекарскій: „Путешествіе Делиля въ Березовъ". Стр. 8.

[3]) Трироговъ: „Мордовскія общины", (Рус. Мысль 1880 г. т. XXVII, стр. 257).

[4]) Извѣстія средневѣковыхъ писателей о тождествѣ башкиръ и венгровъ указаны въ нашемъ трудѣ: „Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ". См. также мнѣнія ученыхъ: Hunfalvy: „Ethnographie von Ungarn". Budapest. 1877. s. 72 u. v.: Diefenbach: Volkerkunde Osteuropas, Darmstadt. 1880. II Band. s. 287 и v.; Европеусъ: „Объ угорскомъ народѣ". Geza Kuun: „Lec origines hongroises" (Revue internationale, 1884. T. II, IV-e livraison p. 465) и др.

[5]) Voyages dans tous les mondes. Nouvelle bibliothèque historique et litteraire. Deux voyages en Asie au XIII-e siecle par Guill. de Rubruquis et Marco Polo. Paris. 1888, p. 70.

Библиотека "Руниверс"

нитый арабскій путешественникъ Ибнъ-Фоцланъ. Онъ видѣлъ, что всѣ башкиры носятъ на шеѣ небольшія деревянныя изображенія φάλλος'а, которому воздаютъ поклоненіе[1]). Такимъ образомъ, мы находимъ полную аналогію съ культомъ быка и φάλλος'а у славянъ и у финно-угрскихъ племенъ.

Въ полномъ соотвѣтствіи со всѣми приведенными фактами изъ славянской и финно-угрской миѳологіи стоитъ показаніе археологіи. Осенью 1835 г. близъ г. Галича, въ селѣ *Туровскомъ* сдѣлана была археологическая находка. Въ числѣ открытыхъ вещей находился небольшой языческій идолъ изъ красной мѣди. Онъ мужескаго пола, въ стоячемъ положеніи, обѣими руками ниже живота держится за φάλλος[2]). Въ данной мѣстности жило племя меря, одно изъ угрскихъ. Очевидно, найденъ онъ около того мѣста, гдѣ ему воздавалось поклоненіе. Въ этой области существуетъ до сихъ поръ такъ называемый элтанскій языкъ, употребляемый секретно между торговцами и признаваемый за остатки языка мери. И вотъ на этомъ языкѣ туръ=φάλλος[3]). Нужно замѣтить сверхъ того, что въ костромской губерніи сохранилось много мѣстъ, носящихъ имена: Турово, Туровское, Турольское, Туранъ, Турдіево, Турдіевы врáги, Турабьевъ и

---

[1]) D'Ohsson. „Les peuples du Caucase", p. 130: „Je remarquai, que tous le Baschcourdes portent sur eux la figure en bois du membre viril. Ils la baisent et lui adressent leurs prières: „O seigneur, lui disent-ils, accorde moi telle et telle chose. Je dis à mon interprète de demander à l'un d'eux, pourquoi il adorait l'image de cette partie du cors. „Parce que, repondit—il, je lui dois l'existence, c'est mon seul créateur".

[2]) Объ этой находкѣ въ 1837 г. Павелъ, епископъ черниговскій, сдѣлалъ докладъ, съ представленіемъ вещей, въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при моск. университетѣ (Рус. историч. сборникъ, 1837 г. т. I, стр. 102—103) Вслѣдъ затѣмъ Свиньинъ помѣстилъ въ томъ же томѣ Историч. сборника замѣтку объ этой находкѣ, въ которой дѣлаетъ предположеніе, что вещи принадлежатъ народу мери, что потомъ и подтвердилось изслѣдованіемъ гр. Уварова („Меране и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ"). Изображеніе идола помѣщено въ Рус. историч. сборникѣ, т. I, у гр. Уварова op. cit. и недавно въ превосходномъ изданіи Аспелина: „Antiquités du Nord finno-ougrien, I livraison. Объ этой находкѣ см. также: Пискарева: „Хронологическое обозрѣніе пятидесяти подземныхъ археологическихъ находокъ въ Россіи съ 1820 по 1850 г.".

[3]) Чтенія москов. общ. ист. и древ. Росс., 1865 г., кн. IV, отд. V, Діевъ „Какой народъ населялъ въ старину костромскую губернію". Стр. 171.

Библиотека "Руниверс"

т. п. Названія Тур+дій и Тур+дій(евъ, евы) безъ всякой насильственной ломки, съ удержаніемъ яснаго, опредѣленнаго, смысла разлагающіяся на *Туръ* и *дій* стоятъ въ полномъ соотвѣтствіи съ поклоненіемъ Туру въ этихъ мѣстностяхъ. Значеніе славянскаго слова „*дій*“, „*дивъ*“ для насъ совершенно понятно. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ Туромъ-діемъ стоитъ находка въ землѣ племени вятичей мѣднаго болвана *съ рожками на головѣ*, которому, конечно, воздавалось поклоненіе [1]). Итакъ угрское племя, меря, воздавало поклоненіе φάλλος'у, подъ именемъ Тура, что стоитъ въ полномъ согласіи съ извѣсіемъ Ибнъ-Фоцлана о башкирахъ (части Югры). Мы уже выше привели археологическое указаніе, что меря покланялась и быку. Весь вопросъ теперь заключается только въ томъ, назывался-ли у финно-угрскихъ племенъ дикій быкъ туромъ? Кажется, и на это можно дать утвердительный отвѣтъ. У финно-угровъ было названіе дикаго звѣря *tarw*, *tarwo*. Объ этомъ имени академикъ Шифнеръ дѣлалъ сообщенія въ Академіи наукъ. Оказывается, что финское *tarw* есть слово заимствованное въ отдаленныя, конечно, времена у индо-германцевъ. Финское tarw = исланд. tarb=др. нѣм. stior=гот. stiurs=литов. tauras=славян. туръ, Изъ многихъ доводовъ Шифнера, ссылающагося на Гримма и Ире, я укажу одинъ: названіе финское *Tarwatcki* передается нѣмецкимъ *Stierberg=бычачья гора* [2]).

Если мы станемъ на почву единства происхожденія финно-угровъ и аріевъ, то тогда должны, конечно, признать, что у аріо-финновъ было слово для обозначенія понятія дикаго звѣря-быка и, можетъ быть, уже существовало его обожаніе. Если мы не признаемъ единства происхожденія аріо-финновъ, то приведенные факты доказываютъ какъ заимствованіе слова, такъ

[1]) Пискарева. Ор. с. Въ тульской гоб., богородицкаго у. с. Малевки Ермилъ Никифоровъ вспахалъ на своей нивѣ мѣдный балванъ съ рожками на головѣ, и въ которомъ вѣсу оказалось 24 ф.

[2]) Bulletins de la classe historico philologique de l'akademie imperiale des sciences de S.-Petersbourg, t. VI, №№ 16, 17; 23, 24; pp. 285—288; 379-380.

Библиотека "Руниверс"

и заимствованіе культа. Кто у кого заимствовалъ, — этотъ вопросъ рѣшать не наше дѣло, но изъ тѣхъ данныхъ, которыя мною приведены, видно, что корень *tr* есть арійскій, и слѣдовательно, заимствованіе должно было произойти у арійцевъ, а не наоборотъ. Но съ другой стороны фактъ несомнѣнный, что болѣе ранними насельниками Европы были финно-угры, которые ранѣе аріевъ должны были знать дикаго быка и имѣть для него въ своемъ языкѣ слово. Отсюда какъ-бы вытекаетъ, что заимствованіе могло быть сдѣлано арійцами у финно-угровъ. Это недоумѣніе можетъ быть устранено тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что финно-угры послѣ многовѣковаго сосѣдства съ аріями-германцами, славянами, литовцами—утеряли много своихъ собственныхъ словъ и усвоили слова своихъ сосѣдей. Такимъ образомъ, слово *tarw* у эстовъ и *тур*ъ у мери есть заимствованіе, сдѣланное у литовцевъ и славянъ. Что-же касается поклоненія быку и φ'αλλος'у, то оно могло, конечно, развиться у каждаго изъ этихъ племенъ и совершенно самостоятельно, но названіе φ'αλλος'α у мери туромъ, сосѣдство топографическихъ названій, сложенныхъ съ словомъ *дій*, *див*, указываетъ на существованіе поклоненія Туру и у нашихъ предковъ славянъ, прежде всего какъ быку, а потомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и φ'αλλος'у.

Культъ Ярилы и Тура является тождественнымъ. Одному и тому-же божеству могли въ различныхъ мѣстностяхъ поклоняться подъ разными именами: Ярила и Тура. Мы нисколько не были-бы поражены, если-бы и нашъ Кій оказался φ'αλλος'омъ.

Съ г. Туровомъ (Туровымъ) могли быть связаны, кромѣ политическихъ традицій, еще и религіозныя преданія. Князя Тура сдѣлали изъ патронимическаго (или эпонимическаго) героя по политической необходихости. Далѣе этотъ эпонизмъ могъ явиться по двумъ причинамъ: а) или просто отъ имени звѣря Тура, отъ котораго городъ получилъ свое названіе, будучи расположенъ въ области, особенно изобиловавшей этими животными, б) или тутъ могло совершаться поклоненіе дикому быку-туру и φ'αλλος'у подъ тѣмъ-же именемъ.

Библиотека "Руниверс"

Закончимъ наши соображенія словами г. Кирпичникова: „Многіе герои несомнѣнно божественнаго происхожденія; если высшіе боги были слишкомъ могущественны чтобы спуститься на землю, племенныя божества имѣли много общаго съ героями [1]).

П. Голубовскій.

[1]) Кирпичниковъ. Поэмы Лэмбардскаго цикла. М. 1873 г., стр. 152.

Библиотека "Руниверс"

ИЛЬЯ ѲЕДОРОВИЧЪ ТИМКОВСКІЙ,

ПЕДАГОГЪ ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ.[1]

(Окончаніе).

Уѣхавши изъ Харькова во второй половинѣ 1811 г., Тимковскій поселился на постоянное жительство въ упомянутой нами выше Турановкѣ. Привыкши въ предшествующіе годы къ общественной дѣятельности, онъ не могъ долго оставаться тамъ безъ всякаго дѣла. Прежде всего родъ дѣятельности указала ему наступавшая тогда война: 18 Августа 1812 г. онъ былъ избранъ членомъ дворянскаго комитета, снаряжавшаго ополченіе и состоялъ въ немъ по 2 января 1815 г. Затѣмъ съ 15 марта 1818 г. онъ принялъ по выборамъ должность глуховскаго уѣзднаго судьи. Прослуживъ въ этой должности трехлѣтіе и будучи въ 1821 г. избранъ на новое трехлѣтіе, Тимковскій отказался отъ дальнѣйшей службы и засѣлъ въ своей Турановкѣ безотлучно, пока опять не вступилъ на поприще болѣе соотвѣтствовавшей его характеру педагогической дѣятельности.

5 марта 1825 г. умеръ тесть Тимковскаго, директоръ Новгородсѣверской гимназіи И. И. Халанскій, и вслѣдъ затѣмъ (3 мая того же года) на должность попечителя харьковскаго учебнаго округа, послѣ Е. В. Корнеева, былъ назначенъ А. А. Перовскій, писавшій подъ псевдонимомъ „Погорѣльскаго“, авторъ

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1891 г., № 9.

Библиотека "Руниверс"

„Двойника“ и „Монастырки“ [1]). Лично зная Тимковскаго, Перовскій предложилъ ему принять должность директора новгородсѣверской гимназіи, какъ находящейся въ недальнемъ разстояніи отъ имѣнія, въ которомъ Тимковскій проживалъ.

По поводу выраженнаго Тимковскимъ согласія принять эту должность, Перовскій 21 іюня 1825 г. писалъ ему: „пріятнымъ долгомъ поставляю изъявить вамъ искреннюю признательность мою за согласіе ваше принять на себя должность директора; извѣстная уже начальству ревность ваша къ пользѣ отечества подаетъ мнѣ несомнѣнную надежду, что управленіе ваше гимназіею послужитъ къ вящшему оной процвѣтанію, и я прошу васъ, въ замѣну сей надежды, меня успокаивающей, принять отъ меня увѣреніе, что я за особенное удовольствіе всегда поставлять буду доказывать вамъ на самомъ опытѣ уваженіе мое къ заслугамъ вашимъ“. Вскорѣ послѣ этого, по представленію Перовскаго, Тимковскій былъ назначенъ директоромъ новгородсѣверской гимназіи 21 августа 1825 г.

Вступленіе его въ эту должность сопровождалось произнесеніемъ рѣчей, обращенныхъ къ учащимъ и учащимся. Повидимому, къ произнесенію рѣчей Тимковскій питалъ нѣкоторую слабость и любилъ говорить ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Не даромъ его бывшій ученикъ М. К. Чалый, въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ [2]), упоминая о томъ, что рѣчи-импровизаціи удавались Тимковскому гораздо лучше, чѣмъ то, что было предварительно обдумано и написано, говоритъ, что къ нему безъ всякой натяжки можно было примѣнить слова поэта:

„Имѣлъ онъ рѣчи чудный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный“.

Однако въ настоящемъ случаѣ рѣчи не были импровизаціями, ибо изъ письма Перовскаго видно, что ему были сообщены списки обѣихъ рѣчей. Извѣщая Тимковскаго о полученіи ихъ, Перовскій писалъ ему 23 января 1826 г., что прочелъ ихъ съ удовольствіемъ, особенно слово къ ученикамъ, и далѣе продолжалъ: „отдавая полную справедливость вашему усердію

[1]) Объ немъ см. статью В. П. Горленка въ Кіевской Старинѣ 1888 г. № 4.
[2]) „Кіевская Старина“ 1889 г. №№ 1—12.

Библиотека "Руниверс"

и патріотическимъ чувствованіямъ, я могу только пожелать при семъ, чтобы ваши попеченія о благосостояніи ввѣренной вамъ гимназіи, ваши ожиданія и надежды касательно вѣрныхъ и прочныхъ успѣховъ дѣтей, въ оной обучающихся, были оправданы самымъ счастливымъ послѣдствіемъ".

Характернымъ какъ для Тимковскаго, такъ и для Перовскаго, представляется слѣдующее обстоятельство. Привыкши во время службы своей въ Харьковѣ играть первенствующую роль въ училищномъ комитетѣ университета, а къ директорамъ гимназій относиться почти начальнически, Тимковскій, самъ сдѣлавшись директоромъ, не хотѣлъ сноситься съ училищнымъ комитетомъ въ формѣ рапортовъ и, вступая въ должность, просилъ Перовскаго освободить его отъ такой формы сношеній во вниманіе къ прежней его службѣ. Не смотря на свои хорошія отношенія къ Тимковскому, Перовскій не нашелъ возможнымъ исполнить эту просьбу и въ письмѣ своемъ отъ 25 ноября 1825 г. писалъ Тимковскому, что такъ какъ училищный комитетъ есть присутственное мѣсто, въ которомъ, въ случаѣ надобности, могутъ присутствовать попечитель и самъ министръ, то онъ не видитъ ничего унизительнаго для Тимковскаго въ томъ, что онъ будетъ писать рапорты означенному комитету. „Вы лучше меня знаете," продолжалъ Перовскій, „что нижній земскій судъ посылаетъ указы генералъ-фельдмаршаламъ. Взирая съ сей точки на отношенія ваши къ училищному комитету, я увѣренъ, что вы не найдете оныхъ для себя предосудительными и увидите совершенную невозможность перемѣнить существующій порядокъ, безъ достаточныхъ на то причинъ. Я могу привесть вамъ въ примѣръ почтеннаго тестя вашего [1]), который лѣтами и заслугами, конечно, превосходилъ членовъ училищнаго комитета".— И все таки послѣ этого Тимковскій не сталъ писать рапортовъ училищному комитету, а писалъ „донесенія". Впрочемъ, это разногласіе между Перовскимъ и Тимковскимъ по вопросу о порядкѣ сношеній съ училищнымъ комитетомъ, какъ видно изъ дальнѣйшей переписки, нисколько не испортило ихъ взаимныхъ отношеній.

[1]) Т. е. вышеупомянутаго И. И. Халанскаго.

Библиотека "Руниверс"

Сдѣлавшись директоромъ гимназіи, Тимковскій не могъ совсѣмъ разстаться съ своей Турановкой, и проводилъ въ ней времени больше, чѣмъ въ Новгородсѣверскѣ. Однако, не смотря на это, изъ всѣхъ данныхъ видно, что учебное дѣло въ гимназіи въ его время шло очень хорошо, потому что, какъ разсказываетъ въ вышеупомянутыхъ воспоминаніяхъ своихъ бывшій воспитанникъ новгородсѣверской гимназіи того времени М. К. Чалый, „рѣдкія посѣщенія Ильею Ѳедоровичемъ гимназіи были глубоко плодотворны для учащихся; его задушевныя, проникнутыя пламенной любовью къ молодому поколѣнію рѣчи-импровизаціи будили вѣру въ достоинство человѣка, вкореняли уваженіе къ наукѣ, къ труду“.—„Не говорю уже объ экзаменахъ“, продолжаетъ М. К. Чалый: „тутъ не одни ученики, но и сами преподаватели должны были отдавать отчетъ въ своихъ познаніяхъ; представляя своихъ питомцевъ къ испытанію, каждый старался пополнить пробѣлы въ собственныхъ знаніяхъ, чтобы удовлетворить высокимъ требованіямъ строгаго цѣнителя и взыскательнаго судіи, вполнѣ компетентнаго въ дѣлѣ науки“. Въ первые годы по вступленіи Тимковскаго въ должность директора, строгости на экзаменахъ, которые всегда происходили въ его присутствіи, даже вызвали умеьшеніе числа учениковъ въ новгородсѣверской гимназіи; но вслѣдъ затѣмъ это число стало быстро возрастать: въ 1833 г. всѣхъ учениковъ въ новгородсѣверской гимназіи было 126, въ 1834 г.г.—288, въ 1835 г.—325, а въ ноябрѣ 1838 г. уже—454. Вслѣдствіе такого возрастанія числа учащихся, въ новгородсѣверской гимназіи раньше, чѣмъ въ большей части губернскихъ гимназій, потребовалось раздѣлить три первыхъ класса на два отдѣленія, о чемъ состоялось высочайшее повелѣніе 27 декабря 1838 г. [1]). Видимо было, что гимназія пріобрѣтаетъ себѣ большее и большее довѣріе въ окружающей мѣстности; слава ея стала такъ растространяться, что въ нее начали привозить воспитанниковъ изъ очень отдаленныхъ мѣстъ. Пользуясь въ это время извѣстностью

[1]) Сборникъ постановленій по министерству народн. просвѣщенія, томъ II, отдѣленіе I, стр. 1121.

Библиотека "Руниверс"

лучшей гимназіи въ Малороссіи [1]), новгородсѣверская гимназія давала самыхъ лучшихъ латинистовъ для харьковскаго университета, гдѣ репутація ея стояла на столько прочно, что окончившіе въ ней курсъ, по аттестаціямъ Тимковскаго, принимались въ университетъ безъ экзамена. Уже между учениками 5-го класса, по словамъ М. К. Чалаго, были такіе бойкіе латинисты, которые свободно переводили Георгики Виргилія, Элегіи Овидія и нѣкоторыя изъ рѣчей Цицерона. На экзаменахъ, какъ разсказываетъ авторъ вышеупомянутыхъ воспоминаній, „напавши на такого доку, директоръ оживлялся и долго не отпускалъ его отъ стола, наслаждаясь красотами выраженій и успѣхами испытуемаго; но не на однихъ отличныхъ останавливалъ свое вниманіе Тимковскій, и посредственные ученики не скоро отъ него отдѣлывались; съ необыкновеннымъ терпѣніемъ выслушивалъ онъ не вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ и весьма искусными пріемами старался навести ученика на дорогу, помогая дѣлать анализъ и конструкцію словъ и заставляя усиленно работать мозгами, и только тогда оставлялъ его въ покоѣ, когда убѣждался вполнѣ въ его неспособности. Такимъ пріемомъ директоръ желалъ убѣдить преподавателей, что, при извѣстной дозѣ терпѣнія и настойчивости, можно кое-чему научить и самаго плохого ученика“. Свой разсказъ объ экзаменахъ М. К. Чалый оканчиваетъ такимъ замѣчаніемъ: „между теперешними нашими преподавателями едва ли найдется и одинъ изъ сотни, который бы *такъ* понималъ преподаваніе классическихъ языковъ, какъ понималъ его нашъ незабвенный директоръ И. Ѳ. Тимковскій“.

Съ образованіемъ Кіевскаго учебнаго округа (14 декабря 1832 г.), новгородсѣверская гимназія была перечислена изъ харьковскаго учебнаго округа въ кіевскій. Мих. Александровичъ Максимовичъ, сдѣлавшись, по открытіи университета св. Владиміра, ректоромъ его, 29 Октября 1834 г. писалъ Тимковскому: „До сихъ поръ еще я не имѣлъ случая изъявить Вамъ моего удовольствія, что судьба привела меня на службу

[1]) См. объ этомъ въ „Исторіи университета св. Владиміра“ В. Шульгина (Спб., 1860), стр. 30—31.

Библиотека "Руниверс"

въ одномъ съ Вами округѣ. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ нынѣ имѣю честь извѣстить Васъ, что университетъ св. Владиміра, уже благодарившій Васъ за усердное вниманіе къ нему, лучшими студентами своими обязанъ Вамъ ввѣренной гимназіи, и что если Вы въ наступающій срокъ по благоусмотрѣнію своему представите кого либо изъ подчиненныхъ Вамъ чиновниковъ къ наградѣ, то представленіе Ваше будетъ уважено со стороны совѣта *предпочтительно*, и что онъ не преминетъ ходатайствовать о томъ у начальства". Отвѣчая на это письмо, Тимковскій 27 ноября 1836 г. писалъ Максимовичу: „Я порадовался Вашему перемѣщенію въ Кіевъ, какъ для Васъ, такъ и для университета, и съ удовольствіемъ неизъяснимымъ поздравляю Васъ въ достоинствѣ перваго ректора его. Любезно мнѣ видѣть сходство оживленной напоминаніемъ судьбы моей, за 30 лѣтъ, когда пріятность служить на родинѣ, въ пользу ея, ближе къ солнцу, вызвала меня изъ столицы. Благодарю Васъ, дорогаго вѣстника, за общее благоволеніе о ввѣренномъ мнѣ заведеніи, которымъ, какъ учрежденіемъ своимъ, уже девять лѣтъ утѣшаюсь, и отношу къ счастію его и моему то, что оно имѣетъ въ Васъ судію и посредника моихъ представленій". Дальше въ этомъ письмѣ Тимковскій жалуется на то, что разстроенное здоровье лишаетъ его возможности заниматься такъ, какъ хотѣлось бы.

Съ грустью принялъ потомъ Тимковскій извѣстіе о томъ, что М. А. Максимовичъ отказался отъ ректорства. На выраженное имъ по этому поводу сожалѣніе, Максимовичъ 30 октября 1836 г. писалъ Тимковскому: „Участливое во мнѣ письмо Ваше пришло сюда въ мое отсутствіе; на оное о себѣ могу сказать то, что оставленіе Кіева такъ скоро было бы дѣйствительно несправедливо: еще съ юности мечталъ я докоротать въ немъ вѣкъ моей,—и теперь думаю, если не всю остальную жизнь провести здѣсь, то лечь ту костьми моими. Что-же касается до ректорства, то я сложилъ его преждевременно съ себя по разстройству моего здоровья, котораго не доставало для продолженія сей должности и для занятія ученаго новымъ для меня дѣломъ—словесностью; для перваго, въ начало уни-

Библиотека "Руниверс"

верситета, довольно было полутора моихъ года, а для втораго... vita brevis! а взявшись за сей гужъ, не говори—недужъ. Потому я, оставивъ ботанику, когда потерялъ зрѣніе, разсудилъ отдать и посвятить новому предмету остатокъ силъ моихъ, и теперь преданъ ему вполнѣ,—и начатки трудовъ моихъ Вы видите въ Жур. Мин. Нар. Просв., гдѣ началъ я съ пѣсни Игорю въ память дяди Романа [1]), коего пропавшій трудъ chronica scandalosa въ Москвѣ приписываетъ нечистой рукѣ Снегирева" [2]). Къ этому письму сдѣлана приписка: „Среди розысканій объ языкѣ русскомъ и проч., мнѣ открылась наконецъ истина, что Руссы, давшіе имя нашимъ восточнымъ славянамъ и объединившіе ихъ собою, были вовсе не норманы, но чистые славяне, самые сѣверозападные (одерскіе)".

Еще больше, чѣмъ отказъ Максимовича отъ ректорства, смутило Тимковскаго другое обстоятельство. Открытіе кіевскаго университета и нѣсколькихъ гимназій стало угрожать нѣжинскому лицею совершеннымъ упадкомъ, который оказался тѣмъ болѣе неизбѣжнымъ, что въ Нѣжинѣ не было тогда гимназіи, которая могла бы поставлять для лицея студентовъ; вслѣдствіе этого возникло предположеніе перевести въ Нѣжинъ гимназію изъ Новгородсѣверска для поддержанія существованія Нѣжинскаго лицея. Впослѣдствіи, когда И. Ѳ. Тимковскаго уже не стало, М. А. Максимовичъ въ неизданной коротенькой замѣткѣ своей о Тимковскихъ, которая была написана имъ по просьбѣ С. П. Шевырева для приготовлявшагося къ изданію словаря замѣчательнѣйшихъ воспитанниковъ московскаго университета [3])

---

[1]) Братъ Ильи Ѳедоровича, Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій, о которомъ мы упоминали выше, будучи профессоромъ московскаго университета, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ трудился надъ изслѣдованіемъ „Слова о полку Игоревѣ", но послѣ его смерти этотъ трудъ пропалъ неизвѣстно куда и не былъ найденъ. Г. Барсовъ говоритъ, что труды г. Тимковскаго по изъясненію „Слова" погибли во время петербургскаго наводненія въ 1824 г. (Е. Барсовъ „Слово о Пол. Иг." Т. 1. стр. 38).

[2]) И. М. Снегиревъ, бывшій ученикъ Романа Ѳ. Тимковскаго, послѣ его смерти, разбиралъ его бумаги, для составленія некролога и біографіи его.

[3]) Словарь этотъ предполагалось издать къ празднованію столѣтняго юбилея московскаго университета, но это предположеніе не осуществилось: дѣло ограничилось только изданіемъ біографическаго словаря профессоровъ московскаго университета.

Библиотека "Руниверс"

по этому поводу разсказывалъ слѣдующее: „Новгородсѣверскую гимназію, которой питомцемъ былъ и я (съ 1812 по 1819 г.), мой дядя любилъ, какъ дитя свое, былъ въ ней весь—до изнеможенія силъ, и поставилъ ее на высокую степень совершенства. Помню его живую скорбь, когда пронесся первый слухъ о переводѣ ея въ Нѣжинъ, для поддержанія лицея.—„Глядя на нее неспокойно“, говорилъ онъ, „думаю: ужели тебя мнѣ не видѣть“! Послѣ того, когда слухъ о томъ же снова пробудился, онъ писалъ ко мнѣ въ Кіевъ: „Покушенія противъ нея такъ пали мнѣ на душу, что, о чемъ ни думаю, приходитъ пожалѣть объ нихъ, и тѣмъ вспадаю на Катонову присловицу каждой рѣчи: ergo Carthago delenda“! Но съ назначеніемъ особой гимназіи при нѣжинскомъ лицеѣ на ларинскую сумму, успокоился незабвенный директоръ новгородсѣверскій“.

Одновременно съ возникновеніемъ первыхъ слуховъ о перемѣщеніи новгородсѣверской гимназіи въ Нѣжинъ, Тимковскій получилъ отъ попечителя кіевскаго учебнаго округа Е. Ѳ. фонъ-Брадке письмо отъ 13 декабря 1834 г. слѣдующаго содержанія: „Директоръ лицея князя Безбородко подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы, а потому, озабочиваясь назначеніемъ сему заведенію достойнаго начальника, я съ полнымъ убѣжденіемъ найти въ Васъ достойнѣшаго для сего чиновника, предлагаю Вамъ сіе мѣсто и увѣренъ, что сей выборъ съ особеннымъ удовольствіемъ будетъ утвержденъ высшимъ начальствомъ. Прошу Васъ въ возможной скорости сообщить мнѣ Вашъ по сему отзывъ“. Отказываясь отъ предложенной должности, Тимковскій 21 декабря 1834 г. писалъ Брадке, что, если по увольненіи отъ профессорства онъ принялъ должность директора новгородсѣверской гимназіи, то имѣлъ на то особыя причины. Прежде всего онъ хотѣлъ этимъ исполнить желаніе тѣхъ лицъ, которыя ему дороги; потомъ для него представляли особенное удобство близость къ семьѣ и дому; дальше, продолжалъ Тимковскій: „влекло меня и мѣстное желаніе напечатлѣть бытіе мое въ сей гимназіи, которой созданію и успѣхамъ усердствовать было для меня достойно,—въ городѣ многихъ историческихъ памятей, о которыхъ въ немъ же бесѣда моя съ

Библиотека "Руниверс"

покойнымъ канцлеромъ графомъ Румянцевымъ пріобрѣла ей благотворенія его [1]),—въ городѣ маломъ, нагорномъ, здоровомъ, красивомъ и какъ бы одной гимназіи принадлежащемъ. Сколько сіи свойства благопріятны наукамъ и нѣкогда достойны будутъ, въ судьбахъ временъ, высшаго ихъ состоянія, можетъ быть подобно Іенѣ, Галле и Геттингену. Изъ сего изволите усмотрѣть, сколько я имѣлъ причинъ отказаться, получивъ уже на первомъ году моего вступленія въ сію должность, приглашеніе въ Нѣжинъ [2]), весьма худо избранный основателемъ, гдѣ никакія усилія теплицъ не произведутъ сочныхъ плодовъ, кромѣ какого либо техническаго или спеціальнаго заведенія. Какъ бы то ни было, трудовъ и заботъ моихъ, сколько мнѣ остается изнемогшихъ силъ, я не цѣню никакими окладами; одной дальности Нѣжина отъ дому и семейства для меня было и есть достаточно предпочесть Новгородсѣверскъ. Принося Вашему Превосходительству за толикое вниманіе чувствительнѣйшую благодарность, прошу покорнѣйше принять во благо мое здѣсь пребываніе".

Содержаніе приведеннаго письма показываетъ, что, считая Нѣжинъ неудобнымъ пунктомъ для высшаго учебнаго заведенія, Тимковскій находилъ въ высшей степени удобнымъ для этого Новгородсѣверскъ. Эту мысль раздѣлялъ съ Тимковскимъ и А. А. Перовскій, который въ 1827 г. просилъ Тимковскаго доставить ему планы и чертежи всѣхъ зданій, принадлежащихъ новгородсѣверскому монастырю, съ описаніемъ ихъ, и притомъ исполнить это, не дѣлая огласки. Хотя при этомъ не было упомянуто, зачѣмъ именно понадобились эти чертежи и планы, и хотя Тимковскій, исполнивши при посредствѣ учителя рисованія Кириллова просьбу Перовскаго писалъ ему: „не смѣю

---

[1]) Упоминаемая здѣсь встрѣча Тимковскаго съ графомъ Н. П. Румянцевымъ была должно быть въ 1816 году, когда Румянцевъ въ проѣздъ свой чрезъ Новгородсѣверскъ посѣтилъ гимназію, а Тимковскій вѣроятно пріѣзжалъ туда изъ Турановки. Послѣ того Румянцевъ въ 1816—1818 годахъ пожертвовалъ много цѣнныхъ книгъ въ библіотеку новгородсѣверской гимназіи.

[2]) Упоминаемаго въ настоящемъ письмѣ перваго предложенія занять должность директора нѣжинскаго лицея мы въ бумагахъ Тимковскаго не находили и не знаемъ—было ли оно письменное или словесное.

Библиотека "Руниверс"

проникать въ намѣренія Вашего Превосходительства", но изъ разныхъ намековъ въ письмахъ можно заключить, что у Перовскаго, также какъ и у перваго директора новгородсѣверской гимназіи И. И. Халанскаго [1]), была мысль о томъ, нельзя ли воспользоваться обширными зданіями новгородсѣверскаго монастыря для того, чтобъ устроить въ нихъ высшее учебное заведеніе. Можетъ быть, подъ вліяніемъ надеждъ, пробужденныхъ требованіемъ Перовскаго, когда Тимковскій писалъ къ Брадке вышеприведенное письмо, ему нарисовалось свѣтлое будущее, въ которомъ милый ему Новгородсѣверскъ уподобился названнымъ имъ Іенѣ, Галле и Геттингену. Дѣйствительность не оправдала ожиданій Тимковскаго. Нѣкогда резиденція сѣверскихъ князей, послѣ разжалованный изъ губернскихъ городовъ въ уѣздные и впослѣдствіи далеко обойденный желѣзными дорогами, Новгородсѣверскъ, по прежнему здоровый и красивый, и дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ удобный для воспитанія юношества, теперь, маленькій уѣздный городокъ, о которомъ, какъ и во времена Тимковскаго, можно сказать, что онъ весь принадлежитъ гимназіи.

До 1835 года новгородсѣверская гимназія не имѣла своего почетнаго попечителя [2]). Хотя съ перечисленіемъ ея въ кіевскій учебный округъ, она вышла изъ вѣдомства А. А. Перовскаго, какъ попечителя харьковскаго учебнаго округа, но, продолжая съ участіемъ къ ней относиться, Перовскій 3 октября 1835 г. писалъ Тимковскому: „Вы знаете, какое искреннее участіе я всегда принималъ въ благосостояніи ввѣренной вамъ гимназіи, и потому вамъ конечно не покажется удивительнымъ, что я обращаюсь къ вамъ съ слѣдующимъ предложеніемъ. Короткій пріятель мой Василій Николаевичъ Ладомирскій пріѣхалъ въ Малороссію съ тѣмъ, чтобы пожить въ своихъ помѣстьяхъ; а

[1]) Въ Кіевской Старинѣ 1882 г. № 3 нами была помѣщена переписка И. И. Халанскаго съ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ Бураковымъ по вопросу объ учрежденіи университета въ Новгородсѣверскѣ.

[2]) По „предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія "1803 г. почетныхъ попечителей гимназій не полагалось; должность эта была учреждена съ уставомъ гимназій 1828 г.

Библиотека "Руниверс"

такъ какъ онъ новгородсѣверскій помѣщикъ, то мнѣ пришла благая мысль завербовать его для вашей гимназіи. Василій Николаевичъ теперь служитъ предводителемъ дворянства въ Москвѣ, но по убѣжденію моему соглашается оставить занимаемую имъ должность, если назначенъ будетъ почетнымъ попечителемъ вашей гимназіи. Теперь, почтеннѣйшій Илья Ѳедоровичъ, отъ васъ зависѣть будетъ дать этому дѣлу надлежащее направленіе, ибо лучшаго пріобрѣтенія вы сдѣлать не можете". Затѣмъ дѣло устроилось такъ, что В. Н. Ладомирскій былъ избранъ и утвержденъ въ должности почетнаго попечителя новгородсѣверской гимназіи, и втеченіе времени служенія своего въ этой должности сдѣлалъ не мало пожертвованій въ пользу гимназіи.

Не лишеннымъ интереса представляется слѣдующее обстоятельство. Существуютъ въ Новгородсѣверскѣ, въ очень близкомъ разстояніи отъ гимназіи, тріумфальныя ворота, которыя были построены по случаю проѣзда чрезъ новгородсѣверскую губернію Екатерины II и которыя своей легкой, граціозной архитектурою не мало украшаютъ этотъ красивый городокъ. Такъ какъ эти ворота, которыя все мѣстное населеніе называетъ „брамою", требовали ремонтировки, на которую никто не хотѣлъ расходовать денегъ, то возникло предположеніе разрушить ихъ, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ на будущее время. Уже новгородсѣверскому городничему было дано предписаніе продать тріумфальныя ворота на сломъ съ аукціона и были назначены торги на продажу ихъ. Освѣдомившись объ этомъ, Тимковскій счелъ нужнымъ принять „браму" подъ свою защиту. Къ городничему и городскому головѣ онъ отнесся съ просьбою не спѣшить производствомъ торговъ, а черниговскому губернатору 27 марта 1829 г. писалъ слѣдующее: „Тріумфальныя ворота поставлены въ 1787 году, когда Новгородсѣверскъ былъ губернскимъ городомъ, къ знаменитому проѣзду великой Екатерины, попеченіемъ генералъ-губернатора графа Румянцева, отъ приношенія дворянства всей губерніи. Въ сихъ четырехъ отношеніяхъ они составляютъ памятникъ лицъ, мѣста и времени драгоцѣнный и остаются собственностію дворянства

Библиотека "Руниверс"

сей стороны, какъ самаго города, который украшаютъ. Въ таковой собственности заключается не одна пріятность имущества, но и любезнѣйшее того понятіе чести. Съ сожалѣніемъ смотримъ на ветхость зданія, съ бо́льшимъ—увидимъ его разрушеніе и на краю самой улицы—грустную пустоту. Много и то мы потеряли памятниковъ, прежде нежели стали знать ихъ достоинство. Не возможно описать всѣхъ чувствованій, какія возбуждаетъ видъ всякой древности, ибо удовольствія въ нихъ сообразны натурѣ человѣческой. Близъ Роны, въ южной Франціи, чтобъ все сказать однимъ примѣромъ, еще стоятъ, и скоро 2000 лѣтъ, ворота Марію, на побѣду Кимвровъ поставленныя. Истина великой силы напечатлѣна въ Высочайшемъ повелѣніи Государя Императора о сохраненіи памятниковъ отечественныхъ. Сіи чувства здѣсь произвели желаніе просить начальство о сохраніи и возобновленіи воротъ, въ память вѣка ихъ, и если на то будетъ позволеніе, сдѣлать опытъ подписки въ городѣ и дворянствѣ на составленіе нужнаго капитала“. Въ дополненіе къ этому письму, Тимковскій съ слѣдующей почтой выражалъ готовность принять на себя сборъ пожертвованій въ учебномъ вѣдомствѣ, и при этомъ добавлялъ: „Путешествіе Екатерины въ южныя области, гдѣ она край сей посѣтила, было такъ блистательно въ движеніи, такъ прославлено въ политическомъ мірѣ, что намъ пристойно сохранить память сію. Къ тому нахожу я и въ моемъ вѣдомствѣ непренебрегаемыя вліянія. Положеніе воротъ, составляющихъ группу съ гимназіею, и которыми проходить къ ней должно, сей видъ изящества, сіи историческія воззванія неописанно говорятъ учащимся о пріятности публичнаго вкуса и благоговѣніи къ національной славѣ. Да едвали не наукамъ и слѣдуетъ ближе—любить нравственныя красоты. Лишеніе такого предмета было бы для всѣхъ потерею, соболѣзнованія достойною“. — Затѣмъ Тимковскій сталъ собирать пожертвованія; но такъ какъ жертвователи подписывали ничтожныя суммы, между тѣмъ какъ для возобновленія обветшавшихъ воротъ требовались значительныя деньги, то сборъ пожертвованій производился очень медленно и далеко не могъ доставить потребной суммы. Послѣ, когда Ладомирскій

Библиотека "Руниверс"

сдѣлался почетнымъ попечителемъ новгородсѣверской гимназіи, то, узнавъ, объ изложенномъ, онъ пожелалъ отъ себя пожертвовать всю ту сумму, какой не доставало для возобновленія воротъ. Тогда ворота были возобновлены и, благодаря этому, сохранились до сихъ дней, на долго ли—не извѣстно. Лѣтъ около 15-ти тому назадъ, какъ намъ разсказывали, граждане города вновь возбуждали вопросъ объ уничтоженіи злосчастной „брамы", (все изъ за того, чтобъ не расходоваться на ремонтировку), но на этотъ разъ ихъ пристыдилъ начальникъ губерніи.

Не мало времени удѣлилъ Тимковскій заботамъ о построеніи новаго каменнаго зданія гимназіи. Старый деревянный домъ, принадлежавшій прежде главному народному училищу, обветшалъ и былъ тѣсенъ. Планъ постройки новаго дома былъ представленъ начальству еще предмѣстникомъ Тимковскаго Халанскимъ въ 1824 году. Послѣдовавшее затѣмъ въ 1828 г. преобразованіе гимназій изъ четырехклассныхъ въ семиклассныя сдѣлало этотъ планъ негоднымъ, а возрастаніе числа учащихся и образованіе параллельныхъ классовъ потребовало еще большаго расширенія предполагавшагося зданія. Между бумагами Тимковскаго сохранились цѣлыя кипы бумагъ, заключающія въ себѣ его планы, предположенія и разную переписку о предполагавшейся постройкѣ. Предварительно разрѣшенія вопроса о постройкѣ, онъ хотѣлъ округлить гимназическую усадьбу, для чего нужно было пріобрѣсть нѣкоторые сосѣдніе участки земли, что и было исполнено. Затѣмъ дальнѣйшее движеніе этого дѣла замедлилось вслѣдствіе возникшаго предположенія о перемѣщеніи новгородсѣверской гимназіи въ Нѣжинъ. Наконецъ, планъ, по которому построено существующее въ настоящее время зданіе гимназіи, былъ утвержденъ, и потребныя на постройку суммы ассигнованы только въ 1839 году, уже послѣ того, какъ Тимковскій, по окончаніи двадцатипятилѣтія службы его по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, вышелъ 21 октября 1838 г. въ отставку.

Покидая любимую гимназію, Тимковскій, какъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ М. К. Чалый, собралъ учениковъ, и сказалъ имъ прощальную рѣчь, слушая которую прежде

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ зарыдалъ инспекторъ гимназіи Г. И. Ивановскій, а затѣмъ расплакались ученики.

Въ бумагахъ Тимковскаго сохранилось очень много писемъ, изъ которыхъ видно, что бывшіе воспитанники его, точно также какъ и сослуживцы, сохраняли о немъ самыя благодарныя воспоминанія.

Вышедши въ отставку, Тимковскій поселился въ своей Турановкѣ уже безотлучно, посвящая свое время хозяйству и заботамъ о семьѣ. Только чрезъ десять лѣтъ послѣ выхода въ отставку онъ взялся за перо, чтобъ написать свои воспоминанія, къ чему его старался склонить М. А. Максимовичъ, разсказывающій по этому поводу въ вышеупомянутой нами замѣткѣ своей слѣдующее: „Я посѣтилъ его въ сентябрѣ 1849 г., по пути въ Москву. Десятилѣтнее пребываніе послѣ службы, среди сосновыхъ боровъ турановскихъ, возстановило и укрѣпило его силы тѣлесныя, а душа его съ годами яснѣла все болѣе. Заслушиваясь занимательныхъ разсказовъ его о нашей родной старинѣ и о событіяхъ великаго русскаго міра, въ переходѣ прошлаго вѣка въ нынѣшній,—я просилъ его приняться за записки... И еще въ Москвѣ, къ Свѣтлому празднику, я имѣлъ удовольствіе получить отъ него драгоцѣнную *писанку*—цѣлое сказаніе, за зиму написанное, которое потомъ и напечаталъ онъ подъ названіемъ: „*Мое опредѣленіе въ службу*“.

Одновремено съ М. А. Максимовичемъ, М. П. Погодинъ просилъ Тимковскаго написать воспоминанія объ И. И. Шуваловѣ (основателѣ московскаго университета), которыя были написаны и составили третью часть сочиненія, напечатаннаго подъ заглавіемъ: „Мое опредѣленіе въ службу“ и раздѣляющагося на три части или главы: 1, Переяславль,—2, Кіевъ и Москва,—и 3, Шуваловъ.

По поводу выраженнаго Максимовичемъ и Погодинымъ удовольствія, доставленнаго этимъ сочиненіемъ, Тимковскій 4 іюня 1850 г. писалъ Максимовичу: „сколько ты и Погодинъ довольны посланными моими комментаріями изъ моей жизни—вамъ принадлежитъ; я доволенъ буду тѣмъ, что нѣсколько моихъ крылатыхъ идей, какъ фениксъ, возродятся. Какъ пріятны

Библиотека "Руниверс"

эти безконечныя возрожденія! Человѣкъ не существуетъ, если не видитъ себя внѣ себя; онъ любитъ себя въ своихъ твореніяхъ, въ дѣтяхъ и внукахъ. Чѣмъ обширнѣе и выше его дѣйствіе, тѣмъ сильнѣе и лучше чувствуетъ онъ свое бытіе. Можетъ быть, это самое составило и вину мою передъ тобою, что послѣ отправки къ тебѣ записокъ, залежавшійся для Василія [1]) экземпляръ я не утерпѣлъ сдѣлать нѣсколько полнѣе, особенно въ концѣ второй части. По тому же судить можешь, какъ бы я угодилъ самому себѣ, еслибъ досталось дать вамъ полнотою свое жизнеописаніе. Pia vota и вмѣстѣ однако pia desideria! Объективная внѣшность настоящаго налегаетъ на дни мои густымъ туманомъ, сквозь который рѣдко что вижу вдали свободно.

Послѣ упомянутыхъ воспоминаній, Тимковскій написалъ еще нѣсколько небольшихъ сочиненій, которыя всѣ были помѣщены въ Москвитянинѣ, а именно: 1) „Пять лѣтъ“ (продолженіе воспоминаній, изъ другаго періода времени, напечатано уже послѣ смерти Тимковскаго, въ Москвитянинѣ 1855 г. № 6)—2) „Судья и парадоксы“ (Тамъ же, № 8),—3) „О Даждьбогѣ“ (не можемъ указать годъ и номеръ),—4) „О состояніи пчеловодства въ черниговской губерніи“ (Москвитянинъ 1853 г. № 19.

Въ іюлѣ 1852 г. М. А. Максимовичъ въ послѣдній разъ посѣтилъ Турановку, и въ упомянутой выше замѣткѣ своей, разсказавъ о томъ, что въ этотъ пріѣздъ Тимковскій читалъ ему свою статью о пчеловодствѣ, продолжаетъ далѣе: „Потомъ онъ повезъ меня на телѣжкѣ верстъ за семь, на конецъ своего бора, проложенною имъ дорогою, похвалиться своею новозаложенною пасѣкою. Тамъ на крестѣ, какіе ставятся во всѣхъ малороссійскихъ пасѣкахъ, прочелъ я годъ и день основанія—1852 г. 21 мая, а подъ ними начальный стихъ Виргиліевой Георгики о пчеловодствѣ: „ Aërei mellis coelestia dona“. Такъ у него во всемъ—проза сельскаго хозяйства принимала видъ классической буколики. Да и въ немъ самомъ нельзя было довольно налюбоваться художественнымъ сочетаніемъ многосто-

[1]) Сынъ И. Ѳ. Тимковскаго Василій Ильичъ, о которомъ мы упоминали выше.

Библиотека "Руниверс"

ронняго, основательнаго знанія и строгаго во всемъ систематизма, съ живою, теплою любовью къ поэзіи всѣхъ вѣковъ и народовъ... Его любимецъ Овидій не мѣшалъ ему восхищаться Гоголемъ; Гердера и Шиллера онъ столько же помнилъ, какъ и Виргилія съ Гораціемъ. Водворясь въ Сѣверіи, онъ сорокъ лѣтъ не видалъ родной Украины и не сбирался ее увидѣть. Но въ 1852 году онъ говорилъ со мною объ нашей родинѣ уже съ примѣтною грустію, и въ день отъѣзда моего далъ мнѣ для памяти двѣ записочки. Въ одной изъ нихъ прочелъ я слѣдующія строки: „Неотдѣлимо въ умѣ и сердцѣ у меня, что я родился и возросъ на южной полосѣ Малороссіи, у благодатныхъ береговъ Днѣпра; живу на сѣверномъ краю ея и чувствую гнетущія стужи отъ Сѣвска. Стихійно приходитъ часто на мысль увидѣть Кіевъ, Каневъ, Черкасы и родину, небо и землю моихъ предковъ. Но будетъ ли такъ расположено нынѣшнее владѣніе Згарью, чтобъ я могъ тамъ хоть недѣлю времени подышать свободно. 1852. Авг. 17. Ite meae quondam felix pecus, ite capellae!“ Въ этомъ неожиданномъ вопросѣ 80-лѣтняго старика, и въ самомъ стихѣ Виргиліевой буколики, вызванномъ игрою словъ, послышалось мнѣ грустное предвѣстіе...“

Въ слѣдующую зиму Тимковскаго уже не стало: онъ умеръ 15 февраля 1853 г. и похороненъ въ Турановской церкви, построенной генеральнымъ судьею Алексѣемъ Туранскимъ въ 1714 году.

Н. Шугуровъ.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

XI.

Хрусциковскій.—Бѣгство Тадеуша Валевскаго.—Вступленіе на Волынь ген. Дверницкаго и его отступленіе.—Холера.—Возстаніе на Украинѣ.—Подольское возстаніе ген. Колыско.—Крестьяне въ Галичинцѣ; выходъ изъ дому.—Бердичевское возстаніе.

Послѣ контрактовъ всѣ возвратились домой и по прежнему пребывали въ невѣдѣніи и ожиданіи, какъ вдругъ съ первымъ таяніемъ снѣговъ пронеслась по Волыни вѣсть, что сюда прибылъ маіоръ Хрусциковскій, первый и, можетъ быть, единственный агентъ, присланный изъ царства польскаго и, какъ увѣряли, уполномоченный ржондомъ. О немъ много слышали, говорили, но нельзя было никого найти, кто бы его видѣлъ, разговаривалъ съ нимъ и могъ бы сказать—человѣкъ это или миѳическое существо. Насъ увѣряли, что Тадеушъ Валевскій увезъ его въ Мизочь и будто бы тамъ, въ старинномъ погребѣ покойнаго генерала Карвицкаго, они разсуждаютъ о добрыхъ старыхъ временахъ Польши, когда тамъ водилось еще такое токайское, какого не пили ни Гогенцоллерны, ни Габсбурги, ни саксонцы.

О Хрусциковскомъ все еще говорили, какъ о какомъ то волкодлакѣ, когда пришли вѣсти о сраженіи подъ Гроховомъ, о богатырѣ Скржинецкомъ, а Игнатій Струмилло сталъ вездѣ

[1]) См. „Кіевск. „Стар. 1891 г., № 9.

Библиотека "Руниверс"

разсказывать, что будетъ царствовать Янъ IV, который будетъ еще разумнѣе Третьяго, потому что четыре это не три, и приводилъ доказательства этому изъ карточной игры. Но лучше всего въ этихъ извѣстіяхъ было то, что Хлопицкій вернулся къ зеленому столику и не будетъ болѣе мѣшаться въ военныя дѣла. Въ юго-западномъ краѣ вполнѣ вѣрили этимъ извѣстіямъ; но въ то время, когда они были получены, Хрусциковскій куда то исчезъ и о немъ не было и слуха, а когда пришла вѣсть о побѣдахъ генерала Дверницкаго подъ Стоцкомъ и когда стали утверждать, что Дверницкій двигается на Волынь, то исчезъ и Тадеушъ Валевскій, и Волынь осталась безъ начальника, даже номинальнаго.

Говорятъ, что, узнавъ изъ достовѣрныхъ источниковъ о движеніи Дверницкаго на Волынь и о томъ, что возстаніе должно вспыхнуть, Валевскій такъ перепугался, что не могъ ни ѣсть, ни спать и на всѣ вопросы окружающихъ отвѣчалъ: „Оставьте меня въ покоѣ! Что я буду дѣлать съ этимъ начальствованіемъ, если я ничего не понимаю, не знаю, что мнѣ слѣдуетъ предпринять. Наконецъ, я не хочу быть начальникомъ и не буду: у меня слабые нервы, такъ меня воспитали, что же мнѣ теперь дѣлать? Я здѣсь нисколько не виноватъ!“

Все это были аргументы очень убѣдительные, даже логичные, но только надо было ихъ взвѣсить и изложить раньше принятія на себя званія начальника. Были и такіе господа, которые хотѣли свалить всю вину на Піотровскихъ, говоря, что они изъ личныхъ разсчетовъ нарядили такого зайца въ львиную кожу, какъ будтобы эта кожа могла вдохнуть львиную отвагу въ заячье сердце. Я очень мало зналъ Тадеуша Валевскаго, встрѣчалъ его нѣсколько разъ въ обществѣ, но отъ него на меня такъ и вѣяло духомъ легкомыслія и фанфаронства въ разговорѣ, обхожденіи и во всякомъ поступкѣ, и я просилъ Яна Омеціпскаго не знакомить меня съ нимъ, а когда все таки принужденъ былъ познакомиться, то меня болѣе всего поражало то, что лучшіе представители нашей молодежи окружали его ореоломъ твердости и что такая женщина и патріотка, какъ Анна Карвицкая, выбрала его себѣ въ мужья.

Библиотека "Руниверс"

Викентій Тышкевичъ не пошелъ путемъ Валевскаго, а занялся, какъ могъ, организаціей приготовленій. Ни у него, ни у его замѣстителей и помощниковъ не было недостатка въ усердіи и добрыхъ намѣреніяхъ. Не имѣя возможности ни розыскать Хрусциковскаго, ни сговориться съ Валевскимъ, котораго уже не было на Волыни, онъ послалъ Іосифа Томашевскаго прямо къ генералу Дверницкому.

Только теперь русское правительство стало болѣе обращать вниманія на помѣщиковъ; правда, не было ни преслѣдованій, ни притѣсненій, но полиція слѣдила за всѣми движеніями поляковъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были произведены аресты, но столь мало значащіе, что не знали, приписывать ли ихъ политическимъ причинамъ, или нарушеніямъ карантинныхъ правилъ, такъ какъ холера уже появилась и сильно свирѣпствовала.

При такихъ обстоятельствахъ Іосифъ Томашевскій съѣздилъ къ Дверницкому и возвратился отъ него вмѣстѣ съ молодымъ Моржковскимъ, который находился при генералѣ Дверницкомъ со времени его перехода черезъ Бугъ до перехода черезъ галицкую границу.

Дверницкій перешелъ Бугъ во главѣ десяти эскадроновъ конныхъ егерей, восьми эскадроновъ уланъ и двухъ эскадроновъ кракусовъ Костюшки и Понятовскаго, 4 батальоновъ пѣхоты, подъ командой Петра Высоцкаго, того самаго, которому приписывали нападеніе на бельведерскій дворецъ и начало всего возстанія, и 6 артиллерійскихъ орудій. Кавалерія Дверницкаго была лучшей въ свѣтѣ: она состояла изъ отставныхъ солдатъ, вновь призванныхъ на службу, изъ которыхъ были сформированы 5-й и 6-й эскадроны каждаго полка и которымъ были даны отборныя лошади. Офицеры также были избраны самые лучшіе. Эта кавалерія представляла боевую силу въ 3,000 человѣкъ. Съ ней можно было пройти вдоль и поперегъ весь свѣтъ, нужна была только добрая воля, а въ военныхъ талантахъ у Дверницкаго не было недостатка. Едва онъ перешелъ Бугъ, какъ напалъ на каргопольскихъ драгунъ генерала Эмме и разбилъ ихъ; здѣсь то и перешелъ къ полякамъ штабъ-ротмистръ Познякъ, бѣло-

Библиотека "Руниверс"

руссъ по происхожденію, сообщившій Дверницкому весьма важныя данныя о передвиженіяхъ и расположеніи русскихъ войскъ.

Тотчасъ послѣ порыцкой побѣды пріѣхалъ въ польскій лагерь молодой Моржковскій съ достовѣрными донесеніями Дверницкому о томъ, что генералъ Рюдигеръ стягиваетъ свои войска къ Дубну, но отдѣльные отряды такъ разсѣяны, что, по мнѣнію знатоковъ военнаго дѣла, требуется по крайней мѣрѣ 8 дней, чтобы ихъ сконцентрировать, что возстаніе Олизара уже подготовлено въ лѣсахъ ковельскихъ и ждутъ только приказа генерала собираться во Владиміръ.

Моржковскій привезъ также Дверницкому проектъ, выработанный Нарцизомъ Олизаромъ и его такъ называемыми „сибаритами“, который состоялъ въ томъ, чтобы генералъ двинулся въ ковельскіе лѣса, гдѣ его войско усилится новыми повстанцами и гдѣ онъ найдетъ все нужное для прокормленія и содержанія войска, а, перейдя оттуда черезъ пинскія болота, онъ будетъ имѣть открытый путь для дѣйствій на Украинѣ чрезъ лѣса овручскіе и радомысльскіе и на Подоліи чрезъ лѣса житомірскіе и звягельскіе, что въ такомъ случаѣ въ лѣсахъ организуются серьезныя возстанія, а для Украины и Подоліи будетъ сборный пунктъ; что генералъ будетъ имѣть возможность собрать тамъ стотысячное войско и дѣйствовать оттуда, какъ изъ укрѣпленнаго лагеря. Этотъ проектъ, который по внимательномъ разсмотрѣніи оказывался довольно практичнымъ, былъ выработанъ или самимъ Олизаромъ, или Феликсомъ Тржецякомъ, альфой и омегой стратегическихъ плановъ котораго были дѣйствія надъ Припетью, въ мозырскихъ и овручскихъ пущахъ; онъ утверждалъ, что только тамъ небольшое войско можетъ противостоять сильнѣйшему непріятелю и организоваться само въ многочисленную армію, обучить своихъ солдатъ и запастись всякими припасами, не заботясь о противникахъ. Островки на болотахъ, обильные нивами и сѣнокосами, доступъ къ которымъ можетъ быть прегражденъ вынутіемъ нѣсколькихъ бревенъ изъ плотинъ на этихъ болотахъ представляютъ естественные бастіоны и крѣпости, а весь лѣсъ—укрѣпленный лагерь. Кто бы ни былъ авторомъ этого проекта, но онъ во всякомъ случаѣ

Библиотека "Руниверс"

служитъ доказательствомъ, что Нарцизъ Олизаръ со своимъ сибаритствомъ стоилъ въ сто разъ болѣе, чѣмъ Тадеушъ Валевскій со своей солидностью.

Зная военныя дарованія генерала Дверницкаго, нельзя допустить, чтобы онъ не понялъ всей важности и практичности этого проекта. Но, къ несчастью, въ военной кассѣ генерала было, какъ намъ передавали, такъ же пусто, какъ и въ его личной, а генералъ не хотѣлъ сознаться въ этомъ и покаяться, что совершилъ грѣхъ, растративъ общественныя деньги еще прежде, чѣмъ дошелъ до Буга, давно уже возилъ съ собою пустые сундуки, выкрашенные въ зеленый цвѣтъ, цвѣтъ надежды, что они снова наполнятся, и держался надменно, забывая то, что не столько виноватъ тотъ, кто совершилъ проступокъ, чѣмъ тотъ, кто не хочетъ сознаться въ своемъ проступкѣ, потому что впадаетъ въ новый грѣхъ.

Михаилъ Чацкій, назначенный, но не вступившій въ исполненіе своихъ обязанностей, начальникъ двухъ повѣтовъ—дубенскаго и кременецкаго, собралъ нѣсколько десятковъ помѣщиковъ, болѣе привычныхъ къ выпивкѣ, чѣмъ къ военному дѣлу, и пригласилъ Дверницкаго въ Боремль. Генералъ, помня старинную польскую пословицу, что гость, какъ свѣжая рыба, три дня хорошъ, а потомъ протухаетъ, рѣшилъ прогостить три дня въ Боремлѣ, и несмотря на постоянныя донесенія, что русскія войска стягиваются и что, двинувшись впередъ, онъ могъ бы разбить каждый отрядъ отдѣльно одинъ за другимъ, остался на мѣстѣ и вслѣдствіе этого былъ вытѣсненъ изъ Боремля, а потомъ и изъ Волыни. Да и какъ было не остаться, когда тамъ такъ хорошо кормили!

Два дня прошли спокойно, ѣли и пили въ замкѣ, какъ у Бога за пазухой, но на третій день пѣхота Петра Высоцкаго была отброшена съ праваго на лѣвый берегъ Стыри, а русская артиллерія открыла такой огонь, что ядра стали попадать въ замокъ въ то время, когда гости собирались вставать изъ за стола.

Польскіе кавалеристы вскочили на коней; Дверницкій сталъ во главѣ ихъ. Не было уже ни времени, ни мѣста строиться

Библиотека "Руниверс"

въ боевой порядокъ или дѣлать маневры въ обходъ непріятеля, потому что русскіе наступали все сильнѣе и сильнѣе. Дверницкій водилъ въ атаку дивизіонъ за дивизіономъ, опрокинулъ драгунъ и гусаръ, но не могъ сломить оранскихъ гусаръ; онъ перемѣнилъ шесть лошадей и до поздней ночи сдерживалъ напоръ русскихъ и разстраивалъ ихъ ряды. Когда наступила ночь и его никто уже не преслѣдовалъ, онъ спокойно отступилъ къ Почаеву.

Быстрыми переходами двинулся Дверницкій со своей храброй конницей въ Галицію, хотя никто, даже донцы генерала Рюдигера, не гнался за нимъ, и измученные польскіе солдаты, заѣзжая во встрѣчавшіеся дворы, чтобы утолить голодъ и отдохнуть, не были никѣмъ безпокоимы, развѣ только какой нибудь шляхтичъ, боясь, чтобы они не уничтожили всѣхъ его напитковъ, шепнетъ имъ на ухо, что ему дали знать о приближеніи донцовъ, а за ними огромнаго войска, вѣроятно имѣющаго цѣлью отрѣзать ихъ отъ границы.

Разъ-два удалось такимъ образомъ выпроводить гостей, но потомъ повстанцы въ отвѣтъ на подобныя сообщенія только покручивали усы и говорили:

— Пускай идутъ! А ну-ка, хозяинъ, давай намъ вина да водки; вотъ увидишь, какъ мы имъ зададимъ!

Шляхтичъ попадалъ въ свою собственную западню и долженъ былъ дѣлать довольный видъ; чтобы не проститься со своей чуприной.

Это отступленіе въ Галицію походило на масляничное катанье и потому не вызывало неудовольствія, и самого генерала, по польскому обыкновенію, ни въ чемъ не обвиняли. Некогда было—такъ уже спѣшили! Не остановились даже въ Почаевѣ поклониться святынѣ, хотя польскій солдатъ и очень набоженъ.

Генералу Дверницкому было очень прискорбно, что армія генерала Рюдигера его не преслѣдовала; онъ боялся, чтобы ему не сказали: „у страха глаза велики, ты бѣжалъ, когда за тобой никто не гнался; такъ вѣдь и заяцъ не дѣлаетъ“. Но, какъ самъ Дверницкій говорилъ, Богъ покровительствовалъ ему и всегда посылалъ то, на что онъ и не надѣялся. Такъ случилось

Библиотека "Руниверс"

и теперь. Генералъ Ротъ двигался съ цѣлымъ корпусомъ изъ Подоліи. Уже изъ Сабинецъ, гдѣ генералъ въ послѣдній разъ завтракалъ на волынской землѣ у Эдуарда Петриковскаго, можно было видѣть отряды козаковъ и уланъ генерала Рота, а за ними пѣхоту и артиллерію.

Дверницкій вскочилъ на коня и построилъ свое войско, растянувъ его длинной линіей вдоль границы, а зеленые ящики съ кассой выставилъ, какъ будто артиллерійскій паркъ, на лѣвомъ крылѣ, за мосткомъ и плотиной, на мысѣ между болотами; мостикъ онъ велѣлъ сорвать и плотину испортить, чтобы русскіе не зашли въ тылъ кассѣ.

Дверницкій велѣлъ открыть огонь изъ орудій, чтобы принудить Рота къ отвѣту и наступленію, которое заставило бы поляковъ перейти австрійскую границу. Но ген. Ротъ и не отстрѣливался изъ пушекъ и не двигался впередъ къ австрійской границѣ, а какъ будто нарочно оставался на волынской территоріи. Русское войско отдыхало, а разъѣзды были посланы во всѣ стороны.

Дверницкій былъ не спокоенъ и все разъѣзжалъ предъ фронтомъ войска, вполнѣ готоваго къ сраженію. Іосифъ Томашевскій и молодой Моржковскій были при немъ. Генералъ замѣтилъ, что русскіе слѣпы, ничего не видятъ, что они дѣлаютъ глупости, такъ какъ оставляютъ въ покоѣ кассу, не интересуясь даже узнать, что это такое. Потомъ онъ переговорилъ отдѣльно съ Эдуардомъ Петриковскимъ и тотъ отъѣхалъ съ нѣсколькими слугами. Спустя съ полчаса увидѣли кучку донцовъ, бѣгущихъ къ ящикамъ съ кассой. Дверницкій смотрѣлъ въ ту сторону, не спуская глазъ, и не могъ скрыть своей радости.

— Слава Богу! Честь спасена!

Онъ повернулъ коня, и увидѣвъ русскіе разъѣзды, направлявшіеся къ правому крылу, указалъ на нихъ, посовѣтовался съ окружающими и наконецъ сказалъ:

— Ясно, что насъ обходятъ и хотятъ вступить въ Галицію, а тутъ еще мнѣ доносятъ, что Рюдигеръ двигается на насъ со всей арміей. Но надо рано вставать, чтобы застать насъ врасплохъ!

Библиотека "Руниверс"

Затѣмъ онъ приказалъ отступить на австрійскую территорію, а венгерскіе гусары заняли границу и такъ окончилась волынская экспедиція Дверницкаго.

Уже въ Галиціи Іосифъ Томашевскій спросилъ генерала, какія приказанія передастъ онъ чрезъ него на Украину и Подолію, и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

— Пускай возстаютъ, пускай сражаются. Вотъ только бы мнѣ раздѣлаться съ австрійцами, а тамъ я, Богъ дастъ, перейду со всѣмъ своимъ войскомъ въ Подолію, около Каменца. Я не буду терять времени и вы не теряйте!

Съ такимъ отвѣтомъ и уѣхалъ Іосифъ Томашевскій.

Нельзя было сдѣлать больше и важнѣе ошибокъ военныхъ и политическихъ, чѣмъ сдѣлалъ Дверницкій: онъ указалъ путь *бытва за границу* и, если такъ можно выразиться, пренебреженія обязанностію защищать отечество. За это онъ долженъ быть сурово осужденъ и какъ человѣкъ, и какъ общественный дѣятель. Что онъ заслужилъ, то и должно быть ему воздано ради примѣра.

Дверницкій безъ сомнѣнія былъ самымъ способнымъ и самымъ счастливымъ изъ польскихъ генераловъ и доказалъ это дѣлами, а не хвастовствомъ, фантастическими проектами или осужденіемъ и порицаніемъ другихъ. Онъ былъ, можетъ быть, однимъ изъ самыхъ выдающихся людей своего времени: хорошо образованный, начитанный, онъ умѣлъ прикидываться передъ простаками и самъ простакомъ, чтобы не задѣть ихъ самолюбія и свойственнаго глупымъ людямъ желанія водить всѣхъ за носъ. Онъ могъ властвовать надъ поляками и направлять ихъ куда хотѣлъ и какъ хотѣлъ. Онъ съумѣлъ шутя достигнуть высшихъ военныхъ чиновъ, но въ концѣ концовъ все прошутилъ: и славу, и знанія и, что важнѣе всего, дѣло своей родины.

Для тѣхъ, которые были при Дверницкомъ, не было тайной, что онъ растратилъ деньги, данныя на волынскую экспедицію, въ Люблинѣ, Красноставѣ и Любартовѣ, прежде чѣмъ дошелъ до Буга, и не найдя у Михаила Чацкаго волынской кассы, которой и не существовало, притомъ зная, что въ

Библиотека "Руниверс"

лѣсахъ не будетъ недостатка ни въ людяхъ, ни въ припасахъ для продовольствія и снаряженія, но не найдется денегъ, о сборѣ которыхъ не было и рѣчи, и слыша, что на Украинѣ и въ Подоліи наложена и собирается подать (какъ и всегда, слухи преувеличивали суммы, говорили чуть не о милліардѣ), онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе добраться до этихъ денегъ, чтобы кто нибудь другой не успѣлъ захватить ихъ въ свои руки. Дорога черезъ лѣса была длинной и медленой: надо было сражаться и формировать войско, и кто знаетъ сколько бы времени это заняло, и вотъ Дверницкій избралъ путь чрезъ Почаевъ и Галицію. Можетъ быть, генералъ и разсчитывалъ уладиться съ княземъ Меттернихомъ такъ же, какъ съ генераломъ Курутой и Рожницкимъ. Побуждаемый желаніемъ овладѣть деньгами, онъ сдѣлалъ большую, непростительную военную ошибку, причемъ здѣсь играло роль и желаніе скрыть фактъ растраты общественныхъ денегъ, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ оставленіе непріятелю ящиковъ съ кассой и, въ вѣрности чего насъ торжественно увѣряли, посылка нарочнаго въ Сулинцы съ цѣлью направить донцовъ на покинутые ящики. Лучше открыто сказать правду, чѣмъ скрывать истину, извращеніе которой, вслѣдствіе причинъ политическихъ или софизма „de mortuis aut bene aut nihil“, произвело то, что мы не знаемъ въ истинномъ видѣ ни нашей исторіи, ни нашихъ преданій. Когда приходится дѣйствовать, мы, не зная своего прошлаго, ищемъ его ощупью, играемъ въ жмурки, и или поймаемъ кого нибудь или, что чаще случается, сами съ завязанными глазами, бываемъ выталкиваемы за дверь. Вслѣдствіе нашего невѣжества мы остаемся неисправимыми.

У меня болѣе чѣмъ у кого либо лежитъ сердце къ рыцарскому образу Дверницкаго, который болѣе всѣхъ нашихъ генераловъ напоминалъ Стефана Чарнецкаго и Конашевича-Сагайдачнаго; онъ одинъ изъ всѣхъ генераловъ являлся мужественнымъ вождемъ; онъ превосходно командовалъ тысячами, но и во главѣ сотенъ или даже десятковъ готовъ былъ броситься въ битву. Какъ же не любить такого полководца, но какъ и не оплакивать того зла, которое онъ причинилъ!

Библиотека "Руниверс"

Послѣ несчастнаго исхода возстанія, ему простили его грѣхи, окружили его ореоломъ популярности и снова допустили его водить себя за носъ, а онъ все грѣшилъ да грѣшилъ и умеръ, надѣлавъ рядъ политическихъ ошибокъ. А еслибы съ нимъ обошлись иначе, быть можетъ, онъ и опомнился бы и дѣло приняло бы лучшій оборотъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

БАКОТСКІЙ СКАЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ.

(Объясненіе къ рисункамъ).

Въ Ушицкомъ уѣздѣ Подольской губерніи, между мѣстечкомъ Студеницею и городомъ Старою Ушицею, на живописномъ берегу Днѣстра расположено небольшое село Бакота.

Населеніе это въ давнее княжеское время было значительнымъ городомъ, составлявшимъ политическій центръ если не всей Подольской земли, то по крайней мѣрѣ той западной ея части, которую лѣтописи называютъ галицкимъ „Понизьемъ“. Имя Бакоты упоминается въ Ипатской лѣтописи первый разъ въ 1240 году и, затѣмъ, лѣтописныя и документальныя свѣдѣнія даютъ намъ возможность слѣдить за судьбою этого города до самаго его разоренія въ 1430 или 1431 году.

Первое упоминаніе лѣтописи о Бакотѣ указываетъ уже на этотъ городъ, какъ на центръ Понизія; разсказывая въ 1240 г. о попыткѣ галицкихъ бояръ отторгнуть разныя области галицкаго княжества, лѣтопись передаетъ, что бояринъ Доброславъ „вокняжился бѣ, и грабяше всю землю, и вошелъ въ Бакоту, все Понизье прія безъ княжа повеленія“.—Много заботъ стоило Даніилу Романовичу удаленіе этого боярина, но уже въ слѣдующемъ году (1241) спокойствіе Понизья было вновь нарушено: Бакоту осадилъ претендентъ на галицкій столъ кн. Ростиславъ Михайловичъ Черниговскій съ союзниками своими князьями Болоховскими. Только вслѣдствіе энергическаго похода Ро-

Библиотека "Руниверс"

мановичей на Болоховскую землю и благодаря „мудрости и крѣпости“ посланнаго Даніиломъ въ Бакоту печатника Кирилла, городъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все Понизіе были удержаны галицкимъ княземъ. Отбивши Ростислава, Даніилъ Романовичъ отправился лично въ Бакоту „хотя уставити землю“.

Но порядокъ, установленный имъ, оказался не прочнымъ: въ 1255 году „пріѣхаше татаре къ Бакотѣ“, и представитель мѣстнаго населенія, нѣкто Милѣй, „приложися къ нимъ“.—Вскорѣ послѣ того Левъ Даниловичъ арестовалъ, по приказанію отца, Милѣя и принятого имъ татарскаго баскака: но Даніилъ, „сдумавъ съ сыномъ“ отпустилъ Милѣя обратно въ Бакоту, взявъ съ него клятву въ вѣрности; клятва эта оказалась не дѣйствительною: Милѣй при вторичномъ приходѣ татаръ „створи лесть и предасть паки татарамъ Бакоту“.

Съ этого времени связь Понизья съ галицкимъ княжествомъ прерывается и область эта находится въ непосредственной зависимости отъ татаръ въ теченіи цѣлаго столѣтія.—О судьбѣ этого края подъ властью татаръ лѣтописи умалчиваютъ; изъ текста древнѣйшей литовско-русской лѣтописи мы знаемъ только, что страна пользовалась значительною долею автономіи въ внутреннемъ своемъ управленіи. Татаре потребовали только, чтобы укрѣпленія городовъ были срыты; въ Подоліи не существовало, вслѣдствіе того, ни одного города „ни деревомъ рубленого, ни каменемъ будованого“, затѣмъ жители обложены были въ пользу татаръ данью, за полученіемъ которой пріѣзжали изъ ордъ баскаки; но сборомъ дани завѣдывали представители мѣстныхъ общинъ „атаманы“, которые и были единственными извѣстными намъ органами управленія края.

Послѣ побѣды, одержанной въ 1362 г. на берегахъ Синей воды В. К. Ольгердомъ надъ тремя татарскими ханами, носившими титулъ „отчичей и дѣдичей подольской земли“, Подоліе вошло въ составъ В. К. Литовскаго и было отдано Ольгердомъ въ ленъ его племянникамъ князьямъ Коріатовичамъ. Послѣдніе занялись устройствомъ и укрѣпленіемъ страны, „вошли въ пріязнь со атаманы, почали боронити Подольскую землю

Библиотека "Руниверс"

отъ татаръ". Съ этою цѣлью они стали вновь строить укрѣпленные замки и возстановлять древніе княжескіе города. Они основали Смотричъ, Каменецъ и возобновили укрѣпленія Бакоты; въ городѣ этомъ они застали въ скалѣ пещерный монастырь, „гдѣ были чернцы въ горѣ"—по словамъ лѣтописи,—„въ томъ мѣстѣ нарядили городъ Бакоту". Западное Подоліе было раздѣлено Коріатовичами на пять административныхъ округовъ, во главѣ которыхъ стояли возведенные ими замки: Каменецъ, Смотричъ, Скала, Червоноградъ и Бакота; значеніе центральнаго города Подоліи переходитъ теперь къ вновь основанному Каменцу, пользовавшемуся репутаціею неприступной крѣпости, и Бакота отходитъ на второй планъ въ качествѣ столицы одного изъ Подольскихъ повѣтовъ. Повѣтомъ этимъ управляли назначаемые князьями старосты, и имя одного изъ бакотскихъ намѣстниковъ—Немиры,—сохранилось въ двухъ дошедшихъ до насъ документахъ (1388—1392).

Въ 1393 г. В. К. Витовтъ, преслѣдуя свою завѣтную мысль устраненія удѣльныхъ князей, отнялъ Подоліе у Ѳедора Коріатовича, но не имѣлъ возможности удержать его за собою; онъ долженъ былъ вслѣдствіе домогательствъ польскаго короля Владислава Ягайла уступить ему пять западныхъ подольскихъ повѣтовъ, въ томъ числѣ и Бакоту, за сумму 26,000 копъ; король-же, два года спустя, передалъ ихъ въ ленъ одному изъ польскихъ вельможъ, воеводѣ Краковскому Спытку изъ Мельштина, взыскавъ съ него уплаченную Витовту сумму.—Спытко погибъ въ несчастной битвѣ на берегахъ Ворсклы въ 1399 году, и король выкупилъ у его вдовы Подоліе, возвративъ ей уплаченную мужемъ ея сумму, и передалъ область въ ленъ брату своему Свидригайлу; но вскорѣ, вслѣдствіе измѣны Свидригайла, ленъ былъ у него отнятъ, и въ 1410 году Ягайло возвратилъ Подоліе Витовту, уплатившему за то 40,000 копъ грошей. Въ теченіе 20 лѣтъ послѣ того всѣ Подольскіе замки находились во владѣніи Витовта. Только послѣ кончины этого великаго князя поляки вновь предъявили свои притязанія на Подоліе и хитростью завладѣли Каменецкимъ замкомъ. Между Ягайломъ

Библиотека "Руниверс"

и преемникомъ Витовта Свидригайломъ вспыхнула война за обладаніе Подоліемъ; четыре западные повѣта области были захвачены и удержаны поляками, Брацлавъ съ восточною половиною Подолія остался во власти литовцевъ; Бакотскій повѣтъ, лежавшій почти на рубежѣ обѣихъ территорій, былъ театромъ самой упорной борьбы; между тѣмъ какъ поселившаяся въ немъ польская шляхта признала надъ собою власть польскаго короля, крестьянское населеніе тянуло къ Литвѣ и старалось избавиться отъ иноземнаго дворянства. Среди борьбы замокъ Бакотскій былъ разрушенъ; вѣроятно въ это время разоренъ былъ и городъ, такъ-какъ съ того времени прекращаются всякія о немъ упоминанія. Послѣдній документъ, въ которомъ упоминается имя Бакоты, какъ города, это актъ перемирія, заключеннаго между королемъ Ягайломъ и Свидригайломъ въ 1431 году. Въ документѣ этомъ сказано между прочимъ, что обѣ стороны обязываются до окончанія срока перемирія не возстановять и не починять разрушеннаго Бакотскаго замка. Вслѣдъ затѣмъ (1434 г.), Бакотскій повѣтъ вошелъ въ составъ той части Подолія, которая была окончательно присоединена къ Польшѣ. Не только городъ и замокъ не были возстановлены, но и повѣтъ Бакотскій, при новомъ административномъ дѣленіи области пересталъ существовать, и территорія его вошла въ составъ каменецкаго повѣта. Въ началѣ XVI столѣтія мы уже встрѣчаемъ въ документахъ Бакоту въ качествѣ ничтожнаго сельскаго поселенія: въ 1530 году въ немъ было только 3 дома, а подъ конецъ того же столѣтія, въ 1583 году, въ Бакотѣ люстрація отмѣчаетъ 6 крестьянскихъ домовъ, которыми владѣли 5 помѣщиковъ—шляхтичей.

Немного памятниковъ осталось въ нынѣшней Бакотѣ отъ ея блестящаго, но отдаленнаго прошлаго: лишь лежащее въ двухъ верстахъ отъ нея село Теремцы напоминаетъ названіемъ своимъ древнерусскую старину, да въ самой Бакотѣ крутая гора „Билая“, возвышающаяся на 74 сажени надъ уровнемъ Днѣстра, вмѣстѣ съ прилегающею къ ея подошвѣ небольшою прибрежною полосою, сохранила названіе „*Монастырища*“. Слѣды бывшаго

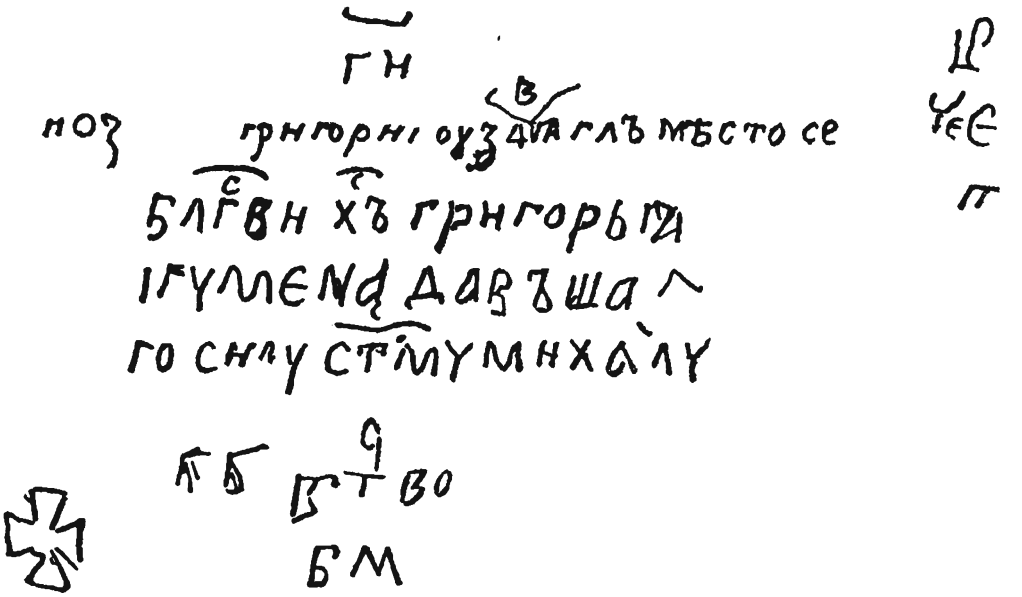
Библиотека "Руниверс"

скальнаго монастыря до недавняго времени замѣтны были только на самой вершинѣ горы, представляющей отвѣсную скалу третичнаго известняка: въ ней сохранился корридоръ, спускающійся въ скалу въ видѣ двухъ оборотовъ громадной улитки. Нижній конецъ корридора выходитъ на поверхность отвѣсной скалы — очевидно продолженіе его не сохранилось, вслѣдствіе того, что скала въ которой оно было выковано, откололась и упала внизъ. Въ стѣнахъ уцѣлѣвшей части корридора сохранились только двѣ небольшія, выкованныя келіи, и въ одной изъ нихъ,— небольшая ниша, служившая лежанкою.

За исключеніемъ верхней, отвѣсной, скалы, остальная часть ея до самаго подножія была покрыта весьма круто спускавшимся къ рѣкѣ слоемъ щебня, перемѣшаннаго съ землею и крупными обломками камней; слой этотъ образовался отъ обваловъ весьма рыхлой, легко вывѣтривающейся и осыпающейся известковой скалы. Въ прошломъ году крестьяне бакотскіе, руководясь частью благочестивымъ желаніемъ открыть древній монастырь, частью увлеченные фантастическими легендами о хранящихся въ горѣ кладахъ, принялись сбрасывать мусоръ и щебень, покрывающій склоны горы. Почти на половинѣ ея высоты они встрѣтили на обнаженной скальной стѣнѣ рядъ выкованныхъ нишъ, затѣмъ расчистили у подножія скалы площадку и нашли входъ въ обширную пещеру. Дальнѣйшія раскопки крестьянъ были пріостановлены и продолжались въ іюлѣ текущаго года уже по иниціативѣ Императорской археологической коммиссіи. Раскопки обнаружили цѣлый нижній этажъ скальнаго монастыря, составлявшій монастырскую усыпальницу; этажъ этотъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: у подножія скалы простирается расчищенная площадка въ нѣсколько сажень шириною, полъ которой состоитъ изъ той-же известковой скалы. На отвѣсныхъ каменныхъ стѣнахъ видѣнъ сначала цѣлый рядъ углубленныхъ внутрь скалы продолговатыхъ нишъ, въ которыя

Библиотека "Руниверс"

вдвигались покойники, затѣмъ у одного изъ такихъ углубленій на скалѣ выкована надпись:

Далѣе находится входъ въ пещеру, открытую крестьянами; нѣсколько саженъ лѣвѣе—другая пещера, затѣмъ обширная арка, передняя часть которой обрушилась, но по серединѣ ея остался большой камень, съ равною на верхней его поверхности площадкою; еще далѣе—входъ въ третью пещеру. На поверхности самой площадки въ разныхъ мѣстахъ ея выкованы были въ ея скальномъ грунтѣ 5 гробницъ въ видѣ прямоугольныхъ ящиковъ. Всѣ три пещеры состоятъ изъ широкихъ корридоровъ, сажня въ $1^1/_2$ высотою. Въ стѣнахъ корридоровъ выкованы продолговатыя ниши или лежанки, величиною въ человѣческій ростъ, напоминающія совершенно такія-же ниши въ римскихъ катакомбахъ; на полу корридоровъ—прямоугольныя гробницы въ видѣ ящиковъ, подобныя тѣмъ, которыя сохранились и на площадкѣ передъ входомъ въ пещеры. Всѣхъ нишъ въ стѣнахъ трехъ пещеръ находится 17, гробницъ въ полу 19. Вѣроятно во время существованія монастыря, надъ входами въ пещеры спускался выкованный изъ той-же скалы каменный

Библиотека "Руниверс"

сводъ; основанія двухъ большихъ устоевъ, поддерживавшихъ этотъ сводъ, сохранились понынѣ.—Впослѣдствіи этотъ сводъ обрушился вслѣдствіе паденія скалъ, отколовшихся отъ верхней части горы, надавившихъ сверху громадною тяжестью, загромоздившихъ всю площадку и закрывшихъ входы въ самыя пещеры. Расчищая площадку, пришлось скатывать внизъ громадныя каменныя глыбы и сбрасывать массу щебня и мусору. Въ нижнихъ слояхъ его, противъ того мѣста, гдѣ уцѣлѣла половина арки, на самомъ днѣ обвала лежали каменныя глыбы, нижняя поверхность которыхъ, тщательно выглаженная и на нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ обломкахъ представлявшая ясные слѣды правильной кривизны (вѣроятно сегменты свода), покрыта была живописью, представлявшею лики святыхъ, дѣланные на поверхности камня, непокрытой штукатуркою, масляными красками. Среди большого количества мелкихъ обломковъ, покрытыхъ остатками живописи, на одномъ найдены были буквы М. Р., на другомъ $\frac{\text{Б}}{\text{Я}}$; на четырехъ болѣе крупныхъ обломкахъ уцѣлѣли лики шести святыхъ $\frac{\text{С}}{\text{Н}}$; на одномъ изъ этихъ обломковъ изображена была мужская фигура, но живопись столь плохо сохранилась, что не было возможности разсмотрѣть ни чертъ лица, ни подробностей одѣянія. На другомъ фрагментѣ уцѣлѣлъ, повидимому, ликъ Богородицы; обломокъ этотъ представлялъ ту особенность, что сіяніе вокругъ головы было не только изображено краскою, но притомъ вырѣзано на скалѣ въ видѣ haut-relief'a. На третьемъ, самомъ крупномъ, обломкѣ, виднѣются изображенія трехъ святыхъ (см. рис. I): по серединѣ мужская фигура въ корзнѣ и панцырѣ съ сіяніемъ вокругъ головы, по сторонамъ двѣ женскія фигуры. Наконецъ на четвертомъ фрагментѣ (см. рис. II) уцѣлѣла мужеская голова, окруженная сіяніемъ, и женское погрудное изображеніе.

Библиотека "Руниверс"

На основаніи, описанныхъ остатковъ Бакотскаго монастыря, позволяемъ себѣ высказать нѣсколько догадокъ о ихъ древности и значеніи.

Скальный Бакотскій монастырь упоминается въ концѣ XIV столѣтія; въ то время онъ представлялъ уже учрежденіе древнее, пережившее счастливо періодъ подчиненія Подолія татарамъ; полагаемъ, что не будетъ рискованнымъ предположить возникновеніе его еще въ то время, когда край находился подъ властью галицкихъ князей, т. е. въ половинѣ XIII или въ концѣ XII столѣтія.

Судя по тексту сохранившейся надписи, монастырь былъ созданъ во имя святаго Михаила. Основателемъ его или устроителемъ былъ игуменъ Григорій. Намъ кажется, что вся надпись была сдѣлана не въ одно и тоже время. Повидимому, первоначальная надпись, выкованная у ниши, въ которой по всему вѣроятію похороненъ былъ уважаемый игуменъ, состояла лишь изъ трехъ послѣднихъ строкъ: „Благослови Христосъ Григорья ігумена, давшаго силу Святому Михайлу“. Затѣмъ впослѣдствіи, когда воспоминаніе объ устроителѣ монастыря стало сглаживаться въ памяти слѣдовавшихъ поколѣній, прибавлена была для поясненія первая строчка: „Григорій оуздвяглъ мѣсто се“ (шрифтъ этой строчки размѣромъ на половину меньше остальныхъ; въ словѣ уздвяглъ встрѣчаемъ начертаніе оу вмѣсто **Ѹ**, которое 4 раза поставлено въ 3-й и 4-й строкахъ).

Монастырь вѣроятно былъ опустошенъ, и братія разсѣяна въ то время, когда разореніе постигло городъ Бакоту (около 1430 года); затѣмъ монастырскія келіи, пещеры и усыпальница вѣроятно долгое время стояли въ-пустѣ, подвергались грабежамъ и расхищенію съ цѣлями корыстными или изъ побужденій празднаго любопытства, пока, вѣроятно, много лѣтъ спустя, обвалъ верхней скалы не скрылъ подъ грудами мусора древнихъ сооруженій. Этимъ обстоятельствомъ, полагаю, можно объяснить отсутствіе въ пещерахъ всякихъ принадлежностей церковнаго служенія, равно какъ и отсутствіе въ нишахъ и гробницахъ скелетовъ или мощей погребенной въ нихъ братіи.

Библиотека "Руниверс"

Арка, уцѣлѣвшая между входами во вторую и третью пещеры, представляетъ, вѣроятно, остатокъ небольшой пещерной кладбищенской церкви; на мысль эту наводятъ два обстоятельства: уцѣлѣвшій въ срединѣ арки камень съ гладкою поверхностью, подобный которому сохранился понынѣ, въ качествѣ алтаря, въ пещерной Іоанно-Крестительской церкви села Лядавы (на берегу Днѣстра въ могилевскомъ уѣздѣ); а также многочисленныя изображенія святыхъ, найденныя на томъ мѣстѣ, гдѣ повидимому долженъ былъ находиться входъ въ эту церковь.

По поводу имени игумена Григорія позволимъ себѣ сдѣлать сближенія, нисколько, конечно, на немъ не настаивая: среди крайне скудныхъ лѣтописныхъ свѣдѣній о судьбѣ древней галицко-русской церкви, единственное уцѣлѣвшее имя лица, прославившагося пустынножительствомъ и святостью, это имя Полонинскаго игумена Григорія. Подъ 1262 годомъ Ипатская лѣтопись, разсказывая объ обращеніи въ христіанство литовскаго князя Войшелка Мендовговича, сообщаетъ, что князь этотъ, принявъ крещеніе, вслѣдъ затѣмъ „иде въ Полонину ко Григоріеви въ монастырь и пострижеся во чернцѣ и бысть въ монастыри у Григорія 3 лѣта . . . . . пріемъ благословеніе отъ Григорія. Григорей-же бяшеть человѣкъ святъ, якого-же не бысть передъ нимъ и ни по немъ не будетъ“.—Вѣроятно совпаденіе именъ двухъ игуменовъ совершенно случайное, но, можетъ быть, оно не исключаетъ возможности предположенія, что знаменитый святостью полонинскій игуменъ могъ также „дати силу“ пещерному монастырю св. Михаила въ Бакотѣ, и преслѣдуя идеалъ аскетической жизни, можетъ быть оуздвяглъ и этотъ монастырь.“

В. А.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Астрономъ Эйлеръ въ Сѣчи Запорожской въ 1770 г.[1])

(*Отрывокъ изъ напечатанной статьи моей подъ заглавіемъ «Первыя попытки изученія Новороссіи въ 1760—1774 г.*)» По случаю небеснаго періодическаго явленія, наблюдаемаго въ нынѣшнемъ году астрономами во всемъ образованномъ мірѣ — «прохожденія планеты Меркурія мимо солнца», мы нашли любопытный документъ объ этомъ же событіи за 120 лѣтъ назадъ. И этотъ документъ мы заимствовали не изъ записокъ академій, или библіотекъ высокихъ ученыхъ учрежденій, но изъ бѣдныхъ остатковъ запорожскаго архива! Это событіе произвело не малый переполохъ въ Сѣчи Запорожской, судя по слѣдующей перепискѣ 1770 года.

Въ самомъ разгарѣ кровавой борьбы нашей съ турками, (1769—1774), когда войско запорожское съ кошевымъ своимъ во главѣ подвизалось въ очаковскихъ и ногайскихъ степяхъ, правящій въ Сѣчи, судья войсковой Николай Тимофѣевъ донесъ атаману съ особымъ нарочнымъ о своихъ хлопотахъ слѣдующимъ письмомъ отъ 16 мая 1770 года.

---

[1]) Настоящая замѣтка прислана намъ многоуважаемымъ сотрудникомъ нашимъ, маститымъ историкомъ А. Скальковскимъ при слѣдующемъ письмѣ:

Въ редакцію журнала „Кіевская Старина".

Приступивъ къ дополненію книги моей подъ заглавіемъ: „*Исторія Новой Сѣчи*" вновь добытыми документами, я спѣшу представить въ редакцію „Кіевской Старины" прилагаемую при семъ статейку мою, подъ заглавіемъ:

„Астрономъ Эйлеръ въ Сѣчи Запорожской въ 1770 г. и покорнѣйше просить напечатать ее—если угодно, въ одной изъ книжекъ журнала, для извѣстія Кіева съ новымъ—вѣроятно послѣднимъ въ жизни, историческимъ трудомъ моимъ".

Императорской академіи наукъ, Московскаго общества и др. членъ, А. Скальковскій.

Библиотека "Руниверс"

«Сегодня отъ поручика артиллеріи Эйлера присланъ нарочный, морскаго флота штурманъ Василій Кипріановъ, съ тѣмъ, что оной Эйлеръ теперь находится въ крѣпости св. Елисаветы и въ скорости сюда будетъ въ Сѣчь, для «примѣчанія въ солнцѣ Венеры», подъ здѣшнимъ градусомъ. Тотъ же присланный требуетъ подводъ 20 для поѣздки ему Эйлеру около города, для посмотрѣнія, также расположенія рѣкъ и днѣпровыхъ гирлъ, и всякаго во всемъ удовольствія, а паче чтобы мясиво въ городѣ было безпрестанно, чтобы дозволялось посмотрѣть также, какимъ образомъ казненные вѣшаются и пр.» Г. судья спрашивалъ дважды у кошеваго наставленія, что ему дѣлать?

Отвѣтъ кошеваго, съ похода писанный, весьма подробно свидѣтельствуетъ о безпокойствахъ запорожской старшины, на счетъ пріѣзда такого удивительнаго для нихъ гостя.

«Посланному отъ г. Эйлера, или ему самому, сказать имѣете, что войска запорожскаго всѣ козаки въ походѣ находятся, потому подводъ и провожатыхъ поручику Эйлеру давать не можно. А что требуетъ отводу квартиры такой, на коей помѣстились бы палатокъ 8, то надобно знать, что въ Сѣчи такихъ дворовъ не имѣется. А если пространнаго мѣста надобно, то по теперешнему лѣтнему времени то сталъ бы за городкомъ. Что же требуетъ что бы въ Сѣчи безпрестанно мясиво было и допущенно ему видѣть какимъ образомъ казненные, (вѣроятно осужденные) вѣшаются, то ему поручику и никому стороннему, въ здѣшніе суды и распоряженія мѣшаться не слѣдуетъ, ибо здѣшніе суды и распоряженія дѣлаются по Высочайшимъ привилегіямъ».

Что бы понять причину такого переполоха запорожцевъ, то надобно помнить, что въ эти злополучные для войска годы (1761—1773) войско, кромѣ войны съ турками и татарами, столь обычной для козаковъ, вело тяжкую борьбу съ сосѣдями, донецкимъ и новосербскимъ корпусомъ, и даже съ придворными «благодѣтелями», которые на ихъ землѣ ихъ «Палестину корыстуются безщадно», а потому ученыхъ экспедицій Палласа, Эйлера и другихъ академиковъ считали за посланцевъ размежеванія и захвата новыхъ цѣлыхъ округовъ запорожскихъ земель, какъ это было уже въ 1750 и даже 1760 годахъ [1]).

Но вѣроятно съ ученымъ астрономомъ запорожцы скоро поладили, ибо находимъ въ числѣ «аттестатовъ» о принятіи въ козачество, его самого слѣдующаго содержанія:

---

[1]) Объ этихъ спорахъ „за границы“ т. е. за земли, мы подробно говорили въ нашей *Исторіи Новой Сичи* ч. II стр. 138—201, и ч. III стр. 149.

Библиотека "Руниверс"

«Астрономической экспедиціи главный предводитель, артиллеріи, бомбардирскаго полку, господинъ поручикъ *Христофоръ Леонтьевичъ Эйлеръ*, въ пріѣздъ свой въ нынѣшнее время въ Сѣчь Запорожскую, по его прошенію, въ войско запорожское, въ число куреня кущовскаго товарищемъ принятъ 4 августа 1770 года.

И такъ, изъ этой кратковременной борьбы астронома съ кошемъ, г. Эйлеръ въ 2 мѣсяца, вышелъ полнымъ побѣдителемъ.

А. Скальковскій.

Савва Чаленко и Игнатъ Голый. Много писано уже объ этихъ двухъ ватажкахъ, сдѣлавшихся — первый по какому-то недоразумѣнію, второй съ гораздо бо́льшимъ основаніемъ — героями народныхъ пѣсенъ, но все-таки жизнь ихъ недостаточно извѣстна, и въ самыхъ подробныхъ разсказахъ о нихъ встрѣчаются нѣкоторые пробѣлы [1]). Въ документахъ кіевскаго центральнаго архива намъ встрѣтилось два извѣстія, которыя могутъ пополнить біографію этихъ лицъ нѣсколькими новыми чертами.

Первое извѣстіе касается Чаленка и относится къ 1735 году. Въ это время Чаленко, какъ извѣстно, находился еще въ отрядѣ Верлана и дѣйствовалъ въ духѣ народнаго возстанія; правда, дѣйствія эти были довольно безцвѣтны и ограничивались грабежомъ, но это не мѣшало ему пользоваться сочувствіемъ и поддержкою со стороны запорожцевъ; только въ концѣ 1736 г. Чаленко открыто измѣнилъ образъ дѣйствій — явился къ регименту Малиновскому, принесъ присягу на вѣрность Рѣчи [2]) Посполитой и былъ назначенъ полковникомъ. И вотъ, мы узнаемъ, что еще въ 1735 г. случилось слѣдующее происшествіе, констатированное оффиціальнымъ документомъ:

«735 г. куреня Куреневскаго Тимко Птуха ездилъ спашпортомъ въ с. Бужинъ для доправки на должникахъ долговъ, то въ тѣ поры Савка Чалѣнко, лядскій ватагъ повесить приказалъ [3]).

---

[1]) Наиболѣе полный, хотя далеко не безпристрастный очеркъ ихъ дѣятельности сдѣланъ д-ромъ Антоніемъ У. (переводъ помѣщенъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1887 № 11); въ концѣ очерка приложенъ обстоятельный списокъ источниковъ.

[2]) См. архивъ Ю.-З. Россіи ч. III, т. 3, предисловіе В. Б. Антоновича.

[3]) „Ведомость именная, сколко отъ прошедшаго 733 даже по настоящій 746 годъ казаковъ войска запорожскаго низоваго ляхи повешали и что вниХъ поотбирали“ и т. д., представленная кіевскому ген.-губ. Леонтьеву кошевымъ атаманомъ.

Библиотека "Руниверс"

«Лядскимъ ватагомъ» Чаленко въ этомъ извѣстіи названъ по ошибкѣ; но самый фактъ ограбленія имъ запорожца въ то время, когда онъ еще пользовался поддержкою запорожья, можетъ служить дополненіемъ къ характеристикѣ этого человѣка, имя котораго такъ незаслуженно опоэтизировано народомъ.

Второе извѣстіе касается Игната Голаго и относится къ 1743—4 г. Оно находится въ перепискѣ кіевскаго ген.-губ. Леонтьева съ кошевымъ атаманомъ Іакимомъ Игнатовичемъ по поводу одного незначительнаго наѣзда. Вотъ обстоятельство этого дѣла.

18 сентября 1743 г. восемь человѣкъ запорожцевъ напали подъ Немировымъ у Ободянской корчмы на ѣхавшихъ изъ Кіева сидѣльцевъ купца Свѣшникова и ограбили ихъ. Свѣшниковъ отправилъ въ Сѣчь для розысковъ сидѣльца Филатова, который и узналъ, что ихъ разбивалъ «Медвѣдовскаго куреня козакъ Игнатка Ватажка». Услыхавъ, что Игнатка находится въ Гардѣ. Филатовъ, взявъ проводника у кошеваго, поѣхалъ туда, но Игнатки не нашелъ: ему сказали, что онъ «будучи въ Гардѣ поѣхалъ наздобічъ». Когда же Филатовъ возвратился въ Сѣчь, то «кошевой Игнатовичъ, призвавъ въ свой курень, билъ нещадными побои и посадилъ подъ караулъ въ пушкарню скованнаго; потомъ отпустилъ, но потомъ опять велѣлъ сковать». Филатовъ обратился съ жалобою въ гарнизонную сѣчевую канцелярію къ подполк. Кондыреву; послѣдній обратился къ кошевому и представилъ ему ордеръ Леонтьева о разысканіи грабителей. Тогда кошевой призвалъ медвѣдовскаго куреннаго атамана и спрашивалъ его объ Игнаткѣ, но тотъ отвѣчалъ: «у насъ де такой Игнатко былъ, а нынѣ ево неимѣетъца, а где делся, не знаемъ». Обо всемъ этомъ Кондыревъ донесъ Леонтьеву 15 декабря 1743. Въ тотъ же день и кошевой Игнатовичъ послалъ Леонтьеву отписку, въ которой объясняетъ, что Филатовъ въ первый пріѣздъ въ сѣчь не показалъ ему ордера Леонтьева и не объявилъ цѣли поѣздки, почему онъ и не могъ оказать ему содѣйствія. Что же касается Игнатка, то медвѣдовскій атаманъ «сознался, что теперь немае, а впрежъ хотя и былъ, но оный при фелтмаршалу фонъ Миниху служилъ и жену мѣлъ въ Малороссіи, то и теперь чи не съ женою, а промежи войска не имѣется и атаманъ не знаетъ о немъ». Но получивъ ордеръ вашего высокопр—ва, прибавляетъ онъ, «мы проискъ чинитимемъ и аще провѣдино будетъ, то не укрывативемъ».

На оборотной сторонѣ этой отписки находится слѣдующая резолюція Леонтьева: «записалъ къ отпуску сообщить и справясь спол-

Библиотека "Руниверс"

скими дѣлами ответствовать, что за убивство Савки Чаленка онъ Игнатъ содержался у них запорожцев подъ карауломъ, а нынѣ они представляютъ, яко бы уже ево и въ Сѣчи не имѣется, и то видно ево атаманское закрывательство сущихъ воровъ, понеже когда онъ Игнатка по первому дѣлу приличенъ и подъ карауломъ держанъ, то уже ево безъ ордера свобождать и такіе пустые отговорки учинить не подлежало»...

Въ томъ же духѣ составленъ и ордеръ Леонтьева кошевому отъ 15 января 1744. Въ этомъ ордерѣ, за изложеніемъ обстоятельствъ дѣла, сказано: «а понеже предсимъ вприсланной отъ бывшаго кашеваго атамана Еремѣевича отпискѣ показано, что онъ Игнатка по ордеру моему по приличности учиненного имъ полскому полковнику Савкѣ Чаленку смертнаго убивства содержитца завашимъ крепкимъ карауломъ, котораго было по тому первому ево злодейству безуказу освобождать ненадлежало, а видно всвабоду ево слабость и потачки отвасъ последовали»... Въ пресеченіе же далнейшей вашей слабости и потворства наикрепчайше предлагаю помянутаго ведомого злодея (въ черновомъ текстѣ: оного знатнаго плута и вора казака) Игнатку не принося никакихъ взакрывательству отговорокъ немедленно сыскать. Въ противномъ случаѣ Леонтьевъ грозитъ представитъ обо всѣхъ «коварствахъ и укрывательствахъ» кошеваго Его И. В.

Кошевой Игнатовичъ въ отпискѣ отъ 11 февраля объясняетъ побои, нанесенныя Филатову («ударилъ разовъ три палкою по шіи») наказаніемъ за «обманство». Объ Игнаткѣ же говоритъ: «А зъ Ігнатка то ми атаманъ кошовій курѣннаго атамана медведовскаго неолнократно призывая стязовали, чи не слышно где бъ оной обретался, то атаманъ подсовестию христианскою созналъ, же незнаетъ, где оной Игнатко пошолъ и за прописаннимъ Игнаткою уже для взискания везде вкрузѣ нашемъ войсковомъ постепью и по рѣчкамъ проискъ чинено, но толко внашемъ крузѣ нигде оного немае и неслышно, ибо ащеби оной внашемъ крузѣ где былъ, тоби ми его прибравъ до рукъ и подполковнику нещадѣли отдать, ибо оной Игнатка прошедшаго года якъ ушолъ, то и посію пору незнать вжени у Малороссіи, чили въякихъ другихъ краехъ зобретается ми неизвѣстно».

Леонтьевъ отвѣчалъ на это новымъ ордеромъ отъ 16 марта, составленнымъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и предъидущій, Игнатовичъ отвѣчалъ на него новою отпискою, въ которой говоритъ: «ми атаманъ кошовіи якъ первоистенно и праведно писали, что незнаемъ где Ігнатка зобретается оттого времени якъ ушелъ, то и те-

Библиотека "Руниверс"

перъ нишемъ, же жаднимъ видомъ не закрывали бъ его, если бы где былъ онъ слышенъ промежду нашимъ войскомъ, а то нигде не можемъ про него прослышать, и праведно пишемъ, же вкрузѣ нашемъ войсковомъ ево неимѣется а еслибы былъ и мы закривать бы могли, ибо за нимъ потачку чинить, то впредь на насъ вина зобрящеться», Въ заключеніе кошевой извиняется въ томъ, что ударилъ Филатова «за неучтивіе договорки».

Этою отпискою и оканчивается въ нашемъ дѣлѣ эпизодъ съ Игнатомъ, дальнѣйшая участь котораго остается неизвѣстною. Изъ фактовъ; упоминаемыхъ въ дѣлѣ, заслуживаютъ вниманія его женитьба и служба при Минихѣ, знакомящія насъ отчасти съ прошлымъ Игната, до начала его гайдамачества. Но особенный интересъ представляетъ содержаніе его подъ карауломъ въ Сѣчи за убійство Чаленка и загадочное освобожденіе. Мы видѣли, что Леонтьевъ прямо обвинялъ Игнатовича въ содѣйствіи побѣгу Игната. Обвиненіе это, повидимому, было справедливо: по крайней мѣрѣ Игнатовичъ ничего не возражалъ противъ него и не далъ никакого объясненія относительно побѣга Игната, который между тѣмъ открыто разъѣзжалъ по запорожскимъ землямъ и предпринималъ экскурсіи «наздобічъ». Отписка Игнатовича и поведеніе его относительно Филатова еще яснѣе опредѣляютъ отношеніе запорожцевъ къ убійцѣ Саввы Чаленка.

В. Щербина.

Судьба одной знатной козацкой фамиліи. На страницахъ «Кіевской Старины» появлялось не мало матеріаловъ для исторіи козацкой старшины, пріобрѣтавшей разными способами большія земельныя имущества и составившей, послѣ присоединенія края къ русскому государству, новую козацкую аристократію. Конечно, при тѣхъ политическихъ смутахъ, которыя переживала Малороссія въ XVII и XVIII ст. и на почвѣ которыхъ возникала козацкая аристократія, далеко не всѣмъ ея представителямъ удавалось упрочить свое положеніе, и многіе роды, временно возвышавшіеся, теряли по тѣмъ или другимъ причинамъ пріобрѣтенное положеніе. Предметомъ настоящей замѣтки служитъ исторія одного такого рода—*Бурляевъ*, извлеченная изъ двухъ дѣлъ кіевскаго центральнаго архива (изъ числа, такъ называемыхъ, «старыхъ дѣлъ», переданныхъ изъ архива губернскаго правленія). Дѣла эти озаглавлены такъ: «Дѣло объ отыскивающихъ съ подъ владѣнія гр. Браницкаго вольности с. Мисайловки жителяхъ

Библиотека "Руниверс"

Бурляхъ, они жъ Капусты, Капустенки, Гаркавенки и Харковенки». Одно изъ нихъ началось въ 1806, окончилось въ 1829, другое началось въ 1824, окончилось въ 1830; кромѣ того, въ обоихъ дѣлахъ есть указанія еще на два однородныхъ дѣла, окончившихся въ 1830; истцы во всѣхъ дѣлахъ различные, но находящіеся между собою въ близкомъ родствѣ. По самому существу разсматриваемыхъ дѣлъ, въ нихъ нельзя встрѣтить біографическихъ подробностей, которыя могли-бы вполнѣ уяснить судьбу этой фамиліи; но и тѣ немногія данныя, какія сохранены здѣсь, даютъ понятіе о рѣзкихъ переворотахъ въ ея положеніи. Перевороты эти служатъ отраженіемъ крупныхъ историческихъ событій, въ которыхъ нѣкоторые изъ представителей этой фамиліи играли видную роль. Не слѣдя за процессуальными подробностями, мы постараемся извлечь изъ разсматриваемыхъ дѣлъ и нѣкоторыхъ печатныхъ источниковъ возможно полную исторію данной фамиліи.

Фамилія Бурляй встрѣчается впервые въ эпоху Хмельницкаго: Бурлай, или Бурляй, «знаменитый пиратъ на Черномъ морѣ, который завоевалъ Синопъ, задавалъ страхъ самому Цареграду», впослѣдствіи полковникъ гадяцкій или зѣньковскій, былъ убитъ подъ Збаражемъ въ 1649 [1]); не знаемъ, состояла-ли въ какомъ-нибудь родствѣ съ нимъ данная фамилія Бурляевъ, но изъ представленныхъ въ судъ документовъ видно, что представители ея вели свой родъ тоже отъ современника Хмельницкаго Кондрата Бурляя [2]), козака команды придворной е. к. в. Этому Бурляю 20 сентября 1667 въ Варшавѣ дана отъ короля Яна-Казимира привиллегія на мельницу, домъ и грунта «за чинимые отечеству заслуги» (привиллегія эта въ подлинникѣ представлена была въ судъ). Сынъ Кондрата—Гаврило Бурляй пріобрѣлъ еще болѣе видное положеніе и еще большія маетности, но уже не отъ польскаго, а отъ русскаго правительства. Отъ него сохранились слѣдующія привиллегіи, также въ подлинникахъ представленныя въ судъ: 1) 1709 г. іюня 9 отъ гетмана войскъ запорожскихъ Ивана Скоропадскаго, полковнику тѣхъ же войскъ Гаврилѣ Бурляю на имѣніе—селеніе Германовку и слободку; 2) 1710, генваря 16 отъ его сіятельства кіевскаго губернатора кн. Голицына по указу

[1]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій, изд. 4-е, т. II, стр. 13 и 107—8; см. также собр. соч. М. А. Максимовича, т. I, стр. 730.

[2]) Не тотъ-ли это Кондратій Бырляй, который вмѣстѣ съ Сѣлуяномъ Мужиловскимъ велъ переговоры съ московскимъ правительствомъ о подданствѣ южной Руси. (Акты ю. и з. Россіи т. III, № 337)?

Библиотека "Руниверс"

его императорскаго величества Петра Алексіевича полковнику сердюцкого полку Гаврилѣ Бурляю на домъ въ Кіевѣ, послѣ полковника Зеленскаго оставшійся, 3) 1710, отъ гетмана Скоропадскаго оному жъ полковнику Гаврилѣ Бурляю на дѣдичное имѣніе Ольшану; 1711 отъ его сіятельства кн. Голицына оному жъ запорожскому полковнику Гаврилѣ Бурляю о нечиненіи обидъ со стороны воинскихъ подданнымъ его. Всѣ эти документы, и въ особенности второй, заключаютъ въ себѣ указаніе и на причину милостей, излившихся на Гаврилу Бурляя: всѣ они датированы 1709—11 г., а упомянутый во второмъ документѣ Зеленскій — несомнѣнно лубенскій полковникъ Дмитрій Зеленскій, бѣжавшій вмѣстѣ съ Мазепой [1]). Сынъ Гаврила—Карпо Бурляй — принадлежалъ также къ козацкой старшинѣ; онъ былъ полковымъ судьею переяславскимъ, но повидимому никакихъ новыхъ маетностей не пріобрѣлъ. Еще при жизни его, въ концѣ XVIII в., начинается рядъ неблагопріятныхъ для семьи случайностей, которыя чуть не повели къ закрѣпощенію потомковъ сердюцкаго полковника. Сыновья Карпа (переяславскаго судьи) Иванъ и Михаилъ переселились почему-то въ Польшу. Причина этого переселенія въ дѣлѣ не выяснена: въ одномъ изъ своихъ прошеній истцы выражаются объ этомъ такимъ образомъ: «по умертвіи Карпа судьи переяславскаго и въ разсужденіи разныхъ перемѣнъ въ свѣтѣ всѣ знатности пропали, и сыновья его Иванъ и Михайло переселились въ Польшу»; въ одномъ же изъ показаній говорятъ, что Иванъ «вышелъ изъ-за Днѣпра въ Польшу, получа отъ отца своего документы, служащіе на нѣкоторыя имѣнія въ семъ краѣ состоящія, еще за нѣсколько лѣтъ передъ гайдамащиною, а братъ его Михаилъ послѣ гайдамащины вышелъ въ Польшу послѣ смерти отца и матери». Михаилъ поселился въ с. Карапашахъ, а затѣмъ перешелъ въ Тулики; Иванъ же поселелился въ с. Мисапловкѣ; они считали себя свободными людьми, никакихъ повинностей не отбывали и только платили чиншъ за свои участки земли. Паденіе Польши и присоединеніе края къ Россіи измѣнили всѣ прежнія отношенія въ краѣ. Села, гдѣ поселились Иванъ и Михайло, составляли старостинскія имѣнія, входившія въ составъ богуславскаго староства, которое въ 1775 г. было подарено совмѣстно съ другими староствами отъ Рѣчи Посполитой королю въ вѣчное владѣніе, почему и жители должны были подпасть «праву дѣдичному»; король пожаловалъ въ свою очередь бо-

[1]) Максимовичъ I, 717.

Библиотека "Руниверс"

гуславское старостно своему племяннику кн. Понятовскому; но присоединеніи края къ Россіи имѣніе было секвестровано, затѣмъ возвращено Понятовскому, а послѣднимъ продано гр. Браницкому.

Во время всѣхъ этихъ перемѣнъ экономія считала Ивана Бурляя и его многочисленныхъ потомковъ (у него было 6 сыновей) крестьянами, такъ какъ они были записаны въ инвентарь 1765 подъ прозваніемъ Капусты. Иванъ въ то время не заботился о подтвержденіи своихъ шляхетскихъ правъ, потому что, какъ выразился одинъ изъ его потомковъ, «по бывшей въ Польшѣ для всякого народа вольности не для чего было объявлять и доказывать своей вольности». Михаилъ же почему-то не былъ записанъ въ *инвентари* и считался шляхтичемъ. По присоединіи края къ Россіи и составленіи ревизіи въ 1795, «Капусты» [1]) были записаны въ числѣ крестьянъ гр. Браницкаго. Причиною этой записи они выставляли потомъ, во 1-хъ, «незнаніе тогда россійскаго порядка, во 2-хъ, недобросовѣстность производившаго ревизію капита Агибалова, который требовалъ 70 р. (по другимъ показаніямъ сначала 300 р., а потомъ—30) за то, чтобы записать ихъ шляхтичами и, не получивъ ничего, записалъ крестьянами (другого брата Михаила, жившаго въ Тупикахъ, тотъ же Агибаловъ записалъ шляхтичемъ. Послѣ этого экономія гр. Браницкаго начала «употреблять ихъ въ разніе порабощенія». Но Бурляи горячо принялись отстаивать свои права: они обратились въ кіевское дворянское депутатское собраніе, которое, на основаніи извѣстныхъ уже намъ документовъ, дважды, въ 1796 и 1802, признало дворянское происхожденіе Бурляевъ (герба Ясенчакъ), но, такъ какъ они записаны въ подушн. окладѣ на основаніи сенатскаго указа 20 сент. 1802, не выдало имъ грамоты и отослало дѣло въ дерпартаментъ герольдіи. Не смотря на свое крестьянское положеніе, Иванъ Бурляй успѣлъ дать дѣтямъ образованіе: по крайней мѣрѣ, изъ дѣла видно, что два сына его, Кирило и Василій, воспитывались въ кіевской духовной академіи, а послѣдній продолжалъ образованіе въ медицинскоой академіи, получилъ степень штабъ-лекаря и, отправляясь въ турецкую компанію, посѣтилъ своихъ родичей въ Мисайловкѣ; онъ былъ убитъ подъ Очаковымъ. Внуки Ивана, опираясь на свои дворянскіе документы, поступили на службу; одинъ изъ нихъ Семенъ Карповичъ до-

[1]) Изъ показаній свидѣтелей-крестьянъ видно, что Бурляевъ дѣйствительно называли Капустами, потому что у нихъ была хорошая капуста, и Гаркавенками—п. ч. отецъ ихъ „имѣлъ рѣчь гаркавую“.

Библиотека "Руниверс"

служилъ до чина маіора, другой—Иванъ Мартиновичъ до титулярнаго совѣтника. Эти то чиновники и подняли наконецъ дѣло объ освобожденіи своихъ отцовъ и дядей (Ивана тогда уже не было въ живыхъ), и въ 1829—30 всѣ дѣла о Бурлянхъ закончились освобожденіемъ ихъ отъ крѣпостной зависимости. Къ сожалѣнію, въ находящихся въ нашихъ рукахъ дѣлахъ (собственно остаткахъ дѣлъ, потому что подлинныя дѣла отсылались на храненіе въ тѣ повѣтовые суды, гдѣ они возникали- въ данномъ случаѣ въ богуславскій) не сохранилось ни полныхъ рѣшеній, ни свѣдѣній о дальнѣйшей участи освобожденныхъ, но изъ одного дѣла видно, что они однако не были признаны дворянами, а получивъ право избрать родъ жизни, изъявили желаніе приписаться херсонской губерніи въ ольвіопольскіе мѣщане.

В. Щербина.

Рисунки изъ путешествія имп. Екатерины II въ южную Россію.

Объ этомъ знаменитомъ путешествіи, такъ полно изслѣдованномъ г. Есиповымъ на страницахъ «Кіевской Старины», сохранилось художественное свидѣтельство. Въ петербугскомъ императорскомъ эрмитажѣ, въ отдѣлѣ рисунковъ, въ числѣ другихъ, можно видѣть акварели большого формата, сдѣланныя, какъ видно, на мѣстѣ въ разныхъ пунктахъ поѣздки императрицы. На краяхъ листовъ читается надпись: Hadfield J. C. 1787.

Мы видѣли тринадцать изъ этихъ мало кому извѣстныхъ рисунковъ, такого содержанія: 1) Видъ Кіева съ Днѣпра во время торжества встрѣчи. 2) Кіевлянки, бросающія цвѣты на пути императрицы. 3) Женщина кіевской губерніи. 4) Кіево-Печерская Лавра. 5) Другой видъ печерскаго монастыря. 6) Видъ Подола съ террасы императорскаго дворца. 7) Горы возлѣ Лавры. 8) Пушка Мазепы (?) 9) Кременчугъ. 10) Дѣвушка изъ селенія Кодакъ. 11) Херсонъ. 12) Другой видъ Херсона. 13) Ѳеодосія.

Сопровождалъ ли художникъ, сдѣлавшій эти рисунки, императрицу во время поѣздки, или сдѣлалъ ихъ послѣ по чьему либо указанію—не знаемъ. Въ изслѣдованіи г. Есипова, самомъ полномъ, какое существуетъ объ этомъ предметѣ, имя его не упоминается.

Нечего говорить объ историческомъ интересѣ этихъ рисунковъ, гдѣ воспроизведены со всею точностью старинные костюмы, вновь

Библиотека "Руниверс"

возникающіе города, какъ Кременчугъ и Херсонъ, Кіево-Подолъ до пожара и проч. Воспроизведеніе ихъ было бы истинной услугой исторіи и археологіи.

Г.

Случай столкновенія кіевскаго магистрата съ военнымъ начальствомъ. (1773 г.). Квартировавшіе въ Кіевѣ во множествѣ военные люди причиняли не мало безпокойствъ мирнымъ обывателямъ города. Посильно защищая свое домашнее спокойствіе, мѣщане прибѣгали иногда къ содѣйствію магистрата, но онъ, какъ видно, не въ силахъ былъ оказывать въ этихъ случаяхъ дѣйствительную защиту. Въ архивныхъ дѣлахъ нерѣдко встрѣчаются жалобы магистрата на причиняемыя военными людьми обиды кіевскимъ мѣщанамъ, въ томъ числѣ и насилія надъ женщинами. Такъ, въ 1772 г. по поводу похищенія капитаномъ Вильде одной замужней женщины и совершеннаго деньщикомъ капитана Кольмана насилія надъ одной мѣщанской дѣвушкой магистратъ обращался къ генералъ-губернатору съ жалобой вообще на распущенность военнослужащихъ. Но и генералъ-губернаторъ не могъ, какъ видно, оказать существенной помощи въ подобнаго рода дѣлахъ. Прямое же вмѣшательство магистрата въ защиту отдѣльныхъ лицъ причиняло ему лишь однѣ непріятности, какъ указываетъ на это, между прочимъ, такой случай.

27-го февраля 1773 года мѣщанинъ Иванъ Яновскій, вернувшись вечеромъ домой изъ своей лавки, увидѣлъ, что жившая у него на хозяйствѣ сестра его, захвативъ съ собой имущества на 600 руб. лей, скрылась изъ дому. «Будучи въ разсужденіи, что оная кимъ ни есть изъ военныхъ чиновъ увезена», Яновскій въ ту же ночь отправился въ погоню за ней въ Васильковъ. Пробывъ тамъ цѣлый день, онъ дѣйствительно дождался, что къ командовавшему на заставѣ маіору Куликову, у котораго онъ находился, пришелъ за пропускомъ рижскаго карабинернаго полка карабинеръ Ямщиковъ, который, оказалось, и везъ вмѣстѣ съ деньщикомъ ротмистра Сиверса сестру Яновскаго и ея служанку. Маіоръ Куликовъ арестовалъ бѣглянокъ и передалъ ихъ на руки Яновскому вмѣстѣ съ карабинерами, и для конвоя отрядилъ трехъ козаковъ. 1-го марта Яновскій представилъ всѣхъ этихъ лицъ въ магистратъ, прося «о поступленіи кто въ семъ происшествіи виновными найдутся по законамъ». Оказалось, что сестра Яновскаго отправлялась въ Польшу къ поручику Шупинскому, который

Библиотека "Руниверс"

«снознался» съ нею, когда квартировалъ въ Кіевѣ въ домѣ ея брата. По просьбѣ этого поручика, ротмистръ Сиверсъ устроилъ это похищеніе Яновской, пославши за нею своихъ карабинеровъ.

Кіевскій магистратъ, представляя арестованныхъ солдатъ въ кіев. губ. канц., жаловался по этому поводу вообще на причиняемыя мѣстному мѣщанству обиды, прося генералъ-губернатора — «о содержаніи надъ состоящими здѣсь военнослужащими установленной дисциплины и о удержаніи ихъ таковыхъ поступокъ, кому надлежитъ, предложить».

Между тѣмъ того же 2-го марта получено было генералъ-гурбернаторомъ и письмо отъ генералъ-поручика Фонъ-Сиверса, который, оказывается, былъ крайне обиженъ такимъ арестомъ своего карабинера, ѣздившаго съ выданною имъ, Сиверсомъ, подорожною. Обвиняя маіора Куликова, Сиверсъ, главнымъ образомъ, возмущался дѣйствіемъ магистратскихъ властей: «г. войтъ, довольно будучи извѣстенъ, что карабинеръ, яко воинской команды, зависитъ не отъ его рѣшенія, вступилъ совсѣмъ въ безпредѣльное и несвойственное ему совсѣмъ званіе, взялъ подъ свой караулъ: чѣмъ я будучи не мало обиженъ, В. В. II-ву симъ сообща, пок. прошу приказать ему войту того карабинера Ямщикова, да и женщинъ, къ лучшему удостовѣренію обо всемъ томъ, прислать ко мнѣ, и ему войту подтвердить, чтобъ онъ въ касающихся не до его должности, хотя бъ и ему случилось таковыхъ гдѣ нибудь найти, не давая своимъ мыслямъ воли, представлялъ къ той командѣ, куда они принадлежатъ».

Генералъ-губернаторъ препроводилъ Сиверсу копію магистратскаго доношенія вмѣстѣ съ арестованными солдатами, а магистрату все-таки сдѣлалъ выговоръ: «впредь имѣть осторожность и такова нареканія, какъ отъ г. генералъ-порутчика Сиверса представлено, на себя не навлекать, дабы тѣмъ не подать причины войти въ худыя слѣдствія». Маіору Куликову тоже былъ сдѣланъ Воейковымъ выговоръ за «непорядочный и предосудительный поступокъ».

Сиверсъ въ отвѣтномъ письмѣ своемъ отъ 6-го марта заявлялъ Воейкову, что въ доношеніи магистрата онъ видитъ одну только «небеду». Карабинеръ Ямщиковъ, на допросѣ въ своей «командѣ» скрылъ, конечно, участіе въ этомъ дѣлѣ своихъ офицеровъ, а показалъ, что де увезъ онъ Устинью Яновскую по ея просьбѣ, такъ какъ она желала выйти замужъ за «человѣка» поручика Шупельскаго, стоявшаго тогда въ с. Трилѣсахъ.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ оказанная магистратомъ защита обывателя вмѣнена ему въ преступленіе.

А. А.

Изъ бумагъ сенатора тайн. сов. М. П. Миклашевскаго [1]).

1. Указъ Сената гетману Разумовскому о скупль земель козаковъ и посполитыхъ (съ копіи).

Божіею милостію мы, Екатерина II Императрица Всероссійская и проч. и проч. и проч.

По титулѣ гетманской

Генеральная войсковая канцелярія доношеніемъ отъ 17 генваря 1749 и мая 2 чиселъ 1750 годовъ, по доношенію гадяцкой полковой канцеляріи, представляла, что ген.-маіоромъ кн. Кантемиромъ и гусарскихъ полковъ офицерами, такожъ и рядовими гусарами покуплено у обывателей гадяцкаго полку грунтовъ не малое число, а иные и совсѣмъ искуплены; а понеже именнымъ блаженныя памяти государыни и-цы Анны Іоанновны 1739 году февраля 5 дня указомъ повелѣно всѣмъ малороссійскимъ козакамъ до будущаго всемилостивѣйшаго соизволенія грунта продавать и подъ другими видами по тамошнему обыкновенію за другимъ укрѣплять запретить, о которой де непокупкѣ грунтовъ у козаковъ и у посполитыхъ, и послѣ того въ разныхъ годахъ изъ Правительствующаго Сената указами накрѣпко подтверждено. Хотя же именнымъ 1740 году октября 6-го указомъ и повелѣно волохамъ, сербамъ и другимъ иностраннымъ людемъ, кои въ Россійской службѣ вѣчно останутся, въ покупкѣ грунтовъ и земель препятствія не чинить, но того въ ономъ указѣ, допускать ли оныхъ иностранныхъ людей до покупки и козачьихъ грунтовъ, неизображено, и затѣмъ оными иностраннымъ людямъ надлежитъ ли тѣ козачіе грунта искупать,—генеральная войсковая канцелярія состоитъ въ сумнителствѣ, ибо тѣмъ козаки за распродажею своихъ грунтовъ службы козачей отправлять уже не въ состояніи и живутъ за ними въ послушаніи подданическомъ, и отъ того въ козачей службѣ происходить умаленіе и требуетъ оная канцелярія объ ономъ разсмотрѣнія и указу, тѣмъ волохамъ, сербамъ и другимъ иностраннымъ людемъ, служащимъ въ гусарскихъ полкахъ, и прочимъ, кои уже отъ службы

[1]) О Миклашевскомъ см. „Рус. Бесѣда“ 1856 г. кн. I, а также краткую замѣтку въ „Кіевской Старинѣ“ 1890 г. январь. Въ этомъ же году въ нашемъ журналѣ было помѣщено нѣсколько писемъ М. П. Миклашевскаго.

Библиотека "Руниверс"

въ отставкѣ, допускать ли впредь по оному 1740 году указу и ко зачіе грунта и земли покупать и тѣ покупленные ими оставить ли при нихъ во владѣніи, или какъ тѣ покупленные отобрать, такъ и впредь искуплѣ козачихъ грунтовъ по силѣ оныхъ генеральныхъ о непокупкѣ никому козачихъ грунтовъ указовъ, ихъ не допускать, дабы въ козакахъ умаленія произойти не могло; и въ нашемъ Сенатѣ опредѣлено по онымъ доношеніямъ о показанныхъ скупленныхъ въ Малороссіи у козаковъ и посполитыхъ иностранными людьми, равно жъ и тамошними владѣльцами грунтахъ и о живущихъ въ подданствѣ за ними козакахъ и о запрещеніи имъ впредь въ покупкѣ таковыхъ у козаковъ и у посполитыхъ грунтовъ вамъ нашему гетману по нынѣшнимъ обстоятельствамъ разсмотрѣть вновь и обо всемъ, на основаніи нашихъ указовъ и правъ малороссійскихъ, представить въ нашъ Сенатъ со мнѣніемъ; и для того означенное доношеніе отослать къ вамъ нашему гетману (которыя при семъ посылаются). Въ Санктпетербургѣ, Іюля 26 дня 1764 года. По Ея Императорскаго В-ва указу сенаторъ и кавалеръ Федоръ Ушаковъ; сенаторъ и кавалеръ Николай Муравьевъ, сенаторъ князь Петръ Трубецкой, сенаторъ Дмитрій Соболевъ.

Надворный совѣтникъ Самойло Дѣнь.

---

2) Къ исторіи расхищенія земель въ Малой Россіи. Прошеніе бывшаго гетмана К. Г. Разумовскаго о назначеніи новыхъ членовъ въ коммиссію для разсмотрѣнія земельнаго спора его съ другими владѣльцами. (*съ копіи*).

Всемилостивѣйшая государыня:

Вашему Имп. В-ву извѣстно, что я не имѣлъ за собою никакихъ деревень, а жилъ только однимъ недвижимымъ имѣніемъ жены моей великороссійскимъ, и что въ 759 году Ея Величество въ Бозѣ почивающая тетка Государыня И-ца Елизаветъ Петровна, содержа нашу фамилію въ особенномъ покровительствѣ, въ разсужденіи многочисленной моей фамиліи жаловала мнѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе нѣкорыя небольшія маетности въ Малой Россіи, яко то городки, или, лучше сказать, мѣстечка Батуринъ и Почепъ, съ ихъ малыми уѣздами, Бакланскою и Шептаковскою волостьми.

Сіи двѣ деревни, бывши долговременно между гетманствомъ въ крайнемъ несмотрѣніи, разными чинами и, однимъ словомъ сказать, мужиками (которіе себѣ чины за деньги достали) такъ раскрадены въ

Библиотека "Руниверс"

земляхъ и угодіяхъ въ отказанныхъ деревняхъ при отдачѣ мнѣ нашлись, что я принужденъ былъ того года просить Правительствующаго Сената, чтобъ нарочно знающіе люде изъ великороссійскихъ чиновъ опредѣлены были для разобранія, что кому и по какимъ крѣпостямъ принадлежитъ, и всѣмъ тѣмъ, кто въ сихъ мнѣ пожалованныхъ деревняхъ поселился и съ землями и угодіями старинными, ни къ моимъ деревнямъ принадлежащими, завладѣлъ. Почему и опредѣлены были статскій совѣтникъ Шишкинъ и подполковникъ Семеновъ, яко знающіе и безпристрастные люде, которые все сіе въ самую истинну разсмотрѣли и наконецъ нашли, что подъ разными вымышленіями и подложными крѣпостьми купчими и здѣлками многіе изъ тѣхъ деревень, до отдачи мнѣ разграблены, а иншіе и розданы малороссійскими пристрастниками, по лихоимству обманывая многократно Правительствующій Сенатъ и Коллегію иностранныхъ дѣлъ (которая тогда вѣдала малороссійкія дѣла) укрѣплены въ противность всѣмъ правамъ малороссійскимъ, статьямъ Богдана Хмельницкаго, по которымъ онъ подъ державу великороссійскую приступилъ, и указомъ именнымъ высочайшимъ предковъ Вашего И-аго В-ва, и когда помянутые отдатчики Шишкинъ и Семеновъ, открывъ все то воровство отобрали въ силу именнаго указа, которымъ мнѣ и потомству моему сіи деревни пожалованы и отданы къ моему владѣнію, то помѣщики неправильно били челомъ о томъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, прописавъ на меня многія изъ согласія многихъ клеветниковъ мужиковъ лжи, якобы я тое силою здѣлалъ и лишилъ ихъ послѣдняго пропитанія, почему сіе дѣло нѣсколько было въ Сенатѣ безъ разслѣдованія; а на послѣдокъ по Высочайшему Вашего И-аго В-ва повелѣнію опредѣлена нарочная коммиссія, въ которой генералъ-поручикъ Костеринъ да статскій дѣйствительный совѣтникъ Эммей, коллежскій совѣтникъ Курбатовъ дѣло сіе производятъ въ Сибургѣ,

А нынѣ получаю извѣстіе, что и помянутые члены той коммиссіи, несвѣдомы будучи о многихъ обстоятельствахъ ябедническихъ малороссійскихъ, вѣру подаютъ тѣмъ ябедникамъ, которые воспользовавшись моимъ теперь отдаленіемъ и членовъ не знаніемъ многихъ обстоятельствъ, по сему дѣлу надобныхъ, дѣло все умышленно наклоняютъ на крайнюю мнѣ и дому моему обиду, и ежели по ихъ докладу и резолюціи Вашего И-аго В-ва воспослѣдуетъ, то изъ того родится, что во всей Малороссіи таковымъ же образомъ многимъ числомъ земли, государевы деревни и угодія довольные раскраденные всѣмъ грабителямъ мужикамъ примернымъ образомъ надобно будетъ

Библиотека "Руниверс"

утвердить тѣ, которые по самой справедливости и по всѣмъ законамъ отобрать у нихъ должно, о чемъ мнѣ, яко знающему малороссійскія дѣла по долговременной моей практикѣ, паче всѣхъ извѣстно.

Всемилостивѣйшая Государиня! Вашему И-ому В-ву уповаю извѣстенъ мой характеръ и безкорыстіе и что я никому не желая и нималѣйшей обиды сдѣлать, и тѣмъ менше присвоить, но долженствуя признаться, что чувствительно, и того лишаясь, что мнѣ и роду моему всемилостивѣйше пожаловано, и что малороссійскіе мужики и простые козаки самовольно и безъ вѣдома государственной власти, и наконецъ, тѣмъ же похищеннымъ достаткомъ чины себѣ покупили, и по тѣмъ чинамъ *шляхетское* на себя право наводятъ, безъ заслугъ и безъ всякаго достоинства, по которому ябеднически выклопотали въ отдаленномъ краю такія маетности, которыя, смѣло могу признаться, всемилостивѣйшая государиня, ни по чему имъ не принадлежатъ, но еще и иныхъ надлежало бы по указамъ оштрафовать.

Не распространяю я здѣсь о доказательствѣ, дабы не трудить тѣмъ Ваше И-ое В-во, но всеподданнѣйше только прошу для безпристрастнаго изслѣдованія повелѣть къ той коммиссіи въ Москвѣ другихъ членовъ опредѣлить, между которыми былъ бы хотя одинъ прямо знающій всѣ хитрости и обманы ябедниковъ малороссійскихъ; изъ чего не токмо найдется на мою сторону правосудіе, но и Ваше И-ое В-во усмотрите, сколь много такимъ же непозволительнымъ образомъ деревень и земель Вашего И-аго В-ва въ Малой Россіи раскрадено, почему и въ коммиссію надобно такихъ секретарей и служителей опредѣлить, которые бы преждимъ неправымъ резолюціямъ по малороссійскимъ дѣламъ, яко по прежнимъ, уже не были послѣдовательны. Ожидаю на сіе высочайшей резолюціи Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ графъ К. Разумовскій.

Резолюція.

1762 года. По сему доложить, а въ Сенатъ послать указъ для опредѣленія нарочныхъ членовъ въ коммиссію для разбору вышеписаннаго о раскраденныхъ земляхъ; той же коммиссіи изслѣдовать, и о удовольствіи въ обстоятельствѣ доложить.

Дѣло у Елагина 1763 года февраля 18 дня (помѣта).

3) Письмо Неплюева къ М. П. Миклашевскому съ запрещеніемъ употреблять нѣкоторыя слова въ донесеніяхъ. (*Съ подлинника*).

Милостивый Государь мой Михаилъ Павловичъ!

Государь императоръ, выслушавъ послѣднѣ полученное донесеніе вашего превосходительства, сего октября отъ 12-го числа изъ-

Библиотека "Руниверс"

сочайше повелѣть мнѣ изволилъ написать вашему превосходительству, дабы вы, милостивый государь мой, впредь въ донесеніяхъ не употребляли такихъ словъ, кои смыслу въ россійскомъ языкѣ несвойственны, а введены въ употребленіе незнающими онаго и почитающими за похвальное умствованіе то, что никакого смыслу не имѣетъ, какъ напримѣръ, въ донесеніи вашего превосходительства употреблено слово *пособіе*; и сему подобныхъ: *обозрѣть*, *преслѣдовать*, *выполнить*, *протеченіе*, *подъ стражу* и проч.—Исполняя симъ высочайшее повелѣніе, честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ

Милостивый государь мой вашего превосходительства покорнымъ слугою Д. Неплюевъ.

Г. Гатчина октября 29 дня 1799 года. Его превосходительству М. П. Маклашевскому.

Сообщилъ Н. Василенко.

Памяти И. Ѳ. Тимковскаго, М. А. Максимовича и П. А. Антоновича. Помѣщенная въ «Кіевской Старинѣ» статья Н. Шугурова объ И. Ѳ. Тимковскомъ[1]) навела меня на мысль о небезполезности дѣлиться съ другими печатно иногда самыми ничтожными воспоминаніями, касающимися лицъ нашего недавняго прошлаго, имена которыхъ достойны того, чтобы не быть забытыми въ исторіи. Вѣдь изъ ряда такихъ мелкихъ замѣтокъ искусная рука можетъ со временемъ создать живые облики почтенныхъ дѣятелей прошлаго, весьма поучительные для современниковъ и потомковъ, и иногда очень любопытные для характеристики быта и нравовъ пережитыхъ эпохъ. Въ данномъ случаѣ я не могу сообщить ничего рѣзко бьющаго въ глаза относительно почтенныхъ лицъ, имена которыхъ поставлены въ заголовкѣ моей замѣтки, тѣмъ болѣе, что перваго изъ нихъ я никогда и въ глаза не видалъ; однако-же, мнѣ кажется, и эти мелочи, съ одной стороны, будутъ служить данью благодарности дорогимъ именамъ, съ другой—прибавятъ нѣсколько новыхъ симпатичныхъ фактовъ къ тѣмъ, которые хорошо извѣстны уже изъ многихъ другихъ данныхъ.

Н. Шугуровъ въ своей статьѣ объ И. Ѳ. Тимковскомъ указываетъ на то, съ какой благодарностью вспоминали всегда ученики

---

[1]) 1891 г. № 8—10.

Библиотека "Руниверс"

имя этого славнаго своего воспитателя. Я и хочу теперь прибавить еще одинъ такой случай благодарной памяти, тѣмъ болѣе, что онъ проявился въ умилительно скромной, нисколько не расчитанной на эффектъ, формѣ, хотя участниками его были—маститый уже въ тѣ годы старецъ, пользовавшійся всероссійской извѣстностью ученаго, Михаилъ Александровичъ Максимовичъ, и тоже удрученный уже годами человѣкъ, въ большихъ чинахъ, съ крупнымъ положеніемъ въ обществѣ, попечитель кіевскаго учебнаго округа Платонъ Александровичъ Антоновичъ.

Будучи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ хорошо знакомъ съ М. А. Максимовичемъ, я не разъ слыхалъ отъ него разсказы, связывавшіеся съ воспоминаніями о его дядѣ И. Ѳ. Тимковскомъ, отъ котораго онъ пріобрѣлъ и первыя свои познанія въ наукахъ. Изъ разсказовъ этихъ у меня въ памяти не сохранилось ничего особенно характернаго; но за то я живо помню день 20-го Іюля 1872 года, когда я въ теченіе всего лѣта прожилъ подъ одной кровлей съ Михаиломъ Александровичемъ на знаменитомъ его хуторѣ «Михайловой Горѣ», въ уютномъ, маленькомъ флигелькѣ подъ соломенной крышей, теперь уже не существующемъ. Живо помню я этотъ день вотъ по какимъ обстоятельствамъ.

Случилось такъ, что жена Мих. Александр. съ маленькой дочкой уѣхала, на единственной парѣ имѣвшихся у нихъ лошадокъ, къ своимъ роднымъ, въ степи, верстъ за 50 отъ ихняго хутора. Оставались дома только самъ хозяинъ, сынъ его, тогда ученикъ 1-го класса, и я—въ качествѣ репетитора

19-го Іюля вечеромъ получается записка изъ Канева отъ Плат. Алекс. Антоновича, который по дѣламъ службы, какъ онъ сказалъ, былъ въ этомъ городѣ. Въ запискѣ значилось, что такъ-какъ завтра церковь празднуетъ день св. Иліи, то ему хотѣлось-бы, пользуясь случаемъ, провести этотъ день вмѣстѣ съ уважаемымъ Мих. Александр., посвятивъ его памяти покойнаго Ильи Ѳеодоровича Тимковскаго, бывшаго также воспитателемъ и его въ Новг.-Сѣверскѣ; поэтому, 20-го числа рано утромъ онъ пріѣдетъ на лодкѣ изъ Канева въ ближайшее къ Михайловой Горѣ село Прохоровку и непосредственно съ берега отправится въ церковь, чтобы тамъ выслушать обѣдню и потомъ заказать панихиду по Тимковскомъ, а затѣмъ уже ѣхать на Михайлову Гору. Надо было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ прочитана была эта записка Михаиломъ Александровичемъ, всегда отъ души любившимъ П. А. Антоновича, теперь-же особенно умилив-

Библиотека "Руниверс"

шимся, видя такую сердечную теплоту въ немъ по отношенію къ уважаемому дядѣ. Но умиляться долго не приходилось: надо было подумать о томъ, какъ доставить съ берега въ церковь такого почтеннаго гостя, при томъ въ чинахъ немалыхъ, а затѣмъ—какъ и чѣмъ завтра потчивать его. Ни лошадей, ни повозки, ни кучера дома нѣтъ,—надо гдѣ-то занимать ихъ, а обѣдъ прійдется подать такой, на какой «спроможется» нехитрая въ этихъ случаяхъ деревенская кухарка. Пришлось мнѣ сейчасъ-же идти въ сосѣднее село къ одному знакомому помѣщику и просить на завтра на цѣлый день лошадей, экипажъ и кучера. Добыть-то все это я добылъ, но далеко не въ такомъ видѣ, къ какому въ большинствѣ случаевъ привыкли высокопоставленныя особы: простая бричка на дрогахъ, пара скромныхъ лошадокъ, съ соотвѣтственной упряжью, и возница въ обыкновенномъ деревенскомъ костюмѣ. Рѣшено было, что Михаилу Александровичу самому, по старости лѣтъ и по болѣзненности, не слѣдуетъ ѣхать встрѣчать гостя, т. к. нужно было на берегъ явиться къ 7 часамъ утра, а поѣду съ этой цѣлью я и, встрѣтивъ его, прямо повезу въ церковь, а затѣмъ пошлю лошадей за Мих. Александровичемъ. Въ назначенный часъ я былъ уже на берегу и вскорѣ увидѣлъ такой-же скромный водяной экипажъ, каковой былъ со мной сухопутный: обыкновенная некрашенная лодка, называемая на Днѣпрѣ «гылярой», и на ней три гребца; весь парадъ, очевидно устроенный каневскимъ исправникомъ, состоялъ въ томъ, что тутъ-же на лодкѣ находился нижній полицейскій чинъ, въ качествѣ провожатаго при почетномъ пассажирѣ.

Мало привыкшій къ общенію съ «особами», я все время придумывалъ фразы, которыя благоприличнѣе было бы сказать при первой встрѣчѣ, но всѣ мои планы сразу рушились отъ совершенно неожиданной простоты и задушевности, съ какими гость самъ обратился ко мнѣ, разспрашивая то объ одномъ, то о другомъ, пока мы доѣхали до церкви. Выслушавъ обѣдню и отслуживъ панихиду «по рабѣ Божіемъ Иліи», къ которой успѣлъ подъѣхать и Михаилъ Александровичъ, эти два почтенные старца скромненько усѣлись въ неприхотливый, и довольно таки тряскій, экипажъ и направились на Михайлову Гору, гдѣ въ теченіе всего остального дня лилась задушевная бесѣда, постоянно возвращавшаяся къ основной темѣ дня—къ воспоминаніямъ объ Ильѣ Ѳедоровичѣ Тимковскомъ. Тутъ-то, въ этой простотѣ отношеній ко всѣмъ, включая и прислугу, въ этой сердечности слышанныхъ мною рѣчей ихъ, я еще одинъ разъ убѣ

Библиотека "Руниверс"

дился въ дорогихъ чертахъ характера Михаила Александровича и въ первый разъ замѣтилъ ту добрую, простую и исполненную живого огня душу Платона Александровича, ту сердечность его, въ которыхъ потомъ неоднократно мнѣ пришлось убѣдиться совсѣмъ при другихъ обстоятельствахъ и при иной обстановкѣ. Но это уже воспоминанія, навѣянныя иными темами, а потому имъ не время теперь.

В. Науменко.

Къ вопросу о сохраненіи памятниковъ историческихъ лицъ.

Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (№ 252) читаемъ: «*Херсонъ* (отъ нашего корреспондента). Сегодня на Потемкинскомъ бульварѣ херсонскимъ гражданамъ предоставлено было любоваться прекурьезной картиной реставрированія потемкинскаго памятника. Извѣстно, что наше городское управленіе въ память столѣтія со дня смерти князя Потемкина (5 октября), рѣшило между прочимъ, заняться приведеніемъ въ надлежащій видъ какъ бульвара, такъ и реставрированіемъ самаго памятника, для чего думою въ послѣднемъ засѣданіи была ассигнована извѣстная сумма денегъ. Повторяемъ, постановлено было реставрировать памятникъ (князю Потемкину), на который всесокрушающая сила времени наложила свою печать. И вотъ сегодня мы видѣли, какъ эту миссію выполнялъ какой-то рабочій: сидя на корточкахъ, онъ при помощи долота и молотка усердно скашивалъ, одно за другимъ, ребра гранитнаго пьедестала, на которомъ высится памятникъ, и снялъ такимъ образомъ вершка на $1^1/_2$ гранита—во всю длину реберъ! На вопросъ возмущенныхъ такимъ безобразіемъ г.г. С. и Р.—кто распорядился такъ обезобразить памятникъ—рабочій наивно отвѣчалъ, что онъ исполняетъ приказъ городской управы, которая велѣла ему именно такъ исправить пьедесталъ на томъ основаніи, что въ одномъ изъ угловъ были отбиты куски гранита, а потому, молъ, для ровности слѣдуетъ стесать всѣ углы и ребра. Такъ вотъ какъ, читатель, городская управа наша реставрируетъ памятникъ князю Потемкину, къ слову сказать, единственный въ городѣ монументъ (если не считать памятника Д. Говарду противъ тюрьмы), находящійся въ самомъ центрѣ его! Ужъ, по истинѣ, усердіе не по разуму, за которое врядъ ли скажутъ спасибо нашей управѣ любители старинныхъ памятниковъ, и вообще люди, дорожащіе сохраненіемъ ихъ первоначальныхъ формъ".

Библиотека "Руниверс"

Изъ этого сообщенія не видно, приглашала ли херсонская городская управа для выполненія своего постановленія спеціалиста-художника, обращалась ли она за совѣтомъ къ какому либо компетентному учрежденію по археологіи и техникѣ дѣла, или руководилась соображеніями личнаго вкуса простаго каменщика? Изъ того, что корреспондентъ «Одесскаго Вѣстника» называетъ этотъ фактъ «безобразіемъ», которымъ «возмутились» прохожіе, видно только, что тремъ жителямъ Херсона не нравится способъ обновленія памятника Потемкина ко дню столѣтняго юбилея со дня его смерти.

Конечно, управа и дума херсонскія въ возраженіе на приведенную корреспонденцію могутъ отвѣтить, что de gustibus non est disputandum. Но хотя Новороссіи можетъ быть и свойственно относиться слегка ко всякому «старью», все же и для новыхъ и для старыхъ городовъ должны бы существовать одинаковые обычаи. Вѣдь если думы на свои собственныя средства ставили какіе-либо памятники, то еще не было примѣра, чтобы они обсуждали и утверждали и самую внѣшнюю форму ихъ; опредѣленіе послѣдней съ точки зрѣнія художественнаго выполненія деталей всегда отдается на усмотрѣніе спеціалистовъ. Изъ этого ясно, что и всякое измѣненіе существующаго уже памятника едва-ли можетъ подлежать компетенціи хозяйственнаго учрежденія.

Въ дѣйствующемъ городовомъ положеніи въ числѣ обязанностей городскаго общественнаго управленія указана и обязанность украшать города памятниками. Но разъ они созданы по обычнымъ правиламъ при помощи подписки со всей страны, то едва ли могутъ считаться собственностью того города, гдѣ находятся, и едва ли могутъ быть измѣняемы въ болѣе упрощенномъ порядкѣ, чѣмъ тотъ, какимъ совершается ихъ постройка. По этому нужно думать, что постановленіе херсонской думы о реставрированіи памятника должно бы было пройти до своего осуществленія болѣе долгія перипетіи, чѣмъ мы видимъ въ данномъ случаѣ: только нѣсколько дней назадъ въ послѣднемъ засѣданіи думы, состоялось ея постановленіе, а тутъ уже рабочій тешетъ гранитный пьедесталъ памятника!

Интересно, что скажетъ по поводу этого инцидента Одесское Общество исторіи и древностей, въ кругъ обязанностей котораго входитъ и храненіе памятниковъ древностей въ Новороссійскомъ краѣ?

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга пятая. Издана подъ редакціей М. Ф. Владимирскаго-Буданова. Кіевъ 1891. Стр. V+3+182+227. Цѣна 2 р. 50 съ пер. 2 р. 75 к.

Пятая книга «Чтеній» не богата отдѣломъ «изслѣдованій». За исключеніемъ двухъ-трехъ статей, и между ними интересной и важной, какъ по богатству фактовъ, такъ и по самой важности затронутаго вопроса, статьи *проф. В С. Иконникова* объ отмѣнѣ пытки въ Россіи, въ которой авторъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за постепеннымъ измѣненіемъ у правительства взгляда на пользу пытки,—остальныя статьи носятъ какой то extra спеціальный, узко-археологическій характеръ и могутъ представлять интересъ развѣ только для того круга самыхъ узкихъ спеціалистовъ, которымъ нѣтъ дѣла до исторіи, какъ науки общественной, имѣющей своей цѣлью не собраніе раритетовъ, а жизнь общества во всѣхъ ея проявленіяхъ, будь то въ сферѣ политической, экономической, умственной, правовой, нравственной, религіозной. Выдѣляя статью проф. Иконникова изъ «изслѣдованій», помѣщенныхъ въ «Чтеніяхъ», мы, при всемъ нашемъ желаніи процвѣтанія историческому обществу, все-же сожалѣемъ, что статья эта помѣщена въ такомъ, мало распространенномъ сборникѣ, какъ «Чтенія», а не въ какомъ-нибудь другомъ журналѣ, гдѣ бы она, несомнѣнно, пріобрѣла гораздо большій кругъ читателей и не прошла бы безслѣдно, познакомивъ публику съ однимъ изъ интересныхъ вопросовъ нашей, если такъ можно выразиться, правовой культуры.

Важный вопросъ объ еврейской колонизаціи затронулъ и *И. М. Каманинъ* въ своей статьѣ *«Евреи въ лѣвобережной Украйнѣ»*; но въ виду того, что вопросъ этотъ большой и сложный и тѣсно связанъ съ экономическою жизнью Малороссіи съ одной стороны, а съ

Библиотека "Руниверс"

другой — и съ экономическимъ положеніемъ тѣхъ мѣстностей, откуда выселялись евреи, авторъ ограничился скромною задачею прослѣдить увеличеніе еврейскаго населенія на лѣвомъ берегу Днѣпра къ концу XVIII вѣка.

Для своей цѣли И. М. Каманинъ пользовался «вѣдомостями», составленными въ 1738 году, по приказанію сената, и въ 1792 году, по распоряженію кіевскаго намѣстника сенатора Кречетникова. Въ обоихъ случаяхъ дѣло шло о высылкѣ евреевъ за границу; но въ 1792 году высылка эта не состоялась; въ 1794 году положеніе евреевъ было облегчено, а въ 1804 году были расширены ихъ права изданіемъ извѣстнаго «Положенія для евреевъ» (стр. 43). Къ сожалѣнію только, авторъ не затронулъ вопроса, на сколько можно довѣрить свѣдѣніямъ, собраннымъ оффиціальнымъ путемъ, да еще при такихъ обстоятельствахъ, когда евреямъ приходилось, поневолѣ, скрываться, въ чемъ имъ, несомнѣнно, могло помогать и малорусское шляхетство, заинтересованное, чтобы евреи остались въ Малороссіи (стр. 41—43). Пользуясь такимъ подозрительнымъ матеріаломъ, И. М. Каманинъ сдѣлалъ при томъ непростительную оплошность, повліявшую на всѣ его выводы и соображенія. Онъ забылъ, что въ «вѣдомостяхъ» 1738 г. онъ имѣетъ свѣдѣнія о количествѣ евреевъ на всемъ лѣвомъ берегу, а въ «вѣдомостяхъ» 1792 года — только въ уѣздахъ кіевскаго намѣстничества и что о плотности еврейскаго населенія въ такихъ, напр., уѣздахъ, какъ коропскій, кролевецкій, глуховскій, нѣжинскій, сѣверная часть Черниговщины, ему ничего неизвѣстно; цифру еврейскаго населенія въ кіевскомъ намѣстничествѣ авторъ принимаетъ за цифру населенія на всемъ лѣвомъ берегу [1]). Конечно, благодаря этому, его соображеніе, будто къ концу XVIII вѣка замѣчается «*передвиженіе* массы евреевъ отъ прежнихъ внутреннихъ торговыхъ центровъ къ Днѣпру» (стр. 52) — падаетъ само собою. «Разселеніе евреевъ, по мнѣнію И. М. Каманина, подчинялось *исключительно* условіямъ, въ которыхъ находилась торговля лѣваго берега Днѣпра» (стр. 53). Мы позволимъ себѣ оспаривать у автора право дѣлать выводы и обобщенія исключительно только на основаніи статистическаго матеріала: статистика даетъ возможность установить фактъ, для объясненія же его нужны другія средства. Судя по настоящему положенію дѣлъ, торговля, дѣйствительно, должна была играть немаловажную роль въ

[1]) Чтенія стр. 51. % вычислены, какъ будто бы данныя есть для всего лѣваго берега.

Библиотека "Руниверс"

дѣлѣ разселенія евреевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, но была ли она *исключительнымъ* условіемъ? Самъ же И. М. Каманинъ говоритъ: «профессіи евреевъ, какъ бѣлорусскихъ, такъ и польскихъ (выходцевъ) излюбленныя ими: тѣ и другіе, говоритъ вѣдомость, *по договорамъ съ владѣльцами* находятся у продажи горячаго въ шинкахъ вина и другихъ питей, *иные въ винокуренныхъ заводахъ*, а прочіе *упражняются въ рукодѣліи и въ партикулярномъ услуженіи*» (стр. 52). Значитъ, кромѣ торговли и спросъ на еврейскій трудъ игралъ роль въ колонизаціи; къ сожалѣнію только, матеріалы, бывшіе въ рукахъ И. М. Каманина, не даютъ возможности опредѣлить роль различныхъ условій въ дѣлѣ еврейскаго разселенія на лѣвомъ берегу. На вопросъ этотъ, вѣроятно, отвѣтятъ тогда, когда ближе будетъ изслѣдована внутренняя жизнь Малороссіи въ XVIII вѣкѣ [1]).

Несмотря на нѣкоторыя положенія, съ которыми мы согласиться не можемъ, мы должны признать, что статья И. М. Каманина, по намѣченному имъ вопросу, принадлежитъ къ наиболѣе интереснымъ «изслѣдованіямъ», помѣщеннымъ въ «Чтеніяхъ». Первая половина статьи посвящена «отношеніямъ польскаго и русскаго правительства къ евреямъ въ лѣвобережной Украйнѣ. Въ краткомъ очеркѣ, такъ сказать, à vue d'oiseau, авторъ даетъ обзоръ мѣръ, принимавшихся по отношенію къ евреямъ съ XII вѣка. Общій выводъ, къ которому

[1]) Для статистики населенія Малороссіи вообще и еврейскаго въ частности не лишены значенія такъ называемыя „ревизскія сказки", заключающія въ себѣ перепись населенія, положеннаго въ подушный окладъ. „Сказки" эти же могутъ похвалиться своей точностью: ревизіи и обыкновенно сопровождались злоупотребленіями, укрывательствомъ „душъ"; на точность могла вліять также и трудность веденія самаго дѣла—переписи населенія, при отсутствіи хорошо выработанной техники но все же приблизительное понятіе о количествѣ населенія „сказки" могутъ дать Желательно, чтобы лица, имѣющія возможность заняться на мѣстѣ, въ Полтавѣ и Черниговѣ, воспользовались „ревизскими сказками" и составили бы таблицы населенія Малороссіи во второй половинѣ XVIII и въ XIX вв. Просматривая, съ разрѣшенія г-на управляющаго полтавск. казенной палатой А. В. Шидловскаго, весной этого года дѣла въ архивѣ палаты, мы видѣли „ревизскія сказки" 1782, 1795 и послѣдующихъ годовъ, сохранившіяся по всѣмъ уѣздамъ полтавской губерніи; всѣ они находятся въ исправности, и къ нимъ имѣются канцелярскія описи. Такія же „сказки" должны быть и въ черниговской казенной палатѣ. Сказки содержатъ свѣдѣнія о мѣщанахъ, купцахъ, евреяхъ, козакахъ, разночинцахъ, отставныхъ отъ службы, священно—и церковнослужителяхъ, о крестьянахъ, поступившихъ изъ монастырей въ казенное вѣдомство, о помѣщичьихъ крестьянахъ. Свѣдѣнія о послѣднихъ подавались самими помѣщиками. Здѣсь интересны свѣдѣнія о бѣглыхъ, отданныхъ въ приданое, въ солдаты и пр.

Библиотека "Руниверс"

пришелъ г. Каманинъ такой: «польское правительство разрѣшало поселеніе евреевъ въ лѣвобережной Украйнѣ; напротивъ, русское правительство всегда относилось неблагопріятно (къ н)имъ и запрещало ихъ поселеніе; малорусское дворянство, напротивъ, поддерживало евреевъ (стр. 53).

Живо написанный рефератъ *О. И. Левицкаго «Луцкая старина»* знакомитъ насъ съ остатками и судьбой луцкихъ древностей, и намъ лишній разъ приходится убѣдиться, какъ мало цѣнятъ у насъ остатки старины и заботятся объ ихъ сохраненіи. Въ Луцкѣ сохраняется, между прочимъ, библіотека бывшаго іезуитскаго коллегіума, заключающая въ себѣ, по словамъ О. И. Левицкаго, не мало цѣнныхъ книгъ и рукописей и какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшая отъ многочисленныхъ пожаровъ, постигавшихъ зданіе, гдѣ она помѣщается; въ ней есть не мало цѣннаго матеріала для исторіи южно-русской драмы и затѣмъ для исторіи армянской общины, когда-то существовавшей въ Луцкѣ. Хотя библіотека находится и въ хорошихъ рукахъ, все же, для удобства пользованія ею, обществу слѣдовало бы позаботиться о передачѣ ея въ университетъ или академію. Библіотека эта оказывается совсѣмъ еще неизвѣстной, каталоговъ нѣтъ,—они только составляются. Неужели общество, выслушавши рефератъ г. Левицкаго, останется равнодушнымъ и не приметъ мѣръ, чтобы подробнѣе съ ней ознакомиться? По нашему мнѣнію, это прямая обязанность общества. Кто же будетъ заботиться о приведеніи въ извѣстность и о сохраненіи памятниковъ и остатковъ старины, если не историческое общество, прямо заинтересованное въ этомъ? вѣдь не евреи же Сорока, на котораго сердиты теперь за то, что онъ сломалъ въ Луцкѣ старинную церковь, *проданную ему властями съ публичныхъ торговъ?* (стр. 76 и слѣд.) [1]).

[1]) Вообще намъ кажется, что *Обществу лѣтописца Нестора* слѣдуетъ серьезно подумать о томъ, чтобы собрать и собирать, по возможности, полныя свѣдѣнія объ *южно-русскихъ* памятникахъ старины. Такую задачу указываетъ ему само географическое положеніе его мѣстопребыванія—Кіевъ.

Судя по отчету (*Чтенія* кн. V отд. I стр. 34), общество располагаетъ кой-какими, хотя, правда, чрезвычайно скудными средствами и оно могло бы въ удобное для себя время командировать нѣсколько членовъ для осмотра архивовъ, хранящихся въ разныхъ учрежденіяхъ и у частныхъ лицъ, и затѣмъ принимать мѣры, если не къ передачѣ ихъ въ вѣдѣніе общества или университета, то, по крайней мѣрѣ, къ должному ихъ охраненію. Историческимъ обществамъ, думается намъ нужно стараться добиться, чтобы вопросъ относительно архивовъ былъ также поставленъ какъ стоитъ вопросъ относительно раскопки кургановъ, т. е, чтобы ни одинъ архивъ не былъ уничтоженъ безъ предварительнаго сношенія съ ка-

Библиотека "Руниверс"

кимъ-нибудь ученымъ учрежденіемъ, будь то историческое общество или университетъ; иначе, при отсутствіи въ Малороссіи архивныхъ коммиссій, всѣ мелкіе архивы, содержащіе въ себѣ наиболѣе цѣнные документы для характеристики народной жизни, погибнутъ. Намъ извѣстно, напримѣръ, что не очень давно былъ проданъ на пуды архивъ глуховскаго уѣзднаго суда, причемъ достоинство и важность дѣлъ оцѣнивалъ секретарь полицейскаго управленія г. Л—чъ, человѣкъ не получившій никакого образованія и, сколько намъ извѣстно, никакой склонности къ исторіи не питающій. Одинъ изъ любителей старины показывалъ намъ нѣсколько дѣлъ, найденныхъ имъ уже въ лавкѣ, гдѣ они были обречены на завертываніе въ нихъ покупокъ; судя по этимъ дѣламъ, съ гибелью глуховскаго архива погибло очень много интереснаго для характеристики бытовой стороны народа. Не знаемъ, на сколько вѣрно, но намъ передавали, что такая же участь постигла и архивъ новгородсѣверскаго уѣзднаго суда. Весной этого года на волоскѣ висѣла судьба архива глуховскаго духовнаго правленія: протоіерей соборной церкви, какъ намъ передавали, сдѣлалъ представленіе о продажѣ его на пуды, но, къ счастію, епархіальное начальство не согласилось на это. Этимъ лѣтомъ обстоятельства помѣшали намъ осмотрѣть архивъ, но лица, его видѣвшія, говорятъ, что онъ находится въ ужасномъ безпорядкѣ, часть дѣлъ разбросана по полу; хранится онъ на чердакѣ лавокъ, принадлежащихъ соборной церкви, и прикрытъ толстымъ слоемъ голубинаго помета; о пыли уже и говорить нечего. Дѣла, хранящіяся въ архивѣ, относятся, главнымъ образомъ, къ половинѣ XVIII вѣка. Какія цѣнныя данныя могутъ храниться въ архивахъ духовныхъ правленій, показываетъ напечатанная въ № 1. „Кіевской Старины“ за 1890-й годъ статья проф. Амф. С. Лебедева „Борьба духовенства съ суевѣріями въ бѣлгородской епархіи“.

Кромѣ приведенія въ извѣстность и охраненія (пока въ Малороссіи нѣтъ архивныхъ коммиссій) архивовъ, обществу слѣдовало бы позаботиться о приведеніи въ извѣстность хоть главнѣйшихъ источниковъ по исторіи Малороссіи и объ ознакомленіи публики съ ихъ характеромъ. Изслѣдователь, желающій заняться какимъ-нибудь вопросомъ малорусской исторіи, встрѣчаетъ на первыхъ порахъ два серьезныхъ препятствія—одно изъ нихъ лежитъ въ разбросанности главнѣйшихъ источниковъ, которыхъ нужно искать въ Кіевѣ, Черниговѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Полтавѣ и въ частныхъ рукахъ; второе—въ неизвѣстности источниковъ, ихъ главнѣйшаго характера. Изслѣдователь на первыхъ же порахъ становится въ тупикъ, съ чего начать? Мы знаемъ, напримѣръ, что въ черниговской казенной палатѣ хранятся документы по исторіи монастырскаго землевладѣнія (*Ал. Лазаревскій*. Описаніе Старой Малороссіи т. I стр. XIII), но какого рода они, исключительно ли это дѣла о поземельныхъ спорахъ, или же тамъ есть юридическіе акты укрѣпленія, статистическій матеріалъ—остается неизвѣстнымъ; неизвѣстенъ также и архивъ малороссійской коллегіи при харьковскомъ университетѣ, такъ какъ „опись“ г. Рагозина не даетъ о немъ никакого почти понятія; не извѣстны документы, хранящіеся и въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ, въ университетѣ, академіи. Къ стыду южно-русскихъ любителей старины и ученыхъ нужно сказать, что съ характеромъ такого, напр., источника, какимъ является „Слѣдствіе о маетностяхъ“ публика познакомилась только въ самое послѣднее время, благодаря выходу въ свѣтъ I тома „Описанія Старой Малороссіи“ г. Лазаревскаго и рецензіи на него проф. Лучицкаго (Кіев. Унив. Изв.).

Библиотека "Руниверс"

О «старинѣ» говоритъ и *В И. Василенко* въ своей статьѣ «*Гадяцкая старина*», знакомящей читателя съ судьбой гетманскаго замка въ городѣ Гадячѣ. *Проф. И. И. Малышевскій* выступилъ на этотъ разъ съ рефератомъ «О церкви и иконѣ св. Богородицы подъ названіемъ «Пирогощи», *упоминаемыхъ* въ лѣтописи и въ словѣ о Полку Игоревѣ» и давно *безъ всякаго слѣда* исчезнувшихъ. Рефератъ *Н. В Стороженка «Малороссійское ополченіе 1812 года»* состоитъ, главнымъ образомъ изъ матеріаловъ, относящихся къ ополченію 1812 г. и заключающихъ въ себѣ офиціальную, порой интересную, переписку малоросс. генер.—губ. Лобанова-Ростовскаго, Трыцинскаго, Репнина и др.

Проф. В. З. Завитневичу принадлежитъ археологическая замѣтка о «*Замкѣ князя Семена Олельковича и лѣтописный городецъ подъ Кіевомъ*», можетъ быть и имѣющая интересъ для спеціалистовъ. Неважной и малоцѣнной представляется намъ и статья *Н. Н. Оглоблина «Къ исторіи открытія золотыхъ воротъ»*. Авторъ посвятилъ цѣлыхъ 30 страницъ разсказу объ достаточно извѣстномъ чиновникѣ особыхъ порученій Лохвицкомъ, разыгрывавшемъ изъ себя роль археолога и обрѣвшемъ, между прочимъ, крестъ, водруженный св. Андреемъ на горахъ кіевскихъ. Статья г. Оглоблина была бы, пожалуй, и интересна для характеристики офиціальныхъ «ученыхъ» николаевскаго царствованія и того вообще времени, когда на занятіе «науками» смотрѣли какъ на службу, какъ на путь достигнуть чиновъ и орденовъ—но она безконечно длинна, авторъ дѣлаетъ ее утомительной, заваливая неинтересными, да и ненужными мелочами; выходитъ, дѣйствительно, что у автора была цѣль написать не «къ исторіи времени», а «къ исторіи открытія золотыхъ воротъ», потому-то весь его интересъ и сосредоточивается на томъ, когда «земля была снята», когда известь насыпана, когда дерну навалили, и по этому поводу приводится подробнѣйшая переписка Лохвицкаго.

Чтобы покончить съ отдѣломъ «изслѣдованій», намъ остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу статьи *проф. А. И. Соболевскаго «Нѣсколько мѣстъ начальной лѣтописи»*. Прочитанная въ засѣданіи Общества, статья эта вызвала замѣчанія профессоровъ Ма-

Для ознакомленія публики съ характеромъ матеріала было бы полезно давать такую характеристику документовъ, какую сдѣлалъ напр., *В. А. Мякотинъ* относительно дѣлъ, хранящихся въ кіев. центр. арх. (Кіев. Ст. 1891 г. февраль „Дѣла по исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII в. въ кіев. центр. арх.). Починъ въ этомъ дѣлѣ, думается намъ, должно взять на себя Историческое общество Нестора лѣтописца.

Библиотека "Руниверс"

лышевскаго, Антоновича, Владимирскаго-Буданова, Завитневича; къ сожалѣнію только, протоколы засѣданій не сообщаютъ намъ, въ чемъ заключались эти замѣчанія? Проф. А. И. Соболевскій имѣетъ въ виду критику текста. Никто не станетъ отрицать важности такой критики. Когда на помощь историку при чтеніи трудныхъ и запутанныхъ мѣстъ является филологъ во всеоружіи своихъ филологическихъ знаній и ученаго аппарата—дѣйствительно, является иногда возможность распутаться въ темныхъ мѣстахъ лѣтописи и другихъ подобныхъ источниковъ, представляющихъ изъ себя наслоенія и искаженія многихъ вѣковъ. Когда же является филологъ, вооруженный одной лишь филологической формалистикой, когда онъ подводитъ запутанныя мѣста подъ заранѣе опредѣленныя формулы, когда, при толкованіи текста, онъ ограничивается только своими собственными, часто произвольными размышленіями, тогда въ перспективѣ лежитъ еще больше запутать то, что̀ пытаются объяснить. «Критика текста», предложенная г. Соболевскимъ, носитъ именно этотъ послѣдній характеръ. До чего бездоказательна она, основана исключительно на филологической формалистикѣ и какія недоумѣнія она вызываетъ, показываетъ слѣдующій, наиболѣе рельефный, примѣръ. Дѣло идетъ о народѣ, извѣстномъ у насъ обыкновенно подъ именемъ *сѣверянъ*. Въ различныхъ спискахъ лѣтописи народъ этотъ называется различно—*сѣверъ*, *сѣверо*, *сѣвера*, *сѣверы*, *сѣверяне*. Изъ приведенныхъ г. Соболевскимъ примѣровъ видно, что названіе *сѣверъ* встрѣчается 9 разъ, *сѣверо*—тоже 9, сѣвера—8, сѣверы—5; очень рѣдко встрѣчается *сѣверяне*, *сѣверяны*. «Изъ четырехъ первыхъ именъ, какъ совершенно резонно замѣчаетъ проф. Соболевскій, лишь одно могло находиться въ оригиналѣ лѣтописи. Какое? Форма *сѣвера* встрѣчается сравнительно рѣдко (sic), чтобы можно было на ней остановиться, да кромѣ того, изъ нея нельзя объяснить всѣ другія формы (почему?); форма *сѣверы* есть явное (почему?) позднѣйшее осмысленіе другой формы (почему и какой?), форма *сѣверъ* легко могла произойти изъ *сѣверо* (подъ вліяніемъ существительнаго *сѣверъ* и другихъ причинъ (какихъ?). Такимъ образомъ форма *сѣверо*, какъ чтеніе наиболѣе трудное (?! sic) и вмѣстѣ съ тѣмъ очень частое (9 разъ, какъ и *сѣверъ*), заслуживаетъ особеннаго вниманія (sic): изъ нея нетрудно объяснить всѣ другія формы (какимъ образомъ?); она должна была находиться у лѣтописца (почему?) (Стр. 2—3).—По этому образчику, пусть ужъ самъ читатель судитъ, на сколько «Замѣтки» г-на Соболевскаго «имѣли право увидѣть свѣтъ» (стр. 1).

Библиотека "Руниверс"

Мы переходимъ къ третьему отдѣлу «Чтеній» —къ «матеріаламъ». Отдѣлъ этотъ самый важный и интересный по цѣнности матеріаловъ, звѣсь напечатанныхъ, главнѣйшіе изъ которыхъ касаются Малороссіи и проливаютъ намъ достаточно свѣта на ея прошлую жизнь. Здѣсь помѣщены слѣдующіе «матеріалы»: Описаніе Черноморья, составленное Эмидіемъ д'Асколи въ 1634 г. (на итальянскомъ языкѣ) съ предисловіемъ *проф. Н. П. Дашкевича;* письмо канцлера Олибрахта Гаштольда къ земскому подскарбію Богушу Боговитиновичу въ началѣ XVI в. о защитѣ Кіева отъ разоренія его татарами, сообщ. *И. М. Каманинымъ;* сообщ. *А. М. Лазаревскимъ* «Акты по исторіи монастырскаго землевладѣнія въ Малороссіи (1636—1730); *М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ* «Акты по управленію Малороссіею за 1767 г.; *О. И. Левицкимъ* «Къ исторіи водворенія въ Кіевѣ уніи» и *С. Т. Голубевымъ* «Матеріалы для исторіи западно-русской церкви».

Мы остановимся, главнымъ образомъ, на актахъ, сообщенныхъ А. М. Лазаревскимъ и М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ: по важности они занимаютъ первое мѣсто.

Не всѣ акты, сообщенные проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, отличаются новизной: нѣкоторые изъ нихъ давно уже напечатаны и притомъ въ изданіяхъ, до того распространенныхъ, что врядъ ли была настоятельная необходимость перепечатывать ихъ вновь.

«Записка о недостаткахъ, усмотрѣнныхъ въ Малороссіи« напечатана, напр., въ приложеніяхъ къ книжкѣ г. Авсѣенка «Малороссія въ 1767 году; № XXI—въ Чтеніяхъ общества ист. и древн. 1861 г. кн. 1 между сообщенными М. О. Судьенкомъ «бумагами до управленія Малороссіею графа П. А. Румянцева-Задунайскаго относящимися»; тамъ же на стр. 148 помѣщенъ № XVI, а на 149—№ XIII. Другіе документы печатаются впервые, и на основаніи ихъ мы имѣемъ возможность, съ одной стороны, подробнѣе познакомиться со взглядами и дѣятельностью реформатора Малороссіи; съ другой—найти нѣсколько чертъ, характеризующихъ малорусскую общественно-правовую жизнь, какъ она выработалась ко второй половинѣ XVIII вѣка.

14 декабря 1766 года былъ изданъ манифестъ о созывѣ депутатовъ въ коммиссію для составленія Уложенія, и манифестъ этотъ вызвалъ въ Малороссіи самые разнообразные толки [1]). Нашлись люди,

[1]) О толкахъ, вызванныхъ въ Малороссіи манифестомъ 14 ноября см. XXVII т. Исторіи Россіи Соловьева и *И. В. Темченка* „Сословныя нужды и желанія Мало-

Библиотека "Руниверс"

которые отважились «разсуждать и о дѣлахъ государственныхъ, о которыхъ, какъ они сами признаются, ни свѣдѣнія, ни прямого понятія притомъ не имѣютъ, превращая оныхъ силу и разумъ въ различные глупымъ и невѣждамъ свойственные толки»; нашлись люди, позволившіе себѣ критиковать Высочайшій манифестъ и обрядъ о выборѣ депутатовъ, а это въ глазахъ суроваго реформатора Малороссіи, не привыкшаго къ противорѣчіямъ, не знавшаго въ Россіи никакого проявленія въ обществѣ политической мысли, должно было считаться «прямо противнымъ всевысочайшимъ узаконеніямъ». И вотъ онъ «предлагаетъ» малороссійской коллегіи «во всѣ полки и въ суда земскіе послать указы и велѣть тѣхъ полковъ отъ полковыхъ канцелярій во всѣхъ сотняхъ обнародовать, дабы всѣ и всякій о томъ вѣдая, отъ всякихъ таковыхъ до нихъ не принадлежащихъ разсужденій удержались, а старались единственно, прямо исполняя всевысочайшія установленія, прилежать по должности званія своего въ службѣ и дѣлахъ полезныхъ упражняться, а не въ праздности и невѣжествѣ». Съ виновными Румянцевъ грозилъ поступить по всей строгости законовъ, такъ какъ, говорилъ онъ, «мнѣ не подтверждать оные, но въ исполненіе приводить должно» (XVIII). И онъ исполнилъ свою угрозу. Собранное въ Нѣжинъ шляхетство батуринскаго и нѣжинскаго повѣтовъ выбрало въ предводители и депутаты въ коммиссію уѣзднаго судью Селецкаго, но затѣмъ, «не давъ ему никакого полномочія и не сочиня наказа, разъѣхалось на цѣлый мѣсяцъ и, собравшись потомъ выбрало въ депутаты вмѣсто Селецкаго Гр. Долинскаго. Казалось бы, въ этомъ нѣтъ ничего преступнаго; дворяне раздумали, имъ показалось удобнѣе имѣть депутатомъ Долинскаго, но формалисту генералъ-губернатору такой поступокъ показался «въ противность манифесту и обрядамъ», и онъ приписалъ его «одной слабости предводителя, неразумѣнію и непонятію силъ манифеста и приложенія»; я старался, говоритъ онъ, о точномъ исполненіи распоряженій правительства, «но всѣ мои даваемыя къ тому руководства не произвели въ сихъ кривотолкахъ никакого дѣйства, но, напротивъ, они вздумали прямо моимъ ордерамъ упорствовать». Выборъ Долинскаго былъ кассированъ, депутатомъ признанъ былъ Селецкій, и тѣмъ изъ дворянъ, которые стояли за выборъ Селецкаго, приказано было дать ему «полномочіе и наказъ». Съ «ослушниками ордеровъ» Ру-

---

россіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи". Стр. 4 и слѣд. (также въ Кіевск. Стар. 1890 года).

Библиотека "Руниверс"

мянцевъ поступилъ, какъ и хвалился—по всей строгости законовъ: цѣлый рядъ лицъ, списокъ которыхъ приложенъ къ документу, былъ отрѣшенъ отъ занимаемыхъ ими должностей и приказано было не опредѣлять ихъ вновь, «ибо, писалъ генералъ-губернаторъ малороссійской коллегіи, о поступленіи съ ними по законамъ я правительствующему сенату представилъ: къ нимъ никакой довѣренности имѣть не можно» (№IV).

Сенатъ утвердилъ выборъ Селецкаго, «похваля при томъ его и согласныхъ съ нимъ владѣльцовъ усердіе», избраннаго на мѣсто Селецкаго предводителемъ Тарнавіота отрѣшилъ отъ должности, «которую онъ ужь и нарушилъ неисполненіемъ по манифесту»; но суду его не предалъ, такъ какъ Румянцевъ засвидѣтельствовалъ, что «то отъ одной простоты произошло»; ослушниковъ указовъ, отрѣшенныхъ Румянцевымъ отъ должностей, сенатъ распорядился «отослать воинскихъ на воинскій, а гражданскихъ и неслужащихъ на гражданскій судъ, которымъ велѣть надъ виновными, заключа сентенціи, подать въ малороссійскую коллегію, а оной, разсмотря, съ своимъ мнѣніемъ представить сенату. «Въ предупрежденіе подобныхъ происшествій» обо всемъ этомъ были посланы указы въ города, гдѣ еще не было выборовъ, (№ V). Чѣмъ кончился судъ надъ ослушниками указовъ—мы не знаемъ; въ «актахъ» мы находимъ одинъ только документъ, относящійся къ суду надъ ними. 14 августа 1767 года Румянцевъ «къ произвожденію воинскаго суда» надъ ослушниками назначилъ полковника фонъ-Зытмана на мѣсто заболѣвшаго кн. Хованскаго (№ VI) [1].

Седьмой документъ изданныхъ проф. Владимірскимъ-Будановымъ актовъ относится къ извѣстнымъ погарскимъ выборамъ, гдѣ произошло столкновеніе между шляхетствомъ и мѣщанствомъ, между тянувшимъ сторону шляхетства погарскимъ войтомъ Григоріемъ Панасомъ и городскимъ головою Денисомъ Приваловымъ, поддерживавшимъ интересы мѣщанства. На Привалова посыпались доносы въ неисполненіи формъ, обряда, во всевозможныхъ злоупотребленіяхъ, и VII документъ относится къ концу этой общественной драмы [2].

---

[1]) Недоразумѣнія при выборахъ въ Нѣжинѣ были извѣстны давно, но документы, относящіеся къ нимъ, напечатаны проф. Владимірскимъ-Будановымъ впервые. Ср. *Соловьевъ* т. XXVII стр. 52—54, *Теличенко* стр. 19.

[2]) Наказы малор. депут. стр. 219—226. *Соловьевъ* т. *XXVII* стр. 54—56 *Теличенко* стр. 20, *Аверьевенко* „Малороссія въ 1767 году" стр. 18 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

Румянцевъ дѣлаетъ распоряженіе объ удержаніи подъ арестомъ одного только войта Панаса и объ освобожденіи его товарищей, потому что онъ нашелъ, «что всѣ таковые несправедливые доносы послѣдовали единственно отъ непознанія самихъ себя, неразумѣнія прямого общаго блага, однимъ словомъ отъ крайняго ихъ невѣжества, которое открывается наипаче въ отвѣтахъ, гдѣ они поставляютъ себѣ во оправданіе, что всякое прошеніе не есть погрѣшность, не разсуждая, что *прошеніе, затѣянное въ обиду другому или затрудняющее вышнее начальство, есть, конечно, преступленіе, которое заслуживаетъ наказаніе;* иные же показываютъ, что по причинѣ скораго отправленія не поняли, на чемъ подписались».

Вообще Румянцевъ дѣйствовалъ въ Малороссіи слишкомъ самостоятельно и подъ часъ присвоивалъ себѣ власть настоящаго персидскаго сатрапа. «Онъ, говоритъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, часто выходилъ изъ скромныхъ рамокъ администратора и становился законодателемъ» (стр. 98); такъ онъ, напримѣръ, дѣлаетъ распоряженіе, чтобы жители малолюдныхъ городовъ не избирали депутата въ коммиссію, «чтобъ не обратилось то имъ въ тягость», а со всѣми своими нуждами и желаніями прямо обращались къ нему (№ I); предлагаетъ малороссійской коллегіи рѣшить, нужно ли судей низшихъ инстанцій, при переносѣ рѣшенныхъ ими дѣлъ въ высшія, вызывать туда «на очное ословеніе» или же самыя дѣла могутъ показать, достойны ли судьи оправданія или обвиненія. По закону, конечно, коллегія не могла рѣшить этого, такъ какъ здѣсь дѣло шло объ отмѣнѣ основнаго закона 4 разд. 40 арт. Литовскаго статута, дѣйствовавшаго тогда въ Малороссіи; но Румянцевъ уже à priori рѣшаетъ вопросъ и безъ Высочайшей власти, говоря въ «предложеніи» коллегіи, что многіе артикулы статута писаны для литовскаго княжества и для извѣстнаго времени, а для Малороссіи они не пригодны. въ томъ числѣ и 40 арт. 4 разд. (№ XIX). Румянцевъ, наконецъ, преобразовываетъ цѣлыя учрежденія опять-таки «безъ предварительнаго утвержденія своихъ мѣръ верховною властью» (стр. 98). Въ 1760 году Разумовскимъ, въ бытность его гетманомъ, былъ преобразованъ генеральный судъ, который состоялъ теперь изъ 12 «персонъ» и 10 выборныхъ депутатовъ, по одному отъ каждаго полка (№ XII). Смѣнившій Разумовскаго Румянцевъ не зналъ въ своемъ отечествѣ выборнаго суда, противорѣчившаго идеѣ централизаціи, проводникомъ которой въ Малороссіи являлся онъ, какъ генералъ-губернаторъ Екатерины II. Естественно поэтому, что Румянцевъ, присвоивъ

Библиотека "Руниверс"

себѣ громадную власть, отмѣняетъ выборныхъ судей отъ полковъ на томъ основаніи, что «во всѣ годы продолженія сего постановленія (преобразованія Разумовскаго) рѣдко когда было полное собраніе въ судѣ сихъ всѣхъ десяти депутатовъ, а больше могли они въ неприбытіи и отлучкахъ своихъ выговариваться всякими причинами» (№ XIII). Вмѣсто нихъ назначаются «непремѣнными членами» суда надв. сов. Гр. Фридрикевичъ, зем. судья Сергѣй Дергунъ, бунч. тов. Александръ Безбородко и Петръ Симановскій. «Вновь опредѣленные члены, писалъ Румянцевъ въ ордерѣ объ ихъ назначеніи, конечно, должны чувствовать, коль великая къ нимъ довѣренность въ возлагаемой на нихъ важной должности обязуетъ быть ихъ прилежными, рачительными, единодушными въ благоразсужденіяхъ, хранить безпристрастіе и всякую добродѣтель непорочнаго судьи, исполняя праведными успѣхами надежду, которую имѣть могу, что ихъ тщаніе и прилежные труды умалятъ число просителей, прекратятъ волокиту и рачительно поищутъ истребить причины, противящіяся всякаго дѣла скорому окончанію» (№ XIV).

Малороссійскіе суды, дѣйствительно, были далеко не въ завидномъ положеніи. Волокита царила вездѣ, отчасти благодаря злоупотребленіямъ судей, а отчасти и благодаря процессу статута, который доставлялъ много путей тянуть дѣло для той изъ сторонъ, которая была заинтересована въ этомъ. Еще раньше преобразованія генеральнаго суда и наставленія его непремѣннымъ членамъ, Румянцевъ обратилъ вниманіе на волокиту, такъ какъ къ нему стали поступать жалобы. Препровождая ихъ въ коллегію, Румянцевъ напоминаетъ ей, что «всякая тяжба, бѣднымъ особливо людямъ, не меньше чувствительна, какъ и приключенныя обиды, о коихъ просятъ», и предлагаетъ «въ нижніе суды дать повелѣніе, чтобы судьи по справедливости исполняли возложенную на нихъ должность и чтобы всякая небрежность со стороны ихъ не оставалась безъ строжайшаго взысканія» (№ XI). Но несмотря на всѣ эти подтвержденія, дѣла «къ вящему разоренію бѣдныхъ» производились медленно и «безъ всякаго наблюденія порядка предписаннаго въ правахъ» (№ XVIII); указы, изданные для Малороссіи, были забыты, «вышли изъ наблюденія», какъ выражается Румянцевъ, и ими не пользовались даже въ судахъ (№ II). Опредѣленнаго сборника «правъ» не существовало. Для шляхетства былъ, правда, статутъ, для мѣщанства—магдебургское право; козаки выговорили себѣ суды въ статьяхъ; но на это раздѣленіе никто не обращалъ вниманія. Земскіе суды судили по статуту и судили не

Библиотека "Руниверс"

однихъ только шляхтичей, но и козаковъ и мѣщанство, а потому часто отсуживали имѣнія въ тѣхъ случаяхъ, «гдѣ бы имъ, по словамъ Румянцева, не только вступать, но и принимать просьбы не слѣдовало». Козаки и мѣщане жаловались, что законовъ не знаютъ: «иной за нестанье по позву на срокъ ему неизвѣстный или отлучку отъ суда, будучи командированъ, лишается своего иску и имѣнія», а противная сторона всегда пользуется этимъ незнаніемъ». Чтобы хоть какъ-нибудь помочь дѣлу, Румянцевъ предлагаетъ коллегіи «выписавъ съ правъ, какія дѣла судамъ земскимъ на разсмотрѣніе опредѣлены, запретить онымъ, чтобъ отнюдь въ гражданскія дѣла не вступали, и мѣщанъ, коимъ судимымъ должно быть въ магистратахъ, къ суду земскому не привлекали»; въ помощь козакамъ опредѣлить адвокатовъ въ судахъ земскомъ и гродскомъ (№ XVII). Но такіе адвокаты раньше были уже учреждены при высшихъ судахъ, генеральномъ и коллегіи, и они не оправдали возложеннаго на нихъ довѣрія; казенная должность не могла доставить имъ той выгоды, какую представляло ходатайство по частнымъ дѣламъ, а потому они начали злоупотреблять своимъ положеніемъ и вмѣсто того, чтобы защищать интересы козаковъ и коронныхъ посполитыхъ, для чего они и были учреждены, адвокаты стали вести противъ нихъ тяжбы частныхъ лицъ, дѣйствуя такимъ образомъ во вредъ коронным интересамъ (№ XVI).

Несомнѣнно, Малоросія имѣла въ Румянцевѣ самого энергичнаго реформатора, который старался прислушаться къ нуждамъ народнымъ, во все старался входить, вездѣ старался помочь. Касалось ли дѣло суда, налоговъ, повинностей (№№ XX, XXI), экономическаго и матеріальнаго положенія народа—вездѣ Румянцевъ оставлялъ слѣды своей дѣятельности. Какъ широко понималъ онъ необходимость реформировать строй старой Малороссіи, показываетъ «Записка о усмотрѣнныхъ въ Малой Россіи недостаткахъ, о исправленіи которыхъ въ малороссійской коллегіи трахтовать должно». Въ «Запискѣ» этой сгруппированы главнѣйшіе недостатки малорусскаго строя, бросившіеся въ глаза энергичному реформатору. Картина получается, правда, невеселая; краски, можетъ быть, слишкомъ ужъ сгущены; но въ общихъ чертахъ нарисованная картина вѣрна. Малорусскій общественный строй представлялъ, дѣйствительно, много неприглядныхъ сторонъ и къ тому времени, когда писалась «Записка», показалъ всю свою несостоятельность, всю ложность основы, на которой онъ покоился и развивался и которая, по нашему мнѣнію, играла такую

Библиотека "Руниверс"

видную, первенствующую роль въ дѣлѣ крушенія его, этого общественнаго строя,—то было широкое, почти ничѣмъ не сдерживаемое развитіе индивидуализма во всѣхъ сферахъ общественной жизни, какъ политической, такъ и экономической, и въ сферѣ отношеній между членами даннаго общества—въ сферѣ правовой.

Въ своей «Запискѣ» Румянцевъ предлагаетъ малороссійской коллегіи разсудить, какъ можно помочь дѣлу, какой нужно устроить судъ, чтобъ въ немъ не было «смѣшенія воинскихъ, гражданскихъ и земскихъ дѣлъ»; нужно ли учредить особый аппелляціонный судъ или же функціи его можетъ отправлять одинъ изъ департаментовъ коллегіи; какія нужно учредить «помѣстныя правленія» для отправленія дѣлъ «въ разсужденіи доходовъ, экономіи и коммерціи» (§ 1); нужно наново раздѣлить Малороссію (§ 2); въ судахъ нужно учредить адвокатовъ (§ 3), привесть въ порядокъ государственные доходы, которые съ самаго Хмельницкаго «въ надлежащій порядокъ приведены не были» (§ 4); позаботиться объ учрежденіи «плантацій и мануфактуръ» (§ 6), объ охраненіи лѣсовъ (§ 7), о приведеніи въ порядокъ дорогъ и плотинъ и завѣдываніи ими (§ 9), объ упорядоченіи винаго промысла, нужно ограничить винокуреніе и шинкарство, чтобы «отымался способъ къ чрезмѣрному пьянству, въ коемъ обращаяся, здѣшній простый народъ не токмо теряетъ охоту къ трудолюбію, но часто и жизни безвременно лишаются; умалчивая, что множество пьяныхъ во снѣ и въ бѣшенствѣ по дорогамъ въ городахъ и поселеніяхъ къ омерзенію всегда видѣтъ случается» (§ 8). Города находятся въ жалкомъ положеніи; избывая повинностей, мѣщане бѣгутъ въ козаки, ратушныя имѣнія всѣ расхищены, постройка въ городахъ деревянная (§ 5), училищъ нѣтъ, нѣтъ и больницъ, родильныхъ пріютовъ. «Къ призрѣнію больныхъ и увѣчныхъ, говоритъ Румянцевъ, хотя, *какъ сказывютъ*, и есть больницы; но всѣ таковые а паче заразительными болѣзнями одержимые, на публичныхъ площадяхъ и большихъ улицахъ, въ доказательство крайняго о нихъ небреженія, лежатъ; въ спасеніи же во грѣхи впадшихъ и избавляющихъ себя отъ стыда и поношенія, и когда, въ первомъ пароксизмѣ, умерщвленіемъ своего плода должность христіанскаго человѣколюбія вовсе упущена, какъ таковыхъ убійствъ по дѣламъ весьма много, къ сожалѣнію, оказывается» (§ 12). Чиновники—лихоимцы, на службѣ только обогащаются (§ 13); въ дворяне пишется кто попало (§ 10); «простой народъ мнимымъ въ свободѣ своевольствомъ доведенъ до крайняго нерадѣнія о своемъ собственномъ, лѣности и распутства (sic),

Библиотека "Руниверс"

ибо многіе, оставя свои пахотныя и другія земли, бродятъ съ мѣста на другое и, чтобъ удобнѣе провождать жизнь праздную и распутную (sic), остаются на всегда безъ грунтовъ, подъ именемъ подсусѣдковъ, работая лѣниво за кормъ и напой виномъ» (§ 18).—Военное дѣло находится въ безпорядкѣ (§ 14), артиллерія никуда не годится (§ 15); козаки, на обязанности которыхъ лежала повинность нести военную службу, уходятъ въ подданство, а владѣльцы, не смотря на запретительные указы, ихъ принимаютъ—все это нужно привести въ порядокъ «общественнаго добра ради, единожды на всегда на мѣрѣ поставить, и тѣмъ самымъ пресѣчь всѣ и всякія родящіеся неустройства» (§ 14 и 16). Что касается земельныхъ отношеній, то тамъ царилъ тоже полнѣйшій безпорядокъ; почти всѣ села и деревни были розданы въ частное владѣніе подъ именемъ свободно войсковыхъ (§ 19), козачьи грунты, не смотря на неоднократныя запрещенія и подтвержденія этихъ запрещеній, продолжали продаваться и купчія преспокойнѣйшимъ образомъ совершались въ судахъ (§ 20). Большія имѣнія находились въ рукахъ чернаго и бѣлаго духовенства. Въ Великороссіи ихъ ужъ отобрали въ казну; «подлежитъ разсуждать и здѣсь, какимъ образомъ, сдѣлавъ къ пропитанію и снабденію церквей и обителей достаточное опредѣленіе, всѣ монашествующихъ имѣнія къ короннымъ, яко большею частію къ тѣмъ принадлежащія присоединить». Бѣлому духовенству опредѣлить съ приходовъ содержаніе и на основаніи указовъ 1728 и 1734 годовъ запретить владѣть имѣніями тѣмъ изъ нихъ, которые не дворянскаго происхожденія (§ 11).

Монастыри были однимъ изъ крупнѣйшихъ и главныхъ землевладѣльцевъ въ старой Малороссіи. Земельныя богатства ихъ очень ранняго происхожденія; они образовались частью вслѣдствіе пожертвованій частныхъ лицъ и государства, частью вслѣдствіе «скупли», затѣмъ занмокъ и захватовъ—этого обыкновеннѣйшаго способа завладѣнія на первыхъ порахъ всякаго вновь слагающагося общества. Войны Хмельницкаго нарушили земельный строй въ Малороссіи, выработавшійся ко второй половинѣ XVII вѣка, но онѣ не коснулись монастырей: ихъ крѣпости не были «скасованы» козацкою саблею, и типъ этого землевладѣнія продолжалъ существовать до конца XVII, вѣка, вполнѣ приноровившись къ тѣмъ экономическимъ, бытовымъ и политическимъ условіямъ, которыя выработала новая малороссійская жизнь, послѣ Богдана Хмельницкаго. Для характеристики его за это время драгоцѣнный матеріалъ даютъ «Акты по исторіи мона-

Библиотека "Руниверс"

стырскаго землевладѣнія въ Малороссіи», напечатанные въ «Чтеніяхъ» А. М. Лазаревскимъ.

Между этими «актами» мы находимъ поземельные документы батуринскаго и новомлинскаго монастырей, состоящіе изъ гетманскихъ универсаловъ, полковничьихъ «листовъ» изъ различныхъ актовъ, которыми частныя лица передавали монастырямъ право на свои имѣнія; затѣмъ отрывки о поземельномъ спорѣ между этими двумя монастырями; слѣдствіе, наряженное гетманомъ Мазепой по жалобамъ жителей г. Сосницы и с. Кирѣевки на незаконное отобраніе у нихъ новгородсѣверскимъ монастыремъ десятины, и отрывокъ изъ дѣла о поземельныхъ спорахъ между Печерскою Лаврою и Братскимъ монастыремъ за Сорокошицкія земли.

Всѣ эти документы проливаютъ значительный свѣтъ на юридическія основанія монастырскаго землевладѣнія съ одной стороны, а съ другой—характеризуютъ и ту бытовую сторону, на которой покоилось и развивалось это землевладѣніе и которая является прямымъ слѣдствіемъ малорусскаго общественнаго строя, выработавшагося послѣ Богдана Хмельницкаго и основаннаго, какъ мы уже выше замѣтили, на широкомъ развитіи индивидуализма во всѣхъ сферахъ общественной жизни.

Монастырское землевладѣніе, сказали мы, давняго происхожденія и осталось совершенно ненарушеннымъ козацкими возстаніями. Послѣ освобожденія Малороссіи изъ польской власти, гетманы, начиная съ Богдана Хмельницкаго, охотно подтверждаютъ монастырямъ всѣ права на маетности и раздаютъ новыя, то «видячи убогій монастырь батуринскій» (стр. 54), то по просьбѣ игумепіи монастыря дѣвича батуринскаго новомлинскаго «яко для помноженія хвалы Божой, такъ и для вспартя недостатковъ ихъ монастырскихъ и уставичныхъ потребъ» (стр. 64), то «для хвалы Божой и для отпущенія грѣховъ нашихъ, яко и всего войска Запорожскаго (стр. 56). Въ 1636 году, напримѣръ, панъ Юрій Оссолинскій подтвердилъ батуринскому монастырю всѣ его грунта, «*здавна* до того належитыя, въ селѣ Обмочевѣ и Веровскіе, зо всѣмъ кгрунтомъ и пожитками, и сѣножатми, и озерами, борокъ красный, зъ бортмы лѣсъ и осѣчъ по Усорочъ озеро, пущу, взявши отъ озера Стучокъ, до того жъ озера Усороцкаго стягается по-надъ рѣкою Сеймомъ зъ обохъ сторонъ, перевозъ на Сейму батуринскій, поля до опаханя и озера, сѣножати.» (стр. 53). Въ 1655 году актъ Оссолинскаго былъ подтвержденъ Богданомъ Хмельницкимъ; въ томъ же году монастырю надано село

Библиотека "Руниверс"

Хмѣловъ (54 стр.); въ слѣдующемъ полковникъ черниговскій Гр. Гуляницкій далъ млинъ на р. Мѣтѣевкѣ (55 стр.); тогда же Богданъ Хмельницкій выдалъ универсалъ на Спасское поле, Божокъ, Любитовъ, Заболотовъ и Варичи (стр. 55—56). Выговскій и Юрій Хмельницкій подтвердили универсалы Б. Хмельницкаго, причемъ нѣсколько «кгрунтовъ» было прибавлено (стр. 56—57); прибавилъ Коренецкій хуторъ и гетманъ Брюховецкій, подтверждая въ 1668 году универсалы своихъ предшественниковъ (стр. 58)

Во владѣніи монастырей мы встрѣчаемъ самыя разнообразные угодія; тутъ были цѣлыя села, деревни, хутора, пущи, перевозы, «арандарская часть», озера (слѣд. и рыбныя ловли), бортныя угодья, сѣнокосы, пахатныя поля, млинки и т. д. и т. д. Къ сожалѣнію только, напечатанные г. Лазаревскимъ акты мало еще даютъ намъ возможности опредѣлить полноту правъ монастырей на свои владѣнія. Монастыри зорко слѣдили, чтобъ уважалось ихъ право собственности, и ревностно оберегали свои владѣнія отъ «своеволей пустошеній», прибѣгая подъ защиту высшей власти—гетманской. «Дойшло до насъ вѣдати, говоритъ 16 ноября 1658 года въ своемъ универсалѣ Выговскій, «же свояволя пустошеня чинятъ въ пущахъ и сѣножатяхъ монастыра Батуринскаго; прето мы... ствержаемъ и покрѣпляемъ... сотники и атамани городовіе и сѣлскіе и жаденъ козакъ справи жадной абы не мѣли до того... абы жаденъ и ногою не вступивъ у монастрыскіе кгрунта, не тилко дуба зрубати, але и прута вирубати не позволяемъ подъ зарукою тысечи копъ; а хто бы былъ въ томъ спречнимъ бунти своеволніи подіймати, на церковь Божію (sic) черничковъ похвалки на забойство, такового приказуемъ горломъ карати (sic), иначей не чинячи» (стр. 57). «Сурово» приказывалъ въ 1669 году и гетманъ Демьянъ Игнатьевичъ, чтобы козаки и посполитые люди въ грунтахъ монастырскихъ бобриковскихъ «найменьшой шкоды задавати не важилися». Жаловалась ему Евгенія Хлевинская, игуменія батуринская, монастыря бобриковскаго паненскаго, что козаки и люди посполитые «мимо права и универсаловъ, отъ бывшихъ гетмановъ наданныхъ, а звлаща и мимо жалованную его царскаго пресвѣтлаго Величества на тые грунта выданную грамоту, великое укривженіе въ ловленню рыбъ и въ скошуванню сѣножатей шкоды чинятъ и тимъ обители святой не мнѣй задаютъ прикрость»—и гетманъ писалъ въ своемъ универсалѣ: «если бы хто зъ козаковъ, албо зъ посполитыхъ людей якую колвекъ кривду въ поменованныхъ озерахъ, отчинахъ, станахъ, поляхъ, сѣножатяхъ мона-

Библиотека "Руниверс"

стырскихъ еще хотѣлъ задати, теди таковій зъ кождыхъ за скаргою строкого отъ насъ не уйдетъ каранна, зъ утраченемъ своихъ маетковъ» (стр. 62).

Требуя уваженія своихъ правъ собственности, монастыри не церемонились съ другими, и въ этомъ отношеніи они были истинными сыновьями своего вѣка, гдѣ принципъ «chacun pour soi et Dieu pour tous» имѣлъ такое широкое примѣненіе. Архивы завалены жалобами на «гвалтовные наѣзды»,—на отнятіе насильно земель сильными у слабыхъ, богатыми у бѣдныхъ, въ дѣлахъ фигурируютъ часто сомнительнаго свойства документы, подученные свидѣтели—и во всемъ этомъ монастыри играютъ первенствующую роль. Въ своемъ предисловіи къ издаваемымъ актамъ А. М. Лазаревскій обращаетъ вниманіе изслѣдователей на то, что при подтвержденіи Выговскимъ правъ на имѣнія батуринскому монастырю и Самойловичемъ новомлинскому не были представлены акты, на основаніи которыхъ маетности утверждались; издатель заподозриваетъ ихъ существованіе, «такъ какъ монастыри ревниво оберегали свои крѣпостные документы и щедро писали съ нихъ копіи» (стр. 51). Какими путями не брезгали иногда монастыри при пріобрѣтеніи своихъ владѣній, показываетъ слѣдствіе, наряженное Мазепой по жалобамъ жителей г. Сосницы и с. Кирѣевки на незаконное требованіе съ нихъ новгородсѣверскимъ монастыремъ десятины (№ IV).

Давно уже, еще до року Зборовскаго и Збаражскаго, слѣдовательно, до присоединенія Малороссіи къ Россіи, осѣли козаки на сосницкихъ и спасскихъ грунтахъ. Пришелъ съ войны небожчикъ Прокопъ, показывали слѣдователямъ жители-старожилы, и «зъ сынами своими чотирма березнякъ и дубину для пахання нивы теребити почалъ»; пришли и другія козаки того жъ року Зборовскаго Збаражскаго и, «единъ на другого глядя», начали «поле теребити и пахати», а теперь и наслѣдники ихъ пашутъ и никакой десятины никогда никому не давали, «но тое поле отци ихъ ны въ кого не упросили, але сами руками своими козацкими давно теребили и пахали и сумешъ держали и уживали и межи собою еденъ у другого, спасчане у сосничанъ, сосничане у спасчанъ куповали и продавали» (стр. 76 и слѣд.). Такъ было всегда, и казалось бы, кто могъ препятствовать имъ во владѣніи, предъявить свои права на ихъ землю? Сосничане пашутъ давно, собираютъ посѣвъ, никому не отдавая отчета, покупаютъ и продаютъ другъ другу землю—словомъ, владѣютъ на правѣ полной личной собственности: никто имъ ни въ

Библиотека "Руниверс"

чемъ не препятствуетъ. Но вотъ является съ своими притязаніями монастырь. «На тотъ часъ Збаразского лѣта, говорили сосницкіе жители, еще а но архимандриты, а нѣ инные старшины духовнѣе въ монастырѣ Спасскомъ не было и *безъ жадного упросу* сумѣшъ спасчане и сосничане на тотъ часъ нивя теребили и орали и десятини не знали» (стр. 76). Теперь уже Спасское во владѣніи монастыря новгородсѣверского, подбирается монастырь и къ сосничанамъ. Отъ имени сосничанъ составляется подложный актъ, въ которомъ они будто бы въ 1670 году (слѣдствіе производилось въ 1701 г.) выпрашиваютъ у монастыря грунты, на которыхъ и поселяются, обѣщая платить монастырю десятину; при чемъ никто не имѣлъ права «новыхъ поль розробляти и продати безъ вѣдома и волѣ его милости отца архимандрита» подъ угрозою отобранія посѣва; продавать землю можно было только жителямъ села Спасскаго, подданнымъ его милости отца архимандрита (стр. 73). Этимъ актомъ свободные поселенцы дѣлались «подданными» монастыря, а грунты, ими занятые и возлѣланные, становились монастырскими грунтами.—Впродолженіе 30 лѣтъ со времени яко-бы составленія этого акта (онъ помѣченъ 12 августа 1670 года) козаки владѣли спокойно, никакой десятины съ нихъ не требовали, пока не явился въ Спасское «городничимъ» отецъ Мардарій, одинъ изъ тѣхъ монастырскихъ «городничихъ», которыхъ управительская дѣятельность создала этотъ особый типъ, крайне непривлекательный" (стр. 52). Начинается требованіе десятины — начинается и дѣло. Наряжается слѣдствіе, спрашиваются жители старожилы. Оказывается, что живы даже двое тѣхъ, подписи которыхъ значатся подъ обязательствомъ; но они отрекаются отъ своихъ подписей, говорятъ, что никогда никакого обязательства не давали, не подписывали; разсказываютъ, какъ происходило дѣло, какъ къ нимъ подъѣзжалъ монахъ, приглашалъ въ Спасское; какъ ѣздили они туда, какъ монахи задобрили сотника, и сотникъ далъ обязательство; но обязательство то подложно; подписи на немъ фальшивы, и писано оно не на ратушѣ. Къ счастью для сосничанъ дѣло было очевидно, подлогъ ясенъ; монахи не могли доказать своихъ правъ, и въ притязаніяхъ на Сосницкія земли имъ было отказано.

Другое подобное же дѣло было въ селѣ Кирѣевкѣ, гдѣ дѣйствовалъ тотъ же отецъ Мардарій. Здѣсь мы знакомимся и съ другою стороною этихъ «городничихъ»—съ ужасною жестокостью, которую проявляли они въ обращеніи съ народомъ и которая какъ-то не подходила къ тому сану, который они носили. Монастырскіе «городни-

Библиотека "Руниверс"

чіе» были, въ большинствѣ случаевъ, монахи. Но монастыри того времени не отличались ангельскимъ житіемъ, и монастырскія дѣла даютъ намъ много матеріала для характеристики тѣхъ общежитій, цѣлью которыхъ было проведеніе въ грѣшный міръ сей высокой христіанской любви къ ближнему, самопожертвованія, нестяжанія. Народу тяжело было подъ монастырскимъ «ярмомъ», какъ онъ называлъ свою зависимость, подчиненность, «подданство» монастырямъ. «Хороше нарадилисте всему миру сосницкому, говорилъ одинъ изъ сосницкихъ обывателей сотнику, подписавшему подложное обязательство: зъ лядзского ярма вибилисмося, а теперъ чернецкое ярмо на себе и на насъ зложилисте» (стр. 75). Монастырское «ярмо» приравнивалось «ярму» польскому, и въ этомъ не было преувеличеній. Во второй половинѣ XVIII вѣка суровый реформаторъ Малороссіи такъ характеризовалъ малорусскіе монастыри въ своей «Запискѣ о недостаткахъ», о которой мы говорили выше: «монастырскія имѣнія, говоритъ онъ, управляются безпредѣльно по произволенію властей, *натурально, не съ выподою для подданныхъ, ниже о нихъ раченіемъ*; особливо чинъ монашескій, для необходимыхъ экономическихъ правленій, удалялся отъ общежительства и правила своего, обращается прямо по такъ называемымъ городничествамъ въ свѣтскихъ упражненіяхъ, паче же по дѣламъ тяжебнымъ въ приказныхъ мѣстахъ стряпая, въ доказательствахъ и изобличеніяхъ, вовсе монашескому чину несвойственно и паче предосудительно другимъ досады причиняютъ, или иногда и сами терпятъ» (стр. 106—107). Какія «досады» причинялъ, напримѣръ, жителямъ села Кирѣевки упомянутый выше отецъ Мардарій, показываетъ ихъ вполнѣ подтвердившаяся жалоба. Кирѣевцы жаловались и просили управы на отца Мардарія относительно «кривдъ, кгрунтовъ, шкоды, грабежовъ, побоевъ, *огнемъ и углями разженными людей Киріевскихъ въ бору печення*, и сѣножати, и нивъ пахотныхъ, и черезъ греблю киріевскую переѣзду заборонея, и въ водѣ до ловлѣ рибное недопусканія, еще въ водѣ конопель мочити, и на водѣ лѣтомъ и зимою бѣлой плоти хустъ прати недопусканія, и хустъ въ полонки вкиданія, кгвалтовного на киріювцахъ писма на чиншъ вимагання и иншихъ неслыханихъ кривдъ отъ отца Мардарія и отъ людей субъординованыхъ чинення» (стр. 81). О. Мардарій обвинялся далѣе «въ выбѣранню неслушное десятины, а не тылко десятины, але кгвалтовное въ збожахъ половины, албо якъ ему хотѣлося, такъ тайно въ поляхъ ночю, вмѣсто десятины збожа, якъ и въ грабежахъ кгвалтовныхъ, и въ побояхъ, и въ *паленню*

Библиотека "Руниверс"

людей огнемъ, людемъ рознимъ меновите: въ побитю сына козацкаго поруччиного кіами, на греблѣ положивши, и въ вымаганню, и въ выбиранню грошей, за грабежъ, и въ инихъ кривдахъ починенныхъ, въ таковихъ всѣхъ кгвалтовныхъ кривдахъ, шкодахъ, грабежахъ, силкомъ у людей за грабежи грошми викупованню» (стр. 86). Слѣдователи, высланные Мазепой для разбора кирѣевскихъ жалобъ, признали ихъ справедливыми и высказались противъ отца Мардарія, но дѣло кончилось ничѣмъ: о. Мардарій на судъ не явился, не позволилъ ему архимандритъ новгородсѣверскій. Фактъ чрезвычайно характерный для малорусскихъ общественныхъ отношеній.

Укажемъ еще два-три факта для характеристики малорусскихъ монаховъ.

Производится слѣдствіе о косачевскихъ земляхъ; свидѣтель говоритъ не въ пользу монаховъ. Представитель монастыря, чернецъ, волнуется; «на того человѣка цикнувъ, сталъ палцѣ грызти. Громади крикнули: нехай говоритъ той человѣкъ; а чернецъ той *стрѣливъ изъ пистолета*, и зачалась сварка, и крикъ, и розихалися» (стр. 91). Въ другой разъ производилось разграниченіе земель между монастырями новомлинскимъ и батуринскимъ и черпцы послѣдняго хотѣли свидѣтеля, показывавшаго не въ ихъ пользу, «*списомъ прибиты*, когда бъ товариство не воспятили»; тогда же Павелъ Гриба показывалъ, что «игуменъ Гугуревичъ батуринскій крупецкой за своего игуменства не токмо дуброву и сѣножати и бортніе дерева до монастыря крупецкаго усилевне отнялъ», но и самого дѣда его Грибы «Исая, о томъ обстоячого, на тихъ же кгрунтахъ *убилъ до смерти*; якого взявши и привезши, погребли проводомъ христіанскимъ». (Стр. 70).

Факты, извлеченные нами изъ «актовъ», изданныхъ г.г. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ и А. М. Лазаревскимъ, въ достаточной степени, думается намъ, характеризуютъ тотъ общественный строй, при которомъ возможно было безнаказанно съ дрекольемъ производить «гвалтовные наѣзды», отнимать чужую собственность, палить людей огнемъ, убивать ихъ до смерти [1]), и гдѣ можно было не являться на судъ, даже въ томъ случаѣ, если судъ этотъ наряженъ по распоряженію высшей власти—гетманской.

---

[1]) Выше мы упоминали, что въ архивахъ хранится много дѣлъ о „гвалтовныхъ наѣздахъ". Для характеристики этихъ, въ большинствѣ случаевъ остававшихся почти безнаказанными, нашествій можетъ служить слѣдующее показаніе Лисаневича,

Библиотека "Руниверс"

Исторія Малороссіи въ высшей степени поучительна. Мы видимъ общество, сложившееся не на первыхъ порахъ человѣческаго развитія, а тогда, когда каждый членъ его имѣлъ ужъ за собой многовѣковую исторію, опытъ, когда онъ долго и упорно боролся противъ другаго строя, ему неподходящаго, связывавшаго его по рукамъ и по гамъ, не дававшаго ему жить, когда онъ порвалъ всѣ связи съ этимъ строемъ и задумалъ создать новый, на новомъ основаніи, положивъ въ основу личную свободу. Казалось бы, на этой основѣ общество должно было выработать иной строй, гдѣ бы каждому легче жилось, гдѣ бы человѣкъ былъ «свободенъ» во всѣхъ отношеніяхъ; но этого не случилось, и мы замѣчаемъ какъ разъ обратное явленіе. Малороссія,

---

у котораго Скорунка оспаривалъ право на мельницу: „прошлого іюня 21 дня, пишетъ въ судъ Лисаневичъ, на тое мѣсто, гдѣ я мельницу устроеваю на рекѣ Воронусѣ не свѣдоміе люди, числомъ до 100 человѣкъ всякъ съ коцубами і топорами, якъ би на разбой пріуготовленніе или якъ би наякого непріятеля прямо і штурмомъ будто города непріятелского доставить, напали, били, коихъ многочисленныхъ людей одинъ верхомъ на конѣ попереду, яко бы не якой вождь, а другой позадѣ проводили и еслибъ я не билъ въ осторожности и обороняясь, при помощи Божой, самого вождя не поймалъ, то Богъ вѣсть, щобъ послѣдовало надо мною, ибо единъ мужикъ, еслибъ случившійся тамо тогда бить атаманъ чешуйковскій Артемъ Кабанъ не похватилъ і не отопхнулъ, то бъ мене необычайною коцубою посередъ голови ударилъ, о чемъ безъ сумнѣнія смерть би мнѣ приключилася". (Кіев. Центр. Арх. Дѣла объ имущ. част. лицъ). До чего была не обезпечена личность человѣка въ Малороссіи, показываетъ такой фактъ. Будучи недоволенъ на ковалевскаго сотника (гадяц. полка) Кицета, генеральный судья Чарнышъ отправилъ изъ Глухова асаула Бороховича съ двумя драгунами арестовать Кицета. Тѣ напали на него ночью, избили безъ милосердія, скованнаго провели въ Глуховъ и „на ратушѣ глуховскомъ кіевъ съ триста давъ, и очень учиня, въ турму посадили, гдѣ недѣль десять сидѣлъ и не малые отъ побою раны терпѣлъ, что ажъ былъ боленъ при смерти и въ тѣлѣ его черви были и шматками з костей мясо падало". Свидѣтели все это подтвердили и судъ приговорилъ Чарныша къ денежному штрафу, а Чарнышъ былъ человѣкъ богатый (Докум. о Чарнышѣ въ библіот. А. М. Лазаревскаго).

Для характеристики малорусскихъ отношеній прошлаго вѣка любопытна та масса жалобъ, которая была подана жителями различныхъ мѣстностей на извѣстнаго епископа черниговскаго Иродіона Жураховскаго. Большая часть ихъ относится къ отнятію у козаковъ и посполитыхъ земель монастырями и бѣлымъ духовенствомъ, затѣмъ къ разнымъ незаконнымъ поборамъ; есть жалобы на истязанія жителей монахами, на разныя неприглядныя стороны монашеской жизни и т. д. Обращаетъ на себя вниманіе „дѣло попа чернотицкаго Іосифа Лаврентіева и зятя его попа жъ Афанасія Клепца о неучиненіи катедрою черниговскою съ помянутыхъ поповъ справедивости за *убитаго* ими Ѳедора Олейника и за модерство надъ другими исполненное" (П. С. пост. и распор. по вѣд. прав. испов. Росс. имп. т. VII стр. 304—320).

Библиотека "Руниверс"

въ сущности, не выработала никакого опредѣленнаго, строго обозначившагося строя, никакихъ ясныхъ общественныхъ принциповъ и вся жизнь ея прошла въ какомъ-то хаотическомъ состояніи и исчезла, не оставивъ нигдѣ замѣтнаго слѣда.

Гдѣ искать причинъ этому? Не въ самыхъ ли условіяхъ возникновенія малорусскаго общества, которое, создавшись изъ разнороднѣйшихъ (въ общественномъ смыслѣ) элементовъ, на первыхъ порахъ не имѣло никакихъ опредѣленныхъ правовыхъ принциповъ, которые имѣли бы принудительную силу, регулировали бы отношенія между членами общества, сдерживали бы ихъ инстинкты, антиобщественныя стремленія и служили бы основою для развитія и реформированія общественныхъ отношеній? Не въ условіяхъ ли самой жизни Малороссіи, не въ тѣхъ ли внѣшнихъ слишкомъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыя было поставлено вновь возникающее общество? Не въ условіяхъ ли экономическихъ, которыя, сами являясь слѣдствіемъ малорусской исторіи и правовыхъ отношеній, играли такую первенствующую роль въ дѣлѣ крушенія главнаго принципа, который долженъ былъ составить фундаментъ малорусской жизни — личной свободы? Не въ тѣхъ ли условіяхъ предыдущей жизни, которыя не создали малорусской интеллигенціи, не создали людей, сознательно относившихся къ нуждамъ общественнымъ, людей, которые, видя всѣ ненормальности строя, старались бы имъ помочь? Кіевская Академія прошла въ этомъ отношеніи почти безслѣдно для Малороссіи и въ видѣ «людей ученыхъ», каковыми были Голятовскій и tutti quanti, она выпускала въ свѣтъ хорошихъ схоластиковъ-проповѣдниковъ, но плохихъ *общественныхъ* дѣятелей—мыслителей. Вотъ вопросы, которые возникаютъ при взглядѣ на судьбу Малороссіи и на которые, конечно, можно отвѣтить только при болѣе близкомъ знакомствѣ съ условіями возникновенія и развитія малорусскаго строя, когда подробнѣе будутъ изучены тѣ матеріалы, крохотную частицу которыхъ составляютъ «акты» г.г. Владимірскаго-Буданова и Лазаревскаго. Только, къ сожалѣнію кажется, не скоро еще наступитъ это желанное время.

Въ заключеніе, нужно еще сказать два-три слова о документахъ, напечатанныхъ проф. С. Т. Голубевымъ. Они интересны для характеристики бытовой и матеріальной стороны западно-русской церкви, хотя даютъ мало новаго къ тому, что до сихъ поръ было извѣстно. Издатель потратилъ много кропотливаго, добросовѣстнаго, но порой, какъ намъ кажется, безполезнаго труда на выясненіе раз-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ мелкихъ частностей. Намъ остается, напр, непонятнымъ, къ чему составлять каталоги западно-русскихъ епископовъ, отыскивать по актамъ, гдѣ упоминается то или другое имя, когда о дѣятельности самаго лица, о которомъ идетъ дѣло, не сохранилось никакихъ извѣстій? Недостаткомъ въ изданіи г. Голубева является и отсутствіе предисловія, которое бы опредѣлило значеніе издаваемыхъ актовъ и облегчало бы такимъ образомъ трудъ изслѣдователя. Это, пожалуй, было бы полезнѣй разныхъ мелочныхъ изысканій, которыя все равно затеряются въ массѣ матеріала и пропадутъ безслѣдно.

Въ одномъ изъ своихъ примѣчаній на документы г. Голубевъ затрогиваетъ вопросъ, когда унія проникла въ Кіевъ? и рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что уже въ 1596 году кіево-софійскій соборъ былъ въ рукахъ уніатовъ (стр. 198—209). Тотъ же самый вопросъ затрогиваетъ и *О. И. Левицкій* въ своей замѣткѣ *«Къ исторіи водворенія въ Кіевѣ уніи»*.

Н. В.

Харьковскій Сборникъ, литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому Календарю“ на 1891 г., выпускъ V, подъ ред. В. И. Каспирова.

Пятый выпускъ «Харьковскаго Сборника» состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) литературно-научнаго (стр. 1—172) и 2) статистико-экономическаго (стр. 1—210). Эти названія неточно опредѣляютъ составъ отдѣловъ; оба отдѣла одинаково научны; первый отдѣлъ состоитъ исключительно изъ историческихъ статей и правильнѣе было бы назвать его историческимъ. Во второй отдѣлъ вошелъ отрывокъ изъ Путешествія Гильденштедта, именно, путешествіе по Слободской Украинѣ въ 1774 г. съ обширнымъ предисловіемъ переводчицы М. Н. Салтыковой и съ поясните льными примѣчаніями проф. Д. И. Багалѣя. Статьѣ этой мѣсто скорѣе въ первомъ отдѣлѣ. Хотя частности въ путешествіи Гильденштедта представляютъ незначительный интересъ, но все его описаніе въ цѣломъ видѣ, по справедливому замѣчанію г-жи Салтыковой, въ настоящее время является уже важнымъ историческимъ матеріаломъ и заключаетъ въ себѣ множество данныхъ для характеристики внутренняго быта Слободской Украины въ концѣ XVIII ст. За исключеніемъ этихъ неправильностей въ распре-

Библиотека "Руниверс"

дѣленіи статей и въ терминологіи отдѣловъ, V выпускъ Харьковскаго Сборника свободенъ отъ недостатковъ. Это изданіе представляется отраднымъ явленіемъ провинціальной жизни. Добрый починъ П. С. Ефименка, издавшаго первый выпускъ Харьков. Сборника пять лѣтъ назадъ, не заглохъ, и при новомъ секретарѣ статистическаго комитета изданіе Харьк. Сборника продолжается съ прежнимъ успѣхомъ. Пять выпусковъ Харьков. Сборника въ совокупности составляютъ уже цѣнный вкладъ въ мѣстную исторію и этнографію. Въ V выпускѣ этнографія отсутствуетъ, если не считать приложенныхъ въ концѣ книжки программъ для собиранія этнографическихъ свѣдѣній. Въ историческомъ отдѣлѣ, кромѣ статьи и перевода г-жи Салтыковой, случайно попавшихъ, какъ сказано, во 2-й отдѣлъ, находится извлеченіе изъ автобіографіи Костомарова, о его студенчествѣ и первыхъ шагахъ на служебномъ и научномъ поприщахъ, напечатанное съ разрѣшенія вдовы покойнаго А. Л. Костомаровой. Въ это извлеченіе вошли весьма любопытныя сообщенія о харьковскомъ университетѣ въ 30 годахъ. А. А. Русовъ помѣстилъ статью по поводу извлеченія изъ автобіографіи Костомарова. Въ этой статьѣ находится нѣсколько новыхъ фактовъ изъ воспоминаній автора о Костомаровѣ во время его болѣзни въ 1875 г. Статья г. Русова изложена живымъ языкомъ и проникнута тѣмъ чувствомъ уваженія къ личности человѣка и народа, которое на читателя производитъ всегда пріятное впечатлѣніе и въ новое время все рѣже и рѣже встрѣчается въ литературѣ. Третья статья въ сборникѣ о «церковно судебной практикѣ по дѣламъ брачнымъ въ бѣлгородской епархіи въ 1721—1799 годахъ» составлена г. В. Демидовымъ по архиву харьковской духовной консисторіи. Авторъ подробно останавливается на формальностяхъ, предшествовавшихъ браковѣнчанію, на относящихся сюда церковныхъ законоположеніяхъ и приводитъ нѣкоторые случаи нарушенія ихъ. Спеціалисты найдутъ въ статьѣ г. Демидова много интересныхъ подробностей. Общій интересъ здѣсь имѣютъ лишь нѣкоторыя частности, напр.—о вознагражденіи слободско-украинскаго духовенства второй половины XVIII в. за разныя требы, по попыткѣ правительства въ 1765 г. регламентировать это вознагражденіе.

Лучшей статьей въ V выпускѣ «Харьков. Сборника» нужно признать неоконченную статью протоіерея Н. Лащенкова объ архіеп. харьковскомъ, потомъ черниговскомъ, Филаретѣ Гумилевскомъ, извѣстномъ богословѣ и историкѣ, скончавшемся въ 1866 г. Статья написана на память двадцатипятилѣтія со дня кончины высокопр. Филарета.

Библиотека "Руниверс"

Авторъ воспользовался печатнымъ матеріаломъ, широко восполнивъ его воспоминаніями частью собственными, большею частью другихъ лицъ и неизданными письмами недавнихъ дѣятелей изъ мѣстнаго духовенства. Напечатанная часть труда прот. Н. Лащенкова обнимаетъ 5 печатныхъ листовъ (93—172 стр.) Продолженіе обѣщано въ слѣдующемъ году. Изъ мозаики мелкихъ фактовъ, трудолюбиво собранныхъ авторомъ, передъ нами поднимается во весь ростъ личность знаменитаго іерарха русской церкви, великаго ревнителя просвѣщенія, который смотрѣлъ на освобожденіе крестьянъ съ землею, какъ на дѣло святое и справедливое, какъ на начало прогресса и конецъ неустройствамъ въ Россіи, и склонялъ выдающихся мѣстныхъ дворянъ дѣйствовать въ духѣ христіанской любви къ ближнему и къ самопожертвованію. «Мнѣ страшно за васъ, писалъ Филаретъ одному вліятельному дворянину крѣпостнику, особенно тогда, когда возстаете вы противъ надѣла крестьянъ землею. Я въ васъ не узнаю тогда ни христіанина, ни даже человѣка. Вы въ оправданіе указываете на непріятныя для васъ послѣдствія надѣла, напримѣръ, на сосѣдство съ безпечнымъ и неразборчивымъ хохломъ. Это—не оправданіе. Вы смѣшиваете два дѣла: дѣло и его послѣдствія. Предлагайте мѣры противъ неспокойныхъ послѣдствій,—это вамъ предоставлено; но не осуждайте святаго дѣла» (стр. 163—164).

Отдѣлъ статистико-экономическій состоитъ изъ обширной статьи г. Мезенцова о доходности сельскаго хозяйства въ харьковской губерніи, продолженія статьи г. Павловича о растительности харьк. губ. и интересной статьи профес А. Н. Краснова о современномъ состояніи вопроса о происхожденіи слободско-украинской степи.

Въ концѣ сборника находится «извѣщеніе» о томъ, что 12 членовъ Харьк. губ. статистическаго комитета задумали составить «описаніе харьковской губерніи» въ естественно и культурно историческихъ отношеніяхъ. Въ основу этого труда будутъ положены какъ пособія, такъ и источники первой руки. Для пополненія нѣкоторыхъ отдѣловъ (напр., географическаго, геологическаго) организуются ученыя экскурсіи по губерніи. Устройство такихъ экскурсій по другимъ отдѣламъ (напр. этнографическому, историко-географическому) оказывается невозможнымъ по недостатку денежныхъ средствъ. Но здѣсь изслѣдователи возлагаютъ надежды на общество. Къ «извѣщенію» приложены программы для собиранія свѣдѣній по этнографіи вообще, въ частности по быту и языку, затѣмъ по археологіи и исторической

Библиотека "Руниверс"

географіи. Кружокъ состоитъ большею частью изъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ харьковскаго университета.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

---

1) Списокъ землевладѣній въ гродненской губерніи. Составилъ П. Диковъ. Изданіе Гродненскаго губернскаго Статистическаго Комитета. Гродно. 1890 г.—314 ст. in. 8-о.

2) Памятная книжка гродненской губерніи на 1890 годъ Изданіе Гродн. Статист. Ком. Гродно 1889 г.—24+XXII+280+38+56+76+30 in. 8.

Первая книжка представляетъ очень важный матеріалъ для поземельной статистики губерніи. Въ ней помѣщено количество земли въ десятинахъ (съ раздѣленіемъ на усадебную, луговую, лѣсную, пахатную и неудобную), принадлежащей какъ крестьянскимъ обществамъ, такъ и частнымъ владѣльцамъ. Рядомъ мѣръ, предпринятыхъ съ цѣлью полученія болѣе вѣрнаго статистическаго матеріала, комитетъ достигъ значительной точности данныхъ въ настоящемъ изданіи. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный списокъ частныхъ владѣльцевъ губерніи.

Въ «Памятной книжкѣ» кромѣ обыкновенныхъ адресныхъ свѣдѣній, помѣщены статистическія свѣдѣнія по губерніи, составленныя, къ сожалѣнію, довольно небрежно, неполно и двѣ статьи: «Очеркъ исторіи города Гродна, составленный на основаніи печатныхъ источниковъ» учителемъ гродненской гимназіи Е. Орловскимъ (76 стр.) и «Топографическія свѣдѣнія о городищахъ и курганахъ въ гродненской губ.», принадлежащія г. Штритеру, секретарю комитета (30 стр.).

Статья г. Орловскаго представляетъ сухой негодный перечень событій, имѣвшихъ мѣсто въ Гроднѣ, не совсѣмъ самостоятельный, такъ какъ авторъ во многихъ мѣстахъ слишкомъ придерживается извѣстнаго описанія гродненской губ. П. О. Бобровскаго (Матерьялы для географіи и статистики Россіи, изданные офиц. генер. штаба), уже устарѣвшаго. Въ ст. г. Орловскаго мы не находимъ ни современнаго топографическаго описанія города, его церквей (даже Коложской); внутренняя исторія совершенно игнорирована авторомъ, хотя изданные акты и представляютъ богатый матеріалъ. Нельзя не выразить также сожалѣнія, что въ числѣ источниковъ и пособій автору были неизвѣстны такія сочиненія, какъ трудъ г. Андріяшева «Ис-

Библиотека "Руниверс"

торія волынской земли», г. Лонгинова «Червенскіе города», труды г. Барсова по географіи; онъ не воспользовался даже Соловьевымъ. Знакомство съ этими и др. сочиненіями избавило-бы г. Орловскаго отъ крупныхъ промаховъ, которые онъ сдѣлалъ. Такъ, авторъ считаетъ всѣ извѣстія до XIII в., въ которыхъ упоминается Гродно, относящимися къ теперешнему Гродно и *«въ видѣ курьеза»* (стр. 6.) проводитъ мнѣніе Карамзина, считавшаго Городно 1128 г. и 1183 г. мѣст. Городнымъ пинскаго у.; между тѣмъ всѣ изслѣдователи согласны съ этимъ мнѣніемъ Карамзина (ср. Андріяшева, Истор. Вол., стр. 80, Барсова словарь и др.). Несомнѣнныя же извѣстія о нынѣшнемъ губ. городѣ Гродно начинаются только съ половины XIII ст.

Гораздо лучше небольшая статья г. Штритера о городищахъ и курганахъ. Цѣль ея, какъ объясняетъ предисловіе, облегчить изученіе губерніи въ археологическомъ отношеніи, дать кое какія указанія для тѣхъ, кто пожелалъ бы производить раскопки. Г. Штритеръ воспользовался только исключительно тѣми рукописными матеріалами, которые проходили черезъ комитетъ, собиравшій свѣдѣнія для различныхъ учрежденій. Такъ, онъ воспользовался свѣдѣніями, собранными Центр. статист. комит. въ 1873 г., Имп. Академіи художествъ въ 1886 г. и Имп. Моск. Археолог. Общ. въ 1888 г. и дополнительными свѣдѣніями, собранными самимъ комитетомъ въ 1889 г.

Въ разсматриваемой статьѣ находятся свѣдѣнія о 47 городищахъ, расположенныя поуѣздно. Конечно, г. Штритеромъ указаны далеко не всѣ данныя о городищахъ гродненской губ. Такъ, судя по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи матеріаламъ по археологіи этой губерніи, принадлежащимъ Московскому Археологическому Обществу, можно еще назвать до 30 городищъ, неизвѣстныхъ автору разсмотрѣнной статьи.

М. Довнаръ-Запольскій.

А. Лебедевъ. Духоборцы въ Слободской Украйнѣ. Харьковъ 1890 стр. 31.

Интересная брошюра проф. А. С. Лебедева основана на архивныхъ дѣлахъ Харьков. губ. стат. комитета, Харьков. духов. консисторіи и на мѣстныхъ преданіяхъ о духоборцахъ въ с. Большіе Проходы (харьков. уѣзда), собранныхъ и записанныхъ свящ. Гр. Лобковскимъ. Матеріалы, которыми пользовался авторъ, даютъ возможность «видѣть какъ распространенность въ Слободской Украйнѣ духоборства, такъ

Библиотека "Руниверс"

и ученіе его—по показаніямъ о немъ самихъ духоборцевъ, а также положеніе духоборцевъ среди православнаго населенія, отношеніе къ нимъ властей гражданскихъ и духовныхъ, и наконецъ—представляютъ нѣкоторыя данныя для сужденія и о происхожденіи духоборства» (стр. 3). На этотъ счетъ существуютъ, какъ извѣстно, два мнѣнія изслѣдователей. Одни (главнымъ образомъ Новицкій) считаютъ родиной духоборства южную Россію и появленіе его относятъ къ половинѣ XVIII вѣка; другіе (Добротворскій, Ливаневъ) производятъ духоборство изъ Великороссіи и связываютъ его «съ древнѣйшими ересями какъ мистическими, такъ и раціоналистическими, а отчасти также и съ проявленіями политическаго вольномыслія, имѣвшими мѣсто въ Великой Россіи» (стр. 26). Амф. С. Лебедевъ склоняется къ послѣднему мнѣнію; въ этомъ его убѣждаютъ, между прочимъ, исключительно великорусскія фамиліи духоборцевъ, встрѣчавшіяся въ актахъ (до 200 именъ) и затѣмъ преданіе, записанное свящ. Лобковскимъ, которое прямо говоритъ, что духоборство занесено въ с. Б. Проходы выходцами изъ Великороссіи (стр. 31).

Н. В.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы—9.—Русская Мысль—9.—Сѣверный Вѣстникъ—9.—Русская Старина—9.—Русскій Архивъ—9.—Историческій Вѣстникъ—9.—Русскій Вѣстникъ—9.—Русское Обозрѣніе—9.—Наблюдатель—9.

Русская Мысль IX. 1891 г. Въ библіографическомъ отдѣлѣ—краткая рецензія на книгу: «Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Лисовскаго», за которой не признается никакого научнаго значенія. (Стр. 392). Краткій отзывъ о «Сборникѣ по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи. Томъ X. Переяславскій уѣздъ» (стр. 397); а также о трехъ изданныхъ херсонскимъ губернскимъ земствомъ книгахъ: «Историческій очеркъ развитія херсонской земской сельско-хозяйственной статистики.—Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губ. Т. VI. Херсонскій уѣздъ.—Хозяйственно-статистическій обзоръ херсонской губ. за 1889 г.» (стр. 398—401).

Въ обозрѣніи журналовъ: подробное изложеніе статьи г-жи Ефименко «Малорусское дворянство и его судьба», напечатанной въ августовской книжкѣ «Вѣстника Европы» за текущій годъ (стр. 415—420).

Библиотека "Руниверс"

Сѣверный Вѣстникъ IX. 1891 г. *Н. Астыревъ.* «Одинъ изъ вопросовъ дня». Окончаніе статьи о поземельныхъ и сервитутныхъ отношеніяхъ между частными владѣльцами и крестьянами въ юго-западномъ краѣ. (Стр. 247—271).

Русскій Архивъ IX. Воспоминанія А. М. Фадѣва. 1846. Характеристика тогдашняго начальника гражд. управленія въ Закавказіи, состоявшаго вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ Совѣта главн. управл. закавказскаго края—Ладинскаго. Авторъ мемуара наз. его между прочимъ хитрымъ хохломъ. (Стр. 105—106, 111, 162).

Въ приложеніи: «Записки Ф. Ф. Вигеля». Кіевская жизнь въ 1801 и 1802 г. Характеристика Г. К. Веселицкой, жившей тогда въ Кіевѣ; ея роль въ кіевскомъ обществѣ. Видные чиновные люди Кіева; военный губернаторъ, англичанинъ Феньшъ (какъ онъ попалъ на высокій постъ), губернаторъ Коробьинъ, вице-губернаторъ Четвериковъ. Польское общество въ Кіевѣ (196—201).

Наблюдатель. IX. 1891 г. Въ отдѣлѣ: Новыя книги—похвальный отзывъ о новомъ изданіи Слова о Полку Игоря Чудинова, предназначенномъ для среднихъ учебныхъ заведеній (стр. 25—27).

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НА 1892 ГОДЪ.

Въ **Ученыхъ Запискахъ** помѣщаются

I. **Въ отдѣлѣ наукъ**: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонннихъ лицъ.

II. **Въ отдѣлѣ критики и библіографіи**: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ, знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. **Университетская лѣтопись**: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія**: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

Библиотека "Руниверс"

РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ

28 и 29 выпуски

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ.

Объясненіе словъ по всѣмъ отраслямъ знанія.

изданіе Т-ва А. Гарбель и К°.

(Слова отъ *Гончаровъ—Гуммель*) 20 портретовъ (*Гончаровъ, Горнъ, Готшиль, Градовскій, Грефе, Григоровичъ* и т. д.) и 5 рис. въ текстѣ. Приложены 2 выполнен. красками географическія карты: „*Великобританія*“ и „*Всѣ части свѣта*“. Отдѣльные выпуски **40** и **30** к., смотря по разбору бумаги. Подписка принимается исключительно въ главной конторѣ: Москва, Тверская, Бол. Гнѣзниковскій пер., д. Мартыновой.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На все изданіе съ доставкой и перекылкой.		На 50 выпусковъ съ пересылкой и достав.		На 10 выпусковъ, съ 25—35 съ дост. и перес.	
На лучш. бум.	На обык. бум.	На лучш. бум.	На обык. бум.	На лучш. бум.	На обык. бум.
32 руб.	**25 руб.**	**17 руб.**	**12 р. 75 к.**	**3 руб.**	**4 руб.**

Библиотека "Руниверс"

Глуховъ, а зъ нею пошло коней 18 всѣхъ. До Григораша потрете писалемъ о прибиттю его сюда. Золотореви дано робить мосенджѣ 5 фунтовъ, бляхи и пряжки. Статутъ и мѣди фунт. 88 прислано зъ Глухова.

28. Фузѣю, взятую у склепу, слюсаръ вихондожилъ належите. Ездилемъ до пасѣки своей, где 3 пчоли весма худихъ видѣлемъ. Сторожѣ роменскіе въ Луку послани для взяття мужиковъ. Сакганенко скаранъ городискій за противность суду полковому. Отъ Дракгановского, о винайденнихъ его худобу (?) розбившихъ врахъ, писмо. До ясневелможной писма, писанніе въ ..... (?) послалемъ въ Глуховъ, зъ сторожемъ лохвицкимъ. До Ігната тогда жъ, о присилцѣ дробини, въ Глуховъ писано. До лукомского и чигириндубровского старшинъ отписано въ ихъ интерессахъ. Уманцева була и обѣдала и о презенту, дарма будто турбуючую, говорила. Старшина роменская дала доношеніе, что меду зборного нѣхто покупать не хочетъ.

29. Судились Громѣки зъ маткою и обвиненни стали, и на арматѣ осаженни.[1]) Укази 2: до Костантія Лисевича, да Григораша, принесени о походѣ въ крѣпость ст. Креста, черезъ постулникового человѣка, зъ Глухова, зъ вой. енер. канцеляр. Яновскій писаръ строфованъ за тое, что обвинулъ Левченка въ висилцѣ подводъ до Гадяча, для отвозу оттуду въ Ахтирку провіанта. Отписалемъ самъ до лубенского атамана о меду, жебы якъ можна продавать. До старости коровинского писалемъ о шкодѣ человѣка вовковского отъ стадника ихъ. До городиского сотника отписалемъ о Тимошенку, у которого онъ правитъ зол. сто. До Сухомозского о присилцѣ сюда коня. Войтъ принеслъ сунки (?) 2 золотарскіе, и кунтишовъ 3 зъ ярмолукомъ [1]) Мартинъ молодикъ ездилъ въ Куцупѣевщину и тамъ показалось коней 17, а одинъ гдесь забѣгъ, кромѣ сихъ чотирохъ, итого всѣхъ 22, опрочъ дрикгантовъ трохъ

[1]) Сыновья Василія Громѣки, бывшаго въ 1695 г. сотникомъ въ м. Смѣломъ, лубенскаго полка. Василій Громѣка былъ родственникъ Мазепы; едва ли не племянникъ его.

Библиотека "Руниверс"

на Засуллю стоящихъ, и опрочъ 18 коней зъ панею въ Глуховъ пошовшихъ; итого всѣхъ 43, опрочъ криворудскихъ чтирохъ, да въ Хоролѣ двохъ, а всѣхъ 49, опрочъ двохъ бѣлихъ Орановского. Отпущенъ меншій Громѣка въ Смѣлое для зискання сюди срѣбра, у матки своей ими заграбленного, а старшій на поруку Івана Остапенка отпущенъ зъ армати тутъ, толко незездить.

30. Мужиковъ лучанскихъ за противность припроважено въ Роменъ. Голубъ, посланний зъ указомъ о висилцѣ козаковъ въ крѣпость ст. Креста, въ полкъ Полтавскій, бувъ у насъ. Слуга отъ п. Бурковской, зъ Сорочинецъ, пріехалъ зъ листомъ и чепчикомъ до моей панеи. Листъ отъ обозного получилемъ и цедули полковника своего миргородского о спаленню футора Криворудского родителскаго. Ездилемъ съ п. Василемъ Романовичемъ, на Засулле, зайцовъ травить. Зъ Хмѣлова Бондарусь писалъ листъ, же козаки сгурились и не попускаютъ нововписнихъ знову въ мужики по указу канцел. енер. Рано посланъ сторожъ лубенскій въ Лубнѣ зъ указами до Костантія и Григорапа зъ войск. енер. канцеляр.

31. Неделя. Хоружій полковій нѣжинскій Левицкій, идучи зъ осталними козаками въ походъ низовій, бувъ у насъ, черезъ которого писалисмо до пана род. Отъ брата Андрѣя пріехалъ слуга зъ узваромъ, что Богъ даровалъ ему сина Іоанна, 26 сего мая. Зъ Тулиголовъ Лезовскій пріехалъ и привезено куховъ три оттуду жъ горѣлки, въ которихъ по реестрику Романа тулиголовского показалось носатокъ 28. Слуга п. Бурковской отправленъ назадъ зъ листами, моимъ до ей, а материнскимъ до самой полковниковой миргородской. Василій Дяченко отехалъ въ дорогу шлюнскую, которому далемъ реестрикъ покупить вещи мнѣ, именно: табаку картузовъ 7; фузѣю гладкую довгую и лѣкарствъ штукъ 4, да сегнѣтъ (печать) здѣлать. Лукьянъ Свѣчка пріехалъ зъ Роменъ до прапорщика по жалобѣ его на насъ.

Юнь. 1. Антонъ Маценко, товарищъ значковій полку прилуцкого, пріехалъ зъ указомъ зъ вой. енер. канцелляріи о висилцѣ козаковъ въ походъ низовій 1100, козаковъ также, бѣжавшихъ отъ низового походу—343 и невийшовшихъ зъ домовъ—177, а всѣхъ

Библиотека "Руниверс"

козаковъ зъ Малой Россіи — 6500, опрочъ бѣжавшихъ и новійшовшихъ. Черезъ Шеверку Воротолякомъ поручного послани гроши въ Глуховъ до канцелляріи. Другого збору на церковъ кіевопечерскую. Черезъ его жъ писмо род. до ясневелможной послано. и до Селецкого о намѣреніи обозного хорольского писалемъ. Громѣки, за тое, что не все заграбленное отдали, посажени на арматѣ. Яковъ Дуброва повернулся зъ Конотопу и назадъ привезлъ облѣкъ посиланній до Веліоватихъ,[1]) которіи ничего не приняли. До Григорія. комисара полкового, отписалемъ, жебы раціони інгермоландскимъ офѣцерамъ збирали и онъ би отвезлъ до Гавронецъ. Домъ полковника миргородского арештованъ прокуроромъ Михайломъ Семоновичомъ Хрущовимъ.

2. Петро Воротелкъ, прежде своей дороги, бувъ у мене, которому реестрикъ далемъ покупить мнѣ фарбъ нѣмецкихъ: блакитной, красной и блейвасу и дзикгарикъ ему жъ для направки далемъ. Черезъ его жъ писалемъ до Василя Дяченка, жебы въ аптецѣ купилъ specі: de cucurpha (?). Особливо вкуръ лосинихъ чиненихъ 10 и книжокъ 5, и вина венкгерского штофовъ зъ десять. Укази о походѣ низовомъ послалемъ въ сотнѣ къ Пѣратину черезъ Рабуху, а къ Чигириндубровѣ черезъ Токаренка, а козаковъ опредѣленно въ сотняхъ именно: зъ смѣловской 75, а лишнихъ, мѣючихъ зъ Царицина повернутись зъ конми и возами, 5 зъ Роменской 135, а лишнихъ 9, зъ глинской 80, а лиш. 6, зъ лохвиц. 135, а лиш. 9, зъ Сенецкой 90, а лиш. 6, зъ лубен. 165, а лишнихъ 11, зъ городиской 36, а лиш. 2, зъ чорнуской 90, а лишнихъ 6, зъ пѣратинской 135, а лишнихъ 9, зъ лукомской 145, а лишнихъ 8, зъ чигириндубровской 20, а лишнихъ 2, итого 1100, а лишнихъ 73. Указъ до старшинъ далемъ Антону Маценку, же онъ отправленъ понуждать старшину до походу. Романъ важилъ золотарскую мѣдь и воскъ, теди и мѣдь, и воскъ заважили по 7 фунтовъ. Квартермистръ бувъ Інгермоландского полку, присланной за раціонами, котораго отправилемъ, зсилаючись

[1]) Т. е. Костенецкихъ, которые въ народѣ звались Волѣватыми.

Библиотека "Руниверс"

на писмо до Григорія комиссара писанное. До прапорщика Волжина и Василя Романовича отвѣтовалемъ на листъ ихъ о Короваяхъ, о Горошинцяхъ. Громѣки отпущени зъ армати подъ кондиціею, жеби матку перепросили и все заграбленное ими возвратили ей. Орановскій писалъ о кадкахъ и рибѣ вялой, до которого тогда жъ отвѣтствовалемъ, а о рибѣ вялой писалемъ до Михайла ревизора бывшого. Старшина роменская доношеніе дали, что нѣхто не покупаетъ меду на пудъ, але развѣ на ведерка. Роману молодикови далемъ наказъ въ 15 пунктахъ. Виехалемъ зъ Ромна въ Глуховъ и ночувалемъ, переѣхавши Борзенку.[1]) Коней зъ мною пойшло въ дорогу 15, а осталось. Сторожъ лохвицкій, повернувшись зъ Глухова, стрѣлъ мене на дорозѣ и подалъ отъ панеи писмо, въ якомъ выражаетъ, что доношеніе отъ насъ въ коллекгію посланное, не принято, потому же зайшолъ якобы указъ, жебы не доношенія, але чолобитніе были подавани во всякихъ жалобливихъ справахъ.

3. Зъ ночлѣгу вставши, видѣлемъ пріѣхавшихъ ко мнѣ черцовъ хмѣлевскихъ, а я отехавши оттуду, пріехалемъ на обѣдъ въ Смѣлое. Зъ Смѣлого виехавши, стрѣтилемся зъ говтвянскимъ сотникомъ. Ночлѣгъ имѣлемъ у Грузкой, где сторожъ говтвянскій, ехавшій до Глухова, явился. Въ Смѣломъ еще писалемъ черезъ Бондаруся до Григорія Манжоса, жеби Антону Маценкови бувъ въ товарищахъ, и въ сотнѣ би поехалъ вигонять козаковъ, о чомъ и до п. Билима и до его, Маценка, писалемъ. До старшини роменской писалемъ, жебы турму новую зробыли.

4. Поехавши отъ ночлѣгу полюючи, приехалемъ на обѣдъ къ перевозу, откуду отправилемъ лохвицкого сторожа зъ указами до п. п. старшини, жебы въ походъ низовій означенное число товариства висилали зъ домовъ заразъ, которое би стягалось на Сухомъ Артополотѣ, близъ села Коноваловъ; а жебы укази тіе во всѣ сотнѣ дойшли, писалемъ до п. Билима и старшини лохвицкой. Перевюзшись черезъ Сеймъ, увидѣлемъ почтара, поехавшаго въ Роменъ и далѣ, зъ указомъ до Григораша Шаргородского о вигонѣ козаковъ.

---

[1]) Урочище по дорогѣ между Ромномъ и Хмѣловомъ.

Библиотека "Руниверс"

Пріехалемъ позно въ Тулиголови, где засталемъ въ имбарѣ горѣлки: куховъ 4 великихъ, и двѣ бочки, а третая, неповная, на росходъ. Извѣсно мнѣ стало зъ словъ Романа старости, что у футорѣ Тулигол. обрѣтается воловъ рабочихъ 8, а коней 16.

5. Рано въ Тулиголовахъ ходилемъ до далного Бутурлимовского млина, где ступникъ казалемъ робыти и уговорити о другомъ мѣрочника велѣлемъ. Жида, шинкара тулиголовского, перемѣнилемъ и вмѣсто его Данила Вуциного, мужика, устроилемъ, а напитокъ замѣривши, здать казалемъ Лозовскому. Поехавши оттуду къ футору Калюжновскому, недоижджаючи, на шляху увидѣлемся зъ Милорадовичемъ, пол. гадяцкимъ, повернувшимся зъ Москви. Розехавшись зъ нимъ, былемъ у млина Калюжновского, а оттоль пріехалемъ у футоръ, где по словамъ дворника показалось воловъ рабочихъ 19, коней старихъ 6, а вновъ пригнанныхъ 3, итого—9, коровъ 11, еще 1 коникъ гнѣден. приблудній, всѣхъ 10, третяковъ 5, телятъ тогорочныхъ 8, лошатъ съ кобилами 2, овецъ 43, козъ и козенятъ 11; по словахъ же того жъ дворника показалось, что посѣяно на полю калюжновскомъ овса четверт. 8, пшеницѣ чет. 2, проса 4 мѣрки, гречки четвер. 3.

6. Пообѣдавши у футорѣ, поехалемъ до Сваркова, где оглядѣвши саду, приказалемъ Микитѣ Плетюнцѣ, жебы онъ харчъ видавалъ садовнику и протчіимъ работникомъ. Поехавши оттоль, на дорозѣ зайця поймалемъ и пріехалемъ у вечеру въ Глуховъ, где арестанти[1]) вмѣсто процессѣи стрѣтоша мя, при антесignану своемъ п. Тарновскомъ.

7. У ключника Клима отобралемъ грошей 335 зол. На службѣ Божой былемъ у Михайла, а по службѣ зъ Кошеліовимъ, полковникомъ, были у сотника Мануйловича и тамъ випивши по двѣ чарки, отийшлисмы всѣ. Зъ тихъ же грошей Василеви, ключникови бывшому, далемъ грошей зол. 100 на купленне жита и другихъ потребъ, а господарь Остапецъ, упивавшійся, незнать где дѣлся. Поехалемъ въ городъ до Кошеліова и у Сухарева бывши,

[1]) Говорится объ арестованной по дѣлу Полуботка старшинѣ.

Библиотека "Руниверс"

играломъ въ карти. Приходили п. п. Чарнолузкій, Пироцкій, Богаевскій, Бѣличъ и проч.

8. Зъ Лаврѣномъ мѣрочникомъ торгъ учинилемъ за зробленне Калюжновского млина: дать ему зол. сто, носатка горѣлки и сукна на куптушъ. Романъ, староста тулиголовскій, бывши тутъ купилъ гречки на насѣнне и про камень одинъ, лежачій близъ млиновъ германскихъ нашъ извѣстившись, сказалъ. Получилемъ зъ Ромна указовъ канцелярийскихъ два: 1, о присилцѣ комиссаровъ полковихъ новихъ, 2, о висилцѣ козаковъ въ походъ. П. сотникъ лохвицкій писалъ, требуючи денегъ на товариство въ дорогу. Криштопенко, наказній сотникъ, подалъ чолобитную правителямъ, чтобъ въ походъ низовій ему не ити и о томъ зо мною уговорувался. Я подалъ доношеній двѣ въ канцеллярію: 1, о козакахъ хоружовскихъ, якъ би ихъ вислать, а 2, о ему Криштопенку, чтобъ онъ до своей коменди ехалъ. Романови тулиголовскому далемъ грошей на расходи зол. 25. Плетюнцѣ войтови казалемъ дать грошей майстру Андрѣю рублей 6, а тютюнпику рублей 5; а въ его гроши таковіе; за конѣ зол. 70, за горѣлку носатками виданную зол. пол. 70, итого 135 зол., опрочъ тихъ грошей, якіе доводятся за кухву, имъ теперъ шинкуючуюся. До зборщиковъ роменскихъ о видачѣ меду писалемъ роменской старшинѣ. До Билима писалемъ, о указѣ отъ его опублѣкованномъ, похваляючи его. До роменской старшини писалемъ о козакахъ мѣрними (?) ставшихъ, чтобъ ихъ въ походъ висилать, и до лохвицкого отписалемъ о грошахъ, требуючи виразнѣйшой резолюціи. Отъ Демяна получилемъ, что за горѣлку 5 зол. зълишкомъ взялъ. Отъ Гаврила о вовнѣ, въ Астраханѣ продаючойся добре. Меду зъ полтори куфи, доброго, розсичоного и играного, въ ліодовню зъ хати винесли.

9. Вчора былемъ у полковника Кошелева и зъ нимъ въ коллекгіи, где Кошелевъ предлагалъ о виижджихъ, будто помѣшателство чинячихъ въ зборахъ и наклади беручихъ; знову о доправкѣ грошей 20 р. у сотнички сенецкой предлагано. Былемъ у п. сотника глуховского и тамъ по нѣсколько чарокъ горѣлки випивши, отехалемъ домой. Грицка Петренка, лучанского козака, за досаж-

Библиотека "Руниверс"

деніе вдарилемъ. У п. Гречаного былемъ, а оттоль у Кошелева; Тарасу, молодикови, здани, на руки конѣ, ронди, шори, вози и оружже, и устроенъ подконюшимъ, о чомъ реестрикъ, составленній, данъ ему.

10. Шеверда отправленъ въ Роменъ, а черезъ его писано: 1, указъ до старшинъ объ учрежденіи сотника лохвицкого наказнимъ полковникомъ въ походъ; 2, до его жъ сотника лох. о томъ же; 3, до Билима о доправкѣ грошей 20 р. на сенецкой сотничцѣ, о чомъ и інструкцѣя приложенна; 4, до роменской старшини о продажѣ меду зборного вѣдеркою и о забороненіи другій медъ продавать до збуття сего; 5, до атамана роменского о доношеніи зборщицкомъ о виижджихъ; 6, до Дракганевского и Сухомузкого о рѣчахъ, заграбленнихъ его ворами; 7, до Романа, молодика, о зисканню гончара лубенского знову въ Роменъ, и о шорахъ и о козлинахъ; 8, о принужденіи Криштопенка въ походъ; 9, до Леонтія, о кадкахъ винничнихъ, жебы З въ Шабалиновѣ достать и прислать въ Роменъ; 10, до родителки о листѣ ясневел. и о приездѣ въ Роменъ еи зъ Сумъ. Доношеніе въ коллекгію Малой Россіи о томъ, что послалемъ указъ доправить на сотничцѣ сенецкой 20 р., поданно отъ мене. Романъ умовилъ тулиголовскій мѣрочника зробити ступникъ за 35 зол. четверикъ жита, полчетверика гречки, полпуда сала, перепустъ горѣлки. Ему жъ задатку далисмо грошей зол. 5. Василь и далъ. Артѣлній приходилъ. Былемъ у п. Гречаного и Кошелева.

11. Михайло Старій тулиголовскій приходилъ зъ супплѣкою, просячи будто недоданихъ грошей ему за тулиголовскій млинъ и проч. 300 зол. Отъ п. Федора Марковича писмо о курѣнчикахъ его, на якое до его отписалемъ и до нѣратинского атамана. Такожде до атамана роменского о калиновскихъ стрѣлцяхъ.

12. Раховалы реестра Остапа и Клима ключника; на Остапу доводячихся показалось грошей 220 зол., жита четвериковъ 8 и четверть 1, овса 4 четверики безъ четверти и солоду на цѣлій варъ и 3 четверти ячменю; а на ключнику явилось 43 зол. доводячихся. Былемъ въ коллекгіи и тамъ отвѣтъ учинилемъ въ

Библиотека "Руниверс"

требованномъ свѣдителствѣ въ справѣ князя Четвертенского. Далемъ Василеви грошей на купленне жита и на другіе потреби 150 зол. Далемъ въ судъ енер. свѣдителство протопопенку пѣратинскому въ справѣ его зъ Омеляномъ Таволгою, повстинскимъ, жителемъ. Савѣцкій писаръ пріехалъ въ Глуховъ. Слуга ясневелможной зъ Москви пріехалъ.

13. Ездилемъ въ винницю красногорскую, где по словамъ свинара показалось опоросившихся свиней 4, а поросятъ 24, порожнихъ зась 15, въ сажу 3 кабаны, а четвертій Островского Оттуду поехавши, заехалемъ до п. Федора и зъ нимъ видѣлемся. Зъ Овдоколля, отъ старости тамошнего, привезено дощокъ липовихъ 40 и барило олѣи. Зъ вой. енер. канцеляріи принесени укази 2: 1, о висилцѣ утекшихъ зъ прошлолѣтного походу козаковъ; 2, о висилцѣ скорой настоящого числа. При томъ листъ отъ правителей о висилцѣ Максимовича чорнуского сотника въ походъ низовій. Ездилемъ до склепу и вина осмотрувалемъ зъ п. Андрѣемъ, швакгромъ, и Стаховичомъ. Ключникови реестровъ 12 далемъ, бувшому Василеви Новѣцкому.

14. Неделя. У Кошелева на банкетѣ былемъ. Федко Бѣлополовскій зъ ключникомъ Климомъ пересипали зъ двохъ анталовъ вино у одинъ, итого теперъ вина 3 антали и 2 бочки. Указовъ 2 составили въ полкъ: 1, открито, о виходѣ въ походъ низовій, 2, листомъ о висилцѣ утѣкачовъ.

15. Черезъ засулского козака Семена Безпалчого отправлени тіе висшеписанніе подъ нумеромъ 14 числа укази до Билима, жеби онъ двома нарочними козаками отослалъ въ сотнѣ. Федко зъ Карпомъ и Федоромъ Бѣлополовскимъ поехали изслѣдовать о кгрунтахъ нашихъ, тутъ по близу вездѣ будучихъ, въ Ясмань, Чортории, Баничи, Землянку, Тулиголови и Бистрикъ. У засеймскихъ московскихъ людей, безъ битности Василя молодика, отехавшого зъ Федкомъ и прочіими, за розискомъ о кгрунтахъ, купилемъ жита четвериковъ 8, полъ четверика и полъ четверти, а особливе жита у ихъ же припахаючого купилемъ четвериковъ два; а тое першое жито куплено по 9 зол. четверикъ, сіе зась два четверики по 3

Библиотека "Руниверс"

копи, и того всѣхъ грошей заплатилемъ 92 зол. и 6 шаг., якіе гроши я отъ себе далемъ. Савѣцкій писаръ приходилъ ко мнѣ зъ Худолѣемъ, такъ же и Троцкій. Указъ получилемъ зъ канцелляр. о подводахъ до Гадяча, для отвозу провіянта въ Ахтирку, ради ландмилиціи. Войту Плетюнцѣ далемъ кадѣлницю срѣбную до церкви сварковской и книжокъ 2, молитовниковъ.

16. Панѣ Яковиная поехала въ Нѣжинъ. Рано былемъ у коллекгіи и тамъ доношеніе далемъ о меду зборномъ, что пудами нихто покупать не хочетъ, а вѣдерку настоящая цѣна 8 зол. и полъ 8, которое важитъ меду 74 фунта, а патока 77 фунтовъ. Промеморія зъ коллекгіи отправлена въ канцелярію о томъ, что архимандритъ новгородскій подалъ чолобитную въ коллекгію о греблѣ Удайской и о перевозѣ близъ Шабалинова будучомъ. Кодинецъ старій бувъ у мене и супилѣку подалъ о Строкачахъ и о пропалихъ его волахъ, будто отъ футорнихъ моихъ. У ключника взялемъ грошей зол. 100. Надсулній горошинскій зъ супилѣкою до правителей на мене явился. Зъ Дорофѣевичомъ о полѣ его розговорувалемъ у п. Левенца.

17. Черезъ сторожа сенецкого послании укази въ сотнѣ: 1, о виходѣ въ походъ низовій, 2, до старшинъ роменской, лохвицкой и лубенской, о торгованню иностранихъ купцовъ товарами, гуртомъ или на роздробъ, по якому опредѣленію? 3, о висилцѣ подводъ въ Гадячъ подъ провіянтъ, для отвозу оного въ Ахтирку. Писалемъ до роменской старшини, черезъ того жъ сторожа, о присланню сюда ляха Яна Мутяшевского за крѣпкимъ карауломъ. До п. Билима и до Маценка о висилцѣ козаковъ-писалемъ. До Романа молодика о присилцѣ риби вялой, 1000, купленной, тамъ въ Ромнѣ будучой. Въ войсковую енер. канцелярію доношенія послалемъ: 1, зъ пашпортомъ самимъ ляха Мутяшевского, въ сѣчѣ ему даннимъ, 2, отвѣтъ о виходѣ козаковъ въ низъ; 3, о Петренку лучанскомъ, ускаржаючомся на мене за побой; 4, о подводахъ въ Гадячъ, мѣвшихъ вислатись; 5, листъ за старостихою мутинскою до правителей; 6, о заводѣ хоролъскомъ зъ жалобою на обозного миргородского. Былемъ въ коллекгіи и доношеніе о томъ, что денги

Библиотека "Руниверс"

взять у сотники сенъчанской послалемъ указъ 20 р., подалемъ. Былемъ у п. Левенца, где и Надсулній явился. До Левенца коляску на двохъ пасахъ, въ позику. черезъ Тараса, послалемъ. Бувъ Максимъ, секретарь, у мене. Швакграмъ по штофу дано. Николай злотникъ приходилъ и принослъ до шаблѣ едной штучки срѣбраніе.

18. Черезъ Селецкого доношеній двѣ писалемъ въ войсковую канцеллярію: 1, о томъ, что економъ печерскій, пріехавши въ Смѣлое. остановку козакамъ въ виходѣ зъ домовъ ихъ въ походъ учинилъ. розискомъ чинячимся о землѣ ихъ; 2, о Надсулного чолобитной. что оная пенливая есть. Ездилемъ въ Сварковъ, где еренджерѣ (sic) дѣлать казалемъ. Оттоль въ футоръ Калюжновскій, где солодовникъ. Степанъ о полѣ своемъ на 500 копъ будто мѣючомся, говорилъ. же оное за 230 зол. отбираетъ кредиторъ. Получилемъ указъ зъ канцелляріи, зъ копѣю сенатскою указа, въ якомъ предложено новіе монаршіе укази, якіе належатъ къ опредѣленію вѣчному, тѣ печатать и отдавать, а которіе къ рекгляитамъ, тѣ къ рекгляментамъ. Воску по первой рахубѣ, въ пріемѣ лишнего надъ давній, показалось 3 круги, а всѣхъ круговъ 25, между которими одинъ малій, а два маленкихъ. Зварили меду 2 бочки неповнихъ.

19. Николаю злотнику заплатилемъ за шаблѣ 10 зол., а еще приходится 40 зол. Федоръ Іваповичъ Протасіевъ пріехалъ зъ Москви въ Глуховъ. Дядко зъ Ромна, а сорожъ лохвицкій отъ сотника лохвицкого, зъ писмами, пріехали. Савѣцкій писарь г. Протасіеву объ отдаленіи себе отъ правленія скаржился (зачеркнуто). Позичилемъ п. сотнику глуховскому спалнѣ своей, зъ Протасіевимъ поехавшому. Въ красногорской винницѣ приказалемъ нѣчого горѣлки не робыть.

20. Приступилъ (?) Федко зъ протчіими повернулись зъ дѣла розискного о кгрунтахъ. Михайло Надсулній приходилъ и при Бяловскомъ и прочіихъ, уступилъ претенсѣи за побытте надъ нимъ бывшее. Ездилемъ до Кошелева и простился. П. Федоръ Савичъ зъ Столповскимъ були.

21. Неделя. Надсулній Михайло, мужикъ горошинскій, до помѣркованія зо мною прійшолъ, которому далемъ грошей зол. 30

Библиотека "Руниверс"

и полъ 2 носатки горѣлки. Подѣ, за давній долгъ винній, заплатилемъ рубля. Прокуроръ Михайло Семеновичъ Хрущовъ повернулся зъ Сорочинецъ. Федко зъ Василемъ и прочіими оглядали бору, за Березою будучого, и тамъ, рубавшихъ дерево, уловили человѣка 4 зъ конми и сюда въ Глуховъ припровадили. Прокуроръ и Кошелевъ були у мене не вечоринцѣ. Получилемъ зъ Ромна писма, отъ Билима и Маценка, о виходѣ козаковъ на Артополоть. Отъ Петровского также зъ скаргою и доношеніемъ на чернуского сотника. Вѣсть прійшла, же Калнѣцкій умеръ Афанасій.

22. У ключника Клима взялемъ грошей рублей 20. Пуховиченку Івану долгу давнего заплатилемъ рублей 6, а 10 виноватъ. Зъ Іваномъ, Гетманенкомъ прозиваемимъ, мужикомъ села Гримячки, уловленнимъ въ пущѣ нашей и припроваженнимъ въ Глуховъ, зъ 4 конми, уговоръ стался: далъ онъ карту за подписомъ руки Худолѣевой, же мѣетъ зъ прочіими шкодцами всю шкоду въ томъ лѣсѣ нагорожати. Доношеній 3 въ канцеллярію послалемъ: 1, о виходѣ козаковъ зъ домовъ на степъ артополотскій и оттоль до барабашевого байраку, въ походъ низовій; 2, о полученіи указу о печатованіи указовъ во вѣчне надлежащихъ опредѣленіе, а которіе къ рекляментамъ, тѣ къ рекляментамъ; 3, о ляху Яну Мутяшевскомъ, которого въ Глуховъ припроваженъ; тамъ же и о подводахъ, бывшихъ въ Гадячомъ и отвезшихъ въ Ахтирку провіянтъ. Черезъ сторожа лохвицкого писалемъ: 1, до сотника наказ. смѣлянского и листъ правителскій, приложенній, послалемъ о непритяганіи къ розиску козаковъ, въ походъ наряженнихъ; 2, до Билима, о ляху, якій привезенъ потимъ въ Глуховъ зосталъ; 3, до сотника лохвицкого зъ отвѣтомъ о требуемихъ имъ грошахъ товариству; особливе, о утекшихъ и укрившихся отъ походу, жеби съ ихъ имѣнія иншихъ посилать; 4, о грошахъ же и до Григорія комисара, жеби видалъ, якъ належитъ. Куховъ 8 вимѣрили носатками и квартами и число носатокъ, такъ же и кварть виписавши на паперахъ, оніе къ куфамъ приклеили. Остапа, бывшого господара, отправилемъ отъ себе. Шапочникови шапку далемъ шить зъ чорного оксамиту и сѣрихъ баранковъ двохъ. Виехалемъ зъ

Библиотека "Руниверс"

Глухова въ Роменъ, а опроважали мене швакгрѣ и Стаховичъ. Заездилемъ въ Сварковъ. На ночъ въ футоръ Калюжновскій. Висшереченного Гетманенка мужика, по отданню отъ его мнѣ карти, отпустилемъ въ домъ его зъ конемъ еднимъ, а до учиненя отъ ихъ нагороди удержалемъ у себе коней ихъ же 3.

23. Въ футорѣ Калюжновскомъ рано торгъ учинился зъ каменщикомъ нѣмцемъ: здѣлать ему каминковъ два, а коменовъ простихъ 3; за тое дать ему денегъ 8 рублей, полъ четверика жита, полчетверти пшеничного борошна, гороху мѣрокъ 2, пшона 2 и крупъ гречанихъ 2, полпуда сала и такъ же соли, барановъ 2, 5 курей, 3 гусей, 4 утятъ, 60 квартъ горѣлки, 5 квартъ оковитои, барило пива, а матеряду 3500 цегли и 12 бочокъ вапни. Ниви солодовниковой, заставленной, осмотрували. У пасѣцѣ уздицкой бувши, видѣлемъ пчоли 162 своей, а рой 1 толко. Оттуду писалемъ до Кошелева и до п. Андрѣя о куплѣ крастьянина. До п. Андрѣя приложилемъ 5 пунктовъ господареви Василю, а 4 войту сварк. Нанічъ пріехалемъ въ пустинку Мутинскую.

24. Черезъ сторожа лукомского писалемъ до бурмистровъ путивльскихъ, заохочуючи ихъ куповати въ Ромнѣ медъ зборній. Виехалемъ зъ пустинки Мутинской по обѣдѣ и переѣхавши черезъ Сеймъ, пріехалемъ на ночъ на Кросна.

25. Рано оттоль поехавши, стрѣтилемъ Леонтія Янковского, Сухомузкого и Василя писаря, поехавшихъ въ Глуховъ зъ солдатомъ, взглядомъ ярмарковъ, въ которихъ бивали они виижджими. Пріехалемъ на обѣдъ въ Смѣлое, где указъ послалемъ до Бондауся, Остапа, Степана, Анцибура, козака смѣловского, въ колодки забивши провадить до табору. Пріехалемъ на ночъ въ Роменъ.

26. Родителка до Бубновъ поехала. Зборщики моего шинкара за друкъ посадили. Карпа, Романа и Тараса послалемъ въ Кущупѣевщину конѣ переписать.

27. Прапорщикъ обѣдалъ у мене зъ судіевичемъ Василемъ. Указъ о меду послалемъ лубенскимъ сторожемъ во всѣ сотнѣ и о козакахъ—лохвицкимъ сторожемъ.

Библиотека "Руниверс"

28. Недѣля. Доношеніе въ коллекгію о віижджихъ и писмо до Кошелева, швакгра п. Андрѣя и своей жени послалемъ черезъ сторожа Коваля. Маценко Антонъ пріехалъ зъ Яновскимъ и донесли, что 26 юня зъ Сухого Артополоту полкъ рушилъ въ походъ.

29. Петра и Павла. Праздновали до шуму. Орановскій прислалъ зъ Сухоносовки 2 фаски масла и вовни ярочой рунъ 120, а на тую жъ подводу послали туда 2 мѣри соли и 450 риби вялой. Брати зъ Кіева пріехали.

30. Доношеній 2 послалемъ въ вой. канцеллярію: 1, черезъ Соколничого о писмахъ ляха Яна Мутяшевского, а 2, черезъ Маценка, о вишедшихъ козакахъ и рушившихъ въ походъ зъ Сухого Артополоту 26 юня. Зъ Глухова отъ моей сожителници писмо принесено, въ якомъ обявляетъ о 16 рубляхъ, взятихъ у поддаиихъ черничихъ, за шкоду въ бору починенную; также и о меду 16 вѣдеркахъ прѣсномъ, присланномъ туда. Соколничій, зъ Лескомъ сторожемъ, посланъ въ Глуховъ, а черезъ нихъ писано до Кошелева, Левенца, Артѣлного, которому и коня послано жъ и до моей..... (?) Указъ зъ войсковой канцеллярiи принесенъ о запрѣщеніи всѣмъ дѣлать въ отиздѣ своемъ въ полскіе сторони, смалъцуги. До комиссара Вишневского писалемъ, информуючи его, якъ поступить у Гавронцяхъ, и полѣцаючи инструкцѣю, данную Григорію, отобрати.

Юль. 1. Іванъ Ющенко отправленъ къ сотнику лохвицкому, зъ листомъ и інструкцѣею объ изслѣдованіи козаковъ настоящого числа, также 73, мѣючихъ отъ Царицина повернутись и утѣкачовъ. Ігуменія Флоровская, гостивши здесь, отехала.

Капитанъ Бранчинъ, отправленній зъ Глухова въ Сорочинцѣ. заехалъ въ Роменъ и билъ у мене. П. Романовичу конь данъ. Зъ куховъ горѣлки моей трохъ, 4 меншихъ Романъ учинилъ. Сторожъ сенецкій пріехалъ зъ отвѣтами отъ всѣхъ старшинъ о подводахъ, отпроводившихъ въ Ахтирку провіянтъ и о висланнихъ въ походъ козакахъ. Сторожъ лохвицкій отъ сотника лохвицкого пріехалъ зъ писмомъ о недосталнихъ.

Библиотека "Руниверс"

2. Сенецкій сторожъ, посиланній зъ указами въ сотнѣ, о висилцѣ козаковъ на низъ и о висланню подводъ въ Ахтирку, повернулся зъ отвѣтами, въ якихъ исполненіе обоихъ интересовъ выражено *(зачеркнуто)*. Дроздъ чорнусскій, сотникъ наказний, бувъ у мене и отехалъ; бувъ зъ писмомъ сотника чорнусского, рекомендуючимъ его. Ездилемъ въ пасѣку свою, на Плавинище, где всѣхъ пчолъ показалось 28, а протчіе пропали, и роевъ 8. Принесенъ указъ въ вой. енер. канцелл. о недѣланіи смалъцуги здешними обивателми, отездомъ ихъ въ полскихъ краяхъ. Указъ послалемъ въ сотнѣ о звезенню дерева на имбари для зборного хлѣба. Ясневелможная зъ Петромъ Петровичомъ (Толстымъ) пріѣхали въ Глуховъ.

3. Указовъ 2 послалемъ въ сотнѣ: 1) о недѣланіи смалъцуги etc., противъ висшереченного; 2) о недочотѣ козаковъ до указного числа, которий зъ вѣденія сотника лохвицкого присланного ко мнѣ, показался. Писма въ Глуховъ черезъ ямщика послани и барилце свѣжихъ огурковъ, а писма въ коллегію объ опредѣленнихъ бревнахъ на имбари для зсипанія хлѣба; 3) доношеніе Волжиново о справѣ Лукяна Свѣчки; 4) доношенія въ вой. канцел. о полученнихъ указахъ, прежде и о семъ, что о смалцузѣ; 5) о томъ въ оную жъ канц., же жиди и протчіе купци по давнему поведенію, гуртомъ и на роздробъ торгуютъ; 6) листъ до правителей, о грошахъ посланнихъ 200 зол., отъ людей лучанскихъ; 7) о томъ же до Бяловского; 8) до правителей, листъ отвѣтній о вѣденіи грошей на церковъ печерскую окладнихъ; 9 и 10) до ясневелможной писемъ двѣ. Намѣстникъ повернулся зъ Сенчи, куда за 20 р. до сотнички ездилъ и обявилъ, что противна указу учинились и на писмѣ далъ. Сіе устроивши, поехалемъ полюючи, до Кучупѣевщини, и тамъ на ночлѣгъ пріѣхалемъ, и тамъ ночовалемъ.

4. Зъ Кучупѣевщини на обѣдъ пріѣхалемъ въ Роменъ. Писма 2 правителскіе дани: 1) о присланню коней ляха Яна Мутяшевского, 2) о протестѣ писара Савѣцкого, жеби селъ у него не отнимать и до его не интересоватись. Сторожъ Коваль зъ Глухова повернулся.

Библиотека "Руниверс"

5. Неделя. Послалемъ указъ до лукомлъского сотника о виданню коней ляховихъ посланному, а до лохвицкого, чтобъ суди ярмарковіе отправилъ и чтобъ отослалъ комисара въ Нѣжинъ, до Каратаева; Котлубаеви указъ далъ ехать въ Сенчу и привезти сюда сотниченка и Лукянця. Ему жъ данъ указъ належачій. . . . . (?) на сотничество наказное. До Адама писали о продажѣ тютюну, хочай на базарѣ торгуючи, а если покупу не будетъ, то зложить где, а самому за масло и горѣлку покупивши полѣценніе рѣчи, вернутись.

6. Отъ лубенского атамана получилемъ отвѣтъ, что все товариство по указу въ нинѣшній походъ виправлено. Супплѣка до архиерея о отцу Іоанну. . . . . (?). Козакъ зъ Глухова пріехалъ зъ писмами п. Скоропадского и моей панеи etc.

7. Коваль посланъ въ Глуховъ зъ писмами до панеи и Янковского. Зборщикъ Алексѣй и Павелъ Прядка дали писма на себе, что нѣчого не говорили противного до мене касаючогося. Занковскій зъ указомъ до Стефана лубенского отправленъ о заплатѣ людямъ за четверти. Вишневскій, комисаръ полковій, повернувшись зъ Гавронецъ, показовалъ квѣтанціи офѣцеровъ полку Інгермоландского о взятихъ денгахъ у его за раціони, якіе во время каналной роботѣ доводились по указу коллегіи Малой Россіи.

8. Янковского и ямщиковъ, по жалобѣ баби Устѣ, судили и показался виноватъ висше всѣхъ Петруша ямщикъ. Василецъ хлопецъ и Залюбовскій пріехали отъ пана род. з . . . . . (?) Архиерея кіевского архіепископа Варлаана Ванатовича стрѣтилемъ, которій не похотѣвши близъ города стати, близъ Гарасимовки сталъ. Кухву горѣлки взялъ засулскій человѣкъ за 80 зол, а покуховного полопину то есть 5 зол. намъ, а 5 ему заплатить. Іванъ Юшенко повернувся отъ табору зъ писмами и зъ реестромъ козаковъ всѣхъ.

9. Сторожъ лубенскій пріехалъ зъ писмомъ и двома инквизиціями и зъ реестромъ, виправленнихъ на низъ козаковъ отъ сотника лубенского. Романъ поехалъ въ Лохвицю, Сухоносовку и Лубнѣ, и взялъ кухву горѣлки зъ собою въ Сухоносовку и 9 трубъ до казановъ направить. Отъ Занковского получилемъ писмо, въ которомъ за подписаніемъ своей и Михайла, бывшого ревизора, рукъ,

Библиотека "Руниверс"

обявляетъ, что надзиратель говорили себе о мнѣ нѣчого не слишавшаго въ противности. Сторожъ лубенскій зъ указомъ въ сотнѣ ром., смѣл., глин., лохв., чор. и лубен., о присилцѣ оттуду реестровъ обстоятелнихъ, виражаючихъ особливо настоящое число товариства въ низъ висланного, особливе мѣючихъ отъ Царицина повернутись, особливе утѣкачовъ. Въ томъ же указѣ и о висилцѣ на вздогонъ осталнихъ и несущихъ до указного числа. Попи роменскіе составили чолобитную до архіерея о протопопіи . . . . . (?) Ездилемъ до архіерея и самого не видѣвши, зъ консисторийстами просидѣлемъ. Указъ зъ коллекгіи принесенъ, если хто схочетъ вибирать денги зъ цигапъ, 200 р. зъ наддачею, тотъ би явился въ коллекгіи зъ прійдучого 1725 году.

10. Сотникови наказному роменскому далемъ указ. 2, чтобъ онъ послалъ въ сотнѣ нарочнимъ кимъ: 1, о присланню реестровъ зъ сотенъ нѣкоторихъ о козакахъ, въ низовій походъ коммендерованнихъ; 2, указъ объ откупѣ атаманства цигапского, якое теперъ Михайло глуховскій держитъ. Въ Глуховъ послалемъ доношеніе о сборщикахъ, обидившихъ людей. Отвѣтъ послалемъ до правителей о Савѣцкомъ. Лукяпця, бывшого зборщика сенецкого, припроваженного въ Роменъ, за противность указови объ отдачѣ денегъ отъ сотниковой сенецкой 20 р. показанную, по прошенію прапорщика Волжина и Нелидова, отпустилемъ. Коваль сторожъ зъ Глухова повернулся зъ писмами отъ паней моей и п. Скоропадского. Поехалемъ въ Куцупѣевщину и оттуду позно въ Андрѣевку, хотячи на другой день бить въ Андріяшовцѣ у господина генерала Девейзбаха, которій о полуднѣ отехалъ въ полкъ прилуцкій.

11. Въ Андрѣевцѣ обѣдалемъ. До енерала писалемъ и писмо родителское послалемъ черезъ Важниченка. Тамъ же бувъ Кулиній, которій мѣлъ завести—поки онъ продалъ своего степу родителеви, где стали Андрѣяшовцѣ косить теперъ, у которихъ и коси побрати. Для того розезду пріехали Василь Дяченко, Василь сотникъ наказ. глинскій и атаманъ роменскій Василь Гѣня. Але приказчикъ Андрѣяшовскій не пріехалъ, и такъ нѣчого нездѣлавши отехали. Тогда жъ и перекоповчане були. Я оттуду отехавши, приехалемъ къ ар-

Библиотека "Руниверс"

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій, Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в. Изд. Савицкихъ. Кіевъ. 1890. 8° 223 + XVIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. Кіевъ. 1890. Ц. 25 к.

Я. Шульгинъ. Очеркъ коліивщины. К. 1890. 8° 209 стр. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 кн. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Кн. 5-я Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.

Библиотека "Руниверс"

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „Кіевскую Старину“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Кузнечная № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель К. М. Гамалѣй. **За редактора Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ 8-го октября 1891 г.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXV. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Тревожные годы. Очеркъ изъ общественной и политической жизни г. Кіева и юго-западнаго края въ 1811—1812 гг. Пожарные тревоги.** (Окончаніе). О. Левицкаго (170—194).

II. **Очерки Переяславщины.** А. Стороженка (195—215).

III. **Изъ исторіи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссіи.** Ал. Лазаревскаго (216—231).

IV. **Путешествіе Императрицы Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г.** Г. В. Есипова. (232—245).

V. **Кіевскій воевода П. В. Шереметевъ и нѣжинскій магистратъ (1666—1669 гг.).** В. Эйнгорна (246—258).

VI. **Табачная контрабанда среди кіевскихъ мѣщанъ.** А. А. (257—266).

VII. **Къ исторіи апокрифическихъ сказаній.** Мирова (267—275).

VIII. **Записки Михаила Чайковскаго (Садыкъ-паши).** XI. (276—291).

IX. **Документы, извѣстія и замѣтки. Памятники козацкой старины въ музеѣ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей.** Н. Б. **Свѣдѣнія о задунайскихъ запорожцахъ въ 1826 году.** А. Л. **Къ исторіи церквей г. Остра.** А. Л. **„Письмо—Апокрифъ".** Собщ. Хр. Ящуржинскій. **Великорусскіе чиновники въ Кіевѣ въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія.** В. Щербины. **Письмо Н. Д. Юркевича къ прот. П. И. Катранову. Дѣло о П. И. Богдановичѣ, типографщикѣ и переводчикѣ „Монтюглевой" Исторіи математики.** Николая Сторожевскаго. (292—312).

X. **Библіографія. Сборникъ извѣстій, относящихся къ мѣстной антропологіи.** В. А. **Изданія статистическихъ комитетовъ южной Россіи въ 1891 г.** Р. И. А. Шляпкинъ. **Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.).** Ал. Маркевича. **Городъ Кременчугъ. Историческій очеркъ Ѳ. Д. Николайчика.** Н. В. **Труды четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18-е августа 1877 г. Т. II.** И. Каманина. **Юридическія воззрѣнія и обычаи крестьянъ сѣверо-западнаго края, преимущественно кіевской губерніи.** М. Довнаръ-Запольскаго. **Обозрѣніе журналовъ** (313—344).

Объявленія (1—6).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, нерологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одежды, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Библиотека "Руниверс"

ТРЕВОЖНЫЕ ГОДЫ.[1]

Очерки изъ общественной и политической жизни г. Кіева и юго-западнаго края въ 1811—1812 гг.

I. ПОЖАРНЫЯ ТРЕВОГИ.

(ОКОНЧАНІЕ).

Легко представить, какимъ невѣроятнымъ стѣсненіямъ должно было подвергнуться, благодаря всѣмъ этимъ затѣйливымъ канцелярскимъ измышленіямъ, населеніе огромнаго края, къ тому же не пріученное предшествующей исторической жизнью ни къ паспортамъ, о которыхъ народъ и слухомъ не слыхалъ въ недавнюю пору польскаго владычества, ни вообще къ какимъ либо формамъ государственнаго вмѣшательства въ дѣло народнаго передвиженія. Какъ на то, всѣ эти строгости начались въ такое именно время, когда передвиженіе въ краѣ было особенно интенсивно: съ одной стороны, среди южно-русскаго населенія все еще продолжалось старое колонизаціонное движеніе, столь хорошо памятное въ исторіи предыдущихъ вѣковъ, только теперь, подъ вліяніемъ измѣнившихся обстоятельствъ, оно направлялось не на востокъ, какъ прежде, а на югъ, въ привольныя степи Новороссіи; съ другой—недавно передъ тѣмъ совершившіяся политическія перемѣны въ положеніи края, замѣтно усилившійся крѣпостной гнетъ, стремленіе помѣщиковъ закрѣпостить дотолѣ вольныхъ людей, появленіе въ югозападныхъ губерніяхъ рус-

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1891 г., № 10.

Библиотека "Руниверс"

скаго землевладѣнія, упадокъ однихъ и возникновеніе другихъ промысловъ и т. под.—все это создавало цѣлый рядъ поводовъ къ безпрестанному передвиженію не однихъ только крестьянъ, но и представителей другихъ общественныхъ классовъ, почувствовавшихъ себя въ необходимости приспособиться къ новымъ условіямъ экономической жизни. Не трудно представить, какъ мало должно было благопріятствовать этому искони привычному передвиженію неожиданное превращеніе въ цѣломъ краѣ селъ, мѣстечекъ и городовъ въ какіе-то сторожевые полицейскіе посты съ опущенными шлагбаумами, закрытыми въѣздами и выѣздами, дневными и ночными караулами и даже съ записными обо всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ тетрадями! Плохо приходилось тогда бѣднымъ людямъ, уходившимъ на заработки или на переселеніе, бѣглымъ крестьянамъ, искавшимъ лучшей доли, многочисленнымъ въ то время дезертирамъ, толпами бѣгавшимъ отъ тягостей непривычной военной службы, разнаго рода торговцамъ и промышленникамъ, разносившимъ или развозившимъ по деревнямъ свои издѣлія и товары, ремесленникамъ, искавшимъ работы, и даже нищимъ, побиравшимся Христовымъ именемъ. Но немногимъ лучше было и положеніе привилегированныхъ сословій въ ту смутную пору погони за призракомъ. Представимъ только, каково было путешествовать въ то время хотябы и знатному шляхтичу, даже обладающему надлежащимъ паспортомъ, но выѣхавшему за предѣлы своей околицы. Вотъ онъ подъѣзжаетъ къ лежащему на пути селенію и видитъ, что въѣздныя ворота закрыты и при нихъ стоятъ караульные съ внушительными дубинами на плечахъ. Его останавливаютъ, опрашиваютъ: кто онъ, откуда, куда ѣдетъ и проч., и такъ какъ не знаютъ его лично, то требуютъ паспортъ. Но среди караульныхъ не оказывается ни одного грамотнаго, поэтому пріѣзжаго приглашаютъ обождать и посылаютъ за сотскимъ, который не всегда, конечно, находится дома и точно также далеко не всегда оказывается грамотнымъ. Въ самомъ счастливомъ для проѣзжаго случаѣ, т. е. когда сотскій—грамотный или имѣетъ при себѣ грамотнаго человѣка, дѣло ограничится только болѣе или менѣе продолжительною задержкою, во время которой будутъ

Библиотека "Руниверс"

вписывать въ шнуровую тетрадь имя и званіе проѣзжаго, откуда и куда онъ ѣдетъ, по какому паспорту и проч., а равно его примѣты, костюмъ, масть лошадей, примѣты его кучера и вообще, согласно инструкціи, „все, что только у проѣзжающаго и на проѣзжающемъ примѣтить можно". Послѣ этого его пропустятъ, а чрезъ 2—3 версты, у воротъ слѣдующаго селенія, онъ снова долженъ подвергнуться такому же мытарству. Конечно, при подобныхъ безпрестанныхъ задержкахъ путешествіе становится почти невозможнымъ, если даже предположить, что каждая встрѣча съ карауломъ обойдется безъ недоразумѣній. Но горе путнику, если онъ встрѣтитъ не въ мѣру усерднаго или подозрительнаго блюстителя сельскаго благочинія, которому представится что-нибудь „сумнительное" въ его документѣ или въ наружности, костюмѣ, формѣ экипажа, наконецъ, въ масти и примѣтахъ его лошадей! Тогда его „пристойно упросятъ, дабы онъ обождалъ", пока сотскій дастъ о немъ знать сельскому начальнику, а этотъ—нижнему земскому суду или же исправнику, и пока отъ послѣдняго получится „резолюція". И благо еще, если резолюція окажется благопріятной, т. е. послѣдуетъ приказъ о пропускѣ; въ противномъ случаѣ заподозрѣнному путешественнику придется отправиться въ повѣтовый городъ, а оттуда, пожалуй, за карауломъ и въ губернскій или же непосредственно къ генералу Эртелю. Подобныя прискорбныя недоразумѣнія случались въ то время сплошь и рядомъ и дорого обходились несчастнымъ жертвамъ, при всей очевидности ихъ полной непричастности къ какимъ либо законопреступнымъ дѣяніямъ. Представимъ нѣсколько примѣровъ.

Чиновникъ XIV-го класса Ржеплинскій, подканцеляристъ Ляквишъ и корнетъ Гриневичъ отправились какъ-то въ богуславскій (что нынѣ каневскій) повѣтъ погостить у тамошнихъ помѣщиковъ, поиграть съ ними въ карты и вообще пріятно провести время. Въ одномъ селеніи они были задержаны и хотя имѣли надлежащіе документы, удостовѣрявшіе ихъ личности, но въ чемъ-то были заподозрѣны сотскимъ и представлены въ Богуславъ. Тамошній городничій приказалъ обыскать ихъ, при чемъ между ихъ вещами найдены

Библиотека "Руниверс"

были порохъ съ сѣрою и разныя „для игранія въ карты и кости обманнымъ образомъ вещи“. Заключивъ по этому, что имѣетъ дѣло съ поджигателями, городничій велѣлъ заковать ихъ въ кандалы и подъ крѣпкимъ карауломъ отправилъ при рапортѣ къ кіевскому военному губернатору, равно какъ и возившаго ихъ еврея-извощика. Болѣе двухъ мѣсяцевъ несчастные любители картежной игры томились въ тюрьмѣ, терпя голодъ и холодъ, пока объ нихъ наводились справки, въ концѣ концовъ вполнѣ подтвердившія данныя ими при слѣдствіи показанія объ ихъ прежней службѣ и вообще объ ихъ личностяхъ. Но и послѣ того не наступилъ конецъ ихъ невзгодамъ. Когда дѣло объ нихъ поступило на окончательное рѣшеніе къ губернатору, послѣдній положилъ слѣдующую резолюцію: „хотя изъ показаній сихъ людей, какъ и изъ прочаго, ничего не открывается подозрительнаго, а видно только, что люди сіи занимаются большею частью картежною игрою; но поелику указомъ 1798 года, 18 февраля, велѣно всѣ уголовныя изслѣдованія, хотябы и виновный не былъ открытъ, отсылать въ судебныя мѣста, а изъ оныхъ въ судебныя палаты для обревизованія, то посему и сіе производство я препровождаю въ кіевское губернское правленіе для поступленія по сему законоположенію“. На основаніи этой резолюціи губернское правленіе постановило: передать дѣло въ богуславскій повѣтовый судъ и отправить туда подсудимыхъ, такъ какъ они были задержаны въ томъ повѣтѣ. Такимъ образомъ нашимъ игрокамъ предстояло вторично отправиться подъ карауломъ въ Богуславъ, и только по особому снисхожденію къ ихъ слезнымъ прошеніямъ М. А. Милорадовичъ разрѣшилъ судить ихъ въ кіевскомъ, а не въ богуславскомъ повѣтовомъ судѣ. Конечно, ихъ оправдали.

Въ м. Ставищахъ былъ задержанъ итальянскій выходецъ Антоніо Ріо, у котораго въ повозкѣ не оказалось ничего подозрительнаго, а найдены были только коробки съ картинами и разнымъ мелкимъ товаромъ. На допросѣ въ таращанскомъ нижнемъ земскомъ судѣ онъ показалъ, что болѣе восьми лѣтъ ѣздитъ по разнымъ россійскимъ городамъ для продажи эстамповъ, въ 1804 г. принялъ россійское подданство и приписался

Библиотека "Руниверс"

къ мѣщанамъ г. Житомира, въ удостовѣреніе чего предъявилъ паспортъ, выданный ему изъ житомирскаго магистрата. Но таращанскій исправникъ не далъ вѣры ни показаніямъ Ріо, ни предъявленному имъ документу: онъ составилъ себѣ убѣжденіе, что предъ нимъ находится не кто иной, какъ извѣстный поджигатель Антонъ нѣмецъ, который, по показанію Тршалковскаго, состоитъ начальникомъ партіи, или десятникомъ, въ шайкѣ Пашковскаго; поэтому онъ велѣлъ заковать его въ кандалы, вытребовалъ изъ таращанской инвалидной команды „исправнаго“ унтеръ-офицера и при „довольномъ количествѣ провожатыхъ“ отправилъ его въ Кіевъ. Къ счастью для Ріо, его хорошо знали въ Кіевѣ и потому ему не долго пришлось томиться подъ стражей: на докладѣ объ немъ губернаторъ Милорадовичъ положилъ такую резолюцію: „Ріо извѣстенъ здѣшнимъ многимъ купцамъ, знающимъ его съ хорошей стороны по продажѣ эстамповъ, и не подвергается никакому подозрѣнію; посему предписываю освободить его изъ-подъ караула и возвратить паспортъ“.

Вообще плохо приходилось тогда иностранцамъ—разнаго рода техникамъ, музыкантамъ и т. под., являвшимся въ Россію по приглашеніямъ помѣщиковъ,—ихъ арестовывали на каждомъ шагу и, несмотря на предъявляемые ими законные паспорты, отправляли въ Кіевъ въ слѣдственную о пожарахъ коммиссію или же прямо къ генералу Эртелю. Въ ноябрѣ того же 1811 года въ звенигородскій нижній земскій судъ явился австрійскій подданный Вонцель Мицель для посвидѣтельствованія выданнаго ему на радзивиловской пограничной заставѣ кордоннаго свидѣтельства на право въѣзда въ предѣлы Россіи. А надо сказать, что незадолго предъ тѣмъ разослано было циркулярное предписаніе генерала Эртеля относительно поимки двухъ иностранныхъ ксендзовъ Бенедикта Закони и Антонія Сонети, задержанныхъ по подозрѣнію (со словъ Тршалковскаго) въ поджогѣ м. Бершада и вообще въ принадлежности къ шайкѣ Пашковскаго и бѣжавшихъ изъ-подъ стражи. Присмотрѣвшись къ явившемуся иностранцу, звенигородскій исправникъ нашелъ, что онъ „довольно сходственъ“ по примѣтамъ съ однимъ изъ

Библиотека "Руниверс"

этихъ ксендзовъ, именно съ Бенедиктомъ Закони, въ особенности тѣмъ, что, подобно послѣднему, „притворяется, будто не знаетъ говорить языками русскимъ и польскимъ“. Обыскавъ Мицеля, исправникъ нашелъ у него какую-то „грамоту“ и „вѣрши“ (стихи) на нѣмецкомъ языкѣ, и это еще болѣе усилило его подозрѣніе. Тогда онъ началъ „секретнымъ образомъ испытывать“ Мицеля: „не онъ ли самый есть ксендзъ Закони“?—„съ приличнымъ къ открытію истины усовѣщаніемъ“. Но упорный нѣмецъ никакъ „не хотѣлъ въ томъ виниться“. а все твердилъ, что онъ вовсе не ксендзъ, а пивоваръ, что отобранная отъ него грамота на нѣмецкомъ языкѣ есть не что иное, какъ удостовѣреніе, данное ему въ Австріи отъ пивовареннаго „мастера“ Юзефа Корстора въ томъ, что онъ Мицель „изученъ пивоварству“, а „вѣрши“ писалъ онъ самъ „для забавы“, что вышелъ онъ въ Россію съ товарищемъ Фридрихомъ Клингомъ для пріисканія службы по пивоваренному ихъ мастерству, и что Клингъ уже получилъ мѣсто на заводѣ князя Яблоновскаго въ сквирскомъ повѣтѣ, а самъ онъ отправляется на службу въ другой заводъ того же князя, въ м. Лысянку. Исправникъ и слушать ничего не хотѣлъ: теперь онъ окончательно убѣдился, что въ его рукахъ находится ксендзъ Бенедиктъ Закони, а подъ видомъ пивовара Клинга скрывается не кто иной, какъ его соумышленникъ, ксендзъ Антоній Сонети, вмѣстѣ съ нимъ бѣжавшій изъ-подъ стражи. Чѣмъ всего болѣе бѣдный нѣмецъ „подалъ явное на себя сумнѣніе почесть его вышеписаннымъ ксендзомъ Бенедиктомъ Закони“,—такъ это „перемѣною лица и трясеніемъ цѣлаго корпуса“, когда ему было объявлено, что его отправятъ въ слѣдственную коммиссію генерала Эртеля: будь онъ на самомъ дѣлѣ честный пивоваръ. а не поджигатель-ксендзъ, чего бы ему такъ страшиться свиданія съ генераломъ! И точно, несчастнаго Мицеля заковали въ кандалы и подъ конвоемъ отправили не въ Кіевъ къ губернатору, а непосредственно въ Могилевъ на Днѣстрѣ, гдѣ въ то время находилась главная квартира Эртеля; а относительно поимки именующаго себя Фридрихомъ Клингомъ сообщены были надлежащія указанія мѣстной полиціи.

Библиотека "Руниверс"

Если не въ мѣру ретивое полицейское усердіе не затруднилось въ данномъ случаѣ нѣмцевъ пивоваровъ превратить въ италіанскихъ патеровъ, то какова же была радость черкасскаго земскаго исправника Бутовича, когда къ нему привели двухъ настоящихъ италіанскихъ „ксендзовъ“, Антоніо Сигнайго и Якоба Молини, задержанныхъ управителемъ одного имѣнія, къ которому они заѣхали съ прошеніемъ о милостынѣ! Оба они назвали себя италіанцами, уроженцами южной Швейцаріи, иноками С.-Бернардскаго монастыря, что въ Альпахъ, посланными въ Россію и Польшу для испрошенія милостыни, и предъявили цѣлую массу письменныхъ свидѣтельствъ о своихъ личностяхъ, въ томъ числѣ паспорты, выданные имъ изъ иностранной коллегіи, за подписью министра иностранныхъ дѣлъ графа Румянцева. Кромѣ того они заявили, что уже не въ первый разъ пріѣзжаютъ въ Россію за подаяніемъ, и что ихъ хорошо знаютъ весьма многіе помѣщики кіевской губерніи. Но исправникъ всему этому не придалъ никакого значенія; ему показалось подозрительнымъ, что 1) фамилія патера Антоніо въ россійскомъ паспортѣ написана *Синего*, а во французскомъ и въ другихъ бумагахъ *Сигнайго*; точно также Якобъ въ россійскомъ паспортѣ названъ *Малинно*, а въ другихъ документахъ *Молини*; 2) оба они назвали себя „ксендзами“, а въ россійскихъ паспортахъ не поименованы таковыми; 3) у Антоніо на правомъ вискѣ примѣтенъ какой-то шрамъ, „уповательно, отъ палашнаго удара знакъ“, и 4) объявляютъ себя посланными для испрошенія на монастырь подаянія, а при нихъ, кромѣ 55-ти рублей ассигнаціями и пароконной брички съ вещами, ничего болѣе не оказалось. На этомъ основаніи исправникъ распорядился отправить обоихъ иностранцевъ подъ строгимъ карауломъ въ Кіевъ къ военному губернатору, а послѣдній велѣлъ передать ихъ въ вѣдѣніе слѣдственной о пожарахъ коммиссіи. Это было настоящимъ благодѣяніемъ для бѣдныхъ иностранцевъ: въ Кіевѣ они лично были извѣстны предсѣдателю главнаго суда Проскурѣ, губернскому маршалку графу Потоцкому, графу Ржевускому, полковнику Марченку и другимъ польскимъ и даже нѣкоторымъ малороссійскимъ помѣщикамъ, отъ которыхъ

Библиотека "Руниверс"

въ прежніе пріѣзды они получали подаяніе; да и въ коммиссіи засѣдали лица болѣе разсудительныя, нежели чины уѣздной полиціи. Антоніо Сигнайго спросили о происхожденіи шрама на его вискѣ, и онъ объяснилъ, что это слѣдъ ушиба, полученнаго имъ въ дѣтствѣ при паденіи со скалы; а относительно незначительной наличности оказавшихся при нихъ денегъ, оба арестанта дали показаніе, что за нѣсколько дней до ихъ задержанія они отправили въ свой монастырь нѣсколько сотъ червонцевъ чрезъ чигиринскаго помѣщика Чикоцкаго, уѣхавшаго во Францію. Разсмотрѣвъ въ подробностяхъ обстоятельства даннаго дѣла, коммиссія дала заключеніе, что ни Сигнайго, ни Молини не возбуждаютъ противъ себя никакого подозрѣнія, на основаніи чего губернаторъ приказалъ освободить ихъ изъ-подъ стражи и выдать имъ паспорты.

Радовались с.-бернардскіе патеры, что имъ удалось такъ сравнительно благополучно избавиться отъ напасти, пробывъ подъ стражей всего лишь три мѣсяца, и не помышляя уже болѣе о сборѣ милостыни, спѣшили поскорѣе удалиться изъ предѣловъ негостепріимной страны; но радость ихъ была преждевременна: едва отъѣхали они отъ Кіева сотню-другую верстъ, какъ въ одномъ селеніи махновскаго (нынѣ бердичевскій) повѣта ихъ снова задержали и представили мѣстному исправнику. Здѣсь опять ихъ подвергли обыскамъ, допросамъ и секретнымъ выпытываньямъ: не они ли тѣ самые ксендзы, что подожгли Бернадъ и потомъ бѣжали изъ-подъ караула? Напрасно несчастные патеры объясняли, что они уже были судимы по тому же самому подозрѣнію въ кіевской слѣдственной коммиссіи, но оправданы, въ удостовѣреніе чего ссылались на помѣты, сдѣланныя на ихъ паспортахъ: „по сему пашепорту означенный N былъ задержанъ въ городѣ Кіевѣ по велѣнію начальства, нынѣ по разрѣшенію отъ онаго уволняется въ свое отечество. 27 декабря, 1811 года. Полиціймейстеръ и кавалеръ Сталинскій". „Сей пашепортъ у меня явленъ и въ книгу подъ № такимъ-то записанъ. Кіевъ, декабря 28, 1811 года. Чрезъ шлагбаумъ пропустить. Комендантъ Массъ"—ничто не помогало! Исправникъ рѣшилъ, что „хотя по таковымъ обстоятельствамъ не можно

Библиотека "Руниверс"

взять настоящаго сомнѣнія въ сихъ ксендзахъ", но въ разсужденіи предписанія генерала Эртеля о поимкѣ бѣжавшихъ ксендзовъ, онъ и этихъ обязанъ задержать и донести о нихъ въ кіевское губернское правленіе, съ просьбою забрать гдѣ слѣдуетъ справку: „точно-ли означенные ксендзы были въ Кіевѣ освобождены, и нѣтъ ли какова сомнѣнія въ дальнѣйшемъ ихъ проѣздѣ, а также могутъ ли они за сими пашепортами быть пропущены чрезъ пограничную стражу для дальнѣйшаго ихъ слѣдованія въ свое отечество, или должны испросить особые пашепорты, и далѣе какъ съ ними поступать?" Чтобы разсѣять поскорѣе это нелѣпое недоразумѣніе, задержанные сами просили исправника послать на ихъ счетъ въ Кіевъ эстафету и уплатили за оба конца установленные прогоны. Но въ Кіевѣ, какъ видно, не очень торопились успокоить черезчуръ подозрительнаго махновскаго исправника, а тѣмъ временемъ несчастныхъ патеровъ постигла совершенно неожиданная участь. Дѣло въ томъ, что исправникъ, въ ожиданіи отвѣта изъ Кіева, затруднялся рѣшеніемъ вопроса: куда бы помѣстить столь важныхъ арестантовъ такимъ образомъ, чтобы они „не могли имѣть ни съ кѣмъ связи и разговоровъ" и не учинили бы вторичнаго побѣга, и наконецъ придумалъ отослать ихъ „для присмотра" въ квартировавшій въ томъ же повѣтѣ татарскій уланскій полкъ. Полковникъ принялъ арестантовъ, но тотчасъ же рапортовалъ о нихъ дивизіонному командиру, а тотъ въ свою очередь донесъ объ этомъ главнокомандующему, князю П. И. Багратіону, отъ котораго въ скорости получено было предписаніе—отправить арестантовъ въ Житомиръ къ волынскому губернатору М. И. Комбурлею для разслѣдованія, не они ли тѣ самые ксендзы, что обвинялись въ поджогахъ и бѣжали изъ-подъ караула. Напрасно кіевскій губернаторъ М. А. Милорадовичъ писалъ (въ февралѣ 1812 г.) Комбурлею, что о тѣхъ швейцарскихъ монахахъ Сигнайго и Молини въ кіевской слѣдственной коммиссіи производилось недавно надлежащее „изслѣдованіе и разсмотрѣніе", что ихъ лично знаютъ „многіе здѣшніе помѣщики нѣсколько тому назадъ лѣтъ, и что по всѣмъ этимъ даннымъ ихъ личности и документы признаны „неподъ-

Библиотека "Руниверс"

верженными никакому сомнѣнію",—увы, теперь судьба несчастныхъ патеровъ зависѣла уже не отъ мѣстныхъ губернскихъ властей, но отъ усмотрѣнія министра полиціи совмѣстно съ главнокомандующимъ. Еще въ мартѣ 1812 г. волынскій вице-губернаторъ, по порученію министра полиціи производившій о нихъ особое дознаніе, доносилъ послѣднему, что „не находитъ въ нихъ насчетъ сумнѣній явныхъ подозрѣній", но въ Петербургѣ о нихъ, видимо, совсѣмъ забыли. Много съ тѣхъ поръ произошло перемѣнъ: исчезла со сцены и самая Эртелевская коммиссія вмѣстѣ съ созданнымъ ею призракомъ; на смѣну мѣстнымъ, пожарнымъ тревогамъ наступили другія, охватившія уже всю Россію: несмѣтныя полчища враговъ наводнили западные предѣлы имперіи, палъ Смоленскъ, сдана и сожжена Москва,— а несчастные швейцарскіе монахи все еще продолжали томиться въ житомирской тюрьмѣ, теряя уже и самую надежду увидѣть когда-либо далекую родину. Наконецъ въ ноябрѣ 1812 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, объявленное чрезъ министра полиціи главнокомандующему 2-ю западною арміею, о высылкѣ Сигнайго и Молини за границу. Но и тутъ встрѣтилась задержка: патеры заявили, что при вторичномъ арестѣ ихъ въ махновскомъ повѣтѣ отъ нихъ отобраны были деньги, пара лошадей съ бричкою и разное имущество, какъ лично имъ принадлежащее, такъ равно и пожертвованное на монастырь (платки, куски полотенъ, сукна, мѣха и т. под.). Началась переписка о разысканіи и возвращеніи этого имущества, настолько продолжительная, что бѣдные узники предпочли отъ всего отказаться, лишь бы только скорѣе вырваться на свободу. Въ январѣ 1813 г. ихъ препроводили въ Радзивиловъ, но австрійское правительство отказалось ихъ принять, такъ какъ имъ нечѣмъ было содержать себя въ карантинѣ. Прошло еще два мѣсяца, пока ихъ имущество было наконецъ истребовано изъ махновскаго нижняго земскаго суда, и только въ мартѣ 1813 г. несчастные патеры покинули предѣлы негостепріимной страны, гдѣ ихъ совершенно безвинно около полутора года держали подъ стражей.

Случаи подобныхъ недоразумѣній повторялись въ то время такъ часто, что только изъ опасенія наскучить читателю по-

Библиотека "Руниверс"

вторенiемъ однообразныхъ приключенiй мы не рѣшаемся упоминать объ остальныхъ; поэтому признавать ихъ случаями исключительными нѣтъ основанiя. Конечно, при тѣхъ чрезвычайныхъ мѣрахъ полицейской охраны, о коихъ мы упоминали, въ руки правосудiя попадали не однѣ только жертвы чрезмѣрной подозрительности, но и люди дѣйствительно повинные, если не въ поджогахъ, то въ другихъ уголовныхъ проступкахъ. Но любопытно, что въ общемъ числѣ арестовъ, произведенныхъ въ то время въ кiевской губернiи, едвали не большинство случаевъ падаетъ именно на лицъ, неповинныхъ ни въ какихъ противозаконныхъ дѣянiяхъ и подвергшихся арестамъ по однимъ лишь пустымъ подозрѣнiямъ. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, заключать, будто все населенiе губернiи состояло въ то время изъ людей добродѣтельныхъ; напротивъ, есть много данныхъ, указывающихъ на то, что преступные элементы въ тогдашнемъ обществѣ были гораздо многочисленнѣе, нежели въ болѣе близкiя къ намъ эпохи, но только они умѣли ловко ускользать отъ разставленныхъ для нихъ сѣтей, не взирая на повсемѣстные шлагбаумы, заставы и караулы,—новое подтвержденiе старой истины, какъ мало опасны для дѣйствительныхъ преступниковъ всякаго рода повальныя мѣры полицейской охраны. Даже лица безпаспортныя—бѣглые крестьяне, дезертиры, которыхъ, несомнѣнно, было въ то время великое множество, составляютъ сравнительно ничтожный процентъ въ общемъ числѣ арестованныхъ. Правда, это обстоятельство можетъ быть отчасти объясняемо тѣмъ, что уже въ то время фабрикацiя фальшивыхъ паспортовъ далеко не была искусствомъ, невѣдомымъ населенiю: въ черкасскомъ повѣтѣ были арестованы какiе-то „молдавскiе уроженцы“ Онисимъ Кажанъ и Яковъ Стрѣлецъ, которые, по ихъ собственному признанiю, подъ предводительствомъ асаула Чепиги „вербовали крестьянъ въ Черноморiю“ и у которыхъ при обыскѣ найдено было множество фальшивыхъ паспортовъ и нѣсколько такихъ же печатей; бѣлоцерковскiй сотскiй былъ преданъ даже суду за то, что людямъ бѣглымъ и подозрительнымъ продавалъ фальшивые документы и бралъ взятки за отпускъ на свободу имъ же задержанныхъ во-

Библиотека "Руниверс"

ровъ. Собственно уголовныхъ преступленій открыто было весьма немного: въ м. Бѣлополье, подъ Бердичевомъ, поймано было нѣсколько цыганъ-конокрадовъ, да въ Бѣлой-Церкви накрыта многочисленная воровская шайка нѣкоего Тихона Портенка (онъ же и Александръ Ольшановскій), состоявшая преимущественно изъ евреевъ (болѣе 20 человѣкъ) и оперировавшая на пространствѣ между Житомиромъ, Бердичевомъ и Кременчугомъ; но любопытно, что и бѣлопольскіе цыгане, и бѣлоцерковскіе евреи съ Портенкомъ во главѣ, при всей очевидности ихъ спеціальныхъ проступковъ, были еще заподозрѣны въ „зажигательствахъ“ и на этомъ основаніи отправлены въ Эртелевскую комиссію, а не преданы, какъ бы слѣдовало, уголовному суду. Но всего поразительнѣе, конечно, то обстоятельство, что ни генерала Пашковскаго, ни его „десятника“ Антона нѣмца, и вообще ни одного изъ выданныхъ Тршалковскимъ поджигателей все еще не удавалось изловить, какъ ни усердствовали полицейскіе чиновники трехъ губерній. Многіе изъ арестованныхъ подозрѣвались въ совершеніи поджоговъ, но пока никто еще не былъ уличенъ въ томъ. Впрочемъ, былъ одинъ такой случай, когда администраціи казалось, будто ей удалось поймать искомаго „злодѣя“, и притомъ необыкновенно важнаго: въ октябрѣ 1811 года былъ задержанъ въ г. Липовцѣ странный субъектъ, назвавшійся польскимъ капитаномъ, который прямо объявилъ о себѣ, что „онъ—тотъ, который зажигаетъ города“; но по разслѣдованіи дѣла оказалось, что это былъ вовсе не поджигатель, а отчаянный фантазеръ, по-нынѣшнему психопатъ, представляющій, однако, настолько любопытный типъ тогдашняго авантюриста, что о немъ стоитъ разсказать подробнѣе.

Отставной сержантъ бывшей польской арміи, Шимонъ Ковальскій (онъ же и Валевскій) въ половинѣ 1810 г. вышелъ изъ герцогства Варшавскаго, шатался нѣкоторое время на Волыни и прибылъ въ Кіевъ. Здѣсь онъ женился на какой-то вдовѣ поручика и, выдавая себя за капитана польской службы, заявилъ властямъ, что не прочь принять русское подданство, если его зачислятъ въ военную службу офицеромъ. Предложеніе это

Библиотека "Руниверс"

было отклонено, а между тѣмъ семейная жизнь Ковальскому пришлась не по вкусу, занятій никакихъ у него не было, и вотъ онъ бросаетъ жену и начинаетъ вести бродячую жизнь, переходя отъ одного помѣщика къ другому. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ шатался по кіевской и подольской губ. безъ особыхъ приключеній, но со времени кіевскаго пожара начались извѣстныя полицейскія строгости, и Ковальскаго, какъ безпаспортнаго, стали повсюду задерживать на сельскихъ караулахъ. Но храбрый воинъ умѣлъ выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ положеній: въ иныхъ случаяхъ онъ добывалъ себѣ пропускъ однимъ воинственнымъ задоромъ и грознымъ окрикомъ на караульныхъ, въ другихъ—путемъ задабриванія сотскихъ подаркомъ или подкупомъ (одному подарилъ трубку, другому далъ два серебряныхъ рубля), а тамъ, гдѣ ни то, ни другое средство не помогало, онъ просто убѣгалъ изъ-подъ стражи. Такимъ образомъ Ковальскій въ октябрѣ пробрался въ г. Липовецъ, гдѣ въ то время случился пожаръ, истребившій большую часть города. Его, какъ безпаспортнаго, тотчасъ схватили и представили для допроса къ особому чиновнику, присланному кіевскимъ губернаторомъ для производства слѣдствія о пожарѣ. Ковальскій назвался капитаномъ польской службы и на вопросъ: не участвовалъ ли онъ въ поджогѣ города? далъ утвердительный отвѣтъ. Конечно, его немедленно связали и подъ строгимъ конвоемъ препроводили въ Кіевъ, въ слѣдственную о пожарахъ коммиссію. Изъ уваженія къ его якобы капитанскому чину, Ковальскаго посадили въ Кіевѣ не въ тюрьму, а на военную гауптвахту, но ему тамъ что-то не понравилось, и чрезъ недѣлю, не дождавшись даже перваго допроса, онъ успѣлъ скрыться. Въ Кіевѣ подняли большую тревогу; велѣно было экстренно оповѣстить по всѣмъ городамъ, что бѣжалъ-де „весьма важный преступникъ“. Но еще раньше полученія этого извѣстія васильковскій городничій арестовалъ безпаспортнаго человѣка, который отказался назвать свое имя, а только заявилъ, что онъ „есть тотъ, который зажигаетъ города“, и что третьяго дня онъ бѣжалъ изъ кіевской гауптвахты. Судя по личнымъ примѣтамъ арестованнаго, а равно и по тому, что онъ оказался знающимъ по-нѣмецки,

Библиотека "Руниверс"

городничій пришелъ къ заключенію, что ему посчастливилось задержать знаменитаго нѣмца Антона, десятника изъ шайки Пашковскаго, и какъ таковаго онъ поспѣшилъ отправить его за крѣпкимъ карауломъ въ Кіевъ; на самомъ же дѣлѣ арестантъ былъ не кто иной, какъ Шимонъ Ковальскій. На первомъ допросѣ въ слѣдственной коммиссіи онъ отказался дать показаніе по дѣлу о „зажженіи“ имъ повѣтоваго города Липовца, а только объявилъ, что ему „извѣстно важное обстоятельство, до безопасности цѣлаго государства касающееся, о которомъ, однакожъ, никому объявить здѣсь не хочетъ, а желаетъ всеподданнѣйше донести о томъ собственно Его Императорскому Величеству“. Коммиссія видимо была смущена этимъ таинственнымъ заявленіемъ и, не зная, какъ ей поступать далѣе съ столь интереснымъ колодникомъ, въ тотъ же день донесла обо всемъ губернатору, отъ котораго получена была резолюція: потребовать, чтобы арестантъ открылъ свою тайну. На второмъ допросѣ Ковальскій далъ слѣдующія показанія: 1) въ бытность въ Варшавѣ слышалъ-де онъ отъ своего родственника ксендза Янышевскаго, что въ варшавскомъ кляшторѣ св. Креста хранится книга, въ которой записаны имена польскихъ дворянъ, въ предѣлахъ Россіи деревни имѣющихъ, но дававшихъ тайно деньги на тотъ предметъ, чтобы при удобномъ случаѣ помочь тѣми деньгами сдѣлать революцію для отторженія отъ Россіи присоединенныхъ къ ней польскихъ земель; книга та находится у провинціала ксендза Масловскаго, который отъ польскихъ дворянъ, изъ россійскаго края по паспортамъ въ Варшаву пріѣзжающихъ, принимаетъ денежныя пожертвованія на возстановленіе Польши и записываетъ въ книгу имена жертвователей и сумму пожертвованій, каковой суммы собрано уже въ золотѣ и серебрѣ болѣе двухъ милліоновъ рублей, и что 24 изъ знатнѣйшихъ польскихъ дворянъ изъ Волыни, Подолья и Литвы, разновременно по паспортамъ въ Варшавѣ бывшихъ, учинили тамъ присягу, что они при первомъ удобномъ случаѣ готовы будутъ дѣлать возмущеніе въ присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи провинціяхъ, каждый въ мѣстѣ своего пребыванія; въ числѣ сихъ дворянъ, сколько помнитъ Ковальскій,

Библиотека "Руниверс"

есть фамиліи Потоцкихъ, Менжинскихъ, Тарнавскихъ и Колоневскихъ; 2) самъ онъ прибылъ въ Россію лишь съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы учинить присягу на вѣрноподданство и вступить въ военную службу, о чемъ по прибытіи въ Кіевъ и заявлялъ въ губернскомъ правленіи, и 3) что случившемуся въ г. Липовцѣ пожару не былъ онъ Ковальскій причиною, Липовца и другихъ городовъ и мѣстечекъ не зажигалъ, ни въ какомъ пожарѣ ни съ которой стороны не участвовалъ и зажигателей нигдѣ и никого не знаетъ.

Въ виду особой важности первой части показанія Ковальскаго, губернаторъ Милорадовичъ счелъ долгомъ увѣдомить обо всемъ министра полиціи съ присовокупленіемъ, что относительно оговоренныхъ Ковальскимъ польскихъ дворянъ, проживающихъ въ кіевской губерніи, „взяты уже такія мѣры, чтобы могъ быть приличнымъ образомъ за поведеніемъ ихъ надзоръ“, а о тѣхъ, кои проживаютъ въ волынской губ., сообщено тамошнему губернатору для соображенія. Въ январѣ 1812 г. Милорадовичъ получилъ отъ министра слѣдующее секретное увѣдомленіе: „Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ содержащагося въ кіевской крѣпости по извѣстному вашему высокопревосходительству дѣлу именующаго себя польской службы капитаномъ Шимона Ковальскаго доставить подъ присмотромъ сюда“. Ковальскаго отправили въ Петербургъ, но слѣдствіе о немъ продолжали: навели справки о его шатаніяхъ, арестахъ и неоднократныхъ побѣгахъ изъ-подъ стражи, раскрыли его подлинное званіе отставного польскаго сержанта, а не капитана, и установили фактъ дѣйствительной его непричастности къ дѣлу о поджогѣ г. Липовца. Всѣ эти свѣдѣнія требовалось сообщить въ Петербургъ, гдѣ должна была окончательно рѣшиться участь Ковальскаго. Долго о немъ ничего не было слышно въ Кіевѣ; наконецъ 11-го іюня, въ самый день вступленія Наполеона въ предѣлы Россіи, Милорадовичъ получилъ отъ министра полиціи короткое увѣдомленіе: „Комитетъ гг. министровъ положилъ: извѣстнаго вашему в.-пр-ству поляка Ковальскаго опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ полковъ, въ Финляндіи расположенныхъ“.

Библиотека "Руниверс"

Такъ неожиданно сошелъ со сцены этотъ странный человѣкъ, столь легкомысленно отважившійся принять на себя опасное званіе поджигателя. Что побудило его къ такому рискованному шагу — осталось не выясненнымъ. Ниже мы встрѣтимся еще съ однимъ подобнымъ же самозванцемъ-поджигателемъ. Очевидно, что самозванство даже въ области преступленій, какъ и въ области религіи, политики и въ другихъ подчинено одному общему закону, т. е. возникаетъ въ моменты напряженнаго ожиданія; когда въ встревоженномъ обществѣ создается призракъ извѣстнаго преступленія, то, за отсутствіемъ дѣйствительныхъ преступниковъ, являются преступники-самозванцы. И какъ въ роли лжепророковъ выступаютъ не одни сознательные обманщики, такъ и между лжепреступниками нерѣдко встрѣчаются странные субъекты, по большей части душевно-больные, страдающіе потемнѣніемъ сознанія, которые совершенно искренно приписываютъ себѣ небывалыя злодѣянія. Вѣроятно, къ числу такихъ субъектовъ принадлежалъ и Ковальскій.

Тѣмъ не менѣе его добровольное сознаніе въ совершеніи якобы поджога произвело на первыхъ порахъ сильное впечатлѣніе и временно способствовало укрѣпленію легенды о шайкѣ поджигателей, кредитъ которой въ послѣднее время начиналъ какъ-будто падать. Вѣдь это былъ уже второй, послѣ Тршалковскаго, поджигатель, открыто сознавшійся въ своихъ злодѣяніяхъ. Генералъ Эртель торжествовалъ. Узнавъ о поимкѣ Ковальскаго, онъ очень настаивалъ, чтобъ его прислали къ нему въ Могилевъ: уже не думалъ ли онъ, что въ лицѣ самозваннаго польскаго капитана скрывается самъ генералъ-поджигатель Пашковскій! Въ послѣднее время Эртель совсѣмъ потерялъ слѣдъ этого опаснаго злодѣя, страшный призракъ котораго по-прежнему нарушалъ спокойствіе цѣлаго края. Хотя съ наступленіемъ осени пожары почти совсѣмъ прекратились, но продолжавшіеся усиленные полицейскіе розыски и чрезвычайныя мѣры охраны сами по себѣ поддерживали въ краѣ тревожное настроеніе. О Пашковскомъ слагались легенды; въ каждомъ незначительномъ деревенскомъ пожарѣ видѣли его преступную

Библиотека "Руниверс"

руку. Страннымъ казалось лишь одно, что ни самого Пашковскаго, ни кого-либо изъ пресловутыхъ десятниковъ его шайки никому еще не удавалось видѣть, хотя примѣты ихъ были хорошо извѣстны каждому сотскому.

Такъ прошла вся осень въ безплодныхъ розыскахъ. Энергія чиновъ полиціи видимо ослабѣвала. Городничіе и исправники теряли надежду заслужить награды, обѣщанныя за поимку злоумышленниковъ; сотскіе съ своими караульными повторяли старинную легенду о „характерникахъ", умѣвшихъ „напускатьману" и страшившихся лишь освященной серебряной пули,— примѣняя эту легенду къ Пашковскому и его товарищамъ. Ходили слухи, будто онъ съ своею шайкою на время удалился въ предѣлы герцогства Варшавскаго и возвратится для продолженія злодѣйскихъ подвиговъ лишь съ наступленіемъ весны, а скептики, число которыхъ теперь все болѣе увеличивалось и къ которымъ принадлежалъ самъ военный губернаторъ Кіева М. А. Милорадовичъ, рѣшительно подвергали сомнѣнію самый фактъ существованія генерала Пашковскаго и его преступной дружины. Одинъ Эртель не падалъ духомъ и не сомнѣвался. Онъ по-прежнему былъ убѣжденъ, что въ лицѣ Тршалковскаго держитъ въ своихъ рукахъ ключъ къ раскрытію тончайшихъ корней и нитей злодѣйскаго умысла и что подъ видомъ воровъ, грабителей и разнаго рода подозрительныхъ людей, которыхъ десятками сгоняли къ нему изъ трехъ губерній, ему удалось уже переловить добрую половину „зажигателей", численность которыхъ, по его свѣдѣніямъ, была такъ значительна, что они составляли уже не одну, а цѣлыхъ три шайки. Вотъ что писалъ Эртель (отъ 26 ноября, 1811 г.) о ходѣ порученнаго ему дѣла:

„Слѣдствія о пожарахъ, донынѣ произведенныя подъ моимъ распоряженіемъ, доказываютъ, что большая часть городовъ и мѣстечекъ выгорѣла отъ поджигательства. Самые поджигатели частію пойманы и находятся подъ карауломъ, а частію еще укрываются. Мѣры для поимки ихъ всѣ предприняты, и по поимкѣ они имѣютъ быть доставлены ко мнѣ въ Могилевъ. Зажигатели раздѣляются на три части: 1) Шайка Габріеля Пашковскаго, до сорока человѣкъ въ себѣ заключающая, най-

Библиотека "Руниверс"

болѣе прочихъ отлична въ злоумышленныхъ своихъ дѣйствіяхъ; изъ которой были пойманы два ксендза [1]), но они, будучи посланы въ Житомиръ, отъ проводниковъ ушли. 2) Шайка Тихона Портенка (онъ же и Александръ Ольшановскій) вообще (т. е. совмѣстно) съ бѣлопольскими цыганами. 3) Третья шайка составляется изъ еврея Гершка Гитнахта и еврея Беруна, изъ Радзивилова послѣ пожара съ женою за границу ушедшаго, да изъ евреевъ, писавшихъ письмо къ кагальнымъ, и пятаго, писавшаго письмо [2]). Слѣдствіе производится: о Портенкѣ въ Бердичевѣ тамошнимъ полицеймейстеромъ, о Гитнахтѣ въ Радзивиловѣ губернскимъ стряпчимъ Спиридоновымъ, о шайкѣ Габріеля Пашковскаго въ Дубнѣ, мѣстнымъ полицеймейстеромъ и звенигородскимъ исправникомъ. Такъ какъ шайка Пашковскаго наиболѣе замѣчательна въ злодѣйствѣ своемъ, то потому и требуетъ наиосновательнѣйшаго производства слѣдствія съ совершенною истиною".

Послѣдняя фраза заключаетъ въ себѣ таинственный намекъ на то, чѣмъ Эртель не могъ еще открыто похвалиться въ то время, но на что втайнѣ возлагалъ большія надежды: ему удалось напасть на слѣдъ Пашковскаго, потерянный имъ еще со времени побѣга двухъ иностранныхъ ксендзовъ Сонети и Закони, участвовавшихъ, по его свѣдѣніямъ, вмѣстѣ съ Пашковскимъ въ поджогѣ Кіева. Теперь, какъ ему казалось, слѣдъ этотъ снова открывался и притомъ въ самомъ Кіевѣ, на глазахъ у военнаго губернатора Милорадовича, такъ упорно отрицавшаго фактъ „умышленнаго поджигательства" управляемаго имъ города. Съ упорствомъ фанатика Эртель схватился за этотъ ничтожный слѣдъ—и попалъ впросакъ.

Дѣло началось съ того, что въ первыхъ числахъ ноября Эртель обратился къ Милорадовичу съ такимъ „рапортомъ": „Изъ числа пойманныхъ зажигателей изъ шайки поляка Габріеля Пашковскаго, Павелъ Тршалковскій показалъ въ допросѣ, что онъ, будучи въ партіи при двухъ ксендзахъ, былъ нѣсколько

[1]) Рѣчь идетъ объ иностранныхъ патерахъ Бенедиктѣ Закони и Антоніи Сонети.

[2]) Объ этихъ евреяхъ въ нашихъ источникахъ не имѣется никакихъ свѣдѣній.

Библиотека "Руниверс"

разъ съ ними въ Кіевѣ, даже во время самаго на Подолѣ пожара, который зажегъ самъ Пашковскій съ своею шайкою; приставали же они на Старомъ-Кіевѣ, въ квартирѣ штатской службы подпоручика Ежицкаго, знавшаго объ ихъ злодѣйскомъ промыслѣ и хранившаго мѣсяца полтора въ своемъ погребѣ товары, похищенные Пашковскимъ, какъ горѣлъ Подолъ. Руководствуясь Высочайшимъ повелѣніемъ объ открытіи всѣхъ зажигателей, всепокорнѣйше прошу ваше в-превосх-ство приказать выправиться: какого поведенія подпоручикъ Ежицкій, объявлялъ ли онъ полиціи о пріѣздѣ къ нему и выѣздѣ ксендзовъ, и съ сею справкою прислать его въ Могилевъ для улики съ доносителемъ на него Тршалковскимъ".

Милорадовичъ приказалъ полиціи навести справки о Ежицкомъ, а тѣмъ временемъ нетерпѣливый Эртель прислалъ вторичное требованіе о высылкѣ подпоручика Ежицкаго съ довольно рѣзкимъ напоминаніемъ, что „возложенное на него по Высочайшей волѣ производство слѣдствія о изысканіи причинъ пожаровъ и самихъ преступниковъ таковаго злодѣйскаго умысла совсѣмъ не терпитъ замедленія". Милорадовичъ отвѣтилъ Эртелю, что объ отставномъ подпоручикѣ Ежицкомъ чинена была во всѣхъ частяхъ г. Кіева „аккуратнѣйшая выправка, но за таковою означеннаго Ежицкаго нигдѣ не оказалось, и чтобы онъ когда-либо квартировалъ въ какомъ обывательскомъ домѣ—никто не знаетъ, равно и на службѣ ни въ какомъ здѣшнемъ присутственномъ мѣстѣ никогда онъ не состоялъ и нынѣ не состоитъ". Вмѣстѣ съ этимъ Милорадовичъ давалъ Эртелю дружескій совѣтъ не слишкомъ довѣрять показаніямъ Тршалковскаго и во всякомъ случаѣ не вѣрить тому, будто Кіево-Подолъ сгорѣлъ отъ поджога Пашковскимъ, такъ какъ петербургскій приставъ Аничковъ, по Высочайшему повелѣнію производившій особое слѣдствіе объ этомъ пожарѣ, открылъ истиннаго его виновника въ лицѣ мѣщанскаго мальчика Авдіевскаго, который и самъ въ томъ сознался, и что „по всѣмъ послѣдующимъ изслѣдованіямъ не оказывалось другихъ какихъ-либо злоумышленниковъ въ поджогѣ". Но Эртель не послушался дружескаго пре[redacted]ько дней прислалъ Милорадо-

Библиотека "Руниверс"

вичу новый рапортъ, въ которомъ увѣдомлялъ, что поджигатель Тршалковскій на вторичномъ „передопросѣ“ сообщилъ болѣе „явственныя“ указанія относительно Ежицкаго, по коимъ не трудно уже будетъ изловить этого вреднаго человѣка: фамилія его не Ежицкій, а Гижицкій; онъ молодой человѣкъ, лѣтъ 26 или 27-ми, роста низкаго, лицемъ смуглъ, черноволосъ, стрижется по-модному, ходитъ въ мундирѣ съ желтымъ воротникомъ и имѣетъ подъ своей командой 15 человѣкъ солдатъ для присмотра за провіантскимъ магазиномъ; женатъ на дочери кіевскаго купца, живущаго на Печерскѣ, недалеко отъ монастыря; жена Гижицкаго очень молодая женщина, лѣтъ 18 или 20-ти, небольшого роста; живутъ они на Старомъ-городѣ, возлѣ большого каменнаго казеннаго дома, въ домѣ купца изъ малороссіянъ, по имени Гаврила, который смотритъ за чистотою городскихъ улицъ и исправностью мостовъ и имѣетъ слѣдующія примѣты: лѣтъ болѣе 40, роста большого, лице краснощекое, волосы русые, глаза сѣрые, ходитъ въ шинели и волошкѣ.

Снова учинены были въ Кіевѣ розыскы, приведшіе къ тѣмъ же отрицательнымъ результатамъ: никакого купца Гаврила, у котораго будто бы квартировалъ Гижицкій, ни на Старомъ-городѣ, ни въ другихъ частяхъ не оказалось; за исправностью дорогъ и за чистотою колодцевъ еще съ 1810 г. наблюдаютъ одни и тѣ же магистратскіе урядники, но изъ нихъ ни одинъ не называется Гавриломъ; каменныхъ казенныхъ зданій на Старомъ-Кіевѣ вовсе не было; равнымъ образомъ и близъ монастыря на Печерскѣ не оказалось ни одного купца, который бы выдавалъ свою дочь не только за Гижицкаго, но и вообще за офицера; хотя же въ Кіевѣ и отысканъ былъ офицеръ Гижицкій, но не подпоручикъ, а поручикъ, служащій въ гарнизонномъ полубатальонѣ и женатый не въ Кіевѣ, а въ подольской губ.; онъ квартируетъ уже третій годъ на Печерскѣ, въ Новой-слободѣ, а не на Старомъ-городѣ, къ смотрѣнію за провіантскимъ магазиномъ никогда нар жаемъ не былъ и съ описанными выше примѣтами вовсе не сходенъ.

Казалось, что, послѣ такихъ до очевидности ясныхъ разоблаченій лживости извѣтовъ Тршалковскаго, генералъ Эртель

Библиотека "Руниверс"

перестанетъ наконецъ домогаться высылки несуществующаго подпоручика Гижицкаго, но случилось иначе: нѣсколько дней спустя онъ снова рапортовалъ о „поновительныхъ“ показаніяхъ Тршалковскаго, который-де „все одно твердитъ“, что точно проживалъ вмѣстѣ съ Пашковскимъ и двумя ксендзами изъ его шайки въ квартирѣ подпоручика Гижицкаго и что у него же хранились награбленные на кіевскомъ пожарѣ пожитки. Гижицкій-де жилъ тогда на Старомъ-городѣ, недалеко отъ острога, въ небольшомъ домикѣ, раздѣленномъ проходными сѣнями на двѣ половины: въ двухъ комнатахъ помѣщалась кухня и прислуга, а остальныя двѣ занималъ Гижицкій съ женою; въ сѣняхъ, за перегородкой, имѣется погребъ, въ которомъ хранились награбленныя Пашковскимъ вещи; при домѣ этомъ нѣтъ никакихъ построекъ и даже дворъ ничѣмъ не огороженъ, а только передъ окнами есть небольшой палисадникъ. Домъ этотъ принадлежитъ кіевскому купцу Гаврилову, а Гавриломъ зовутъ-де тестя Гижицкаго, тоже купца, который живетъ не на Печерскѣ, а за печерской крѣпостью, внизу, надъ Днѣпромъ, недалеко отъ новаго моста.

Конечно, всѣ эти „поновительныя“ указанія Тршалковскаго оказались столь же вздорными, какъ и предыдущія: ни купца Гаврила, ни домовладѣльца Гаврилова не нашлось въ Кіевѣ. Не смотря на это, Милорадовичъ приказалъ полиціи осмотрѣть всѣ дома на Старомъ-городѣ, не найдется ли между ними сколько-нибудь похожій на тотъ, въ которомъ якобы квартировалъ подпоручикъ Гижицкій. Отчасти похожимъ оказался домъ коллежскаго регистратора Осипа Сѣвницкаго, служащаго переводчикомъ при кіевскомъ главномъ судѣ. Чтобы положить предѣлъ безконечнымъ извѣтамъ Тршалковскаго, Милорадовичъ велѣлъ отправить Сѣвницкаго для очной ставки съ нимъ, но Тршалковскій не призналъ въ немъ Гижицкаго и не могъ ему, какъ кіевскому старожилу, точнѣе опредѣлить положеніе того дома, въ которомъ онъ якобы проживалъ вмѣстѣ съ Пашковскимъ во время кіевскаго пожара.

Тогда Эртель рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству „для узнанія истины“: онъ велѣлъ двумъ чиновникамъ изъ его

Библиотека "Руниверс"

коммиссіи отправиться въ Кіевъ и взять съ собою самого Тршалковскаго, чтобы тотъ лично указалъ домъ оговариваемаго имъ подпоручика Гижицкаго. Въ самый день новаго (1812) года эти чиновники, вмѣстѣ съ Тршалковскимъ и въ сопровожденіи кіевскаго полицеймейстера Сталинскаго, съ утра и до вечера ѣздили по Кіеву, „обревизовали“ Старый-городъ, Печерскъ и всѣ окрестности Печерска, но ни Гижицкаго, ни того дома, въ которомъ онъ якобы укрывалъ Пашковскаго, не нашли. Лишь подъ вечеръ Тршалковскій указалъ на одинъ домъ, будто въ немъ квартировалъ Гижицкій; но домъ этотъ оказался совсѣмъ несходнымъ съ его же собственными прежними описаніями; въ немъ, наприм., вовсе не было погреба, въ которомъ будто-бы хранилась награбленная Пашковскимъ добыча, а въ хозяинѣ этого дома, какомъ-то унтеръ-цейвахтерѣ, самъ извѣтчикъ не нашелъ возможнымъ признать подпоручика Гижицкаго. Ѣздили также и въ квартиру гарнизоннаго поручика Гижицкаго, но и его Тршалковскій не призналъ за то лицо, у кого онъ якобы проживалъ вмѣстѣ съ Пашковскимъ. Зато самого Тршалковскаго признали въ Кіевѣ многіе изъ тѣхъ, кому онъ не хотѣлъ бы попадаться на глаза, и это въ конецъ подрѣзало крылья его пылкой фантазіи. Наступила развязка нелѣпой эпопеи, разросшейся до такихъ чудовищныхъ размѣровъ. Плутъ понялъ это и присмирѣлъ.

На другой день губернаторъ Милорадовичъ пожелалъ лично видѣть ловкаго обманщика, такъ нагло издѣвавшагося надъ правосудіемъ, и когда увидѣлъ, то пришелъ въ неописанное изумленіе: предъ нимъ предсталъ тщедушный юноша, почти мальчикъ, съ растерянным выраженіемъ золотушнаго лица и бѣгающими, какъ у пойманнаго звѣрька, глазками.

— Ба! знакомая птица! — привѣтствовалъ его губернаторъ.—Да вѣдь тебя, каналью, хорошо здѣсь знаютъ: ты—дезертиръ, бѣглый барабанщикъ здѣшняго гарнизона! Признавайся, ракалія, кто тебя научилъ выдумывать вздорныя небылицы?

Зазвенѣли кандалы, арестантъ повалился въ ноги губернатору и тутъ же повинился, что всѣ прежнія его показанія

Библиотека "Руниверс"

вымышлены: ни въ какихъ поджогахъ онъ не участвовалъ, никакого генерала Пашковскаго не знаетъ, о шайкѣ поджигателей и слухомъ не слыхалъ, а выдумалъ всѣ эти сказки „для того, что чрезъ подобное открытіе надѣялся получить свободу и награжденіе“!

Послѣ такого неожиданнаго признанія, Милорадовичъ приказалъ учинить формальный допросъ арестанту, и онъ, въ присутствіи доставившихъ его въ Кіевъ Эртелевскихъ чиновниковъ и кіевскаго полиціймейстера, далъ слѣдующее, на этотъ разъ дѣйствительно „чистосердечное“ показаніе:

Зовутъ его Павелъ Ивановъ Гродскій, отъ роду ему 19 лѣтъ, вѣроисповѣданія римско-католическаго, у исповѣди и св. причастія второй годъ какъ не былъ, а прежде бывалъ ежегодно. Родился онъ волынской губ., въ острогскомъ повѣтѣ, въ имѣніи отставного полковника Ратомскаго, въ с. Колесникахъ, отъ крестьянина Ивана и матери Анастасіи Гродскихъ, которые давно померли. Оставшись малолѣтнимъ сиротой, онъ былъ взятъ и увезенъ изъ родного села квартировавшимъ тамъ поручикомъ смоленскаго полка Михайломъ Энгельгардтомъ, у котораго находился „въ мальчикахъ“ до тринадцатилѣтняго возраста, но затѣмъ бѣжалъ отъ него изъ-подъ Ковля и, переименовавшись Тршалковскимъ, шатался съ полгода по разнымъ мѣстамъ, пока въ заславскомъ повѣтѣ, въ м. Полонномъ, не былъ задержанъ ключевымъ войтомъ и представленъ въ г. Заславль, въ нижній земскій судъ, а оттуда въ Житомиръ. По опредѣленію волынскаго губ. правленія, его за бродяжество отдали въ солдаты, и въ 1806 г. онъ опредѣленъ былъ въ кіевскій гарнизонный батальонъ барабанщикомъ. Прослуживъ около пяти лѣтъ въ этомъ званіи, Гродскій весною 1811 года учинилъ побѣгъ вмѣстѣ съ тремя товарищами-солдатами. Не доходя до Василькова, бѣглецы переночевали въ лѣсу, въ послѣдній разъ подкрѣпились казеннымъ „пайкомъ“ и порѣшили разойтись въ разныя стороны; товарищи Гродскаго ушли неизвѣстно куда, а самъ онъ надумалъ отправиться на родину. Но недалеко онъ ушелъ: въ одной деревнѣ близъ м. Паволочи сотскій задержалъ его, какъ безпаспортнаго, и представилъ въ сквирскій

Библиотека "Руниверс"

нижній земскій судъ. На допросѣ Гродскій вѣрно показалъ о своемъ происхожденіи, только утаилъ, что онъ бѣглый солдатъ, поэтому его отправили въ Житомиръ, а оттуда въ острогскій нижній земскій судъ для водворенія на мѣстѣ родины. Вернувшись въ с. Колесники, Гродскій сознался предъ своимъ помѣщикомъ, что онъ—дезертиръ, однако тотъ не представилъ его, какъ бы слѣдовало, въ судъ, а опредѣлилъ въ рабочіе къ своему садовнику, но потомъ, убѣдившись въ его неспособности ни къ какой работѣ, позволилъ ему поселиться въ семействѣ одного изъ своихъ крестьянъ, у котораго Гродскій прожилъ почти все лѣто въ качествѣ „прыймака", пока не укралъ свиту у своего благодѣтеля, за что послѣдній прогналъ его со двора, а помѣщикъ приказалъ гнать его на барщину. Но тяжелый крѣпостной трудъ пришелся совсѣмъ не по вкусу бѣглому барабанщику, и въ началѣ сентября онъ бѣжалъ отъ помѣщика, пробрался въ балтскій повѣтъ и подъ именемъ шляхтича Тршалковскаго нанялся на одномъ пивоваренномъ заводѣ. Не долго пришлось ему быть и пивоваромъ: въ первое же воскресенье онъ напился пьянымъ, затѣялъ въ корчмѣ драку, былъ арестованъ сотскимъ и, какъ безпаспортный, отведенъ въ балтскій нижній земскій судъ. Дорогою, находясь въ опьяненіи, Гродскій болталъ всякій вздоръ и между прочимъ хвалился, будто онъ многое знаетъ о тѣхъ, что „зажигаютъ города", даже самъ принадлежитъ къ ихъ шайкѣ, участвовалъ якобы въ поджогѣ Кіева и награбилъ тамъ много денегъ и всякаго добра. Сотскій передалъ объ этихъ рѣчахъ балтскому исправнику, и не успѣлъ арестантъ проспаться отъ хмеля, какъ за нимъ уже была упрочена репутація „опаснѣйшаго злодѣя"; его заковали въ кандалы и подъ строгимъ карауломъ препроводили въ Каменецъ-Подольскъ. На допросѣ у губернатора импровизированный поджигатель хотѣлъ было отказаться отъ этой опасной роли, но было уже поздно—ему не повѣрили. Тогда онъ вообразилъ, что, продолжая разыгрывать случайно навязанную ему роль раскаявшагося поджигателя, якобы по молодости и неопытности увлеченнаго въ шайку злодѣевъ, и выдавая мнимыхъ соучастниковъ несуществующаго злодѣйскаго умысла, онъ мо-

Библиотека "Руниверс"

жетъ разсчитывать, что такимъ путемъ, быть можетъ, удастся ему избѣжать наказанія за побѣгъ изъ полка, тѣмъ болѣе, что, находясь на пивоваренномъ заводѣ, онъ неоднократно слышалъ толки рабочихъ о ксендзахъ, якобы „дѣлающихъ зажигательства", и будто за открытіе поджигателей отъ начальства объявлены большія награды; поэтому на послѣдующихъ допросахъ у подольскаго губернатора, а затѣмъ и у генерала Эртеля, онъ уже безъ запинки передавалъ сочиненную имъ исторію о польскомъ генералѣ Пашковскомъ и его преступной шайкѣ. Съ тѣхъ поръ волей и неволей онъ расплодилъ цѣлую серію разныхъ небылицъ о поджигателяхъ и ихъ укрывателяхъ и ложно оговорилъ великое множество неповинныхъ людей, въ чемъ теперь искренно раскаивается и чистосердечно сознается, что ни самъ не участвовалъ ни въ какихъ поджогахъ, „ниже знаетъ кого-либо, повиннаго въ такомъ злодѣяніи".

Теперь настала очередь торжествовать не алармистамъ, а скептикамъ, которые давно уже съ недовѣріемъ относились къ легендѣ о „зажигательской шайкѣ", и прежде всего кіевскому военному губернатору Милорадовичу. Надо отдать справедливость этому умному администратору, что въ ту тревожную пору, когда весьма многіе изъ представителей власти, поддаваясь общей паникѣ, легко принимали на вѣру всякій сенсаціонный слухъ, онъ едвали не одинъ оставался спокойнымъ и осмотрительнымъ; узнавъ по личному опыту (во время производства слѣдствія о кіевскомъ пожарѣ), какъ мало довѣрія заслуживаютъ всякаго рода толки и слухи о поджигателяхъ, онъ съ большимъ недовѣріемъ относился къ легендѣ о „злодѣйскомъ умыслѣ" Пашковскаго, сомнѣвался въ существованіи организованной шайки поджигателей и неоднократно, сколько могъ, предостерегалъ какъ министра полиціи, такъ еще больше генерала Эртеля отъ излишняго довѣрія къ сенсаціоннымъ разоблаченіямъ Тршалковскаго. Теперь его взгляды и предостереженія блистательно оправдались: страшный призракъ, полгода пугавшій и правительство, и населеніе обширнаго края, оказывался не чѣмъ инымъ, какъ грубой мистификаціей ничтожнаго плута, почти мальчишки, къ росказнямъ котораго такъ

Библиотека "Руниверс"

долго относились съ незаслуженнымъ вниманіемъ! Объ этомъ поразительномъ открытіи подобало прежде всего оповѣстить генерала Эртеля, что и было сдѣлано, съ приложеніемъ точной копіи чистосердечной исповѣди Гродскаго, ci-devant Тршалковскаго. Въ то же время Милорадовичъ отправилъ подробное донесеніе о случившемся и министру полиціи Балашову съ такимъ заключеніемъ: „изъ сего ваше превосходительство усмотрѣть изволите, что разглашенія и слухи на счетъ бывшихъ въ Кіевѣ зажигателей совершенно не основательны, и что пожары происходили здѣсь, какъ я и прежде предполагалъ, единственно отъ безпечности и неосторожности хозяевъ или отъ шалости и неудовольствія домашнихъ служителей, которые, пользуясь общимъ смятеніемъ, изъ мщенія или буянства отваживались втайнѣ дѣлать иногда поджоги, но сіи, однакожъ, или заблаговременно были открыты, или въ то же время были погашены".

Разумѣется, послѣ всего случившагося, Эртелевская миссія потеряла свой raison d'être, и въ половинѣ января 1812 г. получено было въ Кіевѣ увѣдомленіе изъ министерства полиціи объ отозваніи генералъ-лейтенанта Эртеля въ Петербургъ и о порученіи окончить слѣдствіе о пожарахъ дѣйствительному статскому совѣтнику Розенкампфу. Послѣднему предстояло лишь одно: освободить невинно оклеветанныхъ Тршалковскимъ, распредѣлить уголовныхъ арестантовъ на извѣстныя категоріи по роду преступленій и вмѣстѣ съ дѣлами о нихъ отправить въ подлежащія судебныя мѣста. Но Павелъ Гродскій не попалъ ни въ одну изъ этихъ категорій: его велѣно отправить въ Петербургъ, и какова была дальнѣйшая судьба этого дерзкаго мистификатора—остается неизвѣстнымъ.

О. Левицкій.

Библиотека "Руниверс"

ОЧЕРКИ ПЕРЕЯСЛАВЩИНЫ.

Съ 1882 года полтавская губернская земская управа, согласно постановленію полтавскаго губернскаго земскаго собранія отъ 8 октября 1881 года, учредила при себѣ статистическое бюро и предприняла изданіе „Сборника по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи“, котораго въ промежутокъ времени съ 1882 по 1890 г. вышло 8 томовъ, заключающихъ въ себѣ описанія уѣздовъ: зѣньковскаго, полтавскаго, миргородскаго, лубенскаго, гадяцкаго, золотоношскаго, кременчугскаго и хорольскаго. Только въ декабрѣ прошлаго 1890 г. появился новый X-й томъ Сборника, обнимающій уѣздъ переяславскій. Томъ IX-й съ описаніемъ прилукскаго уѣзда находится пока въ печати.

Матеріалами для Сборника послужили подворныя описи, составленныя членами статистическаго бюро при объѣздѣ ими описанныхъ уѣздовъ, а редакція первыхъ 8 томовъ принадлежала покойному уже теперь г. Терешкевичу, а послѣдняго изъ вышедшихъ, X-го тома, принадлежитъ г. Кулябкѣ-Корецкому.

По принятой программѣ каждый томъ сборника состоитъ изъ 8 отдѣловъ: 1) общія свѣдѣнія объ уѣздѣ, 2) очеркъ хозяйства сельскихъ сословій, 3) обзоръ матеріаловъ по оцѣнкѣ земель, 4) обзоръ помѣщичьяго хозяйства, 5) таблицы, показывающія хозяйственное положеніе селеній каждой волости, 6) таблицы, показывающія хозяйственное положеніе имѣній, 7) таблицы къ оцѣночному отдѣлу, 8) разныя статистическія свѣдѣнія. Въ этотъ послѣдній отдѣлъ входятъ свѣдѣнія о пространствѣ дачъ уѣзда, о частномъ землевладѣніи, о мелкихъ

Библиотека "Руниверс"

промышленныхъ и торговыхъ заведеніяхъ, о профессіональныхъ занятіяхъ сельскаго населенія, о платежахъ сельскихъ сословій, а также списокъ населенныхъ мѣстъ даннаго уѣзда.

Уже изъ этого краткаго перечня отдѣловъ „Сборника“ видно, что полтавскія статистическія изданія тѣмъ отличаются отъ другихъ сосѣднихъ, напримѣръ: харьковскихъ и черниговскихъ, что въ нихъ совершенно отсутствуетъ историческій элементъ; между тѣмъ какъ, напримѣръ, въ „Описаніи сумскаго уѣзда“ В. С. Козлова сдѣланъ краткій очеркъ исторіи заселенія и землевладѣнія (вып. III, стр. 3—7), приложены царскія грамоты и документы о земляхъ сумскаго уѣзда (Прилож. къ III, вып. № 11) и составлена таблица свѣдѣній о времени основанія поселеній сумскаго уѣзда и о числѣ бывшихъ въ нихъ прихожанъ въ 1730—1850 годахъ, а въ „Матеріалахъ для оцѣнки земельныхъ угодій кролевецкаго уѣзда“ П. П. Червинскаго проведена параллель между положеніемъ населенія въ 1767 и 1883 гг. по даннымъ Румянцевской описи и теперешней подворной и т. д. Въ полтавскихъ же статистическихъ изданіяхъ мы имѣемъ только картину современнаго хозяйственнаго положенія населенія безъ какихъ бы то ни было историческихъ справокъ или параллелей. Пополненіе этого пробѣла по отношенію къ переяславскому уѣзду составляетъ задачу предлагаемыхъ вниманію читателей „Кіевской Старины“ этюдовъ. Для перваго раза мы возьмемъ изъ книги о переяславскомъ уѣздѣ отдѣлы: „географическое описаніе уѣзда“ (стр. 1—26) и „населеніе“ (стр. 64—73) и „списокъ населенныхъ мѣстъ“ (стр. 475—482) и попытаемся присоединить къ нимъ нѣкоторыя историческія замѣчанія.

I. Географія и населеніе переяславскаго уѣзда. Переяславскій уѣздъ принадлежитъ къ числу приднѣпровскихъ и занимаетъ сѣверо-западный уголъ полтавской губерніи, клиномъ вдающійся между черниговской (съ сѣверо-запада) и кіевской (съ юго-запада) губерніями. Очертанія границъ уѣзда напоминаютъ больше всего треугольникъ со срѣзаннымъ юго-восточнымъ угломъ и съ глубокою вырѣзкою на юго-западной сторонѣ, образованною изгибомъ Днѣпра около срѣзаннаго угла,

Библиотека "Руниверс"

или, выражаясь образно, имѣютъ приблизительно внѣшній видъ обыкновеннаго клина, въ которомъ нижнее остріе обломано, а лѣвая сторона выщерблена. Границы уѣзда составляютъ: на сѣверѣ и сѣверо-западѣ—козелецкій и остерскій уѣзды черниговской губ.; на западѣ и юго-западѣ — Днѣпръ, отдѣляющій переяславскій уѣздъ отъ кіевскаго и каневскаго уѣздовъ кіевской губ.; на югѣ и юго-востокѣ — золотоношскій уѣздъ полтавской губ.; и, наконецъ, на востокѣ—р. Супой, протекающая почти по меридіану, лишь съ небольшимъ уклономъ къ востоку, и отдѣляющая уѣздъ отъ сосѣднихъ съ нимъ уѣздовъ полтавской губерніи: золотоношскаго, пирятинскаго и прилукскаго.

Площадь переяславскаго уѣзда равняется: 3595 квадр. верстъ или 374,343 десятины.

Наибольшая длина уѣзда между сѣверо-западнымъ его угломъ и пересѣченіемъ золотоношской границы Супоемъ на юго-востокѣ равняется приблизительно 85 верстамъ; наименьшая ширина уѣзда въ южной его части по золотоношской границѣ достигаетъ не болѣе 35 верстъ, а наибольшая ширина его отъ сѣверо-западнаго угла до сѣверо-восточнаго, вдоль черниговской границы, вдвое болѣе значительна и равняется 70 верстамъ; почти такое же (около 70 верстъ) протяженіе имѣетъ и юго-западная сторона уѣзда, омываемая р. Днѣпромъ, и немного меньше (около 65 верстъ) — восточная, пролегающая вдоль теченія р. Супоя.

Переяславскій уѣздъ расположенъ въ болѣе низменной части губерніи, поверхность которой вообще представляетъ покатость съ сѣверо-востока на юго-западъ.

Наивысшая точка поверхности въ переяславскомъ уѣздѣ находится въ юго-восточномъ углу его, около с. Пологъ-Яненокъ (72 саж. надъ уровнемъ Чернаго моря).

Значительно большая часть переяславскаго уѣзда расположена въ обширной древней днѣпровской долинѣ, имѣющей здѣсь два лѣвыхъ древнихъ берега, которые двумя уступами дѣлятъ уѣздъ на 3 полосы, представляющія нижнюю, среднюю и верхнюю террасы. Всѣ три террасы, параллельно идущія

Библиотека "Руниверс"

вдоль лѣваго берега р. Днѣпра, имѣютъ въ юго-восточной своей части, т. е. у границъ золотоношскаго уѣзда, почти одинаковую ширину (въ 11 верстъ); направляясь отсюда къ сѣверо-западу, первая изъ нихъ постепенно съуживается и у границы черниговской губерніи оказывается вдвое уже своей первоначальной ширины ($5^1/_2$ верстъ); вторая же и третья террасы расширяются: одна въ $3^1/_2$ (до $38^1/_2$ верстъ), другая въ 2 раза (до 21 версты).

Первая отъ Днѣпра терраса представляетъ низменную заливную долину; она покрыта сыпучими песками, болотами и лѣсами, изрѣзана рукавами р. Днѣпра, серповидными озерами (ериками) и обмелѣвшими руслами (старицами). У подножья древняго берега, окаймляющаго эту долину, растянулась на протяженіи до 40 верстъ полувысохшая рѣка, или скорѣе болото,—Карань, образующая вмѣстѣ съ русломъ р. Днѣпра песчаный островъ, на которомъ расположены приднѣпровскія селенія; островъ этотъ раздѣляется на части многими протоками, соединяющими болото съ р. Днѣпромъ.

Средняя терраса ограничена съ сѣверо-востока вторымъ древнимъ берегомъ Днѣпра, возвышающимся надъ нею на 2—5, рѣдко 10 саж. Въ ней преобладаютъ возвышенныя мѣста надъ низменными, причемъ общій рельефъ мѣстности представляетъ постепенное пониженіе отъ юго-востока на сѣверо-западъ, а у подножія втораго древняго берега Днѣпра пролегаетъ ложбина, по которой протекаютъ съ сѣверо-запада р. Трубежъ, а съ юго-востока притокъ р. Трубежа рѣчка Броварка. Слившись съ Броваркой, Трубежъ поворачиваетъ на югъ и съ небольшимъ уклономъ на западъ приближается къ Днѣпру, пересѣкая такимъ образомъ вторую террасу поперекъ и раздѣляя ее на двѣ части, изъ коихъ сѣверо-западная значительно обширнѣе юго-восточной. Сѣверо-западная часть слабо волниста и имѣетъ посрединѣ небольшое углубленіе, по которому протекаетъ р. Ильтыца (Альта), притокъ р. Трубежа.

Третья, верхняя терраса имѣетъ покатость съ запада на востокъ, отъ древняго берега р. Днѣпра къ Супою. Сѣверная часть ея состоитъ изъ двухъ водораздѣловъ: между Трубежемъ

Библиотека "Руниверс"

и Недрой и между Недрой и Супоемъ. Низменныя мѣста въ ней преобладаютъ надъ возвышенными.

По орошенію переяславскій уѣздъ принадлежитъ къ бассейну р. Днѣпра съ его притоками.

Изъ орошающихъ Переяславщину рѣкъ въ Днѣпръ впадаютъ: Иква съ Мленью, Трубежъ и Супой.

Въ Трубежъ съ правой стороны впадаютъ: Красиловка (Старица), Воробьевка, Селичевка, Иква, Ильтыца (Альта) и Карань; съ лѣвой стороны: Недра, Козелъ и Броварка (она же кромѣ того имѣетъ еще 6 названій: Каратулька, Кирпичевка, Яненка, Лукашевка, Супротивная, Чирская).

Въ Недру впадаютъ съ правой стороны Березанка (Рудницкая) съ Сухоберезицей.

Въ Броварку впадаетъ съ правой стороны Гатка, а въ Гатку съ правой же стороны Быбша.

Въ Супой съ переяславской, т. е. правой, стороны впадаютъ Малый Супой (Супоецъ) и Сосновка.

Всѣ рѣки, орошающія переяславскій уѣздъ, текутъ въ низменныхъ, болотистыхъ берегахъ, постепенно мелѣютъ и обращаются въ болота. Даже весеннія воды не въ состояніи производить углубляющаго дѣйствія на ихъ русла вслѣдствіе слабаго уклона водныхъ стоковъ и только широко разливаются по окрестностямъ этихъ рѣкъ.

Названія рѣкъ носятъ также нѣкоторые рукава и озера р. Днѣпра.

По почвѣ переяславскій уѣздъ распредѣляется на четыре раіона: песчаное побережье Днѣпра, супесчано-солонцеватый раіонъ между побережьемъ Днѣпра и побережьемъ Трубежа, раіонъ по Трубежу, гдѣ земли песчаныя перемѣшаны съ черноземными и солонцеватыми, и раіонъ черноземный, простирающійся до Супоя.

Лѣса въ уѣздѣ расположены преимущественно по берегамъ рѣкъ и составляютъ въ 1-мъ раіонѣ—35% площади, во 2-мъ—5%, въ 3-мъ—16% и въ 4-мъ—5%. Изъ этого видно, что побережье Днѣпра и берега Трубежа особенно богаты лѣсомъ и

Библиотека "Руниверс"

въ настоящее время, когда много превосходныхъ лѣсовъ вырублено и частью выкорчевано, а частью занято чагарникомъ.

Наиболѣе густо населеннымъ является супесчано-солонцеватый раіонъ, затѣмъ черноземный; слабѣе остальные два раіона—вѣроятно потому, что песчаныя или болотистыя побережья переяславскихъ рѣкъ представляютъ большія неудобства для поселенія.

Все населеніе переяславскаго уѣзда составляетъ 28,845 хозяйствъ, въ которыхъ числится 78,037 лицъ мужскаго пола и 77,016 женскаго, а всего 155,053 человѣка, такъ что на одно хозяйство среднимъ числомъ приходится $5^1/_2$ душъ. Какъ и въ прочихъ уѣздахъ полтавской губерніи, здѣсь замѣтенъ перевѣсъ мужскаго населенія надъ женскимъ, а именно: на 100 мужчинъ приходится $98^7/_{10}$ женщинъ.

Все населеніе переяславскаго уѣзда группируется въ 138 населенныхъ пунктахъ, не считая мелкихъ хуторовъ, и принадлежитъ исключительно къ малорусскому племени; только семьи евреевъ и цыганъ пестрятъ кое-гдѣ его племенное однообразіе.

Территорія переяславскаго уѣзда сравнительно недавно пріобрѣла тотъ внѣшній обликъ, который она имѣетъ въ настоящее время; сравнительно недавно ея равнины и долины приняли свои теперешнія очертанія. Всего нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ она была еще полярною пустынею, загроможденною льдами и снѣгами и лишенною всякой растительной и животной жизни и присутствія человѣка. Только путемъ крайне медленнаго, обусловленнаго неразгаданными космическими причинами, процесса—климатъ ея измѣнился постепенно изъ холоднаго въ умѣренный, и сама она превратилась вмѣстѣ съ остальными частями южно-русской равнины изъ страны льдовъ и снѣговъ въ роскошную степь, перемежающуюся лѣсами и болотами, по которымъ струятся ея тихія рѣчки [1]).

---

[1]) См. рѣчь проф. Краснова, напечатанную въ журналахъ Полтав. сел. хоз. общества 1891, вып. II, стр. 143—160, —„Настоящее и прошлое южно-русскихъ степей“. Краткія свѣдѣнія о ледниковой эпохѣ можно найти въ книгѣ В. Д. Смирнова „Прошлое и настоящее земли“. М. 1890, стр. 99—168.

Библиотека "Руниверс"

Съ этого-же времени появился на территоріи переяславскаго уѣзда и первобытный человѣкъ.

При нынѣшнемъ состояніи научныхъ данныхъ мы можемъ съ несомнѣнностью утверждать, что первоначальными насельниками переяславскаго уѣзда были длинноголовые финны. Небольшими родовыми группами бродили они по его тогдашнимъ пустынямъ, охотились на дикихъ звѣрей (въ томъ числѣ на мамонтовъ, носороговъ и пр.) и такимъ путемъ добывали себѣ средства къ существованію. Отъ нихъ остались тѣ каменныя орудія, черепки и остатки пищи, которые наблюдалъ Н. Ѳ. Бѣляшевскій въ предѣлахъ переяславскаго уѣзда близъ приднѣпровскихъ селъ Жеребятина и Койлова [1]). Вѣроятнымъ памятникомъ финнскаго быта слѣдуетъ признать и тотъ каменный, замѣчательно отполированный, топорикъ, который мнѣ случайно удалось найти на поляхъ д. Кучакова и который переданъ мною на храненіе въ археологическій музей кіевскаго университета,

Прикочевавшія изъ Средней Азіи скиѳо-сарматскія племена иранской отрасли арійскаго племени оттѣснили финновъ на сѣверъ въ нынѣшнюю среднюю Россію и заняли мѣста ихъ стоянокъ, распространившись далеко на западъ до Карпатъ и Дуная. Они окрестили своими именами самыя крупныя рѣки южной Россіи, и эти имена, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, дожили до настоящаго времени. Загнаннымъ въ неприступныя ущелья Кавказскихъ горъ потомкамъ скиѳо-сарматскихъ племенъ, осетинамъ, до сихъ поръ понятны имена Дона, Днѣпра и Днѣстра,—послѣднихъ въ ихъ средневѣковыхъ формахъ: Данастеръ, Данаперъ. Донъ для нихъ просто „вода“, Днѣстръ—„быстрая вода“, Днѣпръ—„падающая вода“ (скиѳо-сарматовъ поразили, конечно, днѣпровскіе пороги, съ которыхъ съ страшнымъ шумомъ и ревомъ падаетъ въ пропасть громадная масса воды [2]).

---

[1]) См. статью Н. Ѳ. Бѣляшевскаго „Первобытный человѣкъ на берегахъ р. Днѣпра“ въ Кіевской Старинѣ 1890, т. XXIX, стр. 12.

[2]) Я не распространяюсь здѣсь о происхожденіи и культурѣ скиѳо-сарматскихъ племенъ. Все, что добыто наукой по этимъ вопросамъ, сведено во II-мъ вы-

Библиотека "Руниверс"

Преемниками скиѳо-сарматовъ въ переяславскомъ уѣздѣ были славяне, оттѣснившіе своихъ предшественниковъ въ прикавказскія страны. Они дали названія притокамъ Днѣпра, въ томъ числѣ и протекающимъ въ предѣлахъ переяславскаго уѣзда. Иныя изъ названій переяславскихъ рѣчекъ произошли въ позднѣйшее время (послѣ XVI в.) отъ личныхъ именъ христіанскаго календаря (Яненка отъ Янъ—Іоаннъ; Лукашевка отъ Лукашъ—Лука) и отъ фамильныхъ прозвищъ (Козелъ отъ прозвища Козелъ, Красиловка отъ Красило, Воробьевка отъ Воробей), и являются, конечно, воспоминаніемъ объ обывателяхъ, которые проживали когда-то на берегахъ этихъ рѣченокъ. Другія названія также позднѣйшаго происхожденія (XVI в.) объясняются природными условіями той мѣстности, по которой протекаютъ ихъ носительницы, или сооруженіями, которыя были на нихъ устроены; такъ: Березанка течетъ въ березовыхъ лѣсахъ, у Сухоберезицы—сухіе берега, надъ Сосновкой попадались, вѣроятно, нѣкогда сосны, Рудницкая краснѣла желѣзной рудой, Старица перемѣнила свое русло; Броварка, имѣющая еще кромѣ того шесть названій, изъ которыхъ названія Яненка и Лукашевка объяснены выше, называется Броваркой по бывшему на ней пивному заводу — броварнѣ (*Brauerei*), Кирпичевкой по кирпичному заводу, устроенному когда-то на ея берегу, Супротивной по положенію своему противъ того села, гдѣ ее такъ именуютъ, Чирской по обилію живущихъ на ней маленькихъ дикихъ утокъ—чирятъ. Гатка называется такъ по плотинѣ, которая черезъ нее выгачена.

Но есть третій рядъ названій, которыя идутъ изъ отдаленной древности и происходятъ отъ малопонятныхъ намъ на первый разъ, но несомнѣнно славянскихъ корней. Такъ: *Трубежъ*, Трубайло отъ труба, трубити, трублю,—быть можетъ, названъ такъ потому, что на его берегахъ происходили большія охоты, во время которыхъ трубили въ охотничьи рога. Въ лѣтописи Трубежъ упоминается впервые подъ 988 г., когда сообщается

пускѣ труда гр. Толстаго и Н. Кондакова, „Русскія древности въ памятникахъ искусства“. Спб. 1869.

Библиотека "Руниверс"

любопытный фактъ объ устройствѣ Владиміромъ Святымъ укрѣпленій по берегамъ Трубежа, въ которыхъ онъ поселилъ лучшихъ мужей „отъ словенъ, и отъ кривичъ, и отъ чюдий, и отъ вятичь“ [1]). Къ этому времени относится, вѣроятно, насыпка валовъ, проходящихъ двумя параллельными полукругами отъ Днѣпра къ Трубежу на юго-востокъ отъ г. Переяслава. *Супой* отъ корней *су* съ понятіемъ о сосѣдствѣ (сутки, суточки) и *по* въ глаголахъ пить, поить, могло значить: пограничный (отъ сосѣдей) водопой. Въ лѣтописи извѣстенъ съ 1136 г. по случаю жестокой битвы, которая происходила въ верховьяхъ его („на верхъ Супоя“) [2]) между Ольговичами и Мономаховичами. *Альта*, Ильтыця отъ славянскаго корня съ понятіемъ течь. Отсюда и чешская Вельтава. Въ лѣтописи Альта попадается, начиная съ 1015 г., когда на берегу ея, близъ г. Переяслава, былъ убитъ князь Борисъ. *Недра* несомнѣнно того-же корня, что и малорусскія слова нéтро, нéтря — топкое болото, густо поросшее лѣсомъ, куда трудно проникнуть.

Два названія переяславскихъ рѣчекъ тюркскаго корня и напоминаютъ о тѣхъ переяславскихъ торкахъ или черныхъ клобукахъ, которые составляли въ княжескую эпоху пограничную стражу переяславскаго княжества: это—Каратулька (она же называется Броваркой и еще пятью именами, объясненными выше), отъ кара—черный и туль—шапка, клобукъ, и Карань отъ того же слова кара—черный; быть можетъ, черная рѣчка, какъ мѣсто жительства черныхъ клобуковъ. Въ 1040 г. переяславскій князь Андрей Владиміровичъ отбилъ нападеніе на Переяславъ Святослава Ольговича и гналъ его дружину до Карани. Только названія Иква, Млень, Селичевка и Быбша не поддаются сколько-нибудь удовлетворительному объясненію.

Славянскія племена, поселившіяся въ южной Россіи послѣ скиѳо-сарматскихъ, долго не могли достигнуть политической независимости и образовать самостоятельное государство. Ихъ постоянно покоряли проходившіе на западъ завоеватели и обя-

[1]) Ипатская лѣтопись, изд. 1871 г., стр. 83.

[2]) Ипат. лѣт., 1871 г., стр. 214.

Библиотека "Руниверс"

зывали платить дань. Въ IV в. переяславскій уѣздъ входилъ въ составъ готской державы и вблизи него, на мѣстѣ нынѣшняго Кіева, стоялъ знаменитый *Stadi Danpar*—городъ Днѣпра, столица Эрманариха [1]) Въ V в. переяславскимъ уѣздомъ владѣли гунны, въ VI-мъ и VII-мъ авары, въ VIII-мъ хазары, получавшіе дань „по бѣлѣ и вѣверицѣ“ отъ дыма т. е. отъ жилья [2]).

Власть хазаръ окончилась въ половинѣ IX-го вѣка возникновеніемъ и развитіемъ самостоятельныхъ славянскихъ княжествъ, въ ряду коихъ заняло впослѣдствіи мѣсто и княжество переяславское. Послѣ этого былъ только небольшой промежутокъ времени (около 892 г.), когда переяславскій уѣздъ могъ быть подчиненъ венграмъ (уграмъ, мадьярамъ), проходившимъ подъ напоромъ печенѣговъ изъ придонскихъ степей въ Паннонію.

За все время своего трехвѣковаго существованія переяславское княжество служило оплотомъ отъ нападеній на Русь появлявшихся изъ Азіи кочевниковъ—печенѣговъ, торковъ, половцевъ и, наконецъ, татаръ. Торками оно воспользовалось, какъ хорошимъ военнымъ элементомъ, и поселило ихъ на берегахъ Трубежа и Каратульки въ качествѣ пограничной стражи [3]). Селились въ предѣлахъ переяславскаго княжества и татары. Предполагая, что всѣ племена, жившія когда-бы то ни было на территоріи переяславскаго княжества одновременно съ русскими славянами, вступали съ ними въ брачныя отношенія, мы должны признать, что въ жилахъ малорусскаго народа есть слѣды крови и готской, и гуннской, и аварской, и хазарской, и мадьярской, и печенѣжской, и торкской, и половецкой, и та-

---

[1]) См. Статью проф. Веселовскаго „Славяно-германскіе отрывки“ въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1889, іюль, стр. 1—6. О смѣнѣ народностей въ южной Руси см. ст. Житецкаго въ Кіев. Стар. т. VI, т. IX и т. X.

[2]) Ипат. лѣт., 1871, стр. 11.

[3]) Для знакомства съ отношеніями населенія переяславскаго княжества къ кочевникамъ см. книгу Голубовскаго „Исторія ю.-рус. степей“, Кіевъ, 1884, особенно главу: „Русь и кочевники“ стр. 65—181. Наиболѣе точныя указанія о переяславскихъ торкахъ находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ Ипатской лѣтописи, изд. 1871: стр. 114: „Иде Всеволодъ на торки зимѣ къ Воіню и побѣди торкы“ стр. 143: „Заратишася торці переяславлестии на Русь“; стр. 208: „Слышавше же се врази половци смерть Володимерю, и присунушася къ Баручю, рекше: возмемъ торкы ихъ“. „Воінь“—теперь Войнинцы на Каратулькѣ; „Баручь“—теперь Барышевка на Трубежѣ.

Библиотека "Руниверс"

тарской. Этимъ объясняется разнообразіе физическихъ типовъ въ малорусскомъ населеніи. Но вопросъ этотъ пока только намѣченъ въ сочиненіи г. Дибольда [1]) и въ статьѣ г. Талько-Гринцевича [2]) и требуетъ еще дальнѣйшей разработки. Для того, чтобы судить о бытѣ и нравахъ племенъ, населявшихъ южную Россію до славянъ и одновременно съ ними, частью вовсе нѣтъ письменныхъ данныхъ, частью и существуютъ въ сочиненіяхъ писателей греческихъ, латинскихъ, арабскихъ и въ нашей первоначальной лѣтописи, но такія неточныя и глухія, что изъ нихъ съ большими натяжками возможно дѣлать какіе-либо выводы.

Но къ счастію всѣ эти народы, приходя на территорію южной Руси, приносили съ собою собственную культуру и въ своихъ могильникахъ оставили намъ полную картину своего быта и внутренней жизни.

Вотъ почему въ замѣнъ письменныхъ источниковъ является *раскопка могилъ*, которая разъясняетъ намъ способъ погребенія мертвецовъ у народовъ, населявшихъ когда-бы то ни было южнорусскія степи, и такимъ образомъ позволяетъ заключать и о бытѣ похороненныхъ во время ихъ земной жизни. Финны, скиѳо-сарматы и славяне, готы и гунны, авары и хазары, печенѣги и торки, половцы и татары—всѣ оставили въ могилахъ своихъ мертвецовъ, чтобы мы могли ознакомиться съ ними и опредѣлить, изъ какихъ элементовъ слагалась ихъ земная жизнь.

Территорія переяславскаго уѣзда очень богата могильными насыпями, скрывающими прахи бывшихъ ея обитателей, но изслѣдованіе ихъ почти не начато. Въ семидесятыхъ годахъ г.г. Самоквасовъ и Кибальчичъ раскопали по нѣсколько кургановъ въ окрестностяхъ г. Переяслава и с. Сулимовки, но дневники ихъ раскопокъ никогда не были публикованы, да изъ нихъ и нельзя было-бы сдѣлать какихъ-нибудь обобщеній по скудости добытыхъ данныхъ. Археологическое изслѣдованіе переяславскаго уѣзда дѣло будущаго—хотѣлось-бы думать, что недалекаго.

---

[1]) Ein Beitrag zur Anthropologie der Kleinrussen. Dorpat. 1886.

[2]) Antropologia w ogóle i w zastosowaniu do kraju naszego. Wisła, 1888, str. 547—562.

Библиотека "Руниверс"

II. Населенныя мѣста переяславскаго уѣзда. Къ IX вѣку нашей эры, отъ котораго начинаются извѣстія нашей первоначальной лѣтописи, населявшее переяславскій уѣздъ славянское племя достигло уже извѣстной ступени гражданственности. Оно занималось земледѣліемъ, жило осѣдло въ селахъ и имѣло укрѣпленные городки, куда скрывалось въ случаѣ нападенія враговъ. Важнѣйшимъ изъ этихъ городковъ съ постояннымъ городскимъ торговымъ классомъ былъ Переяславъ. Этотъ торговый классъ, быть можетъ, не принадлежалъ къ господствующему племени, а являлся остаткомъ скандинавской дружины, отправившейся искать счастья изъ негостепріимной сѣверной родины въ благодатныя южныя страны. Въ самомъ началѣ X-го вѣка, въ 907 г., въ Переяславѣ былъ уже свой князь, подчинявшійся верховной власти новгородскаго князя Олега. Населеніе Переяслава вело торговлю съ Византіей и участвовало въ походѣ на нее, предпринятомъ Олегомъ. Когда пришлось заключать миръ съ византійскими греками, то Олегъ потребовалъ отъ нихъ уплаты контрибуціи не только въ пользу той морской флотиліи, на которой онъ прибылъ, но и въ пользу тѣхъ городовъ, гдѣ жили подвластные ему князья, въ томъ числѣ и въ пользу Переяслава. Кромѣ того переяславскіе торговцы получили въ числѣ другихъ привилегію получать по прибытіи въ Византію отъ византійскаго правительства провизію на шесть мѣсяцевъ въ видѣ хлѣба, вина, мяса, рыбы и овощей. Когда по окончаніи торговыхъ сдѣлокъ они отправлялись домой, то византійскій императоръ долженъ былъ давать имъ на дорогу съѣстные припасы, а также якори, канаты, паруса и все другое, что имъ понадобится для снаряженія судовъ къ выходу въ море.

Впослѣдствіи мѣстные переяславскіе князья исчезаютъ и Переяславъ начинаетъ получать себѣ князя изъ династіи кіевскихъ князей Рюриковичей. Переяславскій столъ получаетъ характеръ переходнаго къ великому столу кіевскому. Мало по мало онъ закрѣпился въ родѣ Всеволода Ярославича и просуществовалъ въ видѣ отдѣльнаго стола до конца XII вѣка, когда извѣстія о переяславскихъ князьяхъ прекращаются, если не признавать вѣрнымъ извѣстія лѣтописи Быховца, что въ битвѣ

Библиотека "Руниверс"

съ Гедиминомъ на Ирпени участвовалъ и князь переяславскій.

Несмотря на то, что новыя волны кочевыхъ народовъ постоянно приливали изъ Азіи къ границамъ переяславскаго княжества, имъ не удалось вполнѣ смести прочно осѣвшее въ переяславскомъ уѣздѣ славянское населеніе. Печенѣги, торки, половцы и, наконецъ, татары уменьшали, правда, густоту этого населенія, но никогда не уничтожали его вполнѣ. Русское населеніе оставалось въ предѣлахъ переяславскаго уѣзда все то время, когда южною Русью владѣли татары, хотя и должно было терпѣть въ близкомъ сосѣдствѣ значительную массу поселившихся татарскихъ кочевниковъ. Опустошеніе, постигшее южную Русь отъ полчищъ Батыя въ 1237 и послѣдующихъ годахъ, какъ ни было оно велико, не оставило послѣ себя лишь пустыню: нѣкоторые города совершенно уцѣлѣли, въ томъ числѣ и Переяславъ, въ которомъ въ 1250 г. встрѣтили татары Даніила Галицкаго, когда послѣдній ѣхалъ въ орду на поклоненіе Батыю. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что при татарскомъ погромѣ большинство жителей не было избито, а бѣжало передъ татарами; избито было преимущественно городское населеніе. Для жителей тогдашняго времени предстояло двоякое средство спасенія: бѣжать въ чужія страны, именно въ Польшу, Венгрію и Чехію, и, во вторыхъ, скрываться дома по лѣсамъ. Большинство предпочло второй способъ и по минованіи опасности тотчасъ же начало возвращаться въ свои прежнія жилища. Татарскія нашествія 1261 г. (Бурундая), 1283 г. (Телибуги и Ногая), 1399 г., когда татары гнались за разбитымъ Витовтомъ, подступили къ Кіеву и взяли съ него 3,000 рублей контрибуціи, и, наконецъ, 1482 г. (Менгли-Гирея)—значительно разрѣдили населеніе переяславскаго уѣзда, но все таки остались свидѣтели пропилаго, которые передали своимъ преемникамъ по крайней мѣрѣ имена старыхъ поселеній. Этимъ объясняется, какимъ образомъ имена города Переяслава и одиннадцати селъ переяславскаго уѣзда удержались до сихъ поръ отъ княжеской эпохи (X—XII в.).

Села эти слѣдующія:

Библиотека "Руниверс"

1) Село Вороньковъ, вороньковской волости, упоминается въ поученіи Владиміра Мономаха въ формѣ *Воронича*. Отсюда Владиміръ Мономахъ началъ одинъ изъ своихъ походовъ на половцевъ.

2) Село Сальковъ, вороньковской волости, встрѣчается въ Ипатской лѣтописи (изд. 1871 г. на стр. 181 и 277) въ формѣ *Саковъ*.

3) Село Войнинцы, хоцковской волости, упоминается въ Ипатской лѣтописи на стр. 114, 143, 198 въ формѣ *Воинъ*. Вблизи нынѣшнихъ Войнинецъ есть долина, называемая Воиновой Долиной.

4) Село Малыя Яненки, переяславской волости, называемое нынѣ Воскресенскимъ, въ 1149 г. называлось *Янчино сельцо*.

5 и 6) Села Великая и Малая Каратули, переяславской волости, существовали уже въ XI-мъ вѣкѣ и, вѣроятно, такъ и назывались, какъ мѣстопребываніе переяславскихъ торковъ, принадлежавшихъ къ восточнымъ племенамъ и извѣстныхъ въ лѣтописяхъ подъ именемъ черныхъ клобуковъ, что составляетъ русскій переводъ имени каратулей.

7) Деревня Карань, переяславской волости, на рѣчкѣ тогоже имени, упоминается въ 1140 г. въ формѣ *Корань*.

8) Село Демянцы, демянской волости, упоминается въ 1155 г. въ формѣ *Деминескъ* (Деменескъ).

9) Деревня Глѣбовка, демянской волости, упоминается въ 1185 г. въ формѣ *Глѣбовъ*. (Игорь говоритъ: „взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля“).

10) Село Строкова, помокельской волости, упоминается въ 1149 г. подъ именемъ „*Кудьново сельцо*“, а рѣчка Гатка, на которой оно стоитъ, называлась тогда *Стряковъ*. Затѣмъ имя рѣчки сдѣлалось именемъ села, а рѣчка получила иное названіе по сооруженію, которое на ней устроили.

11) Мѣстечко Барышевка, барышевской волости, упоминается подъ 1126 и 1174 г.г., какъ городъ торковъ „*Баручь*“. Къ первоначальному названію присоединился подъ вліяніемъ великорусскаго языка, въ которомъ сельское поселеніе называется *деревней*, суффиксъ женскаго рода—*евка* и получилось

Библиотека "Руниверс"

названіе „Баручевка“, которое изъ удобствъ произношенія измѣнилось въ „Барышевка“.

Однако, несмотря на то, что славянское населеніе никогда не изсякало въ конецъ на территоріи переяславскаго уѣзда и сберегло въ своихъ устахъ старыя названія мѣстностей,—тѣмъ не менѣе страна эта сильно запустѣла и возвратилась почти въ тотъ видъ, какой она имѣла въ тѣ отдаленныя доисторическія времена, когда по ней блуждали толпы финнскихъ охотниковъ въ погонѣ за дикими звѣрями.

Довольно полную картину жизни въ предѣлахъ переяславскаго уѣзда за столѣтіе съ 1550 по 1650 г. рисуютъ намъ составленныя польскими чиновниками люстраціи или описанія замковъ: каневскаго, кіевскаго и остерскаго 1552 г., староствъ кіевскаго воеводства въ томъ числѣ и переяславскаго староства 1616 г., остерскаго староства 1628 г. и тарифа подымной подати кіевскаго воеводства 1631 г.[1]). Заимствуемъ изъ этихъ памятниковъ наиболѣе выпуклыя черты.

Переяславскій уѣздъ представлялъ собою пустыню, мало пригодную для осѣдлой жизни. На пространствѣ его было разсѣяно много городищъ и селищъ, которыя обозначали собою мѣста бывшихъ поселеній. Населеніе ютилось въ хуторахъ и было очень рѣдко. Остальная земля лежала впустѣ и заселена была только дикими звѣрями да птицами. Право пользоваться естественными богатствами страны принадлежало старостѣ каневскаго замка и его мѣщанамъ, которые несли за это службу на пограничьи польскаго государства. Главныя охоты происходили на берегахъ Супоя. Каневскіе мѣщане и бояре должны были отправляться туда вмѣстѣ съ старостою и охотиться въ его пользу три дня. Отъ Канева до мѣста охоты—Супоя считалось 4 мили. Остальное время мѣщане охотились, ловили рыбу, занимались пчеловодствомъ въ свою пользу и должны были только платить старостѣ извѣстную дань. Эти промышленники уходили изъ Канева на переяславскую сторону только на лѣто,

---

[1]) Всѣ эти документы напечатаны въ I-мъ томѣ VII-ой части Архива Юго-Западной Россіи. Кіевъ. 1886.

Библиотека "Руниверс"

а на зиму опять возвращались обратно въ г. Каневъ. Но были люди, которые круглый годъ жили въ переяславскихъ пустыняхъ: это—козаки, люди свободные и никуда не приписанные, потомки тѣхъ старинныхъ обитателей Переяславщины, которые уцѣлѣли отъ татаръ, скрываясь въ лѣсахъ и болотахъ. Они занимались тѣми-же самыми промыслами, что и каневскіе мѣщане, и причиняли послѣднимъ много вреда, отнимая у нихъ ту дичь и рыбу, которыя при отсутствіи конкурренціи достались-бы мѣщанамъ. Кромѣ того портили охоту каневскимъ мѣщанамъ, распугивая дичь, солдаты каневскаго гарнизона, такъ называемые драбы, которые ходили по старымъ селищамъ и городищамъ, разрывали окружавшія ихъ могилы, чтобы воспользоваться зарытыми вмѣстѣ съ мертвецами цѣнными предметами, напримѣръ, браслетами и кольцами, и при этомъ разбрасывали кости мертвецовъ. Каневскіе мѣщане суевѣрно боялись, что потревоженные покойники будутъ мстить за такое небрежное отношеніе къ ихъ праху.

Только въ самомъ концѣ XVI-го вѣка переяславскій уѣздъ начинаетъ заселяться болѣе прочно. 3-го іюня 1585 г. Стефанъ Баторій разрѣшилъ князю Константину Острожскому основать городъ и построить замокъ на пустомъ городищѣ, называемомъ „Переяславъ“, и далъ будущему городу магдебургское право. Мало по малу вмѣсто прежнихъ уединенныхъ хуторовъ появляются села, хотя сначала, конечно, мелкія. Крупныхъ селъ на лѣвомъ берегу Днѣпра не было даже въ половинѣ XVIII-го вѣка: громадное большинство ихъ состояло изъ 3—20 дворовъ, причемъ преобладающими были села съ 3—8 дворами. Возникли эти села изъ хуторовъ, основанныхъ отдѣльными поселенцами, главнымъ образомъ благодаря естественному размноженію. Дѣлимость семействъ въ XVI, XVII вѣкѣ не была столь велика, какъ теперь, и существовали сводныя семьи въ родѣ сербскихъ задругъ. Устройство жилищъ для новыхъ поколѣній вело къ превращенію хутора въ село. Этимъ объясняется и множественное число значительной части названій переяславскихъ селъ (37 изъ 138): потомки одного предка носили общее фамильное прозваніе, которое потомъ закрѣпилось за селомъ.

Библиотека "Руниверс"

Впервые мы узнаемъ о существованіи нѣкоторыхъ переяславскихъ селъ изъ описанія кіевскаго замка 1552 г. Въ числѣ селъ, обязанныхъ платить дань въ пользу кіевскаго замка, упоминаются „за Днепромъ на Трубежи: Боръщовцы, Иванковцы, зъ Острое Луки“ [1]) т. е. нынѣшнія села Борщовъ (скопецкой вол.). Иваньковъ (бориспольской вол.) и Остролучье (барышевской вол.). Борисполь упоминается въ Конституціяхъ варшавскаго сейма 1590 и 1596 гг.[2]) Борисполь же и Барышевка упоминаются въ тарифѣ подымной подати кіевскаго воеводства 1631 г. Въ реестрахъ войска запорожскаго 1649 г. упоминаются почти всѣ наиболѣе крупныя села переяславскаго уѣзда при обозначеніи мѣста родины нѣкоторыхъ козаковъ; такъ, напримѣръ, Курило Помокалский, Мисько Цибельский (стр. 216), Уласъ с Хоцокъ, Сидоръ з Леляковъ (стр. 220). Такимъ образомъ мы видимъ, что большинство селъ переяславскаго уѣзда возникло въ періодъ времени съ 1550-хъ до 1650-хъ годовъ. Болѣе подробныя данныя о времени основанія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ селъ будутъ приведены нами при обозрѣніи ихъ исторіи.

Всѣхъ населенныхъ мѣстъ въ переяславскомъ уѣздѣ числится, какъ упомянуто выше, 138, не считая мелкихъ хуторовъ. Одни изъ нихъ носятъ имена, принадлежащія грамматически къ именамъ существительнымъ, другія—принадлежащія къ именамъ прилагательнымъ. Принадлежащія къ именамъ существительнымъ имѣютъ частью единственное, частью множественное число. Къ именамъ прилагательнымъ всегда можно добавить имена нарицательныя: хуторъ, село, деревня; напримѣръ: Рудяковъ—хуторъ, Старое—село, Пасѣшная—деревня. Нужно полагать, что женскія прилагательныя въ названіяхъ селъ появились подъ великорусскимъ вліяніемъ, такъ какъ слова „деревня“ малорусскій языкъ не знаетъ.

Названія селъ, принадлежащія къ именамъ существительнымъ женскаго рода, какъ напримѣръ, Семеновка, Лехновка

[1]) Архивъ, стр. 120.

[2]) Volumina Legum. 1859. Т. II, стр. 318, стл. 1 и стр. 351, стл. 2.

Библиотека "Руниверс"

и т. д. также предполагаютъ обозначеніе поселенія терминомъ „деревня“ и произошли подъ великорусскимъ вліяніемъ, такъ какъ въ актахъ начала XVIII-го вѣка эти самыя поселенія носятъ еще старыя родовыя прозвища: Семенчинцы, Лехновцы и т. д.[1]).

Обращаясь къ объясненію названій переяславскихъ селъ по пути, указанному профессоромъ Сумцовымъ[2]), мы должны раздѣлить ихъ на 13 разрядовъ.

I) Села получившія названія отъ личныхъ христіанскихъ именъ первыхъ поселенцевъ въ календарной ихъ формѣ. Сюда принадлежатъ: Софіевка отъ Софія, Марьяновка отъ Маріанна, Максимовка отъ Максимъ, Борисовка отъ Борисъ, Аполлоновка отъ Аполлонъ, Лукьяновка отъ Лукіанъ, Павловка отъ Павелъ, Памфилы отъ Памфилъ.

II) Села, получившія названія отъ личныхъ христіанскихъ именъ первыхъ поселенцевъ въ народной формѣ[3]). Сюда принадлежатъ: Мартусовка отъ Мартуся, уменьш. отъ Марта, Марѳа, Семеновка отъ Семенъ = Симеонъ, Бакумовка отъ Бакумъ = Аввакумъ[4]), Корнѣевка отъ Корнѣй = Корнилій, Лехновка отъ Лехно = Александръ[5]), Сеньковка отъ Сень, Сенько = Симеонъ[6]), Уласовка отъ Уласъ = Власій, Процевъ отъ Проць=Прохоръ[7]), Паршиковъ отъ Паршико=Парамонъ, Сош-

---

[1]) Въ универсалѣ Скоропадскаго 1713 г. Настасьѣ Степановнѣ Дмитрашковой-Раичъ на эти села. См. Русск. Архивъ Бартенева, 1875, т. II, стр. 405.

[2]) См. статью „Малорусская географическая номенклатура“ въ Кіевской Старинѣ, 1886, іюль, стр. 456—489.

[3]) Огромный запасъ личныхъ христіанскихъ именъ въ народной формѣ и фамильныхъ прозвищъ представляютъ списки мѣщанъ южно-русскихъ замковъ, напечатанные въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, т. 1, ч. VII, а въ особенности реестра войска запорожскаго 1649 г., изданные Бодянскимъ при Московскихъ Чтеніяхъ въ 1874 г. Мы приводимъ изъ этихъ источниковъ болѣе рѣдкія имена и прозвища для доказательства ихъ существованія въ южной Россіи XVI-го в. О малорусскихъ фамильныхъ прозвищахъ см. ст. Сумцова. „Кіев. Стар.“, 1885 г., т. XI, стр. 215.

[4]) Р. стр. 219, Бакумъ Исайченко, 224, Бакумъ Бараненко.

[5]) Р. 156. Лехно Пащенко, 177. Лехно Кантимеренко, 197. Лехно Карпенко, 66 Данило Лехновичъ, 6. Иванъ Лехненко.

[6]) Р. 138. Сень Петрашенко, 139. Сень Жабенко; Арх. 104. Синько.

[7]) Р. 182. Проць Ласовченко, 184. Проць Микодиненко.

Библиотека "Руниверс"

никовъ отъ Сошъ, Сошко = Сосъ [1]), Иваньковъ отъ Иванько = Иванъ, Сизенковъ отъ Сизенько, Созонъ = Созонтъ [2]), Хоцки отъ Хоцко, Ходоръ=Ѳеодоръ [3]), Лецки отъ Лесько, Лесь=Александръ [4]), Яненки отъ Янъ = Иванъ, Андруши отъ Андруша, Андрушко=Андрей, Ерковцы отъ Ерко, Ерчыкъ=Юрій, Георгій [5]), Демянцы отъ Демянъ = Даміанъ, Харьковцы отъ Харько = Харитонъ, Пилипчичи отъ Пилипъ = Филиппъ, Денисы отъ Денисъ=Діонисій, Мацковцы отъ Мацко=Матѳей [6]), Мазинки отъ Мазько, Мазинько = Матѳей, Лукаши отъ Лукашъ = Лука, Ярешки отъ Ярешко, Ярема = Іеремія [7]), Войтово, Войтовцы отъ Войтъ, Войтко=Войтѣхъ.

III) Села, получившія названія отъ фамильныхъ прозвищъ первыхъ поселенцевъ. Сюда относятся Рудяковъ отъ Рудякъ, Вовчковъ отъ Вовчокъ, Вовкъ, Козловъ отъ Козелъ, Гусинцы отъ Гусь черезъ прилагательное: Гусинъ, Козинцы отъ Коза черезъ прилагательное: Козинъ, Горбани отъ Горбань [8]), Ковалинъ отъ Коваль, Жуковка отъ Жукъ, Усовка отъ Усъ, Тужиловъ отъ Тужило, Морозовка отъ Морозъ, Чоботьки отъ Чоботько [9]), Чепилки отъ Чепилка [10]), Стовпяги отъ Стовняга [11]), Скопцы отъ Скопець [12]), Жеребятинъ отъ Жеребя, Леляки отъ Леляка, Лелека (аистъ), Положаи отъ Положай, Борщевъ отъ Борщъ, Гречаники отъ Гречаникъ, Коржи отъ Коржъ, Вергуны отъ Вергунъ, Гайшинъ отъ Гайша [13]), Гланишевъ отъ Гланышъ, Кулябовка отъ Кулябка, Кой-

---

[1]) Арх. 113—114: Сошъ Цивъликъ, Сошко Кулюбакинъ, Сошъко Кривопускъ.

[2]) Р. 212. Сезонъ Бильченко.

[3]) Арх. 596. Хоцько Рубеньковичъ, 597. Хоцко Онискевичъ.

[4]) Р. 12. Лесько Антоненко, 215. Лесько Костюченко. 140. Лесь Марченко, 141. Лесь Московченко.

[5]) Р. 205. Юсько Ерченко, 208. Максимъ Ерчыкъ.

[6]) Р. 25. Мацько Слуцкий. Арх. 117. Мацко Носачовникъ.

[7]) Р. 181. Ярешко Луценко, 183. Ярешка Демановичъ.

[8]) Р. 279. Олекса Горбань, 286. Гаврило Горбань, 293. Тимко Горбань.

[9]) Р. 219. Кузьма Чоботко, 232. Павелъ Чобутко.

[10]) Р. 73. Панько Чепила, 186. Иванъ Чопилка.

[11]) Р. 231. Яцько Стовпяга.

[12]) Р. 298. Стецько Скопець.

[13]) Р. 5. Романъ Гайша.

Библиотека "Руниверс"

ловъ отъ Койло [1]), Рогозовъ отъ Рогозъ [2]), Лебединъ отъ Лебедь, Волошиновка отъ Волошинъ, Волохъ (румынъ), Ячники отъ Ячникъ [3]), Черевки отъ Черевко [4]), Бабачиха отъ Бабычъ, Швадчиха отъ Швадько, Хлопковъ отъ Хлопко, Голосіевка отъ Голосій, Чубуковъ отъ Чубукъ, Кучаковъ отъ Кучакъ [5]), Дѣвички отъ Дѣвочка.

IV) Села, названія коихъ указываютъ на давность ихъ заселенія или на внѣшній видъ. Сюда относятся: Старое, Старосельe, Селище, Городище, Глубокое, Пристромы, Острoлучье, Заостровскій (хуторъ), Заручанскій (хуторъ), Довгогребельскій (хуторъ), Гребля, Нагорновка, Подгорный, Озерище, Дубовая Шея, Борис-*поле*, Кру-*поле* Великое, Кру-*поле* Малое, Сомкова Долина.

V) Села, получившія имена отъ фамилій заселявшихъ ихъ пановъ. Сюда принадлежатъ: Сулимовка отъ фамиліи Сулимъ, Полуботькова Слободка отъ фамиліи Полуботко.

VI) Села, названныя по имени праздника, коему посвященъ мѣстный храмъ. Сюда относятся: Покровское по церкви св. Покрова, выстроенной Н. И. Думитрашкомъ-Раичемъ, и Воскресенское по церкви, выстроенной М. Л. Каніевскимъ.

VII) Села, названныя во времена крѣпостнаго права по прихоти бывшихъ владѣльцевъ. Въ переяславскомъ уѣздѣ только село „Благодатное“ обязано этому своимъ названіемъ.

VIII) Села, указывающія на низменность мѣста, которое они занимаютъ. Сюда относятся названія: Пологи, Студеники, Помокли [6]).

IX) Села, получившія названія по лѣсамъ и зарослямъ, или по деревьямъ и растеніямъ, въ нихъ преобладающимъ. Сю-

---

[1]) Р. 208. Михайло Кулло, 116. Павелъ Койликъ.

[2]) Р. 286. Климъ Рогозъ.

[3]) Р. 113. Степанець Ячниковъ зять.

[4]) Р. 288. Янько Черевко, 2. Кузьма Черевченко

[5]) Арх. 148 Słuhi na imia... Kuczuk, Pereluuowicz

[6]) Пологи отъ лежать откуда ложбина = низменность, ложе = русло рѣки; Студеники отъ студить, студеный, стужа; студенецъ=колодезь, по-польски: *studnia*; Помокли отъ мокнуть.

Библиотека "Руниверс"

да относятся: Березань, Малая Березанка, Дерновка, Бзовъ [1]), Хмелевикъ.

X) Села, получившія названія по именамъ животныхъ, которыя въ нихъ особенно многочислены; сюда относятся: Комаровка и Комаровскій (хуторъ) отъ комаръ (на приднѣпровскихъ лугахъ, гдѣ расположены эти поселенія, особенно много комаровъ), Вьюнище отъ вьюнъ (въ окружающихъ село днѣпровскихъ заливахъ ловится много вьюновъ).

XI) Села, названныя по занятіямъ ихъ жителей; сюда относится въ переяславскомъ уѣздѣ только деревня Пасѣшная отъ пасѣка.

XII) Села, съ названіями юмористическими. Къ этому разряду принадлежитъ село, названное въ насмѣшку Натягайловка, потому что оно вытянулось въ одну длинную улицу.

XIII) Села названныя по рѣчкамъ, у которыхъ они расположены. Къ этому разряду относятся: Недра отъ рѣки Недра, Селичевка отъ р. Селичевки, Старицы Великая и Малая отъ р. Старицы, Чирскій отъ р. Чирской, Соснова отъ р. Сосновки, Рудницкое отъ р. Рудницкой.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы разсмотримъ въ слѣдующихъ очеркахъ исторію нѣкоторыхъ отдѣльныхъ селъ переяславскаго уѣзда и самаго города Переяслава.

А. Стороженко.

---

[1]) Бзовъ отъ бузина; по польски: *bzowina*=бузина, *bzowy*=бузиновый, напр. *bzowy kwiat*=бузиновый цвѣтъ, *bzowy sok*=бузиновый сокъ, *bzowy krzak*=бузиновый кустъ.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ИСТОРІИ СЕЛЪ и СЕЛЯНЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ МАЛОРОССІИ [1]).

4. Полковникъ Галаганъ въ приднѣпровскихъ своихъ маетностяхъ.

Въ Приднѣпровьѣ у Галагана было двѣ маетности: м. Еремѣевка и с. Липовое, входившія въ составъ чигриндубровской сотни, а послѣдняя занимала побережья Сулы при ея устьѣ. Мѣстность эта въ концѣ XVI в. находилась въ запустѣніи, но раньше имѣла уже свои поселенія. Монахи кіевскаго Николаевскаго монастыря сохранили любопытный актъ, по которому какой то дворянинъ Михаилъ Павша [2]) подарилъ ихъ монастырю „*селище Климятинъ* --- съ сульскимъ входомъ --- со всѣми входы и приходы, што изъ старины къ тому Климятину тягло и прислухало“---[3]) Впослѣдствіи монахи объясняли, что подаренныя Павшею земли включали въ себѣ—побережье Днѣпра отъ урочища Бѣлобережья до озера Дубка, на пространствѣ 25-ти верстъ и вверхъ по Сулѣ—правый ея берегъ на протяженіи 40-ка верстъ отъ Днѣпра... На этихъ земляхъ, „тянувшихъ“ къ Климятину, монахи, въ XVI в., успѣли устроить, повидимому, одинъ только Пивскій монастырь. Дальнѣйшее заселеніе этихъ земель произ-

---

[1]) См. Кіевск. Старина 1891 г., № 1.

[2]) Несѣцкій (VII, 264), говоря о Павшахъ, первымъ изъ нихъ называетъ Николая, жившаго уже въ к. XVI в. (1589 г.)

[3]) Акты Ю. и З. Россіи, I, 45. Селище Климятинъ подъ именемъ урочища „Клемента святого“ упоминается неразъ затѣмъ въ историческихъ актахъ к. XVI в., напр. Книга посольск. метр. в. кн. литовск., I, 36 и II, 306.

Библиотека "Руниверс"

водилось уже помимо монаховъ нахлынувшимъ сюда, съ конца XVI в., населеніемъ праваго берега Днѣпра, которое стало садить здѣсь слободы сначала самостоятельно, а потомъ—подъ началомъ захватившихъ берега Сулы и ея притоковъ Вишневецкихъ. Въ нач. XVII в. монахи попробовали было отнять у Вишневецкихъ Жовнинъ, какъ поселенный, по ихъ увѣреніямъ, на самомъ селищѣ Климятинскомъ и добились въ 1612 г. рѣшенія люблинскаго трибунала въ свою пользу, но привести этого рѣшенія въ исполненіе не смогли [1])... Затѣмъ, когда поляки были изгнаны изъ лѣваго берега Днѣпра войною Хмельницкаго, монахи Николаевскаго монастыря, предъявляя Хмельницкому свои права на климятинскія земли, стали доказывать, что на послѣднихъ поселились мѣстечки: Жовнинъ, Еремѣевка, Чигриндуброва и Власовка, которыя поэтому де и должны принадлежать Николаевскому монастырю. Хмельницкій, не провѣряя этихъ притязаній, выдалъ монахамъ универсалъ, подтвердившій за ними лишь право на земли климятинскія, безъ обозначенія ихъ границъ. Такой документъ, разумѣется, не могъ удовлетворить монаховъ и они выпросили у Многогрѣшнаго, въ 1670 г., другой универсалъ, уже съ подробнымъ означеніемъ тѣхъ земель, которыя будто бы принадлежали къ Климятинскому селищу. По этому универсалу за Николаевскимъ монастыремъ гетманъ утверждалъ: „городища, селища и грунта—Климятинъ, нынѣ называемый Жовнинъ,—климятинскіе уходы, или иначе жовнинскіе, около Сулы—Бѣлобережье [2]), Бражная лука, Домонтовская лука, Александрово озеро--- и противъ Веремѣевки--- уходы чигриндубровскіе около Сулы и Днѣпра до городища Пивовъ“ и т. д. Такимъ образомъ Многогрѣшный утверждалъ за Николаевскимъ монастыремъ огромное пространство днѣп-

[1]) Нѣсколько лѣтъ назадъ, намъ случилось видѣть межевой планъ с. Ляличецъ (рядомъ съ Еремѣевкою) и въ числѣ урочищъ, обозначенныхъ на этомъ планѣ, одно называется—„Бѣлыми берегами“. Хотя урочища съ этимъ названіемъ встрѣчаются очень нерѣдко по берегамъ большихъ рѣкъ, но вѣроятно эти ляличскіе „Бѣлые берега“ и есть то Климятинское *бѣлобережье*, о которомъ говоритъ универсалъ Многогрѣшнаго.

[2]) Вып. изъ книгъ гродск. воев. кіевск., 29 док. 1612 г.

Библиотека "Руниверс"

ровскаго побережья, въ площадь котораго входила и Еремѣевка—подъ видомъ чигриндубровскихъ уходовъ по Днѣпру и Сулѣ... На основаніи гетманскаго универсала выданы были Николаевскому монастырю и царскія грамоты, повторившія тотъ же перечень „городищъ и селищъ". Но, несмотря однако же на эти акты, монастырь не могъ осуществить своихъ правъ на климятинскія земли, потому что людская память расходилась съ притязаніями монаховъ, ничего не зная ни о дѣйствительномъ владѣніи Николаевскаго монастыря доставшимися ему по акту Павши землями, ни о границахъ этихъ земель... Монахи молчали и ждали удобнаго времени. Между тѣмъ возникшія на „тянувшихъ" къ Климятину земляхъ поселенія росли и множились въ своемъ населеніи, пользуясь тѣми экономическими выгодами, которыя представляло Приднѣпровье для своихъ жителей. Выросла и Еремѣевка, получившая свое названіе отъ знаменитаго отступника Іереміи Вишневецкаго. Въ 1649 г. Еремѣевка составляла уже отдѣльную сотню лубенскаго полка. Затѣмъ, впрочемъ, татарскія разоренія, отъ которыхъ такъ сильно пострадала югозападная Малороссія въ семидесятыхъ годахъ XVII в., коснулись и Еремѣевки, значительно умалившейся отъ этого въ своемъ населеніи и переставшей даже быть сотеннымъ центромъ; но къ к. XVII в. Еремѣевка снова стала богатымъ приднѣпровскимъ мѣстечкомъ.

Когда, по прутскому договору 1711 г., правая сторона Днѣпра отошла къ Польшѣ и тогдашній чигиринскій полковникъ Игнатъ Галаганъ лишился и своего полковничества, и заднѣпровскихъ маетностей, то Скоропадскій, для возмѣщенія этихъ потерь, отдалъ Галагану Еремѣевку, какъ находившуюся поблизу отъ принадлежавшаго этому полковнику села Липоваго.

Получивъ еремѣевскихъ крестьянъ въ послушенство, Галаганъ черезъ нѣсколько лѣтъ сталъ привлекать къ тому же послушенству и тамошнихъ козаковъ. Когда въ 1720 г. были высланы на строеніе кіевской крѣпости козаки изъ ближайшихъ къ Кіеву полковъ, еремѣевскіе козаки остались дома, потому что Галаганъ запретилъ имъ туда идти. Сохранился выданный по этому случаю универсалъ Скоропадскаго еремѣевскому ата-

Библиотека "Руниверс"

ману съ его козаками: „донеслося намъ вѣдати, что вы указу нашему оказались противными, такъ какъ изъ Еремѣевки не высланы козаки на работу кіево-печерской фортеціи, да и теперь отказываетесь отъ перевозки государевыхъ запасовъ отъ Днѣпра въ Полтаву; да кромѣ того, вообще не хотите слушаться полковыхъ и сотенныхъ распоряженій. Поэтому мы, такое ваше „глупство и ослушаніе“ порицая, симъ нашимъ унѣверсаломъ строго напоминаемъ, сурово грозимъ и рейментарско приказуемъ, чтобы, не заглядаючися на власть пана Галагана, полковника прилуцкаго, и не страхаючися его похвалокъ, нашихъ гетманскихъ указовъ слухали“ и пану полковнику лубенскому, какъ своему старшему, всякое должное послушенство въ войсковихъ услугахъ отдавали, по прежнему до полку къ сотнѣ чигриндубровской „прислушая“--- А если бы кто изъ васъ, товарища еремѣевскаго, и нынѣшнему универсалному указу нашему оказался противенъ, таковаго тогда--- велимъ, какъ „противника и бунтовника“, насильно брать и, забивши въ колодки, въ Глуховъ подъ арестъ привозить и тутъ непоблажно, безъ всякой пощады, карать“ [1]).

По ревизіи 1723 г. въ Еремѣевкѣ показано однихъ посполитскихъ дворовъ болѣе 400, не считая козачьихъ Но Галаганъ не довольствовался этимъ количествомъ крестьянъ и рѣшилъ во чтобы то ни стало привлечь къ своему послушанію и козаковъ, обративъ ихъ на первое время въ своихъ „бояръ“ и „куренчиковъ“. А между тѣмъ и николаевскіе монахи нашли, что обстоятельства измѣнились и снова можно заявить свои притязанія на „тянувшія“ къ Климятинскому селищу земли... Въ 1731 г. монахи начали противъ Галагана формальный процессъ за Еремѣевку, требуя признанія ихъ правъ на это мѣстечко. Процессъ этотъ по тогдашнимъ порядкамъ затянулся на многіе годы. Галаганъ, опираясь на царскую грамоту, по которой Еремѣевка утверждена была за нимъ въ 1714 г.,

---

[1]) Полтавскія Губерн. Вѣдом. 1849 г, № 5. Въ универсалѣ означенъ ошибочно 1709 г. Долженъ онъ относиться къ 1720 г., когда строилась кіевская крѣпость.

Библиотека "Руниверс"

повидимому не особенно безпокоился монашескими притязаніями; его болѣе безпокоили тѣ событія, которыми сопровожались сначала устройство украинской линіи, а потомъ походы польскій и крымскій (1730—1736). Для сооруженія первой правительство въ первый разъ потребовало высылки крестьянъ, а для походовъ—слѣдовали наряды за нарядами козаковъ. Событія эти отразились на еремѣевскомъ населеніи слѣдующимъ образомъ: „по ревизіи 1731 г. въ Еремѣевкѣ состояло дворовaго числа людей, бояръ и посполитыхъ—344 двора; а когда для работы украинской линіи высланы были крестьяне, а потомъ наступили съ поляками и турками военные походы, да поставлены были въ Еремѣевкѣ, какъ и въ другихъ пограничныхъ мѣстахъ, армейскіе полки на винтерквартиры, да еще потребовались работники для полоненія льда на Днѣпрѣ, то еремѣевскіе подданные, оставя свои дворы впустѣ, въ другія мѣста сходить принуждены были; а въ 1741 г., когда свободный переходъ съ мѣста на мѣсто малороссійскому народу дозволенъ былъ, и послѣдніе люди, оставшись въ убожествѣ, по своему желанію, кто куда захотѣлъ—разбрелись безвоспятительно, и гдѣ было въ слободахъ, къ Еремѣевкѣ принадлежащихъ и на еремѣевской земли Игнатіемъ Галаганомъ поселенныхъ, до 40 дворовъ, тамъ черезъ военное время—ни единаго человѣка не осталось“.—Такъ разсказывалъ сынъ Игнатія, Григорій Галаганъ, въ 1750 г. Къ этимъ общимъ невзгодамъ прибавилась еще одна мѣстная: когда для крымскаго похода потребовался усиленный нарядъ козаковъ, тогда чигриндубровскій сотникъ Иванъ Булюбашъ донесъ въ Глуховъ, что въ Еремѣевкѣ большинство козаковъ поверстано Галаганомъ въ свои „куренчики“, вслѣдствіе чего и невозможно выслать указанное число козаковъ. Въ отвѣтъ на это донесеніе изъ Глухова пришелъ приказъ—отобрать у Галагана этихъ куренчиковъ подъ сотню, что̀ Булюбашемъ и было исполнено въ 1734 г. По окончаніи крымскаго похода, Галаганъ задумалъ убывшее крестьянское населеніе Еремѣевки пополнить тамошними козаками и сталъ ихъ тѣснить, заставляя переходить къ нему въ подданство.

Библиотека "Руниверс"

Но за козаковъ вступился преемникъ Булюбаша Александръ Бутовскій. Галаганъ пожаловался въ Глуховъ, куда въ сентябрѣ 1745 г. писалъ: „въ маетности моей Еремѣевкѣ—козаки и другіе, назвавъ себя козаками, поселясь на жалованной мнѣ землѣ, не отбываютъ мнѣ надлежащихъ повинностей, безправно владѣя моею землею. И такихъ неправильно поселившихся на моей землѣ козаковъ чигриндубровскій сотникъ Бутовскій до надлежащихъ мнѣ повинностей не только что не допускаетъ, но и вновь приходящимъ не позволяетъ на той моей землѣ селиться и подъ сотню свою ихъ причисляетъ". Въ заключеніе Галаганъ просилъ произвести слѣдствіе о поселившихся на его земляхъ козакахъ и затѣмъ приказать сотнику, чтобы онъ какъ тѣхъ, которые живутъ уже на его, Галагана, землѣ, такъ и тѣхъ, которые вновь поселятся на его земляхъ, подъ сотню не привлекалъ. По этой жалобѣ изъ Глухова приказано было произвести слѣдствіе главнымъ образомъ о томъ—кто изъ козаковъ живетъ на Галагановской землѣ. Слѣдствіе открыло, что многіе козаки, переселясь въ Еремѣевку уже послѣ 1711 г., и сами не знали—на чьей землѣ они живутъ, такъ какъ земли крестьянъ никогда не отдѣлялись отъ земель козачьихъ. Между тѣмъ, прежде чѣмъ кончилось еще слѣдствіе, Галаганъ началъ усиленно тѣснить еремѣевскихъ козаковъ, желая, чтобы они „подписались быть его подданными"... Какіе мѣры при этомъ употреблялъ Галаганъ, объ этомъ разсказываетъ Бутовскій: „въ бытность мою въ Еремѣевцѣ (осенью 1746 г.) усмотрѣлъ я въ опомъ мѣстечку чинимыя абшитованнымъ прилуцкимъ полковникомъ Галаганомъ нестерпимыя козакамъ обиды, а именно: собравъ всѣхъ еремѣевскихъ куренчиковъ (которые предъ тѣмъ были, по указу, отобраны подъ сотню) съ оружіемъ, какъ надлежитъ воинскому человѣку, онъ посылаетъ ихъ по козачьимъ дворамъ и дворы тѣ разоряетъ: въ хатахъ двери и окна снимаетъ, забираетъ скотъ и взятымъ скотомъ—лозу, колоды дерева, что найдетъ во дворѣ и чго ему понадобится, въ свой дворъ перевозить приказываетъ. А кто съ того принужденія ему, Галагану, быть подданнымъ подпишется, тому все забратое—возвращаетъ. Видя такое на-

Библиотека "Руниверс"

силіе, многіе козаки подписались. Также сѣна, козаками заготовленныя на ихъ дѣдовскихъ и отцовскихъ грунтахъ, для своихъ лошадей, которыми службы нынѣ и всегда отправляютъ, Галаганъ приказываетъ забирать, рубить козачьи лѣса и поотнималъ у козаковъ всѣ ихъ рыболовли и плавни... А самихъ козаковъ, если только кто изъ нихъ природное свое козацство или грунтъ, на которомъ живетъ, козачьимъ свидѣтельствуетъ, несмотря на это, принуждаетъ записываться въ число его подданныхъ. Не видалъ я нигдѣ, не только межъ христіанами, пишетъ Бутовскій, но и по чужимъ землямъ, чтобъ противъ зимы козаковъ можно было выгонять изъ ихъ дворовъ безъ указа и безъ суда, или—чтобы можно было насильно писать ихъ въ подданство... Такое разореніе здѣшнихъ козаковъ можетъ повести къ тому, что когда станетъ Днѣпръ, то козаки эти, по ихъ „древнему обыкновенію, яко побережные, могутъ не токмо въ иныя мѣста, но и за Днѣпръ, въ польскую область, учинить побѣгъ“...

Такія же свѣдѣнія о насиліяхъ Галагана представилъ въ Глуховъ и еремѣевскій атаманъ, вѣроятно подъ вліяніемъ Бутовскаго, завидовавшаго богатству Галагана. „Галаганъ послалъ своихъ куренчиковъ, писалъ атаманъ, по козачьимъ дворамъ грабить козаковъ, чтобы подвернуть ихъ себѣ въ подданство насильно, сказуючи: коли подданными моими будете, то и ваши статки (движимость) вамъ повертаю, а какъ не будете моими подданными, а станете подъ сотнею, то де ничего не отдамъ, да еще и остатки заберу!—И съ грунтовъ собственныхъ, козачьихъ, сгоняетъ и бьетъ нещадно, дабы съ грунтовъ сходили и ему въ подданство записывались“...

Между тѣмъ произведенное по просьбѣ Галагана слѣдствіе, было разсмотрѣно въ Глуховѣ и тамъ было рѣшено: спросить еремѣевскихъ козаковъ—„желаютъ ли они, оставя имѣючіеся подъ оными козачьи грунта, жить на собственныхъ грунтахъ полковника Галагана за нимъ въ подданствѣ и ежели покажутъ, что желаютъ, то тѣ всѣ козачьи грунта—описать и спросить кто у нихъ есть изъ свойственниковъ козачаго званія, коимъ бы можно по наслѣдству грунта эти для отбыванія за

Библиотека "Руниверс"

нихъ козачьей службы, отдать... А онымъ боярамъ по переходѣ на грунта его, полковника, вольно за нимъ, полковникомъ, быть. Кто же своихъ грунтовъ козачьихъ оставить не пожелаетъ и на грунта полковника Галагана сойти не похочетъ, тотъ долженъ быть въ козачьей службѣ подъ сотнею"... Это необычайное распоряженіе глуховскихъ властей, вѣроятно щедро задобренныхъ Галаганомъ, давало послѣднему полный просторъ забрать въ подданные всѣхъ тѣхъ козаковъ, которые не могли противиться его насиліямъ и уже фактически были его подданными.

Дѣйствительно, когда по этому указу генеральной канцеляріи были спрошены „бояре" Галагана—желаютъ ли оставаться подъ сотнею т. е. въ козачествѣ или—перейти въ подданство къ Галагану, то 23 домохозяина заявили, что „они желаютъ, оставя свои подъ ними имѣючіеся козачьи грунта, жить на собственныхъ грунтахъ полковника Галагана, за онымъ въ подданствѣ". Такимъ образомъ Галаганово верстаніе еремѣевскихъ козаковъ въ крестьяне было узаконено тою властью, которой одна изъ главныхъ обязаностей заключалась въ наблюденіи, чтобы козаки не переписывались въ поспольство и тѣмъ не умаляли количества служилыхъ людей. Но въ половинѣ XVIII в. старшина уже не справлялась съ законами, когда дѣло касалось личныхъ ея интересовъ... Несмотря на такое удачное разрѣшеніе домогательствъ Галагана, ему не пришлось воспользоваться добытыми результатами, такъ какъ почти вслѣдъ за указомъ генеральной канцеляріи, послѣдовало въ 1749 г. рѣшеніе Сената, по которому еремѣевскіе крестьяне были отсуждены отъ Галагана Николаевскому монастырю. Для передачи этихъ крестьянъ новому владѣльцу назначенъ былъ миргородскій полковой судья Ѳедоръ Остроградскій и переяславскій сотникъ Леонтовичъ, по описи которыхъ монахамъ было отдано въ Еремѣевкѣ: 88 дворовъ съ 112 хатами и 41 пустыхъ усадьбъ съ 9 пустыми хатами. Такъ какъ по ревизіи 1723 года въ Еремѣевкѣ числилось крестьянъ около 400 дворовъ, то значитъ количество тамошнихъ крестьянъ менѣе чѣмъ за тридцать лѣтъ, уменьшилось вчетверо... На такую значительную убыль вліяли главнымъ образомъ двѣ причины: тяжестъ повинностей держав-

Библиотека "Руниверс"

ческихъ и общественныхъ и продолжавшееся въ XVIII в. возникновеніе слободъ, гдѣ крестьяне находили временныя льготы, для которыхъ и покидали старыя свои жилища...

Но кромѣ Еремѣевки, у Галагана въ Приднѣпровьи была еще одна маетность—село Липовое, расположенное невдалекѣ отъ Сулы. Сначала Липовое поселено было у самой Сулы, но прибрежный песокъ, надвинутый вѣтрами на село, заставилъ послѣднее отодвинуться отъ рѣки. Липовскій козакъ Никита Семакъ разсказывалъ въ 1745 г., что дѣдъ и отецъ его издревле жили въ Липовомъ, на урочищѣ Семаковкѣ, а потомъ, когда, за умножившимся тамъ пескомъ, все село стало переселяться на пахатныя нивы, то переселился и онъ... Липовое оставалось свободнымъ до 1710 г., когда Скоропадскимъ отдано было Галагану, бывшему въ то время чигиринскимъ полковникомъ. А когда, вслѣдствіе прутскаго договора, это полковничество уничтожилось, то Галаганъ, перейдя на лѣвый берегъ, задумалъ было поселиться въ Липовомъ. Липовскій козакъ Цыбуля разсказывалъ въ томъ-же 1745 г., что, „когда Галаганъ съ той стороны Днѣпра пришелъ въ Липовое, то поселился, на первое время, въ дворѣ отца его, Цыбули; а потомъ приказалъ дворъ Цыбули занять себѣ подъ дворецъ...

Переселившись въ Липовое, Галаганъ вмѣстѣ съ крестьянами завладѣлъ и козаками, повернувши ихъ частью въ „бояры“, а частью въ „куренчики“. Козаки болѣе тридцати лѣтъ мирились съ своимъ положеніемъ, но когда сотникъ Александръ Бутовскій вступился за еремѣевскихъ козаковъ, стали жаловаться и липовскіе. Въ 1745 г. они писали: „прадѣды, дѣды отцы наши, поселясь въ селѣ Липовомъ, когда оно садилось слободою, на свободныхъ козачьихъ пивахъ, которыя они же поднимали изъ цѣлины, жили свободно. Потомъ, къ намъ въ село стали переселяться козаки изъ другихъ мѣстъ, покупая грунта у старинныхъ липовскихъ козаковъ и владѣли тѣми грунтами также свободно до пожалованія липовскихъ „мужиковъ“ во владѣніе Галагану.

И сначала владѣнія Галаганомъ тѣми липовскими мужиками, которыхъ въ то время было немного, а грунтовъ у нихъ

Библиотека "Руниверс"

и знать было нечего,—мы, козаки, ни отъ Галагана, ни отъ его приказчиковъ не имѣли никакихъ обидъ; такъ продолжалось до прошлаго 1745 г. А въ настоящемъ 1746 году Галаганъ, наѣхавъ въ с. Липовое, сталъ чинить намъ несносныя и нестерпимыя обиды: бьетъ, принуждаетъ „робить панщины", выгоняетъ изъ хатъ, утверждая, что мы живемъ на его землѣ; и совсѣмъ хочетъ подвернуть насъ себѣ въ подданство, а нѣкоторые изъ насъ уже и „подвертались" къ нему въ подданство со страху, что „весьма бьетъ". Жалоба эта была написана 7 сентября, а черезъ три недѣли липовскіе козаки снова писали, что Галаганъ, узнавъ о первой ихъ жалобѣ, „наслалъ гвалтомъ бояръ и служителей своихъ на домы нѣкоторыхъ изъ насъ,—окна, лавки и двери изъ хатъ къ себѣ во дворецъ позабиралъ и нивъ нашихъ собственныхъ орать не позволяетъ, покошенное нами сѣно забрать приказалъ, рыбы ловить въ нашихъ рыболовляхъ не позволялъ, хутора наши разоряетъ". Однимъ словомъ здѣсь повторилась та же исторія, что и въ Еремѣевкѣ. Галаганъ по какимъ то основаніямъ находилъ, что изъ липовскихъ козаковъ—24 двора поселены были на его земляхъ и требовалъ, чтобы они признаны были его крестьянами. Лубенскій полковникъ выслалъ слѣдователя, по распросамъ котораго оказалось, что многіе липовскіе козаки уже болѣе тридцати служили у Галагана „боярами", азъ бояръ они перешли въ крестьяне, такъ какъ не подъ силу было имъ бороться съ такимъ сильнымъ державцею, какимъ былъ Галаганъ. Въ виду давности пребыванія липовскихъ козаковъ въ подданствѣ у Галагана, помочь имъ было уже трудно и и поверстанные въ крестьяне липовскіе козаки такъ и остались крестьянами....

Владѣніе Галагана въ Липовомъ выразилось слѣдующими цифрами: въ 1740 г. тутъ было козаковъ—27 и крестьянъ—24 двор., а черезъ 40 лѣтъ, въ 1780 г., козаковъ осталось почти столько же (28 дв.), а крестьянъ стало втрое болѣе—72 двора.

Библиотека "Руниверс"

5. Земельные захваты Булюбашей.

Мы видѣли, что чигриндубровскіе сотники Булюбашъ и Бутовскій довольно энергично защищали еремѣевскихъ козаковъ отъ насилій Галагана; но защиту эту не слѣдуетъ приписывать какимъ либо другимъ побужденіямъ, кромѣ личныхъ интересовъ обоихъ этихъ сотниковъ. И Булюбашъ, и Бутовскій отстаивали козаковъ отъ галагановскаго порабощенія, завидуя богатству прилуцкаго полковника, и конечно думали, что для „скупли“ грунтовъ у тѣхъ же самихъ козаковъ и обращенія затѣмъ продавцовъ въ своихъ подсосѣдковъ, у нихъ, мѣстныхъ сотниковъ,—гораздо больше правъ, чѣмъ, у полковника чужого полка, да при томъ же еще и богача...

Иванъ Булюбашъ правилъ чигриндубровскою сотнею около тридцати лѣтъ (1706—1734) и за это время захватилъ на десятки верстъ земельныхъ угодій изъ южно-сульскаго побережья. Захваты Ивана Булюбаша продолжалъ и сынъ его Демьянъ, бывшій лубенскимъ полковымъ судьею. Захваты Булюбашей были произведены главнымъ образомъ изъ громаднаго земельнаго богатства, села Шушваловки. Село это возникло въ к. XVII в., изъ чигриндубровскаго выселка который причислялъ къ своимъ землямъ обширное пространство степи на лѣвомъ берегу Сулы, недалеко отъ ея устья. Уже при Мазепѣ Булюбашъ захватилъ западную полосу этой степи, слывшую подъ именемъ урочища Кагамлыка, на которой и поселилъ три хутора: Горбы, Гринки и Сидоры.

Поселивъ эти хутора и имѣя на нихъ юридическій актъ лишь въ одномъ „листѣ“ полковника Зеленскаго, оказавшагося въ 1708 г. Мазепинымъ согласникомъ, Булюбашъ обратился въ 1709 г. къ своему новому полковнику Савичу, прося его подтвердить ему „Кагамлыкъ.“ Въ выданномъ Савичемъ „листѣ“, читаемъ: „вамъ панамъ старшинѣ городовой чигриндубровской, при желаніи добраго здоровья, объявляемъ, что какъ за бывшаго полковника, кагамлыцкіе „поселяне“ находились въ послушаніи сотника Ивана Булюбаша, такъ и теперь, уважая заслуги послѣдняго, мы приказываемъ вамъ, чтобы вы тѣхъ поселянъ до

Библиотека "Руниверс"

городскихъ (т. е. чигриндубровскихъ) дѣлъ не привлекали, а войту „села Кагамлыка“ приказываемъ, чтобы онъ со всѣми жителями того села, по „прежней обыклости“, отдавалъ послушаніе „разоренному дому“ п. Булюбаша...

Съ листомъ Савича Булюбашъ считалъ себя уже полнымъ хозяиномъ „села Кагамлыка“, которое, какъ видно, служило общимъ названіемъ поселенныхъ имъ хуторовъ. Но когда Булюбашъ былъ отставленъ отъ сотничества, вѣроятно по старости, то преемникъ его по уряду, Бутовскій, заявилъ свое притязаніе на Кагамлыкъ, находя, что кагамлыцкіе хутора должны составлять ранговую маетность чигриндубровскихъ сотниковъ. Будучи въ крымскомъ походѣ въ 1738 г., Бутовскій успѣлъ выпросить у фельдмаршала Ласси письменное предстательство въ Петербургъ, по которому Кагамлыкъ и былъ отданъ Бутовскому на рангъ. Булюбашъ пожаловался въ Сенатъ, произведено было слѣдствіе и оказалось, что еще въ 1707 г. лубенскій полковникъ (Зеленскій) отдалъ Бутовскому, „за службы“, три хутора, называемые Горбы, Гринки и Сидоры, въ которыхъ хуторахъ и на „прикупленныхъ“ къ нимъ земляхъ Булюбашъ поселилъ вольныхъ людей и тѣ хутора названы селомъ Кагамлыкомъ. Сенатъ нашелъ, что Кагамлыкъ отобранъ отъ Булюбаша неправильно и въ 1742 г. присудилъ—вернуть ему это село. Современемъ названіе Кагамлыка было забыто и вмѣсто него явилось—село Горбы и двѣ деревни—Гринки и Сидоры, существующія подъ этими названіями и теперь.

На шушваловскихъ же земляхъ поселилъ Иванъ Булюбашъ и теперешнее село Лебеховку. Земли эти пріобрѣтены были большею частью посредствомъ „скупли“. Пріобрѣтенія эти въ юридическомъ отношеніи были сомнительны и добыть на нихъ законный актъ было нелегко. Поэтому о такомъ актѣ Булюбашъ сталъ хлопотать уже подъ конецъ своего сотничества и—заручившись, какъ видно, добрымъ расположеніемъ къ себѣ своего полковника Петра Апостола. Отъ послѣдняго въ 1733 г. и былъ выданъ Булюбашу, на Лебеховку, слѣдующій любопытный „универсалъ“: „Объявляемъ симъ нашимъ *универсаломъ* кому о семъ пыпѣ и въ потомные часы вѣдать надлежатиметъ, а

Библиотека "Руниверс"

особливо п. п. старшинамъ чигриндубровской сотни, городовымъ и сельскимъ, что сотникъ чигриндубровскій п. Иванъ Булюбашъ поданнымъ намъ прошеніемъ объявилъ, что, имѣя онъ въ той же сотнѣ давнимъ временемъ и вновь недавно купленные грунта въ разныхъ мѣстахъ, а особливо на урочищѣ Лебеховкѣ, гдѣ *и слобода осажена*, явилъ на оные грунта купчія и урядовыя записи; и хотя тѣми грунтами и слободою онъ спокойно владѣетъ, однако, дабы и впредь въ томъ владѣніи, какъ онъ самъ, такъ и потомство его не имѣли ни отъ кого препятія и трудности, просилъ на сіе нашего подтвердительнаго универсала. Но понеже заходило сомнѣніе, всѣ ли оные грунта чистою куплею пріобрѣтены (набыты) и нѣтъ ли кому съ подкомендныхъ его отъ кого обиды и спору, того ради нарочно посланъ былъ отъ насъ полку нашего значковый товарищъ, гражданинъ лубенскій, Семенъ Мирець съ тоею инструкціею, дабы онъ, зъѣхавъ въ означенную сотню и тамо—которые суть въ живыхъ продавцы тѣхъ грунтовъ, на которые явлены купчія записи, а которыхъ нѣтъ въ живыхъ, то кто о такой продажѣ и куплѣ извѣстенъ, всѣхъ приглася къ себѣ, спрашивалъ ихъ и взялъ бы у нихъ за руками сказки, если продали съ доброй воли, а не съ принужденія какого и утиску, пану сотнику тіе грунта или вѣдаютъ о такой продажѣ"... Изъ этого акта видно, что Булюбашу для полученія на Лебеховку универсала отъ глуховскихъ правителей, замѣнившихъ умершаго гетмана Апостола, нужно было представить такіе данныя, которыя не возбудили бы сомнѣнія... Вотъ для этого собственно и потребовался такой обстоятельный документъ отъ мѣстнаго полковника, который, конечно, охотно бы выдалъ свой актъ на всякую скуплю... Получивъ отъ полковника желаемыя свѣдѣнія, Булюбашъ уже безъ труда получилъ отъ кн. Барятинскаго, тогдашняго правителя Малороссіи, крѣпкій универсалъ на Лебеховку, которую такимъ образомъ и закрѣпилъ за собою.

Захватъ шушваловскихъ земель продолжалъ и сынъ Ивана Булюбаша—Демьянъ, занимавшій урядъ лубенскаго полковаго судьи. Какъ велики были захваты Булюбаша-сына видно изъ показанія шушваловскихъ козаковъ, которое было записано при

Библиотека "Руниверс"

составленіи генеральной описи. Въ этомъ показаніи читаемъ: „абшитованный судья полковой Демьянъ Ивановичъ Булюбашъ—прадѣдовскими, дѣдовскими и отческими нашими общими козачьими грунтами завладѣлъ и съ оныхъ, съ спокойного предковъ нашихъ и самихъ насъ владѣнія, грабительствами, побоями вытѣсненіе намъ чинитъ, а самъ ненадлежаще ими корыстуется; а завладѣлъ онъ слѣдующими землями: отъ рѣчки отъ Полной всѣми кутами по Лебеховку, и къ тѣмъ кутамъ пахатною землею по Мамичевъ бродъ да по Хилькову гребельку, въ длину—верстъ на 4, а въ ширину—верстъ на 3. Да захватилъ онъ, Демьянъ Булюбашъ, наши земли по Михнову могилу да по могилу Мандриделину, подъ самое с. Шушваловку, а затѣмъ отъ Свѣтайловой могилы до Стовбовахи, а отъ Стовбовахи по Лебедишину могилу, въ длину—6, а въ ширину — 4 версты; и на той нашей козачьей общественной землѣ поселилъ слободки: *Столбоваху, Кринки и Марченкову.* Да завладѣлъ сагою (рѣчкою) Лебеховкою и не позволяетъ намъ не только косить на той сагѣ камышъ для крышъ на наши дома, но не допускаетъ и скота поить... А если кто камышу накоситъ, то забираетъ у тѣхъ скотъ, а другихъ бьетъ и немалый искупъ (штрафъ) чорными смушками беретъ; а у кого смушковъ нѣтъ, то тѣхъ заставляетъ накосить ему, Булюбашу, по 25 копицъ сѣна отъ хаты. Да въ той же сагѣ издревле вольно было намъ ловить рыбу, а теперь Булюбашъ не допускаетъ...

Невдалекѣ отъ Столбовахи (теперь село) находится слободка *Слюзовка.* Это тоже захватъ Булюбаша, но еще отца. На мѣстѣ этой слободки находился хуторокъ козачки Татьяны Брусихи. За „нѣкоторое прегрѣшеніе“ [1]) послѣдней Иванъ Булюбашъ, по своей сотничьей власти, хуторокъ этотъ отобралъ и подарилъ своему зятю Семену Слюзу, причемъ прихватилъ и козачьихъ „общихъ“ земель въ длину на пять, а въ ширину на четыре версты... Такъ показывали въ 1767 г. тѣже шушваловскіе козаки.

---

[1]) Несомнѣнно, что „прегрѣшеніе“ было любовное....., За судъ въ такихъ прегрѣшеніяхъ, старшина получала всегда хорошую мзду...

Библиотека "Руниверс"

Захваты Булюбашей къ концу XVIII в. выразились тѣмъ, что въ 1780 г. у нихъ на захваченныхъ земляхъ было крестьянъ: въ с. Лебеховкѣ—41 дв. и 60 хатъ; въ д. Гринкахъ—32 дв. и 53 х.; въ с. Горбахъ—24 дв. и 60 х.; въ д. Сидорахъ—8 дв. и 29 х.; въ слоб. Кринкахъ—8 дв. и 21 х. и въ слоб. Стовбовахѣ—15 дв. и 26 х., *а всего—128 дв. съ 249 хат.*

Для полноты картины захвата шушваловскихъ земель, слѣдуетъ сказать о происхожденіи возникшаго на этихъ же земляхъ села *Кривой Руды.* На мѣстѣ теперешней Кривой Руды въ к. XVII в., былъ хуторъ, принадлежавшій охочекомонному полковнику Ивану Рубану. Состарѣвшись, Рубанъ постригся въ монахи, а хуторъ передалъ сестрѣ своей Евдокіи Тюпчихѣ, которая умирая въ 1714 г., завѣщала этотъ хуторъ „Лялинскому монастырю", какъ сказано въ завѣщаніи. Монастыря Лялинскаго не было, но такъ какъ Лялинцы принадлежали Переяславскому монастырю и въ селѣ этомъ жилъ особый городничій-монахъ, то лялинская церковь и слыла въ народѣ монастыремъ. Получивъ Кривую Руду въ 1714 г., переяславскіе монахи стали захватывать окрестныя земли, называя ихъ криворудскими. Захваченныя монахами земли стали у нихъ отнимать чигриндубровскіе и шушваловскіе козаки, которыхъ хутора поселены были вокругъ Кривой Руды. Возникло судебное дѣло, для веденія котораго козаки выбрали повѣреннымъ своего атамана Дмитрія Салогуба; послѣдній пригласилъ къ себѣ въ товарищи значковаго товарища Якова Самуся, съ которымъ и велъ это дѣло по судамъ, пока въ 1747 г. не кончилъ его съ монахами миромъ, причемъ послѣднимъ отдана была часть криворудской степи, а монахи въ свою очередь признали за чигриндубровскими и шушваловскими козаками право на тѣ ихъ хутора, которые возникли тутъ до спора. Значительнѣйшими изъ этихъ хуторовъ были: *Торяники*, у самой Кривой Руды, и хуторъ *Самусевка*, устроенный Ульяною Самусихою, матерью Якова Самуся. Подписавши мировую, чигриндубровскіе и шушваловскіе козаки впослѣдствіи разсказывали, что отъ такого окончанія ихъ спора выиграли только Салогубъ и Самусь, изъ которыхъ первый—захватилъ землю, прилегавшую къ Кривой

Библиотека "Руниверс"

Рудѣ, длиною въ 4, а шириною въ 1½ версты и поселилъ на ней слободу—Торяники, которая къ концу XVIII в. стала селомъ[1]); а Самусь къ хутору своей матери, прихватилъ земли еще больше: на 3 версты длиною и шириною, на которомъ возникла тоже значительная слобода—Самусевка.

Изъ незначительнаго рубановскаго хутора монахи къ к. XVIII в. образовали село, въ которомъ въ 1780 г. было уже 100 дворовъ съ 118 хатами и которое, сохраняя память о монашескомъ владѣніи, называется иногда и *Чернетчиною*. Хозяева Торяниковъ и Самусевки, не принадлежа къ старшинѣ, не могли садить крестьянъ въ своихъ слободахъ; вмѣсто нихъ садили они *подсосѣдковъ*; „подсосѣдками“ называется здѣшнее крестьянское населеніе, еще и въ 1780 г., когда его было: въ Торяникахъ—24 дв. и 52 х., а въ Самусевкѣ—22 дв. и 60 х. Указъ 3 мая 1783 г. этихъ подсосѣдковъ обратилъ въ крестьянъ, собственниками которыхъ стали прежніе козаки, пробравшіеся затѣмъ, при наличности у нихъ этихъ крестьянъ, въ „паны“...[2]).

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) Теперь Торяники слились съ селомъ Кривою Рудою, составляя южную его часть.

[2]) Приведенныя въ этихъ очеркахъ свѣдѣнія взяты нами изъ находившейся въ полтавской казенной палатѣ Румянцевской описи, частью которой мы пользовались лѣтъ двадцать назадъ, когда опись была еще цѣла.

Библиотека "Руниверс"

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

Отдохнувъ въ Бахчисараѣ, Императрица съ графомъ Фалькенштейномъ и прочими спутниками 22 мая выѣхала въ Севастополь; перемѣна лошадей была черезъ 20 верстъ при Мекензіевомъ хуторѣ, а затѣмъ, проѣхавъ 14 верстъ, остановились въ Инкерманѣ. Это былъ въ старину богатый и многолюдный городъ, называвшійся греками Ѳеодоре—теперь же путешественники видѣли только развалины уцѣлѣвшихъ стѣнъ и башенъ. Въ каменной горѣ, на которой расположенъ Инкерманъ, еще существовали высѣченныя въ нѣсколько ярусовъ небольшія пещеры, имѣвшія между собою сообщенія, но онѣ всѣ обвалились.

Здѣсь на самой высотѣ инкерманскихъ горъ, построено было, по приказанію кн. Потемкина, великолѣпное временное зданіе, и изготовленъ для Императрицы обѣдъ. Видъ изъ этого зданія былъ прелестный: на южной сторонѣ древнія укрѣпленія Ѳеодоре и Инкерманская долина, по срединѣ коей протекала небольшая рѣчка Черная, по татарски Бюкъ-юзенъ, а у береговъ ея разсѣяны по лугу деревья; по обѣимъ сторонамъ долины возвышались отвѣсныя скалы изъ бѣлаго мягкаго камня, въ которыхъ изсѣчено нѣсколько церквей[1]) и множество четыреугольныхъ комнатъ съ корридорами, съ выходами и лѣстницами; на сѣверной горѣ виднѣлись ущелья и долины, усѣянныя деревьями и кустарниками. Императорскій поѣздъ прибылъ въ Инкерманъ, сопровождаемый хоругвью мурзъ и дивизіономъ вольно

[1]) См. Кіевская Старина, 1891 г., № 9.

[2]) Въ одной изъ этихъ церквей устроенъ впослѣдствіи скитъ, во имя святаго Климента, папы Римскаго.

Библиотека "Руниверс"

поступившихъ въ службу татаръ, которые не отставали отъ поѣзда во все время переѣзда отъ Бахчисарая; во главѣ ихъ летѣлъ на татарской лошади полковникъ Горичъ (К.-ф. ж. 1787).

Въ Инкерманѣ былъ приготовленъ обѣдъ, и въ столовой съ западной стороны окна съ намѣреніемъ были занавѣшены, но когда сѣли за столъ и заиграла музыка, занавѣсь съ оконъ большого балкона спала и открыла взорамъ Императрицы и всѣхъ присутствующихъ великолѣпный видъ обширнаго севастопольскаго рейда, на которомъ красовался черноморскій флотъ, состоявшій изъ 3 кораблей, 12 фрегатовъ, 20 мелкихъ судовъ, трехъ бомбардирскихъ и двухъ брандеровъ. По сигналу, данному кн. Потемкинымъ, корабль „Слава Екатерины“ поднялъ кейзеръ—флагъ, и тотчасъ каждое судно салютовало 12 выстрѣлами, а съ флагманскаго корабля отвѣчали изъ 9 пушекъ. Хорошая погода благопріятствовала торжеству.

Послѣ обѣда, который кончился въ четверть 2-го часа по полудни, Императрица съ графомъ Фалькенштейномъ отъѣхали въ фаэтонѣ къ пристани, неподалеку устроенной, сѣли на великолѣпный катеръ и, въ сопровожденіи свиты на другихъ катерахъ, продолжали шествіе водою къ Севастополю.

Нѣтъ сомнѣнія, что Императрица съ нетерпѣніемъ желала посмотрѣть свое созданіе—новую русскую морскую силу. Еще въ 1783 г., желая имѣть портъ на Черномъ морѣ, она приказала осмотрѣть на южномъ берегу Крыма бухту подъ названіемъ Ахтіарскую (отъ татарской деревни Ахтіаръ), и если окажется удобнымъ, занять эту бухту, устроить портъ, перевести туда часть азовскаго и днѣпровскаго флота и назвать его Черноморскимъ; бухта была найдена удобной, и тогда же туда приведены были корабли и нѣсколько мелкихъ судовъ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1783 г. Потемкинъ назначенъ былъ командующимъ Черноморскаго флота, въ штатъ котораго назначено было два корабля 80—пушечныхъ, десять 66—пушечныхъ, 8 фрегатовъ 50—пушечныхъ, шесть 32—пушечныхъ и шесть 22—пушечныхъ.

Въ слѣдующемъ 1784 г. Императрица переименовала татарскую деревню Ахтіяръ въ Севастополь, что на греческомъ языкѣ значитъ „знаменитый городъ“. Въ 1787 году 25 апрѣля,

Библиотека "Руниверс"

къ прибытію Императрицы, въ Севастополѣ стояло на рейдѣ 3 корабля, 12 фрегатовъ, 20 мелкихъ судовъ, 3 бомбардирскихъ и 2 брандера, всего 40 военныхъ судовъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первой эскадрѣ: корабль „Слава Екатерины“, фрегаты: „Крымъ“, „Осторожный“, „Легкій“ и „Почталіонъ“; во второй—корабль „Марія Магдалина“, фрегаты: „Св. Андрей“, „Вѣстникъ“, „Побѣда“ и „Скорый“; въ третьей—корабль „Павелъ“, фрегаты: „Св. Георгій“, „Поспѣшный“, „Стрѣла“ и „Перунъ“, а прочія мелкія суда стояли въ особой линіи. Когда приблизились къ флоту, на катерѣ Императрицы былъ поднятъ штандартъ и въ это мгновеніе вдругъ корабли и фрегаты спустили свои флаги, юйзы и вымпелы, салютовали изъ своихъ пушекъ, а матросы, стоявшіе по реямъ, вантамъ и бортамъ, кричали „ура“! Потомъ, когда катеръ Императрицы со штандартомъ поровнялся съ флагманскимъ кораблемъ, каждое судно сдѣлало 31 выстрѣлъ при повтореніи „ура“ матросами, и тогда же производилась пушечная пальба съ транспортовъ и купеческихъ судовъ, съ севастопольскаго берега и съ четырехъ батарей, расположенныхъ при входѣ въ гавань. Обойдя флотъ въ половинѣ 5-го часа и приближаясь къ городу, который расположенъ былъ на горѣ амфитеатромъ, Императрица пристала къ Графской пристани и вступила во дворецъ, который къ пріѣзду ея былъ выстроенъ на городовой сторонѣ, близъ пристани, именовавшейся тогда Графскою [1]), нынѣ Екатериненская. Пристань эта была выстроена гр. Воиновичемъ, начальникомъ флота и города, занявшимъ мѣсто умершаго контръ-адмирала Мекензи.

У крыльца встрѣтили Императрицу греческіе купцы и прочіе жители Севастополя съ хлѣбомъ и солью. (К.-ф. ж.).

По прибытіи въ покои, всѣ морскіе чины съ контръ-адмираломъ Воиновичемъ во главѣ, были жалованы къ рукѣ, а гр. Безбородко представилъ россійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ на Мальтѣ, капитана перваго ранга Таро, который поднесъ Импе-

[1]) Графъ Воиновичъ жилъ въ казенномъ домѣ, устроенномъ на мысѣ, гдѣ срыта гора для построенія новаго Лазарева адмиралтейства; и такъ какъ онъ переправлялся ежегодно въ городъ на гребномъ суднѣ и приставалъ къ этой пристани, то она и названа была Графскою.

Библиотека "Руниверс"

ратрицѣ присланную отъ гросмейстера пальмовую вѣтвь съ кустомъ цвѣтовъ, украшенныхъ трофеями, въ знакъ побѣдоснаго пріобрѣтенія Тавриды. Императрица отдала вѣтвь Потемкину, какъ основателю Севастопольскаго порта, а князь тогда же послалъ ее на корабль „Слава Екатерины“. (К.-ф. ж. 1787 г.).

Свѣдѣнія о пріѣздѣ въ Севастополь и пребываніи тамъ Императрицы 22 и 23 мая, оставленныя намъ спутниками Императрицы Императоромъ Іосифомъ II, графомъ Сегюромъ, а также очевидцемъ Сенявинымъ, дополняютъ наши сказанія многими любопытными подробностями.

Сенявинъ разсказываетъ, что съ того момента какъ Императрица съ пристани поѣхала осматривать флотъ, „Государыня, при вступленіи на свой катеръ милостиво привѣтствуя людей, изволила сказать: „Здравствуйте друзья мои!“ Гребцы отвѣчали разомъ: „Здравствуйте матушка Царица наша!“ Потомъ угодно было Ей сказать: „Какъ далеко я ѣхала, чтобы только видѣть васъ“.—Тутъ загребной матросъ Жаровъ, (который послѣ былъ лучшій шкиперъ во флотѣ), отвѣтствовалъ Ей: „Отъ евдакой матушки Царицы чего не можетъ статься!“ (какъ хотите, такъ и разбирайте отвѣтъ матроса, едва знающаго читать да писать).—Государыня оборотясь къ графу Воиновичу, сказала по французски съ большимъ, какъ казалось, удовольствіемъ: „Какіе ораторы твои матросы“. Гребцы были подобраны, какъ говорится, молодецъ къ молодцу; росту были не менѣе каждый десяти вершковъ, прекрасные лицомъ и собою, на правой сторонѣ всѣ были блондины, а на лѣвой всѣ брюнеты. Одежда ихъ была: ранжевые атласные широкіе брюки, шелковые чулки, въ башмакахъ, тонкія полотняныя рубашки, галстукъ тафтяной того же цвѣта пышно завязанъ, а когда люди гребли, тогда узелъ галстука съ концами закинутъ былъ на спину, фуфайка ранжевая тонкаго сукна выложена разными узорами чернаго шнура (цвѣты ранжевый и черный означаютъ гербъ Императорскій), шляпа круглая съ широкимъ галуномъ, съ кистями и султаномъ страусовыхъ перьевъ; катеръ блестѣлъ отъ позолоты и лаку; прочіе и капитанскіе катера выкрашены также наилучшими красками подъ лакъ; гребцы были одѣты въ тонкія синяго сукна фуфайки,

Библиотека "Руниверс"

брюки шелковые полосатые, розовой платокъ или галстукъ и шляпы съ позументами. Люди на реяхъ поставлены были въ лѣтнемъ платьѣ, фуфайки и широкіе брюки бѣлые, шолковый галстукъ, круглая шляпа и въ башмакахъ, кушаки были, по кораблямъ, разныхъ цвѣтовъ, на подобіе лентъ георгіевскихъ, владимірскихъ; за единообразіемъ въ то время не гнались, было бы только пристойно и хорошо. Лишь только катеръ съ Государынею отвалилъ отъ берега и показался штандартъ, въ то самое время съ судовъ всего флота и крѣпостей салютовано съ каждаго по сто одному выстрѣлу; потомъ, когда Государыня прибыла противу средины флота, салютовано въ другой разъ; наконецъ, по прибытіи Императрицы къ пристани, по снятіи штандарта, салютовано въ третій разъ по стольку же выстрѣловъ. День ясный клонился къ вечеру, теплота воздуха охлаждалась легкимъ вѣтромъ съ моря, и все это вмѣстѣ привѣтствовало шествіе Государыни наивеликолѣпнымъ образомъ".

„По прибытіи Ея Величества во дворецъ, генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры были представлены и всѣ удостоены руки Ея Величества. Я находился въ это время на кораблѣ и былъ занятъ нѣкоторыми распоряженіями, и потому представленъ часа за два особо; когда я цѣловалъ руку Государыни, тогда князь Григорій Александровичъ сказалъ нѣсколько словъ въ пользу мою; Ея Величество изволила подать мнѣ другую руку и сказала: „вотъ ему въ другой разъ и другая моя рука за хорошую его службу". Я не могу выразить тогдашній мой восторгъ, а скажу только, что всѣ послѣдующіе въ жизни моей награжденія, никакъ уже сравняться съ нимъ не могли. Въ то время цѣлованіе Царской руки дѣлалось съ колѣнопреклоненіемъ; можетъ я и ошибаюсь, но мнѣ тогда и теперь это казалось весьма и очень хорошо".

„На сѣверной сторонѣ построенъ былъ фальшивый городокъ съ крѣпостью; около 10 часовъ вечера, когда сдѣлалось довольно темно, бомбардировали оный два корабля линейныхъ и два бомбардирскихъ; весьма удачно взорвали крѣпость и сожгли городокъ. Государыня была очень, очень довольна [1]).

[1]) Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ записана бомбардировка подъ 23-мъ мая.

Библиотека "Руниверс"

Сегюръ описываетъ пріѣздъ въ Севастополь и вообще впечатлѣнія свои о крымской природѣ, какъ поэтъ, литераторъ и художникъ, но не удаляясь и отъ политическаго горизонта. Разставшись съ Бахчисараемъ, мы ѣхали по роскошнымъ долинамъ черезъ рѣку Кабарту: берега ея такъ живописны, что всѣ прилежащія селенія походятъ на сады. Къ обѣду мы прибыли въ Инкерманъ, называвшійся у грековъ Ѳеодоре, а у татаръ—Ахтіаромъ [1]). Здѣсь высокія горы полукружіемъ огибаютъ широкій и глубокій заливъ, гдѣ нѣкогда стояли древніе города Херсонесъ и Евпаторія. Эту знаменитую пристань полуострова Херсонеса Таврическаго, позже называвшагося Гераклейскимъ, Императрица назвала Севастополемъ. Видъ береговъ Тавриды, посвященныхъ Геркулесу и Діанѣ, напомнилъ намъ миѳическія времена грековъ и уже болѣе историческую эпоху босфорскихъ царей и Митридата.

Между тѣмъ, какъ Ихъ Величества сидѣли за столомъ, при звукахъ прекрасной музыки, внезапно отворились двери большаго балкона, и взорамъ нашимъ представилось величественное зрѣлище: позади разступившихся рядовъ татарскихъ всадниковъ мы увидѣли заливъ верстъ на 12 въ длину и на 4 въ ширину; посреди этого залива виднѣлось море, а изъ столовой, гдѣ мы обѣдали, мы увидѣли въ гавани въ боевомъ порядкѣ грозной флотъ, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный въ два года. Государыню привѣтствовали залпомъ изъ пушекъ, и грохотъ ихъ, казалось, возвѣщалъ Понту Эвксинскому, что есть у него повелительница, и что не болѣе, какъ черезъ 30 часовъ корабли Ея могутъ стать передъ Константинополемъ, а знамена ея арміи—развѣваться на стѣнахъ его. Мы спустились въ заливъ, Екатерина обозрѣвала корабли свои и дивилась глубинѣ и ширинѣ залива, вырытаго природою, будто съ намѣреніемъ устроить здѣсь прекраснѣйшую пристань въ мірѣ. Проѣхавъ заливъ, мы пристали къ подножію горы, на которой полукружіемъ возвышался Севастополь, построенный Ека-

[1]) Ахтіаромъ собственно называлось мѣстечко, гдѣ построенъ Севастополь, а Инкерманъ въ семи верстахъ оттуда.

Библиотека "Руниверс"

териною. Нѣсколько зданій для складки товаровъ, адмиралтейство, городскія укрѣпленія, 400 домовъ, толпы рабочихъ, сильный гарнизонъ, два госпиталя, верфи, пристани, торговая и карантинная—все придавало Севастополю видъ довольно значительнаго города. Намъ казалось непостижимымъ, какимъ образомъ въ 2,000 верстъ отъ столицы, въ недавно пріобрѣтенномъ краѣ, Потемкинъ нашелъ возможность построить такой городъ, создать флотъ, укрѣпленную гавань и поселить столько жителей: это дѣйствительно былъ подвигъ необыкновенной дѣятельности.

Три корабля, спущенные при насъ въ Херсонѣ, и другіе изъ Таганрога должны были прибыть сюда вскорѣ. Но пока въ заливѣ уже стояла эскадра изъ 25 военныхъ кораблей, совершенно вооруженныхъ, снабженныхъ всѣмъ нужнымъ и готовыхъ по первому приказанію Екатерины тотчасъ стать подъ паруса.

Входъ въ заливъ спокоенъ, безопасенъ, защищенъ отъ всякихъ вѣтровъ и такъ достаточно узокъ, что съ береговыхъ батарей можно открыть перекрестный огонь, и даже ядра могутъ прицѣльно долетать съ одной стороны на другую. Совершенно понятно, что видъ такихъ силъ на морѣ и на сушѣ воспламеняетъ воображеніе Императрицы и усиливаетъ ея тщеславіе. Лесть и похвалы придворныхъ, воинственныя рѣчи и порывы любимаго министра, принца де-Линя и Нассау-Зигена могли бы отвратить Императрицу отъ миролюбивыхъ намѣреній, но, повидимому, она не хочетъ измѣнять имъ. Булгаковъ, посланный изъ Херсона обратно въ Константинополь, имѣетъ порученіе предложить Портѣ миролюбивое соглашеніе. Императрица спросила у меня мое мнѣніе о новыхъ преобразованіяхъ во флотѣ. „Ваше Величество, сказалъ я,—загладили тяжкое воспоминаніе о прутскомъ мирѣ. Запорожскихъ разбойниковъ Вы превратили въ полезныхъ подданныхъ и подчинили татаръ, прежнихъ поработителей Россіи. Наконецъ, основаніемъ Севастополя Вы довершили на югѣ то, что Петръ началъ на сѣверѣ. Вамъ остается одинъ только славный подвигъ—одержать побѣду надъ природою, населить и оживить всѣ эти завоеванныя земли и обширныя степи, чрезъ которыя мы недавно проѣз-

Библиотека "Руниверс"

жали". Въ самомъ дѣлѣ, ничто уже не могло помѣшать Екатеринѣ скромно наслаждаться совершеніемъ такого подвига,— развѣ бы она захотѣла, вмѣсто занятій этимъ полезнымъ дѣломъ, отваживаться на новыя завоеванія и, можетъ быть, тѣмъ повредить своей славѣ, потому что нерѣдко нежданныя неудачи разстраиваютъ самыя обдуманныя предпріятія и внезапно омрачаютъ царствованія самыя славныя. Вѣроятно, подобныя мысли останавливали рѣшимость Екатерины и боролись въ умѣ ея съ внушеніями ея честолюбія, ея министровъ и царедворцевъ.—(См. Mem. de Segur).

Сегюръ, передавая разговоры съ императрицею не забылъ и о своемъ другѣ и товарищѣ путешествія принцѣ де-Линь.

Въ то время, какъ имератрица любовалась въ Севастополѣ Черноморскимъ флотомъ, принцъ де-Линь, отправился въ пожалованную ему дачу на берегу Крыма, близъ монастыря св. Георгія.

Сегюръ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ, что едва ли императрица могла сдѣлать болѣе приличный подарокъ этому отличному, умному человѣку, который, при своемъ воинственномъ нравѣ,скорѣе являлся какимъ то сказочнымъ и романтическимъ витяземъ, нежели лицомъ историческимъ. Но и Сегюръ и принцъ Нассау-Зигенъ, не могли воздержаться поближе посмотрѣть крымскій берегъ.

„Мы съ Нассау-Зигеномъ, пишетъ Сегюръ, проѣхались вдоль по южному берегу и видѣли портъ Символонъ[1]). Здѣсь, какъ и во всѣхъ почти пристаняхъ Херсонеса Гераклейскаго, встрѣчаются часто пещеры съ комнатками, часовнями, кельями и надгробными камнями съ греческими надписями. Грустно смотрѣть на эти скалы, эти крутыя горы, глубокія пещеры и страшныя ущелья. Это мѣста, поистинѣ достойныя служить жилищами таврамъ и ихъ доброму царю Тоанту. Полные мрачныхъ впечатлѣній, мы не могли разсѣяться видомъ Балаклавы, прежняго Символона. Это торговый городъ, почти исключительно

[1]) Греческій Символонъ, у генуэзцевъ—Цембало теперь по турецкому имени Балаклава.

Библиотека "Руниверс"

населенный греками, армянами и жидами, сохранившими полную свободу богослуженія и обычаевъ подъ русскимъ, такъ-же какъ и подъ татарскимъ, владычествомъ.

Какъ во всѣхъ старинныхъ греческихъ или восточныхъ городахъ, здѣсь улицы узки, дома низки и мостовая изъ разноцвѣтныхъ камней. Дѣятельные, промышленные жители здѣшніе, чтобы украсить это скучное мѣсто, стараются разводить сады на склонѣ черныхъ, высокихъ горъ, ихъ окружающихъ.

Сегюръ смотрѣлъ на все глазами литератора и дипломата, а императоръ Іосифъ II оцѣнивалъ все видѣнное въ Севастополѣ, какъ военный и притомъ принимавшій участіе въ замыслахъ Екатерины объ изгнаніи турокъ изъ Европы.

Мы выѣхали, пишетъ онъ своему фельдмаршалу, изъ Бахчисарая, предшествуемые отрядомъ изъ осьми сотенъ татаръ: карету нашу, совершенно открытую, окружали генералы, пажи и донскіе казаки, поднимая цѣлый столбъ пыли, которая обдавала насъ и засоряла у насъ всѣ отверстія. Какъ бы вы прокляли ихъ, мой милый маршалъ!

Доѣхавъ къ обѣду, мы увидѣли вдали бухту, гдѣ стоятъ на якорѣ слишкомъ двадцать линейныхъ кораблей и фрегатовъ, которые Императрица держитъ въ севастопольскомъ портѣ. Во время стола палили изъ пушекъ за здоровье Императрицы, которая затѣмъ, обратясь ко мнѣ съ рѣчью, выпила за здоровье своего лучшаго друга; ея примѣру послѣдовали всѣ присутствующіе.

Потомъ мы сѣли въ шлюпку, проѣхали вдоль стоящихъ на якорѣ кораблей и подъ звуки пушечной пальбы и военной музыки высадились у зданія адмиралтейства, гдѣ теперь главная квартира Императрицы. Всѣ матросы были выстроены на реяхъ: глядя по числу ихъ, можно судить, что ихъ достаточно для отправленія службы на судахъ. Надобно сознаться, что это было такое зрѣлище, красивѣе котораго трудно пожелать.

Севастополь красивѣйшій портъ, какой я когда либо видѣлъ. Въ немъ могутъ очень удобно помѣститься полтораста кораблей въ совершенной безопасности отъ всякихъ случайностей со стороны моря и отъ непріятеля, который никогда не

Библиотека "Руниверс"

отважится проникнуть въ бухту, защищаемую тремя батареями. Выходить изъ бухты въ море можно при трехъ вѣтрахъ. Есть отдѣльная гавань для торговыхъ судовъ, другая для карантина и третья для починки и килованія судовъ.

Настроено уже много домовъ, магазиновъ, казармъ, и если будутъ продолжать такимъ образомъ въ слѣдующіе три года, то, конечно, этотъ городъ сдѣлается очень цвѣтущимъ. Все это очень не по шерсти французскому посланнику, и онъ смотритъ страшно озадаченнымъ.

Обыкновенный переѣздъ отсюда въ Константинополь совершается въ двое сутокъ, а иногда даже только въ полтора сутокъ. Судите же, мой любезный маршалъ, на какія непріятныя размышленія все это должно наводить моего собрата повелителя правовѣрныхъ, который никогда не можетъ быть увѣренъ, что эти молодцы не явятся, не нынѣ завтра, разгромить у него окна пушечными выстрѣлами.

Императрица находится въ восторженномъ состояніи по новоду всего, что она видитъ, и при мысли о новой степени величія и могущества, на которую это возводитъ русскую имперію. Князь Потемкинъ въ настоящее время всемогущъ, и его чествуютъ выше всякаго представленія. Будь у меня возможность такъ близко придвинуться къ Берлину, да будь пруссаки такіе же олухи, какъ турки, я бы не устоялъ противъ желанія отдѣлаться отъ такихъ сосѣдей.

Здѣшніе суда исполнили нѣкоторые маневры. Императрица находилась на адмиральскомъ кораблѣ, который имѣлъ очень красивый видъ. Я былъ на 50-ти пушечномъ фрегатѣ, построенномъ, какъ мнѣ кажется, очень хорошо. Матросы, какъ я понимаю, очень мало обучены своему дѣлу: просто набрали двѣ тысячи рекрутъ, да и назвали ихъ матросами. Здѣсь, какъ вамъ извѣстно, и все такъ дѣлается. Едва только поступивъ во флотъ, они уже лазятъ на мачты. Случается, нѣкоторые ломаютъ при этомъ руки и ноги, чему я самъ былъ свидѣтелемъ, но ихъ скоро замѣняютъ другими; такъ они и будутъ лазить до тѣхъ поръ, пока выучатся.

Библиотека "Руниверс"

На судахъ и во флотскомъ госпиталѣ много больныхъ, которые находятся въ ужасномъ положеніи, такъ какъ объ нихъ не заботятся нисколько, и они валяются другъ на дружкѣ, какъ собаки.

Торговый портъ, портъ Каронскій и карантинная гавань, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бухтами, составляютъ красу Севастополя и дѣлаютъ его чрезвычайно интереснымъ. Я объѣзжалъ гавань и всѣ окрестности города, частію на казацкой лошади и казацкомъ сѣдлѣ, частію въ шлюпкахъ. Вечеромъ съ галіота кидали бомбы въ маленькую деревянную крѣпость, выстроенную нарочно въ одной небольшой долинѣ; эту постройку предполагалось зажечь, но такъ какъ бомбы успѣха не имѣли, то перешли къ гранатамъ и брандкугелямъ, дѣйствіе которыхъ оказалось не болѣе успѣшнымъ; наконецъ, кажется, просто взяли да подожгли доски: ибо вслѣдъ за однимъ выстрѣломъ изъ глубины все зданіе вспыхнуло разомъ, точно на фейерверкѣ, что вышло довольно красиво".

Всѣ подробности впечатлѣній при обозрѣніи Севастополя разсказанныя въ предъидущемъ письмѣ Іосифа II къ своему фельдмаршалу, доказываютъ, съ какимъ особеннымъ любопытствомъ онъ все осматривалъ.

Вечеромъ онъ гулялъ съ Императрицею пѣшкомъ по городу и по набережной, заходили въ лавки, гдѣ Императрица сдѣлала нѣсколько покупокъ: у греческихъ купцовъ Карочи и Чефаки куплено слишкомъ на 1000 р. разныхъ восточныхъ матерій,—у грека *Албанезо* ларчикъ съ круглымъ зеркаломъ за 530 руб. (изъ приходорасходныхъ книгъ кабинета Е. В.).

Въ этотъ день Потемкинъ, вполнѣ счастливый выраженнымъ ему Императрицею удовольствіемъ за все, что она видѣла, угощалъ всю свиту и посланниковъ великолѣпнымъ ужиномъ въ шатрѣ, поставленномъ передъ дворцомъ.

Вечеромъ всѣ берега гавани были освѣщены плошками. (К. Ф. журналъ 1789).

На слѣдующій день, въ воскресенье, 25 мая, Императрица слушала литургію въ каменной севастопольской церкви св. Чудотворца Николая. Литургію совершалъ іеромонахъ Михаилъ,

Библиотека "Руниверс"

находившійся при черноморскомъ флотѣ на кораблѣ „*св. Марія Магдалина*“.

По возвращеніи во дворецъ, представлены были Императрицѣ и допущены къ рукѣ: жена бригадира Алексіано, жена капитана перваго ранга Тиздель и жены всѣхъ прочихъ штабъ и оберъ-офицеровъ черноморскаго флота.

Потомъ, въ большой ставкѣ, раскинутой возлѣ дворца, былъ обѣденный столъ на 50 кувертовъ, въ присутствіи Императрицы и графа Фалькенштейна; сверхъ свиты были приглашены: таврическій правитель Каховскій, посланникъ при портѣ Булгаковъ, контръ-адмиралъ графъ Воиновичъ, капитаны бригадирнаго чина: Алексіано и Ушаковъ, капитаны 1 ранга: Тиздель, Псаро, полковникъ Горичъ и прочіе штабъ-офицеры черноморскаго флота.

Въ 6-мъ часу Императрица съ графомъ Фалькенштейномъ и нѣкоторыми особами изъ свиты прошли къ пристани, а отсюда на шлюпкахъ переѣхали на корабль „Слава Екатерины“; тутъ при поднятіи штандарта, корабли, фрегаты и транспортныя суда, на рейдѣ стоявшія, палили изъ пушекъ; по данному приказанію 40-пушечный фрегатъ „*Легкій*“ проходилъ мимо всего флота, а графъ Фалькенштейнъ въ это время въ шлюпкѣ ѣздилъ осматривать новой конструкціи 50-ти пушечный фрегатъ „*св. Андрей*“; возвратившись на корабль „Слава Екатерины“, онъ, вмѣстѣ съ Императрицею, въ шлюпкѣ ѣздили обозрѣвать севастопольскую гавань и южныя бухты; когда шлюпка Императрицы равнялась съ кораблями, въ то время матросы, стоявшіе по раямъ, вантамъ и бортамъ, кричали „ура“, флотъ салютовалъ изъ всѣхъ пушекъ, а съ батарей на берегу производилась канонада.

Сенявинъ, въ своемъ дневникѣ (см. Морской Сборникъ 1855 года № 4. Апрѣль) описываетъ подробно посѣщеніе Императрицею флота 23 мая 1787 года.

„Послѣ обѣда, Государыня изволила посѣтить флотъ; съ нею былъ австрійскій Императоръ Іосифъ; любуясь съ корабля „Слава Екатерины“ видомъ Севастополя, Императрица не мало была удивлена, когда князь Потемкинъ при семъ случаѣ подалъ

Библиотека "Руниверс"

Ея Величеству записку о числѣ всѣхъ казенныхъ и партикулярныхъ зданій и сказалъ, что „портъ сей никогда не былъ обитаемъ; все, что видите, Ваше Величество, и что показано въ запискѣ, стоятъ всѣ построенія, казнѣ принадлежащія, не болѣе какъ до двадцати тысячъ рублей“. Государыня изволила сказать: „это невѣроятно“. Императоръ австрійскій, вслушавшись въ разговоръ, сказалъ: „comment“,—(Государыня при Императорѣ всегда разговаривала на французскомъ языкѣ) и когда князь объяснилъ Государынѣ, что весь матеріалъ, употребленный на построеніе, какъ то: камень, известь, черепица и пр., работа и мастерство, все сдѣлано и добыто руками матросовъ съ прибавленіемъ отъ казны бревенъ, досокъ, мѣдныхъ вещей, стеколъ и прочихъ тому подобныхъ вещей; за рабочіе деньги положены уставомъ Петра Великаго три копѣйки въ день на человѣка, но я осмѣлился давать имъ по пяти копѣекъ. Государыня изволила сказать: „Это очень мало, прибавьте имъ еще на мой счетъ по пяти копѣекъ“. Императоръ, оборотясь къ Государынѣ, сказалъ Ей въ комплиментъ: „Тебѣ только, мудрая счастливица, возможно дѣлать такія вещи“. Іосифъ II обращеніе имѣлъ весьма свободное и очень часто позволялъ себѣ говорить италіанскіе очень рѣзкіе термины, которые введены тамъ въ такое употребленіе, что даже первокласныя дамы говорятъ ихъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти“. (Морскій Сбор. 1855 г. Дневникъ Сенявина № 4).

Вечеромъ, *въ ставкѣ* у дворца, князь Потемкинъ снова угостилъ свиту, пригласивъ контръ-адмирала графа Воиновича, прекраснымъ ужиномъ, и по приказанію князя были поставлены на столъ морскіе раки и морская разныхъ видовъ рыба. (К.-ф. ж. 1787 г.).

Императрица въ этотъ день писала къ барону Гримму:

„Севастополь, 23 мая 1787 г. Здѣсь, гдѣ тому назадъ три года не было ничего, я нашла довольно красивый городъ и маленькую флотилію, довольно живую и бойкую на видъ; гавань, якорная стоянка и пристань хороши отъ природы, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что онъ во всемъ этомъ обнаружилъ величайшую дѣятельность и прозорливость. Ту-

Библиотека "Руниверс"

рецкій флотъ, который стоитъ приблизительно въ шестистахъ верстахъ отсюда, еще не показывался; увидимъ, явится ли онъ сюда сдѣлать высадку и выгнать насъ отсюда, какъ предсказываютъ въ газетахъ. Графъ Фалькенштейнъ, по-видимому, очень доволенъ всѣмъ видѣннымъ, а принцъ Де-Линь говоритъ, что это одинъ непрерывный праздникъ [1])".

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Русск. Архивъ 1878. Стр 143.

Библиотека "Руниверс"

Кіевскій воевода П. В. Шереметевъ и нѣжинскій магистратъ (1666—1669 гг.).

Въ началѣ 1666 года прибылъ въ Кіевъ новый воевода, бояринъ и намѣстникъ смоленскій Петръ Васильевичъ Шереметевъ [1]). Вскорѣ послѣ вступленія своего въ должность, Шереметевъ сообщилъ въ Москву, что онъ имѣлъ уже случай показать кіевлянамъ свое безкорыстіе и неподкупность [2]); на основаніи этого заявленія Шереметева наши историки даютъ хорошій отзывъ объ его управленіи [3]). Но не всѣ малороссіяне убѣдились въ бескорыстіи кіевскаго воеводы: съ тѣхъ поръ, какъ Шереметевъ вступилъ въ должность, прошелъ только годъ, а въ Москву уже явились бурмистръ нѣжинскій Яковъ Ждановъ Бутенко и райца Гаврила Тимофеевъ Подкупной съ жалобой на новаго воеводу кіевскаго „во взятыхъ на нихъ дву сотъ двадцати рубляхъ“ [4]).

На Москвѣ Бутенко и Подкупной не скоро получили управу: три раза пришлось имъ ѣздить въ столицу. Въ первый свой пріѣздъ (въ 1667 г.) они ничего не добились, на жалобу ихъ не обратили вниманія [5]) и дѣло было возобновлено только

---

[1]) О времени назначенія Шереметева кіевскимъ воеводою и прибытія его въ Кіевъ см. Дворцовые Разряды т. III, столб. 600; Акты Южн. и Зап. Россіи: т. V. № 135, стр. 294, т. VI, № 6, стр. 44; № 24, стр. 74; № 28, стр. 77; № 30, стр. 78.

[2]) А. Ю. З. Р. т. VI, № 39, стр. 100. О дѣйствіяхъ своихъ въ Кіевѣ Шереметевъ сообщилъ въ Москву черезъ дака Фролова (ibid. стр. 103—105).

[3]) Напримѣръ, С. М. Соловьевъ въ Исторіи Россіи, изданіе 1870 г., томъ XI, стр. 192. Н. И. Костомаровъ особенно хвалитъ (Вѣстн. Евр. за 1879 г. № 5, стр. 39). безкорыстіе П. В. Шереметева.

[4]) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, малоросс. приказа кн. 2 л. 454.

[5]) О времени первой своей поѣздки въ Москву и о ея неудачѣ Бутенко и Подкупной упоминаютъ въ челобитной, поданной ими тогда, когда они пріѣзжали

Библиотека "Руниверс"

въ январѣ 1669 г., когда прибыли въ Москву съ соизволенія великаго Государя войсковые посланцы бить челомъ о вольностяхъ Богдана Хмѣльницкаго [1]). Вмѣстѣ съ войсковыми посланцами явилось въ Москву посольство отъ нѣжинскаго магистрата бить челомъ о нуждахъ города Нѣжина. Присланы были отъ нѣжинскаго магистрата „самъ войтъ Александръ Петровичъ Цурковскій“ и бурмистръ Яковъ Ждановъ Бутенко [2]), тотъ самый, который въ 1667 г. ѣздилъ съ Подкупнымъ въ Москву жаловаться на Шереметева. И на этотъ разъ посланцы нѣжинскаго магистрата „со многими слезами“ жаловались на воеводу

въ Москву „въ третьи“ (Моск. Арх. Мин Юст. Столб. малоросс. приказа № 5881) Вообще, предлагаемый нами разсказъ о тяжбѣ нѣжинскихъ мѣщанъ съ Шереметевымъ составленъ на основаніи слѣдующихъ документовъ: а) Опись доставленнаго въ Москву Шереметевымъ дѣла о нѣжинскихъ мѣщанахъ Петрѣ Сосимовѣ и Яковѣ Бутенкѣ съ товарищи (Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. прик. кн. 2, л. л. 450—454). б.) Выписка изъ челобитной нѣжинскихъ мѣщанъ, поданной въ январѣ 1669 г. (Акты Южн. и Зап. Росс. т. VIII, № 11, стр. 13. в.) Три челобитныя нѣжинскихъ мѣщанъ, поданныя ими въ іюлѣ 1669 г. (Моск. Арх. Мин. Юст. столб. малоросс. приказа № 588). г.) Великаго Государя указъ о выдачѣ 150 руб. Якову Бутенку и Гаврилѣ Подкупному (Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Сибирск. прик. № 6870).

[1]) Сравн. Акты Южн. и Зап. Россіи т. VII, № 30.

[2]) Перечисленіе лицъ, прибывшихъ въ Москву съ войсковымъ посольствомъ, см. въ Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Сибирск. приказа № 6866; тамъ же указано, что посланцы прибыли въ январѣ 1669 г. 17-го числа. Представители мѣщанъ явились въ Москву вмѣстѣ съ войсковымъ посольствомъ по желанію московскаго правительства. Въ Москвѣ знали (по письмамъ Лазаря Барановича и Многогрѣшнаго—Акты Южн. и Зап. Россіи. т. VII, № 30), что главная цѣль войсковаго посольства—добиться вывода изъ Малороссіи воеводъ, но Московское правительство имѣло также основаніе полагать (см. сообщенія Симеона Адамовича—Акты Южн. и Зап. Россіи т. VIII, № 5, стр. 11), что только для козака „воевода-сущая невзгода“, а что мѣщане и поселяне противъ воеводъ ничего не имѣютъ; поэтому наказный гетманъ Многогрѣшный получилъ повелѣніе прислать въ числѣ посланцевъ представителей отъ мѣщанскаго чину и поселянъ (Акты Южн. и Зап. Росс. т. VII, № 46, стр. 133). Но Многогрѣшный по своему исполнилъ этотъ приказъ и написалъ въ Москву, что съ войсковымъ посольствомъ поѣдутъ представители только Нѣжина и Мены; что же касается представителей всѣхъ другихъ городовъ и поселянъ, то они не имѣютъ де надобности ѣхать въ Москву, а о правахъ будутъ бить челомъ на радѣ. (Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Сибирск. прик. № 6866). Такимъ образомъ требованіе прислать представителей отъ мѣщанъ въ Москву имѣло самый неожиданный результатъ: Многогрѣшный, вѣроятно, не безъ умысла прислалъ такихъ мѣщанъ, которые считали себя обиженными главнымъ Малороссійскимъ воеводою и вмѣсто защитниковъ воеводскаго управленія оказались челобитчиками на воеводу кіевскаго.

Библиотека "Руниверс"

кіевскаго, „великаго боярина“ П. В. Шереметева, который будто бы причиняетъ нѣжинцамъ „скорбь нестерпимую, нищитъ ихъ и разоряетъ“; такъ, напримѣръ, бурмистра Якова Жданова съ товарищи онъ вытребовалъ по ложному доносу въ Кіевъ, держалъ тамъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, сажалъ на цѣпь, пока они не дали окупу 220 р. и все это воевода кіевскій учинилъ противозаконно, такъ какъ у нѣжинцевъ есть великаго государя грамота, чтобы имъ судиться своимъ судомъ, а „буде кому до нихъ дѣло, и ихъ бы имать къ *Москвѣ* по великаго Государя зазывной грамотѣ“.

На этотъ разъ нѣжинскій магистратъ выбралъ очень удобное время для жалобы на Шереметева: предстояла черневая рада (въ Глуховѣ), на которой московское правительство рѣшилось противиться требованіямъ значнаго козачества о выводѣ изъ Малороссіи царскихъ воеводъ, при чемъ Москва разсчитывала на поддержку „мѣщанъ и поселянъ“ [1]), которые, какъ полагали въ Москвѣ, не очень то любили казацкое управленіе [2]). При такихъ обстоятельствахъ въ Москвѣ отнеслись очень внимательно къ челобитью нѣжинскихъ мѣщанъ и не оставили безъ послѣдствій жалобы Цурковскаго и Бутенка. Въ Кіевъ къ Шереметеву отправлена была великаго Государя грамота съ повелѣніемъ доставить въ Москву все дѣло о должностныхъ лицахъ нѣжинскаго магистрата; у бурмистра, райцы и мѣскаго писаря разрѣшено было „объ обидахъ принять челобитныя“ на Москвѣ.

Шереметевъ вскорѣ доставилъ въ Москву массу документовъ, въ которыхъ дѣло о нѣжинскихъ мѣщанахъ было представлено въ слѣдующемъ видѣ: въ 1667 г. бурмистръ нѣжинскій Яковъ Бутенко и райца Гаврила Подкупной заявили воеводѣ нѣжинскому, что мѣщанинъ Петръ Сасимовъ говорилъ непристойныя рѣчи про указныя статьи великаго Государя, т. е., про утвержденныя государемъ „московскія статьи“ Брюховецкаго, на основаніи которыхъ нѣжинскій воевода поставилъ въ Нѣжинѣ цѣловальниковъ и таможенныхъ старостъ [3]). (Этими но-

[1]) Акты Южн. и Зап. Росс. т. VII, № 46, стр. 133.

[2]) Ibid. т. VIII стр. II.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. прик. кн. 2. 102.

Библиотека "Руниверс"

выми порядками въ Малороссіи многіе были недовольны). На первомъ допросѣ Сасимовъ показалъ, что доносъ на него сдѣланъ ложный, что Бутенко и Подкупной донесли на него по наущенію нѣжинскаго мѣскаго писаря Филиппа Константинова, который приходился Сасимову тестемъ, но „былъ съ нимъ въ недружбѣ". Донесшіе же на Сасимова утверждали, что извѣтъ ихъ могутъ подтвердить протопопъ нѣжинскій Симеонъ Адамовичъ и другіе нѣжинскіе священники. Въ виду этой ссылки воевода нѣжинскій распорядился арестовать Сасимова при съѣзжей избѣ и потребовалъ по извѣту Бутенка сказокъ отъ Адамовича и другихъ священниковъ, которые, однако, Сасимова „въ извѣтѣ очистили, что онъ никакихъ непристойныхъ словъ не говорилъ". Тогда Сасимовъ изъ съѣзжей избы былъ освобожденъ, но этимъ дѣло не кончилось.

Тотъ же недругъ Сасимова Константиновъ обратился къ нѣжинскому войту съ просьбой посадить его зятя Сасимова въ тюрьму. Войтъ исполнилъ просьбу своего писаря и объявилъ Сасимову, что не выпуститъ его изъ тюрьмы, пока онъ не помирится со своимъ тестемъ, писаремъ, и не заплатитъ ему тысячи рублей. Сасимовъ, конечно, не согласился уплатить такую сумму, обвинялъ войта въ томъ, что „онъ судитъ неправдою" и нашелъ возможность послать кіевскому воеводѣ челобитную съ жалобой на должностныхъ лицъ нѣжинскаго магистрата, на бурмистра Бутенка, райцу Подкупнаго и на писаря мѣскаго, которые взвели на него ложное обвиненіе въ непристойныхъ рѣчахъ про указныя статьи великаго государя; далѣе, нанесли ему, Сасинову, оскорбленіе на словахъ, назвавъ его злодѣемъ, а жену его к...ой, наконецъ, посадили его безъ всякой вины въ тюрьму и требуютъ съ него денегъ; въ челобитной своей Сасимовъ просилъ, чтобы воевода кіевскій вызвалъ въ Кіевъ всѣхъ лицъ, на которыхъ онъ жаловался, и далъ бы на нихъ судъ.

Итакъ, Сасимовъ отказывался повиноваться суду по магдебургскому праву, „на права нѣжинцевъ ставилъ кукиши" и искалъ суда у воеводы. Хотя воевода кіевскій не имѣлъ права „вступаться" въ суды мѣщанъ, но въ данномъ случаѣ дѣло шло о „непристойныхъ словахъ", о преступленіи государственномъ,

Библиотека "Руниверс"

и Шереметевъ счелъ возможнымъ исполнить просьбу Сасимова. Въ Нѣжинъ къ воеводѣ Ржевскому кіевскимъ воеводою посланъ былъ приказъ выслать въ Кіевъ Сасимова, Бутенка и Подкупнаго. Арестовавъ бурмистра и райцу, Ржевскій отправилъ ихъ подъ конвоемъ въ Кіевъ. Туда же былъ отправленъ и Сасимовъ.

Разсмотрѣвъ дѣло, Шереметевъ призналъ Бутенка и Подкупнаго виновными въ ложномъ доносѣ на Сасимова и приговорилъ: „ихъ было за то ихъ ложное челобитье довелось бить кнутомъ и кнутомъ они не биты *для иноземчества*, а сидѣли они за то скованы и изъ приказной избы освобожены“. Но освободивъ Бутенка и Подкупнаго изъ приказной избы, Шереметевъ не позволилъ имъ ѣхать въ Нѣжинъ, а приказалъ имъ жить въ Кіевѣ, пока не кончится ихъ дѣло съ Сасимовымъ, которому воевода разрѣшилъ искать на нихъ судомъ за причиненныя ему обиды. Сасимовъ опять не захотѣлъ судиться по мѣстнымъ правамъ“ и подалъ челобитную Шереметеву, причемъ къ прежнимъ жалобамъ присоединилъ двѣ новыя: на писаря мѣскаго нѣжинскаго, называвшаго его воромъ, и на райцу Подкупнаго, который будто бы подалъ на Сасимова ложное челобитье, что онъ „войта нѣжинскаго и всю старшину лаялъ и на права ихъ ставилъ кукиши“. Хотя въ этихъ дѣяніяхъ, приписываемыхъ Сасимовымъ Константинову и Подкупному, даже при большой натяжкѣ нельзя усмотрѣть государственныхъ преступленій, однако Шереметевъ принялъ и вторую челобитную Сасимова. Возникло два новыхъ дѣла о „безчестьяхъ“; Шереметевъ продолжалъ держать нѣжинскихъ бурмистра и райцу въ Кіевѣ, а въ Нѣжинъ послалъ одного изъ своихъ подчиненныхъ произвести на мѣстѣ слѣдствіе по челобитнымъ Сасимова.

Такъ продержали въ Кіевѣ Подкупнаго и Бутенка болѣе трехъ мѣсяцевъ; наконецъ, Шереметевъ приговорилъ ихъ къ уплатѣ Сасимову 220 рублей,—100 рублей за безчестье и 120 руб. проѣстей и проторей. Деньги эти были на отвѣтчикахъ „доправлены“ и, какъ увѣрялъ въ своемъ донесеніи Шереметевъ, отданы Сасимову; къ дѣлу была даже приложена росписка Сасимова въ полученіи 220 р.

Библиотека "Руниверс"

Если вѣрить всему, что сообщается въ этихъ документахъ, то воеводу кіевскаго можно обвинить только въ томъ, что онъ велъ дѣло съ обычною „московскою волокитою“. Но нѣжинцы оффиціальнымъ бумагамъ Шереметева не вѣрили. Нѣжинскій войтъ, узнавъ о злоключеніяхъ своихъ бурмистра и райцы, просилъ у кіевскаго воеводы объясненія, почему онъ, основываясь только на ложныхъ доносахъ, позволяетъ себѣ хватать должностныхъ лицъ нѣжинскаго магистрата, а потомъ за освобожденіе ихъ беретъ большія суммы денегъ. Шереметевъ отвѣтилъ войту, что деньги 220 р. онъ взыскалъ не въ свою пользу, а въ пользу челобитчика Сасимова, выдавшаго въ полученіи денегъ росписку; что бурмистръ нѣжинскій арестованъ не по ложному доносу, а „за непристойные рѣчи, что онъ говорилъ въ пьянствѣ“.

Этотъ отвѣтъ войту и нѣкоторыя несообразности въ присланныхъ Шереметевымъ въ Москву документахъ доказываютъ, что въ оффиціальныхъ бумагахъ кіевского воеводы дѣло о нѣжинскихъ мѣщанахъ изложено не вполнѣ вѣрно, причемъ нѣкоторыя весьма существенныя подробности, о которыхъ узнаемъ изъ поданныхъ нѣжинцами въ 1669 г. челобитныхъ, или пропущены, или упоминаются только вскользь. Такъ, воевода кіевскій не упоминаетъ о томъ, что нѣжинскіе бурмистръ и райца, будучи доставлены въ Кіевъ, заявили, что по данной имъ государевой жалованной грамотѣ воеводы не имѣютъ права ихъ судить; а между тѣмъ изъ доставленныхъ Шереметевымъ въ Москву бумагъ видно, что онъ зналъ о томъ, что не имѣетъ права судить малороссіянъ по Соборному Уложенію: онъ не рѣшился приговорить Бутенка и Подкупнаго къ тѣлесному наказанію (бить кнутомъ), которое по Соборному Уложенію полагалось за ложный доносъ (малороссіяне, какъ сообщаетъ самъ Шереметевъ, были свободны отъ тѣлесныхъ наказаній). Сверхъ того, въ письмѣ къ войту, Шереметевъ утверждаетъ, что онъ арестовалъ нѣжинскаго бурмистра не по челобитью Сасимова, а за непристойныя рѣчи, что онъ говорилъ въ пьянствѣ, но изъ дѣла видно, что бурмистръ взятъ былъ въ Кіевъ именно по челобитью Сасимова и нѣтъ упоминанія о томъ, что Бутенко

Библиотека "Руниверс"

произносилъ „непристойныя рѣчи“, напротивъ, онъ самъ обвинялъ въ этомъ Сасимова.

Далѣе, изъ всего дѣла видно, что Бутенко и Подкупной были въ Кіевѣ „посажены на чепь“ еще до произнесенія Шереметевымъ приговора, и только послѣ судебнаго разбирательства воевода объявилъ, что донесшіе ложно на Сасимова достаточно уже наказаны тѣмъ, что сидѣли скованными. Шереметевъ не объясняетъ, за что посадилъ онъ на цѣпь бурмистра и райцу до судебнаго разбирательства, но въ поданныхъ нѣжинцами Государю челобитныхъ дѣло объясняется такъ: Бутенко и Подкупной, не соглашаясь подчиняться воеводскому суду, требовали разрѣшенія поѣхать въ Москву бить челомъ Государю и за это то требованіе Шереметевъ посадилъ ихъ на цѣпь. Наконецъ, несмотря на то, что Шереметевъ представилъ расписку Сасимова въ полученіи 220 р., Бутенко и Подкупной утверждали, что деньги эти взялъ себѣ Шереметевъ, т. е., что воевода взялъ съ Сасимова расписку, чтобы оформить незаконное взысканіе денегъ въ свою пользу.

Всѣ эти обстоятельства разъяснены были въ Москвѣ Бутенкомъ, Подкупнымъ и Константиновымъ, которые, согласно данному въ январѣ 1669 г. разрѣшенію, прибыли въ столицу 2 іюля 1669 г. [1]) подать челобитныя объ обидахъ, причиненныхъ нѣжинцамъ Шереметевымъ. Въ это время Шереметевъ былъ уже отозванъ изъ Кіева (прибылъ въ Москву 14 іюня 1669 г. [2]). Изъ поданныхъ нѣжинцами челобитныхъ видно, что столь восхваляемый за безкорыстіе Шереметевъ не только принималъ добровольныя подношенія, но даже самъ приказывалъ доставлять себѣ разные припасы къ извѣстнымъ днямъ, напримѣръ, къ именинамъ, что, впрочемъ, не должно было считаться зазорнымъ при московской системѣ управленія, при которой должностныя лица оффиціально заявляли, что „они отъ челобитчиковъ сыти бываютъ“ [3]). Но больше всего жаловались нѣжинцы

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Малор. приказа № 5881, сравн. Южн. и Зап. Росс. т. XIII, № 103, стр. 261.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Малор. прик. № 5884.

[3]) Въ январѣ 1669 г. одному изъ подьячихъ Разряднаго приказа поручено было временно состоять при отвѣтной палатѣ по малороссійскимъ дѣламъ; когда

Библиотека "Руниверс"

на то, что Шереметевъ *неоднократно* требовалъ къ себѣ въ Кіевъ должностныхъ лицъ нѣжинскаго магистрата, „билъ ихъ самъ своею рукою въ голову, вземши за волосы", „держалъ ихъ въ чепи", пока магистратъ нѣжинскій не выкупалъ арестованныхъ, поднося дары самому боярину, „боярене", сыновьямъ ихъ и держальнику. Вообще, когда по какому нибудь случаю нѣжинцы подносили дары Шереметеву, они должны были также одарить не только членовъ его семейства, но и всѣхъ вообще приближенныхъ воеводы, даже пѣвчихъ его и музыкантовъ [1]).

Дѣло свое съ Сасимовымъ Бутенко и Подкупной изложили въ своихъ челобитныхъ не совсѣмъ такъ, какъ оно было изложено въ документахъ, доставленныхъ Шереметевымъ. Бутенко и Подкупной сообщили въ своихъ челобитныхъ слѣдующее: 8 августа 1667 г. Шереметевъ по просьбѣ Сасимова приказалъ доставить въ Кіевъ подъ конвоемъ ихъ, Бутенка и Подкупнаго; въ Кіевѣ Шереметевъ разрѣшилъ имъ жить на свободѣ за порукою кіевскихъ мѣщанъ и дожидаться его суда, но бурмистръ нѣжинскій и райца заявили, что кромѣ великаго государя никто ихъ судить не имѣетъ права, и просились изъ Кіева къ Москвѣ; за такія заявленія Шереметевъ „пересажалъ" ихъ на цѣпь и сидѣли они на цѣпи три недѣли; попавъ въ бѣду, Бутенко и Подкупной всѣми силами старались умилостивить разгнѣвавшагося боярина и съ этою цѣлью роздали болѣе

кончились переговоры съ войсковымъ посольствомъ, подьячій этотъ билъ челомъ великому государю о томъ, чтобы повелѣно было выдать ему, подьячему, денежное пособіе, такъ какъ онъ „лучшее время, *когда его братья подьячіе отъ челобитчиковъ сыти бываютъ*" не могъ присутствовать въ приказѣ и оттого „сталъ беззапасенъ, помираетъ голодною смертью". Государь пожаловалъ челобитчика подьячаго, повелѣлъ выдать ему денежное пособіе (Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, столб. Сибирскаго приказа, № 6866). По всей вѣроятности, такимъ отношеніемъ къ челобитчикамъ въ приказахъ слѣдуетъ объяснить то обстоятельство, что въ Московскомъ Государствѣ расходы на содержаніе администраціи и приказные были весьма незначительны (сравн. Журн. Мин. Нар. Просв. за 1890 г. № 9, статью, П. Н. Милюкова, стр. 103).

[1]) Такія подношенія домочадцамъ воеводы были въ обычаѣ и въ Великороссіи (см. напечатанные Е. В. Барсовымъ документы въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн. за 1884 г. № 1, смѣсь стр. 16—17).

Библиотека "Руниверс"

ста рублей дѣтямъ Шереметева, его подьячимъ, слугамъ и сторожамъ, самому же воеводѣ кіевскому они обѣщали заплатить „окупки“ 220 р. „чтобъ не страдали болши того, неволи не терпѣли“. Когда кіевскіе мѣщане поручились за Бутенка и Подкупнаго, что они 220 рубл. заплатятъ, Шереметевъ отпустилъ ихъ въ Нѣжинъ. Пріѣхавъ домой, Бутенко и Подкупной не могли сразу собрать требуемой съ нихъ громадной суммы (220 рублей половины XVII в.=около 3740 рубл. нашего времени)[1]) и поэтому заложили своихъ женъ и дѣтей кіевскимъ мѣщанамъ, которые и уплатили Шереметеву требуемую имъ сумму.

Уплативъ деньги Шереметеву, Бутенко и Подкупной обратились въ Москву съ жалобой на дѣйствія воеводы кіевскаго, но въ первый свой пріѣздъ въ Москву, какъ выше было сказано, ничего не добились, имъ пришлось „за тѣми деньгами таскаться къ Москвѣ два года“. Между тѣмъ вслѣдствіе измѣны Брюховецкаго Нѣжинъ былъ въ 1668 году разоренъ; Бутенко и Подкупной лишились въ эту „нещастливую“ войну почти всего имущества и не могли выкупить своихъ женъ и дѣтей; будучи въ такомъ безвыходномъ положеніи, Бутенко и Подкупной не оставляли надежды добиться управы въ Москвѣ; прибывъ въ Москву въ январѣ 1669 г. въ числѣ представителей нѣжинскаго магистрата, Бутенко повторилъ жалобу на Шереметева. Правительство, какъ мы видѣли, отнеслось въ январѣ 1669 г. внимательно къ жалобамъ нѣжинскихъ мѣщанъ: у нихъ разрѣшено было принять на Москвѣ объ обидахъ челобитныя. Согласно этому разрѣшенію, въ іюлѣ 1669 г. Бутенко и Подкупной въ третій разъ пріѣхали въ Москву и подали челобитныя, въ которыхъ изложили все дѣло и просили, чтобы великій государь повелѣлъ, „боярину и намѣстнику смоленскому и воеводѣ *бывшему* кіевскому Петру Васильевичу Шереметеву тѣ деньги и всякіе убытки имъ отдать“. 30 іюля 1669 г. „великій государь пожаловалъ бурмистра Якова Жданова да райцу Гав-

[1]) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей при московскомъ университетѣ за 1884 г. кн. I, ст. В. О. Ключевскаго: „Русскій рубль XVI—XVIII в. стр. 61.

Библиотека "Руниверс"

рила Тимофѣева для ихъ многаго челобитья и пріѣздовъ и разоренія велѣлъ имъ дать изъ своей великаго государя казны по семдесяти по пяти рублевъ человѣку изъ полоняничныхъ денегъ".

Правительство, разрѣшивъ выдать Бутенку у Подкупному столь значительную сумму (болѣе двухъ третей просимой суммы), тѣмъ самымъ признало, что Шереметевъ дѣйствовалъ въ Кіевѣ не вполнѣ законно; но въ Москвѣ не сочли нужнымъ взыскать деньги съ Шереметева, т. е., не согласились признать, что воевода кіевскій вымогалъ деньги въ свою пользу. Не знаемъ, было ли отозваніе Шереметева изъ Кіева вызвано его дѣломъ съ нѣжинцами. Надѣемся найти отвѣтъ на этотъ вопросъ въ 6-ой книгѣ „Рода Шереметевыхъ" г. Барсукова.

В. Эйнгорнъ.

Прилагаемъ здѣсь наиболѣе интересные изъ документовъ, на основаніи которыхъ составлена настоящая замѣтка.

1) „Приговоръ боярина и воеводъ Петра Васильевича Шереметева с товарыщи: слушав извѣту и всего нѣжинскаго дѣла, приговорили, что бурмистръ Яковъ Бутенко, райца Гаврило Подкупной на Петрушку Сасимова доводили в непристойныхъ словахъ про указныя великого государя грамоты, а то де слышали протопопъ Симеонъ да попы Павелъ да Илья; и протопопъ и попы Петрушку въ томъ очистили, что онъ никакихъ непристойныхъ словъ не говаривалъ и ихъ было за то ложное челобитье довелось бить кнутомъ и кнутомъ они не биты для иноземчества, а сидѣли они за то скованы и изъ приказной избы освобожены, а Петрушка-бъ на нихъ искалъ судомъ".

2) „Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу бьютъ челомъ сироты твои нѣжинской бурмистръ Янка Ждановъ да райца Гапка Тимофѣевъ. Въ прошломъ, государь, во 175 году взялъ насъ сиротъ твоихъ изъ Нѣжина въ Кіевъ бояринъ и намѣстникъ смоленскій и воевода киевскій Петръ Васильевичъ Шереметевъ по ложному челобитью нѣжинскаго мѣщанина Петрушки Сасимова и держалъ насъ, сиротъ твоихъ за поруками четырнадцать недѣль, а въ цепяхъ держалъ болѣе дву недѣль, а окупки дали мы, сироты твои, ему, боярину и намѣстнику смоленскому и воеводе киевскому Петру Васильевичу Шереметеву двести двадцать рублевъ и мы, сироты твои,

Библиотека "Руниверс"

за тѣми деньгами таскаемся къ Москвѣ третей годъ и, намъ сиротамъ твоимъ, въ ездахъ и волокитахъ и всякихъ харчахъ учинилось убытку двести рублевъ и болши и намъ, сиротамъ твоимъ, дана была твоя, великаго Государя, грамота съ Москвы въ Кіевъ к боярину и намѣстнику смоленскому и воеводе киевскому к Петру Васильевичю Шереметеву зимою, чтобъ то наше дѣло и денги привесть къ Москве, а намъ сиротамъ твоимъ дана твоя, великаго государя, грамота, что намъ судитца самимъ, а буде кому до насъ, сиротъ твоихъ, дело есть и насъ сиротъ твоихъ имать къ Москве по твоей, великаго государя зазывной грамотѣ, а ныне мы сироты твои тѣхъ денегъ не вѣдаемъ гдѣ взять, а женишка наши и дѣтишка закабалилися вѣчно, а оплатитца нечемъ и разорились безъ остатку и намъ, сиротамъ твоимъ, домой ѣхать нелзя, въ кабалахъ будетъ погинуть. Милосердный государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ, пожалуй насъ, сиротъ своихъ, вели государь тѣ наши денги и всякия убытки ему боярину и намѣстнику смоленскому и воеводе бывшему киевскому Петру Васильевичу Шереметеву отдать намъ, сиротамъ твоимъ, чтобъ намъ, сиротамъ твоимъ, з женишками из дѣтишками в тѣхъ долгахъ въ конецъ не погинуть и вѣчно бъ не разоритца и голодною смертью не умереть. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

3. Роспись для памяти намъ, мѣщаномъ нѣжинскимъ, что мы выдали въ 174 году боярину Петру Васильевичю Шереметеву: декабря въ 23 день какъ шелъ к Киеву черезъ Алишевку и въ тотъ часъ черезъ райца нашихъ Андрея Мниха и Рамана Ѳилоненка такъ много челомъ ударили: хлѣбовъ да калачей на три рубли, рыбы бочку—дали полтретья рубля, масла ольвлянова на два рубли безъ дву гривенъ; вина двойнова на десять рублевъ, две коровы добрые, четыре борана, тритцать пять чети овса—тое дѣлалось за бурмистра Тресавы; въ томъ же году за бурмистра Дмитрея Парѳенова мимо товарыщей своихъ, также бурмистровъ да райцы Ѳедора Вилневца челомъ ударили: два быка волоские—купили, дали шестнадцать рублевъ; десять барановъ; вина двойново на десять рублевъ; солоду ячново на пиво—тритцать пять чети; двенатцеть аршинъ отласу—дали семнадцать рублевъ безъ дву гривенъ. Въ 175 году, за бурмистра Якова Жданова, какъ прислалъ служивого ис Киева въ Нѣжинъ по войта и писаря и въ то число писаря въ Киеве самъ своею рукою бояринъ билъ въ голову, вземши за волосы и въ чепи четверы сутки держалъ и въ то число, ис чепи выкупаючи писаря, боярину дали двадцать аршинъ камки желтой—

Библиотека "Руниверс"

аршинъ купили безъ гривны по сороку и то двадцать два рубли; да боярене дали шесть червонныхъ золотыхъ; четыремъ сыномъ дали по червонному золотому, меду кислово две бочки болшихъ купили,— дали двенатцеть рублевъ, три бочки пива—дали полтретьи рубли, дватцать осмачекъ солоду—дали восмь рублевъ, Алексѣю Ушакову дали два тареля.

Въ томъ же году весною на Николинъ день самъ войтъ Александро Петровичъ съ товарищеми своими з бурмистромъ и райцами боярину далъ десеть червонныхъ золотыхъ, боярени далъ дватцеть два аршина камки—аршинъ купили по рублю, дѣтемъ дали шестнадцать еѳимковъ; пятъ коровъ—купили по три рубли, десеть борановъ—купили по дватцети алтынъ з гривною; три бочки меду болшихъ—дали осмнадцать рублевъ, семь бочакъ пива болшихъ—дали четыратцать рублевъ четыре гривны; вина двойнова сто квартъ— дали десять рублевъ; простого вина сто квартъ—дали пять рублевъ; сорокъ гусей, тритцать семь утокъ, полтораста куричъ, тысеча еицъ. Да держалнику его Алексѣю Ушакову поднесли три рубли да тарель, бочку пива—дали полтора рубли; два борана, восмь чети овса, пять гусей, шесть утокъ. десеть куричъ, два ста яицъ; пѣвчимъ его дали два еѳимка, жилцу ево Ивашке дали два еѳимка.

Въ томъ же году онъ же боярин к именинамъ своимъ велѣлъ прислать и въ то число мы послали въ Киевъ мѣщанъ своихъ Василья Гормаша да Оксена Пилащенка и съ ними отпустили: быка волосково болшого—дали восмь рублевъ; шесть борановъ, пятьдесятъ куричъ, вина двойнова пятьдесятъ квартъ—дали пять рублевъ, солоду ячнова на пиво дватцать осмачекъ —дали восмь рублевъ, пшена полтретьи осмачки—дали три рубли; полосмачки маку; тому жилцу Ивашкѣ, какъ зимою ѣхалъ изъ Зенкова отъ матери въ Киевъ—ему на кормъ дали дватцеть алтынъ; въ томъ же году тотъ же Ивашко ехалъ лѣтомъ ис Киева къ матери въ Зинков— на кормъ ему дали восмь гривенъ, вина двойного дали на дорогу пять квартъ, а онять назадъ, какъ поехалъ отъ матери въ Киевъ и въ то число в Нѣжинѣ стоялъ три дни - на кормъ ему дали рубль, а у которова хозяина стоялъ и онъ у него меду выпилъ на четыре гривны и за тотъ медъ денги платили мы, а на дорогу дали дватцать алтынъ да вина двойново семь квартъ.

Боярскому певчему, какъ с Новыхъ Млыновъ ехалъ отъ матери своей с стрѣлцомъ и у насъ стоялъ двои сутки и мы ему дали на кормъ рубль четыре копейки, полосмачки овса, въ то же число

Библиотека "Руниверс"

дали ему подводу, лошедь взяли у мещанина у Семена Трушка— цена десять рублевъ и онъ тое лошадь невѣдомо гдѣ дѣлъ.

Въ томъ же году мѣсяца августа въ 8 день мимо твоего, великаго государя, указу, по ложному челобитью Петра Сасимова, взяты мы, сироты твои, въ Киевъ, бурмистръ Янка да райца Гаврилка, а у насъ, сиротъ твоихъ, твоя великаго государя жалованная грамота, что не велено насъ никуды имать, ни судить никому опричь тебя, великаго государя, на Москве, и мы жили въ Киевѣ за поруками киевскихъ мѣщанъ четырнатцать недель и мы у него, боярина въ то число просились ис Киева къ тебѣ, великому государю, к Москве и онъ насъ за то пересажалъ на цепь; и сидѣли на цепи три недели и мы сироты твои въ то время детемъ ево поднесли и подьячимъ, и слугамъ, и сторожамъ давали и сами свели болши ста рублевъ, а по указу ево боярина Петра Васильевича Шереметева, въ приказъ за поручною киевскихъ мѣщанъ десети человѣкъ нались мы заплатить двѣсти дватцать рублевъ, чтобъ не страдали болши тово, неволи не терпѣли и онъ бояринъ Петръ Васильевичъ насъ ис Киева отпустилъ и мы сироты, приехавши домой, женъ и дѣтей заложили тѣмъ киевскимъ мѣщаномъ и оне за насъ ему денги заплатили и донынѣ жены наши и дети у киевскихъ мещанъ въ закладѣ, потому что война нещастливая наступила, домишка и животы наши въ конецъ разорили и мы къ тебѣ, великому государю, за темъ в третьи волочимся и таскаемся, чаючи твоего милосердаго указу. Царь-государь, смилуйся пожалуй. (Моск. Арх. Мин. Юст. столб. Малоросс. прик. № 5881).

Библиотека "Руниверс"

Табачная контрабанда среди кіевскихъ мѣщанъ.

Указомъ Пр. Сената 16 мая 1757 г. „отпускъ за море и за границу папушного черкасскаго табаку“ отданъ былъ на откупъ на 20 лѣтъ сенатору графу Петру Ивановичу Шувалову, который съ своей стороны, по заключенному имъ въ сентябрѣ 1758 г. контракту, предоставилъ эту операцію, въ качествѣ своихъ комиссіонеровъ, московскимъ купцамъ Петру Каблукову и Максиму Алисову.

Этотъ откупъ, какъ видно, весьма невыгодно отразился на интересахъ кіевскихъ мѣщанъ, такъ какъ многіе изъ нихъ до сихъ поръ занимались покупкою въ малороссійскихъ городахъ „папушного табаку“ и продажей его въ Польшу, при чемъ нерѣдко обязывались контрактами на поставку его съ польскими торговцами. Всѣ торговавшіе табакомъ мѣщане кіевскіе, по объявленіи имъ въ магистратѣ послѣдовавшаго объ откупѣ указа, обязались подпискою о невывозѣ табаку за границу безъ дозволенія комиссіонера Каблукова или его повѣренныхъ. Но, видно, не легко было эту подписку выполнить.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1759 г. Каблуковъ доносилъ въ кіев. губ. канц., что де въ послѣднее время въ Кіевъ стали привозить изъ разныхъ малороссійскихъ мѣстъ табаку „противъ прошлыхъ лѣтъ весьма съ умноженіемъ, такъ что и никогда его столь еще не бывало“, а между тѣмъ, по справкамъ де его, какъ въ табачной конторѣ, такъ и въ васильковской и прочихъ кіевской губерніи пограничныхъ таможняхъ „по ярлыкамъ пропуску изъ Кіева оному табаку за границу не значится, и какимъ способомъ тотъ табакъ изъ Кіева отвозится, въ томъ

Библиотека "Руниверс"

состоитъ не безъ сумнительства", а потому онъ, Каблуковъ, и проситъ Кіев. губ. канц. потребовать отъ кіев. магистрата обстоятельной вѣдомости: кто именно изъ подольскихъ мѣщанъ торгуетъ табакомъ, по какой цѣнѣ покупаютъ и продаютъ, куда изъ Кіева отпускаютъ, а главнымъ образомъ—сколько вообще въ годъ сбывается въ Кіевѣ мѣщанами табаку и—кстати—„отъ той продажи какое довольствіе кіев. магистратъ въ доходъ имѣетъ".

Магистратъ, исполняя требованіе губ. канц., представилъ вѣдомость, въ которой показано всего семь торговцевъ, изъ которыхъ де „за границу ни еденъ въ продажу не отпускаетъ [1])".

Но Каблуковъ усомнился въ вѣрности показаній магистрата и особымъ доношеніемъ въ губ. канц. заявилъ, что въ дѣйствительности, какъ это ему доподлинно извѣстно, папушнаго табаку у кіевскихъ мѣщанъ „весьма большимъ числомъ сыскаться можетъ, но оной кіев. магистратъ, въ противность Кіев. губ. канц. указовъ, тѣхъ мѣщанъ въ вѣдомости утаилъ или оные мѣщане съ тѣмъ табакомъ кіев. магистрату себѣ не явили для единого того, чтобъ оной табакъ тайно за границу провезть". А чтобы этого не допустить, Каблуковъ просилъ губ. канц. произвести обыскъ для провѣрки магистратской вѣдомости и, если у кого отыщется табакъ сверхъ показаннаго въ ней, арестовать его „до разсмотрѣнія".

---

[1]) Въ вѣдомости этой показаны: 1) Максимъ *Волошиненко*. 2) Григорій *Вересенко*—продаютъ сотню папушъ по 80 к. и по рублю и „сходитъ въ нихъ въ годъ того табаку до десяти тысячъ папушъ и нынѣ онаго въ наличности въ лавкахъ бакалейнаго ряду имѣется до 5000 папушъ, 3) Семенъ *Козелецкій*—продаетъ до шести тысячъ папушъ въ годъ, на лицо у него—одна тысяча, 4) Іосифъ *Петренко*—вымѣнялъ въ Переяславѣ на деготь двѣ тысячи папушъ и продаетъ по 80 к., 5) Захарій *Рубанъ* купилъ 700 папушъ у привозныхъ, 6) Иванъ *Погорѣлый* купилъ за Днѣпромъ въ Густинскомъ десять тысячъ папушъ за тысячу по 7 р. 50 к., И Рубанъ и Погорѣлый продаютъ тертый табакъ „табачницамъ" (мелочнымъ торговкамъ), 7) Іустимъ *Бушученко* находился во время составленія вѣдомости въ отлучкѣ.

Въ рапортѣ магистрата въ заключеніи говорится, что съ торгующихъ табакомъ „никакого окладу въ магистратъ не взимается, кромѣ что изъ нихъ которые сидятъ въ лавкахъ, съ оныхъ за землю купичныя деньги равномѣрно какъ и отъ другихъ взимаются".

Библиотека "Руниверс"

Не извѣстно, состоялся ли тогда же этотъ обыскъ, но изъ встрѣчавшихся мнѣ разрозненныхъ документовъ видно, что въ первый же годъ своего откупа Каблуковъ возбудилъ множество дѣлъ по обвиненію кіевскихъ мѣщанъ въ тайномъ провозѣ мимо таможенъ табаку за границу. Одно изъ такихъ дѣлъ, сохранившееся въ крайне растерзаномъ видѣ, даетъ несомнѣнныя указанія на то, что мѣщане кіевскіе дѣйствительно „не иначе старались провозить за границу табакъ, пока тайно". Дѣло это въ сохранившейся перепискѣ представляется въ такомъ видѣ.

14-го іюня 1759 г. Каблуковъ донесъ въ кіев. губ. канц. что кіев. мѣщанинъ Алексѣй Бушиченко съ товарищами привезъ на восемнадцати „четвероволовыхъ" возахъ въ с. Троетчину за Днѣпромъ папушный табакъ и сложилъ его у тамошняго мужика Григорія Пилипенка, а противъ 13-го іюня ночью „наклалъ три дуба большихъ и оной табакъ провезъ водою вверхъ и тамо, заѣхавъ между лозы, скрытно стоялъ чрезъ цѣлый день, а потомъ воротясь внизъ, заѣхалъ въ рѣку Старуху и тамо съ тѣмъ табакомъ кроется въ лозахъ", намѣреваясь провезти его тайно въ польское м. Ржищевъ „для отдачи по подряду тамошнему жиду".

Губ. канц. предоставила Каблукову „пристойную команду" изъ одного капрала и семи человѣкъ гарниз. солдатъ, которые дѣйствительно и поймали указанную контрабанду. Изъ бывшихъ при дубахъ 20-ти человѣкъ поймано лишь шесть, остальные, въ томъ числѣ и самъ Бушиченко, бѣжали. Арестованные были представлены въ губ. канц. къ допросу. Всѣ они были подольскіе жители и согласно показали, что, когда де узнали, что нанявшій ихъ въ работники Бушиченко хочетъ везти табакъ въ Польшу, то не захотѣли ѣхать, и въ это время ихъ и арестовали.

4-го августа магистратъ препроводилъ въ кіев. губ. канцелярію дядю скрывшагося Алексѣя Бушиченка Устима, который на допросѣ и показалъ слѣдующее: „въ прошломъ 1758 году у пріѣхавшаго изъ-за Днѣпра малороссіянина на имѣвшійся у него въ шести бочкахъ деготь вымѣнялъ табаку три тысячи съ половиною папушъ и изъ онаго на Подолѣ разнымъ людямъ продалъ до двухъ тысячъ папушъ, а остальной, что никто его

Библиотека "Руниверс"

въ Кіевѣ за гнилостію купить не пожелалъ, взялъ и обще съ вялою рыбою на одномъ дубѣ поѣхалъ вверхъ рѣкою Днѣпромъ и по прибытіи въ межигорской погранич. таможнѣ явился, и по взятіи только съ одной рыбы пошлины (а того, что у него табакъ былъ, не объявилъ) отпущенъ за границу; не доѣзжая до польскаго села Толокуни меж. таможни объѣздчиками возвращенъ для того, что о табакѣ не объявилъ, и какъ тотъ табакъ и рыба находились при меж. таможни чрезъ долгое время, и по прошенію его оной дубъ съ рыбою и табакомъ ему отданы; прибывъ въ Кіевъ, оные рыбу и табакъ просушилъ и что изъ оной рыбы выбралось годной, наложилъ на тотъ же дубъ и, по объявленіи въ меж. таможни, пропущенъ заграницу; и по прибытіи въ м. Чернобыль, оной рыбы не продалъ, но у тамошняго жителя Савы Шовкуленка оставилъ и, купя тамо грибовъ, прибылъ на томъ же дубу въ Кіевъ", оставшійся же табакъ просилъ польскихъ жителей, пріѣзжавшихъ въ Кіевъ, провезти за границу, что тѣ и сдѣлали за 3 р. 10 к., забравъ его на два воза, и доставили въ м. Ржищевъ, куда затѣмъ прибылъ и онъ, Бушиченко, и продалъ табакъ жиду по 70 к. за сотню папушъ, получивъ всего денегъ 28 руб. „А минувшаго мая сего 1759 г. племяннику своему Алексѣю Бушиченко продалъ собственный свой дубъ за 10 руб., но денегъ не получилъ, а когда племянникъ съ пятью наемными роботниками изъ кіевоподольскихъ жителей, наложа въ тотъ дубъ табаку, поѣхалъ, то и онъ, Устимъ за нимъ на лодкѣ слѣдовалъ, чтобы деньги за дубъ получить; проѣхавъ тайнымъ образомъ мимо Стоецкаго форпоста въ м. Ржищевъ, племянникъ его и другой кіевскій мѣщанинъ Алексѣй Фенявскій, у котораго тоже былъ дубъ съ табакомъ, продали табакъ: Фенявскій—тамошней арендаркѣ жидовкѣ, а племянникъ—шляхтичу Понятовскому по 1 р. 10 к. сотню, но племянникъ всѣхъ денегъ тогда же не получилъ, почему и остался въ Ржищевѣ, а онъ, Устимъ, получивъ свои 10 р за дубъ, вернулся въ Кіевъ тайно же".

Такимъ образомъ, показаніе Устима Бушиченка (собственноручно подписанное), очевидно, относилось не къ тому дѣлу, по которому собственно онъ и былъ представленъ.

Библиотека "Руниверс"

Племянникъ же его присланъ былъ магистратомъ только 27 августа и въ губ. канц. далъ такое показаніе:

Въ прошломъ 1758 г. ѣздилъ онъ изъ Кіева въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ въ малорос. мѣстечко Лохвицу для покупки табаку и продавалъ его съ барышемъ старостѣ рыбальскаго цеха Лукьяну Богомазу, который уже отъ себя посылалъ тайно тотъ табакъ неоднократно заграницу на дубахъ по Днѣпру съ подольскимъ жителемъ Наумомъ Быховцемъ. А въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего 1759 г. купилъ онъ у лохвицкаго жителя, прибывшаго въ Пустынно-Николаевскаго монастыря слободку на той сторонѣ Днѣпра, десять тысячъ папушъ табаку по 9 р. за тысячу и сложилъ его тамъ же у одного мужика; а въ маѣ мѣсяцѣ, согласясь съ дядей своимъ, Устимомъ, сложили тотъ табакъ на дубъ, и къ нимъ присоединился Алексѣй Феневскій, который нынѣ скрывается у своего тестя, такимъ образомъ на двухъ дубахъ и одной лодкѣ поѣхали мимо Стаецкаго форпоста въ м. Ржищевъ. Тамъ Феневскій свой табакъ продалъ, а у него, Алексѣя Бушиченка, сторговалъ табакъ шляхтичъ Понятовскій, но уплату денегъ задержалъ" за то, что какъ дядя его Устимъ съ прочими кіево-подольскими жителями напередъ того таковой же табакъ тайнымъ образомъ на одномъ дубу въ м. Ржищевъ привозилъ и оному шляхтичу по рублю сотня не продалъ, а продалъ въ томъ же Ржищевѣ жиду по 70 к. сотню". Живучи до полученія денегъ въ Ржищевѣ, Бушиченко „видалъ неоднократно присыланнаго къ Понятовскому вороньковскаго сотника Матвѣя Сулимы прикащика Павла Масловскаго, который ежечасно привозимой отъ оного сотника на трехъ, на двухъ, а временемъ и на одномъ дубу табакъ отдавалъ и отъ него деньги получалъ". Пробрался затѣмъ Бушиченко къ вороньковскому сотнику, надѣясь при его посредствѣ получить удовлетвореніе отъ Понятовскаго, но въ томъ не успѣлъ. Тамъ то ему невѣдомые обуховскіе люди сказывали, что „имѣется у нихъ въ товариществѣ кіево-подольскій житель Матвѣй Поповичъ, который въ нынѣшнемъ 1759 г. въ с. Бубнахъ лубен. полка у тамош. протопопы Павла Свѣта купилъ табаку 50,000 папушъ, и оной табакъ находится въ с. Троечинѣ, и просили его, чтобъ онъ тайнымъ

Библиотека "Руниверс"

образомъ тотъ табакъ провезъ за границу". Съ этими то обуховскими людьми поѣхалъ Бушиченко въ м. Обуховъ для заключенія договора, оттуда въ с. Василевщину, гдѣ шляхтичъ Новицкій и предложилъ ему 70 р. за тайный провозъ находившагося у Поповича табаку, причемъ обѣщалъ посодѣйствовать и полученію денегъ съ Понятовскаго. Согласившись на условія Новицкаго, онъ получилъ отъ него 60 р. на наемъ работниковъ и „паки тайнымъ же образомъ" прибылъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ однимъ обуховскимъ „панкомъ" и, явившись къ Поповичу, заявилъ ему, что де подрядился спровадить его табакъ за границу. Съ нанятыми 16-ю работниками (названы имена) прибывъ въ Троетчину, Бушиченко нанялъ у тамошнихъ жителей три дуба, наложилъ на нихъ ночью безъ счету табаку, и, переждавъ день въ озерѣ, намѣренъ былъ вмѣстѣ съ Поповичемъ же проѣхать ночью мимо моста. Но Поповичъ на время отлучился, и онъ съ тѣми дубами заѣхалъ въ скрытное мѣсто между лозъ и тамъ заночевалъ, а на другой день и былъ пойманъ солдатами и объѣздчиками Каблукова. Ему удалось бѣжать и „послѣ того онъ первѣе скрывался на Подолѣ у работника своего Алексѣя Феневскаго одинъ день, а отъ оного Феневскаго пошелъ въ м. Лохвицу къ родному дядѣ Сосницкому, намѣреваясь тамъ долго прожить, но потомъ вернулся въ Кіевъ и когда увидѣлся съ Поповичемъ, тотъ ему совѣтовалъ тайно поѣхать за границу къ шляхт. Новицкому, но прежде явиться въ губ. канц., почему онъ, не ѣздя за границу, и явился.—Изъ всего этого видно, что Бушиченко занимался тайнымъ провозомъ табаку за границу и къ нему обращались, какъ къ спеціалисту, „сихъ дѣлъ мастеру". Кромѣ этого дѣла, на значительное развитіе среди кіевскихъ мѣщанъ контрабаннаго промысла указываютъ имѣвшіеся у меня разразненные документы изъ дѣлъ, возбужденныхъ Каблуковымъ. Такъ, въ поданныхъ въ губ. канц. въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1759 г. доношеніяхъ Каблуковъ сообщалъ слѣдующія свѣдѣнія о контрабандномъ провозѣ табаку.

Жители м. Макарова сообщали ему, что де въ Генварѣ мцѣ 1759 г. ѣхали они въ м. Лохвицу для покупки тамъ рыбы

Библиотека "Руниверс"

и, пріѣхавши въ Кіевъ, остановились на Преваркѣ у тамошняго жителя Василія Высоцкаго, который и говорилъ имъ, что еслибы они купили тамъ въ Лохвицѣ табаку, то и онъ бы присталъ къ нимъ въ товарищи и провезъ бы табакъ заграницу „безъ всякаго указнаго платежа—*такъ, какъ и прочіе кіевскіе мѣщане тайно провозятъ*“. Согласившись съ Высоцкимъ, они и сторговали въ Лохвицѣ 60,000 папушъ у нѣкоего Каленика съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ его на своихъ подводахъ въ Кіевъ, причемъ дали ему въ задатокъ своихъ денегъ 150 рублей. Каленикъ представилъ сначала 12 тысячъ, а потомъ 25,400 папушъ къ Высоцкому, который изъ этого числа и повезъ было тайно 26 кулей за границу вмѣстѣ съ другими мѣщанами, которые тоже везли свой табакъ такимъ же образомъ; но уже при самой границѣ Межигорской таможни объѣздчики весь этотъ поѣздъ поймали, а Высоцкій самъ ушелъ. Опасаясь, чтобы чрезъ такую неосторожность и остальной табакъ, имъ принадлежащій и находившійся у Высоцкаго, не пропалъ бы, эти „заграничные жители“ м. Макарова два человѣка согласились „больше въ тайномъ провозѣ его Высоцкаго намѣренія и совѣту не принимать“, и одинъ изъ нихъ приходилъ въ Кіевъ просить Высоцкаго, чтобы онъ „больше того табаку тайно провозить не отваживался, но лежалъ бы оной до времени въ слободкѣ прозываемой генеральской“. Когда они порѣшили „указанное заплатить“ и просили о томъ Каблукова, тогда онъ „со взятіемъ за выпускъ указаннаго платежа при повѣренномъ межигор. таможни такова табаку одинадцать возъ за границу пропустилъ“.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года объѣздчики Каблукова поймали тайно провозимый на трехъ возахъ табакъ, причемъ арестованные ими два человѣка (третій бѣжалъ) показали, что они куреневскіе жители и наняты жителемъ той же Куреневщины Гапономъ. О розыскѣ этого Гапона и представленіи его въ губ. канц. эта послѣдняя и предписывала кіев. магистрату. Но магистратъ не особенно заботился объ исполненіи такихъ предписаній. Въ самомъ магистратѣ утвердился взглядъ на табачный откупъ, какъ на нарушеніе правъ и привилегій города,

Библиотека "Руниверс"

а потому и естественно, что мѣщане, дѣйствовавшіе въ подрывъ этому откупу, могли встрѣчать скорѣе потворство со стороны магистрата, чѣмъ энергическое преслѣдованіе. При такихъ условіяхъ и могъ развиваться, среди кіевскихъ мѣщанъ, особенно въ предмѣстьяхъ, спеціальный промыселъ, могли являться „сихъ дѣлъ мастера“, къ которымъ и обращались заинтересованные въ тайномъ провозѣ табаку лица.

А. А.

Библиотека "Руниверс"

КЪ ИСТОРІИ АПОКРИФИЧЕСКИХЪ СКАЗАНІЙ.

Въ замѣчательной статьѣ проф. Сумцова „Очерки исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ“, напечатанной въ іюньской, іюльской, сентябрьской и ноябрьской книжкахъ „Кіевской Старины“ 1887 года, положено начало систематическому изученію южнорусскихъ апокрифовъ и апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. Вполнѣ сознавая важность изученія апокрифической литературы и необходимость прежде всего опубликованія древнихъ южнорусскихъ апокрифовъ, я позволю себѣ, ссылаясь на статью проф. Сумцова, сдѣлать къ ней нѣкоторыя примѣчанія и дополненія и привести нѣкоторые новые матеріалы.

Въ началѣ своей статьи проф. Сумцовъ говоритъ (К. Ст. іюнь—іюль, стр. 217), что „въ рукописяхъ южнорусскихъ сохранились почти исключительно западныя апокрифическія сказанія“. Какъ на изъятія изъ этого правила могу указать на слово Меѳодія Патарскаго, сохранившееся въ Галиціи въ нѣсколькихъ спискахъ (Библ. Оссол. рукоп. № 29, XVII стол., мой списокъ конца XVIII стол.), апокрифъ, извѣстный подъ заглав. „Сказаніе Афродитіана“ (Библ. Оссол. № 29, списокъ XVII стол.), о которыхъ рѣчь впереди.

На стр. 226—7 проф. Сумцовъ приводитъ галицкую старинную пѣсню, начинающуюся словами „Війте, дѣвойки“, и говоритъ по поводу ея запѣва (стр. 229): „нѣкоторое недоразумѣніе здѣсь вызываетъ странный мотивъ витья вѣнковъ изъ Божьей крови на хоругви“. Проф. Сумцовъ старается разъяснить это недоразумѣніе съ помощью апокрифической пѣсни о крови Спа-

Библиотека "Руниверс"

сителя. „Вѣроятно—говоритъ онъ—мотивъ приготовленія вѣнковъ изъ Божіей крови вышелъ отсюда посредствомъ какого нибудь прозаическаго сказанія, не нашедшаго мѣста въ печати". По моему мнѣнію, запѣвъ этотъ объясняется гораздо проще, ежели принять во вниманіе, что „Божа кровця" на мѣстномъ нарѣчіи карпатскихъ горцевъ стрыйскаго округа обозначаетъ цвѣтокъ (кажется тотъ же, что въ „словникѣ" Желеховскаго обозначенъ „кровник=Geranium phaeum"), употребляемый преимущественно при витіи вѣнковъ на хоругви.

Такъ какъ проф. Сумцовъ, говоря о народныхъ сказаніяхъ объ Адамѣ и Евѣ, не упоминаетъ о текстахъ апокрифовъ о нихъ книжнаго происхожденія, то прилагаю здѣсь именно такой текстъ, взятый изъ находящагося у меня Дрогобыцкаго сборника апокрифическихъ сказаній, писаннаго, какъ упоминается нѣсколько разъ на поляхъ рукописи, „для мѣщанина дрогобыцкаго Петра Чорневича" въ 1742—43 годахъ какимъ то неизвѣстнымъ писцомъ. Текстъ этого сказанія довольно близокъ къ изданному г. Тихонравовымъ („Памятники отреченной русской литературы", т. I, стр. 1 и д.) особенно въ первой части своей, во второй же части представляется въ болѣе полномъ видѣ. Языкъ его церковный, хотя и довольно испорченный, и съ значительной примѣсью формъ малорусскихъ, принадлежащихъ мѣстному подгорскому говору. Интересно сохранившееся въ нашемъ текстѣ, дважды повторенное болгарское слово „биличъ" (=знакъ, отмѣтка; у Тихонравова въ соотвѣтственномъ мѣстѣ стоитъ „знаменіе нескверно"), которое указываетъ на прямую зависимость нашего текста отъ болгарскаго, опять таки въ разрѣзъ съ мнѣніемъ проф. Сумцова о польскомъ и вообще западномъ происхожденіи галицко-русскихъ апокрифовъ.

Житіе ѡ Адамѣ і Евѣ і ѡ согрѣшеніи ихъ, и изгнанію из рай и яко вина по согрѣшенію.

Адам бѣ враи прежде согрѣшения вся імѣяше вхотеніи своемъ, і вся по хожденіи его похождаше. Егда изгна его Богъ із Рая, сѣлъ во Едемѣ предверми райскими. І видѣ сонъ како

Библиотека "Руниверс"

хощет родити Каина и Авеля и вкотрих лѣтехъ хощетъ убити Каинъ Авеля брата своего. Запрѣти ему ангелъ Господенъ неповѣдати Евѣ и пробист $\ddot{\chi}$ сотъ лѣтъ и виде во болестъ червоную, и невидяше, что естъ ему за болестъ. И собрася отъ мала до велика, и чудишася вси Евѣ глаголющи, о мати наша, ти вѣси вси таини, повѣдж нам, почто отецъ нашъ болитъ, всѣхъ бяше людий над Адамом $\ddot{\chi}$. $\ddot{\omega}$ тисящъ, и Ева рече, повѣм вам чада моя. Егда сотвори Богъ рай и всю вселеную, тогда сотвори Богъ отца вашего имене и предалъ нам раи и вся скоти і гади и вся птенца пернатная. Адам соблюдаше восточную страну и сѣверную зору, азъ соблюдохъ западняя и южняя, тако предалъ намъ вруцѣ рай, речи нам (:) вся снѣдайте сущая во раи точию единаго (двера) древа неснѣдайте. И показа нам древо тое и возиде Богъ $\ddot{\text{нбсл}}$, а ми обладахом враю, безъ повеления Адамова, и моего вси звѣри и скоти и гади и отмѣша (очевидно ошибка вм. „не смѣша“, у Тихонравова „не смѣяху“) ходити, ни лежати, ни ясти, дондеже повелѣх ми, тогда пришолъ дияволъ свѣтелъ яко аггелъ и рече кнамъ: что вам рече Господь ясти или не ясти враи? Адам рече: все нам повелѣ токмо единаго древа рече блюститися. Дияволъ рече: много жалую васъ понеже не р(оз)умѣете. Аще бисте отъ того древа снѣли и били бисте яко Боги. То рекши отиде дияволъ, и обрѣте змию и научи я измѣняше яко ангелъ естъ ему. И приде змия комнѣ и показа древо плодовитое, и красн(о)е, а змия бѣ любая Богу развѣ всѣхъ вещей И даде ми плодъ, аже взях и снѣдохъ, тогда серце мое возмутися вомнѣ напрасно, во моей странѣ повергоша древа листвіе. Азъ же внидохъ подрево отъ негоже снѣдохъ и возвахъ Адама глаголя: прийди Господине Адаме да видиши великое чудо, азъ уста отверзохъ, и язикъ мои глаголаше вомнѣ сам, егда приятъ Адамъ и вложи во уста и снѣдохъ, тогда отверзошася очи наши и видѣхомъ (вину) наши и серце наше возлежаше на лонохъ. Тогда вся древа листвие поверже, една смоковница тогда неповерже. Тогда восплакася горко і рече: о жено, что ми таково сотворила еси! Такожде и мое сердце неотдѣлися отъ Адама и внийдохъ подрево яже неповерже листвие, тогда и

Библиотека "Руниверс"

зшихомъ листвие и сотворихомъ одѣния себѣ. Тогда слишахомъ гласъ на небесехъ глаголющи архангели призивает і ангели глаголющи: пріидѣте вси да впидутъ во рай, понеже согрѣшихъ Ева і Адамъ. И тако снийде со всѣми ангели своими і ста престолъ поста (змѣсто посредѣ?) рая возва Господь Адама гласом великим: Адаме, Адаме, где еси. Отвѣща самъ и рече: се зде есмъ Господи, гласъ твой услишахъ и смирихся, се нагъ есмъ, что сотворилъ еси? Рече Адамъ: жена прелъсти мя воеже ми еси дала ябко, рече Господъ: а жену кто прелъсти, рече: змія. Рече Господъ: понеже преступи заповѣдъ моя, и послушалъ еси жени, сего ради во потѣ лица своего снѣси хлѣбъ. Мнѣже рече: вопечалехъ родиши чада, а зміи рече: ползати будешъ по земли и человѣкомъ пяти стеречи, а онъ тебѣ сотретъ главу і тако отятъ еи ноги и ста позлати (sic!) и красоту еи отятъ, бо била яко ангелъ, и бридкост на ню вложилъ, посем повелѣ Господъ изгнати нас из рая, тогда поляше ангели своя побіюще изна нас из рая. Адамже моляшеся егда како умилосердися Господъ о насъ и отпусти нас. Архангелъ моляшеся ко Богу непрестано о насъ и тако изна нас из рая и непусти. Ми же сѣдохомъ во едемѣ Адамъ паде на лице свое и плакася м̃ дній. Изнеможе душа наша гладомъ, рекохъ ко Адаму: Господине мой, востани да пощиваемъ себѣ храними (sic, вм. храмини) іже бо сердце оглянѣло гладом и душа моя во мнѣ омалѣ. Адамже рече: О ево, находитъ на сертце мое егда разори икону твою, но неимамъ скимъ бити и боюся Бога и сертце мое не отдали ся отъ тебе. Воставже и обийдохомъ всю землю і необрѣтохомъ нѣчто снѣднѣ, но токмо цвѣти селния согрѣваста, и паки придохом и плакахом со воздиханіем. І рече Адамъ: Господи, преступими воню (sic вм. вогню), да тя помяну. Тогда посла Бог темиянъ иванъ (sic вм. ливанъ) и ладанъ, взя Адам и сотвори молитву ко Богу, тогда умилосердися Господъ, тогда ангелъ отлучи седмую частъ отрая и постъ (sic вм. подастъ у Тихонравова) намъ, прежде наядохомся и напихомся. Изгна вся скоти, и гади и звѣри отрая и преда Адаму, Адамже сотвори внѣкое питомо отлучивъ собѣ напотребу и нарече всѣмъ имена, и всѣмъ лѣтающимъ.

Библиотека "Руниверс"

Тогда рече Господъ Адаму: Терние и волчицъ от дѣланій твоихъ да прозябнетъ. І поятъ воли Адамъ и нача орати и пришедъ дияволъ и ста пред волами, и неда землѣ орати глаголя: недам азъ тебѣ орати понеже моя земля, а Божая сут небеса и рай да аще хощеши мои бити, то землю работай, аще хощеши Божій бити то поиди врай. Адамже рече: Божия сут небеса и земля и вся вселеная, дияволже не даде ему орати глаголя: запиши мѣнѣ рукописание свое и жеби еси мой билъ, тожъ землю работай. Адам рече: чия земля того и азъ, и чада моя, видяше бо Адам, иже сним хощетъ наземлю родитися от дѣвы, дияволъ урадовася велико и рече: тако запиши рукописание свое. И взя чернило и записа рукописание сице рече: чия земля того и азъ и чада моя. Дияволъ взяв рукописанія и держа всебе. Азъ Ева рѣхъ ко Адаму: покаймося господине да избавитъ насъ Господъ отъ диявола сего, Адам рече, покаймося м̃ дній. Ева рече: господине ти постъ м̃ дній и азъ буду. И рече Адамъ мнѣ внити вомиръ рѣки (у Тихонравова... въ тигръ реку) и положи камень наглаву свою, а другій под ноги и стоитъ во вишнѣ водѣ и никогожъ неслухай, да небудешъ паки прещена. Азъ рѣхъ: сотвори ми Билигъ и сокровенъ, и сотвори и даде ми и рече: неизиди оту дондеже азъ пріиду и ктебѣ. Вставъ Адамъ, и поиде во орданъ рѣки (sic), каятися. Ту снидоша вси звѣри и птица и множество (ко Евѣ поставлено въ скобкахъ) ангелъ плакахуся за Адама. Адам погрузися во иордани и пребист во рѣцѣ м̃ дній, и приде дияволъ коженѣ свѣтелъ, яко ангелъ слонце росняше по земли и глаголаше ми: Ево, услиша Господъ молитву твою и нас ангелъ твои послуша молящихся о тебѣ и послалъ мене Господъ Богъ да изнидеши отъ рѣки сея. Тогда азъ невѣровахъ ему и паки вотрети денъ пріиде сотворитися Адамовим образом і много соблазниша мене, азъ же неизидох дондеже вижди Билигъ еже рече ми Адам. Егдаже соверши Адамъ м̃ дній идяше отъ иордана, и обрѣте дияволъ слѣдъ и убояся велико, да не како прелъщена есм. Егда видѣ мене Адамъ во водѣ и возрадовася велико, егда прійде ко мънѣ. Азъ невѣровахъ, дондеже показалъ ми бисть Билигъ свой тогда вѣровахъ. Изидохомъ вомадиямъ и то родися Каинъ

Библиотека "Руниверс"

и Авелъ. Егдаже возрастоша, Каинъ бѣ работая землю Аавелъ скоти пасяше и жертву твориша оба Богу. (Здѣсь въ текстѣ пропускъ). Аавелъ отъ скота и непринятъ Господъ жертву Каинови Аавелову любляше, и зато возненавиде Каинъ Авеля, и рече Каинъ коавелю поидѣмъ наполе, и поидоша оба на поле и тако оуби Каинъ Авеля брата своего. Воединъ день вставъ Адамъ отъ ложа своего, и рече ко мнѣ: о жено, совершися лѣтъ ѧі отъ рождения его крове Авелеви убиением дажми осля да шедше обращу его я. Слишахъ азъ и распалися сердце мое, всѣдъ Адам на осля поиде и обрѣте Авеля заклати и не рече ему ничтоже, якоже рече ему ангелъ: принеси Авеля и постави его на мѣстѣ рекомом реонъ. Тогда азъ родихъ Сифа и рѣхъ: Господине мои незлого родит сердце мое, уже родихъ сына вмѣсто Авеля и нарекохъ имя ему Сифъ. Тогда Адам клятохъся: о Ево, Ево, молчи останися рѣчи своихъ уже бо духъ мои омалѣ вомнѣ естъ. Посем Сифъ рече: отче мои поиду вораи и принесу тебѣ израя да видишъ и оупокоитъ тебе. Адам рече: о сыну мои како ти внидешъ ворай, нетако естъ но тако но поиди противу рая, и плачся да не како приступит отъ древа Богу маслинна да увидишъ како упокоится болѣзнъ мнѣ, и рече Сифъ: А якая естъ болѣзнъ. Адам рече: о сыну мои великую имамъ болѣзнъ. Егда согрѣшихъ азъ и мати твоя, тогда рече Господъ: умножу стогнание твое, и всегда во печали пребудеши, и дам ти ѕ и ѻ болѣзний: ѧ болѣзнъ чревом, вторая очима, потом послѣдуя поединой, и матери вашей рече: всегда мужъ твои да обладаетъ тобою, а егда ражъдаеши то смертію растаешися. Вставъ Сифъ поиде краевѣ со материю своею и видѣ два лютая звѣра, рекомия горгоніи, гонящая сына ея Сифа, онаже слишавши к нему рече: отъ звѣру нечисти, непомнишъ ли како ти смѣешъ разверсти уста своя на образъ Божій или како смѣеши обявити зуби своя на насъ. Тогда отвѣща звѣръ ко евѣ и рече еи: о ево, отъ тебе естъ почалося первое зло, како ти смѣла уста отверсти на снѣдъ, еже рече тебѣ Господъ неясти, для того азъ хощу чада твоя поясти. Тогда Ева восплакася горко, слишано бисть то отъ востока до запада, тако глаголя: о горе мнѣ

Библиотека "Руниверс"

Боже мои, отселѣ и до вѣка (и до вѣка) клясти мя хощетъ всякъ язикъ: тогда Сифъ рече: заклинаю тя Богомъ живим звѣру окаяній да пребиваеши в ложи своем до суднаго дне егда тако дерзаеши наизядение человѣка. И тако пребивает тамо звѣр во вѣки. А Сифъ шедъ со материею своею и плакася противу рая перстию главу свою посипаше. Явися им Архангелъ Господенъ и рече: почто плачете. Сифъ рече: о господи отецъ мой болитъ, и желаетъ благая райския, хощет видѣти отъ древа масличнаго, егда како утомится болезнъ его. Рече Архангелъ Господенъ (и рече): о Сифе, о Сифе неимает отецъ твои исцѣлитися понеже приближися денъ его ко смерти и скончашася дние его уже. Тогда уломи древа Архангелъ вора, отнегоже изгнан бисть Адам и даст древо Сифови, и Сифъ принесе ко Адаму. Видѣ то древо Адамъ и позна его и приятъ его, востхнувъ велій, и звитъ вѣнецъ с того древа и вложи на главу свою и видѣ руку Господню, приемшую душу его, видѣ кадилницу з ладономъ, кадящу тѣло Адамово, а г҃ ангели свѣща держаще, возрѣлъ Сифъ (на) небо, и видѣ душу отца своего Адама, недалече отъ Господа стоящу, и множество святихъ ангелъ молящися за Адама. Егда воставъ архангелъ Михаилъ, тогда вси ангели умолкоша, тогда умилосердися Господъ, и простеръ руку свою ко Адаму, и прият душу Адамову, и посла ангела да сопрятает тѣла Адамова, и научити Сифа. И взят ангелъ тѣло Адамово и знесе его на мѣсто, рекомое терусий блато, і ту ископаша гробъ, и бистъ глаголъ съ небесъ глаголющи: Адаме Адаме, рече: Се азъ Господи. Господъ рече: сице рекохъ тебѣ, земля еси и в землю поидеши. Адам же рече: твоя отъ твоихъ тебѣ приносяше о всѣхъ и за вся. И тако погребоша Адама, и з вѣнцем, иже бѣ на главѣ его и Ева умилним гласом моляшеся ко Богу глаголющи: Господи прими духъ мои. И тако в седмій денъ преклони главу и умре. И погребе ю Сифъ близъ сына ея Авеля.

Къ числу немногихъ малорусскихъ пѣсенъ объ Адамѣ, основанныхъ на апокрифическихъ сказаніяхъ, кстати будетъ прибавить еще одну, до сихъ поръ, кажется, неизвѣстную, запи-

Библиотека "Руниверс"

санную мною въ 1881 году въ с. Нагуевичахъ, дрогобичскаго повѣта изъ устъ старика-крестьянина Ивана Гаврилыка. Пѣсня эта поется, какъ колядка, въ селахъ Нагуевичахъ и Ясеницѣ Сольной. Вотъ она:

Ходитъ Господь по раю,
Зъ Адамомъ розмовляе:
„Ой Адаме, Адаме,
Що е въ раю, то твое,
Но яблоко одное
Рвати не позволяю".
А гадына въ корчи чуе,
Та Адама трибуе:
„Ой Адаме, Адаме,
Що е въ раю, то твое,
А яблоко одное
Чому не трибуешъ?"
Ева ябко зирвала,
Адамови подала:
„Ой Адаме, небоже,
Ой не бійся, мій друже!
Вкусы яблока того,
Будешъ старшый надъ Бога
И панъ всего свита.
Адамъ яблоко вкусывъ,
Весь рай му изрушывъ.
Ой Адаме, Адаме!
Иде Господь до раю.
„А дежъ я ся сховаю
Поганый та голый!"
Ввишовъ Господь въ райській садъ,
На яблони выдивъ гадъ.
„Ой Адаме, небоже,
Изробывесь негоже
Прыкладъ давесь другимъ".
Летытъ ангелъ изъ мечемъ,
Взявъ Адама за плече,
Вытрутывъ го на сей свитъ:
„Ты проклятый и твій рядъ,
Ажъ зійде Сынъ Божій".
Сынъ ся Божій народывъ
И весь свитъ освободывъ
Одъ мукъ, пекла, й одъ ада.
Тоби буде честь, слава
На викъ викомъ. Аминь.

Прилагаю еще „Плачъ Адама", взятый изъ находящагося у меня сборника пѣсенъ духовныхъ, списаннаго, вѣроятно, во второй половинѣ XVIII стол.

Плачь Адама праотца, из Рая изгнаннаго.

Уви, откуду отпадохъ бѣдный,
Что день, что время, той часъ послѣдній,
С изъ царя нищъ сотворихъ ся,
Отъ порфиры въ руби одѣхъ ся,
Уви! Уви! Уви! О горе!
Очеса лійте, лійте слезъ море,
Быхъ азъ первѣйшій населникъ рая,
Зде мя послѣдня постигли злая,
Ахъ изъ рая въ ровъ преселихся,
Отъ сладости въ горесть сблизихся,
Уви и т. д.
Жилемъ ахъ! прежде яко владыка,
Была мнѣ въ сластехъ сытость велика,
Но господство все измѣнися,
И богатство все истощися,
Уви и т. д.
Въ чемже я тогда бывалъ лишенный?
Весь быхъ якъ селній цвѣтъ украшенный.
Ахъ! отъ цвѣта листъ бысть отпадшій
И отъ древа коренъ увядшій.
Уви и т. д.
Стражъ огнь палящій мещетъ плачь зелній
Того постави Творецъ всесильный;
Но и плачь той въ страхъ претворися,
А самъ трепетъ къ мнѣ обратися.
Уви и т. д.

Библиотека "Руниверс"

Отнюдъ неможно ся возвратити,
Орачемъ земли надлежитъ быти,
И снѣдь съ потомъ лица мѣшати,
Всю жизнь въ трудѣхъ препровожіати.
Уви и т. д.
Морска пучина, вода глубока,
Была мнѣ вмѣсто моста широка;
На се волни на мя достаютъ!
Въ глубинѣ гробъ уготовляютъ!
Уви и т. д.
Обладахъ всѣми звѣрми нѣмыми,
Царь быхъ поставленъ владѣти ими;
Но и гласа ихъ днесъ боюся,
Да злыхъ зубовъ ихъ сохранюся.
Увы и т. д.
Где убо бѣдну мнѣ ся сокрыти!
Развѣ отъ земли въ землю вселити;
Ахъ отъ персть персть таки буду!
Что горѣе, предстану суду!
Уви и т. д
Едина надежда въ владыцѣ Богу,
Яко милостивъ есть по премногу,
Сего любве треба искати,
Прощенія слезми благати:
Уви и т. д.
Раю святѣшій, саде Владыки!
Врагъ азъ явихся Богу толикый!
Ты мнѣ убо купно споболи,
Шумомъ листвій Творца утоли.
Уви и т. д.

Въ этой виршѣ, составленной какимъ нибудь духовнымъ лицомъ и распѣваемой въ церквахъ, отмѣчу только двѣ апокрифическія черты: способность Адама предъ грѣхопаденіемъ ходить по водѣ, какъ по сушѣ, и послѣдній куплетъ, поразительно сходный съ апокрифическимъ текстомъ „Слова святаго отца Меѳодія“ (Патарскаго) по имѣющемуся у меня списку, довольно отличному отъ трехъ списковъ, напечатанныхъ у Тихонравова (Памятники, II, 213—281).

Вотъ какъ излагается въ этомъ спискѣ плачъ Адама: „И сѣде Адамъ прямо раю плачася и бияся каменем во перси своя глаголя: раю, раю, красная доброто, мене ради насажденъ еси, Еввы ради заключенный, помяни мя раю шуменіемъ листвій твоихъ, о милостыве помилуй мя падшаго“.

Миронъ.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

Холера свирѣпствовала во всемъ краѣ, особенно въ городахъ и мѣстечкахъ. Очень странно началась она въ Бердичевѣ. Въ домѣ одного раскольника, на дворѣ, была найдена мертвая женщина, вся посинѣвшая, съ запекшейся кровью на губахъ. Закричали: „холера!“ Всѣ 14 докторовъ, находившихся въ то время въ городѣ, были призваны сюда; долго они осматривали трупъ, хотя осторожно, держась отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, и, наконецъ, рѣшили, что это и есть азіатская холера. Михаилъ Войцѣховскій, впослѣдствіе графъ и знаменитый докторъ, бывшій въ то время случайно въ городѣ, не согласился съ тѣмъ, что это азіатская холера, и одинъ осмѣлился дотронуться до трупа. Наконецъ, разыскали мужа покойной, спавшаго сномъ праведника въ какомъ то сараѣ. Когда его, еще не протрезвившагося, привели къ трупу жены и онъ услыхалъ слово: „холера“, то поднялъ палку, которую держалъ въ рукѣ, и сказалъ:

— Проклятые доктора! Если бы я попотчивалъ васъ, какъ ее, этой палкой, то вы бы всѣ заболѣли холерой и поумирали.

Такимъ образомъ онъ сознался самъ, и дѣйствительно оказалось, что женщина умерла отъ побоевъ, но, къ несчастью, чрезъ нѣсколько дней появилась настоящая холера и народъ остался при убѣжденіи, что причиной холеры были раскольникъ съ раскольницей, и скоро нашли въ рѣкѣ трупъ мнимаго ви-

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1891 г., № 10.

Библиотека "Руниверс"

новника со связанными руками и ногами, но слѣдствія не производили и не разыскивали виновныхъ.

Переполохъ былъ очень великъ, люди бѣжали въ лѣса, но это продолжалось не долго. Городскія власти выказали большую распорядительность; Войцеховскій, назначенный инспекторомъ народнаго здравія, не давалъ засыпать докторамъ и надо сознаться, что его старанія о мѣрахъ къ предупрежденію эпидеміи и прекращенію ея въ самомъ началѣ были такъ энергичны и успѣшны, что смертность въ Бердичевѣ, даже на Пескахъ, не была такъ велика, какъ опасались.

Надо признаться, что правительственные чиновники не воспользовались, какъ могли бы, появленіемъ холеры, чтобы пресѣчь сообщенія между дворянами и изолировать, если не отдѣльныхъ помѣщиковъ, то отдѣльные уѣзды. Правительство этого не сдѣлало, а напротивъ допустило повстанцевъ воспользоваться появленіемъ эпидеміи. Помѣщики отлично съумѣли устроиться на Украинѣ и въ Подоліи и, нужно воздать должное Викентію Тышкевичу или тѣмъ, которые были его опекунами, почти всѣ гражданскіе коммиссары, назначенные по случаю холеры, были уже посвящены въ заговоръ и, имѣя въ своихъ рукахъ власть надъ крестьянскою стражею, устроили самымъ правильнымъ образомъ сообщенія между помѣщиками; я не слышалъ ни объ одномъ случаѣ доноса по этому поводу.

На Волыни, напротивъ, не было тогда никакой организаціи, никакой связи. Бѣгство Тадеуша Валевскаго и отступленіе Дверницкаго разрушили и ту организацію, какая была на Волыни. Только нѣсколько кружковъ сгруппировалось вокругъ избранныхъ предводителей. Одинъ лишь овруцкій повѣтъ былъ организованъ по своему, но такъ какъ въ этомъ шляхетскомъ гнѣздѣ считалось за грѣхъ служить въ русской и даже въ польской арміи, то во всемъ повѣтѣ не было военныхъ, кромѣ маршалка Вильгельма, который два или три года служилъ юнкеромъ въ польскихъ гвардейскихъ гренадерахъ. Человѣкъ добросовѣстный и большой патріотъ, онъ не считалъ себя способнымъ предводительствовать повстанцами и послалъ Карла Папковскаго съ молодымъ Галецкимъ къ Карлу Ружицкому съ просьбой при-

Библиотека "Руниверс"

слать имъ офицера для организаціи возстанія. Ружицкій назначилъ для этого капитана Сасинскаго, служившаго нѣкогда въ наполеоновскихъ уланахъ; тотъ сказалъ, что пріѣдетъ тотчасъ, но не пріѣхалъ, гдѣ то затерялся, какъ и многіе другіе, рвавшіеся къ возстанію, но потомъ оказавшіеся Богъ знаетъ гдѣ. Такъ сдѣлалъ и Іосифъ Залѣскій, начальникъ кіевскаго повѣта и города Кіева; испугавшись большой отвѣтственности, которая могла пасть на него, или, какъ говорили нѣкоторые, послушавъ совѣта Голеёвскаго, сидѣвшаго въ тюрьмѣ, онъ потихоньку выѣхалъ въ Галицію, по примѣру Тадеуша Валевскаго и многихъ другихъ волынянъ изъ знатныхъ фамилій, которые занимали важнѣйшія должности между помѣщиками и которые соединялись съ Дверницкимъ, чтобы уѣхать въ Галицію.

Въ Кіевѣ начались аресты и высылки.

Мы должны были выставить въ назначенное мѣсто 800 всадниковъ и 2,000 пѣхоты; каждый изъ насъ долженъ былъ явиться на это мѣсто со своимъ отрядомъ. До насъ дошли слухи, что повстанцы украинско-польскіе собираются въ Красноселкѣ, имѣніи Липковскихъ, въ Губникѣ у Еловицкихъ и въ иныхъ мѣстахъ, что Вацлавъ Ржевускій двинулся изъ Саврани со своими козаками, что къ повстанью пристали подполковникъ Быдловскій, бывшій адъютантъ ген. Ружницкаго, и маіоръ Радзишевскій, что въ походъ выступаютъ—Юрій Корсакъ съ Побѣдзинскимъ изъ Бабчинецъ, Выжиковскій изъ Рогинецъ, Германъ и Іосифъ Потоцкіе изъ Бѣлиловки и даже Нерей Абрамовичъ, что у нихъ уже были выборы вождя. Воинственная шляхта хотѣла Вацлава Ржевускаго — Эмира Ташъ-Ульфера, но Еловицкіе и иные не любили эмира. Онъ училъ шляхту, какъ различать сѣверъ и югъ по мху на дубахъ, какъ узнавать вѣтеръ по наклоненію травы, какъ по породамъ птицъ угадывать въ какой находишься мѣстности—вблизи жилья, болота, лѣса или поля, какъ соображаться съ положеніемъ звѣздъ, все это онъ объяснялъ имъ, а Еловицкіе, Липковскіе и др. ходили между шляхтой и говорили:

— Эмиръ бредитъ, что намъ за дѣло до мха, травъ, птицъ и звѣздъ, намъ надо драться.

Библиотека "Руниверс"

При этомъ они угощали водкой, медомъ и виномъ и шляхта, по польскому обычаю, начала кричать: „Не хотимъ Эмира! Зачѣмъ намъ арабовъ, мы хотимъ поляка!“ Вождемъ, по внушенію Еловицкихъ, отца и сыновей, избрали стараго генерала Колыско. Викентій Тышкевичъ, все думавшій о своемъ братѣ Генрихѣ, будучи увѣренъ Еловицкими, что старый Колыско передастъ булаву въ руки Генриха, подтвердилъ этотъ выборъ, и Вацлавъ Ржевускій, подобно ген. Козловскому, былъ устраненъ.

Собрано было 19 эскадроновъ кавалеріи, и еще какихъ! 4000 пѣхоты подъ начальствомъ Владислава Загурскаго и 4 пушки подъ командой Эдуарда Еловицкаго; начальникомъ штаба былъ Орликовскій. Съ такимъ войскомъ ген. Колыско двинулся къ Дашеву, на пиръ къ графу Владиміру Потоцкому.

Много разсказывали намъ о приключеніяхъ отдѣльныхъ отрядовъ. Такъ, между прочимъ разсказывали о возстаніи Нагурничевскаго въ литинскомъ повѣтѣ и о нападеніи на Литинъ, гдѣ не было другаго русскаго войска, кромѣ инвалидовъ, которыхъ у насъ звали селедками, подъ командой капитана Хлопицкаго, родственника извѣстнаго диктатора. У гарнизона не было никакого оружія. Хлопицкій вывелъ инвалидовъ за рогатку, велѣлъ имъ снять шинели и при приближеніи непріятеля махать ими, какъ будто вытряхивая пыль. Ждать пришлось недолго. Кавалерія Нагорничевскаго шла на рысяхъ съ горы по большой дорогѣ; самъ Нагорничевскій и Александръ Голынскій были во главѣ. Увидѣвъ инвалидовъ, они съ крикомъ ура! поскакали впередъ. Хлопицкій подпустилъ ихъ шаговъ на 30 и скомандовалъ махать шинелями. Когда инвалиды замахали шинелями, точно огромныя птицы крыльями, лошади повстанцевъ встали на дыбы и всадники полетѣли на землю. Пришлось уходить и городъ не былъ взятъ.

Намъ сборъ былъ назначенъ на 17 мая. Я, какъ и другіе помѣщики, не полагался на крестьянъ, хотя любилъ ихъ и зналъ, что и они меня любятъ, и не разсчитывалъ выставить болѣе 30 человѣкъ, которыхъ обязался привести съ собою. Недоставшее до этой цифры количество дворовыхъ я намѣревался

Библиотека "Руниверс"

пополнить молодыми людьми изъ чиншевой шляхты моихъ другихъ деревень—Семаковъ и Агатовки.

Я попрощался съ моими сестрами и отослалъ ихъ въ Агатовку къ замужней сестрѣ Сосницкой, попрощался и съ моимъ старымъ слугою Игнатомъ, который плакалъ и говорилъ:

— Нѣтъ ничего удивительнаго, что паничъ дѣлаетъ глупости—онъ еще молодъ и неразуменъ, а вотъ что панъ капитанъ (рѣчь шла о Ружицкомъ), имѣющій дѣтей, летитъ, какъ мотылекъ на огонь, Богъ знаетъ куда и зачѣмъ — это странно.

Серебро, котораго у меня оказалось много, даже послѣ того какъ я взялъ все нужное мнѣ въ дорогу, и драгоцѣнныя вещи были оставлены, не спрятанными и не запертыми, такъ какъ некому было этимъ заняться. Позднѣе я узналъ, что вся движимость и скотъ были вывезены и выведены крестьянами въ степь, такъ что, когда пришли донцы, то нашли въ Гальчинцѣ только голыя стѣны. Послѣ моего ухода въ возстаніе, моя сестра Ружицкая была назначена опекуншей Гальчинца, а зять Сосницкій ея помощникомъ. Въ Агатовкѣ дѣло происходило иначе. Донцы, явившись туда, начали хозяйничать по своему; Сосницкій все время молчалъ, но когда козаки стали ловить его любимыхъ индюковъ, онъ не выдержалъ, надѣлъ на шлафрокъ всѣ свои ордена, вышелъ и закричалъ на донцовъ такъ грозно, что тѣ тотчасъ оставили его индюковъ въ покоѣ.

Ко мнѣ прибыли два брата Выговскихъ — Антоній, мой повѣренный, и Станиславъ, мой школьный товарищъ. Ихъ посылала въ повстанье мать и, когда они заявили ей, что не имѣютъ ни ружей, ни палашей, сказала:

— А руки Выговскихъ, развѣ это не оружіе?

Кромѣ братьевъ Выговскихъ, изъ шляхты со мной были Антоній Топчевскій, мой управляющій, Феликсъ Росоловскій, мой камердинеръ, Гарайскій и Сѣдлецкій, чиншевые шляхтичи, прочіе были всѣ крестьяне.

Мы сѣли на коней и выѣхали изъ села. Я ѣхалъ впереди, а остальные за мной по два въ рядъ. Все это были молодые люди,—только двоимъ изъ нихъ было болѣе 30 лѣтъ. Одинъ изъ повстанцевъ несъ хоругвь, которую вышила панна Роза

Библиотека "Руниверс"

Залѣская; на этой хоругви по малиновому атласу былъ вышитъ серебромъ архангелъ Михаилъ съ поднятымъ мечемъ, попирающій ногами змія. Панна Роза вышивала эту хоругвь потихоньку отъ отца и братьевъ и отдала ее мнѣ въ подарокъ со словами:

— Помоги Боже!

Мы вышли изъ Гальчинца среди бѣла дня, перешли почтовый трактъ и на большой дорогѣ никого не встрѣтили, кромѣ еврейскаго фургона, что сочли за доброе предзнаменованіе, и сосѣда Сильвестра Хрухровскаго, который разнесъ по окрестностямъ вѣсть: „уже пошли!“

Это было 15 мая 1831 г., а сборъ былъ назначенъ на Кравинецкомъ хуторѣ 16 мая.

Помню, что я взялъ съ собою четырехъ борзыхъ. Перейдя почтовую дорогу, мы повернули направо въ Гвоздовскій лѣсъ и на опушкѣ его остановились въ кустахъ, съ цѣлью дождаться вечера; мой конь, очень дорогой, постоянно ржалъ и не было возможности заставить его замолчать; я велѣлъ его убить и это было очень кстати, потому что вскорѣ мы услышали топотъ лошадей и увидѣли сотню донцовъ, двигавшихся по дорогѣ изъ Реи въ Катериновку.

Съ наступленіемъ ночи мы тронулись въ путь, прошли мимо Сосновки, перешли Гнилопятъ, а потомъ прошли черезъ Пилипы, гдѣ жила панна Северина; мы видѣли огни въ домѣ, слышали звуки фортепіано; мнѣ очень хотѣлось заѣхать проститься, но обстоятельства побуждали спѣшить.

Мы дошли безъ всякихъ приключеній до назначеннаго пункта и застали тамъ только Карла Ружицкаго и Яна Омецинскаго съ нѣсколькими десятками всадниковъ; но вдругъ, точно по уговору, съ другой стороны хутора показался отрядъ—Мих. Грудзинскій велъ 25 улановъ и 15 козаковъ. Вскорѣ прибыли братья Будзинскіе съ Ант. Трипольскимъ изъ Тютюнника, а за ними и другіе. Когда мы сосчитали собравшихся, то у насъ оказалось только 220 чел. конницы, но за то отборной.

Библиотека "Руниверс"

XI.

Сборъ повстанцевъ.—Сраженіе подъ Чудновомъ.—Походъ на Подолію и возвращеніе назадъ.—Графъ Ростворовскій изъ Миропо ія.—Сраженіе подъ Молочками.—Іосифъ Стецкій въ Межиричѣ Корецкомъ.—Сраженіе подъ Тычицей.—Мазурка въ Кошовѣ.—Походъ на Дубровицу.

Въ тотъ же день изъ повстанцевъ было сформировано 9 взводовъ. Эти 9 взводовъ составили три эскадрона. Аммуниція и вооруженіе были козацкія. Три взвода въ каждомъ эскадронѣ были вооружены пиками съ осиновыми древками, на которые были насажены зубцы, обитые желѣзомъ, саблями и пистолетами; сабли были только у унтеръ-офицеровъ—у 30 человѣкъ изъ моего отряда и у 25 изъ отряда Грудзинскаго; пистолетовъ было столько же; нѣкоторые взводы вооружены были карабинами, а такъ какъ карабиновъ было не болѣе 30, то недостающее количество было пополнено охотничьими двуствольками и одностволками, которыхъ было достаточно, такъ что и нѣкоторые изъ вооруженныхъ пиками имѣли ружья; иные были вооружены вмѣсто сабель ятаганами, кинжалами и даже ножами. Одежда была разныхъ цвѣтовъ, но одинаковаго покроя, у всѣхъ были черныя барашковыя шапки; на трехъ человѣкъ полагался котелокъ. Лошади были породистыя, хорошо выѣзженныя и большею частью пріученныя на охотѣ къ выносливости и быстрому бѣгу; всадники также знали свое дѣло. Боевой строй былъ въ одну шеренгу; маневрировали согласно правиламъ польской кавалеріи.

Въ кассѣ было болѣе 150,000 рублей золотомъ и серебромъ, изъ которыхъ 50,000 было внесено нами, повстанцами, и князьями Радзивиллами изъ Бердичева, а 100,000 были даромъ бердичевскихъ евреевъ, доставившихъ еще котелки, немного оружія, 100 сѣделъ и 30 отборныхъ лошадей. Кромѣ того, они прислали 16 молодыхъ евреевъ для исполненія обязанностей шпіоновъ.

У всѣхъ офицеровъ было по нѣсколько вьючныхъ и верховыхъ лошадей; у меня ихъ было 7; нельзя было имѣть повозокъ; только одна повозка, запряженная тройкой, назначалась для кассы и аптеки. Медицинскій персоналъ былъ у насъ до-

Библиотека "Руниверс"

вольно великъ: три цирюльника—еврея и еврей—аптекарь, всѣ изъ Бердичева; кромѣ того былъ докторъ медицины виленскаго университета Терлецкій, который впослѣдствіи сдѣлался уніатскимъ священникомъ. Былъ у насъ и капеланъ—ксендзъ-базиліанинъ изъ Любара, Коломыйскій, отличавшійся рыцарскими наклонностями.

Въ тотъ же день мы исполнили нѣсколько первоначальныхъ военныхъ упражненій и отрядъ усвоилъ себѣ начала военной выправки. Трубачей у насъ не было и вмѣсто крика ура! велѣно было кричать: „слава Богу!“ Ночью мы выставили патрули. Всѣ военныя эволюціи выполнялись очень успѣшно, чему способствовало то обстоятельство, что мы были всѣ охотниками.

Мы рѣшили уйти въ лѣса и тамъ, двигаясь маршами и контрмаршами по окраинамъ лѣсовъ, возбудить возстаніе пѣшихъ, руководителемъ котораго былъ назначенъ Тадеушъ Струмилло и очагъ котораго былъ на берегахъ Тетерева и горнаго Гнилопята до самой Случи, гдѣ были расположены Гуты, Рудни, лѣсопильные заводы, Тригоры съ монастыремъ инвалидовъ и ветерановъ базиліанскаго ордена, Новая Троя пани Дзяпынской; Новый Римъ сенатора Илинскаго и Чудновская Гута—главные пункты сбора и дальнѣйшихъ операцій. Базиліанскій монастырь въ Тригорахъ заключалъ въ себѣ польскія духовныя силы всей округи; тамъ было убѣжище всѣхъ базиліанъ юго-западнаго края, удрученныхъ старостью, болѣзнями и уже отбывшихъ положенные годы учительской дѣятельности; они жили здѣсь по-шляхетски: охотились, писали, читали, вели умныя бесѣды. Это были разумные и ученые поляки, находившіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ окрестными жителями, всецѣло преданные польскому дѣлу, но только съ козацкой окраской, да иначе и быть не могло въ орденѣ, пополнявшемся шляхтичами изъ юго-западной Руси.

Мы миновали Глубочекъ и около корчмы, на границѣ лѣсовъ Люцей и Буковъ, имѣній извѣстнаго Тышкевича, находившихся въ управленіи Тадеуша Струмиллы, насъ догналъ молодой Вагутовичъ, сынъ адвоката изъ Бердичева, который прозывался безносикомъ, такъ какъ у него отъ рожденія не было

Библиотека "Руниверс"

носа; онъ былъ очень рѣчистъ, держался демократическихъ мнѣній, любилъ покричать, къ тому же отличался бездѣльничествомъ и большимъ честолюбіемъ. Мы знали его за сторонника будущей централизаціи и еще болѣе будущаго коммунизма (?). Онъ говорилъ, кричалъ о томъ, что никто ничего не дѣлаетъ, не умѣетъ дѣлать, но все это были только слова безъ всякаго содержанія. Корчма стояла на распутьи двухъ большихъ дорогъ: направо—на Тригоры и налѣво—на Новую Трою и далѣе на Житомиръ, до котораго было болѣе 40 верстъ плохой дороги черезъ лѣса, называвшейся *жидовскимъ шляхомъ*. Разъѣзды уже возвратились съ обѣихъ дорогъ, наши козаки были уже на коняхъ и построились по-взводно въ колонну, офицеры находились передъ фронтомъ, а Карлъ Ружицкій въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ въ сторонѣ, подъ развѣсистымъ дубомъ, разговаривалъ съ какимъ то шляхтичемъ, пріѣхавшимъ изъ окрестнаго села.

Вагутовичъ выѣхалъ впередъ и по-цицероновски сталъ держать рѣчь:

— Дворяне! за грибами что ли ведутъ васъ въ лѣсъ? Бабамъ только пристало собирать грибы, а вамъ, отважной молодежи, надо расковать цѣпи, сковывающія народъ, искупить саблей насилія, совершенныя вашими отцами, ихъ несправедливости, ихъ тиранства! Дубы и сосны, которые окружаютъ васъ,—не люди; люди плачутъ въ Житомирѣ, взываютъ къ вамъ, кричатъ вамъ: измѣнники, измѣнники! За мной, дворяне, на Житомиръ! на Житомиръ!

Онъ обнажилъ саблю, и почти всѣ офицеры, съ Севериномъ Пильховскимъ во главѣ, послѣдовали его примѣру, крича: „На Житомиръ на Житомиръ“! и поскакали за нимъ. Поскакалъ даже старый Дунинъ. Передъ фронтомъ осталось только трое: Мих. Грудзинскій, Янъ Омецинскій и я. Козаки стояли на мѣстѣ и пересмѣивались между собою, говоря:

— Ну и паничи!

Ружицкій вскочилъ съ мѣста, сѣлъ на коня, но недовольные уже возвращались одинъ за другимъ, пристыженные, какъ борзыя съ поджатыми хвостами. Вагутовичъ не возвратился, да и хорошо сдѣлалъ. Ружицкій не произнесъ ни одного слова

Библиотека "Руниверс"

укоризны, но такъ посмотрѣлъ на нихъ, что они рады были бы отъ стыда провалиться сквозь землю.

Это происшествіе имѣло однако хорошія послѣдствія. Послѣ неудачной выходки стали стыдиться и размышлять о ней, и въ отрядѣ водворился порядокъ и слѣпое повиновеніе; поняли, что у нихъ недостаетъ ума для того, чтобы командовать, но есть достаточно доброй воли для того, чтобы повиноваться, а Ружицкій понялъ, что у него нѣтъ совѣтниковъ, и съ тѣхъ поръ поступалъ по собственному усмотрѣнію; въ этомъ и заключалась главная сила бердичевскаго возстанія.

Подъ самыми Люцями мы получили очень непріятное извѣстіе. Тадеушъ Струмилло, который принялъ командованіе надъ пѣшими повстанцами, не взвѣсилъ ни своихъ способностей, ни важности принятыхъ обязанностей. Когда онъ увидѣлъ массу предстоявшихъ трудовъ и еще болѣе опасностей, то, вмѣсто того, чтобы сознаться въ своей неспособности или трусости, (что нанесло бы ударъ только его самолюбію, а не дѣлу и дало бы возможность пособить горю), онъ постоянно доносилъ, что вошелъ въ сношенія съ базиліанами въ Тригорахъ и со всѣми жителями лѣсныхъ хуторовъ, что можно разсчитывать не на 2,000, а на 10,000 повстанцевъ. Когда-же онъ узналъ о моемъ выступленіи изъ Гальчинца, то вмѣсто того, чтобы отправиться въ Буки, гдѣ онъ жилъ и гдѣ былъ одинъ изъ сборныхъ пунктовъ повстанцевъ, уѣхалъ къ своему брату Игнатію, котораго не засталъ дома, а встрѣтилъ вмѣсто него исправника, пріѣхавшаго произвести обыскъ и арестовать Игнатія; тотчасъ же заявилъ исправнику, что онъ Тадеушъ Струмилло, братъ Игнатія, и готовъ ѣхать вмѣсто него; но исправникъ вовсе не захотѣлъ брать его подъ арестъ, говоря, что Петра не берутъ вмѣсто Павла, вслѣдствіе чего панъ Тадеушъ наговорилъ ему дерзостей, чтобы попасть подъ арестъ и быть отвезеннымъ въ Житомиръ. Когда переодѣтый крестьяниномъ базиліанинъ, привезшій намъ это извѣстіе, выѣзжалъ изъ Тригоръ, туда вступала уже сотня донскихъ козаковъ и полъ-баталіона пѣхоты, а другіе русскіе отряды были посланы въ Новую Трою, Романовъ и Чудновскую Гуту. Теперь не было уже и рѣчи ни о нашей пѣхотѣ, ни о

Библиотека "Руниверс"

треугольникѣ для нашихъ операцій, образованномъ тремя крайними пунктами: Новый Римъ, Новая Троя и Тригоры.

Мы возвратились въ Дрыловъ, и туда пріѣхало къ намъ шестеро слугъ Камилла Піотровскаго, сообщившихъ, что ихъ паничъ и всѣ Піотровскіе, такъ же какъ Заблоцкіе и Францишекъ Янковскій, убѣжали изъ своихъ домовъ, Богъ знаетъ куда, но что крестьяне готовы къ возстанію и ждутъ насъ.

Какъ мы узнали впослѣдствіи, многіе изъ помѣщиковъ, при томъ молодыхъ, добровольно отдали себя въ руки властей, даже платили за то, чтобы ихъ арестовали, съ цѣлью избѣжать необходимости примкнуть къ возстанію. Эти господа, какъ и Тадеушъ Струмилло, котораго вскорѣ выпустили на свободу, объясняли свое поведеніе боязнью вызвать въ краѣ гайдамачество.

Мы прошли Дрыловъ на разсвѣтѣ. Наши шпіоны, евреи, донесли намъ о появленіи разъѣздовъ ахтырскаго гусарскаго полка въ окрестностяхъ Чуднова, а одинъ изъ нашихъ разъѣздовъ даже видѣлъ нѣсколько гусаровъ, разъѣзжавшихъ около чудновской дороги. Такъ какъ по свѣдѣніямъ шпіоновъ опушки лѣсовъ были заняты пѣхотой и отрядами гусаръ и донцовъ, то мы направились влѣво, въ степь и, свернувши съ дороги къ с. Бабушкамъ, расположились на отдыхъ въ долинѣ, которая скрывала насъ отъ взоровъ идущихъ и ѣдущихъ по большой торговой дорогѣ изъ Бердичева въ Чудновъ.

Ружицкій велѣлъ пустить пастись лошадей и накормить людей, а самъ разговаривалъ со шпіонами и съ бабушкинскимъ экономомъ, который ѣхалъ изъ Чуднова; никто изъ насъ не осмѣливался приблизиться къ нимъ, такъ какъ мы догадывались, что готовится нѣчто важное. Наконецъ, былъ позванъ Мих. Грудзинскій, и начальникъ (такъ мы звали Ружицкаго) сталъ съ нимъ о чемъ то говорить, указывая рукою по направленію къ Чуднову. Затѣмъ тремъ взводамъ 1-го эскадрона, моему, Яна Омецинскаго и Адольфа Пильховскаго, было приказано сѣсть на коней, и мы пошли прямо на чудновскую дорогу. Грудзинскій командовалъ нами. Станиславъ Дунинъ двинулся съ однимъ взводомъ влѣво на взгорье между Бабушками и Чудновомъ, Пржиборовскій, тоже съ однимъ взводомъ, къ

Библиотека "Руниверс"

рощицамъ, которыми начинались чудновскіе лѣса, а Ружицкій шелъ со 2-мъ эскадрономъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ за нами по большой дорогѣ.

Мы шли колонной, по-взводно, форсированнымъ маршемъ, и едва взошли на пригорокъ, какъ увидѣли по ту сторону отрядъ гусаръ, которые разбѣжались вразсыпную и открыли длинную колонну пѣхоты. Грудзинскій тотчасъ скомандовалъ „рысью", потомъ „опустить пики" и „въ галопъ". Пѣхота была атакована такъ неожиданно, что командиръ ея не успѣлъ даже скомандовать; раздалось нѣсколько выстрѣловъ, но мы уже смяли пѣхоту. Русскіе бросили оружіе, но мы, какъ ураганъ, пронеслись вдоль всей колонны. Мы доскакали до Чуднова; гусары укрѣпили въѣздъ, поставивъ поперекъ его возы въ видѣ баррикады; но и это не помогло; мы преслѣдовали гусаръ въ самомъ Чудновѣ; 18 изъ нихъ пало, въ томъ числѣ одинъ офицеръ, 22 солдатъ и одного офицера мы взяли въ плѣнъ; только двое изъ этого отряда успѣли убѣжать. Пѣхота была взята въ плѣнъ вся. Это былъ батальонъ, на двѣ трети состоявшій изъ рекрутъ.

Послѣ этой побѣды мы возвратились къ Бабушкамъ, въ долину. Часть оружія и аммуниціи, которую не могли забрать съ собой, ми зарыли въ землю на мѣстѣ, указанномъ экономомъ, принявъ мѣры для сохраненія вещей отъ порчи. Лучшихъ лошадей взяли съ собою, а худшихъ выпустили въ поле. Плѣннымъ русскимъ было выдано по полтиннику на человѣка, и съ наступленіемъ ночи Тулинскій съ отрядомъ нашихъ козаковъ вывелъ ихъ на опушку лѣса и отпустилъ на всѣ четыре стороны; офицеры были доставлены въ Турчиновку, и экономy было поручено отвезти ихъ въ Житомиръ.

Этотъ сводный батальонъ былъ назначенъ въ бердичевскій гарнизонъ, такъ какъ 3-я гусарская дивизія вышла изъ города, оставивъ только запасные эскадроны и батарею артиллеріи, въ которой не было полнаго комплекта ни людей, ни лошадей. Кавалерія употреблялась для разъѣздовъ, такъ что въ городѣ оставалась только артиллерія. О нашей побѣдѣ туда принесли извѣстія двое бѣжавшихъ гусаровъ, предупреждая,

Библиотека "Руниверс"

что съ часу на часъ надо ожидать нашего нападенія на Бердичевъ. Замѣшательство было полное. Евреи, хотя и знали очень хорошо, что мы идемъ не на Бердичевъ, скрывали это, и русскіе, несмотря на всѣ разспросы, не знали какъ стоитъ дѣло.

Въ нашемъ лагерѣ была величайшая радость и я, хотя предъ тѣмъ уже нѣсколько недѣль былъ боленъ, почувствовалъ себя совершенно здоровымъ.

Мы двинулись на Подолію безъ всякаго распоряженія со стороны высшаго начальства. Ружицкій, не отважившійся въ самомъ началѣ рѣшиться на какой нибудь смѣлый планъ, постыдно обманутый своими товарищами-помѣщиками (обманъ этотъ долженъ былъ вызвать въ будущемъ колебанія и неувѣренность въ его стратегическихъ операціяхъ), потерявъ моментъ, когда могъ воспользоваться и настроеніемъ народа, и неготовностью непріятеля, былъ вытѣсненъ изъ опорныхъ пунктовъ своихъ военныхъ дѣйствій и какъ бы ощупью искалъ выхода изъ своего положенія.

Мы пошли прямо на Хмельникъ, а потомъ повернули направо и, послѣ двухдневнаго похода, остановились въ Жеребкахъ, имѣніи ген. Корженевскаго, находившемся въ арендѣ у какой то пани Рогинской или Рогозинской, у которой было 4 взрослыхъ сына; двое изъ нихъ служили прежде офицерами въ русской арміи, а теперь были въ отставкѣ. Тамъ мы застали еще нѣсколькихъ молодыхъ людей, бывшихъ въ сраженіи подъ Дашевомъ, и отъ нихъ то мы и услышали въ первый разъ объ этомъ пораженіи и о сопровождавшихъ его обстоятельствахъ.

Генералъ Колыско прибылъ подъ Дашевъ во главѣ отряда изъ 3,000 отборной конницы, 4,000 пѣхоты и 4 орудій. Графъ Владиміръ Потоцкій, владѣлецъ Дашева, устроилъ великолѣпное пиршество по случаю прибытія генерала и повстанцевъ, бывшихъ подъ его командой. Въ самый день торжества было донесено о приближеніи генерала Ротта съ двумя уланскими полками—смоленскимъ и курляндскимъ—и 4 орудіями. Силы отряда ген. Ротта не превышали 1,500 человѣкъ. Вацлава Ржевускаго выслали съ эскадрономъ конныхъ козаковъ въ Левухи, въ 7 верстахъ отъ Дашева. Когда готовились сѣсть за столъ,

Библиотека "Руниверс"

было получено извѣстіе, что Ржевускій вступилъ въ сраженіе съ авангардомъ Ротта. Еловицкіе и Липковскіе стали кричать: „Пусть сражается, пусть покажетъ себя!“ Черезъ нѣсколько часовъ было дано знать, что козаки Ржевускаго отступаютъ, а ген. Роттъ со всѣми силами спѣшитъ къ Дашеву. Снова закричали: „Пусть приходитъ, мы себя покажемъ!“ И не встали изъ-за стола. Вскорѣ прискакали Петръ Копчинскій и другіе съ извѣстіемъ, что Ржевускій погибъ, что видѣли, какъ онъ упалъ съ коня, что Скуратъ еще сражается, но не можетъ удержать непріятеля. Тогда отдали приказъ войску строиться, а сами остались допивать тосты. Только когда сообщили, что русскіе уже показались, командиры сѣли на лошадей, совершенно пьяные. Колыско и старый Еловицкій сѣли на дрожки и уѣхали. Побѣдзинскій, командовавшій эскадрономъ Корсака, ударилъ на русскихъ улановъ, прорвалъ ихъ ряды, доскакалъ до пушекъ и сталъ рубить канонировъ, но здѣсь погибъ съ большею частью своего храбраго эскадрона. Прочіе эскадроны не тронулись съ мѣста. Ихъ начальники не въ состояніи были произнести ни одного слова команды. Появился начальникъ штаба Орликовскій и скомандовалъ:

— Спасайся, кто куда можетъ и какъ можетъ!

Эскадроны бросились бѣжать вразсыпную; каждый бѣжалъ туда, куда несъ его конь и гналъ страхъ. Русскіе уланы, которые сражались, построясь въ одну шеренгу, взяли въ плѣнъ всю пѣхоту повстанцевъ со всѣми пушками и почти третью часть кавалеріи. Дрожки съ ген. Колыско и старикомъ Еловицкимъ, благодаря искусству кучера, благополучно добрались до лѣса.

Генералъ Роттъ не могъ и думать о преслѣдованіи повстанцевъ; его отрядъ былъ слишкомъ малочисленъ, къ тому же и люди, и лошади изнемогали отъ усталости. На другой день изъ семитысячнаго отряда повстанцевъ на лицо оказалось не болѣе 400 кавалеристовъ; но бѣглецы стали мало по малу собираться, и силы поляковъ увеличились присоединеніемъ Нагорничевскаго и Александра Гозынскаго съ 500 кавалеристами.

Что повстанцы были храбры—это они доказали подъ Ободнымъ и Тывровомъ; подъ Дашевомъ же командиры по-просту

Библиотека "Руниверс"

пропили сраженіе и военную славу. На слѣдующій день уже распѣвали:

Pod Daszowem polaków moskal w ucho bije,
Kołysko ze starszizną miód i wino pije.
Kołysko ze starszizną hulaią w pałacu,
A moskali polaków morduią na placu.
Kołysko ze starszizną z Daszowa uciekli,
A moskali polaków okropne wysiekli [1]).

Эту пѣсню и много другихъ въ томъ же родѣ, сложенныхъ по тому же поводу, я слышалъ на Дунаѣ и въ Балканахъ отъ бердичевскаго мѣщанина Рачица, повстанца, бывшаго подъ Дашевомъ; а разсказъ о пораженіи я передалъ слово въ слово, какъ разсказывали повстанцы, которыхъ мы застали въ Жеребкахъ.

Сама хозяйка Жеребковъ и двѣ ея кузины были горячими патріотками, но всѣ четыре брата, рослые какъ дубы и такіе же крѣпкіе, указывая на примѣры подъ Боремлемъ и Дашевомъ, утверждали, что нельзя бороться съ русскими, а надо сидѣть тихо и ждать лучшей поры; можетъ быть, они были и правы, если говорили по убѣжденію. Они все повторяли, обнимая насъ: „Мы удивляемся вамъ, но сожалѣемъ васъ“.

Каждый изъ молодежи, бѣжавшей изъ подъ Дашева, на наше приглашеніе идти съ нами отвѣчалъ: „Нѣтъ, намъ достаточно и этого!“ Хозяева развезли этихъ молодыхъ людей къ окрестнымъ помѣщикамъ, чтобы укрыть ихъ до болѣе спокойнаго времени, а мы отправились въ походъ по направленію къ Пикову.

И командиры, и солдаты нашего отряда знали о пораженіи подъ Дашевомъ, видѣли отчаяніе и страхъ повстанцевъ, которыхъ мы встрѣтили въ Жеребкахъ, но все таки не теряли бодрости.

По дорогѣ мы встрѣтили Константина Бернатовича и Михаила Езерскаго, которые подтвердили намъ все, что говорилось

[1]) Т. е. „Подъ Дашевомъ русскій бьетъ поляковъ въ ухо, а Колыско со старшиной пьютъ медъ и вино. Колыско со старшиной пируютъ въ палацѣ, а на площади русскіе убиваютъ поляковъ. Колыско со старшиной убѣжали изъ Дашева, а русскіе поляковъ въ конецъ изрубили.

Библиотека "Руниверс"

о сраженіи подъ Дашевомъ, но Бернатовичъ увѣрялъ насъ, что повстанцы съ Украины и Подолья собираются снова, что Нагорничевскій и Александръ Голынскій присоединились къ повстанцамъ и что въ войскѣ повстанцевъ въ настоящее время считается около 2,000 кавалеристовъ, что это войско направляется въ Каменцу-Подольскому, гдѣ возстаніе вспыхнуло во многихъ мѣстахъ и гдѣ ожидаютъ ген. Дверницкаго, который послѣ переговоровъ съ кн. Меттернихомъ навѣрное перейдетъ границу подъ Гусятиномъ, что эти переговоры будутъ имѣть успѣхъ, такъ какъ эрцгерцогъ Карлъ получитъ разрѣшеніе прибыть въ Варшаву для того, чтобы вступить на польскій престолъ. Въ это время къ намъ пріѣхалъ нѣмецъ Гаршмингель, у котораго я купилъ лошадь, и этотъ нѣмецъ сообщилъ намъ, что Дверницкаго не выпустятъ изъ Австріи, что есть распоряженіе отвезть его въ Штейермаркъ, что никакой эрцгерцогъ не поѣдетъ въ Варшаву, чтобы вступить на польскій престолъ, что дѣйствительно кн. Адамъ Чарторыйскій, вслѣдствіе настояній Станислава Малаховскаго и Владислава Замойскаго, обратился къ австрійскому императору съ просьбой о назначеніи одного изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ въ польскіе короли, но что это письмо Чарторыйскаго кн. Меттернихъ отослалъ съ полковникомъ Фахомъ въ Петербургъ. Гаршмингель утверждалъ, что онъ знаетъ обо всемъ этомъ навѣрное, такъ какъ видѣлъ самого Фаха, который останавливался у него и разсказалъ ему все это.

Эти разсказы произвели сильное впечатлѣніе на меня и на Яна Омецинскаго, который также слышалъ ихъ. Мы сообщили о нихъ Ружицкому, и тотъ тоже серьезно задумался.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Памятники козацкой старины въ музеѣ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. Небольшой музей Одесскаго Общества, помѣщающійся въ красивомъ зданіи на Биржевой площади, наполненъ главнымъ образомъ классическими древностями, собственно греческими, изъ мѣстныхъ древнихъ колоній. Среди нихъ, вмѣстѣ съ небольшими собраніями другого рода древностей, каковы напр. византійскія, египетскія, доисторическія, (послѣднія, къ слову сказать, не пользуются вниманіемъ Общества, т. к. немногочисленная коллекція ихъ, заключающая въ себѣ очень цѣнные экземпляры, находится въ полномъ безпорядкѣ), нашли себѣ мѣсто и памятники козацкой старины, такъ или иначе относящіеся къ югу Россіи. Сосредоточены они главнымъ образомъ въ первой комнатѣ. Здѣсь находится икона, изображающая Спасителя, съ вдохновеннымъ приподнятымъ вверхъ лицомъ. Икона эта довольно большихъ размѣровъ, квадратная, хорошаго письма; она изъ сѣчевой Покровской церкви, бывшей въ селѣ Покровскомъ екатеринославской губ. (по Указателю изд. 1890 г. I, № 1). Другая икона изъ Покровской церкви находится въ залѣ нижняго этажа; она изображаетъ Спасителя съ предстоящими Богоматерью и Іоанномъ Предтечею (по Указат. V, № 1). Изъ той же церкви и икона св. Николая, писанная въ 1764 г. «коштомъ козаковъ пашкѣевскаго куреня Карпа и Петра Сторчовусъ», въ третьей комнатѣ нижняго этажа (по Указат. VI, № 1). Въ полукруглой залѣ верхняго этажа помѣщена копія извѣстной иконы, изображающей Покровъ Пресвятой Богородицы надъ молящейся запорожской старшиной, изъ той-же Покровской церкви.

Библиотека "Руниверс"

Въ этой же залѣ находятся три небольшія иконы изъ запорожской церкви въ селѣ Каплуновкѣ екатеринославск. у. Одна—Пресвятой Богородицы Одигитріи, другая—святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, третья—св. равноапостольнаго князя Владиміра. Иконы въ старинныхъ рѣзныхъ рамахъ (по Указат. II №№ 2, 3 и 4).

Изъ портретовъ выдѣляются два—Якова и Ивана Шіяновъ. Ими былъ въ 1782 г. построенъ иконостасъ въ Покровской церкви м. Никополя (бывшаго запорожскаго поселенія, носившаго разныя названія: Микитино, Микитинъ рогъ, Микитинъ перевозъ). Устроенный ими иконостасъ былъ перенесенъ въ построенную въ 1796 г. новую церковь. Вообще оба брата много способствовали украшенію Никопольской церкви, въ которой состояли ктиторами. На портретѣ Яковъ Шіянъ представленъ во весь ростъ, бодрымъ старикомъ, съ умнымъ и строгимъ выраженіемъ глазъ; голова у него совсѣмъ лысая; онъ при саблѣ, лѣвая рука взята въ бокъ, правая лежитъ на шапкѣ, надѣтой на палку. Иванъ Шіянъ моложе брата, голова бритая, съ оселедцемъ, снятъ онъ въ такой же молодцоватой позѣ. На портретахъ надписи: «Сей портретъ снятъ ктитора Якова Шыяня и поставленъ здѣсь при томъ мѣстѣ, гдѣ труда его всему обществу наіконостасѣ видни 1784 года Генваря 9 дня»; на другомъ портретѣ такая же надпись, только вмѣсто «Якова», стоитъ «Ивана». Портреты эти стояли прежде по бокамъ устроеннаго Шіянами иконостаса (по Указат. I, № 12 а и б). Кромѣ этихъ большихъ портретовъ, есть еще одинъ гораздо меньшихъ размѣровъ—потемнѣвшій портретъ запорожскаго войска полковника Афанасія Федоровича Колпака, основателя селенія Колпаковки на Кинбурнской косѣ, таврич. губ. Портретъ погрудный, выраженіе лица у Колпака усталое, равнодушное, въ правой рукѣ палка, на груди на лентѣ медаль, вѣроятно полученная за войну съ турками, въ которой онъ участвовалъ (по Указат. I, № 14). Къ портретамъ же по указателю отнесена, скорѣе картина, изображающая запорожца курящаго люльку.

Картина очень не велика и скомпанована весьма оригинально: все почти полотно занимаетъ выразительная голова, лицо какъ бы передернуто гримасой, тутъ же помѣщена рука съ люлькой. По указателю, это портретъ Максима Желѣзняка 1786 г., что конечно подлежитъ большому сомнѣнію, которое отчасти раздѣляетъ и самъ составитель указателя, поставивши вслѣдъ за такимъ опредѣленіемъ вопросительный знакъ. Картина эта привезена изъ Херсона (по Указат. I, № 25).

Библиотека "Руниверс"

Есть также въ музеѣ цѣлая серія (5) современныхъ портретовъ малороссійскихъ гетмановъ (по Указат. II, №№ 56—60).

Изъ трехъ картинъ, изображающихъ «Мамаевъ» или «Гайдамаковъ», заслуживаетъ вниманія старинная, бо́льшая по размѣрамъ. На этой картинѣ подъ изображеніемъ Гайдамака, сидящаго по турецки, въ шубѣ, съ бандурой и окруженнаго обычными на такихъ картинахъ аксесуарами, каковы дубъ, лошадь, запорожскій гербъ, оружіе и т. д., помѣщены длинныя вирши; начало ихъ слѣдующее:

Хочь дивись на мене, та-ба невгадаешъ:
Вѣдкель родомъ, какъ зовуть, ни чичиркъ не скажешъ:
Коли трапилось кому у степахъ буваты,
То той можетъ прозвище мое вгадати...
(по Указат. I, № 15).

Двѣ другія картины такого же содержанія меньше по формату и гораздо новѣе, по крайней мѣрѣ одна изъ нихъ (по Указат. I, № 17).

Иконы, портреты и картины висятъ довольно высоко, вслѣдствіе чего неудобно было опредѣлить точные ихъ размѣры.

Изъ козацкаго оружія, находящагося въ Музеѣ, отмѣтимъ прежде всего три кованныя желѣзныя пушки, двѣ узкія, въ 1 ар. 4 вер. и 1 ар. 2 в. длиной; найдены—первая на островѣ Хортицѣ екатериносл. губ., другая—около Херсона; третья пушка почти въ два раза шире первыхъ, 1 арш. и 4 вер. длиной, съ правиломъ, найдена около мѣстечка Никополя. Пушки перетянуты чистыми желѣзными обручами, заряжались съ казенной части (по Указат. I, № 46). Изъ мелкаго оружія есть карабинъ, четыре пики, сабля, типичный пороховой рожокъ, сдѣланный изъ рога, келепъ, ружейный замокъ, стремя, удила, клинокъ, косарь и большая баклага изъ тисненой кожи. Всѣ эти предметы найдены въ курганахъ екатеринославской и херсонской губерній (по Указат. I, № 31). Очень изящна по работѣ серебряная ладунка Іереміи Родзянки (1773 г.); она вся отдѣлана чернью, сверху положены прорѣзныя позолоченныя пластинки, также орнаментированныя, съ гербомъ Родзянокъ по срединѣ (по Указат. I, № 37).

Изъ бытовыхъ предметовъ запорожскихъ козаковъ хранятся въ музеѣ двѣ серебряныя чарки и деревянная тарелка (по Указат. II, № 64).

Въ небольшомъ дворикѣ при музеѣ, сплошь уставленномъ каменными бабами, надгробными восточными памятниками и другими каменными фрагментами, находится очень оригинальное надгробіе съ изображеніемъ козаковъ. Это небольшая плита $13^1/_2$ вер. вышины и

Библиотека "Руниверс"

10 вер. ширины. Невысокимъ рельефомъ высѣчены двѣ фигуры козаковъ; они въ жупанахъ, во весь ростъ. Лѣвый направляетъ копье съ развѣвающимся значкомъ противъ праваго, который, какъ бы обороняясь, взялся за саблю. Памятникъ найденъ въ курганѣ въ 125 верстахъ отъ г. Херсона (по Указат. VII, № 18).

Какъ ни незначительно собраніе козацкой старины въ одесскомъ музеѣ, но оно на своемъ мѣстѣ, открыто для обозрѣнія всѣмъ и каждому и такимъ образомъ выполняетъ цѣль, для которой сохраняются и собираются различные остатки прошлаго. Вообще, послѣ осмотра музея остается хорошее впечатлѣніе, и тутъ невольно является сравненіе совсѣмъ юной Одессы съ нашимъ древнимъ Кіевомъ, сравненіе не въ пользу послѣдняго: въ Одессѣ музей былъ открытъ городомъ еще въ 1820 г, а Кіевъ, вѣроятно давно отпраздновавшій свое тысячелѣтіе, не только не имѣетъ, но еще серьезно и не помышляетъ объ историческомъ музеѣ.

Н. Б.

Свѣдѣнія о задунайскихъ запорожцахъ въ 1826 году.

Въ Кіевск. Старинѣ 1883 г. была напечатана статья г. Кондратовича— «Задунайская Сѣчь», въ которой приведены любопытныя свѣдѣнія о состояніи задунайскихъ запорожцевъ въ первой половинѣ настоящаго вѣка, основанныя преимущественно на изустныхъ разсказахъ древняго старика Коломійца. Недавно мы пріобрѣли книжку съ такимъ заглавіемъ: *Нѣкоторыя свѣдѣнія о правомъ берегѣ Дуная, собранныя въ 1826 г. Спб. Въ тип. генер. штаба. 1827. 16⁰ 63 стр. Съ план. крѣпости Тульчи.* Книжка эта ни въ какихъ каталогахъ не значится и по отсутствію въ ней цензурнаго разрѣшенія, можно думать, что она заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, собранныя офицерами генеральнаго штаба наканунѣ турецкой войны 1827—28 г.г. и напечатанныя по распоряженію военнаго начальства. Въ этой книжкѣ помѣщены, между прочимъ, и приводимыя здѣсь свѣдѣнія о задунайскихъ запорожцахъ, во многомъ дополняющія статью г. Кондратовича.

Перепечатка дѣлается съ сохраненіемъ какъ правописанія, такъ и курсивовъ подлинника. **А. Л.**

«*Большія Дунавцы*, Запорожская Сѣча, отъ *Тульчи* въ лѣво, около 50 верстъ при рѣчкѣ *Дунавцъ*. *Большія Дунавцы* издавна обитаемы были *некрасовцами* и включали въ себѣ до 10 тыс. душъ. Онѣ служили до начала послѣдней войны средоточіемъ или сборнымъ мѣ-

Библиотека "Руниверс"

стомъ всѣмъ *Некрасовцамъ*, живущимъ въ окрѣстныхъ и отдаленныхъ мѣстахъ.

Запорожцы же тогда жили къ Дунаю. Они имѣли сѣчу свою на рѣкѣ сей, въ мѣстечкѣ *Семенахъ*, около 50 верстъ выше Гирсова и нѣсколько ниже *сухаго Дуная*; откуда въ 1805 году за разбой *на Дунаѣ* (Гайдамачество) Фирманомъ переведены къ берегамъ *Чернаго моря*, въ сосѣдство къ *Некрасовцамъ*. Имъ отведены были земли; тамъ построили они мѣстечко, назвали его *Едрелесомъ*, (отъ имени пролива) и учредили въ ономъ свою *сѣчу*; но возникшія междоусобія въ *Турецкой Имперіи* не долго оставили ихъ въ новыхъ жилищахъ. *Пелливанъ*, склонившій къ себѣ *Некрасовцевъ*, послалъ ихъ на *Запорожцевъ*, зависящихъ отъ *Браиловскаго Назыря*.

Напавъ на *Едрелесъ* и разсѣянныя жилища *Запорожцевъ*, *Некрасовцы* истребили и сожгли до основанія ихъ *сѣчу*, многихъ изрубили, остальныхъ разсѣяли; нѣкоторые успѣли спастись въ *Браиловѣ*, другіе продолжали скитаться по деревнямъ и по войскамъ до *Букарестскаго мира;* тогда возвратясь въ отведенныя имъ для жилищъ мѣста, и не найдя тутъ *Некрасовцевъ*, отошедшихъ большею частію къ *Марморному морю*, построили и учредили свою сѣчу, на томъ мѣстѣ, гдѣ были *Некрасовскіе большіе Дунавцы*, сохранивъ прежнее наименованіе мѣстечка, и поселились въ окрестностяхъ.

Въ *б. Дунавцахъ*, обнесенныхъ не высокимъ валомъ и сухимъ ровомъ, нынѣ находится церковь, одна изъ плетня здѣланная паланка кошевого начальника сѣчи и не болѣе 40 домовъ (куреней), въ коихъ живутъ 40 атамановъ. Приписанныхъ къ симъ 40 куренямъ, щитаютъ до 40 т. душъ; всѣ имѣютъ тамъ свое управленіе.

Кошевой избирается *атаманами* безсрочно; они всѣ какъ и самъ кошевой холосты (бурлаки), и жить въ сѣчѣ никакой женщинѣ не дозволено; кто же вступаетъ въ бракъ, тотъ часъ переселяется въ въ селеніѣ. *Кошевой* отъ *Султана* имѣетъ *Топузъ и два Байрака* и пользуется властію равною съ трехъ—бунчужнымъ Пашею, завися отъ одного только *Серискира въ Силистріи*.

Запорожцы не платятъ ни какой подати. *Порта* отводитъ имъ земли подъ селенія, даетъ на каждый курень по 300 левовъ (170 рублей) и по 2000 окъ (6000 фунтовъ) муки, называемой *сборочной*. Предъ симъ *порта* давала только по 200 левовъ и 1400 окъ муки; но сего года кошевой ѣздилъ въ Константинополь, гдѣ исходатайствовалъ вышеупомянутую прибавку. За это во время войны они должны выставлять требуемое число войскъ. Когда получается тако-

Библиотека "Руниверс"

вой *Фирманъ*, то по наказу, збираются всѣ изъ селеній въ *Б. Дунавцы* для выбора означеннаго числа на службу. На собраніяхъ сихъ и на выборѣ въ *кошевые* имѣютъ голосъ только одни казаки, то есть: не женатые. Тяжебныя дѣла рѣшаются по деревнямъ сходкою, недовольный жалуется *кошевому*, рѣшеніе коего есть уже свято,—равномѣрно онъ имѣетъ власть по произволу казнить—за воровство и смертоубійство.

Некрасовцы, нанесшіе жестокой ударъ, истребленіемъ множества коренныхъ *запорожцевъ*, понудили *сѣчу* для пріумноженія общества своего испросить права приписывать въ оное желающихъ. Нынѣ находится въ ономъ множество нашихъ бѣглыхъ солдатъ [1]) и крестьянъ. Прежде многіе *Турки* и *Молдовскіе* избѣгая смертной казни являлись къ нимъ и—впервые принявъ Христіанское исповѣданіе, оставались спокойными; ибо *Порта* по даннымъ имъ прежде правамъ, не имѣла власти требовать скрывшихся; но съ не давнаго времени *Тульчинской* паша *Юнусъ* получивъ званіе *Казакъ-Баши*,—распространяетъ вліяніе свое нѣкоторымъ и на запорожцевъ, живущихъ вблизи его Пашалика; и потому приписанныхъ *Турокъ* и *Молдаванъ* отбираетъ; но и сіе право не касается какъ только до женатыхъ; холостые же остаются не прикосновенными и правленіе *Турецкое* отнюдь не распространяетъ власть свою надъ сею сволочью не признающей никакой другой, кромѣ *Дунавцевъ*.

Управленіе запорожцевъ состоитъ: изъ одного *Есаула*, одного *писаря* и одного *Драгомана*, коихъ *сѣча* содержитъ на свой щетъ. По обычаямъ *Кошевой* еслибъ и зналъ Турецкой языкъ, то подъ смертною казнію не можетъ объясняться на ономъ съ кѣмъ либо присланнымъ отъ *Порты* или *Сераскира* или какого либо сосѣдственного *Паши*; но все черезъ *Драгомана* на *природномъ Малороссійскомъ языкѣ*.

Атаманы выдавали билеты за своею подписью тѣмъ изъ *Запорожцевъ*, кои переѣзжали на время къ намъ по коммерческимъ или другимъ дѣламъ. Билеты сіи предъявлялись и прописывались въ нашихъ присудственныхъ мѣстахъ. Я много изъ оныхъ имѣлъ случай видѣть.

Большая часть сей сволочи, подъ названіемъ *Запорожцевъ*, промышляетъ рыбною ловлею и живетъ на проливѣ (ѣрикахъ) въ *Чер-*

[1]) Солдаты однако преимущественнѣе принимаютъ магометанскую вѣру въ *Тульчѣ* и *Шакчѣ*.

Библиотека "Руниверс"

ное море, *Едрелесь-Буґазъ* и *Парчица-Буґазъ*.—Рыбу продаютъ въ *Галацахъ* и по берегу *Чернаго моря* до *Ахіолы*. Многіе гнѣздятся по островамъ между *Сунійскимъ* и *Килійскимъ Дунаемъ*, а наиболѣе на островѣ *Гассанъ-Баба*, не далеко отъ *Вылкова* въ весьма большомъ количествѣ, гдѣ есть и корчмы, тамъ живетъ одинъ и Турокъ назначенный для сбора десятины.

Збродъ сей прежде для насъ былъ весьма опасенъ. Имѣя родвенниковъ и друзей въ *Вылковѣ*, *Килiи*, *Тучковѣ*, *Ренни* и въ селеніяхъ близъ берега лежащихъ,—онъ не разъ въ ночное время выходилъ на нашъ берегъ, производилъ ужасныя смертоубійства и разбои среди городовъ, покражи, сманивалъ и перевозилъ по условленнымъ знакамъ нашихъ солдатъ и людей, обкрадывавшихъ своихъ господъ, подвергая безпрестанно край сей опасенію чумы;—но по принятіи мѣръ болѣе дѣйствительныхъ къ отвращенію сего, съ 1823 года почти не слышно подобныхъ приключеній; но неменѣе того сосѣдство онаго останется всегда опаснымъ для границъ нашихъ.

Другіе *Запорожцы* ходятъ и живутъ по деревнямъ, занимаясь разными мастерствами до востребованій ихъ *наказомъ* на собраніе,—есть и цѣлыя селенія оныхъ: 1-е *Рай* около 150 дворовъ между *Дунавцами* и *Бабадагомъ*; 2-е *Озаклія*, до 60 дворовъ противъ *Галацъ* черезъ *Дунай*; 3-е *Саранасувъ*, до 70 дворовъ между *Дунавцами* и *Бабадагомъ*; 4-е *Караермань*, на островѣ между *Сунійскимъ* и *Георгіевскими* гирлами—около 50 дворовъ—богатая деревня; 5-е *Чукурова*, около 20 дворовъ въ *Бабадагскомъ лѣсу*; 6-е *Илица*, выше *Мачина*, ниже *Даянъ* на *Дунаѣ*, около 50 дворовъ перемѣшанныхъ съ *Некрасовцами*.

Есть многіе весьма богатые *Запорожцы* наиболѣе въ селеніяхъ и вышеупомянутыхъ проливахъ. Корчма въ *Дунавцахъ*, ходитъ ежегодно около 40 тыс. левовъ (22 тысячи рублей) на откупу въ пользу *сѣчи*.

Запорожцы почти всѣ вооружены, но когда идутъ на войну, то получаютъ оружіе отъ *Порты*, которая по окончаніи отбираетъ; они жестоки и кровожадны, на войну ходятъ пѣшіе. *Кошевымъ* нынѣ у нихъ *Василій Головатый*, старшій *Запорожецъ*, избранный въ сіе достоинство около шести мѣсяцевъ тому назадъ, на мѣсто бывшаго предъ симъ бѣглаго *Литвина*, извѣстнаго между ними подъ именемъ *Литвина Ивановскаго куреня*.

Въ *малыхъ Дунавцахъ*, вблизи большихъ лежащихъ, жителей нынѣ нѣтъ, и *Запорожцы* не долго занимали оные послѣ *Некрасовцевъ*.

Библиотека "Руниверс"

Во время возмущенія *грековъ* двѣ тысячи *Запорожцевъ*, подъ предводительствомъ ихъ *Кошеваго Никифора Бѣлуги*, стараго *Малороссіянина*, ходили въ *Валахію* и возвратились изъ *Букареста* съ большою добычею—привезли много дорогихъ иконъ для своей церкви и большой колоколъ.

Около полутора года тому назадъ, 700 *Запорожцевъ* взяты были противъ *Грековъ*. Они пошли подъ предводительствомъ ихъ *Кошевого Мороза*, который въ послѣдствіи былъ Архимандритомъ и погибъ въ сей войнѣ. Въ Февралѣ сего года посланы еще 270 человѣкъ и вскорѣ еще 150 человѣкъ; а нынѣ требуется *Фирманомъ* 500 человѣкъ. Обстоятельство сіе привело въ волненіе всѣхъ; многіе разбѣжались, нѣсколько уже начали являться къ намъ въ карантинъ,—сѣча для сбора сего просила отсрочки на 15 дней; но имъ дано только 8 дней для отправленія сего числа. (Стр. 32—39).

Къ исторіи церквей г. Остра. Въ одной южнорусской старопечатной книгѣ [1]) встрѣтили мы приводимую здѣсь надпись, изъ которой видно, что ок. 1678 г., въ г. Острѣ (черниг. губ.) была построена кіевскимъ полковникомъ Константиномъ Солониною церковь Воскренія Христова. Свѣдѣніе это тѣмъ интереснѣе, что нынѣ не только этой церкви уже нѣтъ, но и память о ней забыта: въ книгѣ преосв. Филарета (Описаніе черниговской епархіи) Воскресенская церковь въ Острѣ вовсе не упоминается. Какъ безслѣдно поисчезали у насъ даже такіе памятники, какъ городскія церкви, построенныя только въ к. XVII в?...

.... «то есть учительное Ѳѵ҃гліѣ, з власти и праци своеѣ купивши благочестивый христолюбивый и славою рицерскою квитнучийся его мл. панъ Константинъ Дмитриевичъ Солонина, полковникъ войска его царского прествѣтлого величества запорожского кіевский въ храмъ надалъ до Воскресенія Христова в Острѣ, на новомъ мѣсте стоячой церкви, его коштомъ и щирымъ старанемъ урунованой (sic) [2]) згорливости своеѣ надаючы, такъ хотячи мѣть, абы тая книга

---

[1]) Евангеліе учительное архіеписк. Каллиста, Евю, 1616. Въ началѣ книги недостаетъ нѣсколькихъ листовъ, почему и въ надписи недостаетъ первыхъ словъ. (Надпись сдѣлана по листамъ).

[2]) Уфундованной?

Библиотека "Руниверс"

с того храма, то есть Воскресенія Христова, никимъ оддалена не была под проклятіемъ светихъ отецъ. Офѣрована сія книга и вручена в храмъ звишъ менованный року 1678, міца марта 14 дня».

А. Л.

«Письмо» — Апокрифъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, въ с. Молодецкомъ, кіевской губ. уманскаго уѣзда, одна странница, повидимому великорусскаго происхожденія, усердно распространяла между народомъ апокрифическую «Епистолію и сказаніе о недѣлѣ». Въ заглавіи эпистолія переведена словомъ—«Письмо». На вопросъ мѣстнаго священника, откуда странница взяла «Письмо», она отвѣтила, что мужъ ея, живущій въ Одессѣ, переписалъ «Письмо» и далъ ей. Это «Письмо», во многихъ мѣстностяхъ подольской губ., какъ сообщаетъ И. Ф. Бѣньковскій, крестьянки во время беременности носятъ при себѣ, въ силу обѣщанія, выраженнаго въ «Письмѣ»: «*которая невѣста* (польск. niewiasta, жена) *беременна имѣла сіе письмо при себѣ, будетъ имѣть дитя счастливое*».

Приводимый мною ниже апокрифъ уже разобранъ Н. Ѳ. Сумцовымъ въ его «Очеркахъ исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ подъ заглавіемъ: «Листъ небесный, или эпистолія о недѣлѣ». (стр. 116—121).

Насколько можно видѣть изъ «Очерковъ» Н. Ѳ. Сумцова апокрифическое «Письмо» не примыкаетъ къ великорусскимъ редакціямъ названнаго апокрифа, изданнымъ гг. Пыпинымъ, Тихонравовымъ, а также Кушелевымъ-Безбородко («Памятники старинной русской литературы»; вып. III, 150—153). Оно скорѣе примыкаетъ къ южнорусскимъ и польскимъ редакціямъ, что видно изъ завѣщанія посвящать субботу Божіей Матери, изъ обѣщанія отпущенія грѣховъ, въ католическомъ смыслѣ, и изъ названія женщины по-польски *невѣстой*. «Письмо» написано безграмотно и почти безъ пунктуаціи; такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о содержаніи, то я передаю апокрифъ въ исправленномъ видѣ. Вотъ текстъ его:

„*Письмо*“.

«Сіе письмо найдено въ землѣ Британской со словъ Господа Іисуса на горѣ Таборѣ подъ образомъ святаго Михаила; кто его хотѣлъ прочитать или списать, то само ему раскрывалось, и было написано золотыми литерами.

Библиотека "Руниверс"

Я Іисусъ, сынъ Бога живаго приказываю Вамъ силою Божества моего, чтобы вы день воскресный почитали отъ меня (sic): ибо я вамъ далъ шесть дней рабочихъ, а седьмый себѣ оставилъ и посвятилъ его вамъ, чтобы молились за благо, вамъ удѣленное, благодареніе Господа Бога, и награждали бы убогихъ, чему имѣйте вѣровать.

Я Іисусъ Христосъ, сынъ Бога живаго, сіе письмо своею рукою писалъ, чтобы вы на семъ свѣтѣ хорошо себя вели, чего если исполнять не будете, что вамъ приказываю, то буду васъ наказывать гладомъ, повѣтріемъ, огнемъ, мечемъ и водою, а если не покоритесь и который человѣкъ остался въ адской волѣ, то и несчастной душѣ будетъ адское наказаніе. Возбужу противъ васъ царей противъ царей, бояръ и другихъ и будетъ кровопролитіе животъ свой (sic), и чтобы вы познали справедливость мою, буду васъ наказывать жашомъ (!) (ужасомъ), молніемъ, градомъ за грѣхи ваши, бы вы остерегались, ибо если вы приказанія моего исполнять не будете, то отвращу лицо мое, напущу на васъ черныя птицы, летающія по воздуху, съ которыми распространится повѣтріе-нагло получите.

Я Іисусъ Христосъ, сынъ Бога живаго, приказываю вамъ, чтобы вы всюду субботу отъ вечерни не работали для умоленія Матери Моей, которая если бы не молила бы въ день праздничный....(пропускъ) какъ старые, такъ и малые собрали бы мимо идущаго.... грѣхи свои припоминали, въ чемъ прогнѣвали величіе мое и меня самого. Не присягайте напрасно на имя мое, на кровь мою, на члены мои, которыми я васъ искупилъ и сотворилъ по образу моему. Одинъ другаго не убивайте и не послушествуйте свидѣтельства ложнаго; отца и матерь чтите, ближняго любите, священно-служителей своихъ почитайте, убогихъ не выгоняйте, богатства не собирайте, и дамъ вамъ въ царствіи моемъ пребываніе.

Я Іисусъ Христосъ, сынъ Бога живаго, приказываю вамъ силою божества моего, чтобы вы сіе письмо, которое я своею рукою писалъ, уваженіе имѣли, и который человѣкъ сіе письмо будетъ имѣть при себѣ и давать его на прочитаніе или переписывать такое, хотя имѣлъ бы столь много грѣховъ, какъ въ морѣ песку, на небѣ звѣздъ, на древѣ листовъ, всѣ ему будутъ прощены; а кто сіе письмо будетъ имѣть и не давать его читать или переписывать, тотъ проклятъ погибнетъ, въ вѣчномъ огнѣ горѣть будетъ. Наконецъ приказываю вамъ подъ вѣчнымъ наказаніемъ моимъ,—который человѣкъ сему вѣрить не будетъ, тотъ насильно помретъ, на вѣчно мученіе

Библиотека "Руниверс"

сойдетъ. А кто сіе письмо будетъ имѣть въ уваженіи, почтеніи своемъ, тотъ прославленъ будетъ люди, безъ исповѣди и причастія моего не умретъ и въ царствіе небесное внидутъ. Сіе письмо такой силы, кто его будетъ читать или слушать, (будетъ) имѣть сто дней отпущеніе грѣховъ, ни одинъ непріятель ему вредить не можетъ; которая невѣста беременна имѣла сіе письмо при себѣ, будетъ имѣть дитя счастливое, отъ Бога на семъ.... великую милость какъ душевную, такъ и тѣлесную получитъ, и кто сіе письмо будетъ имѣть при себѣ, вѣчное счастіе получитъ навѣки. Аминь».

Сообщилъ **Хр. Ящуржинскій.**

Великорусскіе чиновники въ Кіевѣ въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія. Со времени раздѣленія Россіи на губерніи кіевскіе воеводы переименованы были въ губернаторовъ, а состоявшая при нихъ приказная палата—въ губернскую канцелярію. Сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣнилась; губернаторы были, по прежнему, начальниками великорусскихъ войскъ, расположенныхъ въ малороссійскихъ крѣпостяхъ, а губернская канцелярія была органомъ этого, чисто военнаго, управленія. Составъ служащихъ въ канцеляріи былъ великорусскій; это были тѣ же дьяки и подъячіе, какіе служили въ приказной палатѣ. Положеніе приказныхъ въ XVIII в. было, вообще, нелегкое. Содержаніе они получали ничтожное—въ царствованіе Петра В. рядовые солдаты получали отъ 10 до 12 р. въ годъ, а подъячіе, по удвоенному въ 1719 г. штату, отъ 15 до 60 р.; но и эту незначительную сумму выдавали имъ неаккуратно и не всегда полностью—такъ въ 1723 г. по случаю неурожая у всѣхъ служащихъ вычитали $^1/_4$ содержанія. Подспорьемъ служили «безгрѣшные доходы», узаконенные, въ извѣстномъ размѣрѣ, самимъ правительствомъ: въ 1714 г. подъячимъ предоставлено было взимать по каждому дѣлу съ правого 3%, съ виноватаго 10% съ суммы иска, да по деньгѣ съ каждой четверти спорной земли[1]). Положеніе служащихъ въ кіевской губернской канцеляріи было еще тяжеле: никакихъ доходовъ, кромѣ жалованія, они не имѣли, такъ какъ судебныя дѣла не входили въ компетенцію кіевскаго губернатора; въ Кіевѣ они были люди пришлые, не имѣвшіе никакихъ связей съ кореннымъ населеніемъ и не

[1]) См. Лешковъ. Раздѣленіе Россіи на губерніи по указамъ Петра В. и Екатерины II. Р. В. 1863 № 22.

Библиотека "Руниверс"

встрѣчавшіе со стороны послѣдняго особаго сочувствія. Все это должно было ставить ихъ тогда въ очень тяжелое положеніе.

Довольно яркую картину матеріальныхъ невзгодъ служащихъ въ кіевской губернской канцеляріи «и у прочихъ дѣлъ» даетъ прилагаемое доношеніе кіевскаго генералъ-губернатора кн. И. Ю. Трубецкого [1]) въ сенатъ, найденное нами въ связкѣ старыхъ документовъ кіевскаго центральнаго архива. Документъ этотъ, относящійся къ 1727, представляетъ черновую доношенія, которое, очевидно, не разъ уже посылалось въ сенатъ, начиная съ 1723. Онъ сохранился одновременно въ двухъ редакціяхъ—старой, относящейся къ царствованію Петра В., и новой—къ царствованію Екатерины I; старая редакція легла въ основу позднѣйшей, причемъ измѣнены только титулы (Ея И. В. вмѣсто Его И. В., высокій сенатъ вм. высокоправительствующій), вставлено нѣсколько строкъ въ серединѣ, да нѣсколько строкъ въ концѣ зачеркнуты и замѣнены новыми. Приводимъ этотъ любопытный документъ цѣликомъ, съ сохраненіемъ обѣихъ редакцій.

«Ея И. В. въ высокій сенатъ искиевской губерніи доношеніе.

Неоднократно чрезъ посланные мои іскіиева ввысокій Сенатъ доношеніи доносилъ я требуя (его) ея И. В. повелителного указа о выдаче обретающимся у дѣлъ (его) ея И. В. вкиевской Генералъ Губернской канцеляріи и у прочихъ дѣлъ и вгварнизоне канцеляристамъ и подканцеляристамъ и копеистамъ заслуженнаго ими (его) ея И. В. денежного жалованія на минувшій 723 г., о которомъ какъ прежде сего, такъ и нынѣ оные служители непрестанно и неотступно (его) ея И. В. бьютъ челомъ, объявляя при томъ всеконечную свою скудость, что многие изнихъ забраны вкиевъ издругихъ далныхъ городовъ, оставя домы свои впусте іовсеконечномъ разорении і будучи нынѣ вкиевѣ уделъ (его) ея И. В. денно и ночно кандиціи себе кроме Е. И. В. опредѣленного жалованія никакоі неімеютъ і многие уже займывая вчужихъ людехъ сженами ідетми пропитание имеютъ, вчемъ немалую нужду претерпеваютъ, на что і досего резолюціі отамъ не получилъ; а впрошломъ 726 году іюня 16 дня поприсланному Ея И. В. указу исштатсъ конторы велено имъ служителямъ ея И. В. одно денежное жалование на 725 годъ помимо 723 и 724 годовъ, на которые они не получали, выдать, и я видя ихъ всеконечную нужду приказалъ прежде порядочную дачу произвесть

[1]) Имя генералъ-губернатора съ доносовіи не названо, но извѣстно, что кн. И. Ю. Трубецкой занималъ этотъ постъ съ 1722 по 1730 г.

Библиотека "Руниверс"

на 723, а на 724 и на 725 и на 726 годы за необявлениемъ втомъ присланномъ указе помянутыхъ годовъ и за неимѣніемъ принадлежащихъ ктому расходу денегъ дачи еще не произведено, а понеже киевъ городъ пограничнойі другимъ губерніямъ нев(и)римеръ ј ежели онымъ служителемъ определенное імъ Е. И. В. денежное и хлебное жалованье выдачу удержать то въ последнею нищету могутъ произойти.

(Затьмъ слѣдуютъ зачеркнутыя строки прежняго донесенія: и коликое число оныхъ служителей вгубернской канцеляріи івгварнизонехъ присутствующихъ ккиеву уделъ обретаютца і что ктому вдобавку потребно придоношеніі моемъ ввысокоправительствующіи сенатъ минувшего 9 марта 724 года вмоскве подано ведение и требовалъ о томъ Его И. В. указа)

и какъ прежде такъ и нынѣ высокому (в. -пр.) сенату о томъ же доношу і (*прошу*) овыдаче онымъ служителемъ і земскому писарю заслуженного іми (его) ея И. В. помянутого жалованья для ихъ всеконечного мизерия которымъ ужеі вконцелярііі стало ходить невчемъ, а жены и дѣти по миру ходятъ и Христовымъ именемъ какъ себѣ такъ и мужемъ и дѣтемъ своимъ пропитание имеютъ, у которыхъ отъ нищеты многіе отдаютъ и дѣтей (*неразобрано: вдаръ?*) на прошедшие 723 годъ и на 724 і впредь по вся годы о произвожденіі і о предложеніі о томъ вгосударственную каморъ коллегию і высокого (в.—пр.) сената повелительной о томъ резолюціі».

На оборотѣ находится слѣдующая помѣтка, опредѣляющая, приблизительно, время составленія доношенія: «Сіе дѣло отдано налетову отъ Алеѯѣя Ѳатѣjва Ѳевраля въ 8 день 727 году».

В. Щербина.

Письмо П. Д. Юркевича къ прот. П. И. Катранову. Помѣщаемое ниже письмо бывшаго профессора философіи сначала въ кіевской духовной академіи, а потомъ въ московскомъ университетѣ, Памфила Даниловича Юркевича (род. 1826 г., ум. 1874 г.), представляетъ интересъ не только потому, что самая личность писавшаго въ свое время была очень замѣтной, какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни, особенно въ періодъ пребыванія своего въ Кіевѣ, но еще болѣе въ виду того, что въ письмѣ этомъ затронуты такіе животрепещущіе въ недавнемъ прошломъ вопросы, какъ изданіе научнаго журнала при духовной академіи, прогрессъ въ развитіи воспитанни-

Библиотека "Руниверс"

ковъ академіи 60-хъ годовъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, и пр. Думаемъ, что, помѣщая это письмо, мы даемъ возможность будущему бытописателю общественной жизни Кіева прибавить нѣсколько характерныхъ чертъ, хотя и мелкихъ, но въ общей сложности проливающихъ особый свѣтъ на нѣкоторыя частности въ недавнюю эпоху 60-хъ годовъ.

Достопочтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ!

Не помню, писалъ ли я когда нибудь къ Вамъ въ Полтаву. Теперь же вы имѣете въ Петрѣ Ивановичѣ [1]) такого правдиваго повѣствователя обо всемъ, относящемся до Кіева и кіевской академіи, что я долженъ предоставить его живому слову удовлетворить вашей любознательности въ этомъ случаѣ. Каникулы для меня время занятій; именно въ эти свободные отъ чтеній дни я обыкновенно приготовляю статьи для нашихъ, а иногда и для свѣтскихъ журналовъ. Помнится, когда вы были въ Кіевѣ, я просилъ васъ участвовать своими статьями въ нашемъ новомъ журналѣ [2]), который рождается какъ-то трудно и медленно, но который все же долженъ увидѣть свѣтъ и притомъ уже очень скоро. Наша бѣда въ томъ, что мы, какъ люди кабинетные и прикованные къ школѣ, не знаемъ жизни и ея живыхъ насущныхъ нуждъ, поэтому мы еще можемъ кое-какъ поставлять статьи обще-ученаго содержанія, а для разъясненія вопросовъ, взятыхъ изъ дѣйствительности и жизни, мы нуждаемся въ посторонникъ сотрудникахъ. Вотъ почему я прошу васъ, Павелъ Ивановичъ, удѣлять свои досуги нашему журналу. Почему бы и Николаю Даниловичу [3]) не взяться за эту же работу. Вѣдь, если мы не обанкротимся съ нашимъ предпріятіемъ, то статьи будутъ вознаграждаемы, какъ слѣдуетъ.

Нашъ владыка, по пріѣздѣ изъ Петербурга, привезъ одну добрую вѣсть, и то касающуюся собственно нашей академіи, — вѣсть объ увеличеніи оклада наставникамъ академіи. Окладъ будетъ уравненъ до оклада академіи петербургской. Это значитъ, что я, напримѣръ, получу болѣе настоящаго сто рублей съ небольшимъ. Благо и это. О дѣйствіяхъ комитета, разсуждающаго объ улучшеніи быта сельскаго духовенства, извѣстно, что тамъ были предлагаемы самые

---

[1]) Студентъ, братъ протоіерея Катранова.

[2]) „Труды кіевской духовной академіи", начавшіе издаваться въ 1860 г.

[3]) Думитрашко, протоіер. законоучит. полтавск. гимн.

Библиотека "Руниверс"

умные планы, но которые всегда оканчивались роковымъ вопросомъ: гдѣ денегъ взять? Впрочемъ и то хорошо, что стали разсуждать и строить планы; по крайней мѣрѣ это даетъ возможность нашему сельскому духовенству жить надеждою или ожиданіями: а это какъ не звать улучшеннымъ бытомъ?

Сколько я замѣчаю, многіе изъ нашихъ духовныхъ смѣшались, сконфузились, не могли найтись при встрѣчѣ съ новыми, не знакомыми для нихъ идеями и вопросами, и отсюда изъясняю я эту нерѣшительность, это двусмысліе въ поступкахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Отсюда же недостатокъ твердаго и мужественнаго голоса въ нашей духовной литературѣ. Мы какъ бы выжидаемъ, что сдѣлаютъ изъ насъ обстоятельства, а дѣйствовать не рѣшаемся. Я могъ бы указать вамъ на личности, высокостоящія, которыя отличаются этимъ пассивнымъ настроеніемъ и возбуждаютъ въ наблюдателѣ невольную грусть о нравственномъ безсиліи, объ этой нравственной апатіи... Для меня лично эти люди представляютъ поле психологическихъ наблюденій, которыми я подѣлюсь когда нибудь съ моими добрыми слушателями при чтеніи нравственной философіи.

Полтавская семинарія перемѣщается наконецъ въ Полтаву [1]). Не худо, если бы она оставила на старомъ мѣстѣ все грязное и унижающее наши школы. Въ Полтавѣ общественное мнѣніе будетъ взыскательнѣе. Здѣшніе наставники семинаріи издаютъ журналъ очень дѣльный [2]), лучшій нашего Воскреснаго Чтенія. Сотрудниковъ немного, но это люди молодые и дѣятельные: они имѣютъ свыше двухъ тысячъ подписчиковъ и вотъ отпечатали первый годъ вторымъ изданіемъ: оба эти обстоятельства рѣдко случаются съ нашими духовными изданіями. Но этотъ журналъ больше всего ожидаетъ помощи отъ самихъ же священниковъ, потому что практическіе вопросы стоятъ у него на первомъ планѣ.

Не легко и сказать вамъ, какъ измѣнились и созрѣли духовныя требованія нашихъ молодыхъ людей. Если они часто вступаютъ въ разладъ съ людьми стараго воззрѣнія, въ разладъ, который нѣкоторые такъ охотно и самодовольно изъясняютъ изъ вольнодумства или изъ безнравственности молодого поколѣнія,—то я понимаю это

---

[1]) Изъ Переяслава.

[2]) „Руководство для сельскихъ пастырей“, журналъ, въ которомъ такую видную роль игралъ покойный Ѳеоф. Гавр. Лебединцевъ, первый редакторъ—издатель нашего журнала.—Ред.

Библиотека "Руниверс"

явленіе иначе. Когда Іисусъ Христосъ сказалъ о дѣтяхъ: не мѣшайте имъ приходить ко мнѣ, потому что имъ принадлежитъ Царствіе Небесное; то мнѣ кажется, что это надо понимать такъ: «Вы старики, отжившіе свой вѣкъ, упорно держитесь прежнихъ понятій о томъ, что добро и зло, что правда и неправда. Новыя идеи, новыя духовныя потребности уже не воодушевляютъ васъ. Все это будетъ понято, принято къ сердцу и усвоено свѣжимъ, молодымъ поколѣніемъ». Въ самомъ дѣлѣ, когда я смотрю, сколько нынѣшніе студенты читаютъ, сколько выписываютъ газетъ и журналовъ, съ какимъ участіемъ слѣдятъ за общественными вопросами, мнѣ становится стыдно за мое школьное время, когда студенты довольствовались тетрадками профессоровъ, а деньги расходовали только на табакъ и вино, причемъ, кажется, были убѣждены, что чтеніе журналовъ свѣтскихъ рѣшительно безполезно для духовныхъ воспитанниковъ, поэтому выходили люди, которые очень хорошо знали *сущность* вещей, а о самихъ то вещахъ не имѣли ни малѣйшаго понятія, были коротко, до подробностей знакомы съ небомъ и адомъ, а о землѣ, которая стелется передъ ихъ носомъ, не могли сказать ни одного путнаго слова. Всѣ недостатки этого воспитанія извѣстны мнѣ очень хорошо, потому что и самъ я страдалъ отъ нихъ. Вотъ почему я смотрю на движенія, происходящія въ нашихъ академіяхъ, не съ той точки зрѣнія, съ какой изъясняютъ ихъ добрые почитатели старыхъ порядковъ. Впрочемъ, я согласенъ, что съ развитіемъ образованія добродѣтель смиренія и послушанія въ томъ видѣ, какъ она была понимаема у насъ доселѣ, должна много потерять: притомъ, кажется, что она могла образовать только пасивныя личности, а не дѣятелей, имѣющихъ характеръ и волю, въ которыхъ и въ самомъ дѣлѣ чувствуется теперь большой недостатокъ.

Я поручаю Петру Ивановичу одно дѣло по консисторіи, прошу покорно и вашего содѣйствія, если оно тамъ понадобится. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашъ покорнѣйшій слуга П. Юркевичъ.

1860 г. Іюня 25.
Кіевъ.

Библиотека "Руниверс"

Дѣло о П. И. Богдановичѣ, типографщикѣ и переводчикѣ „Монтюглевой" Исторіи математики. *(Изъ архива Полтавской Полиціи 1793)* [1]) Въ архивѣ полтавской полиціи имѣется дѣло о коллежскомъ ассесорѣ Петрѣ Ивановичѣ Богдановичѣ, предпріимчивомъ литераторѣ и типографщикѣ послѣдней четверти 18 столѣтія, высланномъ изъ Петербурга въ 1793 году за ослушаніе начальству на безвыѣздное жительство въ Полтаву къ отцу его. Дѣло это не лишено интереса по тѣмъ мотивамъ, которые послужили основаніемъ ссылки Богдановича, а также и по его похожденіямъ.

Петръ Ивановичъ Богдановичъ родился въ 1 половинѣ 18 столѣтія въ Полтавѣ. Учился онъ въ Лейпцигскомъ Университетѣ, гдѣ преимущественно занимался математическими науками. Возвратясь изъ заграницы, онъ завелъ въ Петербургѣ собственную типографію, изъ которой вышло много полезныхъ книгъ, какъ имъ самимъ сочиненныхъ, такъ и его переводовъ. Съ 1779 г. по 1781 г. издано имъ 8 частей перевода Монтюглевой Исторіи Математики отъ ея начала до разрушенія Греческой Имперіи. Болѣе о его литературной дѣятельности намъ ничего не извѣстно, какъ равно, когда и гдѣ онъ умеръ. Изъ архивнаго же дѣла мы можемъ извлечь лишь его похожденія съ 1793 по 1800 годъ.

Въ 1793 году генералъ-прокуроръ графъ Александръ Самойловъ сообщилъ екатеринославскому намѣстническому правленію высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе, по коему коллежскій ассесоръ Петръ Богдановичъ за ослушаніе начальству отосланъ со всѣмъ семействомъ и имуществомъ на казенный счетъ въ Полтаву къ отцу его, для жительства безвыѣздно. Отправленный изъ Петер-

---

[1]) Печатаемая нами замѣтка о П. И. Богдановичѣ является тѣмъ болѣе интересной, что она проливаетъ хотя нѣкоторый свѣтъ на то темное дѣло, которое случилось съ нимъ въ Петербургѣ и о которомъ можно прочесть намекъ въ „Энциклопедическомъ словарѣ", подъ редакціей проф. И. Е. Андреевскаго (Т. IV, стр. 159). Считаемъ нелишнимъ, въ видѣ справки, привести нѣсколько данныхъ объ этой личности изъ „Словаря".

„Богдановичъ (Петръ Ѳедоровичъ или Ивановичъ)—писатель и переводчикъ конца прошлаго вѣка, род. въ Полтавѣ; служилъ въ тайной экспедиціи; въ 1796 г. съ нимъ случилось какое-то несчастье, и онъ, „яко безпокойный и упорнаго нрава человѣкъ, не повинующійся власти", былъ высланъ изъ Петербурга въ Полтаву къ отцу. Въ 1801 г. Б. напомнилъ о себѣ прошеніемъ и въ концѣ 1810 г. ему было дозволено выѣзжать изъ Полтавы безъ права въѣзда въ столицу. Въ 1786 г. онъ издавалъ, „Новый Санкпетербургскій Вѣстникъ", изданный потомъ книжкой подъ заглавіемъ „Описаніе землетрясеній въ Калабріи и Сициліи (съ франц., СПБ. 1787);

Библиотека "Руниверс"

бурга съ прапорщикомъ сенатской роты Нелидовымъ, которому приказано не подавать виду, что Богдановичъ препровождается подъ стражею, онъ остался въ Москвѣ, гдѣ, по неимѣнію денегъ къ отправкѣ его, начальствующимъ въ Москвѣ дѣств. тайн. совѣт. Измайловымъ задержанъ 4 мѣсяца и затѣмъ одинъ безъ семейства отправленъ въ Курскъ, гдѣ тоже пробылъ 4 мѣсяца, пока генералъ-прокуроръ князь Куракинъ не доставилъ средствъ къ продолженію пути его, такъ что только 7 марта 1794 г. прибылъ въ Полтаву. Жена же и двое дѣтей остались въ Москвѣ.

Проживая въ Москвѣ съ семействомъ, больною женой и дѣтьми, Богдановичъ, какъ видно, разсчитывая на казенный коштъ, не стѣснился въ расходахъ и задолжалъ разнымъ лицамъ за квартиру, лекарства и съѣстные припасы 457 р. 90 к. Между тѣмъ, денегъ на содержаніе его и семьи и на дальнѣйшій путь не высылалось, и хотя чрезъ 4 мѣсяца и выслана была въ Москву нѣкоторая сумма, но ею только пополнены путевые расходы его и семейства до Москвы и на путь до Курска. Вслѣдствіе болѣзни жена и дѣти оставлены въ Москвѣ, а отправленъ былъ дальше въ Курскъ одинъ Богдановичъ, долги же его въ Москвѣ 457 р. 90 к., не смотря на данное Измайловымъ женѣ его удостовѣреніе въ томъ, что означенные 457 р. 90 к. будутъ уплочены изъ денегъ, которыя будутъ присланы генералъ-прокуроромъ для уплаты всего путеваго кошта, остались не только не уплаченными, но полтавскому городничему отъ малороссійскаго губернатора генералъ-лейтенанта Бердяева предписывалось о взысканіи означенныхъ 457 р. 90 коп. съ Богдановича. Полтавскій городничій князь Шаховской сталъ требовать уплаты этихъ денегъ съ Богдановича, но на требованіе его Богдановичъ отвѣтилъ, что таковыя должны пасть на счетъ казны, такъ какъ по Высочайшему повелѣнію онъ высланъ съ семействомъ и имуществомъ на казенный

ему же принадлежатъ слѣдующіе компиляціи и переводы: „Дикій человѣкъ, смѣющійся учености и нравамъ нынѣшняго свѣта“ (СПБ. 1781—1790); „Новая россійская азбука для дворянскихъ дѣтей“ (СПБ. 1784); „Магометъ съ Алкораномъ“ (СПБ. 1786 г.); „Скрижали нравоученія“ (СПБ. 1784); „Размышленія Додда“ (пер. съ англ. СПБ. 1784); „Новый способъ леченія чесотки, Пещикова“ (съ лат. СПБ. 1786 г.); „Новый полный письмовникъ“ 2 части (СПБ. 1791); „Правила для соблюденія здоровья (СПБ. 1788). У него была собственная типографія въ СПБ.“

Какъ оказывается, среди данныхъ о его переводческой дѣятельности не словомъ не поминается указываемый въ настоящей замѣткѣ переводъ Монтюклевой исторіи математики.—Ред.

Библиотека "Руниверс"

счетъ, и, между прочимъ, объяснилъ, что «невыполненіемъ Высочайшей воли чрезъ 11 мѣсяцевъ относительно перемѣщенія его въ Полтаву съ семействомъ и имуществомъ усугубляется разореніе его не токмо въ разсужденіи его наличности, но вообще всѣхъ частей состоянія, чувствованьемъ правоты его при неизобразимыхъ горестяхъ и страданіяхъ невинно съ цѣлымъ семействомъ, за то, что открылъ секретно у графа Димитрія Зубова лицъ, преступившихъ тяжко Монаршіе законы, въ чемъ и состоитъ все таинство заключенія его въ тайной, откуда изъяла его десница премудрой въ Бозѣ почивающей монархини, предписавшей перемѣщеніе его въ Полтаву для спокойнаго продолженія его трудовъ, за которые Высочайше предназначены и награды». Этотъ только отзывъ Богдановича проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на причины его злополучной высылки изъ Петербурга и помѣщеніе въ тайной канцеляріи, именно—открытіе какихъ то преступныхъ лицъ у всесильнаго графа Димитрія Зубова. Въ чемъ заключалась вина этихъ лицъ, преступившихъ тяжко законы монаршіе, изъ дѣла не видно.

Это объясненіе Богдановича, цѣликомъ представленное городничимъ генералъ-лейтенанту Бердяеву, навлекло на него неудовольствіе послѣдняго, которому впрочемъ не понравилось изложеніе Богдановичемъ обстоятельствъ, послужившихъ къ его высылкѣ, и заставило его дать городничему предостереженіе, чтобы впредь никогда подобныхъ бумагъ не присылалъ и самъ не принималъ, ибо ему велѣно имѣть смотрѣніе за поведеніемъ Богдановича, а не переписываться съ нимъ. Въ теченіе 2-хъ лѣтъ Богдановича не тревожили взысканіемъ съ него денегъ, и только по восшествіи на престолъ императора Павла, князь Куракинъ передалъ Высочайшее повелѣніе малороссійскому губернатору дѣйств. стат. совѣт. Бакуринскому о взысканіи съ Богдановича по Высочайшему повелѣнію, употребленныхъ въ Москвѣ и въ Курскѣ 369 р. 15 к. всего 869 р. 75 к. Бакуринскій 15 мая 1797 г. предписалъ князю Шаховскому взыскать означенныя деньги съ имѣнія и движимости Богдановича. Имѣнія, по донесенію городничаго, у Богдановича на уплату 869 р. никакого не оказалось а движимость состояла изъ 2 станковъ типографскихъ и многихъ буквъ, и, кромѣ нужной одежи, былъ еще оригиналъ Крекшина «Исторіи Императора Петра Великаго» въ 40 томахъ и тысячи на двѣ разныхъ книгъ въ листахъ. Это все имущество Богдановичъ, какъ доноситъ городничій, отдаетъ въ залогъ на полугодичный срокъ, на который проситъ, для внесенія требуемыхъ у него денегъ, отсрочки.

Библиотека "Руниверс"

Но просьба объ отсрочкѣ не была уважена и, вслѣдствіе новаго предписанія произвесть опись и публичную продажу имущества Богдановича, заставило его выслать почтою князю Куракину 400 р., а въ уплатѣ остальныхъ 469 р. 75 к. ему на ½ года разрѣшена отсрочка. Уплочены ли имъ остальныя деньги или нѣтъ, изъ дѣла не видно. Кромѣ взысканія съ него денегъ и описыванія имущества, полиція и въ остальномъ не оставляла въ покоѣ находящагося подъ ея надзоромъ Богдановича. Поступившій на мѣсто князя Шаховскаго полтавскимъ городничимъ Значко-Яворскій усилилъ наблюденіе за поднадзорнымъ Богдановичемъ и донесъ губернатору Миклашевскому, что Богдановичъ выѣзжаетъ изъ города въ окрестныя селенія, что у него въ Полтавѣ живетъ польская шляхтянка Ульяна Палашевичева, вслѣдствіе чего законная жена съ старшею дочерью удалены и живутъ на наемной квартирѣ, что Богдановичъ Палашевичеву не отправляетъ, не смотря на напоминанія его городничаго.

На это донесеніе 17-го мая 1800 года губернаторъ замѣтилъ Яворскому, что хотя предписано городничему наблюдать за поведеніемъ Богдановича, но не въ такихъ случаяхъ, а въ обращеніи его въ обществѣ и «не дѣлаетъ ли чего противнаго закону и порядку»; въ домашнія же его дѣла вмѣшиваться вовсе не слѣдуетъ и ежели жена его обижается, то можетъ сама просить на него.

Въ сентябрѣ 1800 года Яворскій, недовольный полученнымъ отъ губернатора выговоромъ, опять доноситъ ему, что Богдановичъ съ 5 по 7 число отлучался за 40 верстъ отъ города и что онъ поставилъ къ нему караулъ для прекращенія и далѣе могущихъ быть отлучекъ. Такое стѣсненіе Богдановича не понравилось новому губернатору барону Френздорфу, и ордеромъ 19 сентября онъ приказалъ городничему снять караулъ, «яко излишній», а 4 декабря 1800 г. далъ знать ему, что по Высочайшему повелѣнію Богдановичу дана свобода выѣзжать куда пожелаетъ, кромѣ Петербурга.

Такимъ образомъ Богдановичъ въ теченіи 7 лѣтъ, съ своими типографскими станками, исторіей Петра Великаго Крекшина, книгами въ листахъ, пробылъ въ Полтавѣ подъ надзоромъ полиціи «въ безотлучномъ его тамъ пребываніи, для спокойнаго продолженія трудовъ, за кои Высочайше предназначены награды».

Въ чемъ заключались эти труды и продолжались ли они въ Полтавѣ, какое употребленіе сдѣлано имъ изъ типографскихъ станковъ, какія книги въ листахъ имѣлись у Богдановича, осталось неизвѣстнымъ.

Библиотека "Руниверс"

Петръ Ивановичъ Богдановичъ, какъ было сказано родился въ Полтавѣ, но когда именно—свѣдѣній не сохранилось; если же принять во вниманіе, что онъ обучался за границею въ Лейпцигѣ, затѣмъ завелъ типографію въ Петербургѣ и, занявшись переводомъ Монтюгля исторіи математики, издалъ ее въ 1779 году, то до ссылки его въ Полтаву въ 1793 г. ему было, вѣроятно, не менѣе 50 лѣтъ, почему положительно можно полагать, что время рожденія Петра Ивановича Богдановича почти совпадаетъ съ рожденіемъ Ипполита Федоровича Богдановича, знаменитаго автора «Душеньки», причемъ весьма вѣроятно, что они состояли и въ родствѣ другъ съ другомъ; но насколько авторъ «Душеньки» успѣлъ завоевать себѣ литературное имя, настолько переводчикъ Монтюглевой исторіи математики остался почти въ безвѣстности, сохранивъ лишь память о себѣ въ полицейскомъ полтавскомъ архивѣ.

Николай Сторожевскій.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Сборникъ извѣстій, относящихся къ мѣстной антропологіи (Zbiór wiadomości do antropologji krajowej). Изданіе краковской академіи наукъ; том. XIII и XIV. Краковъ 1889—1890.

Антропологическая коммиссія краковской академіи продолжаетъ издавать свои труды, носящіе выписанное выше заглавіе, съ замѣчательною аккуратностью: въ теченіе каждаго года выходитъ одинъ томъ «Сборника», содержащій 3 отдѣла: археологическій, собственно антропологическій и этнографическій. По характеру помѣщаемаго матеріала изданіе это представляетъ для насъ существенный интересъ, такъ какъ большинство помѣщенныхъ статей посвящено изслѣдованію русской территоріи; изъ 24 статей, входящихъ въ составъ двухъ послѣднихъ томовъ, 15 (6 по археологіи, 2 по антропологіи и 7 по этнографіи) относятся къ Южной Руси, 1 къ Бѣлоруссіи, 1 къ Литвѣ и только 7 къ областямъ, заселеннымъ поляками.

Въ отдѣлѣ археологіи помѣщены три статьи извѣстнаго знатока первобытной археологіи г. Готфрида Оссовскаго.

1) *«Матеріалы для палеоэтнологіи украинскихъ кургановъ». (т. XIII).* Г. Оссовскій сообщаетъ здѣсь дневники своихъ раскопокъ, произведенныхъ въ 1888 году въ васильковскомъ уѣздѣ кіевской губерніи (1 курганъ у фермы Станиславки, 2 у села Соколовки и 1 у с. Лосятина) и описываетъ сосуды, извлеченные другими лицами изъ кургановъ у сс. Антоновки и Кирилловки. Раскопки г. Оссовскаго произведены крайне тщательно, и дневники составлены весьма подробно. Въ изслѣдованныхъ имъ курганахъ онъ встрѣтилъ довольно подробно констатированный въ южной Руси похоронный типъ, относящійся къ концу каменнаго вѣка. Типъ этотъ отличается тѣмъ, что кости скелета окрашены слоемъ охры, и при костякахъ встрѣчаются грубаго издѣлія горшки, иногда каменныя орудія и костяныя шила. Черепа

Библиотека "Руниверс"

въ этого рода гробницахъ всегда принадлежатъ къ типу долихоцефалическому, что подтверждается и измѣреніемъ черепа, добытаго г. Оссовскимъ изъ кургана у Станиславки.

2) «*Мастерская бронзовыхъ издѣлій въ Зарѣчіи*» (*т. XIII*). Г Оссовскій открылъ въ окрестности Бѣлой Церкви на урочищѣ «Зарѣчіе», около села Великой Половецкой стоянку, повидимому, каменнаго вѣка; на ней кромѣ кремневыхъ орудій и осколковъ и черешковъ первобытныхъ глиняныхъ издѣлій, онъ нашелъ двѣ каменныя формы для отливки бронзовыхъ орудій: цельта и копья; на основаніи этой находки г. Оссовскій полагаетъ, что въ Зарѣчьи нѣкогда существовала мастерская бронзовыхъ орудій; намъ кажется, что положеніе это не вполнѣ доказано, такъ какъ кромѣ двухъ формъ въ данной мѣстности не найдено было никакихъ другихъ признаковъ мастерской: недодѣланныхъ или испорченныхъ орудій, запасовъ или слитковъ металла, запасовъ проволокъ и т. п. Даже сколько нибудь характерныхъ предметовъ бронзоваго вѣка на стоянкѣ не найдено; единственный предметъ, о которомъ упоминаетъ г. Оссовскій, это, по его собственнымъ словамъ, обломокъ церковнаго колокола, конечно относящійся къ позднѣйшей, исторической эпохѣ. Такимъ образомъ, невольно зарождается предположеніе, что найденныя имъ каменныя формы принадлежатъ къ числу случайно уроненныхъ предметовъ и не могутъ быть сочтены доказательствомъ существованія мастерской на зарѣчской стоянкѣ.

3. «*Отчетъ о палеоэтнологической экскурсіи въ Галиціи въ 1889 году*» (*т. XIV*). Въ обширной статьѣ этой г. Оссовскій предлагаетъ весьма интересные выводы изъ многочисленныхъ наблюденій своихъ относительно характера археологическихъ памятниковъ въ Галиціи; по его мнѣнію, вся страна можетъ быть раздѣлена на три района, представляющіе въ археологическомъ отношеніи рѣзкія отличительныя черты: а) въ западной Галиціи (польской) по рѣку Санъ—вовсе нѣтъ кургановъ, господствуетъ погребальный обрядъ сожженія и гробницы, содержащія сосуды съ прахомъ сожженныхъ, группируются на «погребальныхъ поляхъ»; b) въ восточной Галиціи, отъ Сана до границъ Волыни, находится множество кургановъ, покрывающихъ собою всевозможные похоронные типы отъ каменнаго и до конца первобытнаго желѣзнаго вѣка; с) въ галицкой Подоліи и въ Покутіи курганы встрѣчаются весьма рѣдко, преобладаютъ гробницы, построенныя изъ каменныхъ плитъ или прикрытыя ими, а также особенный видъ похоронныхъ полей, открытый г. Оссовскимъ и названный имъ *кирпич-*

Библиотека "Руниверс"

ными гробницами. Одно такое поле у с. Васильковецъ г. Оссовскій описываетъ подробно: подъ слоемъ чернозема онъ встрѣтилъ на значительномъ пространствѣ толстый сплошной слой, сложенный изъ кирпичей неправильной формы и различной величины; въ нижней части этого слоя помѣщались сосуды, по большей части по два вмѣстѣ, одинъ въ другомъ, а внутри ихъ лежали отдѣльныя человѣческія кости, кремневыя и костяныя орудія.

Затѣмъ г. Оссовскій передаетъ собранныя имъ свѣдѣнія о пещерахъ и стоянкахъ каменнаго вѣка и сообщаетъ дневники раскопокъ кургановъ, произведенныхъ имъ въ восточной Галиціи.

Въ археологическомъ-же отдѣлѣ помѣщены двѣ статьи г. Неймана подъ общимъ заглавіемъ «*Археологическія замѣтки изъ русскаго Подолія*». Первая (т. XIII) содержитъ описаніе валовъ и городища у с. Стрижавки винницкаго уѣзда, а также дневники раскопокъ двухъ кургановъ, произведенныхъ въ той же мѣстности г. Нейманомъ въ 1886 году; въ могилахъ найдены были скелеты и при нихъ бронзовыя украшенія и желѣзное оружіе: копья, ножи, удила. Во второй статьѣ (т. XIV) г. Нейманъ сообщаетъ результаты раскопки четырехъ кургановъ, произведенной имъ въ 1889 году у села Болгана ольгопольскаго уѣзда. Въ курганахъ этихъ скелеты покрыты были корытообразно выдолбленными деревянными колодами, укрѣпленными посредствомъ рядовъ кольевъ; у скелетовъ найдено нѣсколько бронзовыхъ украшеній желѣзныхъ орудій и экземпляръ сургаеае monetae.

Въ томъ же отдѣлѣ (т. XIV) помѣщена статья г. Казиміра Пулавскаго, «*Археологическія изслѣдованія въ русскомъ Подоліи*». Г. Пулавскій пріобрѣлъ уже давно почетную извѣстность своими серьезными и безпристрастными трудами, относящимися къ исторіи и археологіи южной Руси. Въ названной статьѣ онъ сообщаетъ результаты произведенныхъ имъ въ 1888 году раскопокъ у села Заводынцы каменецкаго уѣзда. Онъ вскрылъ здѣсь двѣ гробницы каменнаго вѣка, въ которыхъ лежали длинноголовые скелеты съ мечевидными голенями; при нихъ находились полированныя и отбивныя кремневыя орудія, кремневыя стрѣлки, костяное остріе и два комка красной желѣзистой краски. Мы полагаемъ, что гробницы, вскрытыя г. Пулавскимъ, должны быть отнесены къ числу упомянутыхъ уже гробницъ каменнаго вѣка, отличающихся присутствіемъ красной краски и окраскою ею костей скелетовъ.

Въ собственно антропологическомъ отдѣлѣ «Сборника» помѣщены только двѣ статьи: въ XIII томѣ весьма основательная и точ-

Библиотека "Руниверс"

ная работа покойнаго проф. Коперницкаго подъ заглавіемъ «*Физическая характеристика русскихъ горцевъ*».. Матеріалъ для этой статьи собранъ былъ г. Коперницкимъ на мѣстѣ; съ этою цѣлью онъ предпринялъ въ 1888 году поѣздку въ Карпаты, собралъ точныя помѣрки и наблюденія въ различныхъ мѣстностяхъ (всего изслѣдовано имъ 188 особей) и добытые результаты сличилъ съ антропологическою характеристикою русиновъ, живущихъ въ остальной, не горной Галиціи (эта работа напечатана раньше имъ-же сообща съ проф. Майеромъ) и съ антропологическими данными о населеніи южно-русскаго края, собранными Чубинскимъ (Труды этнографической экспедиціи т. VII), и г. Дибольдомъ (Ein Beitrag zur Anthropologie der Kleinrussen). Въ трудѣ г. Коперницкаго разсмотрѣны подробно: ростъ, отношенія между собою частей тѣла, цвѣтъ кожи, волосъ и глазъ, размѣры черепа и лица. При сличеніи добытыхъ имъ выводовъ онъ приходитъ къ слѣдующему общему результату: «разсматривая физическую характеристику русскихъ горцевъ вообще, я не нашелъ ни одного признака, которымъ бы они рѣзко отличались отъ другихъ русиновъ. Вообще тождественныхъ чертъ гораздо больше, чѣмъ отличій; притомъ тождество наблюдается въ признакахъ основныхъ, менѣе подверженныхъ индивидуальнымъ отклоненіямъ, т. е. въ ростѣ и размѣрахъ черепа, отличія-же замѣчаются въ признакахъ менѣе устойчивыхъ, какъ цвѣтъ волосъ и глазъ и очертанія лица. Впрочемъ, и сами отличія эти состоятъ по большей части лишь въ томъ, что общій этнографическій характеръ выражается у горцевъ и остальныхъ русиновъ въ большей или меньшей степени; мы не можемъ указать ни одной такой черты «которая, будучи присуща всѣмъ русинамъ, отсутствовала-бы у русскихъ горцевъ».—Сличая затѣмъ матеріалы, добытые въ разныхъ мѣстностяхъ Карпатъ, г. Коперницкій раздѣляетъ русскихъ горцевъ на 5 группъ, ясно отличающихся другъ отъ друга оттѣнками антропологическихъ признаковъ. Эти группы расположены по кряжу Карпатъ съ запада на востокъ въ слѣдующемъ порядкѣ: *лемки*, (называемые также снижаками, куртаками или чухонцами), *полонинцы*, *бойки*, *тухольцы и гуцулы*. Не ограничиваясь антропологическими наблюденіями, г. Коперницкій помѣстилъ въ этнографическомъ отдѣлѣ того же тома другую статью, служащую дополненіемъ и продолженіемъ первой — «*этнографическій очеркъ русскихъ горцевъ въ Галиціи*». Здѣсь онъ разсматриваетъ подробно этнографическія черты каждой изъ пяти группъ, установленныхъ имъ путемъ антропологическимъ, причемъ въ каждой группѣ, указавъ географическіе пре-

Библиотека "Руниверс"

дѣлы ея распространенія, онъ разсматриваетъ устройство жилищъ, пищу, одежду и отличительныя черты говора.

Вообще обѣ статьи, взятыя вмѣстѣ, представляютъ весьма точный, полный и, насколько знаемъ, лучшій понынѣ очеркъ этнографіи Карпатъ.

По образцу антропологической работы г. Коперницкаго составленъ другой трудъ, помѣщенный въ XIV томѣ «Сборника»,—это статья д-ра Талько-Гринцевича подъ заглавіемъ *«Физическая характеристика украинскаго населенія»*. Г. Талько-Гринцевичъ собралъ для своего труда довольно значительный матеріалъ: наблюденія надъ 3,266 особями (въ томъ числѣ помѣрки были сдѣланы на 1292 лицахъ). Главнымъ матеріаломъ служило народонаселеніе звенигородскаго уѣзда, гдѣ г. Талько-Гринцевичъ собралъ наблюденія надъ 2782 лицами (85% съ лишнимъ), затѣмъ уже уманскаго (около 6%), таращанскаго (4%) и едва по 3—4 десятка наблюденій приходится на уѣзды черкасскій, чигиринскій и кіевскій. Работа г. Гринцевича произведена весьма тщательно, кажется намъ только, что при группировкѣ цвѣта волосъ и глазъ, почтенный авторъ нѣсколько иначе понималъ оттѣнки относительной темноты и ясности окраски, чѣмъ его предшественники и что вслѣдствіе этого процентъ свѣтлоглазыхъ и свѣтловолосыхъ лицъ, быть можетъ; вышелъ значительно больше вслѣдствіе нѣсколько субъективной группировки этихъ оттѣнковъ.—Во всякомъ случаѣ, отдавая полную справедливость антропологическому труду г. Т.-Гринцевича,—мы полагаемъ, что онъ напрасно присоединилъ къ антропологическимъ выводамъ нѣсколько общихъ историческихъ комментаріевъ и вслѣдствіе этого работѣ точной и объективной придалъ нѣсколько неподобающій оттѣнокъ субъективизма. Правда, такихъ комментаріевъ немного, но такъ-такъ они поставлены какъ результатъ его общихъ выводовъ, то невольно бросаются въ глаза читателю. Такъ, замѣтивъ, что нѣкоторыя антропологическія черты среди собранныхъ имъ наблюденій представляютъ довольно значительныя колебанія, г. Талько-Гринцевичъ объясняетъ это явленіе исторіею колонизаціи края, главнымъ образомъ, истребленіемъ народонаселенія набѣгами Менгли-Гирея и поселеніемъ новыхъ пришельцевъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, причемъ составъ этой колонизаціи онъ изображаетъ слѣдующими общими чертами: «извѣстно, что Русь, обезлюдѣвъ послѣ каждаго катаклизма, сама по себѣ слабо населенная, не могла доставить нужныхъ колонизаціонныхъ силъ и если доставляла пришельцевъ, то они составляли значительное меньшинство,

Библиотека "Руниверс"

большинство-же поселенцевъ приходило преимущественно изъ сосѣднихъ странъ: Литвы и Польши. Безпрестанно приходившіе изъ этихъ странъ выходцы, какъ то доказываютъ историческіе факты и почти живые примѣры (?), смѣшивались съ русскимъ населеніемъ и, можетъ быть, съ остатками татаръ (?), и положили основаніе современнаго намъ типа украинскаго населенія». Очевидно, д-ръ Талько-Гринцевичъ не историкъ и потому, намъ кажется, напрасно дѣлаетъ экскурсы въ историческую область. Сколько общихъ мѣстъ, несообразностей и странностей пришлось ему нагромоздить въ нѣсколькихъ приведенныхъ строчкахъ: Литва (т. е. ковенская и виленская губерніи) и Польша (ближайшая къ Украинѣ польская область—люблинская) являются сторонами, лежащими по сосѣдству съ Украиною; изъ этихъ областей будто, по свидѣтельству исторіи, идутъ безпрестанно выходцы (когда и о какихъ историческихъ фактахъ говорится, неизвѣстно); въ звенигородскомъ уѣздѣ они встрѣчаютъ остатки татаръ, никогда тамъ не жившихъ, и т. д.—Право, было-бы лучше, если-бы г. Талько-Гринцевичъ поудержался отъ историческихъ комментаріевъ и не портилъ ими прекрасной позитивной антропологической работы, сообщая ей какъ будто оттѣнокъ тенденціозности, напоминающій поговорку о ложкѣ дегтю и бочкѣ меду.

Въ третьемъ, этнографическомъ, отдѣлѣ «Сборника», кромѣ указанной выше статьи г. Коперницкаго о русскихъ горцахъ въ Галиціи, помѣщены еще 6 статей (въ XIII томѣ), содержаніе которыхъ относится къ территоріи южной Руси; мы сообщимъ только ихъ заглавія, которыя достаточно точно обозначаютъ содержаніе этихъ этнографическихъ работъ: 1) *Анна Ванке* «Галагивки, игры во время свѣтлаго праздника у русскаго населенія въ селѣ Горчицы, перемышльскаго повѣта». 2) *Маркель Цисекъ*—«этнографическіе матеріалы изъ мѣстечка Жалыни въ перемышльскомъ повѣтѣ"—содержитъ: описаніе «господы», т. е. братства, основаннаго подъ этимъ именемъ подмастерьями сапожниками, «вертепа» и сборникъ повѣрій, пріемовъ вѣдовства, чародѣйства и т. д. 3) *Янъ Колеса*: «Родины, крестины, свадьба и похороны у русиновъ въ селѣ Ходовицахъ, стрыйскаго повѣта». 4) *Софія Рокоссовская*: «Вѣрованія, предразсудки и преданія русскаго населенія Волыни о предметахъ растительнаго царства. Собрано въ с. Юрковщинѣ новгородъ-волынскаго уѣзда» 5) *Оскаръ Кольбергъ*: «Полѣсскія легенды» (собраны въ пинскомъ уѣздѣ). 6) *Оскаръ Кольбергъ*: «Свадебные полѣскіе обычаи и обряды» (изъ той-же мѣстности).

Библиотека "Руниверс"

Изъ этого краткаго перечня содержанія послѣднихъ двухъ томовъ антропологическаго сборника краковской академіи можно оцѣнить количество научнаго матеріала и его разработку, которыя это изданіе привноситъ въ изученіе русской археологіи, антропологіи и этнографіи. Полагаю, что всякій, кто интересуется этими отраслями знанія, съ пользою прочтетъ краковскій сборникъ и съ благодарностью отнесется къ трудамъ ученаго общества, приносящаго несомнѣнно значительную научную пользу разработкою и собраніемъ матеріала въ доступной для него части русской территоріи.

В. А.

Изданія Статистическихъ Комитетовъ Южной Россіи въ 1891 году: кіевскаго, волынскаго, черниговскаго, полтавскаго, воронежскаго, кубанскаго «Кубанскій Сборникъ» и «Календарь черниговской губерніи».

По «Положенію о губернскихъ и областныхъ статистическихъ комитетахъ 26 декабря 1860 года» эти учрежденія обязаны составлять описаніе губерній и областей или отдѣльныхъ частей ихъ въ отношеніи топографическомъ, историческомъ, промышленномъ, торговомъ и т. п., въ видѣ «памятныхъ книжекъ», отдѣльныхъ статей и сочиненій. Такого рода изданія комитетовъ появлялись въ 60-хъ и 70-хъ годахъ подъ именемъ «Записокъ», «Памятныхъ книжекъ», «Трудовъ», и въ нихъ встрѣчались и солидныя работы по мѣстной исторіи, какъ напр. въ «Запискахъ Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета» за 1866—72 годы; но затѣмъ они почему то прекратились. Въ настоящее время «памятныя книжки», издаваемыя комитетами, выходятъ не во всѣхъ губерніяхъ, да и тѣ, какія выходятъ, имѣютъ болѣе характеръ справочныхъ книгъ и календарей, чѣмъ интересныхъ для науки сочиненій. Во всѣхъ поименованныхъ въ заголовкѣ изданіяхъ комитетовъ, состоятъ ли они изъ 3, 4, или 5 отдѣловъ, справочныя и календарныя свѣдѣнія преобладаютъ. Кромѣ этихъ свѣдѣній, вездѣ имѣется еще статистическій отдѣлъ, состоящій изъ таблицъ, изготовляемыхъ для всеподданнѣйшаго отчета губернаторовъ,— о числѣ жителей, приростѣ населенія, урожаяхъ, положеніи скотоводства, промышленности, торговли и т. п. за 1889 годъ; свѣдѣнія о распредѣленіи землевладѣнія въ нѣкоторыхъ книгахъ (напр. Кіевской) показаны также за 1889 годъ, въ другихъ же по большей части по этому предмету приводятся данныя обслѣдованія 1877—81 годовъ; за текущими измѣненіями землевладѣнія комитеты не слѣдятъ. Къ Пол-

Библиотека "Руниверс"

тавской памятной книжкѣ приложены карты всѣхъ уѣздовъ губерніи въ 10-верстномъ масштабѣ, что очень помогаетъ при разнаго рода справкахъ.

Отдѣлъ статистическихъ данныхъ во всѣхъ названныхъ книжкахъ отличается старымъ формализмомъ и аподиктичностью изложенія. Ни при одной таблицѣ нѣтъ указанія источниковъ и способовъ полученія приводимыхъ данныхъ, такъ что при разнаго рода противорѣчіяхъ, встрѣчаемыхъ при сопоставленіи однородныхъ свѣдѣній за два ближайшіе года или же и за одинъ и тотъ же,—имѣющій нужду въ справкѣ не знаетъ, на чемъ болѣе надежно остановиться. Конечно, свѣдѣнія о числѣ учащихся, ходѣ дѣлъ церковно-приходскихъ попечительствъ, разныхъ общественыхъ и кредитныхъ учрежденій имѣютъ общій интересъ, независимо отъ того, какая степень критики приложена была къ опубликованнымъ даннымъ.

Два комитета изъ названныхъ—воронежскій и кубанскій—въ текущемъ году не ограничились изданіемъ статистическихъ и сиравочныхъ свѣдѣній, а по способу Харьковскаго комитета издаютъ отдѣльныя монографіи: Воронежскій комитетъ назвалъ свою памятную книжку—первымъ выпускомъ ея, во второмъ же, котораго мы еще не имѣемъ подъ руками, намѣренъ помѣстить поэму Серебрянскаго, друга и учителя поэта Кольцова, и изслѣдованіе г. Дикарева о воронежскомъ мѣщанскомъ говорѣ съ приложеніемъ собранныхъ имъ поговорокъ и пословицъ; Кубанскій комитетъ, кромѣ объемистой оффиціальной справочной книжки на настоящій годъ, издалъ еще болѣе объемистый отдѣльный томъ разнаго рода монографій подъ заглавіемъ «*Кубанскій сборникъ*».

Это изданіе выдается по своему содержанію и солидности, и о немъ необходимо сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія. Извѣстный знатокъ исторіи Черноморія, почетный членъ комитета *П. П. Короленко* въ статьѣ «Атаманы Черноморскаго войска» изложилъ біографіи всѣхъ восьми атамановъ Черноморскаго войска отъ Бѣлаго, Чепѣги и Головатаго до Безкровнаго и Завадовскаго включительно. Другой почетный членъ этого же комитета, состоящій въ настоящее время земскимъ статистикомъ воронежской губерніи и помощникомъ предсѣдателя воронежскаго статистическаго комитета, *Ф. А. Щербина* помѣстилъ въ «Кубанскомъ сборникѣ» обширное изслѣдованіе о земельной общинѣ Кубанскихъ козаковъ. Данныя для него собраны были авторомъ экспедиціоннымъ путемъ еще въ 1879 и 1880 году и затѣмъ въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ появлялись въ разныхъ пері-

Библиотека "Руниверс"

одическихъ изданіяхъ. Послѣ извѣстнаго сочиненія о Черноморіи И. Д. Попка трудъ г. Щербины является первымъ полнымъ очеркомъ географіи и исторіи внутреннихъ соціальныхъ отношеній въ кубанской области. Исторія колонизаціи ея, со времени разоренія Запорожской Сѣчи на Днѣпрѣ и перевода вѣрныхъ запорожцевъ подъ предводительствомъ атамана Харька Чепѣги на Кубань до самаго послѣдняго времени, разсмотрѣно авторомъ подробно и параллельно съ исторіею образованія формъ землевладѣнія. Процессъ образованія изъ коллективной войсковой земельной собственности частнаго владѣнія офицеровъ, сначала пожизненнаго (по положенію 1842 года), а затѣмъ и потомственнаго (по положенію 1870 г.), разъясненъ авторомъ въ мельчайшихъ подробностяхъ отъ самаго его генезиса при занятіи новыхъ земель. Географическія, сельско-хозяйственныя условія пастушескаго и земледѣльческаго быта, способы разселенія куренями и кошами (которые стали впослѣдствіи станицами и хуторами), наконецъ политическое и соціальное неравенство между старшиною и рядовыми козаками—вотъ причины, которыя дали въ концѣ концовъ въ кубанской области тѣ два класса, какіе знакомы намъ въ другихъ странахъ подъ именемъ аристократовъ, измѣрявшихъ свое достоинство медимнами, и демократовъ, патриціевъ и плебеевъ, старшины и черни, пановъ и мужиковъ, и т. п. Борьба принциповъ коллективной и частной земельной собственности и образованіе сословій привилегированныхъ и простыхъ обывателей,—явленія, маскируемыя при болѣе сложной организаціи общественной жизни разными побочными обстоятельствами,—тѣмъ яснѣе и проще въ исторіи Кубанскаго войска, что все это войско въ началѣ своей жизни отъ генералъ-майора Чепѣги до наименѣе выдающагося «сиромахи» изъ рядовыхъ казаковъ жило въ одинаковыхъ хаткахъ, орало землю одинаковыми плугами и косило сѣно одинаковыми косами. Одинъ и тотъ же пастушескій и земледѣльческій бытъ, существовавшій въ старину, не удержался до сихъ поръ и далъ уже начатки соціальнаго неравенства среди войска, не смотря на то, что оно и до сихъ поръ остается учрежденіемъ военнымъ и гражданскимъ вмѣстѣ, не имѣющимъ внутри себя никакихъ сословій, какія мы привыкли встрѣчать въ «губерніяхъ». Характеристика этого неравенства сдѣлана авторомъ въ каждой отдѣльной главѣ, при разсмотрѣніи формъ эксплуатаціи тѣхъ или другихъ угодій, при разсказѣ о борьбѣ общинъ съ хуторами и т. п.—на основаніи документальныхъ данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ мірскихъ приговоровъ громадъ, и на основаніи личныхъ впечатлѣній. По про-

Библиотека "Руниверс"

чтеніи статьи читатель получаетъ ясное представленіе о томъ положеніи, въ какомъ находится теперь Черноморье, Закубанье и, такъ называемыя, «линіи», соединенныя теперь въ одну «область», а также и о томъ, какъ исторически сложилось такое положеніе. Несмотря на это, авторъ обѣщаетъ въ будущемъ запастись новыми свѣдѣніями, дать очеркъ формъ собственно экономической жизни въ связи ихъ съ формами обычно-правовыми. При томъ мастерствѣ группировки данныхъ, какая отличаетъ настоящее его сочиненіе, можно только пожелать, чтобы ничто не помѣшало выполненію его обѣщанія.

Другія статьи «Кубанскаго Сборника» посвящены исторіи, этнографіи и статистикѣ края. Трудъ *М. О. Поночовнаго* о географіи Босфорскаго царства основанъ главнымъ образомъ на извѣстіяхъ Страбона, смыслъ каждой фразы котораго онъ возстановляетъ, руководясь знаніемъ мѣстной топографіи; опровергая съ картами въ рукахъ предположенія разныхъ ученыхъ о Босфорскомъ царствѣ, авторъ даетъ ключъ къ истинному пониманію разсказовъ Страбона о далекомъ прошломъ Кубанской области.

Этнографическій очеркъ *Кирилова* «Черноморская свадьба», въ которомъ послѣдовательно приведены всѣ пѣсни этого грандіознаго малорусскаго обряда, можетъ служить лучшимъ матеріаломъ для уясненія этническихъ особенностей Черноморцевъ. Обрядовыя пѣсни черноморской свадьбы то совпадаютъ слово въ слово съ черниговскими и полтавскими, или съ херсонскими и харьковскими, то представляютъ разныя варіяціи напечатаннаго уже до сихъ поръ матеріала.

Отдѣльный очеркъ *Щербины* подъ заглавіемъ «Хозяйственно-экономическій бытъ козачьихъ поселеній по бассейнамъ рѣкъ Пшехи, Шпиша и Псекурса» знакомитъ читателя съ новою интересною страною предгорій западнаго Кавказа въ Закубаньи, страною, отъ начала новаго заселенія которой, по вытѣсненіи оттуда черкесскихъ племенъ, еще не исполнилось и 30 лѣтъ. Положеніе лѣсопромышленности, земледѣлія, скотоводства въ этомъ уѣздѣ очерчено съ приведеніемъ статистическихъ цифръ, добыть которыя было очень не легко. Такими же качествами отличается его же «Очеркъ табаководства въ темрюкскомъ и закубанскомъ уѣздахъ кубанской области».

Въ объемистомъ спеціальномъ изслѣдованіи члена комитета *Ланда* о климатѣ г. Темрюка, составленномъ на основаніи многолѣтнихъ метеорологическихъ наблюденій, читатели «Кубанскаго сборника» найдутъ не только научную характеристику предмета, но и разъясненія многихъ положеній метеорологіи и физической географіи. Еще

Библиотека "Руниверс"

болѣе интереса и для мѣстныхъ жителей, и для всѣхъ интересующихся прошлымъ отдѣльныхъ частей обширнаго русскаго государства представляетъ переводъ отрывковъ о западно-кавказскихъ горцахъ изъ сочиненія Пейсмеля, изданнаго въ Парижѣ въ 1787 году подъ заглавіемъ «Traité sur le commerce de la mer Noir». Выборки эти сдѣланы секретаремъ кубанскаго областнаго статистическаго комитета *г. Фелицынымъ*, трудъ котораго объясняетъ положеніе Крымскаго ханства и ордъ, населявшихъ его во второй половинѣ прошлаго столѣтія; къ статьѣ своей онъ приложилъ и факсимиле карты 1775 года, показывающей тогдашнія кочевья ногайскихъ ордъ въ нынѣшней кубанской области.

Чтеніе «Кубанскаго Сборника» доставляетъ истинное наслажденіе: кромѣ того, что читатель пріобрѣтаетъ изъ него массу новыхъ свѣдѣній, которыхъ не встрѣтишь нигдѣ кромѣ этой книги, общій тонъ статей всѣхъ авторовъ проникнутъ дѣйствительною любовью ихъ къ своему родному краю. Если не ошибаемся, то, кажется, всѣ авторы перечисленныхъ статей—козаки Черноморскаго войска по своему происхожденію. Многимъ дѣйствительнымъ членамъ нашихъ статистическихъ комитетовъ не мѣшало бы поучиться у этихъ козаковъ исполнять столь же бодро обязанности, соединенныя съ носимымъ ими званіемъ. Тогда памятныя книжки нашихъ губерній, снабженныя историческими, археологическими и этнографическими статьями, представляли бы болѣе интереса для всей читающей публики и расходились бы въ своихъ губерніяхъ въ большемъ количествѣ экземпляровъ, чѣмъ то къ сожалѣнію замѣчается теперь, несмотря на репрессивныя мѣры, предпринимаемыя иногда для распространенія изданій комитетовъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ историческомъ матеріалѣ, находящемся въ изданномъ *Черниговскимъ* комитетомъ календарѣ на 1891 годъ. Озаглавленъ этотъ матеріалъ такъ: «Описаніе мѣстностей Черниговской губерніи въ предѣлахъ бывшаго Стародубскаго полка. А. И. Ханенка». Къ статьѣ нѣтъ никакого предисловія, и она начинается по алфавиту съ с. Азаровки и кончается пока на буквѣ П.—с. Пятковскимъ. При каждомъ имени селенія приводятся данныя, извлеченныя изъ документовъ XVII и XVIII вѣка о томъ, кому оно принадлежало, какія измѣненія происходили въ землевладѣніи стараго времени и т. п.; иногда приводятся и статистическія свѣдѣнія за старое время. Въ общемъ данныя этого «Описанія» могутъ служить дополненіемъ къ извѣстному изданію г. Лаза-

Библиотека "Руниверс"

ревскаго о Стародубскомъ же полку. Заключается «Описаніе» заявленіемъ редакціи, что оно было составлено еще въ 1860 и 1870 годахъ, что многія «цѣнныя по своему содержанію» примѣчанія, составленныя авторомъ, комитетъ не напечаталъ за недостаткомъ средствъ на то; но если Календарь за настоящій годъ дастъ прибыль, то это описаніе будетъ опять перепечатано и пополнено. Такое заявленіе редакціи является тѣмъ болѣе страннымъ, что въ той же книжкѣ «Календаря» перепечатано 72 страницы, т. е. $4^1/_2$ листа, изъ Описанія Черниговской епархіи, изданнаго въ 1873 году. Намъ кажется, что лучше было бы не пропускать «цѣнныхъ» примѣчаній, чѣмъ перепечатывать одно и тоже по два раза.

Р.

И. А. Шляпкинъ. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.). Спб. 1891 года.

Названное нами сочиненіе И. А. Шляпкина представляетъ очень оригинальное явленіе: при огромномъ и чрезвычайно интересномъ находящемся въ немъ историко-литературномъ матеріалѣ, вполнѣ оправдывающемъ установившуюся за авторомъ репутацію большаго библіографа, и даже во многихъ случаяхъ заимствованномъ изъ рукописныхъ источниковъ и доселѣ неопубликованныхъ, изслѣдованіе И. А. Шляпкина о св. Димитріѣ Ростовскомъ и его времени отличается тѣмъ, что въ немъ нѣтъ изображенія ни св. Димитрія Ростовскаго, ни его времени. Намъ не трудно было бы доказать это, съ виду столь странное, положеніе, если бы оно не было уже доказано во многихъ статьяхъ, посвященныхъ оцѣнкѣ труда И. А. Шляпкина и принадлежащихъ такимъ знатокамъ исторіи русской литературы, какъ профессора Незеленовъ, Соболевскій и др. Достаточно указать, что авторъ почти не останавливается на анализѣ сочиненій св. Димитрія Ростовскаго, что, конечно, было безусловно необходимо для знакомства съ его личностью. Что же касается «времени» св. Димитрія, то едва-ли это не простой придатокъ для украшенія заглавія, такъ какъ время съ 1651 г. по 1709 г. и не можетъ быть предметомъ одного спеціальнаго изслѣдованія, разумѣется — серьезно научнаго, а не публицистическаго.

Впрочемъ, внося въ заглавіе своего сочиненія этотъ придатокъ, авторъ могъ имѣть въ виду, что имъ дѣйствительно затронута одна изъ важнѣйшихъ сторонъ жизни русскаго общества во второй поло-

Библиотека "Руниверс"

ловинѣ XVII в.—усвоеніе имъ началъ западно-европейской культуры чрезъ югозападную Русь; но и этотъ вопросъ, тоже весьма сложный, трактуется авторомъ лишь библіографически. У него нѣтъ ни характеристики, хотя бы самой общей, западно европейской культуры въ XV—XVII в., ни выясненія тѣхъ формъ, которыя приняла она въ Польшѣ и въ югозападной Руси, ни исторіи проникновенія ея въ сѣверовосточную Русь, ни, наконецъ, характеристики ея здѣсь, съ указаніемъ на борьбу направленій въ московскомъ культурномъ классѣ, а затѣмъ и въ народѣ, въ зависимости отъ степени усвоенія ими западноевропейскихъ идей и отношенія къ нимъ московскаго общества и народа. Соглашаемся заранѣе, что изученіе указываемыхъ нами вопросовъ очень трудно, и, главное, знакомство съ жизнью и дѣятельностью св. Димитрія Ростовскаго до извѣстной степени могло бы быть достигнуто и безъ спеціальнаго изученія этихъ основныхъ вопросовъ, такъ какъ общій ходъ умственнаго развитія русскаго народа въ XVII в. (какъ въ югозападной, такъ и въ сѣверовосточной Руси) уже достаточно выясненъ; но разъ И. А. Шляпкинъ въ своемъ изслѣдованіи счелъ необходимымъ разсматривать дѣятельность св. Димитрія Ростовскаго въ связи съ анализомъ дѣйствовавшихъ въ его время направленій въ умственной жизни русскаго общества, онъ долженъ былъ сдѣлать это основательно, а не вскользь, разсыпавъ свои соображенія и замѣчанія, хотя бы и очень интересныя, по разнымъ мѣстамъ книги, внѣ всякой системы. Поэтому то однимъ изъ рецензентовъ, отнесшихся вообще благосклонно къ труду И. А. Шляпкина, и высказано было весьма обидное, по нашему мнѣнію, для автора предположеніе, что трудъ его о св. Димитріѣ Ростовскомъ — въ 35 печатныхъ листовъ — послужитъ лишь важнымъ матеріаломъ для послѣдующаго жизнеописанія этого знаменитаго дѣятеля!

Все сказанное, повторяемъ, легко было бы подтвердить обильными примѣрами и указаніями, еслибы въ томъ предстояла надобность, но такъ какъ этого не требуется, то мы препочитаемъ сдѣлать нѣсколько кажущихся намъ небезполезными замѣчаній.

Первая глава изслѣдованія И. А. Шляпкина посвящена жизни св. Димитрія Ростовскаго до 1688 г., причемъ попутно говорится о состояніи южнорусскаго духовенства въ XVII в.; но приведенные авторомъ факты, хотя и изобильные числомъ, и любопытные, набраны столь отрывочно и несистематично, что въ результатѣ объ этомъ состояніи получается слабое представленіе.

Библиотека "Руниверс"

Вторая глава изслѣдованія посвящена западному вліянію въ югозападной и московской Руси (у автора въ заглавіи: московской и югозападной Руси, что неловко); третья—вопросу о пресуществленіи Св. Даровъ въ Москвѣ на почвѣ литературной, и четвертая—тому же вопросу на почвѣ церковно-исторической и роли малорусскаго духовенства. Въ этихъ именно главахъ и изображено, такъ сказать, «время» св. Димитрія, по поводу чего мы уже говорили. Признаемъ однако, что здѣсь есть и очень цѣнныя мѣста, напр.: тѣ страницы (гл. II, стр. 66—95), гдѣ говорится о знакомствѣ сѣверовосточной Руси съ латинскимъ и польскимъ языками и о распространеніи латинскихъ и польскихъ переводовъ, или тѣ (гл. III, стр. 118—135), которыя посвящены распространенію юго-западно-русскихъ книгъ въ Московской Руси. Авторъ обнаружилъ здѣсь знаніе нашей литературы, можно сказать, выдающееся.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о западно-европейскомъ вліяніи и о западно-европейскихъ книгахъ въ Москвѣ находятся сверхъ того на стр. 229, въ примѣч. 2, гдѣ имъ совсѣмъ не мѣсто; какъ видно, авторъ подобралъ ихъ позднѣе, чѣмъ написалъ (или напечаталъ) соотвѣтствующія мѣста своего изслѣдованія; большинство этихъ свѣдѣній взято изъ Котошихина, Соловьева, и другихъ популярныхъ книгъ и представляетъ факты, въ общемъ довольно извѣстные. Упустивъ случай привести ихъ въ своемъ изслѣдованіи тамъ, гдѣ это было умѣстно, авторъ напечаталъ ихъ уже гдѣ пришлось. Невольно думается, что авторъ слишкомъ торопился съ писаніемъ своего сочиненія.

Не ясно почему, но И. А. Шляпкинъ не окончилъ изложенія вопроса о хлѣбокополонной ереси, не коснувшись даже спора 1705 г. между Дамаскинымъ и Домецкимъ (см. стр. 229), хотя споръ этотъ происходилъ еще при жизни св. Димитрія Ростовскаго.

Можно еще замѣтить, что авторъ видитъ слишкомъ рѣзкую разницу между старомосковскою и юго-западно-русскою партіями въ Москвѣ во второй половинѣ XVII в., тогда какъ въ дѣйствительности между ними было много лицъ переходнаго направленія; но подробное разъясненіе здѣсь этого вопроса завлекло бы насъ слишкомъ далеко.

Въ четвертой главѣ сочиненія неожиданно встрѣчаются свѣдѣнія изъ біографіи св. Димитрія Ростовскаго времени 1688—1689 г., которыя попали въ эту главу на томъ основаніи, что онъ въ 1689 г. случайно и на короткое время побывалъ въ Москвѣ. Нѣкоторыя

Библиотека "Руниверс"

свѣдѣнія находятся даже въ примѣчаніяхъ, гдѣ ихъ и отыскать трудно; напр. на стр. 190 въ примѣч. 3 сообщено вскользь о смерти матери св. Димитрія—фактъ, казалось бы, не маловажный. Свѣдѣнія эти, конечно, потонули въ IV главѣ среди совершенно постороннихъ предметовъ, и ихъ слѣдовало бы перенесть въ слѣдующую главу, имѣющую спеціально біографическій характеръ.

Не поставимъ, впрочемъ, въ большую вину автору, что онъ, какъ въ IV-й, такъ и въ иныхъ главахъ многое, чему мѣсто было бы въ текстѣ, отнесъ въ примѣчанія (см. напр. на стр. 283 примѣч. 4, стр. 297 примѣч. 4, стр. 343 примѣч. 4, стр. 351 примѣч. 1 и др.) и наоборотъ (примѣровъ можно привесть безконечное множество); это ошибка всѣхъ молодыхъ писателей.

Въ пятой главѣ говорится о жизни св. Димитрія съ 1690 по 1700 г. въ санахъ игумена и архимандрита; въ шестой о немъ, какъ о митрополитѣ сибирскомъ; причемъ сообщено немало свѣдѣній о христіанствѣ въ Сибири и сибирскомъ духовенствѣ, хотя и любопытныхъ (статьями пр. Буцинскаго въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» за 1891 г., авторъ, впрочемъ, еще не могъ воспользоваться), но неимѣющихъ къ біографіи св. Димитрія никакого отношенія. Здѣсь же (стр. 284) авторъ пользуется и такимъ пріемомъ для распространенія этой біографіи: въ бытность де св. Димитрія въ Москвѣ произошли многія, очень важныя событія (по выраженію автора, св. Димитрій былъ даже свидѣтелемъ этихъ событій): битва подъ Нарвою, присылка въ Москву сочиненія Корба, пожаръ Кремля и т. д., о которыхъ поэтому авторъ и говоритъ въ біографіи святителя.

Замѣтимъ кстати, что столичному ученому, а тѣмъ болѣе такому библіографу, какъ И. А. Шляпкинъ, не идетъ брать извѣстія Корба у Соловьева, какъ это здѣлано на стр. 270. Прибавимъ заодно, что при цитированіи Исторіи Россіи Соловьева принято обозначать изданіе тома, на который дѣлается ссылка, чего авторъ не исполняетъ.

Седьмая, восьмая и девятая главы посвящены ростовскому періоду жизни Св. Димитрія, причемъ въ первой говорится объ административной дѣятельности его, какъ митрополита ростовскаго и ярославскаго, во второй—о его ростовской школѣ и въ третей—о литературной дѣятельности и частной жизни святителя въ Ростовѣ. Рецензенты справедливо указываютъ, что эти главы самыя лучшія въ изслѣдованіи И. А. Шляпкина; но и то можно отмѣтить, что въ седьмой главѣ авторъ безъ нужды прибѣгаетъ къ излюбленному имъ

Библиотека "Руниверс"

методу введенія въ изслѣдованіе массы матеріала, имѣющаго къ трактуемому сюжету самое отдаленное отношеніе. Напр., положеніе и нравы ростовскаго духовенства въ началѣ XVIII в. онъ изображаетъ такимъ образомъ, что нельзя понять, гдѣ идетъ рѣчь именно о ростовскомъ, и гдѣ вообще о русскомъ духовенствѣ XVII—XVIII в. [1]), а о послѣднемъ вопросѣ можно бы написать десятки книгъ потолще изслѣдованія И. А. Шляпкина. Какое значеніе могутъ имѣть, напримѣръ, для вопроса о положеніи ростовскаго духовенства въ началѣ XVIII в. наставленія о монахахъ, находящіяся въ одномъ изъ Домостроевъ XVII в., переведенномъ, по мнѣнію автора, съ польскаго? Разумѣется никакого; но авторъ нашелъ ихъ въ рукописи и, считая достаточно пикантными, не могъ удержаться, чтобы не привести ихъ, хотя бы и не кстати (стр. 295).

Въ седьмой же главѣ, излагая въ лѣтописномъ порядкѣ законодательство Петра Великаго относительно монастырскихъ имуществъ, которое задѣвало де и ростовскую епархію, авторъ попутно говоритъ о гробовой регаліи (конечно, ростовскихъ духовныхъ лицъ хоронили въ гробахъ), и о сборѣ ямскихъ и полоняночныхъ денегъ, и о бортномъ налогѣ и т. д. и т. д., а затѣмъ и о самоуправствѣ воеводъ, и кстати сообщаетъ (по рукописи) любопытный, хотя и легендарный разсказъ о воеводскомъ самоуправствѣ въ 1594 г. Какое все это имѣетъ отношеніе къ дѣятельности св. Димитрія, авторъ не указываетъ, удовольствовавшись тѣмъ, что съ помощью столь простаго пріема онъ написалъ будто бы о жизни св. Димитрія еще не мало страницъ, которыя, впрочемъ, сами по себѣ безотносительно даже очень интересны. Между тѣмъ въ случаяхъ, гдѣ автору безусловно необходимо было подробнѣе изслѣдовать какой либо важный вопросъ изъ жизни св. Димитрія, онъ отъ этой работы уклоняется. Напр., кто такой было Ѳеологъ, съ которымъ постоянно и интимно переписывался св. Димитрій? Чувствуется, что это псевдонимъ, за которымъ скрывается какое-то крупное духовное лицо, опредѣлить которое мы не въ состояніи; но авторъ даже и не останавливается на этомъ вопросѣ. Написана ли комедія о Рождествѣ Христовѣ св. Димитріемъ или инымъ лицомъ? Это уже вопросъ первостепенной для автора важности; но—рѣшеніе его представляетъ большія труд-

[1]) См. напр. любопытное извѣстіе на стр 297—298 о сраженіяхъ. Гдѣ они происходили? А важное указаніе на попа Оглоблю, спеціально относящееся къ вопросу о правахъ ростовскаго духовенства, попало въ иную главу (стр. 371).

Библиотека "Руниверс"

ности, и авторъ отъ него уклоняется, бросивъ нѣсколько малозначущихъ замѣчаній.

Глава о ростовской школѣ самая стройная во всемъ сочиненіи, но причина, кажется, та, что авторъ обильно воспользоваться трудами ярославскихъ ученыхъ, Ѳ. Я. Никольскаго и Н. Н. Корсунскаго, помѣщенными въ Ярославск. Епархіальн. Вѣдомостяхъ, причемъ авторъ лишь перваго изъ нихъ называетъ почтеннымъ провинціальнымъ дѣятелемъ, умалчивая о второмъ.

Пользуемся случаемъ, чтобы исправить промахъ (конечно, невольный) автора, хотя бы простымъ замѣчаніемъ, что труды Н. Н. Корсунскаго не менѣе почтенны и многочисленны (И. А. Шляпкинъ, какъ это видно изъ его примѣчаній, ими широко воспользовался), несмотря на весьма неблагопріятныя условія, при которыхъ приходится работать скромному автору.

Девятая глава—о литературной дѣятельности и частной жизни св. Димитрія въ ростовскій періодъ тоже написана хорошо, такъ какъ она въ достаточной мѣрѣ знакомитъ читателей съ отрывками изъ сочиненій святителя, особенно изъ его проповѣдей. Можно даже пожалѣть, въ противоположность отзывамъ о прежнихъ главахъ, что девятая недостаточно обширна [1]), такъ какъ авторъ, напримѣръ, совершенно не останавливается на поэтичности изложенія въ житіяхъ, написанныхъ св. Димитріемъ, умышленно уклоняется отъ сравненія составленныхъ имъ Четій-Миней съ другими аналогичными произведеніями, увѣряя, что главная задача его изслѣдованія о св. Димитріи—біографическая. Исходя изъ этого положенія, онъ не дѣлаетъ даже общей характеристики его проповѣдей, хотя и упрекаетъ лицъ, писавшихъ о русскомъ проповѣдничествѣ, въ отсутствіи или недостаточности у нихъ оцѣнки этихъ проповѣдей, отказывается отъ анализа проповѣдническихъ пріемовъ св. Димитрія, рекомендуя желающимъ заняться этимъ вопросомъ знакомство съ описью книгъ Святителя, напечатанною въ приложеніи къ своему изслѣдованію и т. п. Но о томъ, что авторъ слишкомъ мало вниманія оказалъ литературной дѣятельности св. Димитрія, говорено уже было выше.

Наконецъ, десятая и послѣдняя глава—очень краткая (три страницы), представляетъ резюме изслѣдованія.

---

[1]) Напр. на стр. 385 авторъ говоритъ, что поученіе св. Димитрія 26 декабря 1705 г. замѣчательно по своей простотѣ—и не приводитъ изъ него ни одной выдержки.

Библиотека "Руниверс"

Рецензентами обращено было вниманіе и на небрежность изложенія въ изслѣдованіи И. А. Шляпкина [1]), и на сильную шероховатость его слога. Признаемъ эти отзывы правильными, но останавливаться здѣсь не станемъ [2]), чтобы не увеличивать рецензіи, а вмѣсто того укажемъ на неправильное и, можно сказать, крайне неряшливое отношеніе автора къ своимъ цитатамъ. Примѣровъ мы набрали съ сотню, но здѣсь приведемъ лишь нѣсколько, безъ особаго подбора.

На стр. 70 въ текстѣ напечатано: А. Ѳ. Ординъ Нащокинъ (,) желая образовать сына (,) окружилъ (его) плѣнными поляками. Самъ онъ былъ обученъ латыни еще отцомъ своимъ [6]).

Въ примѣчаніи: [6]) Соловьевъ, XI, 93. Послѣдній бѣжалъ въ Польшу въ 1658 г.

Кто бѣжалъ въ Польшу? Не Соловьевъ, конечно; но уже навѣрное отецъ извѣстнаго Ордина-Нащокина? Нѣтъ, сынъ его. Не всякій сообразитъ, что здѣсь простая ошибка; скорѣе можно подумать, что рѣчь идетъ о какомъ либо иномъ, менѣе извѣстномъ, Ординѣ Нащокинѣ, котораго притомъ звали А. Ѳ., тогда какъ знаменитаго дипломата звали Аѳанасіемъ Лаврентьевичемъ.

Другой примѣръ на стр. 231, пр. 4, гдѣ авторъ дѣлаетъ такую ссылку: Странникъ 18 № стр. Очевидно, онъ хотѣлъ сдѣлать справку, да забылъ, а при корректированіи это мѣсто проглядѣлъ. Сравни еще стр. 243 строчку 4: Мазепа универсаломъ отъ 2 февраля 1691 г. далъ Батуринскому монастырю? Конечно, вопросительный знакъ здѣсь обозначаетъ желаніе автора справиться, что именно далъ Мазепа Батуринскому монастырю, и авторъ даже ссылку сдѣлалъ на книгу, въ которой нужно было справиться—и все же таки справки не сдѣлалъ.

На стр. 271 примѣч. 1: Тамъ же л. 480; см. также л. 477 и 481. Обращаемся къ предыдущей цитатѣ—ссылка на XIV т. Соловьева; въ слѣдующей—ссылка на статью Брикнера, и лишь пятая передъ приведенною нами цитата объясняетъ, что рѣчь идетъ объ одной изъ рукописей. И такихъ случаевъ можно привесть сколько

---

[1]) Самъ авторъ, впрочемъ, не прочь упрекнуть въ этомъ другихъ – см. стр. 366 примѣч. I.

[2]) Не можемъ, однако, не обратить вниманія на стр. 371, гдѣ авторъ поставилъ свои замѣчанія въ скобки такимъ образомъ, что ихъ можно приписать св. Димитрію. Также: кѣмъ написано то, что напечатано на стр. 378 примѣч. 1?

Библиотека "Руниверс"

угодно. Кстати сказать, изложена цитата въ пр. 1 къ стр. 271 очень нескладно, тоже и въ пр. 2 на стр. 278, гдѣ нельзя даже понять, въ чемъ дѣло; и такихъ цитатъ можно найти въ изобиліи. Напр. о какомъ письмѣ идетъ рѣчь на стр. 377 пр. 2 и откуда авторъ получилъ о немъ свѣдѣнія? Что за автографъ, на основаніи котораго авторъ дѣлаетъ соображенія на стр. 386 пр. 2 объ авторѣ одного изъ цитируемыхъ имъ сочиненій? Почему любопытно сравнить съ духовною Св. Димитрія сродную (?) грамоту Павла, митроп. сарскаго (стр. 410 пр. 3)? Какія основанія имѣлъ авторъ для высказыванія своего мнѣнія въ пр. 3 къ стр. 437? На стр. 453 пр. 4 авторъ дѣлаетъ ссылку на, повидимому, подложный источникъ; на стр. 298—299, гдѣ идетъ рѣчь о секуляризаціи церковныхъ вотчинъ въ XVIII в., цитируетъ и извѣстное сочиненіе А. С. Павлова, посвященное исторіи этого вопроса въ XVI в. и т. д.

Съ другой стороны авторъ, слишкомъ даже обильно снабдившій свое сочиненіе примѣчаніями, зачастую не дѣлаетъ ихъ именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это было существенно необходимо; напр. примѣч. 1 на стр. 435 слѣдовало бы быть гораздо обстоятельнѣе, тоже и пр. 1 на стр. 440; нуждаются въ примѣчаніяхъ и многія мѣста стр. 443—444, 448 и др.

Отмѣтимъ и часто встрѣчающіяся у автора, хотя и невинныя въ сущности, но необоснованныя предположенія въ такомъ родѣ, что присланное Св. Димитрію изъ Іерусалима полотенце было знакомъ благоволенія отъ патріарха за окончаніе Миней, или что св. Димитрій могъ присутствовать на похоронахъ царевны Маргариты, а царевичъ Алексѣй Петровичъ могъ слушать проповѣдь Св. Димитрія, сказанную въ 1708 г. въ Москвѣ и т. п. Отмѣтимъ и нерѣдкую, къ сожалѣнію, погоню за фразою, въ примѣръ чего укажемъ хотя бы крайне неловкое примѣчаніе 2 на стр. 359. Наконецъ, сдѣлаемъ и нѣсколько маленькихъ поправокъ и дополненій:

На стр. 174—175 упоминается сѣвскій воевода Леонтій Романовичъ; причемъ авторъ оговаривается: кажется Неплюевъ. Навѣрное—Неплюевъ, что общеизвѣстно.

На стр. 182 примѣч. 3 упоминается лѣтописчикъ Аѳанасій. Конечно, это тоже самое лицо, которое упоминается на стр. 202 пр. 3 и 204 въ текстѣ и въ пр. 3, т. е священникъ Аѳанасій Заруцкій нѣжинскій, работавшій по лѣтописямъ. Правда, на стр. 201 пр. 2, говорится объ іеромонахѣ Заруцкомъ, тоже бывшемъ въ 1689 г. въ свитѣ Мазепы въ Москвѣ, но это, видимо, ошибка Костомарова, у ко-

Библиотека "Руниверс"

торого авторъ взялъ извѣстіе. Въ 1688 г. Аѳанасій Заруцкій былъ глуховскимъ учителемъ, что почему то очень удивляетъ автора.

На стр. 204 кн. Алексѣй Вас. Голицынъ ошибочно названъ братомъ кн. Вас. В. Голицына: первый былъ сынъ второго.

Упоминаемый на стр. 431 Гр. И. Племянниковъ не могъ въ 1707 г. быть сенаторомъ, такъ какъ тогда и Сената еще не было.

Закончивъ свое изслѣдованіе, И. А. Шляпкинъ счелъ умѣстнымъ приложить къ нему (стр. 459—460) нѣсколько дополненій и поправокъ; но и это онъ сдѣлалъ очень небрежно. Такъ, на стр. 14 имъ была приведена любопытная псалма, по рукописи Ундальскаго; въ дополненіи на стр. 459 читаемъ, что схожая напечатана въ пѣснях Головацкаго. Но это указаніе въ дополненіяхъ отнесено къ стр. 24. Конечно, здѣсь простая опечатка; нападать на опечатки (хотя бы и не исправленныя на приложенномъ въ концѣ книги листѣ) считаемъ себя не вправѣ; но подобныя опечатки очень досадны, такъ какъ онѣ сбиваютъ читателя. При этомъ къ стр. 24 дѣйствительно есть дополненіе (о пребываніи Св. Димитрія въ Вильнѣ), напечатанное на стр. 460, которое авторъ отнесъ къ стр. 28, и это уже не опечатка, а небрежность.

Что обозначаетъ послѣднее дополненіе, напечатанное на стр. 460, и куда его отнести? неизвѣстно.

Къ изслѣдованію есть и нѣсколько (9) приложеній, довольно интересныхъ, но нѣкоторыя изъ нихъ уже были напечатаны: №№ 2, 4 (частью), 5, 6 и 7, хотя и въ иныхъ спискахъ; напечатаніе № 3, на важности котораго настаиваетъ авторъ, не представляло особаго интереса по причинамъ, указаннымъ на стр. 317 пр. 2, а № 9 никакого отношенія къ Св. Димитрію Ростовскому не имѣетъ и могъ быть напечатанъ въ иномъ мѣстѣ. Затѣмъ мы бы предпочли, чтобы нѣкоторыя изъ проповѣдей, писемъ и грамотъ Св. Димитрія, цѣликомъ внесенныя въ текстъ изслѣдованія (и часто даже взятыя изъ печатныхъ источниковъ), вынесены были въ приложенія [1]), если уже нужно было ихъ печатать, что, впрочемъ, не о всѣхъ сказать можно.

Этимъ и заключимъ нашъ бѣглый обзоръ изслѣдованія И. А. Шляпкина. Сознаемъ, что онъ вышелъ нѣсколько строгимъ, даже

[1]) Имѣемъ въ виду напр. тѣ три акта, которые напечатаны на стр. 320—324, послѣдній изъ нихъ уже былъ напечатанъ раньше, также напечатанный на стр. 328, по поводу котораго И. А. Шляпкинъ заявляетъ, что ему удалось найти въ немъ самое раннее указаніе на ростовскую школу, хотя актъ этотъ былъ напечатанъ уже въ 1859 г. и др.

Библиотека "Руниверс"

придирчивымъ; трудъ И. А. Шляпкина имѣетъ не мало и достоинствъ; но намъ досадно было, что почтенный авторъ сдѣлалъ изъ своей колоссальной начитанности, при большомъ въ то же время и трудолюбіи, далеко не соотвѣтственное употребленіе. Пожелаемъ поэтому, чтобы его иныя изслѣдованія болѣе отвѣчали его ученой репутаціи.

Ал. Маркевичъ.

Городъ Кременчукъ. — Историческій очеркъ Ѳ. Д. Николайчика. Спб. 1891. 217 стр. Цѣна 1 р. 25 коп.

Цѣль автора — написать исторію города Кременчуга; задача, нужно сказать, не очень благодарная. Для болѣе ранняго времени матеріала очень мало, и его приходится собирать по крохамъ. При такихъ условіяхъ, легко потерять историческую перспективу и уйти въ мелочи. Иногда это и случается съ нашимъ авторомъ; но въ общемъ онъ хорошо поставилъ свою тему: у него есть попытка разсмотрѣть исторію Кременчуга въ связи съ исторіей всей Малороссіи (гетманскій періодъ), и не его вина, если, при отсутствіи источниковъ, порой ему приходится говорить намеками, предположеніями. Одинъ только упрекъ позволимъ мы сдѣлать автору въ этомъ отношеніи. Намъ кажется, что, онъ ужъ слишкомъ поскупился на характеристику событій малорусской исторіи. Гетманство Выговскаго, Брюховецкаго, русская политика въ Малороссіи, борьба Дорошенка съ Самойловичемъ изображены слишкомъ ужъ безцвѣтно и обращаются въ простое перечисленіе именъ, между которыми фигурируетъ и имя Кременчуга. Авторъ предполагаетъ, очевидно, всѣ событія, ихъ главный характеръ извѣстными читателю; но, нужно сказать, что и для человѣка, знакомаго съ событіями малорусской исторіи, легко потеряться въ массѣ нагроможденныхъ именъ, не говоря ужъ объ обыкновенномъ читателѣ, который, читая эти страницы труда г. Николайчика, просто умретъ со скуки и вынесетъ мало представленія о ходѣ, причинѣ и слѣдствіяхъ событій, разыгрывавшихся возлѣ Кременчуга; для него будетъ неясна и судьба этого города въ періодъ разныхъ малорусскихъ «шатостей».

Болѣе подробно авторъ останавливается на новѣйшей исторіи Кременчуга, и эта часть, нужно сказать, вышла у него и живѣй, и интереснѣй. Здѣсь авторъ располагалъ гораздо большимъ матеріаломъ, пользовался архивомъ Кременчугской думы, только, къ со-

Библиотека "Руниверс"

жалѣнію, далеко не въ той степени, какъ бы это было желательно: обстоятельства ему помѣшали.

Новѣйшему времени въ книгѣ г. Николайчика, посвящены *пять* послѣднихъ главъ (III — VIII: Новороссійскій періодъ. Посѣщеніе Кременчуга Екатериной II. Посадъ Крюковъ. Внѣшность города. Населеніе. Отрывки изъ внутренней исторіи города). Наибольшій интересъ представляютъ главы: «Населеніе» и «Отрывки изъ внутренней исторіи города»; въ первой авторъ подробно говоритъ, напр., о старообрядцахъ, переходѣ ихъ въ единовѣріе, объ евреяхъ, ихъ самоуправленіи; во второй разсматриваетъ дѣятельность думы и полиціи въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, учебныя заведенія и торговлю.

Въ концѣ книги сдѣланы приложенія, не имѣющія, по нашему мнѣнію, никакого raison d'être; особенно странно видѣть «въ приложеніяхъ» перепечатки изъ разныхъ справочныхъ изданій—для чего онѣ сдѣланы?

Не смотря на нѣкоторые недостатки, краткость и сухость изложенія, книга г. Николайчика, во всякомъ случаѣ, не лишена своего интереса и значенія: это—очень добросовѣстный трудъ, исполненный съ знаніемъ и осторожностью спеціалиста.

Н. В.

Труды четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18-е августа 1877 г. Томъ второй. Казань. 1891 г.

Первый томъ «Трудовъ» IV-го археологическаго съѣзда вышелъ еще въ 1884 г., и лишь теперь, черезъ семь лѣтъ, появляется настоящій, второй. Редакціонный комитетъ объясняетъ такое позднее изданіе его препятствіями, встрѣтившимися при печатаніи; для насъ нѣтъ необходимости разсматривать эти препятствія, и мы обратимъ вниманіе лишь на ту, болѣе интересную, часть редакціоннаго предисловія, въ который сообщается подробный отчетъ по печатанію обоихъ томовъ, съ атласомъ къ 1-му изъ нихъ; изъ этого отчета мы видимъ, что денегъ, оставшихся послѣ съѣзда и предназначенныхъ на изданіе «Трудовъ», было вообще 3936 р. 99 коп.; на всѣ расходы по печатанію обоихъ томовъ съ атласомъ, въ 700 экземплярахъ, издержано 3860 р. 25 коп., т. е. одинъ экземпляръ обошелся около $5^1/_2$ руб., что, при высокихъ достоинствахъ типографскаго матеріала и работы, весьма недорого.

Библиотека "Руниверс"

Настоящій томъ редакція посвящаетъ «незабвенной памяти графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, иниціатора, основателя и перваго организатора русскихъ археологическихъ съѣздовъ.

Во второй томъ «Трудовъ» съѣзда вошли научные матеріалы и изслѣдованія о «бытѣ домашнемъ, общественномъ и религіозномъ (отдѣлы IV-й V-й), о «памятникахъ языка и письма» (отдѣлъ VI-й) и о «восточныхъ древностяхъ» (отдѣлъ VII-й); въ «приложеніи» помѣщены археологическіе и историческіе матеріалы, библіографія и, наконецъ, указатели личныхъ и географическихъ именъ; всѣ статьи и матеріалы въ указанныхъ отдѣлахъ, за весьма немногими исключеніями, имѣютъ предметомъ исторію и этнографію сѣверо-восточной окраины Россіи по преимуществу; къ немногимъ же исключеніямъ мы относимъ рефератъ К. Н. Бестужева-Рюмина, который имѣетъ значеніе для исторіи русскаго государственнаго права вообще и потому одинаково важенъ какъ для сѣвера, такъ и для юга Россіи, и два реферата: И. А. Сребницкаго да А. Я. Гаркави, касающіеся собственно исторіи Южной Россіи; поэтому мы и остановимся на нихъ подробнѣе.

Въ своемъ небольшомъ, но цѣнномъ по содержанію, рефератѣ «*О характерѣ власти варяжскихъ князей*», почтенный историкъ нашъ *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ* еще разъ поднимаетъ старый вопросъ о происхожденіи русскаго государства; указавъ на всѣ пройденные фазисы и испробованные методы въ рѣшеніи этого вопроса, онъ признаетъ необходимость приложенія давшаго уже блистательные результаты историко-сравнительнаго метода изслѣдованія русскихъ государственныхъ учрежденій; съ этой цѣлью въ краткихъ словахъ авторъ описываетъ тотъ путь, который прошли средневѣковыя государства для своего образованія, и находитъ, что этотъ путь былъ таковъ: сначала племена имѣютъ отдѣльныхъ князей; они ведутъ между собой борьбу, пока одинъ изъ нихъ не одерживаетъ верхъ надъ другими и не подчиняетъ своему племени всѣхъ остальныхъ; русскіе славяне также дѣлятся сначала на племена, имѣющія своихъ особыхъ князей, и послѣдніе, постоянно воюя между собой, обнаруживаютъ попытки къ образованію государства путемъ выдѣленія болѣе сильной династіи, подчиняющей себѣ другія племена; съ этого же времени начинается раздача земель въ управленіе, характеръ котораго сходенъ съ таковымъ же у западно-европейскихъ народовъ; онъ обусловливается, по мнѣнію автора, «переходомъ (народа) цѣлою массою изъ племеннаго быта въ государственный, отъ раздѣльности къ еди-

Библиотека "Руниверс"

ненію»; способъ перехода онъ также считаетъ вездѣ одинаковымъ и заключаетъ отсюда, что «нѣтъ нужды признавать въ этой творящей дѣятельности государства какое-нибудь чужое вліяніе, но», прибавляетъ авторъ при этомъ, «едва-ли нужно непремѣнно признаніе туземнаго происхожденія самой династіи». Позволимъ себѣ замѣтить на это, что разъ чужого вліянія на образованіе русскаго государства не было, то признаніе туземнаго происхожденія династіи является естественно болѣе необходимымъ. Во всякомъ случаѣ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, затрогивая этотъ важный историческій вопросъ, оговаривается, что не принимаетъ на себя отвѣтственности за полное рѣшеніе его, а имѣетъ въ виду указать только на возможное рѣшеніе.

Рефератъ *И. А. Сребницкаго*: «*Слѣды церковныхъ братствъ въ восточной Малороссіи*», касается одного изъ важнѣйшихъ явленій въ южно-русской народной жизни. Приступая къ объясненію происхожденія братствъ, авторъ находитъ, что вопросъ этотъ не вполнѣ изслѣдованъ наукой и, не принимая на себя переизслѣдованія его, повторяетъ и старается поддержать старую, не имѣющую за себя прочныхъ данныхъ, теорію о связи братствъ съ цехами; когда же ему приходится обратить вниманіе на братства юго-западной Руси и встрѣтить здѣсь въ числѣ членовъ лицъ всѣхъ сословій, а не исключительно мѣщанскаго, ремесленнаго, то онъ, видимо, недоумѣваетъ, замѣчая: «это обстоятельство можетъ указывать на возможность возникновенія братствъ независимо отъ цеховъ». Такъ писалъ авторъ въ 1877 году и былъ совершенно правъ; но съ тѣхъ поръ и до появленія въ свѣтъ этого реферата, т. е. въ теченіе протекшихъ 14 лѣтъ, появилось не мало новыхъ матеріаловъ для исторіи братствъ и на основаніи ихъ уже создалась новая теорія [1]), по которой церкви и монастыри считаются полной частной собственностію строителей и позднѣйшихъ блюстителей; отсюда является фактъ продажи, залога и завѣщанія частными лицами церквей и монастырей; отсюда же возникаетъ право патронатства, какъ личнаго, такъ и коллективнаго; коллективное патронатство сформировалось въ церковныя братства, которыя съ теченіемъ времени, вызванныя на борьбу за вѣру, должны были расширить программу своей дѣятельности. Эта же теорія даетъ, по нашему мнѣнію, и наилучшее объясненіе появленію и группировкѣ братствъ на лѣвомъ берегу Днѣпра. Авторъ, напр., не находя здѣсь,

[1]) См. изслѣдованіе *С. Т. Голубева*: „*Исторія Кіевской духовной Академіи*“. Кіевъ. 1886 г.

Библиотека "Руниверс"

причинъ для развитія такой дѣятельности братствъ, какую усвоили они на правомъ берегу, думаетъ, что возникновеніе ихъ въ Малороссіи должно быть объяснено подражаніемъ и вліяніемъ Кіева, какъ центра религіозно-умственной жизни; подтвержденіе своей мысли онъ видитъ въ томъ, что слѣды существованія въ дошедшихъ до насъ формахъ братствъ встрѣчаются преимущественно въ приднѣпровскихъ уѣздахъ черниговской и полтавской губерній; намъ же кажется, что это произошло не изъ подражанія, а вслѣдствіе того, именно, что лѣвое приднѣпровье долго находилось во владѣніи польской шляхты, которая, будучи католической, не хотѣла знать о православныхъ храмахъ, составлявшихъ предметъ первой необходимости для ихъ крестьянъ; послѣдніе должны были сами заботиться о сооруженіи и содержаніи своихъ церквей и монастырей; если братства не встрѣчаются далѣе къ востоку, то потому, что эта мѣстность, нѣсколько вѣковъ оставаясь пустынной, заселялась благодаря правительственнымъ мѣрамъ Московскаго государства; оно не только строило укрѣпленія, снабжало ихъ боевыми припасами, назначало гарнизоны, но посылало также для новыхъ поселенцевъ полное церковное строеніе, свящ. утварь, иконы и богослужебныя книги, а равно поповъ, дьяковъ и даже просвирницъ [1]); такимъ образомъ поселенцы совершенно освобождались отъ заботъ о храмѣ и для возникновенія братствъ не было основанія или такой потребности (кромѣ дѣлъ благотворительности), какая существовала на западѣ.

Во второй главѣ своего труда г. Сребницкій разсматриваетъ собственно сельскія братства, наиболѣе по своему строю подходящія къ древнимъ юго-западнымъ, а третью главу посвящаетъ очерку состоянія городскихъ братствъ. Эта часть труда не потеряла значенія и теперь, но воспользоваться ею едва ли кто будетъ въ состояніи, потому что авторъ скрываетъ почему то названія селъ, мѣстечекъ и городовъ, въ которыхъ сохранились братства, и дѣлаетъ невозможнымъ провѣрку или дополненіе своихъ описаній, обстоятельность и точность которыхъ ничѣмъ, такимъ образомъ, не подтверждается. Что касается до связи цеховъ съ братствами, то несомнѣнно, что она существовала, только цехи, какъ болѣе поздняго происхожденія общины въ городахъ, слились съ существовавшими до нихъ

---

[1]) Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта харьковской и отчасти курской и воронежской губ. въ XVI и XVIII ст., собранные Д. И. Багалѣемъ т. 2-й. Харьковъ. 1890 г.

Библиотека "Руниверс"

братскими общинами, а въ городахъ новыхъ происхожденіе тѣхъ и другихъ могло быть и одновременно; сельскія же братства имѣли въ основаніи только патронатство, къ которому нерѣдко принадлежали и помѣщики.

Но само собою разумѣется, что при своевременномъ появленіи статьи г. Сребницкаго въ свѣтъ намъ не пришлось бы указывать на отжившую свое время теорію происхожденія братствъ, потому что авторъ, какъ видимъ мы это изъ его настоящаго труда, старательно знакомится со всею, по возможности, литературою изслѣдуемаго вопроса, и въ 1877 году его трудъ былъ новъ и интересенъ.

Наконецъ *А. Я. Гаркави* въ своемъ рефератѣ: «*Крымскій полуостровъ до монгольскаго нашествія въ арабской литературѣ*», старается пріурочить каждое географическое названіе въ произведеніяхъ арабскихъ писателей Ибнъ-Хордадбе, Ибнъ-Дусте, Массуди, Идриси, Ибнъ-Санда и др. къ той или другой мѣстности, острову, проливу, горѣ и проч., продѣлывая на своемъ объяснительномъ пути большое количество филологическихъ и археологическихъ трудностей. «Если эти данныя», скажемъ мы въ заключеніе словами автора, «вообще бѣдны, а подчасъ темны и сбивчивы, они тѣмъ не менѣе, какъ мнѣ кажется, заслуживаютъ вниманія по отношенію къ древней Руси, ибо они представляютъ намъ въ одно и тоже время и свидѣтельство о значительныхъ сношеніяхъ древнихъ руссовъ съ Востокомъ, и объясненія, какими путями шли эти сношенія, имѣвшія своимъ послѣдствіемъ образованіе черноморской Руси уже при первыхъ шагахъ русскаго народа на поприщѣ всемірной исторіи». Въ этихъ словахъ самого автора, какъ нельзя болѣе, выражается значеніе его изслѣдованія.

И. Каманинъ.

Юридическія воззрѣнія и обычаи крестьянъ сѣверо-западнаго края, преимущественно ковенской губерніи. Составилъ частный повѣренный при ковенскомъ судебно-мировомъ съѣздѣ Б. А. Фридманъ. Вильна 1890 г. XII+99 стр. in 8.

Изученіе народныхъ юридическихъ воззрѣній подвигается у насъ такъ слабо, что всякая вновь выходящая книга по этому вопросу обращаетъ на себя вниманіе изслѣдователей обычнаго права. Многія мѣстности остаются почти нетронутыми въ этомъ отношеніи; та-

Библиотека "Руниверс"

кою мѣстностью былъ и сѣверо-западный край. Поэтому, слабая попытка г. Фридмана заслуживаетъ вниманія.

Въ обширномъ введеніи г. Фридманъ указываетъ самъ на тотъ порядокъ, которому онъ слѣдовалъ: его книжка представляетъ отвѣтъ на программу, изданную г. Матвѣевымъ въ 1878 г. Въ изложеніи своемъ онъ, слѣдуя вопросамъ программы, разсматриваетъ слѣдующія области права: союзъ родовой и семейный (стр. 1—57), опеку и попечительство (стр. 57—60), раздѣлы и наслѣдство (стр. 60—73), вещное право (стр. 73—86), договоры (стр. 86—99). Какъ видно, авторъ захватываетъ въ своей книжкѣ всѣ области гражданскаго права.

Сообщаемыя авторомъ особенности народныхъ воззрѣній имѣютъ значеніе и для занимающихся изученіемъ юго-западнаго края.

Представляя многія сходныя черты съ обычаями крестьянъ этого послѣдняго, правовыя воззрѣнія литовскаго народа могутъ помочь прослѣдить ходъ развитія ихъ въ юго-западномъ краѣ. Укажемъ на нѣкоторыя изъ такихъ особенностей въ области семейнаго права. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обычное право литовцевъ стоитъ на одинаковой степени развитія съ правами крестьянъ юго-западнаго края. Такъ, согласіе родителей на бракъ ихъ дѣтей требуется обычаями обѣихъ мѣстностей (стр. 8, ср. «Труды» Чубинскаго, т. VI, стр. 38); если свадьба послѣ сговора не состоялась, то обиженная сторона требуетъ удовлетворенія у отказавшейся (стр. 15, Чубинскаго, т. VI, стр. 37); женщины имѣютъ свои опредѣленныя работы, помогая лишь мужьямъ въ ихъ мужескихъ (стр. 55, Чуб., 33—39). Въ области имущественныхъ отношеній семьи замѣчаемъ, что обычаи Литвы и юго-западнаго края допускаютъ пріобрѣтеніе имуществъ въ личную собственность членовъ ея, если это не идетъ въ разрѣзъ съ общими интересами (стр. 53, Чуб., 42); женщина не наслѣдуетъ въ недвижимомъ имуществѣ и бываетъ только опекуншей своихъ малолѣтнихъ сыновей (стр. 64, Чуб., 52); приданое же, въ случаѣ смерти бездѣтной жены, возвращается родителямъ ея (стр. 13, Чуб. 54). Но въ тоже время въ крестьянахъ юго-западнаго края сознаніе родственной связи гораздо крѣпче, чѣмъ у литовцевъ, которые признаютъ родство только во второмъ поколѣніи и вовсе не знаютъ свойства (стр. 2); малороссы же хорошо знаютъ родство въ пятой степени и самое разнообразное свойство (Чубинскій, VI, 39, «Степъ», стр. 145). Нельзя не отмѣтить также, что въ литовской свадьбѣ данной мѣстности исчезаютъ важныя черты древняго свадебнаго ритуала: женихъ

Библиотека "Руниверс"

не даетъ даже даровъ родителямъ невѣсты (стр. 18; срв. у Чубинскаго обязательность такихъ подарковъ, «Труды», VI, стр. 37, 38). Что касается до перехода имущества, то въ нераздѣленной семьѣ владѣетъ имъ отецъ (стр. 50), а отъ него переходитъ къ старшему сыну (стр. 51, 67, ср. Чуб. VI, 43). Замѣчательно, что при раздѣлахъ старшему сыну достается большая часть имущества и постройки (стр. 61) и это составляетъ, повидимому, коренное убѣжденіе литовцевъ. (Ср. ст. г. Гуковскаго въ Памятной книжкѣ ковен. губ. на 1891 г., стр. 392). Власть отца вообще сурова и женщина находится въ болѣе подчиненномъ положеніи, чѣмъ у малороссовъ.

Авторъ, очевидно, хорошо знакомъ съ обычаями описываемой имъ мѣстности, но способъ изложенія его намъ кажется не совсѣмъ удачнымъ. Авторъ не вполнѣ отчетливо отдѣляетъ народныя юридическія воззрѣнія отъ существующихъ законоположеній, на многое смотритъ съ точки зрѣнія послѣднихъ; наконецъ, часто переходитъ къ разсужденіямъ чисто публицистическаго характера, вступаетъ въ борьбу съ сельскими «аблакатами» и пр.; затѣмъ, странное дѣленіе крестьянъ «на благоразумныхъ и честныхъ» и наоборотъ (напр. стр. 19 и мн. др.), и разсматриваніе многихъ обычаевъ у тѣхъ и другихъ отдѣльно вводитъ въ недоумѣніе читателя, ищущаго этнографическаго матеріала. Всѣ эти черты въ значительной мѣрѣ умаляютъ достоинство труда мѣстнаго изслѣдователя. Попадаются иногда сбивчивыя выраженія и даже противорѣчія. Напр. на стр. 27. авторъ указываетъ на то, что жена безропотно повинуется мужу, который является неограниченнымъ властелиномъ надъ нею, на стр. 29. говорится, что жена только помощница мужа, на 31-ой, что мужъ и жена съ одинаковымъ правомъ распоряжаются дѣтьми. Ясно, что первое противорѣчитъ послѣднимъ двумъ. Несмотря на эти недостатки, трудъ г. Фридмана, при бѣдности нашей литературы о Литвѣ, представляетъ интересную новинку.

М. Довнаръ-Запольскій.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы—10 Сѣверный Вѣстникъ—10 Наблюдатель—10 Русское Обозрѣніе—10 Русская Мысль—10 Русскій Архивъ 10—Русскій Вѣстникъ 10—Историческій Вѣстникъ—10 Русская Старина—10.

Русская Мысль X. 1891. Вс. Миллера. Экскурсы въ область русскаго эпоса. Продолженіе разбора вліянія иранскихъ эпическихъ сказаній на древне-

Библиотека "Руниверс"

русскія, примѣнительно къ сказкѣ о Ерусланѣ Лазаревичѣ (стран. 1—20).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ краткая рецензія на книгу: «Отчетъ о работахъ, произведенныхъ на опытныхъ поляхъ за 1890 г. А. Зайкевича». Означенныя опытныя поля были въ харьковской губ. (стр. 451).

Русскій Архивъ X. 1891. Записки Ф. Ф. Вигеля. Характеристика извѣстнаго министра народнаго просвѣщенія при Александрѣ I, графа Завадовскаго, котораго авторъ называетъ *умной украинской головой.* (стр. 13).

Русскій Вѣстникъ X. 1891 г. Въ одѣлѣ Новости Литературы: одобрительный отзывъ о книгѣ «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта харьковской и отчасти курской и воронежской губ. въ XVI — XVIII ст., собранные въ разныхъ архивахъ и редактированные *Д. И. Багалѣемъ*» т. 2-й стр. 361—362).

Историческій Вѣстникъ X. 1891 г. Въ отдѣлѣ критики: краткій отзывъ о книгѣ: «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта харьковской и отчасти курской и воронежской губерній въ XVI—XVIII столѣтіяхъ, собранные въ разныхъ архивахъ и редактированные *Д. И. Багалѣемъ* т. II.“ (стр. 259—261).

Тамъ же отзывъ о книгѣ Довнара Запольскаго—„Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII стол.» (стр. 261—262).

Въ отдѣлѣ смѣси: краткій отчетъ о 4 археологическихъ экскурсіяхъ проф. В. Б. Антоновича, предпринятыхъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ различныя мѣста юго-западнаго края. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательна экскурсія въ подольскую губ., гдѣ, въ ушицкомъ уѣздѣ, около с. Бакота, г. Антоновичемъ раскопанъ очень древній монастырь, высѣченный въ скалѣ (стр. 279—280).

Тамъ же подъ заглавіемъ «какъ мы охраняемъ наши древности», дѣлается краткое извлеченіе изъ сообщенія преосвящ. Димитрія—предсѣдателя каменецъ-подольскаго историко-статистическаго комитета о томъ, какъ небрежно относится православное духовенство къ памятникамъ старины, имѣющимся въ приходскихъ церквахъ (стр. 281).

Тамъ же: краткая замѣтка о существующихъ подъ г. Полтавой подземельяхъ, изъ которыхъ одно было изслѣдовано въ настоящемъ году (стр. 281—284).

Тамъ же краткій некрологъ извѣстнаго галицко-русскаго дѣятеля И. Г. Наумовича (стр. 286—287).

Библиотека "Руниверс"

Русская Старина X. 1891 г. «Н. М. Смирновъ и П. Н. Кулишъ». Жизневскаго. Небольшая замѣтка по поводу письма г жи Смирновой (ноябрь 1890 г. въ Русской Старинѣ), въ которой авторъ укоряетъ г-жу Смирнову въ ложныхъ обвиненіяхъ противъ П. Н. Кулиша (стр. 182).

А. Е. Мартыновъ. Переписка Островскаго, Трубина и Щербины съ Ѳедоровымъ. По поводу смерти и погребенія извѣстнаго артиста Мартынова, умершаго 16 авг. 1860 г. въ Харьковѣ по дорогѣ изъ Крыма въ Москву (стр. 183—204).

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1892 ГОДУ

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки 8 р. | съ пересылкой въ другіе города 9 р.
съ доставк. въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 к. | за границей . . . . . 12 р.

отдѣльно книга журнала 2 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, Рѣшенія Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 р. 50 к.

Рѣш. кас. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны сумма. Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ кас. рѣш. 9 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Библиотека "Руниверс"

Подписка принимается: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Анисимова рядомъ съ Публичною Библіотекою, Мартынова, Б. Морская, 30 и Чичинадзе, Невскій, 57; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 1890 и 1891 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою. —3—

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

Газета общественная, политическая и литературная

Выходитъ ежедневно:

Программа газеты: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“. V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“. VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края“. и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. XVIII. Сторонніе сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ, имѣющія отношенія къ текущимъ событіямъ.

Библиотека "Руниверс"

Подписная цѣна:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки.	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногороди.	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.
Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

—3— Редакторъ-Издатель А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.

Въ 1892 году при КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ будутъ издаваться

ПО ПРЕЖДЕУТВЕРЖДЕННОЙ ПРОГРАММѢ:

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“,

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ И ХАРАКТЕРА.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей.

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ: „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“.

Указомъ Св. Синода отъ $^{2}/_{15}$ февраля 1884 г. подписка какъ на журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“, такъ и на „Библіотеку твореній св. отцовъ и учителей ц. западныхъ“ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками *отъ 10 до 12* листовъ.

Цѣна *за годъ* съ пересылкою „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“—7 р.

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ,—Игн. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ. —3—

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

безъ предварительной цензуры

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ".

Основная задача газеты—оставаться вѣрной своему названію, т. е. посвящать свои силы возможно полному изученію нуждъ родной земли.

Подписная цѣна для иногородныхъ съ пересылкой:

на годъ—9 руб., полгода—5 руб., три мѣсяца—3 руб., одинъ мѣсяцъ—1 рубль. Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ, которые внесутъ до ноября мѣсяца полную подписную сумму за годъ, „РУССКАЯ ЖИЗНЬ" за ноябрь и декабрь текущаго года будетъ высылаться БЕЗПЛАТНО. Полугодовымъ подписчикамъ газеты будетъ высылаться безплатно лишь за декабрь мѣсяцъ.

Лицамъ, желающимъ ознакомиться съ „РУССКОЙ ЖИЗНЬЮ", газета высылается въ теченіе мѣсяца за шесть семикопѣечныхъ марокъ.

Требованія на газету адресуются:

Въ С.-Петербургъ, въ контору „Русской Жизни", Невскій пр., д. 65.

— 3 — Редакторъ-Издатель *А. Пороховщиковъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

на еженедѣльный иллюстрированный популярно-научный журналъ для семейнаго чтенія

„ПРИРОДА и ЛЮДИ".

Подписной годъ съ 1 ноября 1891 г. по 1 ноября 1892 г.

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НОМЕРА. Каждый № украшенъ 8—12 рисунками первоклассныхъ иллюстраторовъ и содержитъ въ себѣ 6—8 большихъ статей: популярно-научныхъ очерковъ по всѣмъ отраслямъ естествознанія, разсказовъ изъ путешествій и жизни различныхъ народовъ, живописныхъ очерковъ и картинъ чудесъ природы, біографій ученыхъ, путешественниковъ и изобрѣтателей, романовъ, повѣстей и разсказовъ и т. д., и т. д. Кромѣ того, въ каждомъ № помѣщается масса мелкихъ замѣтокъ о новѣйшихъ путешествіяхъ, изобрѣтеніяхъ, открытіяхъ въ области естественной науки, полезныхъ совѣтовъ и рецептовъ, научныхъ развлеченій и занятій и пр.

Библиотека "Руниверс"

Въ будущемъ году въ журналѣ будутъ помѣщены: „Картины изъ жизни первобытнаго человѣка“—д-ра А. В. Елисѣева, съ ориг. иллюстраціями А. М. Котляревскаго, статьи о свѣтящихся растеніяхъ и животныхъ, о пигмеяхъ, о дикаряхъ-землѣдахъ, о предкахъ нашихъ животныхъ (съ рисунками, изображающими сцены изъ жизни вымершихъ животныхъ), о падающихъ звѣздахъ, о прошедшемъ и будущемъ нашей планеты, о кровавомъ дождѣ, „Въ Новый Свѣтъ“—большой разсказъ В. Ю. Дружинина, иллюстрированный худ. А. А. Наумовымъ, „Японія и японцы“—послѣднее произведеніе † путешественника П. И. Пашино, „Индійскіе кудесники“—разсказъ В. П. Желиховской, „Месть шамана“—разсказъ В. Я. Максимова, „За синюю Русь“—историч. романъ Е. Ѳ. Шрекника и мн. др.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ, которыя составятъ великолѣпный альбомъ подъ общимъ заглавіемъ:

„ПРИРОДА и ЛЮДИ РОССІИ“.

Альбомъ будетъ состоять изъ 48 (по 4 ежемѣсячно) фототипическихъ снимковъ съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ: И. К. Айвазовскаго, проф. А. П. Боголюбова, В. А. Гольпискаго, акад. Ѳ. Ѳ. Горшельта, В. Г. Казанцева, акад А. Д. Кившенко, Г. П. Кондратенко, А. И. Куинджи, проф А. Ф. Лагоріо, проф. А. И. Мещерскаго, акад. И. Е. Рѣпина, Н. А. Сергѣева, † акад. Р. Г. Судковскаго, акад. П. А. Черкасова, акад. И. И. Шишкина и мн. др

Снимки будутъ отпечатаны на слоновой бумагѣ въ форматѣ журнала, выполненіе ихъ поручено фототипу Императорской Академіи Художествъ В. И. Штейну.

Въ качествѣ оригиналовъ редакція получила разрѣшеніе воспользоваться картинами, находящимися во дворцѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, въ Императорскомъ Эрмитажѣ и Картинной Галлереѣ Императорской Академіи Художествъ.

При первомъ выпускѣ альбома (въ ноябрѣ мѣсяцѣ) всѣмъ подписчикамъ будетъ БЕЗПЛАТНО разослана художественно исполненная обложка изъ бристольскаго картона.

Цѣна журнала со всѣми приложеніями, съ пер. и дост., на годъ 5 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1-му апрѣля 2 руб. и къ 1-му іюля—1 рубль.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 47.

Редакторъ *С. Груздевъ*. Издатель *П. Сойкинъ*.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НА 1892 ГОДЪ.

Въ **Ученыхъ Запискахъ** помѣщаются

I. **Въ отдѣлѣ наукъ**: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ команди-

Библиотека "Руниверс"

ровкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ, знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

—2— Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

Дозволено ценз. Кіевъ, 31-го октября 1891 г.

Библиотека "Руниверс"

хиерею, у которого доволно посидѣлемъ, а потомъ отехалемъ. Пасѣчникъ мой приходилъ зъ Плавинища о томъ, что 4 рои Богъ далъ. Генералъ Девейзбахъ писалъ до родителки о возвращеніи забратихъ косъ, будто напрасно, бо, якъ онъ написалъ, андріятовцѣ на своей землѣ косили траву, а не на нашей. Отецъ Фома Збрискій пріехалъ въ Роменъ до архиерея. Зъ Лукомля о коню писано, которого Тишко, сторожъ чорнускій, у Горошка отобралъ. Тишко, сторожъ чорнускій, повернулся зъ сотенъ и привезлъ реестра именіе отъ сотниковъ о козакахъ, пошовшихъ въ походъ.

12. Неделя. Зъ Короваювъ привезено моей вовни бранки 50 рунъ старихъ, а ярачихъ 50, якая вся зложена въ муру. Цыганъ Василенко приходилъ ко мнѣ и кружку срѣбную принеслъ мнѣ. Объ откупѣ атаманства цыганского просилъ. Отецъ ректоръ Волчанскій бувъ у мене и просидѣлъ долго, а взялъ библіотецкую книжку Opera Gregorii Thaumaturgi, а другую позичилъ для прочитання Алькоранъ Русскій . . . . (?). Черезъ козака лукомского писалемъ до Цися о присланню сторожа лохвицкаго, для отсилки оного въ походъ за п. Гамалѣею; 2, до атамана сенецкого, о присланню отвѣту о козакахъ, если всѣ вийшли; до лукомского сотника и Орановского о коню рижомъ. Тишкомъ сторожемъ зъ Горошина припроваженномъ. Роменъ горѣлъ въ ночѣ и два двори згорѣло.

13. Архиерей кіевскій бувъ у Ромнѣ и службу Божую служилъ въ церквѣ Свято-Успенской Богородичиной. По службѣ у насъ обѣдъ кушалъ и до вечора забавился, а познѣй его еще писаръ и архидіяконъ.

14. У архиерея кушалисмо обѣдъ и доволно гуляли. Присланъ черезъ значкового товарища полку чернѣговского указъ зъ інструкцѣею обервалтмейстерскою, и другій указъ о утѣкачахъ, чтобы онихъ висилать за полкомъ, а утѣкачахъ тихъ, якіе отъ коменди Корицкого бѣжали. Писаръ Савѣцкій просилъ прощенія и за нимъ отецъ Глѣнскій, ігуменъ кирилскій, у таборѣ архиерейскомъ.

Библиотека "Руниверс"

15. Олховскій, архіерейскій покоевій ближайшій, обѣдалъ у насъ. Архіерей киевскій отехалъ изъ Ромна въ Гадячъ. Стадо, кобили зъ лошатами п. полковника миргородского, продавано въ Ромнѣ. Получилемъ указовъ два зъ войсковой енер. канцелляріи: 1, о недержаню долгомъ въ вязенню колодниковъ, но рѣшеніе скорое онимъ, именно въ главныхъ винахъ сидячихъ, чинить; 2, о томъ, чтобъ зъ полку лубенского вислать подводъ 165 посполитихъ въ Царицинъ для подіому козаковъ болнихъ, при крѣпости обрѣтающихъся. Отецъ писаръ Ладинскій и архидіяконъ мились въ лазнѣ и вечерали. Котляръ лубенскій явился у насъ, которому карту далемъ до Романа, жеби въ Лубняхъ кухву меду взялъ, по настоящей цѣнѣ, розситити до шинку моего. Сторожъ лохвицкій посланъ въ сотнѣ зъ указомъ о висилцѣ въ походъ утѣкачовъ и зъ другимъ указомъ о береженіи лѣсовъ и зъ інструкцѣею оберъвалтиейстерскою. Остапъ Бондарусь опредѣленъ атаманомъ надъ значковыми роменскими. Карпъ ушолъ. Атаману Гинѣ говорилемъ, чтобъ уговорилъ зробить колѣсъ 60 воловихъ. Старостѣ засулскому, говорилемъ, жеби людямъ продалъ горѣлки моей куховъ 2, якая есть на Засуллю. Пархомъ о двухъ телицяхъ приблудныхъ, у его обрѣтаючихся, говорилъ, что мѣлъ отослать въ Криворудскій мой футоръ. Чабаную телицю приблудную казалемъ атаманови у себе удержати, до указу. Верещацѣ Петру судами ярмарковими казалемъ завѣдовать.

16. Капитанъ кгранадѣрского полку Филозофовъ бувъ у мене. Остапъ Глумъ скаржился на дячиху лубенскую, же межи скиртами его покосила сѣно. Кагве фунтовъ 5 купилемъ собѣ, взявши у Дениса шинкара 9 конъ. Зъ Ромна въ Глуховъ виехалемъ, а на ночъ пріехалемъ за Борзенку. Едучи билемъ въ Плавинищахъ, у своей пасѣцѣ, где улліовъ новихъ роевъ показалось 5, а самихъ роевъ 6.

17. Зъ ночлѣга писаръ Петрановскій отпущенъ въ Роменъ, а черезъ его писалемъ: 1, указъ въ сотнѣ о висилцѣ подводъ въ Царицинъ, именно: зъ ромен. 20, зъ смѣлян. 13, зъ глин. 13, зъ

Библиотека "Руниверс"

лохвиц. 17, зъ сенец. 13, зъ город. 9, зъ чорнус. 11, зъ перат. 18, зъ лубен. 23, зъ луком. 18, зъ чигириндуб. 10, итого 165; 2, указъ о недолгомъ держаніи въ вязенняхъ колодниковъ; 3, до Семена Слюзенка, о висилцѣ козаковъ зъ сотнѣ сенецкой; 4, до Билима и Дяченка, о порученномъ имъ правленіи полковомъ; 5, до Верещаки, о судахъ ярмарковихъ и присутствіи его къ суду полковому; 6, до сотника наказ. пѣратинского, о висилцѣ утѣкачовъ нинѣшнихъ; 7, до родит. и сотника лохвицкого, черезъ сторожа лохвицкого. Лубенскій сторожъ въ Роменъ отправленъ для посилки его зъ указами. Федоръ Чуйкевичъ, едучи въ Роменъ, на ярмарокъ, бувъ у мене. На обѣдъ у Сухого Ромна, за Смѣлимъ, стали. Черезъ сторожа глинского отправилемъ указъ до Громѣки Івана, жебы приставомъ ишолъ при подводахъ въ Царицинъ. О томъ же и до Билима зъ товарищи писалемъ, чтобъ они о семъ опублѣковали въ сотнѣ, особливе писали би о подводахъ до городничого смѣловского. Селецкій зъ указомъ до прапорщика споткался. На ночъ пріехалисмо за Грузкую и стали на шляху, до Бѣлихъ Береговъ лежачомъ. Сотниченко сенецкій вернулъся зъ Глухова и сказалъ, что 20 р. денегъ отдалъ въ коллегію. Пріехалемъ до Грузкой и за Грузкою якъ би у милю ночовалемъ. Черезъ сторожа луком-ского указъ послалемъ о меду продавать оного вѣдерко по 8 зол., буде дорогше неможно продати.

18. Оттуду поехавши къ перевозу Бѣлимъ Берегамъ и переѣхавши у озера, прозиваемого Святого, обѣдалемъ. Зъ обѣда поехавши къ Глухову черезъ Волокитинъ и Уздицю, билемъ въ пасѣцѣ своей, где пчоли роевъ молодихъ показалось 28. Оттуду едучи къ Глухову, стрѣтилемъ Василя и Грицка Перехриста, ехавшихъ въ Баничи, затимъ что тамъ атаманъ тамошній сѣно наше забираетъ, интересуючись до сѣножати. Пріехалемъ на ночъ въ Глуховъ.

19. Неделя. Билемъ въ городѣ рано у дворѣ ясневелможной и не засталемъ самой, а видѣлемся зъ п. Скоропадскимъ. Листъ правителскій, въ Роменъ ко мнѣ посланній, зъ Ромна присланъ ко

Библиотека "Руниверс"

мнѣ, о висилцѣ коммендѣра якого полкового, справного до козаковъ, коммендерованихъ до крѣпости, при которихъ якобы искусного нѣтъ коммендѣра, зъ донесення о томъ п. Милорадовича. Пріехала родителка въ Глуховъ. Былемъ у прокурора и просидѣлемъ. Марса хорта Павелъ п. Скоропадского взялъ, за которимъ и прокуроръ присилалъ.

20. Бувъ я рано у п. Левенца и служби Божой у Михайла ст. слухалемъ. Романъ тулиголовскій, бувши въ Глуховѣ, доноситъ, что горѣлки въ Тулиголовахъ есть 4 кухви и 3 бочки. Отправленъ козакъ сотнѣ роменской въ Роменъ отъ мене, зъ писмами двома, отъ архиерея бѣлогородского и родителки, до ігумена Сумского о вапнѣ, до Билима о выправѣ подводъ въ Царицинъ, до роменской старшини. Писмо до нѣратинской старшини послалемъ черезъ руки п. Яснополского, взглядомъ чинячихся отъ нихъ обидъ поддапимъ ясневелможной. Поехалисмо въ монастиръ Гамалѣевскій зъ родителкою до ясневелможной, и ночовали на половинѣ дороги, за Словутомъ.

21. Пріехалисмо рано въ Гамалѣевку, где Вѣжевскій хлопецъ, за неисправность свою наказанъ зоставши, ушолъ. Указъ зъ Глухова принесенъ у вечеру за подписаніемъ колежскимъ зъ канцелляріи, въ которомъ предложено тое, ежели кто пожелаетъ смалцугъ свой продать, тотъ бы для торгу явился въ комерцъ-колегіи, а смалцугъ билъ бы добрій, крѣпкій, голубий.

22. Салдатъ зъ інструкцѣею пріехалъ, ехать мнѣ въ Глуховъ. Суддя нѣжинскій Лазаревичъ бувъ у ясневел. Гуляли до шуму.

23. Отправленъ салдатъ зъ картою, отъ мене данною ему, въ якой обявилемъ свой пріездъ въ Глуховъ, явленіе себе завтрійшого дня въ коллегіи. Староста лучанскій пріехалъ по указу правителей. Поехалемъ зъ Гамалѣевки и пріехалемъ въ Глуховъ передъ вечоромъ и былемъ у Кошелева.

24. Ездилемъ въ Сварковъ и тамъ ночовалемъ.

25. Поліовали зъ прокуроромъ и Скоропадскимъ; обѣдали въ Сварковѣ. На ночъ пріехалемъ въ Глуховъ, заехавши до Калюж-

Библиотека "Руниверс"

ного футора. Получилемъ зъ Ромна писма: 1, указовъ 3, между которими и соственноручній монаршій о содержаніи овецъ; 2, отъ сотника лохвицкаго, о утекшихъ зъ походу козакахъ; 3, отъ правящихъ Билима и протчихъ, о принесенныхъ тудажъ указахъ и опубликованныхъ ими и о худолѣевскихъ; 4, указъ о послушествѣ духовныхъ суду въ коллегіи; 5, отъ п. суддѣ прилуцкого о отцу Василію сорочинскомъ и о болѣзни его.

26. Неделя. На службу Божую пріехала родителка зъ Гамалѣевки въ Глуховъ. Бувъ я на службѣ въ Михайла, а по службѣ у сотника глуховского.

27. Бувъ въ коллегіи рано. Родителка отехала въ Роменъ. Пріехавши зъ коллегіи, отправилемъ черезъ п. Василя глинского, сотника наказного, указовъ два въ полкъ о присланню вѣденій: у многихъ ли, и именно у кого, обрѣтаются собственніе свои овци, и съ тихъ указовъ единъ Кривокобилскому, а другій Іосифу Василченку въ сотнѣ везти інструкцѣи послалемъ. О семъ всемъ, такъ же о посилцѣ Петра Верещаки въ сенецкую сотню, для злѣценія уряду наказного сотничества Семену Слюзенку и о худолѣевскомъ Гайдученку предерзостнику писалемъ до Билима. Бувъ у Николая злотника и видѣлъ шаблѣ свои, едну готовую, полскую, а другую непозолоченую.

28. П. Андрѣевая, швакгровая, пріехала зъ Сумъ. Зъ Овсѣемъ мѣрочникомъ торгъ учинился за зробленне и зовсѣмъ спораженне млина, на греблѣ Калюжновской: дать ему грошей зол. 50, житной муки полъ 2 четверика, гречаной полчетверика, пшеничной четверть, пшона полчверти, горѣлки носатку, соли и сала по полтора пуда, риби вялой сотня, задатку дали 5 зол. Пива полъвару, тоесть 3 мѣрницѣ, зварили. Тишко сторожъ, посиланній до Овдоколля, повернулся зъ мужиками тамошними, привюзшими сюда гусей, утятъ и курей. Онъ же Тишко отправленъ зъ листами до паней о 100 зол., Зарудному отъ родителя даннихъ, на покупку верблюдовъ и комличатъ. До глинского Василя о присилцѣ меду, до Романа молодика о заплатѣ въ Ромнѣ за медъ, до Мартина о

Библиотека "Руниверс"

пріездѣ его сюда и припроваженню коня сивого старого, до Лезовского о отосланню въ Роменъ каретокъ и посланню реестра объ штукахъ ихъ. Обозній Мартосъ лубенскій оженился на Кичкаровской.

29. Подводи зъ житомъ пошли до Тулиголовъ, на которихъ сюда прислать 2, а въ Камень 3 куховъ горѣлки, писалемъ до старости. П. Скоропадскій у насъ обѣдалъ. У лазнѣ билемъ. Зъ Смѣлого стрелцѣ дичину привезли

30. Получилъ я письмо отъ Артемія Петровича Волинского о присланню бандурки и скотини, коровъ и биковъ. У прокурора кушалъ я и билъ до вечера. Донесено мнѣ отъ войта Плетюнки, же на Калюжновскомъ полѣ нажато жита копъ 294. Допрошувалемъ Леонтія Янковского и писара Василя о допросѣ ихъ, что показали, будто они збирали викладніе денги по указу моему, чему они таятся и себе того не говорившихъ, признаютъ бити.

31. Сторожа бывшого смѣловского отправилемъ въ Роменъ зъ листами до Билима и Дяченка о присланню сюда Котляренка и Якима Кулябки въ комисари полковіе. До ихъ же листъ правителскій о утекшихъ зъ коллекгіи 2 колодникахъ, для опубликованія о томъ послалемъ. Особливо указъ о подрадѣ смалцуги въ камерцъколегію для того жъ послалемъ къ нимъ. Сторожа глинского послалемъ въ Прилуку зъ листомъ до п. суддѣ прилуцкого и зъ лѣкарствами. Алексѣй Макодонскій, пѣвчій княжій, бувъ у мене и игралъ на клавицимъбалѣ. У ключника грошей отобралемъ шинковнихъ рублей 30, 10 себѣ удержалемъ, а 20 Василеви господ. на росходъ всякій далемъ. Тарасъ ездилъ до Уздицѣ, гдѣ видѣлъ роевъ всѣхъ 53, а всей пчоли 211 изъ роями.

1. Августа. Князь Янъ Четвертинскій [1]) бувъ у мене, которому въ позику далемъ жита четверикъ розмѣрного зъ млина родионовского. На горѣ тутъ бувши, самъ смотрѣлемъ воску, кото-

[1]) Братъ Юрія Четвертинскаго, зятя гетмана Самойловича. См. о немъ Историч. Вѣстн. 1880 г., августъ, 720 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

рого показалось грудокъ 26, а една маленкая и въ нихъ ваги фунтовъ 712, опрочъ воску того, которій въ склепу 9 грудокъ.

2. Сторожъ чигириндубровскій отправленъ зъ Глухова, а чрезъ него писалемъ: 1, до Билима и проч., о присланню сюда въ комисари двохъ зъ 5-ти, Котляренка, Якима Кулябку, Громѣку меншого, Черняховского и Христича; 2, до чигиринду. старшины, о меду и лубенской о томъ же; 3, до комиссаровъ пол., о посланной къ нимъ інквизиціи о убійствѣ тамошнего человѣка; 4, до Орановского, о господарскихъ дѣлехъ. Черезъ Тараса молодика до пана Левенца послалемъ доношеніе, въ канцолярію надлежащее, о колодникахъ, въ Ромнѣ держимыхъ. Бувъ я у млинѣ Калюжновскомъ, где розмѣру по малой части було, а въ карбу мѣрочника показалось отъ Дмитровой суботи, когда онъ сталъ у млинѣ, до сего дня 86 четвертей жита.

3. Рано бувъ у коллегіи и получилъ указъ о томъ, чтобъ за тютюнъ и пчолу десатину брати по 20 л., а зо всѣхъ млиновъ противъ великороссійского по четвертой долѣ розмѣру, а владѣлцѣ сами мелници оправлялибъ. Мартинъ молодикъ повернулся зъ Ромна и привезлъ писма: 1, отъ родителки листъ утѣшителный зъ приложенною цедулою, требуемихъ п. суддѣною енер. вещей 41; 2, отъ Петрановского, о его зехапню въ Пѣратинъ; 3, отъ Слюзенка, о поворотѣ Криштопенка и взяткахъ; 4, отъ Гаврила Юска зъ Астраханѣ; и 5, реестръ о повернувшихся возахъ зъ Астраханѣ зъ рибою при Величку, а всей риби на 4 возахъ било: сазани 800 сотце, по полъчварта рубъ. зъ 5 копѣйками, сомовъ сотня 7 р., сули 1000, 6 р. и того на покупку рибъ пойшло грошей 189 зол. и 5 копѣй., а на протчіе розійшлись подорожніе росходи и харчъ, 12 зол. и 6 коп.; всѣхъ 201 зол. и 11 коп. Особливе зъ кримской дороги соли возъ присланъ. Черезъ козака, зъ Мартиномъ пріехавшого, сотнѣ чорнуской, зъ Курѣнки, Ярему пасинка пи . . . . . ного (?) послалемъ въ Роменъ: 1, до Билима, указъ колежскій висшенаписанній, для публѣкаціи; 2, до Петрановского, объ его въ Роменъ поворотѣ; 3, до Билима жъ и роменской стар-

Библиотека "Руниверс"

шини, объ опредѣленіи ему жъ села . . . . . (?); 4, до Семена Слюзенка о виправѣ козаковъ сенецкихъ; 5, къ нему жъ цедулою, о взяткахъ и прѝложенъ указъ до старшини тамошней о битіи его сотникомъ наказнимъ; 6, до Романа, чтобъ рибу и соль сюда припровадилъ. Николай злотникъ принюсь шаблю едну полскую, а на другую далемъ еще червоного.

4. Въ коллегіи бувъ у допроса о виіжджихъ. Джикгилъ, бившій сенецкій сторожъ, пріехалъ отъ слѣпого Криштопенка, зъ листами его однимъ, а другимъ Милорадовича, о его поворотѣ въ домъ. Козакъ роменскій стойчикъ привезлъ письма отъ Савѣцкого писара, інквизицію о проступцахъ чорнускихъ.

5. Черезъ двохъ козаковъ стойчиковъ писалемъ до род. о присланню крѣпостей на Калюжновскій футоръ и о указѣ къ Волжину, посланномъ о слѣдованіи на зборщиковъ поданнихъ чолобитнихъ. До Билима о худобѣ ляха Яна Мутяшевского, о посланню кого въ Сенчу взглядомъ болѣзни Криштопенка, о магазенахъ и о нестроеніи амбаровъ. Джикгилъ посиланъ зъ листами правителскимъ и моимъ до старод. товарищей, объ отпуску двохъ подводъ овдоколскихъ.

6. Преображеніе. Коммунѣковался. Вижевского хлопця сторожъ глинскій зъ Прилуки привезлъ. Другій сторожъ глинскій привезлъ зъ Глинска куфу меду. Джикгилъ повернулся зъ отвѣтомъ, нѣчого нескуравши, поневажъ оніе товарищи не вернули тихъ подводъ овдоколскихъ, но зъ собою въ Царицинъ потягли. Червоного Василеви отдалемъ писару.

7. Ездилемъ въ Калюжновскій футоръ и въ Сварковъ, и тамъ осмотрѣвши, пріехалемъ въ Глуховъ. Вѣжевскій въ Сварковъ отосланъ. Антонъ и Соколничій пріехали зъ Ромна и дрикганта вороностроката привели. Вимѣрали куфу меду и показалось 12 вѣдерокъ ровно глинскихъ, по 8 зол., итого 96 зол.

8. Билъ въ склепу и замѣровалъ вина. Получилъ указъ колежскій о томъ, чтобъ увѣдомить о здѣланномъ магазейну въ Ве-

Библиотека "Руниверс"

ремѣевцѣ. Зъ вой. енер. канцеляріи принесено ко мнѣ доношеніе, отъ чаусовцевъ подданное въ оную на овдоколцовъ, за кгрунта.

9. Джикгилъ, бившій сторожъ сенецкій, отправленъ зъ указомъ и объявленіемъ о екзекуціи, въ С.П.Бурху январ. 24 бывшой, во всѣ сотнѣ. До Билима, о присланню сюда худолѣевскихъ людей, писалемъ черезъ его жъ. Въ Овдоколле глинского сторожа послалемъ. Заплатинъ и проч. обѣдали и подпияхомъ. Тогда жъ къ нему о слабости жени его вѣдомость прійшла.

10. 3 рублѣ Николаю злотнику послалемъ черезъ Клима за шаблѣ, и того далемъ 5 рублей всѣхъ, а еще 5 доводится. Трость купилемъ за 4 зол. Отъ атамана горошинского, пріехавшого въ Глуховъ, увѣдомилемся, что въ Круворудского футора зробили 70 скиртъ сѣна. Василя послалемъ въ Есмань за житомъ, сколко нажато, а Тараса въ Обложки за грошми, въ Туліголовы за горѣлкою и житомъ, сколко нажато жъ, въ Уздицю за грошми, отъ шинкарей доводячимися. Соколничій отправленъ въ Роменъ зъ листомъ до родителки, а Антонъ въ Кролевецъ. Карпъ Огіенко явился у мене. Ездилемъ въ Сварковъ, где Козелъ хлопецъ утекъ.

11. Івану шабелнику далемъ шаблю полскую оправлять и на срѣбро 10 л. Допросъ мой читано въ коллегіи У прокурора бувши, розговорувалемъ о віижджихъ.

12. Зъ рибою Романъ пріехалъ: 4 вози риби, а пятій соли; риби, сомовъ „ ", короповъ 780, сули 9. Тарасъ молодикъ пріехавши сказалъ, что въ Туліголовахъ жита нажали 134 копи; въ Уздицѣ пчоли 219. Романъ сказалъ, что на Кривой Рудѣ накосили сѣна 80, а въ степу сухоносовского—10 скиртъ.

13. У ясневел. обѣдалъ. По обѣдѣ, у склепу бувъ; потомъ у Кошелева, прокурора и князя Четвертинского, зъ прокуроромъ, а оттоль поехавши, до мене на вечеринку заехали и тутъ до полночи просидѣли.

14. Черезъ сторожа смѣловского получилемъ писма отъ родителки, и родителя 6 юня зъ Сулаку и отъ брата Семена, отпра-

Библиотека "Руниверс"

вленіе. Антонъ Маценко бувъ у мене, допрошуючись реестровъ о козакахъ вишедшихъ. Писалемъ до родителки черезъ старосту лучанского, отправившогося; до сотниковъ сенецкого, городиского и лукомлского о присилцѣ сюда именнихъ реестровъ козаковъ, вишедшихъ на низъ, а писалемъ черезъ сторожа лукомлского. Обослалемъ колекгистовъ рибою, сомовъ—, короповъ—, сули—. Шаблю полскую, оправивши, шабелникъ принеслъ. Пшеницѣ нажали въ Калюж. хуторѣ 51 копа, а еще другая нива не зжата.

15. У п. Левенца рано билъ. Обѣдалъ у ясневел., где и прокуроръ, у которого по обѣдѣ сидѣли. Привезли зъ Тулиголовъ кабана оправного.

16. Неделя. Обѣдалъ у себѣ. Бувъ у Хрипунова. Оттоль у ясневелможной и поехалъ зъ попомъ Островскимъ въ футоръ Калюжновскій и тамъ ночовалъ. У футорѣ тогда оказалось овса нажатого 110 копъ, а еще часть недожата.

17. На обѣдъ въ пасѣку до Уздицѣ пріехалемъ, где пчоли 27 убито, а осталось 192.

18. Пріехавши оттуду, приспѣлемъ на обѣдъ у футоръ Калюжновскій, где у млина на обмѣлѣ, противъ скринѣ, докопались ями, куда вода текла. Коня сивого отцу Островскому за позиченное у его жито 4 четверики, далемъ, а онъ мѣетъ додать 2 четверти. Ему зась за брусся рубля. Поехавши оттуду къ Сваркову и тамъ бувши, волѣломъ майстрови свѣтелку дѣлать еще одну и ему жъ, жеби войтъ далъ 6 копъ грошей, казалемъ, а каменщику рубля Пріехалемъ на ночъ въ Глуховъ. Господинъ брегадиръ Велъяминовъ пріехалъ въ Глуховъ и сталъ на Веригинѣ, у которого позно билемъ и просидѣлемъ до полночи и вечералемъ. Взялъ п. Николай злотникъ срѣбра 3 гривни, 13 лот. и 2 злотника. У полской шаблѣ 2 гривни 7 лот. безъ ползлотника. У турецкой шаблѣ, 1 гривня и ползлота.

19. Брегадиръ у ясневелможной билъ и, по двѣ чарки винивши, отехалъ, а ми гуляли. Люде худолѣевскіе въ интересномъ дѣлѣ привезени въ Глуховъ. Полвару пива зварили.

Библиотека "Руниверс"

20. Указъ зъ коллегіи получилемъ о показаніи імбаровъ для зсипки хлѣба надзирателю Нелидову. Моду 3 дѣжки розситили, а било 2 казани броварнихъ, зъ которихъ взяли розваренного меду куфу болшую и 4 бочки, мѣрницъ 4. У брегадира вечералемъ.

21. Въ колегіи бувъ и зятя Плетюнчиного на поруку освобожено. Романа послалемъ въ Роменъ зъ двома скринями запечатанними. До Билима о нескоромъ присланню худолѣевскихъ людей; до сенецкого сотника наказнаго о висилцѣ козаковъ зъ Буйнѣцкимъ и опредѣленіи наказного атаманства Коцубѣю Лукяну; до Глинского о моей горѣлцѣ; до Савѣцкого объ изслѣдованіи въ сотняхъ пѣр., гор., сенец. и лох. колодниковъ и въ онихъ же сотняхъ о продажѣ меду писалемъ. Романови далемъ указъ въ пунктахъ що чинить. Скоропадскій и князь били рано у мене. Овса въ Калюжновскомъ футорѣ нажали копъ 130 и гречки 130.

22. Указъ зъ коллегіи повторній о томъ, чтобъ увѣдомить оную о магазенѣ въ Веремѣевцѣ будучомъ, если въ цѣлости есть и нѣтъ ли течѣ дожчу и починкѣ оного, получилемъ. У прокурора рано былемъ, а зъ нимъ у брегадира. Брегадиръ пріймалъ гостей въ себе, где и я подпялій бувъ. Патрекей, секретаръ бившій колежскій, умеръ. Сенецкій сторожъ пріехалъ зъ писмами отъ сотника сенецкого, въ якомъ его писмѣ виражаетъ прежде посланную ко мнѣ вѣдомость, о взяткахъ сотника наказ. Криштопова; и отъ Орановского, въ якомъ пишетъ, что въ Кривой Рудѣ стало скиртъ сѣна нового 46, а еще 7 велѣлъ уробить, а старого 33; въ Сухоносовцѣ 11 уробили, а старого 6. Шабелнику на шаблю турецкую далемъ грошей 2 гривни; особливо ему жъ въ заплату далемъ зол. 2. Николаю злотнику доводится дать за шаблѣ еще 27 зол. и 5 ш. Ключникъ Климъ далъ грошей должнихъ Пуховичу зол. 30.

23. Неделя. Циганка, мужика сварковского, послалемъ подрадитись на дубину и грошей далемъ ему зол. 4. Василь поехалъ въ Ясманъ зъ людми орать. Столповскій бувъ у мене. П. Миклашевскій пріехалъ въ Глуховъ.

Библиотека "Руниверс"

24. Заливали горло за городомъ двумъ грошоробамъ. Зъ Матвѣемъ, цехмистромъ гончарскимъ веригинскимъ, умовилемся, при отцу Островскомъ печъ въ боковой свѣтелцѣ зробить за 5 копъ. Билемъ у Сварковѣ и казалемъ дать Андрѣеви майстрови 5 рублей Плетюнцѣ. Сторожа сенецкого зъ писмами послалемъ въ Прилуку до п. суддѣ и п. Федора.

25. Рано бувъ у брегадира, оттуду въ дому. У ясневел. гуляли и подпияхомъ. Пуховиченку отдали и решту грошей 4 рублѣ и уже не виновати.

26. Зъ Матвѣемъ, цехмистромъ гончарскимъ, торгъ учинился, зробить ему 3 печи въ Сварковѣ, а ему за то дать 20 зол., а теперь задатку далемъ ему на всѣ печи рублей 2. Ездилемъ до радионовского млина, где розмѣру било близъ четверика. Полвару пива зварили.

27. Отъ Билима писмо о медленномъ присланню худолѣевскихъ людей получилемъ. Отъ родителки писмо жъ объ овцахъ получено жъ. Шинкарѣ тулиголовскій и уздицкій приездили, которимъ зъ денгами пріехать казалемъ.

28. Ясневел. була у брегадира и о нашемъ дѣлѣ говорилось. Билемъ у секретаря, у коллегіи и у ясневел.; тамъ кушалемъ. П. Левенца зъ коллегіи отпущено въ домъ. Романъ тулиголовскій бувъ у Глуховѣ. Въ писмѣ сотника лукомского наказ., август. 10 писанномъ, приложенъ реестръ пригнанныхъ коней моихъ зъ Хорола и статку, именно: шкапа гнѣдая зъ лошамъ, тожъ гнѣдая безъ лошати, чалій конь, гнѣдій, воловъ 6, гнѣдій, два половихъ, рижій, рябій, чорній.

29. Писма послалемъ черезъ козака пѣратинской сотнѣ села Осюковъ, Дмитра Макуху до правителей въ Роменъ о присланню сюда Криштопенка; объ овцахъ, жеби вѣдали силу указу: не овци, але господарей зревѣдовать. До ігумена мгарского о грошахъ 100 рубляхъ, брегадиромъ требуемихъ. До старшини роменской объ овцахъ же, толкуючи имъ указъ. До Билима о его правленіи. Ездилемъ въ Калюжного футоръ, где еще вновъ ужали пшеницѣ копъ 27,

Библиотека "Руниверс"

а всей будетъ 82 копи. Оттоль билемъ въ Сварковѣ, где Циганокъ, вернувшійся отъ послушанія своего, ему о подрадѣ дубини приказанного и, нескуравши нѣчого, гроши вернулъ данніе ему 4 зол., зъ которихъ зъ двѣ гривны садовнику далемъ. Степанъ Новомлинскій дуль полумисокъ принюсъ, у вечеру. Епископъ чернѣговскій Іродіонъ Жураховскій бувъ въ Глуховѣ и отехалъ у монастыръ Гамалѣевскій. Брегадиръ, прокуроръ, Скоропадскій въ Кролевецъ отехали. У Калюжновскомъ футорѣ засѣяли житомъ поле все, а пойшло жита полъ 5 четверика.

30. Неделя. Букъ рано у секретара. Отправивъ Василя, господара, въ Кролевецъ, на ярмарокъ, за воскомъ, которого грудокъ 6 давнихъ, а семая теперъ забитая, въ якой ваги 40 фунт., а всего воску въ семи грудкахъ 6 каменей, да вовни 100 рунъ. Яманскій шинкаръ, пріехавши, взялъ пиво и далъ 6 рублей и 10 алт.

31. Отцу Островскому, едучому до Кролевца, на ярмарокъ, далемъ еще воску 50 фунт. Поехалемъ въ Гамалѣевку, где чернѣговского епископа Жураховскаго засталемъ.

Септевр. 1. Архиерей въ Гамалѣевцѣ молебенъ новому году отправилъ, и подпияхомъ. Сторожъ сенецкій повернулся зъ Прилуки зъ тимъ отъ п. суддѣ и п. Федора писма привезлъ, въ которихъ болѣзнь, пухлятиною усугубившаяся, п. суддѣ означается.

2. Рано епископъ отехалъ. У лазнѣ въ Гамалѣевцѣ билемъ. Потомъ, надъ вечери, виехалемъ оттуду и пріехалемъ позно въ Тулиголови, где брегадира, прокурора и п. Скоропадского Михайла, зъ ярмарку кролевецкого повернувшихся и пріехавшихъ сюдажъ, въ мой дворокъ, засталемъ.

3. Брегадиръ, зъ протчіими поснѣдавши, поехали поліовать, а потомъ брегадирша зъ дочерю Василиссою, поснѣдавши жъ, поехала въ Глуховъ. Въ імбарѣ засталемъ горѣлки куховъ 3 и часть бочки. Моя сожительница на обѣдъ сюда жъ, въ Тулиголови, пріехала. Плетюнчинъ синъ пріехалъ по кухву горѣлки, на вишинкъ. Романъ, дворникъ, повернулся зъ Кролевца и сказалъ, что проданъ воскъ по 27 зол. камень, а всего воску, якоби было 7 камен. безъ 8 фунт.

Библиотека "Руниверс"

Джикгилъ сенецкій повернулся зъ полку лубенского и привезлъ: 1) писмо отъ Билима и Дяченка, отвѣтное на многіе укази, до нихъ засиланіе, и приложеній реестръ писемъ, до нихъ посиланнихъ отъ мене; 2) репорти о полученномъ обявленіи бившой въ С. П. Бурху екзекуціи; 3) тожъ репорти о анбарахъ, жеби онихъ вновъ до указу не строить; 4) о утекшихъ съ походу козакахъ; 5) о подводахъ, виправленнихъ до Царицина; 6) о дачи вѣдомостей, у кого собственніе свои имѣются овци; 7) о подрадѣ смалцуга; 8) о утекшихъ зъ коллегіи колодникахъ; 9) о пчелной и проч. десятинахъ, жеби грошми платить въ казну, а не пчолами; 10) отъ Тонконога писмо о зимнихъ квартирахъ и мисячной платѣ; 11) отъ Занковскаго, о подсусѣдкахъ козацкихъ, въ Веремѣевцѣ будучихъ, якихъ притягаетъ Галаганъ до подданнихъ своихъ; 12) отъ старшины чигиринъ-дубровской, о Никифору, еремѣевскому жителеви, на которого показано во взятіи воровскихъ денегъ розискъ, особно ли онъ отъ матери своей живетъ и добрій ли человѣкъ, о томъ зъ коллегіи розискать велено; 13) отъ родителки писмо, желаючое нашего прибытія; 14) отъ Билима жъ отвѣтъ о слѣпомъ Криштопенку, по которого посланъ значковій, сюда оного припроводить въ Глуховъ, по указу канц. енер.

4. Стрѣлца чорторійского отпустилемъ домой, чтобъ бувъ въ понедѣлокъ взглядомъ шинку. Плетюнцѣ куфу горѣлки видано зъ імбару. Шинкарка тулиголовская принесла за медъ копъ 9, якіе взялъ Мартинъ и вмѣсто ключника Клима, писмомъ оную квѣтовалъ. Роману старостѣ наказъ далемъ о непередержованню великороссійскихъ людей. Ему жъ казалемъ деревъ, хвоини товстой, нарубать 200, якое мѣютъ въ Сварковъ перевезти тамошніе мужики, осипное жито мѣючіе возити. До старости ярославского писалемъ о томъ, чтобъ вернулъ тамошній мужикъ заграбленного коня, чили кобилу, Куриленка Ігната. Василь господаръ, зъ грошей, принятихъ за воскъ, Роману далъ рублей 9. Виехалъ зъ Тулиголовъ, а едучи поузъ шинкъ мой, казалемъ тамъ погребъ сдѣлать. Пріехалемъ въ футоръ Калюжновскій, где противъ скринѣ прокопано, а землею и гноемъ засипали, для того, что вода поузъ тарасованне ишла. У

Библиотека "Руниверс"

футорѣ тютюнникъ сказовалъ, что шнуровъ на 1500 есть тютюну, а еще на 500 и болшъ, якоби мѣтъ бити. Тамъ же дворникъ говорилъ, что ліонъ першій змолотивши, насѣння полубочокъ зобралъ, а теперъ еще молотилъ послѣднего копъ на 5. Просо вязали тамъ же, у футорѣ. У Сварковъ пріехалемъ, где десятника, за невистатченне работниковъ садовнику, наказалемъ боемъ кіевимъ. Оттоль въ Глуховъ одучи, споткалемъ Плетюнку, зъ мѣста ехавшого, зъ побитимъ окомъ и щокою, пяного. Заездилемъ до шинковъ замѣскихъ и пріехалемъ въ домъ. Надзиратель Нелидовъ и зборщики пріехали въ Глуховъ.

5. У брегадира рано бувъ зъ княземъ и, не увидѣвши его за слабость, отехали къ прокурору, а отъ его поехалемъ домой и кушали у насъ князь и Скоропадскій. П. п. сотниковая седневская Войцеховичева и Григоріева Жоравкова пріехали въ Глуховъ, такъ же и отецъ Павелъ Свѣтъ зъ своею сожителницею. Отправилемъ Джикгиля въ Роменъ зъ писмами: 1) до родителки, о небытіи нашемъ въ Андрѣевцѣ на празднику, и о листѣ, Селецкимъ писанномъ до Леонтія, и о присилцѣ сюда овецъ и водки; 2) до правителей полковихъ, о присилцѣ сюда зъ сотенъ, город., луком, и сенец., именнихъ реестровъ козаковъ, въ низовій походъ виправленнихъ; 3) до Орановскаго, о присилцѣ сюда барановъ и овецъ непотребнихъ килка десятъ, о пчолѣ, жеби самую подлую бити, о запасѣ на хмѣль и о протчемъ, и чтобъ озимую пшеницю посѣять на степу сухоносовскомъ, и жита бъ болшъ посѣяно; 4) до Романа, слуги, объ увѣдомленіи мене о полѣценнихъ ему дѣлехъ. Зъ Ромна и съ Каменя пригнано сюда овецъ 20, да кухву горѣлки привезлъ конюшого хлопецъ; горѣлка оковитая пополамъ зъ простою.

6. Неделя. Надзиратель бувъ у мене и говоривъ о імбарахъ и придаванню карауловъ до коморъ, хлѣбомъ насипанних, которому указъ зъ коллегіи ко мнѣ виправити о томъ казалемъ и въ тотъ часъ тое будетъ чинитися по оному. На службѣ Божой билемъ у Михайла ст. и на службѣ у церкви. Докторовичъ, на лѣвомъ крилосѣ стоявшій, ссоръ зъ дяками имѣлъ и зъ крилоса вишхано. Артѣлному барановъ 3, а козловъ 1, и по барилу водки даровалъ.

Библиотека "Руниверс"

Столповскій обѣдалъ у мене и о своей сватби говорилъ. Отецъ Павелъ Свѣтъ отехалъ изъ Глухова. Ямщикъ привезлъ зъ Ромна письма: 1) отъ Івана Славѣнского доношеніе, что онъ овецъ продавать въ Коровинцяхъ не запрещалъ; 2) отъ Петрановского, о его отездѣ въ домъ прошеніе; 3) отъ Билима, о уменшенню компанѣйцевъ у Хмѣловѣ, а притягненню Медвежого къ дачѣ оного, и о глинчанахъ, нехотячихъ за зборщиковъ, зъ Ромна въ сотню ихъ вибраннихъ, дачи давать; 4) отъ Билима же, о присилцѣ сюда въ Глуховъ Івана Криштопенка; 5) отъ правител. пол., о полученнихъ указахъ зъ колегіи объ откупѣ индукти, о суддяхъ родственникахъ, о преступленіяхъ государственнихъ и партикулярнихъ, о переписованіи овецъ въ Коровинцахъ, по доношенію тамошнего старости, о амбарахъ, что оніе въ цѣлости суть; 6) объ овцахъ вѣденія и о полученномъ тамъ моемъ ордерѣ, о продажѣ меду зборного и о трембачахъ; 7) отъ отца ігумена мгарского отвѣтъ о денгахъ, 100 р., за павиліонъ должнихъ; 8) отъ сотника городиского, о пожежѣ двора его и реестру присланномъ козаковъ, въ походъ низовій ординованнихъ, безъ подпису руки его; 9) отъ Шимка, о магазейну, же цѣлъ увесь; 10) отъ чорнуского уряду, о проявившихся ворахъ. Вѣденіе объ овцахъ положено, сколько господарей въ полку лубенскомъ обрѣтается, которіе имѣютъ свои собственіи овци, именно въ сотняхъ лубенской—1976, въ ром.—2420; въ смѣлов.—744; въ глин.—1169; въ лохвицкой—1856; въ сенецкой—904, въ городис.—317; въ чорнуской—1139; въ пѣрат.—2344; въ луком.—1271; въ чигриндубров.—1350 и того всѣхъ господарей 15485.

7. Въ Роменъ послалемъ листи, черезъ почтара ямщика, до правителей—резолюцію о трембачахъ компанѣйцяхъ и въ Чорнухахъ держимихъ ворахъ и чтобъ допросили, зъ якой причини перепѣсь овечая учинилася, и оніе реестра овечіе отослалемъ назадъ. До сотника городиского о пожежѣ двору его учинившойся зъ диссимуляціею и чтобъ на Саганку суда искалъ, и не самъ себѣ управу чинилъ, и реестра, козаковъ внизъ посланнихъ, для подпису руками ихъ, воспятъ послалемъ. До правителей же и инквизиція чорнуская послана. Степану, шевцю сварковскому, [illegible] казалемъ въ

Библиотека "Руниверс"

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій, Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в. Изд. Савицкихъ. Кіевъ. 1890. 8° 223 + XVIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. Кіевъ. 1890. Ц. 25 к.

Я. Шульгинъ. Очеркъ коліивщины. К. 1890. 8° 209 стр. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 кн. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Кн. 5-я Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.

Библиотека "Руниверс"

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „Кіевскую Старину“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Кузнечная № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель К. М. Гамалѣй. За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ. 1-го ноября 1891 г.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXV. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Старинныя воззрѣнія на самоубійство и отголоскъ ихъ въ народныхъ обычаяхъ Южной-Руси. О. Левицкаго. (345—360).

II. Путешествіе Императрицы Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г. Г. В. Есипова. (361—383).

III. Каменный затонъ и Бѣлозерское городище на Днѣпрѣ. Л. Падалки. (384—390 и карта).

IV. Обращеніе русской церкви въ латинскій костелъ. (Эпизодъ изъ исторіи церковно-бытовыхъ отношеній между православіемъ и католичествомъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія). В. Храневича (391—412).

V. Знахарки новаго типа. В. В. Марковича. (413—429).

VI. Записки Михаила Чайковскаго (Садыкъ-паши). XII—XIII. (430—449).

VII. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ. (Некрологъ). В. Науменко (450—461).

VIII. Исидоръ Станиславовичъ Копернициій. (Некрологъ). В. А. (462—465).

IX. Архимандритъ Леонидъ. Н. Сумцова (466—467).

X. Алексѣй Алексѣевичъ Гатцукъ. (Некрологъ). В. Н—ко. (468—469).

XI. Документы, извѣстія и замѣтки. Отзывъ гр. А. К. Разумовскаго по поводу неурожая. Н. Шугурова. Невольная ошибка. Н. Шугурова. Что претерпѣлъ въ Кіевѣ малороссіянинъ за „хожденіе при шпагѣ“. А. А. Вздорожаніе хлѣба въ Кіевѣ въ 1765 г. А. А. Къ объясненію одной колядки. Мирона. Стихи на Рождество Христово. Кіевская поэзія за 50 лѣтъ назадъ. С. П. Два рукописныхъ стихотворенія М. А. Максимовича. В. Науменка. Князь Потемкинъ и малорусскія пѣсни. А. Л. (470—484).

XII. Библіографія. Н. П. Загоскинъ. Наука исторіи русскаго права.—Ея вспомогательныя знанія, источники и литература. W*. Rejestr zloczyńców Grodu Sanockiego 1554—1638. Wydał Oswald Balzer. Н. М. Н. Леопардовъ и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ, вып. III и IV. Н. Б. „Czesky Lid“ 1891 г. А. Степовича. А. Н. Чудиновъ. Русская классная библіотека. В. I и II. А. Степовича. Обозрѣніе журналовъ (485—506).

XIII. Къ рисунку (507—508).

Объявленія (1—14).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Комора въ Потокахъ, рис. Т. Г. Шевченка.
2) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1891.

Библиотека "Руниверс"

Комора въ Пошокахъ.

Библиотека "Руниверс"

СТАРИННЫЯ ВОЗЗРѢНІЯ НА САМОУБІЙСТВО И ОТГОЛОСОКЪ ИХЪ ВЪ НАРОДНЫХЪ ОБЫЧАЯХЪ ЮЖНОЙ-РУСИ.

Самоубійство, какъ сознательно-намѣренное прекращеніе собственной жизни, есть актъ настолько противный законамъ природы, что онъ совсѣмъ неизвѣстенъ въ мірѣ животныхъ и составляетъ печальную привилегію одного человѣка — и то лишь на высшихъ ступеняхъ его умственнаго развитія. Народы первобытные, какъ истинные дѣти природы, не знаютъ, что такое самоубійство. У грековъ въ древнѣйшую эпоху ихъ историческаго существованія самоубійства случались крайне рѣдко; послѣ пелопонезской войны развилась между ними болѣзненная склонность къ самоубійству и затѣмъ достигла наибольшей степени напряженности въ то время, когда Греція подпала подъ власть Рима. У римлянъ во времена республики не замѣчалось склонности къ самоубійству; она появилась только въ эпоху имперіи и, подъ вліяніемъ отчасти стоической философіи, распространилась по всему пространству государства. Можно сказать, что уже въ I в. до Р. Х. и въ I и II вв. по Р. Х. весь древній міръ придерживался пессимистическаго міровоззрѣнія, и потому пресыщеніе жизнью и самоубійство въ это переходное время составляли довольно частыя явленія: въ Греціи и въ Римѣ, въ Египтѣ и на Востокѣ люди были несчастливы, недовольны, утомлены жизнью и часто рѣшались добровольно прекратить свое существованіе.

Съ распространеніемъ христіанства исчезаетъ склонность къ самоубійству, и въ средніе вѣка, по крайней мѣрѣ въ западной Европѣ, это явленіе не вѣдомо. Бывали рѣдкіе, отдѣль-

Библиотека "Руниверс"

ные случаи самоубійства, но ихъ всегда можно было объяснить частными причинами; склонность къ самоубійству не составляла въ то время, какъ теперь, общественнаго бѣдствія.

Начиная съ вѣка Возрожденія и Реформаціи, случаи самоубійства учащаются; въ XVIII в. въ западной Европѣ можно уже подмѣтить болѣзненную склонность къ самоубійству, а въ нашъ вѣкъ эта склонность является повсемѣстною и весьма распространенною. Съ каждымъ годомъ число случаевъ самоубійства увеличивается прогрессивно [1]). Нѣкоторые статистики полагаютъ, что теперь въ цивилизованныхъ государствахъ Европы около 50,000 человѣкъ ежегодно налагаютъ на себя руки. Добровольно лишаютъ себя жизни мужчины и женщины, старые и молодые (а у насъ въ Россіи даже и малолѣтніе), богатые и бѣдные, здоровые и больные.

Это постоянное увеличеніе случаевъ самоубійства во всѣхъ государствахъ Европы, вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа душевныхъ больныхъ, указываетъ на ненормальное положеніе европейскихъ обществъ и составляетъ самый печальный и наиболѣе знаменательный признакъ нашего времени.

Возникаетъ вопросъ: какія же причины обусловливаютъ тотъ фактъ, что въ извѣстныя историческія эпохи весьма многіе не только перестаютъ бояться смерти, какъ это свойственно людямъ, но даже сами охотно и добровольно призываютъ къ себѣ эту страшную гостью?

Точнаго и опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ не дала еще пока наука, да едвали онъ и возможенъ при ны-

---

[1]) Для доказательства этого положенія, заимствуемъ изъ книги вѣнскаго профессора д-ра Мазарыка „Der Selbstmord als sociale Massenerscheinung der modernen Civilisation. Wien, 1881.“, которой мы пользуемся и въ другихъ мѣстахъ настоящаго очерка, слѣдующую статистическую таблицу.

Число случаевъ самоубійства было:

	въ 1866 г.	*въ 1876 г.*		*въ 1866 г.*	*въ 1876 г.*
Во Франціи. . . .	5119	5804.	Въ Даніи	443	506
Въ Цислейтаніи . .	1265	2438.	Въ Швеціи. . . .	309	409
Въ Италіи	588	1024.	Въ Англіи	1329	1770
Въ Саксоніи . . .	704	981.	Въ Ирландіи . . .	67	111
Въ Баваріи	410	522.			

Библиотека "Руниверс"

нѣшнемъ состояніи изученія даннаго явленія. Эпидемія самоубійствъ не составляетъ историческаго явленія, совершившагося лишь въ прошломъ: это—живой, непрерывно совершающійся и съ каждымъ днемъ зловѣще возрастающій фактъ; поэтому одного историческаго метода для его изученія слишкомъ недостаточно. Если судить лишь по историческимъ даннымъ, касающимся чередованія эпидемій самоубійства въ прошлой жизни европейскихъ обществъ, то можно, пожалуй, прійти къ поразительнымъ и крайне неутѣшительнымъ выводамъ. Самоубійство, какъ мы видѣли, составляетъ печальную привилегію лишь культурныхъ народовъ, и степень его распространенности прямо пропорціональна широтѣ и высотѣ ихъ умственнаго развитія: въ исторіи Греціи эпоха самоубійствъ открывается тотчасъ послѣ Перикла и совпадаетъ съ вѣкомъ Сократа, Платота и Аристотеля; въ исторіи Рима она совпадаетъ съ золотымъ вѣкомъ его литературы; въ исторіи западной Европы—съ эпохой Возрожденія, и достигаетъ небывалаго напряженія въ наши дни. Этотъ выводъ какъ-будто находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ фактѣ, отмѣчаемомъ современной статистикой, что тѣ страны, въ коихъ образованіе сдѣлало наибольшіе успѣхи, какъ, напр., Франція, занимаютъ первое мѣсто въ статистическихъ таблицахъ о числѣ случаевъ самоубійствъ, и наоборотъ: тамъ, гдѣ научное образованіе не проникло еще глубоко въ народную массу, какъ наприм. въ Испаніи, Португаліи, тамъ самоубійства случаются рѣже. Еще болѣе поразителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ нашего отечества, гдѣ эпидемія самоубійствъ свирѣпствуетъ съ такою силою исключительно въ интеллигентныхъ общественныхъ кругахъ и почти не извѣстна среди массы простого, особенно сельскаго народа Враги просвѣщенія могутъ, пожалуй, повторить извѣстное восклицаніе Фамусова: „ученье—вотъ чума! ученость—вотъ причина!“ Но можно ли серьезно утверждать, будто распространенность самоубійствъ находится въ прямой зависимости отъ большей или меньшей степени умственнаго развитія извѣстнаго общества? Можно ли думать, что по мѣрѣ того, какъ человѣкъ, съ помощью гуманизирующаго и облагораживающаго вліянія

Библиотека "Руниверс"

науки, пріучается болѣе цѣнить чужую жизнь, онъ менѣе дорожитъ собственною? Конечно, нѣтъ. Наука и просвѣщеніе такъ же мало повинны въ стремленіи людей къ самоуничтоженію, какъ не повинны они, напримѣръ, въ политическихъ революціяхъ, въ чемъ ихъ также иногда обвиняли. А тѣ историческіе факты, которые могутъ быть приведены якобы въ подтвержденіе этихъ обвиненій, находятъ весьма простое объясненіе въ томъ естественномъ явленіи, что умственно развитой человѣкъ несравненно болѣе страдаетъ отъ различнаго рода несовершенствъ окружающей его жизни и потому труднѣе мирится съ ними, нежели человѣкъ неразвитой.

Столь же одностороннимъ представляется намъ и тотъ выводъ, къ какому пришелъ проф. вѣнскаго университета, д-ръ Мазарыкъ, посвятившій вопросу о самоубійствѣ цѣлую книгу. Въ своемъ изслѣдованіи онъ устанавливаетъ прежде всего два факта: во первыхъ, что статистическія данныя не позволяютъ будтобы объяснять теперешней склонности къ самоубійству ни вліяніемъ природы, ни тѣлесной организаціей современныхъ поколѣній, ни условіемъ ихъ общественнаго, политическаго и экономическаго быта; во вторыхъ, что въ теченіе всей европейской исторіи болѣзненная склонность къ самоубійству развивалась именно въ тѣ времена, когда сила народной религіи ослабѣвала и распространялось невѣріе. Исходя изъ этихъ фактовъ, вѣнскій ученый склоненъ объяснять современную эпидемію самоубійства печальнымъ религіознымъ положеніемъ образованныхъ европейскихъ народовъ, все болѣе ухудшающимся, по его мнѣнію, по мѣрѣ распространенія въ массахъ просвѣщенія.

Односторонность этого объясненія слишкомъ очевидна. Ему противорѣчитъ прежде всего тотъ общеизвѣстный фактъ, что между самоубійцами встрѣчаются нерѣдко люди религіозные. Еще болѣе спорнымъ представляется намъ утвержденіе вѣнскаго ученаго, будто степень распространенности самоубійствъ не находится ни въ какой зависимости отъ условій общественной и экономической жизни даннаго народа. Положеніе это можетъ быть правильно лишь въ примѣненіи къ такимъ случаямъ са-

Библиотека "Руниверс"

моубійства, которые вызываются исключительно патологическими причинами: безнадежно-болѣзненнымъ состояніемъ, умопомѣшательствомъ и т. под.; въ остальныхъ же случаяхъ соціально-экономическія причины несомнѣнно играютъ видную роль. По статистическимъ даннымъ, найбольшее число самоубійствъ во Франціи, наприм., падаетъ на долю отставныхъ рабочихъ, которые по старости и слабосилію становятся неспособными къ труду. Точно также сомнительно и другое утвержденіе д-ра Мазарыка, будто нынѣшняя распространенность самоубійствъ не можетъ быть объясняема (хотя отчасти) вліяніемъ тѣлесной организаціи современныхъ поколѣній. Съ этимъ едвали могутъ согласиться врачи, которымъ при судебно-медицинскихъ вскрытіяхъ труповъ самоубійцъ приходится часто наблюдать въ нихъ различнаго рода мозговыя аномаліи, наприм.: сростаніе оболочекъ мозга со сводомъ черепа и другія признаки, свидѣтельствующіе о преждевременной остановкѣ мозгового развитія. Эти аномаліи встрѣчаются у самоубійцъ такъ часто, что едвали можно объяснить ихъ дѣломъ случая; онѣ наводятъ на предположенія о явленіяхъ физическаго вырожденія, совершающагося не безъ вліянія соціально-экономическихъ причинъ. При данныхъ условіяхъ жизни рабочихъ классовъ, благодаря плохому питанію, худосочію родителей, пьянству, сырымъ и дурно вентилируемымъ помѣщеніямъ, плохому уходу за дѣтьми и многомумножеству другихъ причинъ, которыя всѣ въ концѣ концевъ опять таки сводятся къ главной язвѣ—нищетѣ и невѣжеству, человѣкъ уродуется съ колыбели такъ, что физически не можетъ сдѣлаться нормальнымъ членомъ общества. Въ одномъ случаѣ изъ него выходитъ преступникъ, въ другомъ онъ остается идіотомъ, кретиномъ, въ третьемъ—является жалкимъ существомъ, органически неспособнымъ приноровиться къ сложнымъ требованіямъ современной жизни, къ трудной борьбѣ за существованіе.

Упоминая обо всемъ этомъ, мы не имѣемъ, конечно, въ виду принимать на себя рѣшеніе вопроса о причинахъ распространенности самоубійствъ въ современныхъ обществахъ. Мы хотѣли только сказать, что явленіе это настолько сложно, что

Библиотека "Руниверс"

его никакъ нельзя сводить къ исключительному дѣйствію одного какого-либо фактора, и что вопросъ о причинахъ самоубійства можетъ быть рѣшенъ не иначе, какъ путемъ весьма тщательныхъ статистическихъ наблюденій и изученій, при совокупномъ участіи представителей различныхъ отраслей науки и знанія. Иначе, моралистъ рѣшитъ его такъ, медикъ иначе, богословъ еще иначе, юристъ, филосовъ, историкъ—каждый по своему; и каждый съ своей точки зрѣнія будетъ правъ до извѣстной степени, потому что причины этого печальнаго явленія такъ разнообразны и сложны, что нѣтъ такого несовершенства въ современной жизни, которое не играло бы между ними какой нибудь роли.

Въ настоящемъ случаѣ наша задача сводится лишь къ тому, чтобы напомнить, какъ смотрѣли на самоубійство въ прежнія времена и какія мѣры были принимаемы для предупрежденія этого явленія.

У древнихъ народовъ самоубійство не считалось предосудительнымъ, а въ иныхъ случаяхъ, смотря по тому, какими побужденіями руководился самоубійца, его считали даже похвальнымъ дѣйствіемъ; такъ, наприм., смотрѣли на религіозное самоубійство индійцы и на политическое—римляне. Вообще же можно сказать, что въ древнемъ мірѣ преобладало безразличное отношеніе къ этому явленію. По римскому праву, за покушеніе на самоубійство наказывались только солдаты, но и эта мѣра вызывалась, какъ кажется, исключительно военными, а не этическими соображеніями, подобно тому какъ въ настоящее время наказуемо членовредительство, совершаемое съ цѣлью уклоненія отъ военной службы.

Христіанство впервые внесло въ міръ понятіе о самоубійствѣ, какъ о грѣховномъ дѣйствіи. Провозгласивъ догматъ о промыслѣ Божьемъ и исходя изъ совершенно новаго взгляда на человѣческую жизнь, какъ на подвигъ, возложенный на каждаго изъ насъ Богомъ съ извѣстными высшими цѣлями, христіанство логически не могло признать за человѣкомъ права на самовольное уклоненіе отъ этого подвига и произвольное

Библиотека "Руниверс"

прекращеніе жизни, какъ дара Божія, и потому отнеслось къ самоубійству съ безусловнымъ осужденіемъ. Это сказалось еще во времена апостольскія, когда въ юной церкви возникло недоумѣніе, какъ относиться къ тѣмъ, которые, стремясь къ аскетическимъ подвигамъ и невѣрно толкуя нѣкоторыя мѣста евангелія, подвергали себя оскопленію. Въ такъ называемыхъ апостольскихъ правилахъ относительно такихъ лицъ было постановлено: „Самъ себе скопившій да не будетъ принятъ въ клиръ: самоубійца бо есть и врагъ Божія созданія“ [1]). Такимъ образомъ скопчество предано было осужденію именно, какъ частный видъ самоубійства. Собственно же самоубійство, надо полагать, долго еще оставалось явленіемъ небывалымъ среди послѣдователей новой вѣры, и потому ни у начальныхъ христіанскихъ писателей, ни въ постановленіяхъ первыхъ вселенскихъ соборовъ о немъ нѣтъ упоминаній. Впервые о немъ говорится въ каноническихъ отвѣтахъ александрійскаго епископа Тимоѳея, одного изъ отцевъ церкви конца IV вѣка. На вопросъ: „аще кто, будучи внѣ себя, подниметъ на себя руки, или повергнетъ себя съ высоты: за таковаго должно ли молиться или нѣтъ?“— св. Тимоѳей даетъ такой отвѣтъ: „О таковомъ священнослужитель долженъ разсудить, подлинно ли будучи внѣ ума содѣлалъ сіе. Ибо часто близкіе къ пострадавшему отъ самого себя, желая достигнуть, да будетъ приношеніе и молитва за него, неправдуютъ и глаголютъ, яко былъ внѣ себя. Можетъ же быть, что содѣлалъ сіе отъ обиды человѣческой, или по иному какому случаю отъ малодушія: и о таковомъ не подобаетъ быти приношенію, ибо есть самоубійца. Посему священнослужитель непремѣнно долженъ со всякимъ тщаніемъ испытывать, да не подпадетъ осужденію“ [2]).

Прошло, однако, еще триста лѣтъ прежде, чѣмъ это частное мнѣніе александрійскаго епископа, или, быть можетъ, мѣстное установленіе египетской церкви, сдѣлалось общимъ прави-

[1]) 22 апост. правило.

[2]) Книга Правилъ св. апостолъ, св. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и св. отецъ, въ преложеніи съ еллинскаго нарѣчія на славено-россійское. Москва, 1874 г., стр. 424.

Библиотека "Руниверс"

ломъ всего христіанскаго міра. Каноническіе отвѣты Тимоѳея лишь на шестомъ вселенскомъ соборѣ (въ 691 г.) были приняты въ церковный законъ, и съ тѣхъ поръ правило о томъ, что не должно молиться объ умышленныхъ самоубійцахъ, получило каноническую силу, признаваемую церковью и въ настоящее время.

Такъ какъ въ греческой церкви покойниковъ обыкновенно хоронили на церковныхъ погостахъ, то запрещеніе приносить за душу самоубійцъ церковныя молитвы повело впослѣдствіи къ установленію обычая хоронить самоубійцъ не на общемъ кладбищѣ, а отдѣльно. Въ такомъ видѣ обычай этотъ перешелъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и къ намъ, на Русь. Въ одномъ древнерусскомъ каноническомъ памятникѣ, къ сожалѣнію, не датированномъ, но, судя по содержанію и языку, принадлежащемъ глубокой древности и имѣющемъ много общаго съ извѣстными „вопрошаніями Кирика", въ числѣ вопросовъ и отвѣтовъ о разныхъ случаяхъ пастырской практики, есть и такой вопросъ: „аще человѣкъ утонетъ, или удавится, или поколется самъ, таковыхъ проводити ли?" Отвѣтъ: „Ино въ землю положити опричь Божія церкви, а не пѣти по нихъ, ни проводити: понеже самовольно есть, а не Богу жертва" [1]). Еще болѣе опредѣлительное предписаніе относительно погребенія самоубійцъ находимъ въ грамотѣ московскаго митрополита Фотія псковскому духовенству (1417 г.): „аще (кто) по грѣху умреть и напрасно, а не отъ своихъ рукъ, или нужно утонеть, тѣхъ по закону погрести и пѣти надъ ними и поминати ихъ въ святыхъ службахъ; а который отъ своихъ рукъ погубиться, удавиться или ножемъ избодется, или въ воду себе ввержеть: ино, по святымъ правиломъ, тѣхъ не велѣно у церквей хоронити, ни надъ ними пѣти, ни поминати, но въ пустѣ мѣстѣ, въ яму вложивъ, закопати; створить же о душахъ ихъ Господь, якоже самъ вѣсть, по своимъ неизреченнымъ судьбамъ; заньже святіи отцы именують тѣхъ самовольною жертвою, даема не Богу" [2]).

---

[1]) Русская Историч. Библіотека, т. VI, стр. 861.

[2]) Ibidem, стр. 579.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ, по каноническимъ воззрѣніямъ древней греческой церкви, усвоеннымъ русскою церковью, хотя умышленное самоубійство осуждается, какъ „самовольная жертва, даема не Богу“, но загробная участь самоубійцъ отнюдь не предрѣшается въ томъ безнадежномъ смыслѣ, какъ она представляется по народнымъ воззрѣніямъ. Замѣчательно по глубинѣ мысли и христіанскому духу это выраженіе митроп. Фотія: „створить же о душахъ ихъ (самоубійцъ) Господь, якоже самъ вѣсть, по своимъ неизреченнымъ судьбамъ“. Дѣйствительно, въ основномъ источникѣ христіанскаго вѣроученія, т. е. въ священномъ писаніи, нѣтъ прямыхъ указаній о томъ, какая судьба постигнетъ самоубійцъ въ загробной жизни; поэтому церковь какъ-бы устраняетъ себя отъ суда надъ ними, предоставляя ихъ будущую судьбу всецѣло суду Божію. Эта именно мысль и лежитъ въ основѣ церковнаго запрещенія хоронить умышленныхъ самоубійцъ по христіанскимъ обрядамъ и совершать по нимъ поминовенія. Исходя изъ этого христіанскаго взгляда на самоубійство, не можетъ быть, конечно, и рѣчи о какихъ либо позорныхъ для памяти самоубійцы дѣйствіяхъ надъ его трупомъ, погребеніи его рукою палача и другихъ грубыхъ издѣвательствахъ, равно какъ нѣтъ основанія для теоріи уголовной наказуемости за самоубійство; и точно, ни о чемъ подобномъ не было у насъ и помину ни въ церковныхъ правилахъ, ни въ государственномъ законодательствѣ—до временъ Петра Великаго.

Не то было въ западной Европѣ. Тамъ христіанское понятіе о грѣховности умышленнаго самоубійства встрѣтило весьма благопріятную почву для развитія въ народныхъ обычаяхъ и воззрѣніяхъ, вездѣ и всегда болѣе или менѣе неблагопріятныхъ для самоубійцъ, и затѣмъ, усвоенное средневѣковымъ государственнымъ правомъ, выродилось въ теорію уголовной наказуемости за самоубійство, которая въ свою очередь привела къ установленію цѣлой системы карательныхъ мѣръ, направленныхъ къ опозоренію памяти умышлено лишившихъ себя жизни и къ устрашенію тѣхъ, кто вздумалъ бы слѣдовать ихъ примѣру. Это было въ духѣ того жестокаго времени, когда не дѣлалось строгаго различія между поступками, грѣховными съ точки зрѣнія христіанской морали,

Библиотека "Руниверс"

и уголовно-наказуемыми преступленіями, и когда мечъ, висѣлица и костеръ признавались наиболѣе дѣйствительными средствами для вкорененія истинныхъ догматовъ вѣры, правилъ нравственности и благоповеденія. Во многихъ средневѣковыхъ кодексахъ самоубійство возведено было на степень тяжкаго уголовнаго преступленія, одно лишь покушеніе на которое наказывалось смертью, какъ покушеніе на убійство; оконченное же самоубійство влекло за собою: конфискацію имущества самоубійцы, уничтоженіе силы его духовнаго завѣщанія и позорное погребеніе рукою палача. Обряды этого погребенія, сходные по характеру безцѣльной жестокости и первобытной грубости, въ различныхъ странахъ имѣли свои мѣстныя отличія: у нѣмцевъ практиковалось такъ называемое „ослиное“ погребеніе, сопровождавшееся позорными церемоніями, совершаемыми надъ трупомъ самоубійцы; у французовъ—влаченіе на плетенкѣ (traine sur la claie), состоявшее въ томъ, что трупъ самоубійцы былъ влачимъ лицемъ къ землѣ по улицамъ, привязанный къ повозкѣ, и затѣмъ бросаемъ въ живодернѣ; у англичанъ самоубійцъ зарывали на перекресткахъ и пробивали трупъ коломъ [1]). Къ стыду человѣчества, эти безсмысленныя жестокости практиковались до конца XVIII ст., а по мѣстамъ и того долѣе. Въ Англіи законъ о конфискаціи имущества самоубійцы и зарытіи его трупа на перекресткѣ съ пробитіемъ коломъ отмѣненъ лишь въ 1824 г. при королѣ Георгѣ IV, причемъ хотя и было предписано впредь хоронить самоубійцъ на общихъ кладбищахъ, но безъ религіозныхъ обрядовъ отпѣванія и притомъ въ исключительное время, отъ 9-ти часовъ вечера до полуночи. Въ другихъ странахъ, наприм. въ Саксоніи и въ штатѣ Масачусетсъ, съ отмѣною прежнихъ позорныхъ обрядовъ погребенія, до недавняго еще времени существовали предписанія объ отсылкѣ труповъ самоубійцъ въ анатомическіе театры.

Со временъ Петра Великаго средневѣковыя воззрѣнія на самоубійство были перенесены и въ русское законодательство.

---

[1]) Кистяковскій А. Ѳ., Учебникъ общаго уголовнаго права, стр. 877. „Кіевск. ст.“ 1890 г., январь, стр. 64.

Библиотека "Руниверс"

Въ извѣстныхъ Воинскихъ артикулахъ (1716 г.), цѣликомъ составленныхъ по образцамъ иноземнаго права, покушеніе на самоубійство было обложено тѣмъ же самымъ наказаніемъ, какъ и покушеніе на убійство; тамъ же впервые былъ предписанъ и невѣдомый до того времени въ Великороссіи обрядъ позорнаго погребенія самоубійцъ: „Ежели кто самъ себе убьетъ, то надлежитъ палачу тѣло его въ безчестное мѣсто отволочь и закопать, волоча прежде по улицамъ или обозу“ (ст. 164). Можно полагать, что узаконеніе это не было лишь результатомъ подражательности Петра иноземнымъ порядкамъ, но было вызвано обстоятельствами тогдашней борьбы его съ раскольниками, которые, спасаясь отъ правительственныхъ преслѣдованій, нерѣдко цѣлыми толпами лишали себя жизни. Противъ такого крайняго способа самозащиты Петръ боролся и другими средствами: по его приказу неоднократно были издаваемы свят. Синодомъ особые увѣщательные листки, направленные противъ самоубійцъ и самосожигателей [1]). Какъ бы то ни было, но только средневѣковый взглядъ на самоубійство, впервые перенесенный къ намъ Петромъ В., и до сихъ поръ удержанъ русскимъ законодательствомъ, не смотря на то, что взглядъ этотъ давно уже отвергнутъ новѣйшею наукою уголовнаго права и не встрѣчается болѣе ни въ одномъ изъ современныхъ кодексовъ. И по нынѣ дѣйствующимъ русскимъ законамъ умышленное самоубійство почитается преступленіемъ, влекущимъ за собою: а) отнятіе силы у духовнаго завѣщанія и всякаго другого предсмертнаго распоряженія самоубійцы и б) лишеніе христіанскаго погребенія, если самоубійца принадлежалъ къ одному изъ христіанскихъ исповѣданій; покушеніе же на самоубійство наказывается церковнымъ покаяніемъ [2]). Не отмѣненъ до сихъ поръ и тотъ позорный способъ погребенія, какой установленъ былъ „артикулами“ Петра Великаго: въ 923 ст. XIII т. св. зак. (изд. 1857 г.) предписывается: „тѣло умышленнаго самоубійцы над-

[1]) Хронологическій указатель славяно-русскихъ книгъ, Викторова, №№ 1659 и 1677.

[2]) Уложеніе о наказаніяхъ, ст. 1472 и 1473.

Библиотека "Руниверс"

лежитъ палачу въ безчестное мѣсто оттащить и тамъ закопать.“—Нечего и упоминать, что подобныхъ предписаній давно уже нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ законодательствѣ. Новѣйшая наука уголовнаго права безусловно отвергла состоятельность какихъ бы то ни было карательныхъ мѣръ въ отношеніи къ самоубійцамъ и установила теорію, по которой самоубійство признается юридически-безразличнымъ дѣйствіемъ какъ потому, что человѣкъ въ отношеніи къ самому себѣ находится только въ нравственныхъ, а не юридическихъ отношеніяхъ, такъ и потому, что самоубійство совершается или въ завѣдомомъ разстройствѣ душевныхъ способностей, или во временномъ ненормальномъ состояніи.

Законодательныя мѣры о самоубійствѣ, установленныя Петромъ Великимъ, были новостью только для Великой Россіи; что же касается Малороссіи и другихъ русскихъ областей, входившихъ нѣкогда въ составъ польско-литовскаго государства и издавна открытыхъ западно-европейскимъ культурнымъ вліяніямъ, то сюда съ незапамятныхъ временъ проникли и пустили глубокія корни въ народномъ быту средневѣковые предразсудки относительно самоубійцъ. Кажется, что для усвоенія этихъ предразсудковъ существовала въ южной Руси благопріятная почва въ исконномъ народномъ предубѣжденіи противъ самоубійцъ, — предубѣжденіи, которое, можетъ быть, скорѣе было ослаблено, нежели усилено подъ вліяніемъ христіанства. Въ древнемъ „уставѣ“, приписываемомъ Владиміру Мономаху, находимъ такое предписаніе: „иже повѣситься на древѣ,... да не пребудетъ тѣло его на древѣ, въ гробѣ погребуть и въ тъ день“ [1]). Трудно съ достовѣрностью опредѣлить, относится ли это предписаніе къ самоубійцамъ, или, быть можетъ, къ преступникамъ, казненнымъ чрезъ повѣшеніе. Если вѣрно первое толкованіе, то на основаніи этого законоположенія можно вывести заключеніе, что въ древней, дохристіанской Руси существовалъ обычай, вовсе лишавшій самоубійцъ погре-

[1]) Полн. собр. русск. лѣт., т. XVI, стр. 301.

Библиотека "Руниверс"

бенія, и что обычай этотъ не скоро исчезъ послѣ введенія христіанства. Со времени подчиненія югозападной Руси Литвѣ и затѣмъ соединенія съ Польшей, въ которой издавна существовали нѣмецкія колоніи, открывается періодъ безпрепятственнаго притока въ южную Русь иноземныхъ, преимущественно нѣмецкихъ культурныхъ понятій, обычаевъ, повѣрій и предразсудковъ. Въ частности, что касается средневѣковыхъ воззрѣній относительно юридической наказуемости самоубійцъ, то для нихъ открытъ былъ широкій путь въ народную среду чрезъ посредство магдебургскаго права, дѣйствовавшаго во многихъ южнорусскихъ городахъ уже въ XV ст. Съ того времени постановленія нѣмецкаго права о самоубійцахъ несомнѣнно имѣли у насъ и практическое примѣненіе. Правда, въ той громадной массѣ историко-юридическихъ матеріаловъ, какая по настоящее время открыта и обнародована, намъ не приходилось до сихъ поръ встрѣтить ни одного указанія на то, какъ поступали съ самоубійцами въ XVI—XVII вв.; но это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что случаи самовольнаго лишенія жизни были въ то время, какъ и теперь среди сельскаго малорусскаго народа, чрезвычайно рѣдки. За то изъ XVIII ст. извѣстенъ одинъ весьма характерный случай такого рода, происшедшій на Волыни. Въ январѣ 1782 г. магистратъ м. Олыки собрался по слѣдующему чрезвычайному поводу: войтъ мѣстечка Иванъ Рысецкій неожиданно для всѣхъ окончилъ дни свои „ганебною смертью“, именно найденъ былъ повѣсившимся на своемъ хуторѣ. Обсудивъ обстоятельства этого „несчастнаго случая“, магистратъ, не взирая на то выдающееся общественное положеніе, какое занималъ покойный, издалъ такой декретъ относительно бывшаго своего президента: „во исполненіе предписанія магдебургскаго права, постановленнаго для подобныхъ случаевъ, и въ устрашеніе другимъ „десператамъ“, трупъ самоубійцы Рысецкаго, привязавъ къ конскому хвосту, влачить по улицамъ для „презентаціи“ всему мѣстечку, а случай этотъ для памяти „въ потомные часы „записать въ книги“,—что и было приведено въ испол-

Библиотека "Руниверс"

неніе [1]); ни о конфискаціи имущества самоубійцы, ни о томъ, гдѣ и какъ долженъ быть похороненъ его трупъ, въ декретѣ не говорится ни слова. Любопытно также, что ни въ одной изъ найболѣе употребительныхъ въ то время польскихъ передѣлокъ магдебургскаго права, исполнявшихъ роль руководящихъ законныхъ книгъ, мы не нашли ни одного слова въ подтвержденіе той глухой ссылки на магдебургское право, какая сдѣлана въ декретѣ олыцкаго магистрата; ни у Щербича, ни у Гроицкаго о самоубійствѣ нѣтъ даже упоминанія. Фактъ этотъ какъ бы подтверждаетъ мнѣніе профессора В. Б. Антоновича, высказанное имъ въ изслѣдованіи объ исторіи южнорусскихъ городовъ, что магистратскіе суды при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ большею частью лишь для формы, наобумъ дѣлали ссылки на магдебургское право, руководствуясь на дѣлѣ преданіями мѣстнаго обычнаго права. Но, съ другой стороны, мы знаемъ, что въ составъ дѣйствовавшаго въ Польшѣ и Малороссіи магдебургскаго права входило, въ числѣ другихъ кодексовъ, и такъ называемое *Право цесарское*, т. е. передѣлка или вольная передача на польскомъ языкѣ извѣстнаго Constitutio criminalis Carolina, изданнаго Карломъ V; а въ этомъ послѣднемъ кодексѣ несомнѣнно заключалось предписаніе подвергать умышленныхъ самоубійцъ такъ называемому „ослиному“ погребенію.

Послѣ всего сказаннаго становится отчасти понятнымъ тотъ фактъ, что въ малорусскомъ народѣ по настоящее время упорно удерживается крайне суровый взглядъ на самоубійство и сознаніе необходимости нѣкоторыхъ исключительныхъ обрядовъ погребенія самоубійцъ. Самый отчаянный преступникъ не пользуется у насъ такой дурной посмертной славой, какъ человѣкъ, имѣвшій несчастіе умереть отъ своихъ рукъ. Для самоубійцы, по народному понятію, нѣтъ мѣста на общемъ кладбищѣ: его зароютъ на распутьи, безъ молитвы и креста, „якъ падло“; если же, по настоянію властей, онъ будетъ похороненъ на кладбищѣ, то народъ, при первомъ случаѣ засухи, эпидеміи или

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, часть V, т. 1, стр. 460.

Библиотека "Руниверс"

другого общественнаго бѣдствія, отроетъ его могилу и надругается надъ его прахомъ. Дома, въ которыхъ произошло самоубійство, надолго, а въ иныхъ случаяхъ и навсегда остаются „пустками“; во всякомъ случаѣ въ нихъ поселяются снова не иначе, какъ предварительно освятивъ ихъ. Душа самоубійцы почитается погибшей навѣки и приравнивается къ „нечистымъ“ духамъ. На Волыни и въ Подоліи существуетъ вѣрованіе, что всякій самоубійца по смерти становится упыремъ. Его духъ проникается ненавистью къ людямъ: по ночамъ онъ выходитъ изъ могилы и причиняетъ имъ вредъ. Всѣ бѣдствія народныя—моръ, засуха, эпидеміи—приписываются вліянію упырей-самоубійцъ. Чтобы воспрепятствовать упырямъ дѣлать зло, народъ нерѣдко раскапываетъ ихъ могилы и пробиваетъ трупы осиновымъ коломъ; по мѣстамъ вбиваютъ еще въ голову, по-за ушами, два зубца изъ бороны. Въ особенности суевѣрный ужасъ питаетъ народъ къ „вѣшальникамъ“. Въ Подоліи ихъ закапываютъ на границѣ полей, вложивъ имъ въ ротъ желѣзный гвоздь изъ бороны и пробивъ грудь осиновымъ коломъ [1]).

Опредѣлить, сколько въ этихъ повѣрьяхъ своего, самобытно-народнаго, и сколько заимствованнаго — очень трудно; кажется, однако, что чужого здѣсь едвали не больше, чѣмъ своего. Повѣрье, что самоубійцы по смерти становятся упырями, свойственно не однимъ малороссамъ. Въ Англіи также считаютъ самоубійцъ вампирами и думаютъ, что они выходятъ изъ могилъ и мучатъ людей. Тамъ же до недавняго времени существовалъ совершенно сходный съ малорусскимъ обычай хоронить самоубійцъ на перекресткахъ дорогъ и пробивать трупы коломъ. Какъ было раньше упомянуто, обычай этотъ отмѣненъ лишь въ 1824 г., но оказался настолько живучимъ въ быту народномъ, что не далѣе какъ въ 1882 г. понадобилось изданіе повторительнаго запрещенія хоронить самоубійцъ на перекресткахъ и пробивать ихъ коломъ. Въ Шотландіи и въ настоящее время са-

[1]) Kopernicki, Zbior Wiadomosci, т. XI, стр. 196. Чубинскій, Труды этногр. экспедиціи, т. I, стр. 209.

Библиотека "Руниверс"

моубійцъ хоронятъ вдали отъ жилыхъ мѣстъ, въ глухихъ пещерахъ, чтобъ отъ нихъ не видно было ни полей, ни моря, такъ какъ духъ самоубійцы можетъ вредить имъ [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что дальнѣйшія изысканія по сравнительной этнографіи увеличатъ число подобныхъ аналогій въ области народныхъ вѣрованій и обычаевъ.

О. Левицкій.

[1]) Проф. Сумцова: „Культ. переживанія“, Кіевск. Стар. 1890 г.. январь.

Библиотека "Руниверс"

Путешествіе имнер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

24 мая, съ 8 часовъ утра, начался пріѣздъ во дворецъ, чтобъ откланяться Императрицѣ по случаю назначеннаго ею въ этотъ день отъѣзда изъ Севастополя. Собралась вся свита, явился контръ-адмиралъ графъ Войновичъ и съ нимъ штабъ и оберъ-офицеры черноморскаго флота.

Графъ Фалькенштейнъ не прибылъ во дворецъ, а отправился въ Балаклаву для обозрѣнія тамошнихъ мѣстностей.

Въ половинѣ 9-го часа Императрица вышла въ „*Камеру Собранія*“ и начала жаловать къ рукѣ: графа Войновича, капитановъ бригадирскаго ранга: Алексіано и Ушакова, капитановъ 1-го ранга Тизделя, Таро и прочихъ штабъ и оберъ-офицеровъ черноморскаго флота. Они всѣ приносили благодареніе за пожалованіе ихъ брилліантовыми и золотыми подарками и деньгами. Нижнимъ чинамъ флота и Севастопольскаго адмиралтейства Императрица пожаловала по одному рублю на человѣка.

При пушечныхъ выстрѣлахъ съ флота и съ береговыхъ батарей императорскій поѣздъ тронулся изъ Севастополя въ 9 ч. утра по дорогѣ къ станціи Скели, разстояніемъ отъ Севастополя въ 42 верстахъ. Перемѣна лошадей была въ мѣстечкѣ Каморы, проѣхавъ 16 верстъ.—Отсюда начиналась знаменитая своею красотою Байдарская долина, въ которой была станція Скели, принадлежавшая князю Потемкину.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1891 г., № 11.

Библиотека "Руниверс"

По выѣздѣ изъ м. Каморы, къ императорскому поѣзду присоединился гр. Фалькенштейнъ, котораго Императрица пригласила въ свою шестимѣстную карету.

Въ Байдарской долинѣ записано въ современномъ камеръ-фурьерскомъ журналѣ: „каждый шагъ являлъ зрѣнію различные виды, составленные изъ живыхъ картинъ, въ пріятномъ смѣшеніи высокихъ горъ, обиталищъ, плодоносныхъ деревъ и неподражаемыхъ неровностей мѣстоположеній".

Такоеже оффиціальное описаніе прелестей Байдарской долины принадлежитъ перу камеръ-фурьера Андрея Волкодава.

По дорогѣ къ Скели Императрицѣ былъ приготовленъ Потемкинымъ необыкновеннный сюрпризъ, особеннаго рода.

Когда проѣзжали по близости Балаклавы, на встрѣчу вышли священникъ греческій съ крестомъ и жители греки, мужчины и женщины, съ хлѣбомъ и солью. Императрица приложилась ко кресту, поблагодарила всѣхъ,—но едва тронули императорскій экипажъ, какъ принуждены были остановиться—на *дорогѣ стояла вооруженная рота амазонокъ*.

Странно, что ни графъ Фалькенштейнъ, ни графъ Сегюръ не оставили въ своихъ запискахъ воспоминаній объ этихъ амазонкахъ, а между тѣмъ объ нихъ упоминаетъ принцъ Делинь въ своихъ письмахъ къ Маркизѣ К...[1]).

„Я видѣлъ, пишетъ принцъ Делинь, лица баталіона албанокъ изъ небольшой македонской колоніи, поселившейся въ Балаклавѣ: на срѣтеніе наше вышли, чтобъ сдѣлать намъ честь, а не изъ любопытства, 200 прекрасныхъ женщинъ или дѣвицъ, вооруженныхъ ружьями, штыками и пиками, съ амазонскими грудями и съ длинными и красиво перевязанными волосами".

Амазонская рота дѣйствительно являлась передъ Екатериною въ этотъ проѣздъ возлѣ Балаклавы, и командиръ этой роты г-жа *Шидянская*, представлявшая свою роту Императрицѣ, была еще жива въ 1848 году,—для доказательства приводимъ выписку изъ подлиннаго архивнаго дѣла:

---

[1]) См. книгу Письма и мысли маршала принца де Линь, изданныхъ въ свѣтъ баронессою Сталь-Голстейнъ. Перев. съ франц. Москва. 1809. Ст. 140.

Библиотека "Руниверс"

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1848 года, бывшій намѣстникъ кавказскій кн. М. С. Воронцовъ сообщилъ министру императорскаго двора, кн. Волконскому, что онъ получилъ письмо изъ Симферополя отъ вдовы титулярнаго совѣтника Елены Шидянской, въ которомъ она объясняетъ, что, командуя еще въ царствованіе Императрицы Екатерины II ротою амазонокъ и имѣвъ счастіе представить роту Ея Величеству, была осыпана Ея милостями, что достигнувъ теперь 90 лѣтъ, лишась зрѣнія, она, хотя съ того времени и не безпокоила царствовавшихъ Августѣйшихъ Монарховъ просьбами объ оказаніи ей пособія, но находясь въ крайней бѣдности, проситъ объ исходатайствованіи ей отъ щедротъ Его Императорскаго Величества единовременнаго пособія. Кн. Воронцовъ, имѣя въ виду засвидѣтельствованіе таврическаго предводителя дворянства, что все вышеупомянутое справедливо и что, по старости и крайне бѣдному положенію Шидянской, она заслуживаетъ благодѣтельнаго вниманія Государя Императора, просилъ кн. Волконскаго подвергнуть всѣ эти обстоятельства на благоусмотрѣніе Его Величества.

Кн. Волконскій 15 ноября 1848 г. увѣдомилъ кн. Воронцова, что Шидянской всемилостивѣйше пожаловано 300 р. сер., и просилъ собрать и прислать свѣдѣнія, когда, изъ какого званія и гдѣ именно составлена была при покойной Императрицѣ Екатеринѣ амазонская рота, которою командовала *Шидянская*.

Въ декабрѣ 1848 г., кн. Воронцовъ доставилъ кн. Волконскому полученныя имъ отъ Шидянской свѣдѣнія, а также портретъ ея и рисунокъ, изображающій вооруженную амазонку.— Свѣдѣнія, доставленныя Шидянской, были слѣдующія: Амазонская рота была составлена по ордеру свѣтл. кн. Потемкина-Таврическаго, послѣдовавшему на имя командира балаклавскаго полка, премьеръ-маіора Чапони, изъ благородныхъ женъ и дочерей балаклавскихъ грековъ, въ числѣ 100 особъ, въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ 1787 г., ко времени пріѣзда Императрицы Екатерины II въ Крымъ. Капитанъ Сарандовъ былъ въ сказанномъ полку старшимъ офицеромъ; это послужило поводомъ избрать его жену Елену Иванову Сарандову, впослѣдствіи Шидянскую, командиромъ амазонской роты. Нарядъ амазонокъ со-

Библиотека "Руниверс"

стоялъ изъ юбокъ малиноваго бархата, отороченныхъ золотымъ галуномъ и такихъ же бархатныхъ курточекъ или спенсеровъ зеленаго цвѣта, также обшитыхъ золотымъ галуномъ; головной уборъ состоялъ изъ бѣлыхъ тюрбановъ съ золотыми блестками и съ страусовымъ перомъ. Всѣ амазонки были вооружены ружьями при трехъ патронахъ пороху. Встрѣтить Императрицу положено было близъ Балаклавы у деревни Кадыковки, и рота, подъ начальствомъ Елены Ивановой, была построена въ концѣ аллеи, установленной апельсинными, лимонными, и лавровыми деревьями, простиравшейся на четыре версты въ длину и усѣянной лаврами. Прежде пріѣхалъ австрійскій императоръ Іосифъ II верхомъ осмотрѣть балаклавскую бухту и развалины древней крѣпости.

Увидѣвъ амазонокъ, онъ подъѣхалъ къ командиру роты, г-жѣ Сарандовой, и поцѣловалъ ее въ губы, что произвело волненіе въ ротѣ. Но командиръ успокоилъ своихъ подчиненныхъ словами: „Смирно!“ Чего испугались?—Вѣдь вы видите, что императоръ не отнялъ у меня губъ и не оставилъ мнѣ своихъ“. Слово „императоръ“ подѣйствовало на амазонокъ, которыя не знали, кто былъ подъѣхавшій. Осмотрѣвъ бухту и крѣпость, вѣнценосный путешественникъ возвратился къ Императрицѣ и уже пріѣхалъ во второй разъ къ Кадыковкѣ съ Ея Величествомъ и княземъ Потемкинымъ въ Ея каретѣ. У Кадыковки Императрица была встрѣчена протоіереемъ балаклавскаго полка о. Ананіемъ, ожидавшимъ Ея Величество въ нарочно приготовленной палаткѣ съ Евангеліемъ, крестомъ, хлѣбомъ и солью. Не выходя изъ кареты, Государыня подозвала Елену Иванову къ себѣ, подала руку, поцѣловала въ губы и, потрепавъ по плечу, изволила сказать: „Поздравляю васъ, амазонскій капитанъ! Ваша рота исправна. Я ею очень довольна“.

Изъ Кадыковки Императрица изволила отправиться въ Бахчисарай, куда послѣдовала и Елена Иванова Сарандова, желая еще разъ взглянуть на великую монархиню, и имѣла счастіе еще разъ представляться Ея Величеству. Государыня узнала капитана амазонокъ, допустила къ рукѣ и потрепала по плечу. Изъ Симферополя, куда отправилась Императрица, былъ

Библиотека "Руниверс"

присланъ г-жѣ Сарандовой (Шидянской) всемилостивѣйшій подарокъ—брилліантовый перстень, цѣною въ 1,800 р. асс., а на всю роту Государыня изволила пожаловать единовременно 10,000 руб. асс.[1]).

Послѣ встрѣчи и смотра *амазонской роты*, въ часъ по полудни, Императрица прибыла въ урочище *Скели*, принадлежавшее кн. Потемкину. Впередъ, заранѣе, прискакала на татарскихъ лошадяхъ придворная прислуга съ дорожнымъ императорскимъ обозомъ,—и знаменитая „шестимѣстная" путевая карета подъѣхала къ большой татарской палаткѣ, у входа въ которую встрѣтилъ высокую гостью хозяинъ мѣстечка Скели князь Григорій Александровичъ. Послѣ обѣда и угощенія гостей, которыхъ было со свитою 30 человѣкъ, Императрица сдѣлала съ гр. Фалькенштейномъ прогулку къ рѣчкѣ *Біюкъ-Отзенъ* и любовалась водопадомъ. — Въ 3 часу, поѣздъ отправился чрезъ Байдарскую долину, м. Каморы и Мекензіевъ хуторъ обратно въ Бахчисарай. Гористая дорога, а въ особенности ненастная погода, дождикъ, вѣтеръ и грязь—замедляли переѣздъ, и только въ 11 часовъ, проѣхавъ 58 верстъ, пріѣхали на ночлегъ въ бахчисарайскій дворецъ.

Гр. Фалькенштейнъ, какъ мы сказали выше, уѣзжалъ впередъ осматривать Балаклаву.

„Изъ Севастополя я поѣхалъ впередъ, чтобъ видѣть Балаклаву (писалъ Іосифъ II къ своему фельдмаршалу), чтобъ видѣть знаменитую гавань. Она не велика, но безопасна, и въ ней завелась кое-какая торговля. Входъ въ гавань неудобный, узкій наполненный подводными камнями, въ чемъ я съ своей шлюбки могъ лично удостовѣриться. Впрочемъ, такъ какъ большая часть жителей бѣжали, то здѣсь встрѣчались однѣ развалины и опустѣлыя дома.

Чтобы доставить намъ случай видѣть ангорскаго козла съ козою, да нѣкое подобіе англійскаго сада, который кн. Потемкинъ разбилъ въ здѣшнихъ окрестностяхъ на одномъ изъ при-

[1]) Изъ дѣла архива министра императорскаго двора за № 143.—Напечатано мною въ Историческомъ Вѣстникѣ 1886 г.

Библиотека "Руниверс"

надлежащихъ ему участковъ, князь заставилъ насъ ѣхать горными дорогами, которыя отъ дождей сдѣлались еще хуже, такъ что двору и экипажу досталось страшно, и Императрица вернулась въ Бахчисарай только въ часъ по полуночи. Такъ какъ эта поѣздка ее очень утомила, то рѣшено на сегодня оставаться здѣсь, вслѣдствіе чего наше путешествіе удлиняется на одинъ лишній день.

По пути мы видѣли отрядъ, человѣкъ въ тысячу, составленный изъ далматинцевъ, грековъ и выселенцевъ изъ Мореи, которые въ послѣднюю войну перешли на сторону русскихъ и поселились здѣсь на побережьѣ. При нашемъ проѣздѣ ихъ заставили произвести примѣрную аттаку на далматскую стать, какъ выразился князь Потемкинъ, которому угодно сравнивать ее съ аттаками нашихъ кроатовъ. Они выхватили сабли, кинулись бѣгомъ въ лѣсъ и въ величайшемъ безпорядкѣ, съ страшнымъ крикомъ вскарабкались на гору, скорѣе походя на какихъ то облавщиковъ, чѣмъ на настоящихъ солдатъ".

25 Мая Храповицкій отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „День отдохновенія. Похвала албанцамъ и долинѣ Байдарской; ихъ до 600 выходитъ съ ружьемъ".

Дѣйствительно путешественники нуждались въ отдыхѣ, особенно послѣ утомленія отъ горной поѣздки и переѣзда изъ Севастополя. Въ этотъ день Императрица не совершила никакихъ прогулокъ ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ. Къ обѣду, въ столовой нижней залѣ ханскаго дворца, были приглашены сверхъ свиты: генералъ-аншефъ М. В. Каховской, генералъ-маіоръ Волковъ и баронъ фонъ-Ферзенъ, Таврическій Правитель Каховской, полковникъ Горичъ и всѣ штабъ-офицеры отъ полковъ, находившихся въ Бахчисараѣ.

Императрица, гр. Фалькенштейнъ и свита—всѣ рады были отдохнуть—но веселые спутники ихъ, гр. Сегюръ и принцъ де-Линь провели этотъ день съ нѣкоторыми приключеніями. Вотъ что разсказываетъ Сегюръ въ своихъ запискахъ:

„На обратномъ пути въ Бахчисарай, мы не встрѣтили ничего занимательнаго, кромѣ высокой горы Бакля-Коба, съ верху до низу изрытой пещерами. Когда здѣсь господствовало

Библиотека "Руниверс"

самовластіе, то лишь въ нѣдрахъ земли люди находили убѣжище и покой. Въ Бахчисараѣ князь де-Линь разъ приходитъ ко мнѣ смѣясь, и говоритъ: „Знаете ли чѣмъ заняты теперь наши царственные путешественники, могущественный императоръ римскій и знаменитая Самодержица всея Россіи? Я уловилъ нѣсколько словъ изъ разговоровъ двухъ великихъ монарховъ.

Кто бы могъ подумать, любезный другъ? Они откровенно бесѣдуютъ о прекраснѣйшемъ предпріятіи—о возстановленіи греческихъ республикъ.

— Вы меня не такъ удивляете, какъ думаете, отвѣчалъ я,—нельзя не жить духомъ своего времени: его впитываешь въ себя невольно. Въ нашемъ вѣкѣ вѣетъ философіею и свободою и во дворцахъ, и въ хижинахъ. Нельзя удержать этого стремленія, и, если захотятъ это сдѣлать, то подымутъ бурю, какъ англичане въ Америкѣ.

Де-Линь сталъ смѣяться надъ моими мечтами. Мы и не думали тогда, что слова эти сдѣлаются предсказаніемъ.

Естественно, что, когда мы жили въ сералѣ ханскомъ, наружность, самый воздухъ этихъ сладострастныхъ покоевъ возбуждали наше воображеніе.

Любопытство де-Линя, который былъ моложавѣе въ пятьдесятъ лѣтъ, нежели я въ тридцать, вовлекло меня въ шалость, къ счастію, не имѣвшую тѣхъ послѣдствій, какихъ можно было ожидать; однако мы получили строгій и заслуженный урокъ. Мусульманину нельзя сдѣлать злѣйшей обиды, какъ познакомиться съ его женою. Въ этомъ отношеніи всякое сообщеніе, даже взглядами, запрещено всѣмъ, кромѣ мужа. Это запрещеніе подстрекало любопытство князя, и онъ сказалъ мнѣ: „—Какая польза намъ гулять по огромному саду, если намъ запрещено любоваться цвѣтами. По крайней мѣрѣ, до отъѣзда изъ Крыма, надобно хоть увидѣть какую нибудь татарку безъ покрывала; я на это рѣшился; хотите быть моимъ товарищемъ въ этомъ предпріятіи?“

Я не устоялъ противъ искушенія, и мы пошли бродить по долинамъ. Но надежда долго насъ обманывала. Наконецъ, не

Библиотека "Руниверс"

подалеку отъ уединеннаго домика, на опушкѣ маленькаго лѣса, мы увидѣли трехъ женщинъ, сидя мывшихъ себѣ ноги въ свѣтломъ ручьѣ. Приблизившись какъ можно тише между деревьями, мы наконецъ успѣли помѣститься противъ нихъ, подъ прикрытіемъ куста. Такъ какъ покрывала этихъ женщинъ лежали подлѣ нихъ на землѣ, то мы прекрасно могли ихъ разсмотрѣть. Но увы, какое разочарованіе! Изъ нихъ не было ни одной молодой и хорошенькой, даже сносной. Мой товарищъ не кстати крикнулъ: „Признаюсь, Магометъ недурно сдѣлалъ, что велѣлъ имъ закрываться!“

Услышали ли насъ, или насъ выдалъ шелестъ листьевъ, только наши три мусульманки выскочили и съ криками побѣжали. Мы было за ними, чтобы ихъ успокоить, какъ вдругъ видимъ татаръ, бѣгущихъ съ горъ, тоже съ криками, бросающихъ въ насъ каменьями и грозящихъ кинжалами. Такъ какъ мы не приготовились къ битвѣ, то, не дожидаясь ихъ приближенія, пустились бѣжать и укрылись отъ преслѣдователей въ чащѣ лѣса. До тѣхъ поръ дѣло было не важно по ложному правилу, что скрытый грѣхъ въ половину прощенъ. Но мой неблагоразумный соучастникъ не удовольствовался этимъ. На другой день за столомъ замѣтили, что Императрица грустна и молчалива, императоръ былъ погруженъ въ думы, Потемкинъ пасмуренъ и разсѣянъ. Разговоръ какъ то не клеился или совсѣмъ замолкалъ. Вдругъ де-Линь, естественный врагъ скуки, чтобы разсѣять Императрицу и развеселить собесѣдниковъ, вздумалъ разсказать нашу шалость и вчерашнее происшествіе. Какъ ни подталкивалъ я его, онъ смѣло продолжалъ свой разсказъ. Слушатели уже начали было смѣяться, чего онъ и ожидалъ, какъ вдругъ Екатерина, взглянувъ на насъ величаво и строго, сказала:

— Господа, эта шутка весьма неумѣстна и можетъ послужить дурнымъ примѣромъ. Вы—посреди народа, покореннаго моимъ оружіемъ; я хочу, чтобы уважали его законы, его вѣру, его обычаи и предразсудки. Если бы мнѣ разсказали эту исторію и не назвали бы дѣйствующихъ лицъ, то я бы никакъ не подумала на васъ, а стала бы подозрѣвать моихъ пажей, и они были бы строго наказаны.

Библиотека "Руниверс"

Намъ нечего было возражать на это; де-Линь замолкъ такъ же, какъ и я, досадуя на свою неумѣстную болтливость. Наше смиреніе понравилось Императрицѣ, и она снова развеселилась; даже чрезъ нѣсколько дней послѣ этого, назначивъ аудіенцію одной мусульманской княжнѣ, племянницѣ Сагинъ-Гирея, она позволила намъ спрятаться такъ, чтобы мы могли ее увидѣть, оставаясь сами незамѣченными. Княжна была красивѣе нашихъ трехъ татарокъ, но черненыя брови и лицо, лоснящееся отъ румянъ, дѣлали ее похожею на куклу, не смотря на прекрасные глаза.

Императрица, въ этотъ послѣдній день пребыванія своего въ Бахчисараѣ, была очень весела, и возвратясь послѣ „Собранія“ въ свой кабинетъ, написала Потемкину слѣдующее стихотвореніе:

Князю Потемкину.

Лежала я вечеръ въ бесѣдкѣ ханской,
Въ срединѣ бусурманъ и вѣры мусульманской;
Противъ бесѣдки той построена мечеть,
Куда всякъ день пять разъ имамъ народъ влечетъ;
Я думала заснуть, и лишь закрылись очи,
Какъ уши онъ заткнувъ, взревѣлъ изо всей мочи...
О, Божьи чудеса! Изъ предковъ кто моихъ
Спокойно почивалъ отъ ордъ и хановъ ихъ?
А мнѣ мѣшаетъ спать среди Бахчисарая
Табачный дымъ и крикъ... Не здѣсь-ли мѣсто рая?
Хвала тебѣ, мой другъ! Занявши здѣшній край
Ты бдѣніемъ своимъ все вящше укрѣпляй [1]).

26 мая, въ 9 ч. утра, Императрица съ графомъ Фалькенштейномъ выѣхала изъ Бахчисарая; при отъѣздѣ изъ поставленныхъ передъ дворцомъ на горѣ полковыхъ пушекъ производилась пальба, а когда Императорскій поѣздъ выѣхалъ изъ города, то всѣ войска, расположенныя на горѣ съ правой стороны, отдавали честь съ преклоненіемъ знаменъ при музыкѣ и барабанномъ боѣ.

На рѣчкѣ „Бодрыхъ“ черезъ 12 верстъ была подстава и затѣмъ, проѣхавъ еще 19 верстъ, прибыли въ 1 часу въ обла-

[1]) См. „Русск. Стар.“, 1875 г., кн. I, 698.

Библиотека "Руниверс"

стной городъ Симферополь. Здѣсь у дворца встрѣтили Императрицу прискакавшіе впередъ кн. Потемкинъ, гофмаршалъ кн. Барятинскій, правитель Тавриды съ гражданскими чиновниками областнаго правленія. Въ переднихъ покояхъ дворца встрѣтили дамы и семейства мѣстныхъ чиновниковъ, которыхъ Императрица передъ обѣдомъ всѣхъ жаловала къ рукѣ, такъ же какъ и всѣхъ чиновниковъ и штабъ и оберъ-офицеровъ пѣхотнаго Сѣвскаго полка.

Послѣ обѣда, за которымъ присутствовало 46 человѣкъ, Императрица съ графомъ Фелькенштейномъ въ извѣстной шестимѣстной каретѣ продолжали путь въ *Карасубазаръ*, и остановились на короткое время при дер. Біеми въ 27 верстахъ отъ Симферополя; затѣмъ прибыла въ Карасубазаръ въ 6-мъ часу по полудни.

Съ приближеніемъ къ Карасубазару Императорскаго поѣзда началась пушечная пальба; по дорогѣ съ правой стороны выстроенъ былъ находившійся тутъ въ лагерѣ Кинбурнскій драгунскій полкъ, баталіоны мушкатерскіе, артиллерійскій, гренадерскій Кіевскій и пѣхотный Сѣвскій полки. Музыка и барабаны гремѣли при проѣздѣ кареты Императрицы.

Отдохнувъ короткое время въ своихъ покояхъ, Императрица вышла въ „Собраніе“, и здѣсь графиня Браницкая представила мѣстныхъ дамъ. Императрица жаловала ихъ къ рукѣ, также и всѣхъ военныхъ.

Въ Карасубазарѣ не было древнихъ зданій или памятниковъ, которые могли бы интересовать иностранныхъ спутниковъ Императрицы; Сегюръ пишетъ такъ о своихъ впечатлѣніяхъ въ Карасубазарѣ:

„Этотъ городъ, въ широкой долинѣ, на берегу рѣки Карасу, былъ одинъ изъ значительнѣйшихъ въ Тавридѣ, мы могли только любоваться прекраснымъ его мѣстоположеніемъ: въ немъ не было замѣчательныхъ зданій или древнихъ развалинъ. Дома, какъ всѣ татарскіе дома, неправильно построены, низки и расположены безъ всякой соразмѣрности. До завоеванія городъ этотъ, такъ же какъ Симферополь, принадлежалъ

Библиотека "Руниверс"

калга-султану [1]). Крымскія горы, которыя начинаются отъ береговъ Салгира, не образуютъ стройной гряды до самаго Карасубазара. Но отъ этого города онѣ цѣпью идутъ съ одной стороны къ Бахчисараю, съ другой—до Стараго Крыма.

Если природа въ этихъ мѣстахъ не представляла Августѣйшимъ путешественникамъ предметовъ, достойныхъ ихъ любопытства, то неутомимая дѣятельность кн. Потемкина дополнила этотъ недостатокъ.

Кромѣ прекрасной широкой дороги, которую онъ пробилъ и выровнялъ трудами своихъ солдатъ, онъ съ ихъ же помощью развелъ на берегу Карасу обширный англійскій садъ и посреди его выстроилъ изящнѣйшій дворецъ. Здѣсь уже не Армида чаровала Ринальда: напротивъ, русскій Ринальдъ совершилъ диво для своей Армиды".

Когда вечеромъ Екатерина вышла изъ дворца, чтобы насладиться прохладною тѣнью, свѣжестью воды и запахомъ цвѣтовъ, между тѣмъ какъ солнце скрывалось за темными долинами, всѣ пригорки на десять верстъ кругомъ вспыхнули тремя рядами разноцвѣтныхъ огней. Посреди этого горящаго круга возвышалась конусообразная гора, на которой яркими чертами блисталъ вензель Императрицы. Изъ вершины горы вспыхнулъ прекрасный фейерверкъ, завершенный взрывомъ 300,000 ракетъ.

Путевыя впечатлѣнія Императора Іосифа II замѣчательны постоянствомъ, съ которымъ онъ смотрѣлъ на все съ военной точки зрѣнія: и въ Карасубазарѣ его особенно интересовали войска, оружія, мѣстность въ отношеніи военнаго значенія и проч.

„По дорогѣ сюда, пишетъ онъ къ своему фельдмаршалу, мы проѣзжали черезъ Симферополь, прозывавшійся въ старину Акмечеть; здѣсь предположено учредить новый губернскій городъ. Устроены даже кое-какія зданія въ родѣ домовъ и довольно красивыхъ залъ, и даже небольшой англійскій садикъ.

Оттуда мы проѣхали къ Карасубазаръ, древній татарскій городъ, гдѣ въ старину собирались мурзы, для совѣщаній о государственныхъ дѣлахъ. Населеніе теперь состоитъ изъ та-

[1]) Калга-султанъ—наслѣдникъ ханскій.

Библиотека "Руниверс"

таръ, турокъ, армянъ и жидовъ. Всѣ они выѣхали къ намъ на встрѣчу верхами, и подобно пчелиному рою, окружили нашу карету и провожали насъ до дома кн. Потемкина, выстроеннаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась главная квартира корпуса, которымъ онъ командовалъ во время занятія Крыма. Это прекрасное зданіе, въ видѣ кіоска въ весьма живописной долинѣ; его огибаетъ, извиваясь, ручей чистой воды. Такъ какъ въ этой мѣстности растутъ большія деревья и кусты, то князь воспользовался ими и разбилъ англійскій садъ, съ купальнями, кіосками и каскадами. Весь участокъ въ длину около 400 и приблизительно отъ 400 до 500 шаговъ въ ширину.

Тутъ же около выстроены казармы на русскій манеръ для трехъ полковъ пѣхоты. При нашемъ проѣздѣ мы, впрочемъ, не видали ни одного изъ этихъ полковъ, а видѣли только, какъ парадировалъ драгунскій полкъ изъ десяти эскадроновъ, человѣкъ по осмидесяти въ каждомъ. Отдаленіе, на которомъ они находились отъ насъ, не дозволило намъ подробнѣе разглядѣть ихъ: я успѣлъ только замѣтить, что они были выстроены въ два ряда; лошади здѣсь не получаютъ фуража и должны прокармливаться тощими, засохшими и выжженными пастбищами.

Имѣется артиллерійскій паркъ, въ 50 орудій. Вечеромъ былъ сожженъ фейерверкъ, по правдѣ сказать, роскошный; особенно удался послѣдній снопъ изъ ракетъ: такой роскоши и полета мнѣ еще никогда не случалось видѣть. Чтобы доставить Императрицѣ это зрѣлище, пришлось заставить промаршировать сюда, за двѣ тысячи верстъ, часть бомбардирской роты Преображенскаго полка. Теперь исполнивъ свое дѣло, они отправляются обратно въ Петербургъ. Если собразить, что Вѣна сюда ближе, чѣмъ Петербургъ, то можно себѣ представить, какова эта прогулка. За фейерверкомъ послѣдовала иллюминація не только всего англійскаго парка, но и всѣхъ окружающихъ высотъ, гдѣ въ двухъ мѣстахъ горѣлъ шифръ Императрицы. Все это—работа солдатъ: они наливали и зажигали стаканчики и даже надѣлали 100,000 плошекъ. Представьте себѣ, что сало для плошекъ привезено изъ окрестностей Москвы, и тогда вамъ будетъ понятно, что въ этой странѣ, не

Библиотека "Руниверс"

останавливаются ни передъ какими трудностями и издержками и что здѣсь все возможно".

Въ оффиціальномъ современномъ журналѣ путешествія Императрицы, камеръ-фурьеръ Волкодавъ также записалъ подробно все, что происходило въ Карасубазарѣ 26-го мая.

„Въ 9 часовъ вечера Ея Императорское Величество съ графомъ Фалькенштейномъ изволили присутствовать въ залѣ при продолженіи разговора и, между тѣмъ, благоволили быть въ провожаніи находящихся въ свитѣ особъ въ расположенномъ близь дома саду и нѣсколько времени гулять въ имѣющейся предъ тѣмъ же домомъ рощѣ; по возвращеніи Ея Величества и графа Фалькенштейна въ покои, зажженъ былъ неподалеку покоевъ пріуготовленный фейерверкъ съ произвожденіемъ прежде и послѣ фейерверка пушечной пальбы изъ поставленныхъ предъ домомъ на вершинѣ горы артиллерійскихъ пушекъ; по сожженіи фейерверка, горы, окружающія долину, гдѣ домъ съ садомъ и рощью, множественнымъ числомъ плошекъ были иллюминованы; причемъ показывало болѣе пріятность вида изображенное изъ зажженныхъ Фалькенштейномъ изъ залы, а какъ для смотрѣнія онаго собралось множественное число обитающихъ въ Карасубазарѣ татаръ, которые, стѣснившпишь, занимали горы и прежде, когда горѣли фейерверочныя колеса и щитъ, сколько сему любовались, столько напослѣдокъ были устрашены пущенными въ великихъ тысячахъ кучами ракетъ, отъ чего въ самое кратчайшее время не точію на горахъ, даже и въ низу оныхъ невидимо было татарскихъ зрителей".

27 мая Императрица утромъ гуляла въ саду, а послѣ обѣда, къ которому сверхъ свиты были приглашены: генералъ-аншефъ И. И. Меллеръ, правитель Каховскій, генералъ-маіоръ Денисовъ, статсъ-дама гр. Скавронская представила нѣкоторыхъ мѣстныхъ дамъ, и затѣмъ въ 5 часу выѣхали изъ Карасубазара въ Старый Крымъ. Отъ Карасубазара въ 30 верстахъ, при рѣчкѣ Андаль, во время проѣзда Императрицы на дорогѣ въ строю расположенъ былъ легкоконный Константиноградскій полкъ,—онъ встрѣтилъ поѣздъ музыкою на трубахъ съ литаврами. До Ста-

Библиотека "Руниверс"

раго Крыма оставалось еще 18 верстъ. Послѣ перемѣны лошадей при р. Андалѣ, за 5 верстъ до Стараго Крыма новая военная встрѣча—бригадиръ баронъ Шицъ, командовавшій легкоконнымъ Таврическимъ полкомъ, явился съ своими штабъ и оберъ-офицерами, и всѣ сопровождали Императрицу до самаго Стараго Крыма, куда и прибыли въ 7 часовъ вечера. У назначеннаго для Высочайшаго пребыванія дома былъ поставленъ почетный караулъ отъ Таврическаго полка. У подъѣзда встрѣтили Императрицу: генералъ-аншефъ Каховскій, гофмаршалъ кн. Барятинскій, правитель Каховскій и всѣ чиновники областнаго управленія.

„*Старый Крымъ* (Эски Крымъ) былъ въ старину однимъ изъ главнѣйшихъ городовъ Азіи и такъ великъ, что всадникъ нахорошемъ конѣ едва могъ объѣхать его въ половину дня. Египетскій султанъ Бибарсъ построилъ здѣсь великолѣпную мечеть, которой стѣны были покрыты мраморомъ, а верхъ порфиромъ. Въ городѣ были училища, гостинницы, въ которыхъ путешественники находили всякіе съѣстные припасы... Жители торговлею пріобрѣтали огромныя богатства, но были чрезвычайно скупы“. Такое преданіе о Старомъ Крымѣ передано писателемъ Дегинемъ въ 1756 г. (Ios. de Guignes. Histoire générale des Huns, des Tures etc. Paris, 1756. T. II. L. XVIII. p. 343).

Дворецъ для Императрицы былъ устроенъ къ Ея пріѣзду въ зданіи стариннаго армянскаго монастыря. Онъ сгорѣлъ въ 1825 г.

Переѣздъ 48 верстъ не утомилъ Императрицу, и выйдя изъ кареты, она хотѣла осмотрѣть прелестную мѣстность, началась прогулка въ саду, но „сѣрая погода и мокрота“, какъ записано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ, заставили Ее возвратиться въ комнаты. Послѣ бесѣды съ графомъ Фалькенштейномъ и съ своими спутниками Императрица въ 9 часовъ удалилась изъ „Собранія“.

Потемкинъ угощалъ ужиномъ всю свиту и пригласилъ еще генералъ-аншефа Каховскаго, генералъ-маіора Денисова, бригадира барона Шица, сопровождавшаго отъ Бахчисарая съ

Библиотека "Руниверс"

мурзами и хорунгою татаръ полковника Горича и всѣхъ штабъ и караульныхъ офицеровъ.

Вечеромъ, несмотря на дурную погоду, весь садъ около дворца и вся окружность были иллюминованы.

На слѣдующій день, 28 мая, собрались въ залъ дворца вся свита и гр. Фалькенштейнъ въ ожиданіи приказаній къ отъѣзду въ Ѳеодосію, какъ это было назначено Императрицею наканунѣ того дня. Императрица вышла въ „Собраніе“ въ 11 часу и прежде всѣхъ подозвала къ себѣ бывшаго тутъ бригадира Шица и сама возложила на него орденъ св. Владиміра 3-й степени — затѣмъ послѣдовалъ отъѣздъ въ Ѳеодосію, находящуюся въ 24 верстахъ отъ Стараго Крыма.

По приближеніи къ городу, на пути встрѣтили обитающіе въ городѣ татары, а передъ самымъ городомъ таврическій правитель Каховскій съ дворянами и греческимъ священникомъ съ крестомъ, также греческое купечество съ хлѣбомъ и солью. Въ Ѳеодосію прибыли въ 1-мъ часу по полудни къ обѣду, послѣ котораго Императрица осматривала съ графомъ Фалькенштейномъ тамошній монетный дворъ, гдѣ въ Ея присутствіи вычеканены были двѣ золотыя медали съ означеніемъ года, мѣсяца и дня, въ который Императрица и графъ Фалькенштейнъ были на ѳеодосійскомъ монетномъ дворѣ;—кн. Потемкинъ тутъ же поднесъ ихъ Императрицѣ и гр. Фалькенштейну.

Пробывъ до 3 часовъ въ Ѳеодосіи, Императрица возвратилась въ 6 часовъ опять въ Старый Крымъ, въ 7 часовъ съ графомъ Фалькенштейномъ прогуливалась въ саду и по обыкновенію въ 9 часовъ удалилась во внутреннія комнаты.

Любопытны впечатлѣнія Императора Іосифа II, произведенныя на него при поѣздкѣ съ Императрицею въ Старый Крымъ и Ѳеодосію.

„Этотъ городъ, нѣкогда знаменитый, теперь представляетъ одинъ лишь видъ разрушенія, такъ что изъ всѣхъ построекъ и изъ всѣхъ жителей, какіе въ немъ остались, едва ли можно было бы образовать порядочную деревню.

Проѣздомъ видѣли мы конно-егерскій полкъ въ шесть эскадроновъ, въ каждомъ до 64 лошадей. Это—гусары, пре-

Библиотека "Руниверс"

вращенные въ конныхъ егерей. Весь полкъ состоитъ изъ красивыхъ людей, сколько я могъ судить издали. Никакихъ эволюцій не производилось.

Эскадронъ, конвоировавшій Императрицу, весь состоялъ изъ молодыхъ людей и былъ построенъ съ большими претензіями на эффектъ. У нихъ нѣтъ другихъ штановъ кромѣ холщевыхъ, въ которыхъ они сидятъ на лошадяхъ. Можно себѣ представить ихъ положеніе, когда они построены сомкнутыми рядами, обремененные буклями и всякими другими принадлежностями. На зиму только выдаются суконные штаны.

Сверхъ такого превращенія гусаръ въ конныхъ егерей, кн. Потемкинъ сформировалъ еще нѣсколько гренадерскихъ полковъ, составляющихъ, говорятъ, корпусъ въ 10,000 человѣкъ. Тутъ набраны красивѣйшіе люди изъ цѣлой арміи. Независимо отъ этого, при пѣхотныхъ полкахъ осталось по двѣ гренадерскихъ роты, такъ что теперь гренадеры составляютъ почти треть всей арміи. Вся эта затѣя выдумана въ пользу нѣкоторыхъ лицъ, которымъ и розданы вновь учрежденные полки.

Сформировано еще вновь нѣсколько егерскихъ полковъ, число которыхъ должно быть доведено до 30,000 человѣкъ; сюда отбирали всѣхъ самыхъ красивыхъ и ловкихъ людей, не обращая вниманія на ростъ.

Эти егеря предназначаются для аванпостной службы, въ родѣ нашихъ кроатовъ. Они раздѣлены на полки и батальоны. Всѣ одѣты въ зеленые мундиры; но нарѣзныя ружья имѣются только у унтеръ-офицеровъ, а у рядовыхъ простые пѣхотные мушкеты. Численность арміи отъ этого нисколько не усилилась; она напротивъ уменьшилась на то число людей, которые вошли во вновь сформированные полки; четыре батальона, каждый въ четыре роты, по двѣсти человѣкъ въ ротѣ, не считая унтеръ-офицеровъ, составляютъ полкъ, въ которомъ поэтому должно было бы имѣть 3200 ружей. Но они теперь далеко не въ полномъ составѣ, и о многихъ полкахъ, находящихся въ Крыму, мнѣ откровенно признавались, что въ нихъ насчитываютъ на лицо едва по 700 человѣкъ, изъ коихъ около 500 въ госпиталѣ, а остальные до того завалены всякими работами по постройкамъ,

Библиотека "Руниверс"

проведенію дорогъ, сѣнокосу и пр., что вотъ уже три года, какъ они ни разу не были на ученьи. Кавалеріи тоже трудно учиться, потому что даже зимою лошадямъ не даютъ овса.

Въ Крыму командуетъ генералъ Каховскій: вы его, можетъ быть, помните. Онъ въ Семилѣтнюю войну состоялъ помощникомъ генералъ-квартирмейстера при Ферморѣ, а потомъ находился при корпусѣ Репнина въ нашей арміи. Онъ, кажется, человѣкъ съ толкомъ и, между прочимъ, очень хорошо говоритъ понѣмецки.

Сегодня мы ѣздили въ Кафу, нѣкогда знаменитый и главный торговый городъ въ этой мѣстности.

Что бы осмотрѣть его поподробнѣе, я за нѣсколько часовъ уѣхалъ туда прежде Императрицы, потому что при ней некогда ничѣмъ заняться. Теперь этотъ городъ—собраніе жалкихъ развалинъ, свидѣтельствующихъ, впрочемъ, о его прежнемъ богатствѣ. Существуютъ еще великолѣпныя мечети, бывшія когда-то христіанскими храмами, и великолѣпныя бани. Городъ имѣетъ прекрасную бухту и превосходный рейдъ. Когда русскіе завладѣли городомъ, въ немъ, по ихъ собственному признанію, было 30,000 жителей, грековъ, татаръ и армянъ; въ настоящее же время насчитываютъ не болѣе 400 душъ. Зданія всѣ раскрыты русскими; они растащили дерево на топливо, а остальное пошло на постройку казармъ, такъ что теперь всѣ эти зданія разрушаются и превращаются въ развалины.

Въ гавани стояло нѣсколько торговыхъ судовъ, ожидавшихъ попутнаго вѣтра, чтобы отплыть въ Таганрогъ на Азовскомъ морѣ, гдѣ теперь исключительно сосредоточена вся торговля. Керчь и Эникале разорены въ конецъ, а на Тамани совсѣмъ нѣтъ жителей. Городъ этого имени, нѣкогда значительный, также разоренъ въ конецъ.

Вотъ въ какомъ положеніи находится Крымъ: поля стоятъ безъ рукъ для обработки, порты и берега безъ торговли и матросовъ. Нѣтъ ни одного торговаго русскаго судна, и подъ русскимъ флагомъ разъѣзжаютъ далматинцы, либо греки изъ Корфу и Кефалоніи, все подданные венеціанской республики,

Библиотека "Руниверс"

такъ что если русскимъ понадобится снарядить корабль въ экспедицію, то матросовъ придется имъ вызывать изъ Кронштадта или изъ Архангельска, или составлять экипажъ изъ новобранцевъ, никогда не видавшихъ моря и не имѣющихъ понятія даже о томъ, что такое корабельная веревка.

Татары, еще не выселившіеся изъ Крыма, очень недовольны, и особенно муллы. По дорогѣ въ Кафу Императрицѣ подано болѣе ста прошеній, все отъ желающихъ выселиться. Она очень разсердилась и хочетъ, кажется, выпроводить всѣхъ ихъ вонъ отсюда, разсчитывая, что ихъ легко будетъ замѣнить колонистами, которыхъ, она думаетъ, найдетъ довольно; но въ этомъ есть основаніе усумниться, такъ какъ всѣ поселившіеся здѣсь нѣмцы или венгерцы жизни не рады, что переселились и очень хотѣли бы поскорѣе убраться во свояси.

Изъ Вероны выписанъ нѣкій кавалеръ, страшно безпутный малый, для разведенія шелковичныхъ червей. Насѣяли кромѣ того марены, насадили токайскихъ лозъ, очертя голову надѣлали разныхъ другихъ экспериментовъ; но такъ какъ во всемъ этомъ дѣйствуютъ безъ всякой выдержки и системы, то всѣ эти затѣи кончаются такъ же скоро, какъ и возникаютъ.

Между тѣмъ видно, что въ прежнее время земля была хорошо обработана, судя по значительному количеству еще уцѣлѣвшихъ тутовыхъ и всякихъ другихъ плодовыхъ деревьевъ. Виноградъ также удается, особенно на берегу моря, около Судака; но и тѣ немногіе жители, какіе тамъ еще остались, тоже собираются бѣжать.

Единственнымъ способомъ для извлеченія изъ Крыма возможной пользы мнѣ, по крайней мѣрѣ, представляется проложеніе путей сообщенія отъ моря черезъ горы къ долинамъ и къ равниной части, и заселеніе долинъ и побережья, отличающихся необычайнымъ плодородіемъ и изобилующихъ лѣсами, виноградниками, всякаго рода плодами и рыбою. Эти выгодныя условія могли бы привлечь поселенцевъ, которые здѣсь нашли бы гораздо болѣе удобныя условія для существованія, нежели въ степяхъ, гдѣ нѣтъ ни камней, ни лѣса для построекъ, не достаетъ воды, и которыя скорѣе годились бы для

Библиотека "Руниверс"

разведенія скота. Такимъ способомъ въ Крыму можно было бы сформировать моряковъ и извлечь изъ почвы различные продукты для вывоза. Это вызвало бы торговлю, создало бы торговый флотъ, приготовило бы лоцмановъ и матросовъ, освоенныхъ съ Чернымъ и Азовскимъ морями, съ Константинопольскимъ проливомъ со всѣми рѣчными устьями. Это дало бы возможность навсегда устранить далматинцевъ и другихъ венеціанскихъ подданныхъ, которые теперь, только прикрываясь, какъ маскою, русскимъ флагомъ, держатъ въ своихъ рукахъ всю торговлю. Тогда обезпечили бы себя опытными и искусными лоцманами и матросами практически знакомыми съ моремъ и со всѣми портами; изъ этихъ матросовъ могли бы набираться экипажи и для военныхъ судовъ Севастопольскаго флота. Если примутся за дѣло иначе, то упустятъ изъ виду самое существенное и слѣдовательно не подвинутъ впередъ осуществленіе великаго замысла, состоящаго въ изгнаніи турокъ изъ Европы".

Графъ Сегюръ, съ которымъ во время этой поѣздки по южному берегу Крыма случилось въ Ѳеодосіи оригинальное происшествіе, оставилъ въ своихъ запискахъ любопытный разсказъ: „На слѣдующій день послѣ этого праздника (въ Карасубазарѣ), котораго пышность, кажется, расшевелила гордыхъ и равнодушныхъ мусульманъ, Екатерина, сдѣлавъ смотръ огромному корпусу войскъ, уѣхала въ сопровожденіи обычныхъ своихъ татарскихъ тѣлохранителей, черезъ горы, въ направленіи въ Судаку. На пути мы проѣхали черезъ греческое поселеніе Топли и татарскую деревню Елбузи.

Судакъ довольно изрядная пристань для судовъ. Городъ, въ 55 верстахъ отъ Карасубазара, выстроенъ на высокой и одинокой скалѣ, близъ моря. Скала съ трехъ сторонъ окружена горами и весьма глубокими пропастями; видъ этотъ понравился мнѣ своимъ разнообразіемъ и величавостью.

Судацкій виноградъ почитается лучшимъ въ Крыму; онъ разросся по долинѣ почти на 12 верстъ. Плодовитыя лозы растутъ вмѣстѣ со множествомъ фруктовыхъ деревъ и такимъ образомъ представляютъ естественный садъ, который пріятно пора-

Библиотека "Руниверс"

жаетъ взоръ, особенно противоположностью своей съ окрестными высокими горами, шумящими водопадами и мрачными рощами. Мы продолжали путь по западному берегу Тавриды и прибыли въ Старый Крымъ, въ 20-и верстахъ отъ Судака и столькихъ же отъ Ѳеодосіи. Старый Крымъ, извѣстный съ VI вѣка, въ XIII сталъ значительнымъ городомъ по торговлѣ. Торговля эта упала послѣ нашествія татаръ; однакожъ нѣкоторые изъ ихъ хановъ имѣли здѣсь свое мѣстопребываніе. Греки называли его Каркой, а татары—Эски-Крымомъ, т. е. старою крѣпостью. Императрица дала ему наименованіе Левкополя. Мы проѣхали по обширной долинѣ, окруженной горами, привлекающими вниманіе разнообразіемъ своихъ уступовъ и извилинъ. Между ними есть высокая гора, съ которой видны Черное и Азовское моря и Сивашъ. Мы останавливались не долго и въ нѣсколько часовъ достигли стѣнъ или, лучше сказать, развалинъ несчастной и знаменитой Ѳеодосіи.

Она носила это благозвучное имя во времена своего величія. Татары пораженные ея великолѣпіемъ, назвали се Керимъ-Стамбули, т. е. Крымскимъ Константинополемъ. Со времени ея разрушенія ее звали Кафою. Екатерина возвратила ей древнее названіе, но, вѣроятно, безъ намѣренія возвратить ей прежнее величіе. Когда Екатерина сдѣлалась владѣтельницею Крыма, сохранились только остатки этого знаменитаго города. Мы нашли въ немъ едва 2,000 жителей, бродящихъ среди развалинъ храмовъ, дворцовъ, пышныхъ зданій; здѣсь царствовало безмолвіе, разрушеніе. При взглядѣ на эту мрачную картину, столь противоположную съ волшебными созданіями, доселѣ поражавшими взоры Императрицы, она не могла удержать порывы грусти. Казалось, сама судьба хотѣла въ концѣ этой торжественной поѣздки умѣрить восторгъ Ея грустнымъ видомъ этихъ краснорѣчивыхъ свидѣтелей человѣческой превратности и разрушенія, которому должны подвергнуться цвѣтущіе города, и котораго не избѣгнутъ величайшія государства. Чтобы разсѣять впечатлѣніе, произведенное этими развалинами и этой пустынею, мы проѣхались по Керченскому полуострову... Императрица прежде намѣревалась обогнуть его по берегу въ направленіи

Библиотека "Руниверс"

къ сѣверу, чтобы затѣмъ увидѣть Арабатъ, Маріуполь, Таганрогъ, Черкаскъ, главный городъ донскихъ казаковъ, и наконецъ Азовъ. Но осеннее время, вредный береговой климатъ, и важность дѣлъ, призывавшихъ Ее въ столицу, заставили Ее перемѣнить это намѣреніе. И такъ, Ѳеодосія была предѣломъ нашего огромнаго путешествія.

Передъ отъѣздомъ изъ края этихъ печальныхъ развалинъ со мною случилось странное приключеніе, которое однако я бы не счелъ нужнымъ разсказывать, если бы оно, по моему мнѣнію, не давало настоящаго понятія о странѣ, въ которой господствуетъ неволя, и вмѣстѣ съ тѣмъ не выказывало бы оригинальности Петемкина. Мы уже готовы были къ отъѣзду: Императрица уже сѣла въ карету, и я, чтобы послѣдовать за нею. быстро спускался по наружной лѣстницѣ дворца. Вдругъ вижу я молодую женщину въ азіатской одеждѣ; ея станъ, походка глаза, лобъ, ротъ, словомъ всѣ черты отличались непостижимымъ сходствомъ съ чертами моей жены. Я онѣмѣлъ отъ удивленія; я думалъ, не во снѣ ли я; въ первыя минуты я предположилъ, что жена моя пріѣхала ко мнѣ изъ Франціи, что отъ меня это скрыли и вздумали приготовить мнѣ нечаянную встрѣчу, Вѣдь воображеніе живо, а я находился въ странѣ чудесъ. Однако Потемкинъ, замѣтивъ, что я онѣмѣлъ, какъ статуя, и не отвѣчаю на его зовъ, пошелъ сказать объ этомъ Императрицѣ. Молодая женщина удалилась; короткій сонъ мой разсѣялся; въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ я его князю. „Не ужели она до такой степени похожа“, сказалъ онъ мнѣ. „Похожа до невѣроятности“, сказалъ я.

„Такъ что же, батюшка, сказалъ онъ смѣясь,—эта молодая черкешенка принадлежитъ человѣку, который отдастъ ее мнѣ, и только что мы пріѣдемъ въ Петербургъ, я вамъ ее подарю“. „Благодарю васъ, сказалъ я въ свою очередь;—я не приму ее и полагаю, что этотъ порывъ чувства покажется неприличнымъ моей женѣ“.

Мы разстались, и я думалъ, что тѣмъ дѣло и кончится. Но, вскорѣ князь далъ мнѣ почувствовать, что мой отказъ ему не понравился, и ему показалось, что я черезчуръ спесивъ

Библиотека "Руниверс"

и не хочу принять отъ него подарка. Я сказалъ ему, что докажу ему противное и согласенъ принять все, что ему вздумается мнѣ подарить [1]).

Мы разсказали выше, что Императрица, въ *Старомъ Крыму*, вечеромъ 28 мая, сдѣлавъ прогулку по саду съ гр. Фалькенштейномъ, удалилась въ свои покои въ 9 часовъ вечера. Она спѣшила писать къ своимъ дорогимъ внукамъ великимъ князьямъ.

„Ваши имянины, (писала Императрица къ великому князю Константину Павловичу) привелъ Богъ праздновать въ Бахчисараѣ; на другой день мы поѣхали въ Севастополь, гдѣ мы нашли 15 кораблей и фрегатовъ военныхъ на морѣ; тутъ вспомнили мы, что до Петербурга было верстъ тысячи полторы, а до Царяграда сутки двое моремъ. Мы поѣхали оттуда чрезъ высокія горы; на одну шесть верстъ должно было подниматься, и опять пріѣхали въ Бахчисарай ночевать; завтра уже я буду на обратномъ пути и поспѣшу къ вамъ, колико можно; надѣюсь васъ обнимать недѣли чрезъ три въ Коломенскомъ дворцѣ; между тѣмъ будьте увѣрены, что я васъ люблю сердцемъ и душою. Екатерина.

Урочище Старый Крымъ въ 20-ти верстахъ отъ Ѳеодосіи, что называлась прежде сего Кафа. Мая 28, 1787“.

„...Здѣшнія мѣста прекраснѣйшія, которыя я видѣла отъ роду. По сю пору здѣсь ни тепло, ни холодно, но погода самая пріятная. Вездѣ сады въ лощинахъ, окружены они горами. Севастопольской гавани подобной трудно сыскать, въ оной разныхъ заливовъ множество, глубина вездѣ одинакая, такъ что не только купеческіе, но и самые большіе военные корабли могутъ вездѣ пристать къ самому берегу. Земля здѣсь изобильна, деревья вышины и толщины необыкновенной. Татары вездѣ

[1]) Князь Потемкинъ не позабылъ этого и, по возвращеніи своемъ въ столицу, послѣ взятія Очакова, онъ прислалъ Сегюру калмыцкаго мальчика, котораго звали Нагунамъ, и у котораго была преоригинальная китайская рожица. Сегюръ занялся имъ нѣсколько времени, училъ его читать; но передъ отъѣздомъ его во Францію, графиня Кобенцель, которой мальчикъ понравился, такъ усердно стала упрашивать Сегюра оставить его у нея, что онъ согласился, но сохранилъ портретъ этого калмыченка.

Библиотека "Руниверс"

весьма ласково насъ принимаютъ и всячески ищутъ, какъ лучше угостить; въ Бахчисараѣ, ночь цѣлую не выходя изъ мечети, молились весьма громогласно о благополучномъ продолженіи пути моего; дорога сія мнѣ тѣмъ паче пріятна, что вездѣ нахожу усердіе и радѣніе, и, кажется, весь сей край въ короткое время ни которой россійской губерніи устройствомъ и порядкомъ ни въ чёмъ не уступитъ. Прощайте, мой другъ; дай Боже, чтобъ вы къ Москвѣ пріѣхали въ добромъ здоровьѣ и не скучали дорогою; безъ труда въ свѣтѣ никуда не поспѣешь. Мнѣ весьма будетъ радостно васъ видѣть; вы знаете, что я васъ люблю сердцемъ и душою. Екатерина.

Урочище Старый Крымъ, мая 28 ч., 1787".

Храповицкій въ своихъ запискахъ оставилъ намъ слѣдующія отмѣтки:

„27 мая. Пріѣхали ночевать въ Старый Крымъ. Татары спрашивали, зачѣмъ Иловайскій въ своей одеждѣ, и когда имъ сказали, что такой обычай у козаковъ, то отозвались, что равнымъ образомъ и изъ татаръ древніе обычаи выходить будутъ золотниками".

"28 мая. Письмо къ великимъ князьямъ, съ похвалою Тавриды, Севастопольской гавани и климата. Въ доказательство привязанности татаръ, сказывали, что въ Бахчисараѣ молились цѣлую ночь о благополучномъ совершеніи путешествія. Переписалъ стихи, начатые въ Бахчисараѣ, въ похвалу князя Потемкина. Обѣдали въ бывшей Кафѣ или Ѳеодосіи.

На другой день 29 мая назначенъ былъ въѣздъ изъ Стараго Крыма въ Карасубазаръ.

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

КАМЕННЫЙ ЗАТОНЪ
И БѢЛОЗЕРСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА ДНѢПРѢ.

Названная мѣстность, расположенная въ области Великаго Днѣпровскаго луга по рѣкѣ Конкѣ, близъ Никополя, по останкамъ сохранившейся здѣсь старины принадлежитъ къ числу выдающихся достопримѣчательностей нижняго Днѣпра.

Въ „Запискахъ“ Эриха Лассоты, путешествовавшаго къ запорожцамъ въ 1594 г. къ этой мѣстности относится слѣдующее свидѣтельство: „... Проѣхали мимо Мамай-Сурки, древняго городища или валовой насыпи древняго замка, находящагося на татарской сторонѣ; затѣмъ мимо рѣчки Бѣлозерки, идущей изъ татарской степи и образующей передъ своимъ впаденіемъ въ Днѣпръ озеро, при которомъ также есть городище и валовая насыпь древняго большаго города. Затѣмъ прошли мимо Каменнаго затона или залива Днѣпра тоже на татарской сторонѣ съ каменистымъ берегомъ, объясняющимъ названіе этого затона. Здѣсь татары имѣютъ обыкновеніе переправляться черезъ Днѣпръ зимою, когда рѣка покрыта льдомъ. Здѣсь также производится у нихъ выкупъ (odkup) плѣнныхъ и въ этомъ мѣстѣ начинается высокій валъ, который тянется до Бѣлозерки; подлѣ этого вала лежитъ большой каменный шаръ, свидѣтельствующій, что нѣкогда тутъ происходило большое сраженіе“.

Князь Мышецкій, пробывшій на Запорожьи съ 1736 по 1740 г., относительно занимающей насъ мѣстности записалъ: „Оный Каменный затонъ построенъ отъ россіянъ въ войну съ

Библиотека "Руниверс"

турками въ 1696 году; а въ 1736 г. отъ россіянъ же былъ построенъ тутъ редутъ. (На рѣкѣ Бѣлозерки) былъ славный, старинный городъ, именуемый Бѣлозерка-жъ, который былъ построенъ отъ древняго нѣмецкаго народа франковъ, которые въ ту пору здѣсь жили. А по нихъ тамо имѣлася въ томъ градѣ владѣтельница, прозываемая Бѣлозерская и имѣла тутъ малое владѣніе. А какъ татарскій ханъ Мамай шелъ на Россію съ войною, то оная владѣтельница отъ страху оставила тотъ городъ и поселилась внизу Днѣпра по Очаковской сторонѣ... а Мамай пришелъ, оный городъ разорилъ. (На рѣчкѣ Мамай-Суркѣ) отъ татарскаго хана Мамая былъ построенъ городъ на имя свое Мамай".

Приведенное легендарное сказаніе князя Мышецкаго не заключаетъ въ себѣ какихъ либо цѣнныхъ указаній, такъ какъ онъ писалъ свою исторію съ чужихъ словъ, принимаемыхъ имъ на вѣру безъ надлежащей критики, что и оказывается при близкомъ ознакомленіи съ его трудами. Если этотъ авторъ пріурочиваетъ запорожскія сѣчи къ мѣстамъ Канева и Переволотной и даже допускаетъ пребываніе сѣчи въ 30 вер. отъ Чернигова, то приходится съ недовѣріемъ относиться къ его невѣроятному сообщенію о Бѣлозерскомъ городищѣ. Иное значеніе имѣютъ замѣтки Лассоты, отличающіяся большою фактическою точностью, какъ можно убѣдиться, между, прочимъ изъ провѣрки заключающихся въ его запискахъ географическихъ свѣдѣній по пути отъ Кіева до Кичкасскаго перевоза Днѣпромъ и дальше по Великому лугу до днѣпровскаго протока Чертомлыка.

Въ „Русскихъ трактатахъ" А. Русова, въ цитатѣ изъ Манштейна о Бѣлозерскомъ городищѣ читаемъ: „Въ двухъ мѣстахъ этого края (поднѣпровья въ предѣлахъ нынѣшней Новороссіи) есть слѣды городовъ; одинъ изъ нихъ Бѣлозерка, имѣвшій собственнаго своего государя, былъ разбренъ и разрушенъ татарскимъ княземъ Мамаемъ, который очень прославился въ 14 вѣкѣ".

Библиотека "Руниверс"

Очень смутныя историческія свидѣтельства о прошлой судьбѣ интересующей насъ мѣстности заключаютъ, однако, въ себѣ опредѣленное указаніе на видную ея роль во время, предшествующее козацкому періоду на нижнемъ Днѣпрѣ.

Отмѣтимъ современные черты описываемаго небольшаго района. Каменный затонъ представляетъ собою весьма характерный заливъ, болѣе узкій со стороны Днѣпра и затѣмъ разширяющійся до 200—300 саж.; по длинѣ заливъ этотъ тянется почти на двѣ версты, заканчиваясь сравнителько узкой полосой, куда вливается „течія“ со стороны лѣвобережной низменной равнины. При такомъ объемѣ и фигурѣ Каменный затонъ можетъ помѣстить въ себѣ значительную рѣчную флотилію,—и весьма возможно, что въ давнюю пору заливъ этотъ и имѣлъ такое значеніе для обитателей Нижняго Днѣпра [1]). На правой сторонѣ Каменнаго затона можно видѣть слѣды редута, о времени сооруженія котораго говоритъ князь Мышецкій въ приведенной выше выдержкѣ изъ его исторіи о козакахъ запорожскихъ. Дальше въ правую же сторону за Каменнымъ затономъ потянулись „кучугуры“ (песчаные холмы), пользующіяся извѣстностью на далекое разстояніе.

Отъ каменнаго затона прямой путь по рѣкѣ Конкѣ къ Бѣлому озеру, соединяющемуся съ Конкой короткимъ концомъ незначительной рѣчки Бѣлозерки. Озеро занимаетъ площадь въ нѣсколько тысячъ десятинъ, не глубоко (не глубже $2^1/_2$ ар.) изобилуетъ рыбою. По лѣвую сторону озера тянется большое село Каменка, по правую—развернулось почти на 10 верстъ вдоль огромное село Большая Знаменка. Пространство между с. Каменкой и р. Конкой, ограниченное Каменнымъ затономъ и Бѣлымъ озеромъ, занято отмѣченными выше песчаными кучугурами съ массой черепковъ битой посуды, между прочимъ,

---

[1]) Обслѣдованіе вопроса, не представляетъ ли Каменный затонъ искусственнаго сооруженія со стороны спеціалистовъ гидротехниковъ имѣло бы весьма важное значеніе для выясненія прошлой судьбы днѣпровскаго низа.

Библиотека "Руниверс"

древнихъ амфоръ (остроконечныя донья и длинныя ручки этихъ типичныхъ судовъ). Площадки, сплошь покрытыя черепками на лощинахъ между кучугурами тянутся здѣсь верстъ на 5 въ длину и версты на 3 въ ширину. Рядомъ съ черепками встрѣчается здѣсь много выбѣленныхъ дождемъ и солнцемъ зубовъ различныхъ животныхъ. Лѣтъ 10 назадъ, пока кучугуры не были засажены „шелюгомъ“ здѣсь находили часто стрѣлы различныхъ видовъ и размѣровъ, иногда съ конскимъ волосомъ въ дырочкахъ у основанія стрѣлъ, а также разнообразныя металлическія пряжки, пуговицы и монеты; между послѣдними встрѣчались и золотыя. Такія находки очень охотно покупались евреями на никопольскихъ базарахъ, почему изъ Каменки всякій разъ послѣ большаго вѣтра выходили „черидками“ дѣти для поисковъ въ кучугурахъ. Заслуживаетъ вниманія также и то, что мѣстные жители въ этихъ кучугурахъ не особенно давно находили много камня, которымъ были выложены, будто-бы, погреба.—Остатки землянаго вала между Каменнымъ затономъ и Бѣлымъ озеромъ сохранились лишь въ немногихъ мѣстахъ; въ чертѣ каменскихъ усадьбъ валъ срытъ мѣстами до основанія. Отъ каменнаго большаго шара, который видѣлъ здѣсь Лассота, возвращаясь отъ запорожцевъ съ Базовлукскаго острова, не осталось никакихъ слѣдовъ ни въ вещественныхъ остаткахъ, ни въ народномъ преданіи. Такова мѣстность, гдѣ въ 16 вѣкѣ татары производили „odkup“ плѣнныхъ.

Неменѣе интересною представляется также мѣстность по правую сторону Бѣлаго озера, между озеромъ и р. Конкой. Здѣсь находится древнее городище, представляющее двѣ части: „городокъ“ при рѣкѣ Конкѣ и „Городище“ при Бѣломъ озерѣ. *Городокъ*, занимающій площадь значительно меньшую по сравненію съ городищемъ, представляетъ правильный четырехъугольникъ, огражденный земляной насыпью до 40 шаговъ черезъ верхъ,—валъ параллельный р. Конкѣ тянется въ длину шаговъ на 900, а два перпендикулярныхъ шаговъ на 400; къ валу, ограждающему городокъ, со стороны степи съ наружной стороны примыкаетъ ровъ, глубиною (по его сторонѣ) около

Библиотека "Руниверс"

10 шаговъ; южный валъ прерывается на нѣсколько саженей въ томъ мѣстѣ, гдѣ выдвигаясь наружу за линію вала, возвышаются курганы объемомъ около 20 шаговъ черезъ верхъ. Внутри городка хорошо замѣтна вторая линія валовъ, параллельныхъ отмѣченнымъ здѣсь. Въ чертѣ городка близъ сѣвернаго вала по направленію къ рѣкѣ Конкѣ сдѣланъ прокопъ, повидимому для удобнаго сообщенія съ рѣкою, берегъ которой на мѣстѣ городка довольно крутой. Внутри городка возвышается нѣсколько кургановъ. За чертой городка на поворотѣ р. Конки замѣтны слѣды редута, обваливающагося въ рѣку.—*Городище*, примыкающее къ Бѣлому озеру, огорожено валомъ только съ одной южной стороны. Валъ здѣсь нѣсколько ниже, чѣмъ въ городкѣ, но съ такимъ же рвомъ со стороны степи и такими же перерывами въ валу и курганами съ наружной стороны. Валъ этотъ тянется на разстояніи около полуторы версты, не доходя до Бѣлаго озера саженей на 100 вслѣдствіе ежегодныхъ разливовъ озера въ весеннее половодье. Всѣ отмѣченные валы, находящіеся въ чертѣ крестьянскихъ усадьбъ Большой Знаменки, довольно хорошо сохранились.

Общій видъ описанной мѣстности между Бѣлымъ озеромъ и р. Конкой представляется на прилагаемой къ статьѣ картѣ.

Въ Большой Знаменкѣ у мѣстныхъ крестьянъ были встрѣчены нами двѣ амфоры, вывалившіяся изъ крутаго берега въ рѣку Конку. Выбѣленныя снаружи амфоры сдѣланы изъ красной глины; высота ихъ $1^1/_4$ арш., толщина въ самомъ широкомъ мѣстѣ подъ шейкой около $^1/_2$ арш. въ діаметрѣ. Такія амфоры, по словамъ мѣстныхъ жителей, вываливаются въ Конку почти всякій годъ, но обыкновенно забрасываются, не находя примѣненія въ крестьянскомъ хозяйствѣ по неустойчивости. Въ одной изъ видѣнныхъ нами амфоръ, впрочемъ, были посолены огурцы.

На горѣ Малой—Суркѣ не сохранилось ясныхъ слѣдовъ древняго замка, о которомъ упоминаетъ Эрихъ Лассота въ сво-

Библиотека "Руниверс"

Днѣпръ.

Каменный затонъ.

5

Р. Конка.

Направленіе насыпи.

С

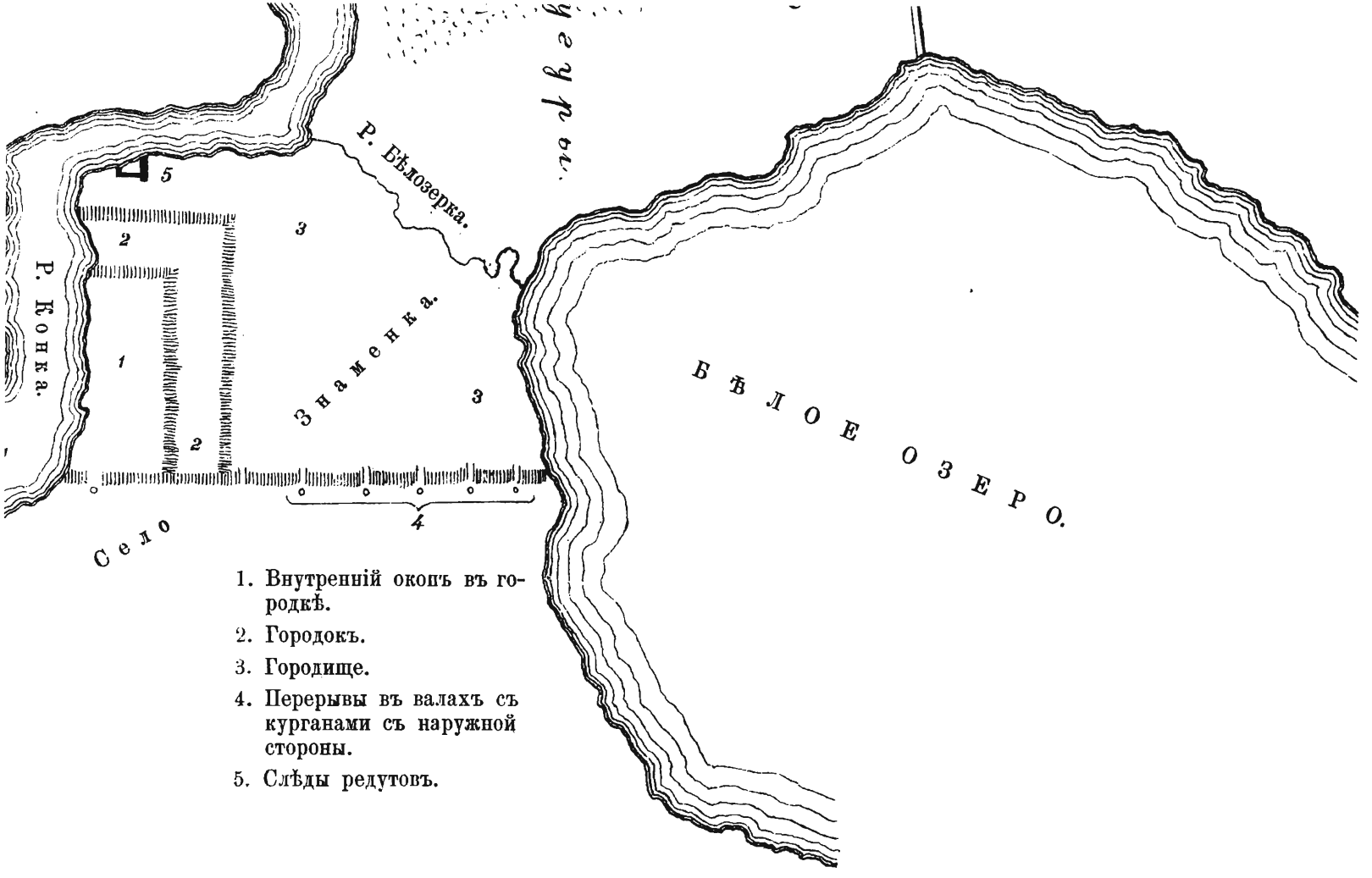
10

Масштабъ:
около версты въ дюймѣ.

К а м е н к а

ая Знаменка).

Библиотека "Руниверс"

1. Внутренній окопъ въ городкѣ.
2. Городокъ.
3. Городище.
4. Перерывы въ валахъ съ курганами съ наружной стороны.
5. Слѣды редутовъ.

Библиотека "Руниверс"

ихъ запискахъ. Эта высокая и крутая гора представляетъ двѣ террасы, причемъ на нижней, отстоящей отъ вершины саженъ на 50, расположены въ рядъ два огромныхъ кургана шаговъ до 80 черезъ верхъ. Здѣсь же, нѣсколько впереди кургановъ, высится огромный природный холмъ; внизъ отъ холма спускается рытвина; глубокое провалье, тянущееся отъ вершины и до подошвы горы, примыкаетъ къ обѣимъ террасамъ съ западной стороны. Склонъ Мамаевой горы достигаетъ сажень 300. Отмѣченные огромные курганы изрыты кладоискателями, къ счастью, не глубокими ямами.

Къ одной мѣстности, находящейся между Мамаевой горой и Бѣлозерскимъ городищемъ относится довольно загадочное въ данномъ случаѣ названіе „казанъ“. Къ какой собственно мѣстности относится это названіе, большезнаменскіе жители не умѣли выяснить. Одни названіе „казанъ“ относили къ котлообразной равнинѣ между Мамаевой горой и Бѣлозерскимъ городищемъ, другіе пріурочивали такое же названіе къ одному мѣсту на рѣкѣ Конкѣ, на которомъ, будто бы, утонулъ человѣкъ въ поискахъ за выпущеннымъ изъ рукъ, при переправѣ черезъ рѣку, обыкновеннымъ, домашнимъ казаномъ. Послѣдній варіантъ, по крайней наивности, въ народномъ впрочемъ духѣ, вовсе не выдерживаетъ критики; приурочиваніе названія „казанъ“ къ обширной котлообразной равнинѣ также непонятно.

Какъ достопримѣчательность современнаго быта жителей Каменки и Большой Знаменки, особенно послѣдней, должны быть отмѣчены роскошные сады и виноградники, пользующіеся извѣстностью даже за предѣлами новороссійскаго края. Виноградники изъ лозъ, не уступающихъ по достоинству крымскимъ, даютъ огромную массу винограда, заполняющаго большинство новороссійскихъ рынковъ, вывозимаго также въ сосѣднія губерніи, какъ полтавскую, харьковскую и проч. Приготовляемое изъ мѣстнаго винограда вино, не отличающееся высокимъ качествомъ, по неумѣнію приготовить, имѣетъ также значительный сбытъ по дешевизнѣ.

Библиотека "Руниверс"

По пути изъ Большой Знаменки къ Каменному затону уже не приходится изумляться при видѣ массы черепковъ. Если мѣстность при Бѣломъ озерѣ и въ давнее время производила виноградъ въ огромномъ количествѣ, что вполнѣ возможно, то въ такомъ мѣстѣ вполнѣ естественно встрѣтить массу черепковъ битыхъ амфоръ и другой посуды, употребляющейся для вина.

Этимъ и ограничиваются наши наблюденія замѣчательныхъ остатковъ старины въ окрестностяхъ Каменнаго затона и Бѣлаго озера. Вѣское слово о нихъ можетъ сказать только спеціалистъ—археологъ.

Л. Падалка.

Библиотека "Руниверс"

ОБРАЩЕНІЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЛАТИНСКІЙ КОСТЕЛЪ.

(Эпизодъ изъ исторіи церковно-бытовыхъ отношеній между православіемъ и католичествомъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія).

Въ овручскомъ уѣздѣ волынской губерніи есть совершенно незамѣтное и ничѣмъ не выдающееся въ настоящее время м. Славечня, въ которомъ около ста лѣтъ тому назадъ разыгралась любопытная исторія, долго привлекавшая къ себѣ вниманіе разныхъ вѣдомствъ, а особенно духовнаго, и служившая предметомъ немалыхъ споровъ и пререканій между ними. Эти споры и пререканія вызвали обширную переписку и дали въ результатѣ громадное дѣло, представляющее массу интересныхъ данныхъ для характеристики тогдашнихъ общественныхъ нравовъ и административныхъ порядковъ. Здѣсь, какъ въ фокусѣ, собраны многія черты, бросающія яркій свѣтъ на тогдашнее неупроченное положеніе духовенства, безправіе народа, всевластіе шляхты, удивительную волокиту въ судахъ. Въ виду этого мы намѣрены болѣе подробно познакомить читателей съ обстоятельствами этого дѣла.

Въ 1787 году прибылъ въ м. Славечню владѣлецъ этого имѣнія [1]), виленскій бискупъ князь Масальскій. Будучи въ мѣстной церкви за обѣдней, онъ обратилъ вниманіе на то, что церковь совершенно обветшала и дальнѣйшее ея существованіе не возможно; поэтому, призвавъ къ себѣ послѣ обѣдни

[1]) Оно вскорѣ затѣмъ перешло въ руки графа В. Потоцкаго и стало ключемъ его имѣній.

Библиотека "Руниверс"

почетнѣйшихъ прихожанъ и церковныхъ братчиковъ, онъ указалъ имъ на необходимость озаботиться постройкою новой церкви. Прихожане, вѣроятно, и сами отлично понимали, что медлить нельзя, но скудость церковной кассы не позволяла имъ серьезно приняться за дѣло: въ „карнавкѣ“ было всего около 300 злотыхъ. Между тѣмъ 2600 злотыхъ громадскихъ денегъ находилось въ владѣльческомъ скарбѣ; вотъ эти-то деньги прихожане и просили владѣльца разрѣшить имъ употребить на постройку церкви. Бискупъ Масальскій удовлетворилъ просьбу прихожанъ и даже болѣе того—велѣлъ своей экономіи выдавать изъ скарбу, сверхъ этихъ денегъ, столько, сколько бы понадобилось на постройку церкви. Кромѣ того онъ выдалъ зашнурованную книгу для веденія отчета по употребленію денегъ, выдалъ и планъ и поручилъ производство постройки своему коммиссару Вильчинскому.

Крестьяне тотчасъ принялись за вывозку матеріала и, благодаря помощи сосѣдей, живо справились съ этимъ дѣломъ. Вильчинскій съ своей стороны не имѣлъ повода оттягивать постройку церкви, и когда все было готово для закладки, нанялъ, при участіи прихожанъ и съ ихъ согласія, за 700 злот. мастера, съ которымъ и заключилъ контрактъ. Основаніе новой церкви первоначально имѣлось въ виду положить „въ кругъ старой церкви“, но Вильчинскій почему-то выбралъ въ 10 шагахъ отъ этой послѣдней мѣсто, которое славечанскій уніатскій священникъ Адамовичъ и освятилъ, имѣя въ рукахъ выданный на этотъ предметъ пинскою уніатскою консисторіею „инструментъ“.

При производствѣ постройки мастеру и рабочимъ платили не только скарбовыми деньгами (принадлежавшими въ дѣйствительности громадѣ, о чемъ была рѣчь выше), но и собственно церковными. На эти же деньги былъ устроенъ каменный фундаментъ и четыре мурованныхъ колонны снаружи. Что же касается продовольствія рабочимъ, то оно доставлялось въ видѣ „ординаріи“ посредствомъ ссыпки исключительно громадой, безъ „малѣйшаго пособія“ со стороны скарба. Наконецъ, церковь была кончена, украшена по греческому типу и, со-

Библиотека "Руниверс"

гласно данному въ 1792 году пинскимъ уніатскимъ бискупомъ Іосафатомъ Булгакомъ „инструменту", освящена петрашевскимъ священникомъ Лисицкимъ, который отслужилъ здѣсь первую литургію и затѣмъ передалъ новопостроенную церковь мѣстному приходскому священнику Гилярію Загоровскому.

Да простятъ намъ читатели, если мы обращаемъ ихъ вниманіе на столь мелочныя подробности; но это необходимо. Здѣсь лежитъ коренная пружина всего дѣла, его узелъ и завязка; тутъ именно источникъ всѣхъ недоразумѣній и основаніе для заявленныхъ впослѣдствіи совершенно противоположныхъ притязаній. Какъ бы то ни было, но если безпристрастно вникнуть въ изложенныя обстоятельства, то для всякаго станетъ несомнѣнно, что бискупу Масальскому, въ дѣлѣ постройки церкви, принадлежитъ скорѣе высшее руководительство громадой, чѣмъ матеріальное вспомоществованіе ей; вся же денежная тяжесть и вообще финансовая сторона дѣла съ честью вынесена на плечахъ мужиковъ. Съ другой стороны, не менѣе очевидно, что славечанская церковь была русско-уніатская, потому что и консисторія, и бискупъ, давшіе разрѣшеніе на освященіе мѣста подъ церковь и самой церкви, были уніатскіе; и священникъ, освящавшій ее, и священникъ, назначенный служить въ ней, также были уніаты.

Между тѣмъ наступилъ 1793 годъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ произошелъ второй раздѣлъ Польши. Значительнѣйшая часть Волыни была присоединена къ Россіи, и вотъ съ особенною силою стала овладѣвать передовыми представителями духовенства мысль о возвращеніи уніатовъ обратно къ православному греко-восточному исповѣданію. Тогда же Викторомъ Садковскимъ, архіепископомъ минскимъ, вѣдѣнію котораго подлежали и новоприсоединенные уѣзды Волыни, издана была грамота, приглашающая всѣхъ желающихъ возвратиться къ „праотеческой вѣрѣ". Для болѣе успѣшнаго веденія дѣла [1]), вызвано

[1]) Весьма интересная по этому вопросу статья, подъ заглавіемъ „Возсоединеніе уніатовъ на Волыни въ 1794—95 гг.", основанная на изученіи первоисточниковъ, принадлежитъ перу Св. И. Л. и напечатана въ №№ 26 и 27 Волынск. Епарх. Вѣд. за 1880 годъ.

Библиотека "Руниверс"

было изъ другихъ епархій около 10 человѣкъ игуменовъ и протоіереевъ, которые, получивъ отъ Виктора особую инструкцію, стали объѣзжать волынскія села и обращать прихожанъ въ православіе. Пріѣхалъ съ этою цѣлью и въ м. Славечню десятоначальникъ П. Иванча. Однако миссія его имѣла успѣхъ неполный: прихожане приняли православіе и были имъ присоединены, священникъ же Загоровскій не только отказался принять православіе, но, войдя въ стачку съ мѣстнымъ экономомъ Грабовецкимъ и заручившись его содѣйствіемъ, воспротивился передачѣ новой церкви въ руки православныхъ; свои права на нее онъ основывалъ на томъ обстоятельствѣ, что это не приходская церковь, а „придворная каплица". „Хотя прихожане таковое несправедливое и фалшивое представленіе публично обличали, и о присоединеніи новой церкви усердно просили, но опасаясь дворской власти, будучи въ надежди, что таковая ложная выдумка твердою и основательною быть не можетъ, отъ дальшихъ споровъ о новую свою приходскую церковь удержались". Поэтому Иванчѣ ничего больше не оставалось, какъ возобновить старую церковь; но для этого предварительно надо было очистить зданіе отъ сваленныхъ здѣсь въ кучу гонтъ и досокъ и привести его въ болѣе или менѣе приличный видъ. Такъ онъ и поступилъ, и 28 февраля 1795 г., перенесши церковныя вещи изъ новой церкви въ старую, вторично освятилъ эту послѣднюю.

Всякому, мало мальски знакомому съ нѣкоторыми фактами изъ времени возсоединенія уніатовъ и вообще съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ на Волыни, нисколько не покажется страннымъ такой неожиданный оборотъ этого дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ отстоять права прихожанъ на новую церковь? Сами прихожане? Но вѣдь они были въ рукахъ „дворской власти", которой, какъ увидимъ послѣ, не напрасно опасались. Тѣмъ болѣе были основательны эти опасенія, что угрозы со стороны помѣщиковъ подвергать возсоединяющихся крестьянъ наказанію, были тогда явленіемъ повсемѣстнымъ и, само собою понятно, далеко не шуточнымъ. Такъ, владѣлецъ с. Мончинецъ Грохольскій „запретилъ людямъ, чтобы отнюдь никто на схизму

Библиотека "Руниверс"

не подписывался, ибо плетьми будетъ смертно сѣкти, и объявилъ, что какъ онъ самъ на схизму не согласенъ, то и его подданные на то не согласятся" (Арх. Вол. Дух. Консист. № 10) Въ с. Чернелевкѣ помѣщикъ Мальчевскій приказалъ войту, чтобы, въ случаѣ пріѣзда благочиннаго для возсоединія уніатовъ, нигдѣ въ его имѣніяхъ не собирать громады. И дѣйствительно, находясь подъ давленіемъ этой внѣшней силы и запуганные страхомъ угрозъ и тѣлесныхъ наказаній, крестьяне, тотчасъ же по пріѣздѣ въ извѣстное село лицъ, непосредственно руководившихъ дѣломъ возсоединенія, всѣ скрывались, такъ что не къ кому было и обращаться съ увѣщаніями относительно возсоединенія съ православною церковью. (Ibidem.)

Не священники ли могли вступиться за правое дѣло и поддержать интересы крестьянъ? Но и они не чувствовали у себя подъ ногами твердой почвы и находились въ весьма шаткомъ положеніи. Угрозы, удручающимъ образомъ дѣйствовавшія на крестьянъ, имѣли значеніе и для священниковъ, хотя косвеннымъ путемъ, именно: помѣщики грозили отнять у нихъ церковные грунта [1]), говоря, что „когда государыня возвращаетъ ихъ къ благочестію, то пущай имъ для ихъ пропитанія даетъ и грунта". (Ibid.) Мало того: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ владѣльцы дѣйствовали болѣе рѣшительно, напр., въ с. Красноселкѣ поссесоръ Адамъ Перетятковичъ не пустилъ священника съ прихожанами въ церковь, „говоря, что изъ оной костелъ, а не церковь благочестивая будетъ"; тотъ же Грохольскій, о которомъ мы только что упоминали, забралъ сумму церковную и отобралъ отъ священника ключи церковные. (Ibid.) Вообще помѣщики, владѣя душами крестьянъ, заодно и приходскую церковь съ ея имуществомъ считали своею собственностью. По-

[1]) Извѣстны случаи, когда эти угрозы приводились въ исполненіе. Такъ, владѣлецъ с. Войтовецъ чудновск. повѣта гр. Илинскій (генералъ россійскихъ войскъ) отобралъ у священника церковные грунта, которыми тотъ пользовался 20 лѣтъ. Въ виду невозможности дальнѣйшаго существованія священника на этомъ приходѣ, за отсутствіемъ необходимыхъ средствъ, еп. Варлаамъ далъ ему другой приходъ, а с. Войтовцы было приписано къ сосѣдней церкви. (Арх. Вол. Дух. Кон № 454.)

Библиотека "Руниверс"

этому, если у помѣщика былъ балъ и оказывалась недостача въ свѣчахъ, то онъ, ничтоже сумняся, посылалъ въ церковь и забиралъ оттуда всѣ, даже послѣднія свѣчи; „лечь то было, заявлялъ одинъ крестьянинъ, будучи вызванъ свидѣтелемъ по одному дѣлу, еще за унѣи, ибо я самъ тотъ былъ, что съ повелѣнія г. Схабѣцкаго, свѣщы съ церкви забиралъ“. (Арх. Вол. Дух. Кон. № 499.)

Стоя лицемъ къ лицу съ подобными, довольно заурядными фактами панскаго вмѣшательства въ церковныя дѣла, духовенство тѣмъ менѣе могло заявлять о своихъ правахъ и одновременно съ этимъ поддерживать законные интересы крестьянъ, что само не могло опереться на господствовавшую въ краѣ власть. Извѣстно предписаніе губернатора Шереметева о томъ, что если въ какомъ-либо приходѣ одни только крестьяне заявятъ желаніе возсоединиться, священникъ же откажется, то съ исполненіемъ этого дѣла слѣдуетъ „поудержаться“. (Ibid. № 10) Между тѣмъ случаи такого рода, когда, даже при согласіи прихожанъ, священникъ отказывался отъ возсоединенія были довольно не рѣдки, и нужно замѣтить, что причиною отказа, какъ увидимъ, являлись большею частью совершенно сторонніе соображенія, слишкомъ далекія отъ интересовъ вѣры. Правда, и между уніатскими священниками попадались, повидимому, люди убѣжденные, какъ можно отчасти заключить по тексту данныхъ ими отписокъ[1]), напр., „Ja Antoni Danieliewicz w unij zostanie do zhonu żytyia moieho“. (Арх. № 41.) Были даже такіе рѣдкіе экземляры, какъ нѣкій священникъ с. Михайловки староконстантиновской округи Ѳеодоръ Нѣдзѣльскій, который съ искреннею, глубокою вѣрою въ святость уніи и съ безстрашіемъ, достойнымъ вниманія, заявлялъ, что „онъ безъ уніи спасаться не можетъ“, что онъ „съ предковъ своихъ унѣятъ“, что, будучи обязанъ присягою уніатскому епископу, онъ лишь его считаетъ за пастыря; преосвященнаго же Виктора таковымъ не признаетъ, а потому къ православно-восточной греко-

[1]) Священники, желавшіе присоединиться, давали „подписки“, отъ нежелавшихъ же отбирались „отписки“.

Библиотека "Руниверс"

россійской церкви присоединиться не желаетъ и „того ради благочестія отрицается“. Не ограничиваясь вопросами вѣры, этотъ замѣчательный уніатъ пустился даже въ область политики и заявилъ, что „поляки весьма худо здѣлали, что, обовязавшись присягою на вѣрность королю польскому, дерзнули потомъ ее уничтожить присягою россійской имперіи“. (Арх. № 10). Однако такіе ревностные поборники и исповѣдники уніи—рѣдкія единицы, предъ которыми останавливаешься съ изумленіемъ. Большинство же отказывавшихся отъ благочестія, какъ заявляютъ лица, непосредственно занимавшіяся возсоединеніемъ, дѣлали это или вслѣдствіе разныхъ угрозъ, или по причинѣ распускаемыхъ заинтересованной стороной слуховъ, что „все то не такъ будетъ“, потому что благочинные принялись „воскрешать благочестіе сами собою, безъ Монаршаго повелѣнія, ибо Ея Императорское Величество на грамотѣ не подписалась“. (Ibid.) Не смотря на то, что, въ силу изданныхъ Высочайшихъ повелѣній, всякій, вздумавшій какимъ бы то ни было образомъ насиловать чужую совѣсть и страхомъ ли наказаній, или разными угрозами противодѣйствовать возсоединенію уніатовъ, подвергался уголовному преслѣдованію, всѣ подобныя дѣйствія оставались совершенно безнаказанными и вовсе не подвергались преслѣдованіямъ. „Хотя командѣ о семъ и представляется, доносилъ своему духовному начальству одинъ изъ тогдашнихъ дѣятелей возсоединенія, то невѣдомо для чего отъ такихъ-то противниковъ не взискуется“. (Ibid. № 10.) Мы уже знаемъ, что когда гр. Илинскій отобралъ у войтовецкой церкви, по возсоединеніи уніатовъ, принадлежавшія ей земли, то епархіальная власть, обязанная заботиться о цѣлости церковнаго имущества, ни единымъ словомъ не заявила своего протеста. Видно, протестъ былъ безполезенъ, потому то власть безропотно покорилась судьбѣ, приписала церковь къ сосѣднему приходу—и это, по всей вѣроятности, и былъ единственный исходъ.

Если теперь мы примемъ во вниманіе всѣ изложенные факты, то перестанемъ удивляться тому, что въ м. Славечнѣ уніатскій священникъ съ такимъ достоинствомъ и какъ будто сознаніемъ своей правоты отказался сдать возсоединеннымъ при-

Библиотека "Руниверс"

хожанамъ ими же построенную церковь. Прихожане не могли постоять за свое дѣло, духовенство также чувствовало себя безсильнымъ. Притомъ же Шереметевъ распорядился поудержаться съ присоединеніемъ такихъ приходовъ, гдѣ священникъ далъ „отписку“. Въ дѣйствительности распоряженіе это вовсе не исполнялось, въ подтвержденіе чего мы можемъ сослаться на массу имѣющихся у насъ въ рукахъ доказательствъ: священникъ отказывался отъ возсоединенія, а прихожане все таки были возсоединяемы и получали другаго, православнаго священника. Но еслибы это распоряженіе имѣло силу, то, основываясь на буквальномъ его смыслѣ, можно было съ полнымъ правомъ утверждать, что въ м. Славечнѣ возсоединеніе произошло контрабандным путемъ.

Такъ или иначе, но возсоединенные въ февралѣ 1795 г. славечанскіе прихожане получили православнаго священника и остались при старой церкви; новая же перешла въ исключительное вѣдѣніе бывшаго ихъ приходскаго священника Загоровскаго, который получилъ „отъ двора годовую пенсію“ и продолжалъ совершать службу по уніатскому обряду. Такъ стояло дѣло до сентября 1796 года. Въ это время пріѣхалъ въ Славечню генеральный визитаторъ католическихъ приходовъ Яновскій. Мѣстный экономъ Зубръ, скрывъ отъ него обстоятельства постройки новой церкви, обратился съ просьбою освятить эту церковь въ костелъ. Яновскій вмѣстѣ съ свитскимъ ксендзомъ Вонсовичемъ исполнилъ просьбу и „тайнымъ образомъ“, какъ сказано въ одномъ донесеніи, „почты партикулярно“, какъ поясненно въ другомъ, „ибо безъ всякихъ церемоній, кромѣ водою окропилъ“, освятилъ 11 сентября церковь въ костелъ. Тогда же уніатъ Загоровскій принялъ латинскій обрядъ. Къ вечеру зашелъ во дворъ мѣстный приходскій священникъ Зѣньковскій и спросилъ визитатора: „По какой причинѣ вы могли церковь на костелъ освятить?“—„Я имѣю повелѣніе отъ его высокопревосходительства Тутолмина“, отвѣтилъ Яновскій, и священникъ долженъ былъ смиренно удалиться, хотя все таки онъ немедленно донесъ обо всемъ благочинному, а тотъ своевременно сообщилъ по начальству. Видно, что духовенство не желало

Библиотека "Руниверс"

сдаться безъ боя; къ сожалѣнію, его желанія остались тщетными. Епархіальная власть не дала никакого хода дѣлу, оно было отложено въ сторону и предано полному забвенію. Варлаамъ, не касаясь прямо сущности донесенія, написалъ: „справиться: есть ли въ м. Славешни старая церковь?“, но консисторія никакого постановленія не сдѣлала. И вотъ дѣло, казалось, должно было окончательно заглохнуть, а совершившійся фактъ несправедливости съ теченіемъ времени получилъ бы и юридическую законность.

Между тѣмъ произошли нѣкоторыя обстоятельства, измѣнившія его естественное теченіе. Какъ ни тяжело и безправно было тогда положеніе крестьянъ, они тѣмъ не менѣе, какъ могли, отстаивали свою независимость въ дѣлахъ религіозныхъ. Извѣстно, что въ продолженіе XVIII столѣтія — въ то смутное время, когда высшая іерархія съ І. Шумлянскимъ во главѣ, усвоивъ іезуитскій принципъ, только наружно была православною, а въ дѣйствительности стала уніатскою, — одни только крестьяне хранили въ душѣ своей искру Божію и поддерживали ее живымъ, сердечнымъ чувствомъ; они навсегда остались чуждыми уніи и, не имѣя возможности активно противодѣйствовать всякимъ посягательствамъ на свободу своей совѣсти, волей-неволей должны были ограничиться пассивнымъ сопротивленіемъ [1]). Подобно тому и славечанскіе крестьяне „наскучали“ какъ панскому двору, такъ и бывшему своему приходскому священнику объ отдачѣ имъ новой церкви; „письменно-жъ жаловаться, опасаясь побоевъ, отъ экономa Зубра обѣщанныхъ, не осмѣлились“. Самъ Зубръ хорошо, какъ видно, понималъ справедливость настояній крестьянъ и, какъ бы чувствуя свою вину предъ ними, рѣшился хоть немного загладить ее и тѣмъ нѣсколько успокоить крестьянъ. Въ виду этихъ соображеній онъ покрылъ гонтой старую церковь, въ которой служеніе въ то время уже прекратилось, такъ какъ крыша ея стала гнить и разваливаться. Донося въ 1801 году объ этомъ

[1]) Монографіи по Исторіи западной и юго-западн. Россіи В. Б. Антоновича, стр. 331 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

самовольномъ поступкѣ Зубра и прося вновь разрѣшить священнослуженіе въ старой церкви, благочинный напомнилъ епархіальному начальству забытую исторію о постройкѣ новой церкви и о неправильномъ обращеніи ея въ костелъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1802 году подоспѣло прошеніе крестьянъ на Высочайшее имя, касающееся того же предмета и поданное также въ консисторію.

Измученные безплодными усиліями вернуть себѣ неправильно отнятое кровное достояніе, крестьяне рѣшили дѣйствовать основательно, причемъ употребили всѣ старанія, чтобы по возможности прочно утвердиться на легальной почвѣ. Съ этою цѣлью они обратились къ своему помѣщику, подкоморому польской короны гр. Винцентію Потоцкому съ униженною просьбою уступить имъ новую церковь, столь неожиданно превратившуюся въ каплицу. Помѣщикъ выдалъ письменное согласіе, поставивъ условіемъ, чтобы крестьяне выстроили взамѣнъ церкви новую каплицу; это согласіе было заявлено въ овручскомъ повѣтовомъ земскомъ судѣ „для записи до книгъ способомъ абляты“ и представлено при прошеніи.

Такимъ образомъ духовенство и крестьянство—тѣ именно два элемента, которые, какъ мы видѣли, имѣли меньше всего шансовъ за себя и на которые такъ трудно было разсчитывать, выступили во всеоружіи юридической законности на защиту своего дѣла. Тогда епархіальное начальство поняло, что дѣло это не безнадежное, махнуть рукой, какъ раньше, нельзя, и въ мартѣ 1803 года опредѣлило передать славечанскую церковь въ православное вѣдомство. Послано было отношеніе въ губернское правленіе, а это послѣднее предписало овручскому нижнему земскому суду командировать съ своей стороны члена для немедленнаго исполненія опредѣленія консисторіи. Казалось, что наконецъ семилѣтнее терпѣніе крестьянъ будетъ вознаграждено достойнымъ образомъ. Дѣйствительно, 3 мая прибылъ въ Славечню овручскій протоіерей Савлучинскій, засталъ уже здѣсь земскаго исправника, но, сверхъ всякаго чаянія, церкви не получилъ. Оказалось, что деканъ народицкій, ксензъ Калинскій рѣшилъ уклониться отъ требованія властей, а для этого, за-

Библиотека "Руниверс"

хвативши церковные ключи, совсѣмъ уѣхалъ изъ Славечни и на письменное заявленіе исправника отвѣтилъ, что безъ вѣдома своего бискупа ключей и церкви отдать не можетъ.

Такой непредвидѣнный поступокъ декана окончательно поставилъ въ тупикъ и высшія, и низшія духовныя сферы. Ихъ недоумѣніе вскорѣ разрѣшилось, когда на имя Варлаама, епископа житомирскаго, было получено отношеніе луцкаго католическаго бискупа Гаспара Цѣцишовскаго. Указавъ на распоряженіе православнаго духовнаго начальства, бискупъ пишетъ: „Новый сей примѣръ занятія церкви, моему вѣдѣнію Всемилостивѣйше ввѣренной, безъ сношенія со мною или моею консисторіею, для освященія оной въ другое исповѣданіе, тревожитъ мое спокойствіе и безопасность и прочихъ церквей моей епархіи тѣмъ больше, что то наступило уже послѣ утвержденія Высочайшими узаконеніями цѣлости бытія оныхъ. Въ каковомъ случаѣ хотябъ и слѣдовало мнѣ искать защиты у моего начальства, но я, уповая на справедливость вашего преосвященства, толикократно мною и духовенствомъ моимъ испытанную, а всѣми вообще славимую, ласкаю себя надеждою, что занятіе таковое послѣдовало кромѣ вѣдома вашего, а затѣмъ безъ дальнѣйшихъ переписокъ и отвращено легко быть можетъ. Для того пріемлю честь краткое здѣсь здѣлать касательно той церкви объясненіе, изъ коего ваше преосвященство заключить изволите, сколь укоснительное и съ истиною несходное консисторіи вашей по сему предмету учинено донесеніе“. Обстоятельства постройки церкви бискупъ излагаетъ, конечно, въ выгодномъ для себя смыслѣ: церковь построена будто бы на средства единственно кн. Масальскаго, для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ офиціалистовъ-католиковъ, освящена по его, бискупа, порученію визитаторомъ Яновскимъ, безъ всякаго противодѣйствія съ чьей-либо стороны, и не тайно, а публично затѣмъ ей сдѣлана опись, которая съ этого времени ежегодно посылается въ римско-католическую духовную коллегію и по которой эта церковь значится приписанною къ велледницкому приходу. „Въ прочемъ, добавляетъ бискупъ, непринадлежность сей церкви къ славечанскимъ прихожанамъ, изъ уніатскаго къ гре-

Библиотека "Руниверс"

ко-россійскому исповѣданію присоединившимся, доказываетъ во 1-хъ то, что при освященіи старой тамошней уніатской церкви на благочестіе первая, хотя и совершенно уже отдѣлана была, однакожъ оставлена безъ посвященія и послѣ того никто изъ нихъ не препятствовалъ возстановленію въ ней молебствія по католическому обряду; во 2-хъ то, что и нынѣ тѣжъ прихожане не сами собою къ занятію оной приступить осмѣлились. но по исходатайствованному отъ управителя того имѣнія дозволенію: да и то не инако какъ по принятому ими обязательству другую вмѣсто оной построить своимъ иждивеніемъ для исповѣдниковъ р.-католич. обряда. И наконецъ, что отъ духовенства гр.-россійскаго исповѣданія ни тогда, ни послѣ, ниже отъ тѣхъ прихожанъ, какъ я, равно и моя консисторія не получили въ разсужденіи означенной церкви требованія о возвращеніи оной въ ихъ вѣдомство".

Нѣтъ нужды долго останавливаться на опроверженіи всѣхъ этихъ доказательствъ; они слишкомъ мало согласны съ истиною, чтобы могли имѣть хоть нѣкоторую доказательную силу. Мы знаемъ, что новая церковь во время возсоединенія оставлена безъ освященія въ силу особыхъ обстоятельствъ, а не потому, чтобы она была костеломъ; знаемъ и то, что если крестьяне не обнаружили рѣшительнаго противодѣйствія обращенію ея въ костелъ, то по невозможности сдѣлать это; оставалось развѣ поднять бунтъ и оказать сопротивленіе, соединенное съ насиліемъ. Обратиться же съ ходатайствомъ къ пану объ устройствѣ церкви и дать обязательство выстроить каплицу было для нихъ неизбѣжно, такъ какъ другаго исхода изъ затруднительнаго положенія не предвидѣлось. Что же касается православнаго духовенства, то оно, какъ извѣстно, своевременно доносило обо всемъ начальству.

Интересно далѣе послѣднее соображеніе Цѣцишовскаго. „Данное жъ отъ управителя позволеніе на занятіе оной церкви не могло по законамъ служить правиломъ къ таковому поступку, ибо оно есть само по себѣ ничто, яко послѣдовавшее отъ свѣтской особы на вещь, къ духовной власти принадлежащую, а на которую онъ никакого не имѣлъ права; а

Библиотека "Руниверс"

сверхъ сего онъ, управитель, въ немъ имянно упоминаетъ, чтобы прихожане постарались на то о соизволеніи духовнаго начальства — слѣдственно того начальства, къ коего вѣдомству она принадлежитъ. Но таковое соизволеніе отъ меня не послѣдовало, а отъ кого другова кромѣ меня оно поступить не могло".

Всякій согласится, что изложенное сообщеніе Цѣцишовскаго, не лишенное тонкихъ логическихъ и діалектическихъ изворотовъ написно хорошимъ русскимъ языкомъ, обработано по всѣмъ правиламъ реторики и вообще вполнѣ достойно пера умнаго католическаго прелата. Бѣда вся только въ томъ, что здѣсь въ извращенномъ видѣ передаются факты; тѣмъ не менѣе это сообщеніе было роковымъ для дѣла и надолго затормозило правильное его рѣшеніе. Не довольствуясь однимъ экземпляромъ своего сообщенія, Цѣцишовскій тогда же послалъ копію въ губернское правленіе, которое и предписало земскому суду оставить безъ исполненія прежнее распоряженіе. Но консисторія, желая вывести дѣло на правильную дорогу, съ одной стороны, опредѣлила „учинить слѣдствіе" съ депутатами отъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ: православной и католической, для выясненія тѣхъ пунктовъ, относительно которыхъ существовало разногласіе; съ другой стороны, она все таки настаивала на исполненіи своего прежняго рѣшенія о передачѣ церкви православнымъ. Но все это было напрасно, потому что объ исполненіи никто и не думалъ.

Такъ прошло три года, безъ особенно оживленной переписки и безъ всякихъ осязательныхъ результатовъ для дѣла. Консисторія раза два просила губернское правленіе подтвердить земскому суду объ исполненіи рѣшенія и каждый разъ слала „строжайшіе" указы въ духовное правленіе о томъ же. Судъ, ссылаясь на отношеніе Цѣцишовскаго и предписаніе губернскаго правленія, отказывался отъ исполненія, губернское правленіе увѣдомляло объ этомъ консисторію, а духовное правленіе „всепочтеннѣйше" или „всенижайше репортовало" о полученіи указовъ — и тѣмъ дѣло кончалось.

Но вотъ въ 1807 году преемникъ Варлаама, епископъ Даніилъ, побудилъ консисторію опять взяться за дѣло и доложить

Библиотека "Руниверс"

ему. Вновь были сняты съ полки запыленные листы, пережеваны извѣстныя подробности, и вторично назначено слѣдствіе объ обстоятельствахъ, „опровергающихъ, какъ мотивировалъ самъ Даніилъ, рымское на вышеписанную церковь посягательство“. Одновременно съ тѣмъ онъ велѣлъ, чтобы депутатомъ былъ назначенъ человѣкъ „благонадежный и свѣдущій; и сей бы депутатъ о всемъ, что послѣдуетъ, доносилъ бы мнѣ подробно и ясно“. Послѣдовали соотвѣтствующія бумаги въ губернское правленіе, а также и въ духовное; получено было предписаніе земскимъ судомъ, но дѣло ни на шагъ не подвинулось, такъ что опять безслѣдно прошли три года. Только въ 1810 году консисторія вспомнила о своемъ опредѣленіи и запросила духовное правленіе: произведено ли назначенное слѣдствіе. Овручское духовное правленіе въ слѣдующемъ году рапортовало, что оно сносилось съ судомъ и почти ежемѣсячно слало ему сообщенія о производствѣ слѣдствія, но судъ по нимъ ничего не учинилъ и даже ничего не отвѣчалъ. Тогда консисторія просила губернское правленіе понудить земскій судъ; судъ на понужденіе отвѣчалъ, что онъ неоднократно предписывалъ объ этомъ своему засѣдателю Адамовичу; теперь же слѣдствіе не можетъ быть произведено, потому что 7 іюня 1811 г. гражданскимъ губернаторомъ поручено взысканіе податей, чѣмъ и заняты всѣ члены суда. Духовное правленіе, получивъ строжайшій указъ консисторіи и начиная терять терпѣніе, съ своей стороны стало настойчиво требовать отъ земскаго суда „неотложнаго по сему дѣлу, яко уже въ немалой проволочкѣ и забвеніи со стороны сего суда пребывающему, исполненія“. Тутъ судъ, который въ продолженіе семи лѣтъ и пальцемъ не шевельнулъ для исполненія законныхъ требованій, даже обидѣлся и писалъ, что онъ „никакихъ никогда дѣлъ въ забвеніи не оставлялъ, а всегда со стороны своей замѣчая опредѣленія и кому слѣдуетъ о выполненіи оныхъ предписывалъ безъ промедленія времени“.

Этотъ отвѣтъ суда нисколько однако не удовлетворилъ духовное правленіе, которому консисторія то и дѣло предписывала настаивать въ судѣ на скорѣйшемъ производствѣ слѣд-

Библиотека "Руниверс"

ствія. Духовное правленіе окончательно сбилось съ ногъ; оно по старому посылало ежемѣсячно свои отношенія въ судъ, даже напоминало постоянно самому Адамовичу, но послѣдній со дня на день откладывалъ поѣздку въ м. Славечню. Наконецъ, утомленное безплоднымъ, почти десятилѣтнимъ ожиданіемъ, духовное правленіе въ февралѣ 1812 года доносило консисторіи, что оно „надежды не предвидитъ, чтобы сіе слѣдствіе въ скорости было произведено, ежели на судъ не будетъ положено пени". Консисторія обратилась къ губернскому правленію; это послѣднее снова послало въ судъ указъ о немедленномъ производствѣ слѣдствія съ требованіемъ отъ Адамовича объясненія, но прошелъ весь 1812 годъ, а въ 1813 году духовное правленіе дважды—въ іюлѣ и сентябрѣ—доносило консисторіи, что овручскимъ повѣтовымъ судомъ „понынѣ ничего не учинено" и на обычныя ежемѣсячныя отношенія „правленію не отвѣтствовано". Консисторія еще разъ обратилась „въ прекращеніе толикихъ по сему дѣлу съ 1796 года переписокъ" къ губернскому правленію, которое въ январѣ 1814 года послало указъ о „скорѣйшемъ исполненіи судомъ предписанія, подъ опасеніемъ за малѣйшую медленность взысканія по законамъ". Такимъ образомъ десятилѣтняя проволочка дѣла, на рѣшеніи котораго настаивали не частныя лица, а правительственныя учрежденія оставалась для суда совершенно безнаказанною. Несмотря на всѣ безчисленныя переписки и обращенія со стороны духовной власти, судъ продолжалъ чувствовать себя совершенно неуязвимымъ. Быть можетъ, въ этомъ виновато губернское правленіе, дѣйствовавшее весьма вяло: только послѣ десятилѣтней проволочки оно вздумало обратиться къ суду съ неособенно впрочемъ сильною угрозою.

Неизвѣстно, долго ли бы еще упорствовалъ судъ въ своемъ бездѣйствіи, примѣнило ли бы въ этомъ случаѣ губернское правленіе свою угрозу, если бы 10 марта 1814 года не произошло нѣчто крайне неожиданное, вверхъ дномъ перевернувшее все прошедшее, такъ что для дѣла начался совершенно новый фазисъ. Въ этотъ день въ м. Славечню прибылъ благочинный Яковъ Луцкевичъ, которому съ самаго возникновенія

Библиотека "Руниверс"

дѣла поручено было присутствовать въ качествѣ депутата прислѣдствіи. Пріѣхалъ онъ по особому предписанію консисторіи, не одинъ, а вмѣстѣ съ присутствующимъ духовнаго правленія свящ. Епифановичемъ для разслѣдованія обстоятельствъ по поводу брака, совершеннаго не въ указанное время.—Старая церковь представляла тогда голую развалину, въ которой давно уже не совершалась служба. Еще съ лѣта 1812 года консисторія запретила въ ней совершеніе священнослуженія, велѣла перенести всѣ вещи въ сосѣднюю бѣгунскую церковь, гдѣ славечанскій священникъ долженъ былъ чередоваться съ мѣстнымъ настоятелемъ въ отношеніи совершенія службъ и куда должны были ходить славечанскіе крестьяне. Но они не такъ охотно подчинились этому послѣднему требованію.—Славечанскій священникъ заявилъ благочинному, что его прихожане въ бѣгунскую церковь вовсе не ходятъ и въ настоящую четыредесятницу совершенно отказываются идти туда къ исповѣди. Въ скоромъ времени сошлась и громада. Благочинный сталъ убѣждать собравшихся, что „такъ поступать христіанамъ несвойственно и грѣшно“.

— Хоть семь лѣтъ будемъ не исповѣданы, а въ чужую церковь ходить не будемъ!—заявили громадяне.

Мало того, они угрожали, что и умирающихъ будутъ сами хоронить, и вновь рождающихся будутъ сами крестить, вообще „будутъ жить поскотскій“; что если у нихъ нѣтъ церкви, то и священника имъ не нужно; что „построенная ими въ Славечнѣ церковь неправильно состоитъ въ вѣдомствѣ уніатскихъ священниковъ, и они чрезъ 18 лѣтъ дожидаются о семъ рѣшенія, но таковаго, повидимому по причинѣ свѣтскаго правительства, по гробъ своей жизни съ дѣтьми не дождутся“. Наконецъ, они „убѣдительно просили благочиннаго освятить новую церковь, для чего обѣщали достать ключи, и достали дѣйствительно и принесли въ плебанальный домъ“. Тогда благочинный велѣлъ звонить и, когда громада отперла двери, перенесъ всѣ необходимыя вещи изъ старой церкви въ новую, освятилъ ее вмѣстѣ съ двумя священниками по православному чиноположенію, отслужилъ вечерню и велѣлъ священнику со-

Библиотека "Руниверс"

вершать на будущее время всѣ службы въ этой церкви. Католическія же богослужебныя вещи остались въ цѣлости; взятъ былъ только уніатскій антиминсъ, подписанный І. Булгакомъ [1]), и отосланъ въ духовное правленіе. Представляя обо всемъ 13 марта мѣстному архіерею Стефану, благ. Луцкевичъ просилъ „таковый его поступокъ простить".

Итакъ насколько неожиданно было обращеніе церкви въ костелъ, настолько же, если еще не болѣе, неожиданно было обратное превращеніе костела въ церковь. Нечего и говорить, что смѣлый, рѣшительный и безпримѣрный поступокъ благоч. І. Луцкевича вызвалъ цѣлую бурю со стороны мѣстнаго панскаго двора. Управитель его Крижановскій тотчасъ же, именно того же 10 марта, разослалъ свои донесенія и въ овручскій повѣтовый нижній земскій судъ, и въ духовное правленіе, и католическому декану. Въ этихъ донесеніяхъ онъ писалъ, что благочинный, будучи пьянъ, созвалъ мужиковъ, отбилъ топоромъ двери костела и въ соучастіи съ двумя, тоже пьяными священниками освятилъ его въ церковь. Вечеромъ же мѣстный приходскій священникъ Якубовичъ пришелъ будто въ пьяномъ видѣ въ дворъ и „публично при мужикахъ такихъ употребилъ выраженій, которыя обратить и въ непослушенство ввесть подданныхъ могутъ". Несмотря на явно неправдоподобный характеръ этого донесенія, судъ, который въ продолженіе 10 лѣтъ не приступилъ къ производству порученнаго ему слѣдствія, теперь по горячимъ слѣдамъ назначилъ, при полномъ составѣ суда, на 14 марта слѣдствіе о событіяхъ, только что происшедшихъ 10 марта. Пройти молчаніемъ прежнее слѣдствіе не было возможности и потому въ опредѣленіи своемъ судъ, слегка упомянувъ о немъ, по прежнему предписывалъ производство его извѣстному Адамовичу. Такъ какъ слѣдствіе имѣло происходить при духовныхъ депутатахъ, то духовное правленіе, „отрядивъ двухъ священниковъ, наказало имъ, чтобы они въ семъ дѣлѣ дѣйствуя рачительно всемѣрно старались защищать собствен-

[1]) Новое доказательство незаконности обращенія церкви въ костелъ, на что впослѣдствіи, между прочимъ, опиралось и духовное начальство.

Библиотека "Руниверс"

ность церковную". Между тѣмъ консисторія не удовлетворилась такой постановкой дѣла; она вновь занялась его пересмотромъ, прекрасно сгруппировала всѣ доказательства принадлежности церкви православнымъ, и находя, что судъ, „въ одно замѣшательство сего дѣла", назначилъ два отдѣльныхъ слѣдствія, пробовала чрезъ губернское правленіе произвести ихъ совмѣстно. Но пока губернское правленіе собралось сдѣлать свое постановленіе, слѣдствіе давно уже было произведено и отослано по назначенію.

Вмѣсто 14 марта слѣдствіе почему-то началось 16-го. Вопросные пункты, данные священникамъ, ничего новаго не выяснили. Гораздо болѣе цѣнны для дѣла показанія десяти крестьянъ, которые принимали близкое участіе въ освященіи новой церкви, за что и получили должное возмездіе со стороны двора, именно: одного Крижановскій ударилъ рукою два раза и приказалъ забить въ колодки на три дня; 8 другихъ ночевали въ колодкахъ и получили—кто 3, кто 4, а кто 5 палокъ; одинъ изъ нихъ „наказанъ розкою по голомъ тѣлѣ, но немного", а десятый отдѣлался только колодками. Изъ свидѣтельскихъ показаній этихъ крестьянъ выяснилось, что дверь въ церковь не была отперта ключемъ, а дѣйствительно была отбита топоромъ и потомъ заперта висячимъ замкомъ отъ старой церкви. Что же касается священниковъ, то они, какъ единогласно заявили всѣ свидѣтели, вовсе не были пьяны. Только по окончаніи освященія, мѣстный настоятель Якубовичъ, полагая, вѣроятно, что по принятому обычаю слѣдуетъ достойнымъ образомъ отпраздновать такой необыкновенный подвигъ, послалъ нѣсколькихъ человѣкъ въ мѣстечко купить на громадскія деньги водки и рыбы для угощенія, но посланные не успѣли этого сдѣлать, потому что ихъ арестовали, доставили въ дворъ и забили въ колодки. Вечеромъ Крижановскій звалъ къ себѣ благочиннаго для допроса, но вмѣсто него отправился Якубовичъ и, увидѣвъ толпу арестованныхъ крестьянъ, сказалъ, какъ заявили офиціалисты: „wy będzecie odpowiadać za to, że jch w areszt bierzecie". Никто бы не подумалъ, что эти невинныя слова и есть тѣ страшныя, неудобь-сказуемыя выраженія, въ которыхъ Крижа-

Библиотека "Руниверс"

новскій увидѣлъ подстрекательство крѣпостныхъ къ бунту противъ панской власти.

Несмотря на то, что вопросъ объ обстоятельствахъ постройки церкви, по постановленію суда, долженъ былъ изслѣдоваться особо, допрошенные свидѣтели и по этому вопросу дали весьма не двусмысленныя показанія. Такъ, одинъ свидѣтель вспомнилъ, что закладывали церковь на „самые спасовчаные запуски и въ то время на закладчинахъ оной стрѣляли изъ пушки;“ другой подробно доказывалъ, что она построена именно на громадскія деньги; третій заявлялъ, что въ этой церкви, по освященіи ея, совершались браки, крещенія, отправлялись погребенія и т. д. Жаль, что въ числѣ свидѣтелей нѣсколько человѣкъ были двадцатилѣтніе парни, которые во время постройки церкви еще не родились и потому на данные вопросы никакихъ отвѣтовъ дать не могли. Однако и сдѣланныхъ показаній было достаточно, и потому Адамовичъ, только теперь надумавшій представить объясненіе о своемъ бездѣйствіи, предлагалъ слѣдственной коммисіи сдѣлать постановленіе объ окончаніи слѣдствія. Въ своемъ объясненіи Адамовичъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, говоритъ между прочимъ, что слѣдствіе поручено ему судомъ въ 1811 году, а наступившее въ 1812 году военное время помѣшало ему приступить къ производству слѣдствія. Коммиссія постановила снестись съ начальствомъ относительно предложенія Адамовича. Но какая-то злая иронія судьбы тяготѣла надъ этимъ злополучнымъ слѣдствіемъ, которое такъ никогда и не было произведено. Въ то время какъ губернское правленіе въ іюнѣ строжайше предписывало земскому суду окончить въ двухнедѣльный срокъ это старое слѣдствіе, духовная консисторія въ декабрѣ того же 1814 года сдѣлала постановленіе, что хотя церковь славечанская и самовольно освящена Луцкевичемъ, но такъ какъ въ ней безпрепятственно отправляется теперь православное богослуженіе, то и на будущее время оставить ее въ рукахъ православныхъ [1]). Благочиннаго же

[1]) Пользуемся случаемъ исправить маленькую неточность, находящуюся въ „Историко-статистическомъ описаніи церквей и приходовъ волын. еп.“; въ этой не-

Библиотека "Руниверс"

Луцкевича съ соучастниками, преданныхъ суду, „долженствовавшему воспріять дѣйствіе свое по окончаніи назначеннаго слѣдствія“, за силою Высочайшаго манифеста отъ 30 августа 1814 года отъ суда освободить, а вмѣстѣ съ тѣмъ на томъ же основаніи и слѣдствіе прекратить.

Такъ пришло къ благополучному концу это хлопотливое дѣло [1]). Здѣсь мы нисколько не удивляемся образу дѣйствій католическаго духовенства, отстаивавшаго во чтобы то ни стало неправильно захваченную чужую собственность. Всякій на его мѣстѣ поступилъ бы, должно быть, не иначе. Мало удивительнаго также въ поступкахъ управителя славечанскаго ключа Крижановскаго, который, зная о данномъ крестьянамъ отъ имени помѣщика согласіи на уступку имъ новой церкви, поднялъ шумъ по освященіи церкви. Однако въ самомъ же началѣ слѣдствія онъ увидѣлъ всю безплодность своихъ усилій и вознамѣрился косвеннымъ путемъ дискредитировать авторитетъ мѣстнаго священника. Съ этою цѣлью онъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству и подалъ въ слѣдственную коммиссію доносъ, въ которомъ взвелъ на священника традиціонное обвиненіе въ вымогательствѣ. Но коммиссія справедливо отклонила разсмотрѣніе этого доноса, какъ направленнаго не по адресу, и предложила управителю жаловаться въ надлежащее присутственное мѣсто, т. е. въ консисторію, или архіерею.

Гораздо болѣе удивительна косность земскаго суда, который имѣлъ бы полное право отпраздновать торжественно десятилѣтній юбилей своего бездѣйствія. Ни безпрестанныя напоминанія духовнаго правленія, ни понужденія силою законовъ,

---

точности нисколько, впрочемъ, неповиненъ почтенный составитель этой весьма важной справочной книги. Заимствуя свѣдѣнія свои изъ клировыхъ вѣдомостей, онъ при описаніи м. Славечни (т. 1 стр. 408) говоритъ, что Троицкая славечанская церковь „построена на средства прихожанъ, но когда, неизвѣстно“. Какъ теперь оказывается, церковь эта имѣетъ свою длинную и достопримѣчательную исторію. Начатая постройкою въ 1787 г., она была освящена по уніатскому обряду въ 1792 г., затѣмъ въ 1796 г. была превращена въ костелъ а въ 1814 г. освящена по православному чиноположенію.

[1]) Оно изложено нами по матеріаламъ, хранящимся въ архивѣ волынской духовной консисторіи, сентябрьская связка 1796 года, № 503.

Библиотека "Руниверс"

ни требованія объясненій, ни угрозы губернскаго правленія— ничто не могло пронять засѣдателя Адамовича и вызвать его къ дѣятельности. При такихъ порядкахъ легко могла ослабѣть всякая энергія у заинтересованныхъ лицъ. Однако благоч. Я. Луцкевичъ не опустилъ рукъ. Онъ болѣе двадцати разъ пріѣзжалъ безуспѣшно въ Славечню и, не видя возможности законнымъ путемъ добиться правды, рѣшился самовольно освятить церковь. И тутъ, впрочемъ, онъ основывался на полученномъ имъ первомъ указѣ консисторіи отъ 1803 года, на что и указывалъ въ своихъ отвѣтахъ на предложенные слѣдственной коммиссіей вопросы; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упорно заявлялъ, что имъ освященъ не костелъ, а церковь, неправильно именуемая костеломъ. Чтобы придать своимъ дѣйствіямъ хоть нѣкоторый видъ законности, онъ, идя уже на освященіе церкви, завернулъ по пути къ извѣстному ксендзу изъ уніатовъ Загоровскому и, какъ заявилъ одинъ крестьянинъ-свидѣтель, звалъ его съ собой въ церковь, или требовалъ выдать по крайней мѣрѣ ключи. Но Загоровскій сказался больнымъ, а его дочь не выдала ключей, сославшись на то, что они хранятся у веледницкаго ксендза. Когда же, во время самаго обряда освященія, управитель Крижановскій прислалъ своихъ офиціалистовъ спросить Луцкевича, въ силу какого указа онъ рѣшился на освященіе церкви, то онъ отвѣтилъ: „я имѣю указъ, а хотяй бы и не было указа, я самъ отвѣчать буду“.

Вообще видно, что благочинный Луцкевичъ для своего времени и для той среды, къ которой онъ принадлежалъ и въ которой ему пришлось дѣйствовать, былъ личностью не заурядною. Вѣдь тогда контингентъ волынскихъ священниковъ состоялъ или изъ возсоединившихся уніатовъ, большинство которыхъ, какъ видно изъ данныхъ ими подписокъ, (Арх. В. Д. К. № 41), совсѣмъ не умѣло писать по русски и лишь кое-какъ подписывало свою фамилію польскими буквами; или изъ учившихся въ любарскихъ и другихъ уніатскихъ школахъ и потомъ оказывавшихся, по аттестаціи Варлаама, въ чтеніи средственными; или изъ лицъ, совсѣмъ нигдѣ не учившихся, а занимавшихся хозяйствомъ и потомъ проходившихъ дьяческую должность.

Библиотека "Руниверс"

Трудно было отъ подобныхъ лицъ ожидать пониманія современнаго положенія дѣлъ и въ частности задачъ духовенства; еще труднѣе было этимъ лицамъ вполнѣ проникнуться сочувствіемъ къ нуждамъ народнымъ и стать на защиту народныхъ интересовъ. Между тѣмъ проблески всего этого можно отчасти уловить въ дѣятельности Луцкевича. Если бы онъ не рѣшился взять на себя всю отвѣтственность по освященію костела въ церковь, кто знаетъ, когда и какъ кончилось бы безконечное дѣло объ этой церкви?

В. Храневичъ.

Библиотека "Руниверс"

ЗНАХАРКИ НОВАГО ТИПА.[1]

Въ бытность мою въ Донской области, въ одномъ изъ городовъ ея я встрѣтилъ на базарѣ торговку, торговавшую страннымъ для меня товаромъ. Меня удивило это потому, что я нигдѣ не встрѣчалъ такой торговли въ тѣхъ городахъ, гдѣ мнѣ приходилось бывать. Товаръ былъ ничто иное, какъ всевозможнѣйшія травы, коренья, листья, сухіе плоды — вмѣстѣ и отдѣльно, связанные въ различные пучки, пучечки, разложенные въ кучки и представлявшіе довольно живописную картину, въ особенности въ сравненіи съ окружающими ихъ лотками съ мясомъ, крупою и прочею базарною дребеденью. Лотокъ былъ довольно обширный подъ навѣсомъ, и кромѣ того пучки травъ лежали кругомъ—и подъ ногами, и на бочкахъ сосѣднихъ торговцевъ. Среди этихъ пучковъ я съ трудомъ разглядѣлъ самую владѣтельницу этого товара. Это была женщина уже старая, низенькаго роста со сморщеннымъ, какъ яблочко, лицомъ, очень подвижная, со слезящимися и постоянно моргающими глазками, которые такъ и пронизывали насквозь. На вопросъ мой, для

[1]) Соглашаясь вполнѣ съ авторомъ въ не обходимости болѣе внимательнаго изученія такъ называемой народной медицины и тѣхъ медицинскихъ средствъ, которыя эмпирическимъ путемъ примѣняются знахарками, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что всѣ перечисленныя травы, представляющія собою аптеку Кириловны, извѣстны въ медицинѣ и испробованы ею: громадное большинство изъ нихъ не имѣютъ рѣшительно никакого фармацевтическаго значенія и представляютъ совершенно излишній аптечный балластъ, нѣкоторыя (Helleborus niger и Tanacetum Vulgare)—очень опасны по вредному дѣйствію на организмъ, и только весьма немногіе имѣютъ дѣйствительно кое-какое значеніе и употребляются изрѣдка и теперь.—Ред.

Библиотека "Руниверс"

какой надобности покупаются эти травы, она отвѣтила мнѣ, что „це ликарськи травы протывъ усякои болисти“. Чтожъ у васъ много ихъ берутъ? спросилъ я, чтобы вполнѣ увѣриться, что она украинка. „Беруть по-маненьку, усе розбырають“. Ну, чтожъ помогаютъ? „А Богъ его святый зна, спрашують, я и даю, а чи воно помога, чи ни, то до того мени дила нема. Кажуть, шо польза есть [1]). Меня заинтересовала она очень, и я рѣшилъ съ ней познакомиться и хорошенько поразспросить, но все таки сейчасъ же спросилъ ее о значеніи нѣкоторыхъ травъ, знакомыхъ мнѣ и прежде всего бросившихся въ глаза. „Для чего же эта трава“, спросилъ я, указывая на деревей (Achillea millefolium) и какъ называется?“ „Це пидбилъ трава и потребляется протывъ „татаръ-желудку“, отвѣтила она мнѣ.

Изъ-отвѣтовъ ея я увидѣлъ, что вліяніе города отразилось на ней: вмѣсто „болисть у жывоти“ или „сояшныци“ (нервная болѣзнь желудка) появился „татаръ (катаръ) желудку“.

Все таки я рѣшилъ познакомиться съ этой окультурившейся знахаркой и условился съ нею пойти къ ней на домъ на слѣдующій день. Но на слѣдующій день я опоздалъ и она ушла домой, не дождавшись меня (обыкновенно она торговала съ разсвѣта до 1 — 2 дня). Но не смотря на это, я рѣшилъ сегодня же пойти къ ней и, поразспросивши окружающихъ торговцевъ, гдѣ она живетъ, пошелъ ее отыскивать. Пришлось идти за городъ, въ предмѣстье. Но врядъ ли бы я ее нашелъ, если бы не помогла одна женщина, которая оказалась ея сосѣдкою и хорошо ее знала. Дорогою она мнѣ разсказала, что старуха прежде торговала птицею (это было очень давно), а мужъ ея всегда имѣлъ пристрастье къ травамъ и вѣчно возился съ ними, былъ даже грамотенъ и почитывалъ книжки съ описаніемъ травъ. Потомъ мужъ ея заболѣлъ, и они кинули торговлю птицей и занялись торговлею травами, и вотъ лѣтъ уже 20, какъ она торгуетъ травами и лечитъ ими же все предмѣстье, да и въ городѣ она многимъ извѣстна и многіе господа къ

[1]) Старуха говорила довольно своеобразнымъ и ломанымъ украинскимъ языкомъ и я въ дальнѣйшей передачѣ придерживаюсь ея способа выраженій.

Библиотека "Руниверс"

ней ѣздятъ за совѣтами. Сначала, когда старикъ еще окончательно не слегъ, они вмѣстѣ ходили собирать травы, вмѣстѣ работали, причемъ онъ ее училъ и разъяснялъ названія, значеніе и употребленіе каждой травки, а потомъ, когда онъ умеръ, она сама продолжала это дѣло. Все это она сама мнѣ потомъ подтвердила и дополнила свою біографію. Оказалось, что она уроженка черниговской губерніи, конотопскаго уѣзда, переселилась въ эти края лѣтъ 50 тому назадъ, а можетъ быть и болѣе. О мужѣ своемъ она всегда разсказывала съ благоговѣніемъ, какъ о человѣкѣ много знающемъ и свѣдущемъ въ медицинѣ. Она съ восторгомъ вспоминаетъ, какъ они „зъ старымъ“ ходили вмѣстѣ по полямъ и лѣсамъ, съ какою любовью онъ объяснялъ ей каждую травку, каждую былинку, не было такого растенія, чтобы онъ „не знавъ яка у неи (травы) сыла сыдыть“—и вотъ все, что она отъ него узнала — „все это она теперь примѣняетъ и этимъ только и кормится.

Она долго не хотѣла мнѣ разсказывать о свойствахъ травъ и, конечно, то, что я узналъ, представляетъ какую нибудь сотую долю того, что она знаетъ; вообще объ ядовитыхъ растеніяхъ и наркотическихъ она отказывалась говорить, пугалась при вопросѣ, представлялась, что даже не знаетъ ихъ—очевидно, она была еще раньше напугана и боялась, не зная вовсе меня, чтобы я ненарокомъ не донесъ на нее. Никакъ она не могла мнѣ повѣрить, что я вовсе не докторъ и не „фершалъ“, и не аптекарь и, что разспрашивая ее, я не преслѣдую никакихъ матеріальныхъ цѣлей.

Прежде у ней было больше травъ, когда живъ былъ старикъ—онъ ей помогалъ носить, копать, да и не страшно было вмѣстѣ ходить, а теперь она боится, и поэтому тѣ травы, которыя я у нея видѣлъ, составляютъ только часть всѣхъ извѣстныхъ ей. Мнѣ удалось разспросить у нея о примѣненіи болѣе 80 травъ. Нѣкоторыхъ я не видалъ у нея, а записалъ только изъ разсказовъ, хотя узнать какое нибудь растеніе по ея описанію бывало ужасно трудно, и иногда я узнавалъ по самымъ случайнымъ и не характернымъ признакамъ.

Библиотека "Руниверс"

Иногда по часамъ мы съ нею бесѣдовали, но со стороны можно было принять, что она меня экзаменуетъ, но никакъ не я ее разспрашиваю. До тѣхъ поръ, пока я не записываю, она увлекается, говоритъ много, описываетъ различныя травы, ихъ дѣйствіе вспоминаетъ различные случаи изъ своей практики, но только я выну бумагу и карандашъ, чтобы записать, она охлаждается, впадаетъ въ формальный тонъ—и тогда уже трудно ее расшевелить.

Я чаще сиживалъ у нея на базарѣ, чѣмъ ходилъ къ ней на квартиру, такъ какъ она очень далеко жила, а кромѣ того интересно было смотрѣть, какого сорта ея покупатели. И дѣйствительно, рѣдкое разнообразіе замѣчалось между ними, но больше всего у ней брали мужички изъ пригородныхъ деревень и мѣщане города. Она очень внимательно относилась къ своимъ покупателямъ и каждаго удовлетворяла при разспросахъ о значеніи того или другого растенія или корня. Разъ какъ то помню, подошла къ намъ монахиня, худенькая, блѣдная, и стала просить Кирилловну (такъ мою старуху называли горожане) ее вылѣчить. Та ее разспросила подробно: откуда пришла, куда идетъ, гдѣ прежде жила, какая у нея болѣзнь, не лѣчилась ли у докторовъ и, когда та отвѣтила, что нѣтъ, Кирилловна ее одобрила, ибо и не стоитъ у этихъ „шкуродеровъ“ лѣчиться, и въ концѣ концовъ пригласила ее къ себѣ на домъ и сказала, что поможетъ. Или разъ Кирилловна на минутку отлучилась куда то и оставила меня стражемъ; въ это время подбѣгаетъ дѣвочка и спрашиваетъ горчаку (Poligonum hydropiper L.) на пять копѣекъ. Къ ея удивленію вмѣсто бабушки пучекъ горчаку подалъ ей я. Чтобъ увѣриться, такъ ли мнѣ Кирилловна разсказала про горчакъ, я задержалъ дѣвочку и сталъ разспрашивать—дѣвочка охотно отвѣчала. „Для чего это ты, милая берешь?“, спросилъ я ее. „Это нашъ папаша лѣчатся травками“. Чѣмъ же твой папаша боленъ?“ „Мамаша говоритъ, что у него „гирамой“, а что это значитъ я не знаю“. „Ну и чтоже помогаетъ?“... „А какъ же, онъ только этимъ и поддержуетъ себя—мамаша говоритъ, что папаша давно бы умерли, если бы не эта травка“.

Библиотека "Руниверс"

Нѣсколько разъ я имѣлъ случай удостовѣриться, что Кирилловна меня не обманывала, а говорила то, что знала, и если чего не хотѣла говорить, то какъ нибудь изворачивалась или говорила прямо, что не знаетъ.

Кто съ нею начиналъ торговаться, тому она приводила такіе резоны, что дескать, вы покупаете не просо или ситецъ—что-ли, а для здоровья, такъ и нечего торговаться; въ аптекахъ вѣдь вы не торгуетесь, гдѣ вамъ, чортъ знаетъ что даютъ, да еще въ три дорога слупятъ. Обыкновенно ея убѣжденія увѣнчивались успѣхомъ, и сраженные покупатели вынимали пятаки и гривенники и получали взамѣнъ пучечки травъ.

Разъ въ воскресенье я засталъ Кирилловну не одну, а въ обществѣ еще двухъ знахарокъ, сильно отличающихся по характеру и способу примѣненія своихъ лѣкарскихъ знаній и напомнившихъ мнѣ макбетовскихъ вѣдьмъ. Одной, какъ я позже узналъ, было лѣтъ 80, другой тоже около этого. Но эти были уже въ другомъ родѣ. Въ нихъ не было того добродушія, какое я встрѣтилъ у Кирилловны. Обѣ онѣ жили вмѣстѣ, т. е. одна была хозяйкой, а другая жила на квартирѣ у ней, иначе говоря занимала мѣста столько, сколько можетъ занимать скрыня (сундукъ), на которой она и спала. Обѣ онѣ собирали только рѣдкія растенія или такія, которыхъ негдѣ было достать. Обыкновенно онѣ покупали у той же Кирилловны или въ аптекѣ, хотя послѣднее бывало только въ крайнихъ случаяхъ. Такъ какъ было холодно—дѣло было зимой, кажется, въ февралѣ мѣсяцѣ,—то старушки мои послали за полштофикомъ, который тутъ же и роспили. Языкъ у нихъ развязался, и онѣ вполнѣ предстали предо мной. Изъ разговоровъ ихъ я увидѣлъ, что Кирилловна въ сравненіи съ ними просто ангелъ. На вопросы мои ни одна изъ нихъ не захотѣла и отвѣчать, какъ я ни подходилъ — но въ концѣ одна изъ нихъ не выдержала и объяснила мнѣ употребленіе двухъ травъ—одну они называли *чистякъ*, другую *остудь трава*. Обѣ эти травы въ смѣси употребляются противъ болѣзни, называемой остудомъ, отъ которой, должно быть, и названіе второй травы произошло. Я, собственно говоря, какъ ни старался понять, какая это болѣзнь, все таки не понялъ, но

Библиотека "Руниверс"

опишу ее такъ, какъ мнѣ ее описала одна изъ вышеупомянутыхъ старухъ. Раньше мнѣ казалось, что остудъ происходитъ отъ слова остудить—простудить и означала болѣзнь простудного характера, но, оказалось, что я ошибся. Болѣзнь эта происходитъ, по ихъ мнѣнію, отъ наговора и отъ другихъ малоизвѣстныхъ причинъ и проявляется въ томъ, что на лицѣ и на тѣлѣ появляются черныя пятна въ видѣ пальцевъ, и человѣкъ долго и сильно страдаетъ. Я и раньше видѣлъ эти два растенія у Кирилловны, и она, дѣйствительно, тоже говорила, что оба они употребляются противъ остуда—нужно заваривать въ видѣ чая, а также дѣлать изъ нихъ ванны. Но одна старуха, очевидно, подъ вліяніемъ хмеля, сообщила мнѣ, что она обыкновенно употребляетъ ихъ такъ: человѣкъ, заболѣвшій этой болѣзнью, долженъ отправиться въ баню, захвативъ по пучечку этихъ травъ, запарить ихъ въ ряжкѣ кипяткомъ и настоемъ облиться три раза, а ряжку непремѣнно нужно подставить кому нибудь изъ присутствующихъ,—тогда эта болѣзнь перейдетъ на другое лицо, причемъ прибавила она, что неразъ сама все это продѣлывала, и опытъ каждый разъ увѣнчивался полнымъ успѣхомъ. Кирилловна была непритворно возмущена этимъ средствомъ и упирала на то, „що цежъ грихъ и якъ ты могла це зъ людьмы робыть“. Когда они ушли домой и оставили насъ съ Кирилловной наединѣ, она мнѣ разсказала, что эти старухи знаютъ массу средствъ и вообще хорошія деньги зарабатываютъ среди купечества (а городъ торговый) и кромѣ того не стѣсняются выборомъ средствъ. Но главное, что ее возмущало со стороны этихъ „чортовыхъ богачокъ“, какъ она ихъ называла, это то, что онѣ никогда ей ничего не скажутъ и не покажутъ мѣстъ, гдѣ онѣ находятъ цѣнные и рѣдкіе экземпляры.

Кирилловна мнѣ много разсказала, какъ, гдѣ и когда собирать растенія. Передамъ вкратцѣ все отъ нея слышанное.

Время для сбора травъ самое удобное въ серединѣ іюня, когда, по мнѣнію Кирилловны, всѣ цѣлебныя силы растенія концентрируются, и самая лучшая трава это та, которая собрана на Ивана Купала, 24 іюня, когда ночью разцвѣтаетъ и папоротникъ, особенно цѣнимый народомъ. „Хто найде цвитъ

Библиотека "Руниверс"

видъ папороти", говоритъ Кирилловна, „той вылечытся видъ усякои хоробы, вирно—яка бъ у нёму болисть не сыдила, такъ вона и выскочить". Я попробовалъ ее увѣрить, что папоротникъ вовсе не цвѣтетъ, въ томъ смыслѣ, какъ у насъ принято называть—цвѣтетъ, но это оказалось напраснымъ, ибо она говоритъ, что хотя она и не видѣла сама, но за то многіе видѣли и говорили ей, что цвѣтетъ онъ голубенькими, небольшими цвѣточками и разцвѣтаетъ ночью—какъ разъ въ полночь. Собирать цвѣты и травы нужно не какъ нибудь, а всегда читая молитву, чаще „Отче нашъ", а то есть и спеціальныя молитвы. Выходя первый разъ весною рвать траву, нужно захватить съ собою копѣйку и кусочекъ хлѣба и у перваго сорваннаго цвѣтка положить и то, и другое, чтобы, такъ сказать, не обязываться у матушки сырой земли, какъ пояснила она мнѣ, причемъ нужно читать слѣдующую молитву:

Святый Петро землю пахае,
А Царыця небесна розсиває,
А Спасытель благословляе,
А святый Пантелеймонъ изцилае;
Изцилы, Боже, и всихъ рабивъ Божіихъ.

Эту молитву нужно читать и вообще при собираніи травъ, но въ первый разъ обязательно.

При срываніи травъ и при даваніи ихъ противъ извѣстныхъ болѣзней читаются соотвѣтствующія молитвы. Напримѣръ, при боли зубовъ нужно принимать, такъ наз., „зубну траву" (названія ея не знаю и самой ея не видалъ, а по описанію не могъ понять) и предъ пріемомъ читать слѣдующую молитву:

Мисяць у неби,
А звирь у поли,
А щука у мори,
Когда тры браты зійдутся,
Когда девять хлибивъ попадять,
Тогда у раба Божого (имя рекъ)
И зубы заболять.

Эту молитву, или скорѣе заклинаніе, нужно читать три раза въ день во время новолунія—передъ чѣмъ не мѣшаетъ прочитать „Отче нашъ".

Библиотека "Руниверс"

При лихорадкѣ читается длинная молитва. Кирилловна сказала мнѣ только начало, и какъ я ее ни просилъ, не захотѣла говорить. Она такъ ее начинала:

„Мисяць у неби, а гныла колода за моремъ, а мертвый лежыть у гроби, а когда у мертвого ни зубы, ни очи, ничого не болитыме, такъ и раба Божого (имя рекъ) ничого не буде болиты,—вирно, ни у какому случаю не буде“, убѣжденно подтвердила Кирилловна, очевидно для нея понятную молитву или заклинаніе.

Вообще молитвамъ, заклинаніямъ, заговорамъ (шептаньямъ) и теперь еще придается большое значеніе, и дать только одну траву еще не все значитъ.

Интересно, чѣмъ руководствуются такого рода лѣкари, давая то или другое лѣкарственное растеніе противъ той или другой болѣзни. Многія средства, какъ увидимъ дальше, очевидно, выработаны народной практикой и, дѣйствительно, по составнымъ своимъ частямъ могутъ быть принимаемы противъ того или другого симптома извѣстной болѣзни съ пользою, но часто лѣченіе прямо основывается на внѣшнихъ морфологическихъ признакахъ растеній—также на его цвѣтѣ, колючести и проч. Напр., обыкновенный цминъ (изъ иммортелей — Helichrisum arenarium) — соломенно-желтаго цвѣта—дается противъ желтяницы, (желтухи), основываясь прямо на однородности цвѣта растенія и желчи. Или, напримѣръ, ризакъ трава Falcaria vulgaris, употребляется при рѣзи въ животѣ; мнѣ кажется, что употребленіе основано тоже на морфологическомъ признакѣ этого растенія—оно все покрыто жесткими-твердыми листьями, зубцами, вытянутыми въ острые кончики; также и Eryngium planum—синеголовникъ, или чертополохъ, употребляется тоже при рѣзи въ животѣ, на томъ же основаніи. Прежде чѣмъ указать примѣненіе моей знахаркой нѣкоторыхъ растеній, я скажу нѣсколько словъ вообще по поводу народной медицины. Вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, очень мало разработанъ, и врачи, которымъ, мнѣ кажется, онъ долженъ былъ быть всего ближе, почему то игнорируютъ его [1]). Мы съ каждымъ днемъ убѣждаемся,

[1]) Нельзя не привѣтствовать такой трудъ, какой предпринялъ д-ръ Демичъ—

Библиотека "Руниверс"

что масса практическихъ и полезныхъ знаній разсѣяно въ народѣ. Теорія, конечно, хромаетъ а иногда ея вовсе нѣтъ, но это все таки не значитъ, что всегда народныя средства такъ таки никуда уже не годятся. Врачи могли бы много найти здѣсь для себя поучительнаго, и брезгать народной мудростью и накопленными вѣками знаніями не слѣдовало бы.

Недавно было опубликовано *новое* средство, употребляемое при кровотеченіи и практикуемое особенно французскими врачами. Это новое средство есть ничто иное, какъ Lamium album, простая глухая крапива, которая очень распространена въ народной медицинѣ, и даже вошла въ народные лѣчебники; такъ, оно указывается въ извѣстномъ народномъ лѣчебникѣ Кашинскаго. Или въ № 16 газеты „Врачъ“ за 1889 г. мы встрѣчаемъ подробное описаніе извѣстнаго растенія Capsella bursa pastoris Monch—пастушья сумка, которое восхваляется и рекомендуется какъ кровеостанавливающее. Это же растеніе въ 1888 году восхвалялъ Ehrenvall въ „Deutsche Medicinale Zeitung“—а у насъ это растеніе споконъ вѣковъ употребляется въ народѣ при кровотеченіяхъ, и даже Кирилловна употребляетъ противъ кровохарканья.

Кто не слыхалъ о знаменитыхъ народныхъ лѣкаряхъ—а многіе, можетъ быть, и на себѣ испытали ихъ лѣченіе.

У меня былъ товарищъ по технологическому институту, который, будучи еще въ корпусѣ, сломалъ себѣ ногу и доктора или не хорошо ее срастили, или какъ нибудь залѣчили, только результатомъ было то, что онъ слегъ, пролежалъ два года и уже рѣшился отрѣзать ногу, когда ему посовѣтовали испробовать послѣднее средство и съѣздить къ знахарю во владимірской губерніи. Старичекъ осмотрѣлъ его, далъ травички попить, посовѣтовалъ ванны изъ травъ же, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ товарищъ мой ходилъ, а черезъ полгода держалъ уже экзаменъ со мною вмѣстѣ, и слѣдомъ болѣзни было только небольшое прихрамываніе. Я лично зналъ старичка въ бѣлгородскомъ

освѣтить научно, теоретически и практически, примѣненіе народныхъ средствъ. (См. его докладъ на съѣздѣ врачей въ С.-Петербургѣ).

Библиотека "Руниверс"

уѣздѣ курской губ., который не одну сотню людей вылѣчилъ. иногда прямо внушеніемъ безъ примѣненія какихъ либо средствъ. Многіе, можетъ быть, читали и объ извѣстномъ знахарѣ, жившемъ въ 70-хъ годахъ, слава котораго гремѣла по всему Поволжью. Лѣчилъ онъ исключительно отъ ревматизма, катарра желудка и дыхательныхъ путей и употреблялъ только одну траву, потомъ оказавшуюся простымъ хвойникомъ Ephedra vulgaris. Человѣкъ сотни тысячъ (sic!) пріобрѣлъ и тысячи больныхъ вылѣчилъ и никто на эти факты не обратилъ вниманія.

А дѣйствія магнетизма, гипнотизма, различныхъ видовъ внушенія и пр., которыя теперь начинаютъ интересовать врачей, да вѣдь они имѣютъ уже цѣлую исторію въ народѣ и примѣнялись и примѣняются всегда параллельно съ лѣченіемъ другими веществами. Цѣлый міръ—народная психологія—очень мало затронутъ наукой, а этотъ міръ сильно отразился въ народной медицинѣ, въ лѣченіяхъ, гаданіяхъ, шептаніяхъ, заклинаніяхъ и т. д.

Нашихъ знахарей культура тоже начинаетъ трогать, и они переживаютъ новую фазу, въ особенности вблизи городовъ. Заходятъ къ нимъ новые взгляды, новые термины, старые исчезаютъ или видоизмѣняются (такъ, я уже говорилъ, что Кирилловна обладаетъ многими терминами, напр. „татаръ желудка“); признаютъ они, кромѣ травъ и шептаній, и минеральныя средства; такъ, между лѣкарствами Кирилловны можно найти соду, квасцы (галунъ), касторку, сѣру, желѣзо (гвозди) и друг. Имъ не чужда и аптека, откуда они берутъ различныя средства, если у нихъ не хватаетъ собственныхъ.

Изъ травъ, употребляемыхъ Кирилловной, я укажу на нижеслѣдующія, большинство которыхъ я уже видѣлъ съ цвѣтами, хотя засохшими, но легко распознаваемыми, а нѣсколько видовъ опредѣлено мной по описанію или по общепринятому названію, напр. калина, бузина, липа, сирень и пр.

1. *Чернобилъ*. Artemisia vulgaris L.—купаютъ дѣтей при *сухоткѣ* [1]).

[1]) Названія болѣзней употребляемъ тѣ, какія живутъ въ народѣ и являются терминами у Кирилловны.

Библиотека "Руниверс"

2. *Коровякъ*—verbascum thapsus L. и verbascum thapsiforme Schrad.—при опухоли живота листья растираютъ и дѣлаютъ припарки, а также даютъ внутрь въ формѣ чая (infusum).

3. *Билокопытникъ билокопытъ*—трава, мать-мачуха—Tussilago farfara L. вмѣстѣ съ деревіемъ и кермыкомъ употребляется при женскихъ болѣзняхъ, причемъ сборъ завариваютъ въ формѣ чая и принимаютъ внутрь. Средство, испытанное Кирилловной и усердно ею рекомендуемое.

4. *Бодяга*—Spongia fluviatilis [1]), употребляется отъ ушибовъ, синяковъ, кровоподтековъ въ формѣ компрессовъ изъ настоя ея на водкѣ; при сильной простудѣ берутъ на 5 коп. (въ аптекѣ) бодяги, водки и деревяннаго масла и пьютъ въ нѣсколько пріемовъ, а также растираются этой смѣсью.

5. *Ирный корень.* Acorus calamus L., употребляется вмѣстѣ съ лопуховымъ корнемъ (см. № 37) отъ кровотеченія—завариваютъ поровну и пьютъ.

6. *Кукульванное сѣмя.* Cocculus suberosus (только въ аптекѣ). Сѣмя толчется въ мелкій порошокъ и смѣшивается съ масломъ или оливой, и эту смѣсь втираютъ отъ вшей.

7. *Шалфей*, но не Salvia officinalis L., а мелкое мохнатое растеніе, не похожее на шалфей, латинскаго названія котораго я не могъ опредѣлить; употребляютъ его противъ кашля.

8. *Чемерыця*, Helleborus niger L. Замѣчено свойство чемерыци—если разсыпать въ сѣняхъ чемерыцу, то куры дохнутъ, что и практикуютъ обыкновенно жительницы предмѣстья, когда разсердятся другъ на друга: разсыплютъ на ночь чемеричной травы въ томъ мѣстѣ, гдѣ куры спятъ—на утро всѣ они подохнутъ.

Въ Малороссіи очень употребительное растеніе и излюбленное знахарями.

9. *Горчакъ трава.* Polygonum hydropiper L. Одна изъ самыхъ употребительныхъ травъ, примѣняемая Кирилловной при геморроѣ въ формѣ чая.

10. *Ромашка.* Matricaria chamomilla L. Заваривается въ формѣ чая при кашлѣ.

---

[1]) Принадлежитъ къ животному, а не растительному царству.

Библиотека "Руниверс"

11. *Чернушка.* Nigella arvensis L. примѣняется Кирилловной съ успѣхомъ при сердцебіеніи; она хвалитъ его очень, какъ единственное средство, дѣйствующее подавляюще на сердце.

12. *Чортополохъ.* Eryngium planum L., употребляется отъ переполоха (внезапнаго испуга?) и при коликахъ въ животѣ.

13. *Материнка*—Душыця. Origanum vulgare—совѣтуется „отъ грудей“ при кашлѣ, при простудѣ и какъ дѣтская присыпка.

14. *Пыжма.* Tanacetum vulgare L. примѣняется при черной болисти.

15. *Симхлибивъ-трава* (наша фіалка) Viola odorata L, употребляется въ формѣ чая—когда животъ опалъ—болѣзнь назыв. *золотникомъ* (сущности ея не знаю—пишу со словъ).

16. *Барвинокъ* Vinca minor—„щобъ дивчата любылы хлопцивъ“—даютъ на тощахъ съ холодной водой. Это довольно неопредѣленно и, должно быть, какая-нибудь другая есть цѣль даванія этой травы, ибо при упоминаніи объ этой травѣ и говоря вышеприведенныя слова, Кирилловна всегда хитро улыбалась.

17. *Буркунъ билый* Melilotus alba Desr. Самое лучшее средство, какое знала Кирилловна, для проявленія молока у рожеженицы, когда оно долго не появляется. На отелившуюся корову она производитъ такое же дѣйствіе.

18. *Буркунъ жовтый. Melilotus officinalis* Desr, дается исключительно мущинамъ, но при какихъ обстоятельствахъ—Кирилловна не сообщила.

19. *Сокырки* Delphinium consolida L., излюбленное средство Кирилловны и особенно усердно ею хвалимое при нѣкоторыхъ женскихъ болѣзняхъ.

20. *Сонъ трава* Anemone pratensis L.; спеціальнаго назначенія ея Кирилловна не хотѣла мнѣ сообщить и отговаривалась тѣмъ, что самое названіе показываетъ, на что растеніе употребляется. Въ той мѣстности оно не водится и Кирилловна убѣдительно просила меня выслать ей это растеніе.

21. *Иванъ да Марья*—Viola tricolor L. „пьють видъ боли у животи, колы чоловикъ пидирветця“.

Библиотека "Руниверс"

22. *Череда* Bidens tripartita L. et B. примѣняется съ пользою отъ золотухи въ формѣ чая.

23. *Розмаринъ* Rosmarinus officinalis при задержаніи очищеній.

24. *Девясилъ* Inula helenium L. употребляются корни [1]) въ видѣ настойки при простудныхъ болѣзняхъ.

25. *Вовче лыко* Daphne mezereum L. „видъ вовчого лышая". Обыкновенно употребляется кора.

26. *Veronica Epicata L.* и *Veronica officinalis*—украинскихъ названій Кирилловна не знала. Оба эти вида вероники употребляются при укушеніи змѣй.

27. *Медвижже ухо* Arcto staphylos, Uva ursi Spr. употребляются листья—ихъ толкутъ и прикладываютъ къ ранамъ.

28. *Звиробой* Hypericum perforatum L. „видъ грудей" и при геморроѣ въ формѣ настойки на водкѣ (tinctura) и вытяжки—въ родѣ чая (infusum).

29. *Сиринь трава, бузокъ—азовскій цвитъ*, Syringa vulgaris—отъ лихорадки.

30. *Щавелевый корень*, Rumex acetosa L. употребляется въ формѣ чая при простудныхъ болѣзняхъ.

31. *Щавель*, Rumex acetosella L.—отъ рѣзи въ желудкѣ. при поносѣ, иногда вмѣстѣ съ хрѣномъ.

32. *Болыоловъ*, Conium maculatum L. при головной боли мочатъ настоемъ этой травы.

33. *Калачыки, просвиркы*, Malva rotundifolia L. вмѣстѣ съ спорышомъ употребляется на ванны, дѣлаемыя при простудѣ.

34. *Сосенка* (хвощ.) Equiletum arvense L. употребляется. какъ слабительное.

35. *Ризакъ трава* Critamus agrestis Besser. При рѣзи желудка и при поносѣ, причемъ, по увѣренію Кирилловны, рѣзь черезъ короткое время послѣ пріема прекращается, пьютъ въ формѣ чая. Въ ботаникѣ гораздо чаще называютъ *Falcaria vulgaris*.

---

[1]) Тамъ, гдѣ я не упоминаю, какая часть растенія употребляется, означаетъ. что всѣ части идутъ въ дѣло.

Библиотека "Руниверс"

36. *Петровъ батогъ*, Cichorium intybus L. вмѣстѣ съ лопуховымъ корнемъ, петрушкой и сіонской травой (неизвѣстной мнѣ) самое лучшее средство при *перелогѣ*.

37. *Лопуховый корень*. Lappa major Gärtn. et Lappa minor D. C.—Корень варятъ и моютъ голову при перхоти или когда волосы лѣзутъ.

38. *Березка* — косоплетъ-трава Consolvulus arvensis L.— очень хвалится при грудныхъ боляхъ въ формѣ чая.

39. *Кропивный корень*. Urtica dioica L. et Urtica urens L. примѣняется для *остановки крови* и при грудной боли.

40. *Триколъ - трава* — трилистникъ Menyanthes trifoliata L.— въ формѣ чая при лихорадкѣ.

41. *Толстушка*. Ledum acre L. купаютъ дѣтей въ отварѣ отъ *сухотки* [1]).

42. *Перій*. Triticum repens L. Въ немъ купаютъ дѣтей (преимущественно дѣвушекъ) „щобъ хлопци любили“ а мальчиковъ, „щобъ не цуралысь“.

43. *Helichrisum arenarium* D. C. Даютъ отъ желтухи— пить въ формѣ чая.

44. *Желизнякъ-кустовникъ*—кажется, Leonurus Marrubiastrum L.—но навѣрно не утверждаю. Одна изъ самыхъ употребительнѣйшихъ травъ Кирилловны и заготовляется ее очень много. Употребляется въ формѣ чая отъ кашля.

45. *Крушина*—Rhamnus frangula L. слабительное. Обыкновенно употребляютъ кору этого дерева и завариваютъ щепотку на чайникъ.

46. *Жостеръ* Rhamnus cathartica L. тоже слабительное. Употребляютъ ягоды.

47. *Остудъ трава* (похожа на Silene otites Smit, но не она)—отъ остуда.

48. *Чистякъ*—латинскаго названія тоже не знаю—вмѣстѣ съ остудомъ противъ болѣзни *остудъ*

---

[1]) Примѣненіе, очевидно, основано на морфологическихъ признакахъ—листья растенія *толстые*, сочные. Отсюда и дѣти должны „*потолстѣть*“.

Библиотека "Руниверс"

49. *Ландышъ.* Convalaria mojalis L. Сварить вмѣстѣ съ лопуховымъ корнемъ и билокопытникомъ въ горшкѣ и употреблять отъ ревматизма, какъ внутрь, такъ и наружу.

50. *Цыбуля.* Allium Cepa L. Взять луковицу и мелко накрошить и пересыпать солью и этимъ натирать, а потомъ полоскать ротъ настоемъ дубовой коры съ галуномъ (квасцы) при болѣзни зубовъ, хотя для зубовъ есть спеціальная зубная трава, названія не знаю.

51. *Вовчець-трава* — Centaurea benedicta. Употребляется отъ запоя.

52. *Вышневый листъ*—Prunus cerasus употребляется при ожогѣ: обожженное мѣсто намазываютъ масломъ и посыпаютъ толченымъ вишневымъ листомъ.

53. *Раковы шыйки* Polygonum bistorta L. примѣняется въ формѣ чая при поносѣ. Употребляется корень [1])

54. *Centaurea jacea L.*—„трава видъ бишенои собаки"—„якъ укусе васъ, то прикладать ии до укушенного мисця и пыть потроху, запарывшы горячою водою".

55. *Погана трава* Chelidonium majus L. купать въ ней при коростѣ и принимать отъ „*поганои болисти*".

56. *Тминъ* Carum carvi L. отъ жовтухы.—Пить въ формѣ чая.

57. *Рипій-порыло.*—Agrimonia eupatoria L. *при женскихъ болызняхъ*; употребляется въ формѣ чая.

58. *Полынь.* Artemisia absinthium L. при лихорадѣ и *при вытрахъ.*

59. *Липа.* Tilia parvifolia Ehrh. при лихорадкѣ, простудѣ въ формѣ чая; гонитъ потъ.

60. *Калына,* Viburnum opulus L. въ формѣ чая, отъ золотухи.

61. *Пидбилъ трава—деревій.* Achilla millefolium L. употребляется отъ „татаръ желудку" и при изжогахъ.

62. *Глистникъ, глистовникъ.* Bryonia dioica Jacq. Съ успѣхомъ примѣняется какъ глистогонное средство.

[1]) Корень этотъ недавно опубликованъ священникомъ Красновскимъ, какъ средство отъ водобоязни—корень кладется за щеку и жуется. Скоту по горсти черезъ 3 дня, примѣшивая къ сѣчкѣ.

Библиотека "Руниверс"

63. *Стоюнъ-трава* (кажется Valeriana officinalis L. и у Анненкова въ ботаническомъ словарѣ подъ этимъ русскимъ названіемъ помѣщено только это растеніе) употребляется какъ remedium afrodisiacum.

64. *Пятырынка*—видъ Potentilla reptans L. и P. recta L. при боляхъ въ животѣ.

65. *Солодкій корень*. Glycyrrhiza glabraL. пьютъ отъ кашля.

66. *Кульбаба трава*. Taraxacum officinale L. отъ лихорадки.

67. *Зажырнысть трава*. Oxalis acetocella L. et oxalis stricta L. „якъ у нутри болыть — пыть тую травычку — дуже пользуеть".

68. *Горыцвитъ*—подъ этимъ названіемъ у ней два растенія—одно есть видъ Linaria, а другой видъ Adonis—оба эти растенія примѣнялись Кирилловной для какой-то тайной цѣли:— давая эти травы, можно какого угодно парня причаровать.

69. *Дмуханычка* (названія самъ не знаю) употребляется *при женскихъ болызняхъ*.

70. *Плакунъ трава* или *татаръ трава* или *Непромокай*— эта трава, принятая внутрь, производитъ слабительное дѣйствіе.

71. *Ростриль трава* вмѣстѣ съ плакуномъ, съ чертополохомъ и перелетомъ употребляется при *переполохъ* (отъ сильнаго испуга).

72. *Солончакъ* или *семибратня трава* употребляется отъ рѣзи въ желудкѣ; обыкновенно ее крѣпко заваривають и кладутъ въ видѣ *припарки на пупъ*.

73. *Осотъ колючый*—отъ геморроя.

74. *Кошача мята* „видъ зубивъ".

75. *Папороть* и *папоротникъ*—это по мнѣнію Кирилловны два различные вида, цвѣты отъ которыхъ примѣняются отъ всякой болѣзни, если они сорваны легко и непремѣнно въ ночь подъ Ивана Купала.

76. *Спорышъ* употребляется, какъ и горчакъ отъ геморроя.

77. *Лотошный корень* или *водяной* (болотный) *макъ* (одинъ цвѣтокъ билый, другій жовтый, листья какъ у тыквы). Корень этого растенія вмѣстѣ съ лопуховымъ употребляется для укрѣпленія волосъ и отъ перхоти.

Библиотека "Руниверс"

78. *Степова петрушка*—одно изъ самыхъ употребительныхъ растеній, примѣняемыхъ Кирилловною *какъ мочегонное.*

79. *Воронокъ трава—мочегонъ трава* тоже очень употребительная трава, какъ мочегонное средство.

80. *Живокость*—употребляется корень; онъ желтаго цвѣта, а полежавши на воздухѣ, чернѣетъ (цвѣты похожи на колокольчикъ); отъ простуды и ломоты.

81. *Ясень.* Fraxinus excelsior--отъ лихорадки, при ревматизмѣ.

82. *Буквица*—отъ простуды.

83. *Разводъ трава* (синіе цвѣты, круглые листья) даютъ пить тому изъ супруговъ, отъ котораго хотятъ добиться, чтобы онъ бросилъ (развелся).

84. *Лынъ трава—сорокины нытки*—„щобъ дивчата хлопцивъ любылы и до ныхъ лыплы.“

85. *Кермыкъ* см. № 3. *86 Дубова кора*, кромѣ примѣненія въ № 50 еще при ножныхъ потахъ—мыть ноги настоемъ.

Многія вышепоименованныя растенія весьма оригинально примѣняются Кирилловной и по этому представляютъ наибольшій интересъ; нѣкоторыя имѣютъ примѣненіе такое же, какъ и въ медицинѣ, другія же встрѣчаются въ другихъ извѣстныхъ (опубликованныхъ) источникахъ, какъ напр. въ интересующемъ насъ въ данный моментъ больше всего сочиненіи Гарницкаго „Замѣтки объ употребленіи въ народномъ быту нѣкоторыхъ дикорастущихъ и разводимыхъ растеній украинской флоры“ Харьковъ 87 г. Я старался вездѣ, гдѣ могъ, выставить латинскія названія, ибо это точно опредѣляетъ растенія, а по народнымъ названіямъ очень трудно узнать интересующее насъ растеніе: каждое мѣсто—село, деревня, уѣздъ и пр. даетъ одному и тому же растенію различное названіе.

В. В. Марковичъ.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ

МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

Мы вступили въ Подолію и направились къ австрійской границѣ. Черезъ три дня мы пришли къ какой-то деревушкѣ, названіе которой я забылъ, помню только, что она принадлежала Ярошинскимъ. Мы расположились вблизи деревни. Какой-то почтенный старецъ-экономъ, два сына и зять котораго были въ повстаньѣ, выѣхали къ намъ навстрѣчу и сообщили какія то новости начальнику. Ружицкій приказалъ мнѣ взять шесть козаковъ изъ моего взвода и слѣдовать за нимъ, а остальному войску разставить часовыхъ и пустить лошадей на пастьбу. Приказано было также послать за горячей пищей для отряда, приготовленной экономомъ. Ружицкій, я, экономъ, и шесть козаковъ, обвязавъ палаши сѣномъ, а копыта лошадей войлокомъ, проѣхали черезъ деревню и выѣхали въ поле; намъ было приказано соблюдать величайшую тишину. Проѣхавъ верстъ 5, мы остановились надъ оврагомъ. Экономъ указалъ начальнику рукой на множество огоньковъ, разсѣянныхъ по долинѣ и по пригорку. Мы простояли съ четверть часа въ молчаніи. Начальникъ съ экономомъ стояли въ нѣсколькихъ шагахъ впереди и тоже молчали. Царила глубокая тишина, изрѣдка прерываемая криками водяныхъ птицъ, трещаньемъ коростелей и перекликаньемъ перепеловъ. Потомъ мы также тихо возвратились

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1891 г., № 11.

Библиотека "Руниверс"

обратно. Когда мы подъѣхали къ деревнѣ, начальникъ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ:

— Ты видѣлъ, что въ долинѣ расположился лагеремъ генералъ Щуцкій съ батальономъ пѣхоты, настолько увѣренный въ отсутствіи по близости повстанцевъ, что отрядъ спитъ безъ часовыхъ, какъ будто въ мирное время. Мы могли бы взять его въ плѣнъ цѣликомъ, но что изъ этого выйдетъ? Намъ надо соединиться съ войскомъ Колыска, которое расположено на противоположныхъ высотахъ, утонуть въ этомъ войскѣ и раздѣлить его судьбу. Что ты объ этомъ думаешь?

Я началъ уговаривать Ружицкаго не нападать на отрядъ Щуцкаго и не присоединяться къ войску Колыска, утверждая, что мы пропадемъ среди господствующаго тамъ безпорядка и вынуждены будемъ вмѣстѣ съ ними со стыдомъ бѣжать въ Галицію. Я совѣтовалъ возвратиться въ наши лѣса и, если тамъ нельзя будетъ удержаться, отступить въ Польшу. Если намъ суждено погибнуть, то мы должны погибнуть со славой, сохранивъ доброе имя. Я былъ въ этотъ моментъ очень краснорѣчивъ, какъ говорилъ мнѣ впослѣдствіи самъ Ружицкій, и увлекъ его силой своего вдохновенія. Онъ размышлялъ нѣсколько времени и наконецъ сказалъ:

— Будутъ кричать, и пусть кричатъ! Мы отступимъ въ лѣса и Польшу. Когда мы возвратились къ войску, Бернатовичъ и Езерскій уже знали о ген. Щуцкомъ и о близости Колыска, и вѣсть эта скоро разнеслась между нашими офицерами. Было много сторонниковъ соединенія съ Колыскомъ, но когда спросили объ этомъ Мих. Грудзинскаго, считавшагося послѣ начальника самымъ дѣльнымъ офицеромъ, онъ сказалъ.

— Для меня, господа, не существуетъ ни личныхъ желаній, ни воли, а только приказъ начальника; молчаніе и послушаніе—наша обязанность, и если мы станемъ подавать свои мнѣнія и совѣты, то погибнемъ, какъ и тѣ, а что они погибнутъ, въ этомъ я увѣренъ.

Послѣ этого разговора никто изъ офицеровъ не смѣлъ высказывать начальнику своего мнѣнія, не будучи спрошенъ. Бернатовичъ, который хотя и былъ офицеромъ въ нашемъ отря-

Библиотека "Руниверс"

дѣ, но все еще считался делегатомъ украинско-подольскихъ повстанцевъ, пошелъ къ Ружицкому и долго доказывалъ ему необходимость соединенія. Начальникъ слушалъ молча и усмѣхаясь по обыкновенію, но когда Бернатовичъ сказалъ, что въ противномъ случаѣ на начальника и весь нашъ отрядъ падетъ упрекъ въ нежеланіи подать помощь братьямъ и въ трусости, кроткій Ружицкій вдругъ покраснѣлъ, разсердился и проговорилъ:

— Идите вонъ!

Въ первый и послѣдній разъ слышали мы такія слова изъ устъ начальника. Затѣмъ онъ приказалъ садиться на коней и еще до разсвѣта мы покинули свою стоянку и направились къ роднымъ мѣстамъ. Бернатовичъ остался съ нами и былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ отряда. Езерскій пропалъ въ ту же ночь, онъ былъ слабаго здоровья и вовсе не годился для военной службы; вѣроятно, онъ возвратился домой, такъ какъ о немъ я болѣе ничего не слышалъ.

Едва мы дошли до Мирополя, какъ получили извѣстіе о пораженіи Колыска подъ Майданскомъ и объ отступленіи остатковъ его войска въ Галицію, за австрійскую границу. Вацлавъ Ржевускій, который не интриговалъ, а сражался, какъ подобало польскому шляхтичу, палъ на полѣ битвы на глазахъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Но за нимъ не хотѣли признать славной смерти и разсказывали, будто онъ бѣжалъ, былъ схваченъ крестьянами и забитъ до смерти кіями. Смѣло утверждаю, что этого не было; тѣ, которые помѣшали ему сдѣлаться вождемъ, запятнали его память, чтобы казаться непогрѣшимыми.

Въ нѣсколько недѣль со времени ухода нашего въ повстанье положеніе дѣлъ въ нашихъ мѣстахъ измѣнилось. Генералъ Раттъ, дѣятельный, неутомимый и притомъ одаренный недюжинными военными талантами, безъ шуму и преслѣдованій очищалъ край отъ повстанцевъ и возстановлялъ прежніе порядки. Въ Подоліи и на Украинѣ было много арестовъ, слѣдствій и судовъ, но не было ни нападеній крестьянъ, ни грабежей, ни рѣзни по подговорамъ властей, какъ это было спустя нѣсколько лѣтъ въ Галиціи.

Библиотека "Руниверс"

Въ бердичевскомъ уѣздѣ вездѣ были расположены отряды войскъ. Большая часть помѣщиковъ, которые были арестованы по распоряженію властей или по собственной просьбѣ, возвратились домой, утѣшая себя извѣстіями о неудачѣ возстанія, гордясь своимъ умомъ и прикидываясь патріотами, но только говоря: „Мы ждемъ болѣе удобнаго времени!“

Ружицкій, сознавая невозможность веденія партизанской войны ни въ бердичевскомъ уѣздѣ, ни въ чудновскихъ лѣсахъ, рѣшился скрыть часть кассы въ надежномъ мѣстѣ; съ этимъ порученіемъ были посланы Будзинскій и старшій Фалинскій въ Брагаловъ, гдѣ деньги и были сданы на попеченіе пани Піотровской. Оттуда они привезли вѣсть, что возстаніе вспыхнуло въ овруцкомъ и радомысльскомъ уѣздахъ и что русскія войска выступили изъ Житомира и Кіева для усмиренія повстанцевъ. Объ этихъ вспышкахъ не было еще подробныхъ свѣдѣній, но Будзинскій и Фалинскій сообщили намъ, что тѣ помѣщики, которые уклонялись отъ возстанія, требовали отъ правительства военныхъ отрядовъ для охраненія ихъ личностей и имущества, подъ предлогомъ возбужденія среди крестьянъ, на вѣрность которыхъ правительство будто бы не можетъ полагаться въ виду ихъ благопріятнаго отношенія къ возставшимъ. Между прочими, и владѣлецъ Мирополя гр. Растворовскій, слыша о нашемъ приближеніи, просилъ о присылкѣ сильнаго отряда, чтобы преградить намъ путь и захватить насъ. Все это было сообщено разсказчику въ Брагаловѣ, какъ фактъ вполнѣ достовѣрный.

Эти вѣсти были получены нами, когда мы подходили къ Мирополю. Будзинскій, отдавая начальнику отчетъ объ исполненномъ порученіи, упомянулъ и о дѣйствіяхъ Растворовскаго. Возбужденные этимъ слухомъ Польховскій, Вылеринскій и Шашкевичъ хотѣли немедленно отправиться и сурово наказать Ростворовскаго за неблагородство и отсутствіе патріотизма, но Ружицкій не позволилъ имъ этого. Все необходимое для войска было взято съ панскаго двора, но за все немедленно было уплочено; въ этомъ и состояла вся наша месть трусливому шляхтичу или плохому патріоту.

Библиотека "Руниверс"

Ружицкій, зная, что войска двигаются сюда и что непріятелю извѣстны наши движенія, измѣнилъ направленіе пути, и мы пошли прямо на Краснополь, имѣніе Оскерокъ, литвиновъ, издавна поселившихся на Волыни.

Оба Оскерки, люди рослые и здоровые, были въ числѣ тѣхъ, которые принадлежали къ бердичевскому возстанію, принесли присягу, но не явились въ условленное время на сборный пунктъ. Мы застали ихъ обоихъ дома, у нихъ же застали и Казимира Жулкевскаго. Оскерки, стоя на колѣняхъ, распѣвали псалмы Давида, а Жулкевскій былъ боленъ чирьями. Братья со стонами и слезами заявляли намъ, что не имѣютъ никакого призванія къ военному дѣлу, что они пойдутъ въ ксендзы и будутъ молиться Богу за Польшу, но сражаться не могутъ. Мать ихъ, возбужденная патріотическимъ негодованіемъ, проклинала ихъ, говоря:

— Если бы вашъ отецъ воскресъ, онъ умеръ бы вторично отъ стыда и отчаянія, видя такихъ сыновей.

Жулкевскій жаловался на чирьи, хромая на обѣ ноги и не находя удобнаго положенія. Это была и грустная, и смѣшная сцена. Скоро мы должны были оставить ихъ, такъ какъ получили извѣстіе о приближеніи къ Краснополю русскихъ войскъ, вызванныхъ гр. Растворовскимъ.

Положеніе наше было таково: между Краснополемъ и Молочками, на разстояніи 5 верстъ, шла широкая дорога, окопанная съ обѣихъ сторонъ глубокими рвами и обсаженная деревьями; справа и слѣва отъ нея тянулись вспаханныя поля, окаймленныя болотами, тянувшимися отъ Краснополя до Молочекъ; дорога представляла родъ острова, съ котораго можно было выйти только въ одной изъ названныхъ деревень, гдѣ были плотины и мосты.

Едва мы прошли съ версту отъ Мирополя, какъ одинъ изъ нашихъ шпіоновъ далъ знать, что въ Молочкахъ находятся русскія войска. Мы очутились въ западнѣ между двумя русскими отрядами, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ полу-батальона пѣхоты и взвода уральскихъ козаковъ. Это былъ батальонъ, вызванный Ростворовскимъ, раздѣленный пополамъ съ

Библиотека "Руниверс"

цѣлью пресѣчь намъ дорогу. Ружицкій выстроилъ нашъ отрядъ, и мы двинулись къ Молочкамъ. Командиръ русскаго батальона, находившійся въ Молочкахъ, вывелъ свою пѣхоту впередъ къ мостику, переброшенному черезъ неширокій ровъ, велѣлъ сломать этотъ мостикъ и выстроилъ отрядъ въ карре за рвомъ. За 300 шаговъ до рва насъ встрѣтили ружейнымъ огнемъ; пули засвистѣли вокругъ насъ: мы пошли рысью. Пройдя шаговъ 150, мы перешли въ галопъ и затѣмъ, опустивъ пики, понеслись на непріятеля. Передъ самымъ рвомъ, существованія котораго мы и не подозрѣвали, мой конь былъ раненъ пулею въ шею, всталъ на дыбы и однимъ скачкомъ перепрыгнулъ черезъ канаву, мои козаки послѣдовали за мной. У меня потемнѣло въ глазахъ; я рубилъ направо и налѣво; три раза меня вытѣсняли изъ карре и три раза я врѣзывался снова. Скоро русскій отрядъ былъ смятъ; командовавшій имъ маіоръ убитъ. Битва была упорная. Изъ 285 русскихъ только одинъ подпоручикъ и трое рядовыхъ не были ранены; изъ моего взвода раненыхъ было 19 человѣкъ. Отрядъ, находившійся въ Краснополѣ, не пришелъ на помощь своимъ, а отступилъ, взявъ съ собой братьевъ Оскерокъ и Жулкевскаго. Грудзинскій занялъ Краснополь и тамъ ему сообщили, что Жулкевскій совершенно излѣчился отъ своихъ чирьевъ.

Мы вошли въ Молочки, гдѣ громада приготовила намъ всякаго рода ѣду, а еврей-шинкарь выставилъ всѣ напитки, какіе только были въ корчмѣ, и униженно просилъ, чтобы мы пили.

Мы перешли Случь въ Барановкѣ, а въ Правотынѣ узнали о разгромѣ овручскаго повстанья и о рѣшительномъ пораженіи подъ Бѣлосорокой радомысльскихъ повстанцевъ. Мы не могли узнать подробностей объ этихъ несчастьяхъ, слышали только, что русскія войска расположены значительными отрядами надъ Случью до Новоградъ-Волынска, гдѣ была главная квартира дивизіи ген. Сулимы. Мы удалились отъ рѣки и, перейдя почтовый трактъ между Дѣдовицами и Корцемъ, двинулись прямо на Межиричъ-Корецкій, гдѣ было мѣстопребываніе маршалка Іосифа Стецкаго и гимназія о. о. піаровъ.

Библиотека "Руниверс"

Мой прежній наставникъ ксендзъ Бенчковскій былъ тогда ректоромъ гимназіи. Насъ приняли тамъ очень сердечно; всѣ ученики хотѣли присоединиться къ повстанцамъ; пришлось употребить силу и запереть мальчиковъ въ монастырѣ; старшимъ дано было позволеніе записываться въ повстанцы, и нашъ отрядъ увеличился молодыми людьми, которыхъ снабдилъ вооруженіемъ ксендзъ Бенчковскій; лошадей для нихъ тотъ же Бенчковскій промыслилъ изъ конюшень кн. Любомірской.

Маршалокъ Стецкій лежалъ на смертномъ одрѣ, но когда ему сказали о приходѣ повстанцевъ и о томъ, что я нахожусь въ числѣ ихъ, онъ пожелалъ меня видѣть, такъ какъ я былъ ученикомъ любимой имъ гимназіи. Мы съ Омецинскимъ отправились къ больному. Стецкій плакалъ, обнимая меня, и дрожащимъ голосомъ разспрашивалъ о повстаніи, о нашемъ прибытіи, о сраженіяхъ. Слушая наши разсказы, онъ оживился. На своей постели, съ сѣдыми волосами, съ типичнымъ польскимъ лицомъ, онъ напомнилъ мнѣ изображеніе гетмана Ходкевича, отдающаго свою булаву Любомірскому. Когда въ комнату вошелъ Ружицкій, маршалокъ закричалъ:

— Моего сиваго коня для пана начальника!

На этомъ конѣ Стецкій ѣздилъ 12 лѣтъ и такъ любилъ его, что жена, шутя, говорила:

— Не знаю, о комъ больше печалился бы Іосифъ—обо мнѣ или о своемъ сивомъ, а вѣдь онъ меня любитъ—столько лѣтъ прожили вмѣстѣ.

Сиваго ввели въ комнату и подвели къ постели. Стецкій погладилъ его и сказалъ:

— Вотъ тебѣ новый господинъ! Неси его на враговъ Польши!

Затѣмъ отдалъ приказъ надворнымъ козакамъ и музыкантамъ садиться на коней.

Музыканты Стецкаго были настоящіе артисты, большею частью нѣмцы—между ними былъ только одинъ полякъ Мохницкій. По приказанію маршалка они сѣли на коней, но скоро потомъ возвратились, съ нами осталось только двое—Мехницкій и молодой Нудера, добрый солдатъ, хотя нѣмецъ по имени и происхожденію.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ въ Межиричѣ нашъ отрядъ увеличился до 300 человѣкъ, и былъ укомплектованъ 3-й эскадронъ, поступившій подъ команду Тадеуша Пржиборовскаго; въ этотъ эскадронъ вошли межирицкіе студенты, шляхта и козаки Стецкаго.

Мы прошли предъ окнами Стецкаго; больной, поддерживаемый докторомъ и дворецкимъ, приподнялся съ постели и благословилъ насъ. Чрезъ три дня онъ скончался.

За нами шли возы съ оружіемъ, захваченнымъ подъ Молочками; этимъ оружіемъ мы хотѣли снабдить овручскихъ повстанцевъ, такъ какъ Ружицкій все еще имѣлъ намѣреніе проникнуть въ овручскій повѣтъ. Извѣстія, полученныя нами въ Правотынѣ, заставили насъ удалиться отъ береговъ Случи, но теперь мы снова приблизились къ рѣкѣ. Мы подходили къ деревнѣ Тышицѣ, лежащей надъ Случью. Деревня была разбросана на большомъ протяженіи, и еще въ Межиричѣ шпіоны донесли, что по дорогѣ отъ Новоградъ-Волынска къ Корцу показался какой то русскій кавалерійскій отрядъ, но мы не думали, чтобы этотъ отрядъ могъ такъ скоро догнать насъ, и начальникъ спѣшилъ достигнуть лѣса, до котораго оставалось не болѣе 2 верстъ. Въ это время Доморадскій прибѣжалъ съ арріергардомъ и донесъ о нападеніи на обозъ сильнаго русскаго отряда, которому онъ не могъ оказать сопротивленія. Начальникъ приказалъ пройти чрезъ деревню па рысяхъ. За деревней справа была Случь, огибавшая лугъ, заросшій мѣстами лозой, слѣва огромное болото, тянувшееся до самаго лѣса. Тысячахъ въ двухъ шаговъ отъ деревни былъ мостикъ черезъ ручей, протекавшій по болоту и впадавшій въ Случь. За мостикомъ по обѣ стороны были вспаханыя поля, а въ полуверстѣ отъ него начинался лѣсъ. Пройдя мостикъ, мы выстроились и стали ждать непріятеля. Русскій отрядъ состоялъ изъ 2 эскадроновъ конныхъ егерей подъ командой подполковника Петерса. Егеря прошли чрезъ деревню, перешли мостикъ, построились и открыли огонь по нашему отряду, причинившій, врочемъ, мало вреда. Ружицкій скомандовалъ намъ идти въ атаку. Егеря были разбиты, и мы снова овладѣли нашимъ обозомъ.

Библиотека "Руниверс"

Къ ночи мы пришли въ Кашовку, гдѣ застали помѣщиковъ ровенскаго уѣзда, съѣхавшихся туда съ женами и дѣтьми. Между дамами были и красавицы. Вечеръ мы провели, танцуя мазурку и вальсъ. Это была истинно рыцарская награда за наши труды. Шампанское пѣнилось въ бокалахъ; поднимались различные тосты, преимущественно за прекрасный полъ; оживленнѣе всѣхъ прошелъ тостъ въ честь панны Анели Пенковской, о храбрости и патріотизмѣ которой много разсказывали намъ участники повстанья въ овручскомъ и радомысльскомъ уѣздахъ. Она все время находилась въ обозѣ радомысльскихъ повстанцевъ, собравшихся подъ начальствомъ своего маршалка Онуфрія Голецкаго. Поднялся у нихъ вопросъ объ установленіи сообщенія съ обозомъ овручскихъ повстанцевъ, бывшихъ подъ командой маршалка Вильгельма Головинскаго. Нѣсколько человѣкъ, посланныхъ съ этою цѣлью, было захвачено донцами, занимавшими границу между двумя уѣздами. Панна Анеля вызвалась добраться до овручскаго обоза. Одѣтая въ амазонку, на добромъ конѣ, въ сопровожденіи одного конюха, она успѣла обмануть бдительность донцовъ и по лѣсамъ и полямъ доѣхала до лагеря Головинскаго въ тотъ моментъ, когда тамъ началось сраженіе съ русскими. Головинскій сообщилъ ей, что, если ему удастся прорваться сквозь ряды русскихъ, онъ направится къ Бѣлосорокѣ для соединенія съ радомысльскими повстанцами, и просилъ Голецкаго спѣшить къ тому же пункту. На возвратномъ пути прекрасная амазонка подверглась нападенію со стороны донцовъ, ея конюхъ былъ убитъ, а сама она, застрѣливъ двухъ козаковъ, избѣжала погони и прибыла въ лагерь Голецкаго, гдѣ, отдавъ отчетъ въ исполненіи порученія, заболѣла горячкой; ее отвезли къ матери, и она скоро скончалась. Отъ тѣхъ же бѣглецовъ мы узнали, что совѣтъ начальниковъ овручскаго повстанья, въ отвѣтъ на извѣстныя слова диктатора Хлопицкаго, постановилъ слѣдующее: если Варшава не хочетъ быть столицей Польши, Литвы и Руси, то пусть Овручъ будетъ Варшавой; и тотчасъ выслалъ свое войско противъ многочисленнаго русскаго отряда, не дождавшись аммуниціи, о которой хлопоталъ Головинскій и въ которой ему было отказано.

Библиотека "Руниверс"

XII.

Дубровица.—Графъ Плятеръ.—Владиміръ.—Стан. Ворцель.—Походъ на Ковель.—Поворотъ на Шуцкія озера.—Любомль.—Ксаверій Браницкій.—Переходъ черезъ Бугъ.—Ночное нападеніе подъ Ухановомъ.—Прибытіе въ Замостье.—Ген. Хржановскій.—Посольство къ Томашеву.—Приказы ген. Скржинецкаго.—Возвращеніе въ Замостье.—Пиръ.—Ген. Крысинскій.

Извѣстія о подавленіи повстанья въ овручскомъ и радомысльскомъ уѣздахъ заставили Ружицкаго измѣнить первоначальное намѣреніе идти на Березну и оттуда чрезъ лѣса къ Мозырю. Мы оставили Березну вправо и пошли на Дубровицу, имѣніе гр. Плятера, гдѣ былъ монастырь и школа ксендзовъ піаровъ.

Гр. Плятеръ, какъ и Стецкій, лежалъ при смерти, но мы были гостепріимно встрѣчены его сестрой, которая разсказала намъ о томъ, что отрядъ Нарциза Олизара разбитъ подъ Владиміромъ и разсѣянъ, но увѣряла, что большая часть составлявшихъ этотъ отрядъ повстанцевъ со Станиславомъ Ворцелемъ во главѣ скрывается въ лѣсахъ. Пораженіе это объяснили тѣмъ, что командиры были приглашены, по случаю праздника Пасхи, къ сосѣднему помѣщику, а въ лагерь привезено было много яствъ и питій. Повстанцы пировали, а въ это время на нихъ внезапно напали эскадронъ конныхъ егерей и сотня донцовъ; убитыхъ было мало, но много полу-пьяныхъ было взято въ плѣнъ, а командиры ушли въ лѣса и заграницу, въ Галицію; нѣкоторые успѣли бѣжать въ Царство польское, только одинъ Феликсъ Тржецякъ съ отрядомъ въ 40 человѣкъ пробился въ Галицію и оттуда, оставивъ австрійцамъ оружіе и лошадей, съ нѣшими людьми перешелъ въ царство польское.

Изъ Дубровицы мы двинулись къ Рафаловкѣ съ цѣлью собрать свѣдѣнія о разсѣянныхъ повстанцахъ. Въ Рафаловкѣ роскошный палацъ Олизара былъ пустъ. Сюда явилось нѣсколько сосѣднихъ землевладѣльцевъ, не съ цѣлью присоединиться къ намъ, а съ жалобами на засѣдателя Каминскаго за настойчивое выполненіе имъ своихъ обязанностей, и, къ несчастью, самъ бѣдный засѣдатель былъ захваченъ нашими козаками, посланными на фуражировку. Отъ этихъ помѣщиковъ мы узнали на-

Библиотека "Руниверс"

вѣрное, что Ворцель и его товарищи скрываются въ ковельскихъ лѣсахъ около Владиміра и что въ ихъ бандахъ числится около 500 человѣкъ.

Еще изъ Дубровицы Будзинскій и Топчевскій были посланы взять сукно, заготовленное для уланской дивизіи, и дали квитанцію въ томъ, что забрали сукно по распоряженію полковника Ружицкаго, командира авангарда корпуса ген. Дверницкаго. Эта квитанція была послана управителемъ гр. Плятера властямъ въ Кіевъ и была получена тамъ одновременно съ донесеніемъ подполковника Петерса о томъ, что онъ столкнулся съ 10-тысячнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, въ составѣ котораго были войска во французскихъ мундирахъ. За французскіе мундиры были приняты фантастическіе костюмы учениковъ межирицкой школы. Тогда былъ отданъ приказъ 3-й гусарской дивизіи ген. Лашкарева пресѣчь намъ дорогу къ Бугу, а 2-й конно-егерской дивизіи ген. Слотвинскаго отрѣзать насъ отъ Галиціи и соединиться съ гусарами для совмѣстныхъ дѣйствій. При каждой дивизіи было по 12 одрудій и по отряду пѣхоты. Бердичевскіе шпіоны тотчасъ увѣдомили насъ о движеніи русскихъ войскъ и объ ихъ численности. Мы очутились въ критическомъ положеніи: отъ царства польскаго мы были отрѣзаны, броситься въ лѣса не могли, потому что пѣхота корпуса ген. Кайсарова съ пѣсколькими полками донцовъ была растянута отъ Кіева чрезъ Мозырь до Бобруйска, другіе русскіе отряды были расположены отъ Бобруйска до Брестъ-Литовска; возвратиться въ Подолію и на Украину также было невозможно, потому что ген. Роттъ, разбивъ и вытѣснивъ въ Галицію повстанцевъ и успокоивъ край, двинулся съ своимъ корпусомъ къ Староконстантинову и занялъ линію Случи до Новоградъ-Волынска и по направленію къ австрійской границѣ до Почаева.

Выйдя изъ Рафаловки, мы расположась отдохнуть у какой то деревушки. Ружицкій сильно усталъ и задремалъ подъ деревомъ. Мартинъ Вылежинскій, который былъ очень вооруженъ помѣщиками противъ засѣдателя Каминскаго, сталъ просить начальника отдать въ его распоряженіе этого плохого патріота. Ружицкій, не понявъ спросонья въ чемъ дѣло сказалъ:

Библиотека "Руниверс"

— Возьми его себѣ.

Мы всѣ въ это время спали. Вылежинскій, отличавшійся большою физическою силою, взялъ Каминскаго и повѣсилъ его при помощи слуги на деревѣ. Каминскій не просилъ пощады, но укорялъ повстанцевъ за этотъ поступокъ съ нимъ и грозилъ имъ Божьей карой за отложеніе отъ Россіи. Онъ умеръ съ достоинствомъ и, какъ мы узнали послѣ, до засѣдательства былъ дѣльнымъ офицеромъ русской арміи и горячимъ сторонникомъ соглашенія поляковъ съ русскими. Говорили также, что онъ былъ очень почтеннымъ человѣкомъ.

Повѣсивъ Каминскаго, Вылежинскій стоялъ подъ деревомъ. Въ это время какой то человѣкъ упалъ къ его ногамъ со словами:

— Пане! Я не виноватъ, я дѣлалъ только то, что мнѣ приказывали. У насъ служба не дружба.

Вылежинскій сурово спросилъ:

— Кто ты такой?

— Я писарь пана засѣдателя, но я не виноватъ.

— Виноватъ или не виноватъ, но такому большому чиновнику, какъ твой засѣдатель нельзя обойтись на томъ свѣтѣ безъ писаря.

Съ этими словами онъ схватилъ бѣдняка и повѣсилъ на другой вѣткѣ.

Когда мы узнали объ этомъ происшествіи, то всѣ были очень возмущены, а на лицѣ Ружицкаго выразилось неудовольствіе. Объясняли этотъ поступокъ жалобами помѣщиковъ; этихъ жалобъ было, правда, много, но все же лучше было бы обойтись безъ вѣшанья, которое было единственнымъ пятномъ на бердичевскихъ повстанцахъ. Вслѣдствіе этого всѣ мы стали сторониться отъ Вылежинскаго.

Миновали мы Ковель, оставивъ его на лѣво, и къ ночи прибыли во Владиміръ. Здѣсь къ намъ присоединился Стан. Ворцель, но только одинъ,—о 500 повстанцахъ не было ни слуху, ни духу. Ружицкій, собравъ необходимыя для себя свѣдѣнія, разослалъ повсюду циркуляры съ требованьемъ доставить подводы и исправить дорогу до Ковля.

Библиотека "Руниверс"

На слѣдующій день мы выступили по направленію къ Ковлю, дѣлая, однако, видъ, будто бы мы, видя невозможность перехода черезъ Бугъ, двигались въ Подолію. На почтовой дорогѣ нашъ авангардъ захватилъ курьера съ бумагами отъ генер. Лашкарева къ ген. Слотвинскому, въ которыхъ Лашкаревъ увѣдомлялъ Слотвинскаго о намѣреніи авангарда войскъ Дверницкаго напасть на Ковель и о томъ, что это, вѣроятно, военная хитрость, имѣющая цѣлью облегчить соединеніе этого войска съ войскомъ, находящимся въ мозырскихъ лѣсахъ, гдѣ уже происходили сраженія повстанцевъ съ корпусомъ Кайсарова, и потому онъ, Лашкаревъ, спѣшитъ зайти съ первой бригадой—полками ахтырскимъ и александрійскимъ—намъ въ тылъ, а маріупольскій и оранскій полки оставляетъ надъ Бугомъ между Шацкими озерами. Курьеръ, родомъ литвинъ, сообщилъ, что кромѣ него Лашкаревымъ послано еще два курьера съ такими же депешами, что самъ Лашкаревъ не поспѣетъ къ Ковлю раньше полудня слѣдующаго дня, что въ Ковлѣ теперь не болѣе батальона пѣхоты и сотни козаковъ, но ночью или на разсвѣтѣ туда прибудутъ конные егеря. Отъ этого же курьера мы узнали, что въ Любомлѣ находится семейство Браницкихъ, старшій сынъ которыхъ, Ксаверій, лейбъ-гусарскій поручикъ, отличается патріотическимъ настроеніемъ.

Къ вечеру мы дошли до Ковля: мѣстный гарнизонъ, вышедшій было противъ насъ, отступилъ въ городъ, и мы, пройдя чрезъ предмѣстье, двинулись къ Шацкимъ озерамъ. На разсвѣтѣ мы достигли озеръ и, увидя шедшую по почтовому тракту русскую кавалерію, спустились въ долину и какимъ-то чудомъ остались незамѣченными непріятелемъ, который прошелъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ насъ. Мы пошли къ Любомлю; нашъ передовой отрядъ вытѣснилъ занимавшій Любомль гусарскій эскадронъ. Отъ Любомля мы двинулись къ Перевозамъ и тамъ перешли Бугъ, передовые вплавь, а остальные вмѣстѣ съ обозомъ черезъ наскоро наведенный мостъ. Когда мы уже переправились и шли къ Рудкамъ, наши шпіоны дали знать, что гусары преслѣдуютъ насъ и тоже перешли Бугъ. Мы двигались по направленію къ Грубешову. Такимъ

Библиотека "Руниверс"

образомъ мы были уже въ Польшѣ. Вступили мы туда въ недобрый часъ. Экспедиція ген. Янковскаго не удалась, поговаривали уже о пораженіи поляковъ подъ Остроленкой, но утверждали вмѣстѣ съ тѣмъ, что ген. Хржановскій идетъ на Волынь. Въ это время ген. Рюдигеръ съ русскими войсками стоялъ уже въ Войславичахъ и его отряды приближались къ Замостью. Генералъ Крейцъ приближался къ Замостью со стороны Люблина, и его авангардъ уже занялъ старое Замостье. Кайсаровъ шелъ къ Бугу. Трудно было Хржановскому, ожидавшему въ Замостьѣ грядущихъ событій [1]).

Сражаясь съ преслѣдовавшими насъ русскими отрядами, мы добрались до Замостья. Хржановскій хорошо зналъ о томъ, что мы перешли Бугъ и уже второй день сражаемся съ русскими, но когда коммиссаръ люблинскаго воеводства Романовскій сообщилъ ему объ этомъ, онъ отвѣчалъ:

— Пусть сражаются; зачѣмъ было приходить сюда!

Никто не выѣхалъ на встрѣчу намъ въ деревню, гдѣ мы остановились на отдыхъ. Бернатовичъ былъ посланъ къ Хржановскому съ рапортомъ отъ Ружицкаго. Когда онъ возвратился, то засталъ насъ уже двинувшимися къ крѣпости и сообщилъ, что генералъ съ войскомъ ждетъ насъ на гласисѣ. На этомъ гласисѣ мы увидѣли два батальона пѣхоты, два эскадрона кавалеріи и ген. Хржановскаго, который принялъ насъ съ недовольной миной и велѣлъ отвести намъ кирпичный заводъ, гдѣ мы должны были расположиться, а обозъ и плѣнныхъ велѣли препроводить въ крѣпость. Ружицкій немедленно отправился къ Хржановскому, но пробылъ у него недолго и, видимо, былъ недоволенъ оказаннымъ ему пріемомъ. Тотчасъ онъ написалъ подробный рапортъ ген. Скржынецкому, въ то время бывшему главнокомандующимъ повстанцами, и на слѣдующее утро отослалъ этотъ рапортъ по назначенію съ Пильховскимъ и Бернатовичемъ, согласно совѣту Хржановскаго, который сказалъ:

— Лучше всего напишите сами генералу Скржынецкому и пошлите къ нему одного изъ вашихъ повстанцевъ.

[1]) Здѣсь мы опускаемъ подробное описаніе переходовъ отряда Ружицкаго и стычекъ этого отряда съ русскими войсками.—Ред.

Библиотека "Руниверс"

Холодный пріемъ подѣйствовалъ на насъ очень непріятно. Офицеры, по примѣру своего командира, смотрѣли на насъ свысока, только кракусы, не знаю почему, отнеслись къ намъ очень дружелюбно и пригласили на пирушку, на которой мы встрѣтили украинцевъ и подолянъ изъ повстанцевъ Колыска, напр.: Германа и Іосифа Потоцкихъ, Еловицкихъ, Собанскихъ и др. Они очень намъ обрадовались.

Кракусы были очень недовольны бездѣйствіемъ Хржановскаго и громко высказывали свое неудовольствіе. Это дошло до слуха генерала, и онъ, уступая общественному мнѣнію, предпринялъ экспедицію къ Грубешову, окончившуюся неудачно, что не помѣшало Хржановскому устроить торжественный въѣздъ въ крѣпость. Это послужило предметомъ насмѣшекъ и карикатуръ, что очень раздражило генерала и, хотя онъ и зналъ, что мы здѣсь не причемъ, но выместилъ на насъ свою злобу: призвавъ Ружицкаго, генералъ объявилъ ему, что такъ какъ мы не входимъ въ составъ его войскъ, то до полученія приказаній отъ главнокомандующаго, онъ прекращаетъ выдачу намъ провіанта и фуража. Ружицкій не возражалъ и только спросилъ:

— Позволено ли будетъ намъ самимъ добывать фуражъ?

Генералъ усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Можете грабить край,—это я разрѣшаю.—И тотчасъ отдалъ приказъ коменданту крѣпости ген. Крысинскому выпускать насъ изъ крѣпости и впускать въ нее.

Возвратившись на кирпичный заводъ, Ружицкій засталъ тамъ коммиссара Романовскаго, очень возмущавшагося поведеніемъ Хржановскаго по отношенію къ намъ, который сообщилъ, что въ эту же ночь русскій транспортъ съ провіантомъ и фуражемъ и стадо воловъ должны пройти черезъ Грабовчикъ къ австрійской границѣ, гдѣ ожидаютъ прибытія корпуса Кайсарова. Тотчасъ былъ посланъ отрядъ конницы, который и захватилъ транспортъ, весьма слабо конвоируемый, такъ какъ послѣ разбитія Хржановскаго, русскіе держались очень безпечно. Конвой бѣжалъ, и только два больныхъ драгуна попались въ наши руки.

Библиотека "Руниверс"

Ружицкій велѣлъ оставить припасовъ на 25 дней, а остальное отослать Хржановскому для продовольствія его войска. Хржановскій приказалъ поблагодарить Ружицкаго.

На третій день Хржановскій приказалъ Ружицкому выступить въ Томашевъ, лежащій на самой границѣ. Нечего дѣлать— надо было повиноваться. Томашевъ былъ окруженъ русскими, а жители мѣстечка, евреи, относились очень недружелюбно къ полякамъ. Очевидно было намѣреніе Хржановскаго сбыть насъ съ рукъ и вынудить къ переходу въ Галицію.

Служба въ Томашевѣ была очень тяжела и опасна. На восьмой день нашего пребыванія тамъ какой то экономъ изъ окрестностей Замостья, переодѣтый крестьяниномъ, прибылъ къ намъ съ депешами отъ Хржановскаго и сказалъ, что едва пробрался къ намъ, такъ какъ гусары разъѣзжаютъ по дорогѣ къ Звѣринцу. Хржановскій предписывалъ намъ немедленно двинуться изъ Томашева къ Замостью, гдѣ мы и получимъ дальнѣйшія приказанія.

По распоряженію Скржынецкаго Ружицкій былъ произведенъ въ маіоры и получилъ крестъ за военныя заслуги; нашъ отрядъ получилъ названіе волынскаго коннаго или 1-го козачьяго полка. Всѣ офицеры были утверждены, по представленію Ружицкаго, въ занимаемыхъ ими должностяхъ и многіе изъ отряда получили кресты за храбрость. Это обстоятельство очень обрадовало и ободрило всѣхъ. Ружицкій по этому случаю устроилъ угощеніе: на площадь выкатили бочки съ виномъ и водкой, доставили огромное количество всякихъ снѣдей. Чтобы дать людямъ возможность отдохнуть, было приказано оставить въ караулѣ только одинъ взводъ, а командовавшему имъ офицеру предписано пропускать евреевъ, пробирающихся изъ города въ поле. Лошади были разсѣдланы, и уже мы собирались приступить къ угощенію, когда Ружицкій получилъ извѣстіе, что нѣсколько евреевъ перешло черезъ цѣпь часовыхъ. Тотчасъ велѣно было сѣдлать коней, усилить караулы, разбить бочки, разобрать съѣстные припасы, и въ тотъ же вечеръ мы выступили изъ Томашева. Черезъ часъ послѣ нашего ухода на городъ напали гусары, увѣренные, что захватятъ насъ врасплохъ. Они такъ были

Библиотека "Руниверс"

поражены, не найдя насъ, что не разузнали даже, куда мы пошли, и донесли, что мы отступили въ Галицію.

По дорогѣ мы напали на гусарскій патруль и захватили въ плѣнъ двухъ рядовыхъ. Отъ нихъ мы узнали, что Кайсаровъ въ Криницѣ и стягиваетъ огромныя массы пѣхоты, такъ какъ ему приказано взять Замостье. Въ Звѣржинцѣ мы нашли Верещинскаго со сформированнымъ имъ подольскимъ легіономъ; это было отличное войско. Здѣсь мы узнали о пораженіи повстанцевъ подъ Остроленкой, о подвигахъ 2-го уланскаго полка, въ которомъ всѣ четыре эскадронные командира были убиты, о чудесахъ храбрости, показанныхъ генераломъ Бемомъ и его артиллеріей. Въ Звѣржинцѣ мы застали и рефендарія Волицкаго, ѣхавшаго въ Константинополь въ качествѣ посла отъ ржонда народоваго къ турецкому султану. Ни изъ словъ посла, ни изъ его бумагъ не видно было, чего желалъ и могъ желать ржондъ отъ султана. Въ граматахъ были пышныя фразы о карловицкомъ трактатѣ, о пріязни Мустафы IV къ полякамъ, о покровительствѣ, оказанномъ турками барскимъ конфедератамъ; много было словъ, а мало дѣла. Новому послу очень хотѣлось все намъ разсказать, все прочитать. Я замѣтилъ, что надо бы испросить позволенія султана поднять козаковъ, оставшихся на Дунаѣ послѣ войны 1828 года, вторгнуться съ ними въ Бессарабію и на Украину и возбудить тамъ среди народа возстаніе во имя козачества и короля польскаго. Волицкій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Какіе козаки? Что за козаки? Козаки насъ бьютъ, а мы будемъ обращаться къ нимъ за помощью.

Ему растолковали, что это за козаки. Онъ долго думалъ и, наконецъ сказазъ:

— Да вѣдь это схизматики,—и замолчалъ.

Что сдѣлалъ Волицкій въ Константинополѣ, я не могъ узнать ни тамъ, ни въ Парижѣ. Знаю только, что въ Константинополѣ онъ былъ, что у него была красивая дочь и самъ онъ былъ ревностнымъ католикомъ и горячимъ сторонникомъ австрійскаго двора.

Мы пришли въ Замостье вмѣстѣ съ подольскимъ легіономъ.

Библиотека "Руниверс"

На этотъ разъ насъ встрѣтили не такъ, какъ прежде: ген. Крысинскій вышелъ на встрѣчу со всѣмъ войскомъ и устроилъ великолѣпное угощеніе для офицеровъ и солдатъ. Хржановскій уже выступилъ съ войскомъ изъ Замостья, оставивъ обозъ съ негоднымъ оружіемъ, испорченныя пушки и болѣе 500 человѣкъ больныхъ, и приказалъ Ружицкому препроводить все это на лѣвый берегъ Вислы. Получивъ этотъ приказъ, Ружицкій сказалъ Крысинскому, что на слѣдующій день выступаетъ въ походъ.

XIII [1]).

Мы пошли изъ Замостья отдѣльными отрядами по разнымъ дорогамъ, чтобы обмануть шпіоновъ. На пятый день мы достигли береговъ Вислы. Переправа прошла благополучно, хотя преслѣдовавшія насъ русскія войска подошли на близкое разстояніе и открыли огонь, не причинившій намъ большаго вреда. Черезъ Завихвостъ мы пошли къ Сольцу, гдѣ получили приказаніе отъ Хржановскаго остановиться, а обозъ отослать въ его главную квартиру. Три недѣли простояли мы въ Сольцѣ, занимаясь ученьями, но не были лишены мы и развлеченій, такъ какъ въ Солецъ стали съѣзжаться окрестные помѣщики съ женами и дочерьми и у насъ часто устраивались танцы. Въ Солецъ пріѣхалъ къ намъ Хржановскій, сдѣлалъ смотръ, остался очень доволенъ нашей выправкой и объявилъ, что мы назначены въ составъ обсерваціоннаго корпуса ген. Шептицкаго, расположеннаго въ Тарловѣ, куда мы и выступили. Нашъ новый начальникъ былъ человѣкъ почтенный и добродушный, но старый и предоставлявшій подчиненнымъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Его корпусъ, который долженъ былъ охранять переправу черезъ Вислу, состоялъ всего на всего изъ 4 батальоновъ пѣхоты по 600 чел. каждый, нашего полка изъ 300 человѣкъ и еще 300 кавалери-

[1]) Содержаніе этой главы „Записокъ“ передано нами въ краткомъ изложеніи.—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

стовъ; пушекъ не было вовсе. Силы ген. Рюдигера, стоявшаго на правомъ берегу, во много разъ превосходили наши, и странно было со стороны Хржановскаго противопоставлять имъ нашъ маленькій отрядъ. Флоріанъ Ржевускій съ русской кавалеріей уже перешелъ Вислу и окопался у Павловской Воли. Вопреки желаніямъ высшаго начальства, мы подъ начальствомъ Ружицкаго сдѣлали удачное нападеніе на отрядъ Ржевускаго и четыре дня стояли подъ Павловской Волей. На пятый день мы узнали, что Рюдигеръ оставилъ первоначальное намѣреніе перейти Вислу у Юзефова и двинулся вдоль берега къ Янову, а также, что Шептицкій отступилъ изъ Тарлова къ Свенто-Кржижскимъ горамъ. Оставшись безъ начальника, мы рѣшили было идти въ Варшаву, но встрѣтившаяся намъ по дорогѣ пани Вендорфъ сообщила Ружицкому, что Шептицкій находится въ Опатовѣ, и убѣдила идти туда же. Когда мы пришли въ Опатовъ, то Шептицкій былъ очень удивленъ, такъ какъ считалъ насъ погибшими и уже послалъ рапортъ объ этомъ въ Варшаву. Вскорѣ на смѣну Шептицкому прибылъ въ Опатовъ новый командиръ Самуилъ Ружицкій, однофамилецъ Карла Ружицкаго. Онъ рѣшилъ идти къ Радому, гдѣ мы должны были соединиться съ новыми силами и составить корпусъ численностью до 11,000 человѣкъ. По дорогѣ мы могли убѣдиться, что населеніе, хотя и не враждебно намъ, но относится къ возстанію совершенно равнодушно, заявляя и намъ, и русскимъ, что пусть Богъ помогаетъ тому, кто хочетъ намъ добра. Въ Ильжѣ мы узнали, что Радомъ занятъ Рюдигеромъ, а мы окружены со всѣхъ сторонъ русскими войсками. Пробившись сквозь непріятельскіе отряды и соединившись съ полковникомъ Обуховичемъ, мы стали двигаться маршами и контрмаршами, избѣгая сраженія, хотя силы наши были довольно значительны.

Самуилъ Ружицкій былъ человѣкъ весьма почтенный, пользовавшійся хорошей репутаціей въ военномъ мірѣ, но у него былъ огромный штабъ, распоряжавшійся всѣми операціями, и это то обстоятельство и погубило все дѣло. Въ Варшавѣ дѣла шли очень плохо. Разногласіе было полное. Предписанія, которыя мы получили оттуда, только ухудшали наше положеніе. Въ

Библиотека "Руниверс"

отдѣльныхъ стычкахъ съ русскими войсками мы всегда выходили побѣдителями. Наши солдаты и офицеры не оставляли желать ничего лучшаго, но неспособность нашихъ начальниковъ, недостатокъ единства въ дѣйствіяхъ вредили всему. Наконецъ, мы были вынуждены дать сраженіе и были разбиты подъ Липскомъ.

Между тѣмъ въ Варшавѣ произошелъ переворотъ: демократическая партія одержала побѣду. Когда мы стояли въ Кунавѣ, къ намъ пріѣхалъ кн. Адамъ Чарторыйскій и уѣхалъ далѣе въ Краковъ, за Чарторыйскимъ послѣдовалъ Скржынецкій.

Вскорѣ изъ Варшавы явились новые командиры, но положеніе дѣлъ не улучшилось. Мы отступили къ границѣ Галиціи и, когда показались русскія войска, то, обмѣнявшись съ ними артиллерійскими залпами, безъ битвы перешли границу и сложили оружіе.

Заканчивая въ текущемъ году Записки М. Чайковскаго о возстаніи 1831 года, редакція надѣется помѣстить въ будущемъ ту часть записокъ, которая относится ко времени пребыванія Чайковскаго въ Турціи.

Библиотека "Руниверс"

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ КОРСУНЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

25-го октября текущаго года скончался одинъ изъ ветерановъ нашей письменности, въ свое время игравшій довольно видную роль въ литературномъ мірѣ юга Россіи,—это *Александръ Алексѣевичъ Корсунъ*, издатель альманаха подъ заглавіемъ „Снипъ, украинській новорочникъ“, авторъ нѣкоторыхъ самостоятельныхъ беллетристическихъ произведеній, любитель мѣстной исторіи, литературы и археологіи. Давно уже не выступалъ онъ въ литературномъ мірѣ, въ виду чего имя его стало забываться, и только въ прошломъ, 1890 году заставилъ онъ вспомнить о себѣ, напечатавъ въ „Русскомъ Архивѣ“ (№ 10) свои воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ, съ которымъ дружба его, съ перерывами впрочемъ, тянулась около полувѣка. Воспоминанія эти, нужно признаться однако, не особенно широко расходились среди читающей публики, не смотря на свой мѣстами глубокій интересъ, а потому многіе съ нѣкоторымъ удивленіемъ спрашивали, прочитавъ газетныя извѣстія о его смерти: „неужели онъ былъ живъ до сего времени?“

Обязанность прессы, особенно мѣстной, оживлять въ памяти имена лицъ, своей дѣятельностью въ той или иной формѣ способствовавшихъ росту культурныхъ силъ родины, своими знаніями, талантами и трудами двигавшихъ впередъ и поднимавшихъ наново вопросы, связанные съ проявленіемъ народнаго самосознанія, съ пробужденіемъ инстинктовъ общественности. Вотъ почему, мы думаемъ, нелишнимъ будетъ, по край-

Библиотека "Руниверс"

ней мѣрѣ, подвести итоги наличнымъ даннымъ, знакомящимъ насъ съ личностью А. А. Корсуна, за отсутствіемъ у насъ какихъ-либо новыхъ чертъ изъ его жизни и дѣятельности, опубликованіемъ которыхъ, мы увѣрены, займутся лица, близко знавшія покойнаго и имѣющія доступъ ко всѣмъ оставшимся послѣ него матеріаламъ.

Данныхъ изъ біографіи А. А. Корсуна, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ, очень мало. Даже самаго года рожденія, насколько намъ извѣстно, нигдѣ не указано. Въ одномъ некрологѣ (Кіевлянинъ, № 239) прямо говорится, что онъ умеръ 75 лѣтъ, а въ другомъ (Южный Край, № 3722)—около 80 лѣтъ, хотя изъ письма къ нему Н. И. Костомарова, опубликованнаго самимъ А. А. Корсуномъ (Рус. Арх. 1890 г. № 10, стр. 221), видно, что онъ моложе перваго, родившагося въ 1817 году, т. е. оказывается—ему было не болѣе 74 лѣтъ. Родомъ онъ былъ изъ деревни Богдановская Антиповка, бывшаго Ростовскаго на Дону уѣзда, теперь таганрогскаго округа. Не знаемъ, почему г. Петровъ считаетъ его происходящимъ изъ *помѣщиковъ полтавской губерніи* (Очерки ист. украин. лит., стр. 135), когда намъ извѣстно только, что предки его были запорожцы, о чемъ самъ Корсунъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Костомаровѣ, говоря: „я, по предкамъ щирый запорожецъ....“. (стр. 201). Принадлежа къ довольно зажиточному семейству, А. Корсунъ въ дѣтствѣ, вѣроятно, долженъ былъ пройти ту систему воспитанія, какая въ большинствѣ случаевъ примѣнялась въ нашей украинской помѣщичьей средѣ. Впрочемъ, данныхъ объ этомъ воспитаніи нѣтъ у насъ никакихъ, кромѣ одного намека въ маленькой біографической справкѣ, помѣщенной въ Южномъ-Русскомъ сборникѣ А. Метлинскаго, о М. Макаровскомъ, который былъ домашнимъ учителемъ въ домѣ Корсуна, будучи воспитанникомъ духовной семинаріи и держась традицій національныхъ, обнаруженныхъ дальнѣйшею его писательской дѣятельностью. Хотя Макаровскій и не былъ воспитателемъ маленькаго Александра Корсуна, т. к. былъ въ домѣ ихнемъ не позже 1818 года, но мы имѣемъ полное право пред-

Библиотека "Руниверс"

полагать изъ факта пребыванія въ семьѣ Корсуна такихъ лицъ, какъ Макаровскій, что тамъ не чуждались своего родного, а можетъ быть даже употребляли въ разговорѣ малорусскую рѣчь, ставшую впослѣдствіи орудіемъ литературныхъ проявленій молодого человѣка, начавшаго сознательную работу свою по окончаніи харьковскаго университета съ писательства по малорусски.

Гдѣ и какъ проходилъ А. Корсунъ курсъ средней школы, мы не знаемъ; видимъ его уже въ концѣ 30-хъ годовъ въ Харьковѣ, въ качествѣ студента-юриста. Н. И. Костомаровъ въ своей автобіографіи (Литературное наслѣдіе, стр. 23) опредѣляетъ четыре слѣдующіе типа тогдашнихъ харьковскихъ студентовъ. — 1) „Сынки богатыхъ родителей, обыкновенно помѣщенные ими у профессоровъ и отличавшіеся франтовствомъ и шалопайствомъ; вся цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы какими бы то ни было средствами, получить въ свое время дипломъ на степень кандидата или дѣйствительнаго студента. 2) Молодые люди, видѣвшіе впереди для себя цѣлью службу; они до извѣстной степени учились порядочно, но прямой любви къ наукѣ у нихъ было мало. 3) Молодые люди, дѣйствительно занимавшіеся наукою съ любовью; этого рода студенты были, такъ сказать, интеллигенціею университета. Въ тѣ времена между ними господствовала наклонность къ идеализму и въ большой модѣ было заниматься философіей. 4) Люди, не настолько богатые, чтобы помѣщаться у профессоровъ, и не настолько трудолюбивые и даровитые, чтобы успѣшно заниматься наукою; они жили и вели себя, какъ попало“. Къ какому изъ этихъ четырехъ типовъ принадлежалъ А. Корсунъ, можно догадываться по тѣмъ дальнѣйшимъ проявленіямъ его дѣятельности, которыя несомнѣнно свидѣтельствуютъ о его наклонности къ идеализму и, во всякомъ случаѣ, о полной отчужденности отъ низменныхъ житейскихъ побужденій. Уже одинъ тотъ фактъ, что онъ, почти на школьной скамьѣ затѣялъ изданіе украинскаго альманаха, есть доказательство его далеко не практическихъ наклонностей. Въ то время писательство вообще было не въ авантажѣ, а малорусскихъ писателей можно было по

Библиотека "Руниверс"

пальцамъ перечесть: Котляревскій, Боровиковскій, Гребинка, Артемовскій-Гулакъ, Метлинскій, Іеремія Галка — вотъ почти и всѣ. Отношеніе критики къ ихъ произведеніямъ было очень неопредѣленное: одни издѣвались надъ писательствомъ малорусскимъ (Библіотека для Чтенія), другіе пробовали брать его подъ свою защиту, но на всъ шагу обнаруживали малое знаніе и языка, и народно-поэтическихъ красотъ. Постоянно въ этихъ рецензіяхъ можно было натолкнуться на курьезы, въ родѣ того, какой переданъ самимъ А. Корсуномъ въ его воспоминаніяхъ, а именно: критикъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ драматич. сценъ „Сава Чалый“, изданныхъ въ 1838 г. Н. Костомаровымъ, упрекалъ автора въ излишнемъ сокращеніи словъ, отчего они лишаются прямаго значенія, причемъ въ примѣръ приводилъ выраженіе „*ка-зна-що*“ (чертъ знаетъ что), думая, что это есть не что иное, какъ сокращеніе „Катя знаетъ что“. Что-же касается отношенія общества того времени къ писательской дѣятельности вообще, то это лучше всего видно изъ того случая, который переданъ А. Корсуномъ о Квиткѣ. Сущность состояла въ томъ, что дворянство съ гордостью заявило Квиткѣ, при избраніи его въ должность предсѣдателя уголовной палаты, что онъ долженъ оставить свои писанія, т. к. они не идутъ къ такому важному мѣсту. Только и выручило Квитку какъ разъ кстати полученное имъ письмо отъ В. А. Жуковскаго, въ которомъ тотъ извѣщалъ его, что повѣсть Квиткина „Божьи дѣти“ читана въ Высочайшемъ семействѣ и что Государыня Императрица изволила умилиться, а Великія Княжны плакали. Картина, конечно, сразу перемѣнилась (стр. 210—211). Среди такихъ условій писательства нужно было имѣть или довольно сильный запасъ традицій со временъ дѣтства, или находиться подъ непосредственнымъ вліяніемъ глубоко-сознанныхъ идеаловъ, чтобы избрать себѣ тотъ путь литературной работы, на который, какъ мы видимъ, и вступилъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, только-что окончившій курсъ университета [1]). Что именно побуждало А. Корсуна

[1]) Въ воспоминаніяхъ о Н. И. Костомаровѣ читаемъ: „Въ 1842 году, *съ ученической скамьи*, я поступилъ прямо въ столоначальники....“ (Рус. Арх. 1890, № 10,

Библиотека "Руниверс"

какъ къ личному писательству, такъ и къ издательству малорусскихъ піесъ, видно изъ много разъ высказанныхъ имъ самимъ мыслей о любви къ малорусской рѣчи, на которой, какъ онъ говоритъ, „можно было выражать многоразличныя проявленія духа человѣческаго“ (стр. 201).

Остановимся немного на этомъ моментѣ въ жизни А. Корсуна, т. к. онъ является наиболѣе характернымъ для оцѣнки его литературныхъ вкусовъ.

Много разъ было уже указано на нѣсколько странное дѣленіе малорусскихъ писателей по направленіямъ, или лучше сказать—по школамъ, принятое въ извѣстномъ трудѣ г. Петрова „Очерки Ист. Украин. Литерат.“ Такъ, на основаніи этого дѣленія, А. Корсунъ попадаетъ въ очень мало опредѣленную школу подъ заглавіемъ „романтико-художественная украинская литература“. Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ по этому поводу проф. Дашкевичъ, „распредѣленіе матеріала, представляемаго украинскою литературою, лишь примѣнительно къ главнымъ теченіямъ, смѣнявшимся или сливавшимся въ обще-русской литературѣ, лишало (автора) возможности уловить мѣстныя индивидуальныя черты и вѣрно опредѣлить характерныя особенности различныхъ періодовъ [1])“. Въ самомъ дѣлѣ, что специфически рѣзкаго можно отмѣтить въ произведеніяхъ А. Корсуна для причисленія его къ романтикамъ? Не болѣе того, что мы найдемъ и у Костомарова, причисленнаго къ „украинскому славянофильству“. Съ другой стороны, развѣ мы не найдемъ чертъ славянофильства у А. Корсуна, роднящихъ его съ идеалами Н. Костомарова? Жизнь каждаго изъ нихъ сложилась въ дальнѣйшемъ иначе. Въ 1847 г. А. Корсунъ состоялъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при Дербентскомъ военномъ губернаторѣ и потому былъ оторванъ отъ ближайшихъ ему интересовъ; онъ не могъ даже понять причины изъятія изъ продажи сочиненій Шевченка и Костомарова, а когда при-

стр. 210),—слѣдовательно университетъ былъ оконченъ позже изданія „Снопа“ (1841 г.); между тѣмъ д-ръ Вл. Александровъ прямо указываетъ 1840 г., какъ годъ окончанія Корсуномъ университета (Южный Край).

[1]) Отчетъ о 29-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 56.

Библиотека "Руниверс"

чина эта стала ему извѣстной, онъ восклицалъ такъ, какъ, вѣроятно, говорили и всѣ замѣшанные въ это дѣло [1]). Славянофильскія стремленія Корсуна лучше всего видны изъ того факта, что онъ съ удовольствіемъ и съ сознаніемъ долга занимался по мѣрѣ силъ изученіемъ возрождавшейся тогда чешской письменности и переводилъ пѣсни Челяковскаго (Ohlas Pesni Russkich), стихи Мицкевича (Stepy Akkermanskie), занимался изученіемъ славянскихъ языковъ. Въ литературной же дѣятельности его это стремленіе сказалось сейчасъ-же въ альманахѣ „Снипъ", гдѣ были помѣщены такія его піесы: 1) Украинськи повирья, межъ которыми, помимо маленькаго размышленія славянофильскаго оттѣнка, помѣстилъ онъ передѣлку одной піесы Челяковскаго, совершенно сходной по темѣ съ мѣстной малорусской (видъ чого чапура жыве биля моря, и чому вона йисть жабъ та гадюкъ), при чемъ заставилъ одного изъ слушателей сказать: „Се щире наське повирье; тильки мени кумедно, якъ воно зупынылось у Челяковскаго?" Но авторъ отвѣчаетъ ему: „Та я-жъ вамъ казавъ, *що мы уси Словени*"... 2) Вирши, среди которыхъ тоже мы находимъ 6 піесъ, переведенныхъ съ чешскаго яз.—Въ виду того, что альманахъ „Снипъ" давно уже вышелъ изъ продажи и сдѣлался библіографическою рѣдкостью, не особенно извѣстною новымъ поколѣніямъ, позволяю себѣ въ видѣ справокъ для памяти, затронуть исключительно литературною сторону этого альманаха.

Первую литературную заслугу А. Корсуна составляетъ то, что онъ, будучи совсѣмъ еще въ юныхъ лѣтахъ (не болѣе 23 лѣтъ), задумалъ сгруппировать представителей культурно-національныхъ стремленій тогдашней „харьковщины" около литературнаго предпріятія.

Правда, эта струя, очевидно, была въ то время въ Харьковѣ очень живой, такъ какъ немного позже его затѣваетъ та-

[1]) „Господи Боже мой! Да могла ли кому нибудь изъ мыслящихъ людей, кромѣ помѣшанныхъ на какой нибудь idée fixe, придти въ голову мысль о сепаратизмѣ или о соединеніи съ Польшею, которая своимъ управленіемъ осталась незабвенною до сихъ поръ въ недоброй памяти о ней южнорусса. (Рус. Арх. 1890 г. № 10, стр. 215).

Библиотека "Руниверс"

кое же предпріятіе Бецкій (Молодикъ 1843 и 1844 г.), гдѣ цѣли и задачи изданія были поставлены еще шире. Во всякомъ случаѣ, А. Корсуномъ были сгруппированы тогда такія молодыя силы: 1) *Н. И. Костомаровъ* (Іеремія Галка), помѣстившій въ „Сноп'ѣ“ извѣстную свою трагедію „Переяславська Ничъ“). 2) *Порфирій Кореницкій*, писатель, подававшій богатыя надежды своимъ мѣткимъ языкомъ и знаніемъ народнаго быта, но потомъ, благодаря неудачной личной жизни, скоро сошедшій въ могилу и теперь почти совсѣмъ позабытый; а между тѣмъ его сатирическая поэма „Вечерныци“, нашедшая мѣсто въ альманахѣ Корсуна, стоитъ того, чтобы и теперь иногда вспоминать о ней. 3) Фамилія *Писаревскихъ* (Степанъ, Петръ и Марѳа), давшіе въ „Снипъ“ цѣлый рядъ пѣсенъ, изъ которыхъ одна есть передѣлка изъ Петрарки (Марѳы Писаревской), басенъ, а также повѣсть въ стихахъ (Стецько, можебылыця—Петра Писаревскаго). 4) *Михаилъ Петренко*, давшій туда нѣсколько „думокъ“ своихъ. 5) Наконецъ, завершаетъ альманахъ самъ издатель его съ указанными раньше своими произведеніями.

Много думъ, заботъ и хлопотъ нужно было пережить этимъ молодымъ дѣятелямъ, но ихъ окрыляла та надежда, тѣ ожиданія, которыя превозмогаютъ всѣ препятствія. Не даромъ уже убѣленный сѣдинами старецъ, Н. И. Костомаровъ, писалъ въ 1878 году своему давнему другу: „Ваше письмо перенесло меня снова въ прошлыя времена молодости; припомнился мнѣ и маленькій домикъ противъ озерца, гдѣ вы проживали, и „Снипъ“, который тогда издавали. Сколько было тогда надеждъ, сколько юношескихъ увлеченій! Многое оказалось пустоцвѣтомъ, но не по нашей винѣ; мы же вели себя искренно и прямо, и въ томъ совѣсти нашей награда на старость“. (стр. 217). И такъ, сколько надеждъ, сколько юношескихъ увлеченій!—восклицаетъ Н. И. Костомаровъ много лѣтъ спустя. Въ чемъ-же эти надежды и увлеченія? Отчасти мы ихъ открываемъ въ вышеуказанномъ размышленіи А. Корсуна по поводу обще-славянскаго родства. Разсказавъ въ игривой формѣ о томъ, что Украина-маты, какъ женщина, не можетъ сама за всѣмъ усмотрѣть, а потому ей оказался нужнымъ руководитель,

Библиотека "Руниверс"

каковымъ и явился Царь православный, благодаря Хмельницкому,—разсказавъ это, авторъ далѣе говоритъ о тѣхъ горестяхъ, какія пережиты были ранѣе Украиной, а затѣмъ переходитъ къ другимъ славянамъ, которыхъ тоже постигла участь горькая.

Не стану критически разбирать теперь эти давніе опыты нашей словесности,—цѣль моя, какъ было сказано, оживить въ памяти минувшее, а потому я, вмѣсто своей критики, попробую набросать образчики старой критики, связанные съ этимъ альманахомъ. Намъ извѣстны два отзыва объ альманахѣ Корсуна, и оба они нашли себѣ мѣсто въ „Маякѣ", который въ то время взялъ подъ свою опеку малорусскую словесность, признавая за ней права ея природнаго бытія. Первой статьей появилась критика г. Тихорскаго (1842 г. кн. 9-я), который хотя отнесся въ общемъ сочувственно къ большинству піесъ, вошедшихъ въ „Снипъ", но почему-то особенно сильно обрушился на трагедію Костомарова „Переяславська Ничь". Положимъ, съ нашей теперешней точки зрѣнія, дѣйствительно, трагедія эта слабовата, что́ признавъ впослѣдствіи и самъ авторъ ея (см. Литерат. Наслѣд., стр. 37, а подробнѣе—Рус. Арх., 1890 г. № 10, стр. 218); но тогдашній критикъ нашелъ въ ней совсѣмъ иные недостатки, а именно: „помилосердуйте, какъ бранятся въ ней герои!"—восклицаетъ критикъ, и это заставило его, не дочитавъ даже трагедіи до конца, дать такой совѣтъ автору: „Поэзія—дѣва чистая... а помните-ли, Руссо сказалъ: нѣтъ ничего отвратительнѣе, какъ неопрятная женщина; чистый, нѣжный, благородный вкусъ—первая принадлежность поэзіи. Примите же мой искренній, дружескій совѣтъ, г. Галка, возьмите назадъ свою трагедію... Умойте ее, принарядите и тогда покажите ее намъ, *гарну и чепурну, якъ украинска дивчина*". Въ такомъ родѣ всѣ пріемы критики г. Тихорскаго, даже и тогда, когда онъ хвалитъ; вотъ напримѣръ его отзывъ о Марѣ Писаревской: „въ слогѣ автора-женщины, ея образѣ мыслей, изложеніи этихъ мыслей есть что-то особенное отъ произведеній литератора-мужчины, что то особенное, воздушное, *розовое*"... и т. д. На первый взглядъ такая критика покажется очень наивно-своеобразной; безспорно, это такъ, но дѣло въ томъ, что надо

Библиотека "Руниверс"

отыскать основной мотивъ ея, выраженный въ заключительныхъ словахъ Тихорскаго о необходимости оставить ложное мнѣніе, что по малороссійски надо говорить мужицкимъ языкомъ, и „облагородить“ малороссійское нарѣчіе, что можетъ быть достигнуто только тогда, если писатели „возвысятъ образъ своихъ мыслей, будутъ смотрѣть съ свѣтлой точки зрѣнія на предметъ, ими избранный“...

Вотъ въ этихъ-то общихъ положеніяхъ оказались сходившимися, какъ издатель и сотрудники альманаха, такъ и критикъ, находившій нѣкоторыя, по его мнѣнію, слабыя стороны въ изданіи, а равно и критикъ, взявшій подъ свою полную защиту трагедію „Переяславска Ничь“. Критикъ этотъ—хорошо извѣстный въ журнальной литературѣ 40-хъ годовъ К. Сементовскій. Онъ, упрекая русскую журналистику въ равнодушіи къ малорусской словесности и возражая г. Тихорскому, высказываетъ, собственно говоря, тѣ-же мысли, что и онъ, относительно необходимости возвысить тонъ и сюжеты малорусской поэзіи. Формулируетъ онъ эту свою мысль такъ: „грубое и низкое *въ выраженіи* гораздо простительнѣе, чѣмъ грубое и низкое въ *изобрѣтеніи*“, при чемъ этого послѣдняго въ трагедіи Галки онъ совсѣмъ не видитъ, а первое можно еще простить ему. (Маякъ, 1843 (?) г., Т. XII, кн. 23, стр. 46).

Мы нарочно остановились на этихъ сторонахъ критики потому, что намъ важно выяснить общую идею, руководившую тогдашними дѣятелями на полѣ малорусской литературы. Кажется, не ошибаясь можно сказать, что въ изданіи „Снопа“ приняли участіе молодыя силы, которыя, можетъ быть, не принадлежа къ кругу писателей старшаго поколѣнія—Квитка-Основьяненко, Гулакъ-Артемовскій,—задались цѣлью, какъ передаетъ г. Тихорскій, „развить, усовершенствовать, возвысить малороссійскую словесность“, составляя—значитъ—изъ себя, такъ сказать, новую, молодую школу украинскихъ писателей, внесшихъ уже больше осмысленности, идейности въ свою работу, сравнительно съ поколѣніемъ прежнимъ. Не даромъ въ воспоминаніяхъ А. Корсуна читаемъ отзывъ его о Гулакѣ-Артемовскомъ, показывающій, что молодое поколѣніе отдѣляло себя отъ этого

Библиотека "Руниверс"

стараго; такъ, говоря о появленіи „Кобзаря“ Шевченка и о впечатлѣніи, произведенномъ имъ, Корсунъ прибавляетъ: „Кобзарь поразилъ не однихъ насъ, но всѣхъ своихъ читателей. Даже величественный, блестящій генералъ удостоилъ остановить меня на улицѣ и передать свое восхищеніе Шевченкомъ“ (стр. 207).

Что же представлялъ собою А. А. Корсунъ, какъ писатель? какого рода произведенія оставилъ онъ въ наслѣдіе намъ? Слишкомъ мала и непродолжительна была его литературная дѣятельность, какъ самостоятельнаго писателя: кромѣ помѣщеннаго имъ въ альманахѣ „Снипъ“ (о чемъ было сказано раньше), можно указать еще нѣсколько стихотвореній, нашедшихъ себѣ мѣсто въ Маякѣ 1845 года, а послѣ этого имя его въ литературѣ, насколько намъ извѣстно, совсѣмъ не встрѣчалось. Очевидно, пока связи его съ Харьковомъ и съ харьковскимъ литературнымъ кругомъ поддерживались, до тѣхъ поръ живы были въ немъ и литературныя традиціи этого кружка; такъ, въ 1842 г. онъ поступилъ въ столоначальники Харьковской Уголовной Палаты по приглашенію Квитки-Основьяненка, избраннаго тогда ея Предсѣдателемъ, и понятно—литературная дѣятельность его не только не ослаблялась, но еще болѣе, вѣроятно, выростала, не смотря на то, что—по его собственному свидѣтельству—„онъ уже служилъ тогда и цѣлые дни и вечера проводилъ въ Палатѣ.“ Когда-же онъ былъ переведенъ далеко отъ родины въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при Дербентскомъ военномъ губернаторѣ (1848 г.), связи съ прежними людьми прекратились, а вмѣстѣ съ тѣмъ оборвалась и литературная дѣятельность его. Мы не знаемъ подробно фактовъ изъ его общественной службы и дѣятельности, а потому пока не можемъ судить и о дѣйствительныхъ причинахъ литературнаго молчанія; насколько же можно видѣть изъ отрывочныхъ воспоминаній его самого, въ 1861 году онъ былъ уже въ родной своей Антиповкѣ, и снова связи съ литературнымъ кругомъ стали завязываться, но это однако не подвинуло его къ литературнымъ работамъ. Можетъ быть, причинъ этому надо искать въ той дѣятель-

Библиотека "Руниверс"

ности общественной, какая тогда была удѣломъ всѣхъ мѣстныхъ людей землевладѣльцевъ (онъ служилъ по мировымъ учрежденіямъ); можетъ быть, хозяйственныя дѣла и всякія неудачи (пожаръ въ 1863 году и неурожай, „доконавшіе его и доведшіе до необходимости имѣть дѣло съ Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ"—какъ онъ выражается) отвлекали его отъ литературныхъ работъ; можетъ быть, три смертные недуга съ 1874 г. по 1884 г. (брайтова болѣзнь, всеобщій ревматизмъ и сухотка — какъ онъ самъ говоритъ) заставляли его думать о полномъ разсчетѣ съ жизнью, а не о литературныхъ предпріятіяхъ,—во всякомъ случаѣ существуетъ тотъ фактъ, что, кромѣ намѣренія къ 50-тилѣтію изданія „Снопа" выпустить 2-ой томъ его, мы ничего не знаемъ изъ его литературныхъ работъ послѣ 1845 года. Можно сказать только, основываясь на письмѣ къ нему Н. И. Костомарова, что онъ, живя въ Антиповкѣ, работалъ надъ собираніемъ этнографическихъ матеріаловъ, т. е. занимался тѣмъ, чѣмъ открылъ онъ свое писательство въ Снопѣ — украинскими повѣрьями. Что сохранилось отъ этихъ его новыхъ работъ, пока неизвѣстно въ точности; въ некрологѣ, помѣщенномъ въ „Кіевлянинѣ", говорится слишкомъ глухо, что осталась бездна матеріаловъ, автографовъ русскихъ и иностранныхъ, очень много литературныхъ рѣдкостей". Будемъ надѣяться, что наслѣдники приведутъ все это въ извѣстность и поставятъ себѣ задачей создать памятникъ ему въ видѣ обнародованія тѣхъ его трудовъ, которыми самъ онъ хотѣлъ подѣлиться съ публикой въ предполагавшемся 2-мъ томѣ альманаха „Снипъ". Вмѣстѣ съ этимъ смѣемъ просить наслѣдниковъ осуществить и другое намѣреніе покойнаго — обнародовать тотъ исправленный экземпляръ съ рисунками Шевченковой „Черныци Марьяны", о которомъ такъ хлопоталъ еще Н. И. Костомаровъ и который тоже долженъ былъ найти себѣ мѣсто въ этомъ несостоявшемся 2-мъ томѣ „Снопа". Если эти намѣренія покойнаго въ какой-либо формѣ будутъ осуществлены, то будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ выполнено и

Библиотека "Руниверс"

первое условіе благодарной памяти потомковъ по отношенію къ своимъ достойнымъ предкамъ, о которыхъ можно сказать, повторяя слова Н. И. Костомарова: „вели себя искренно и прямо, и въ томъ совѣсти ихней награда на старость“, а равно и за гробомъ—прибавимъ мы теперь

В. Науменко.

Библиотека "Руниверс"

ИСИДОРЪ СТАНИСЛАВОВИЧЪ КОПЕРНИЦКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ).

$^{13}/_{25}$ сентября скончался въ Краковѣ Исидоръ Станиславовичъ Коперницкій, экстраординарный профессоръ антропологіи въ краковскомъ университетѣ и членъ краковской академіи наукъ. Покойный происхожденіемъ, воспитаніемъ и первоначальною научною и практическою дѣятельностью тѣсно связанъ съ Кіевомъ и кіевскимъ университетомъ, потому, вѣроятно, впослѣдствіи, когда онъ занялъ весьма почетное мѣсто въ ряду ученыхъ славянскихъ естествоиспытателей-антропологовъ, онъ посвящалъ чуть-ли не большую часть своихъ ученыхъ изслѣдованій разработкѣ антропологическаго, археологическаго и этнографическаго матеріала, относящагося къ южно-русской территоріи.

И. С. Коперницкій родился въ 1825 году въ селѣ Чижовкѣ звенигородскаго уѣзда кіевской губерніи; первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ златопольскомъ уѣздномъ училищѣ и затѣмъ въ винницкой гимназіи; окончивъ ее въ 1843 году, онъ поступилъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ кіевскаго университета по медицискому факультету. Окончивъ курсъ этого факультета 1849 г., И. С. Коперницкій опредѣленъ былъ на службу военнымъ врачемъ и продолжалъ ее въ теченіе 8 лѣтъ до 1857 г.—Во время восточной войны (1853—1856) онъ находился при дѣйствующей арміи, сначала на Дунаѣ, потомъ въ Крыму, гдѣ въ теченіе $3^1/_2$ мѣсяцевъ состоялъ въ составѣ севастопольскаго гарнизона. За участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ

Библиотека "Руниверс"

онъ награжденъ былъ орденами: св. Анны 3 ст., св. Станислава 2-й ст. и серебряною медалью за защиту Севастополя.

Въ 1857 году, оставивъ военно-медицинскую службу, И. С. Коперницкій занялъ мѣсто прозектора анатоміи въ университетѣ св. Владиміра и оставался на немъ до 1863 года.—Къ этому времени относится первая научная работа покойнаго: „Предварительныя свѣдѣнія о краніологическихъ изслѣдованіяхъ надъ строеніемъ славянскихъ череповъ".—Статья эта была напечатана въ 1-й книжкѣ перваго года изданія (1861) кіевскихъ университескихъ извѣстій.—На сколько припомнимъ, это первое по времени научное изслѣдованіе славянскихъ череповъ; не смотря на слабое развитіе въ то время антропологіи вообще и краніологіи, особенно славянской, въ частности, оно представляетъ понынѣ весьма почтенный научный матеріалъ по данному сюжету.—Помимо научнаго значенія самаго труда, работа И. С. Коперницкаго памятна въ исторіи кіевскаго университета еще потому, что, составляя ее, авторъ привелъ въ порядокъ и пополнилъ коллекцію славянскихъ череповъ въ кіевскомъ анатомическомъ музеѣ и тѣмъ положилъ основаніе этнологической коллекціи череповъ въ этомъ музеѣ. Для составленія своего труда, авторъ долженъ былъ бороться съ трудностями, не представляющимися уже въ настоящее время: въ 1861 г. не существовало еще точнаго краніометра, и потому каждый антропологъ долженъ былъ придумывать прежде всего свой инструментъ. Въ числѣ такихъ попытокъ числится и своеобразный инструментъ, изобрѣтенный покойнымъ въ Кіевѣ по системѣ Гушке—инструментъ, нынѣ оставленный, но въ свое время представлявшій maximum удобства для измѣренія череповъ.

Получивъ отставку въ 1863 году, И. С. Коперницкій уѣхалъ за границу.—Въ 1864 г. онъ изучалъ антропологію въ Парижѣ, слушалъ лекціи Claude Bernard'a и Quatrefages'a и затѣмъ переѣхалъ въ Букарештъ, гдѣ въ теченіе 6 лѣтъ занимался организаціею анотомическаго музея для вновь открытаго въ этомъ городѣ университета. Въ это время онъ снискалъ себѣ почетное положеніе въ наукѣ, помѣщая многочисленныя

Библиотека "Руниверс"

работы въ антропологическихъ изданіяхъ: англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ.

Съ 1871 года И. С. Коперницкій переселился въ Краковъ, гдѣ жилъ до своей кончины.—Въ 1876 г. (уже 51 года отъ роду) онъ, выдержавъ испытаніе, получилъ степень доктора медицины и вслѣдъ затѣмъ занялъ мѣсто доцента антропологіи: только въ 1886 г. возведенъ былъ въ должность экстраординарнаго профессора. Покойный состоялъ членомъ многихъ ученыхъ антропологическихъ и другихъ обществъ. Въ качествѣ члена краковской академіи принималъ весьма дѣятельное участіе въ редакціи того отдѣла трудовъ этой академіи, который посвященъ преимущественно антропологіи (Zbiór wiadomości dla antropologji krajowej). Въ четырнадцати томахъ этого изданія онъ помѣстилъ множество статей по археологіи, антропологіи и этнографіи, главнымъ образомъ, южно-руссовъ. Къ числу капитальныхъ работъ его относятся: Изслѣдованія гробницъ въ бассейнѣ Днѣстра въ галицкой Подоліи; Антропологическая характеристика населенія Галиціи; антропологическое и этнографическое описаніе русскихъ горцевъ въ Карпатахъ. Притомъ онъ издалъ множество статей по частнымъ вопросамъ антропологіи, краніологіи и этнографіи и редактировалъ многочисленные матеріалы, присылавшіеся разными лицами въ редакцію сборника.

Всѣ научные труды покойнаго отличаются строгою точностью пріемовъ, добросовѣстнымъ изученіемъ матеріала и полною объективностью выводовъ. Въ антропологическихъ и этнографическихъ изслѣдованіяхъ ему очень часто случалось добывать результаты, которые рѣзко противорѣчили предубѣжденіямъ и апріорнымъ положеніямъ, господствовавшимъ въ той общественной средѣ, къ которой принадлежалъ покойный и которыя онъ раздѣлялъ какъ публицистъ; тѣмъ не менѣе въ такихъ случаяхъ добросовѣстный ученый всегда бралъ верхъ надъ публицистомъ, и результаты ученаго изслѣдованія являлись въ печати въ полномъ и не искаженномъ видѣ, не смотря на то, что могли быть непріятны самому автору.—Замѣтимъ, напримѣръ, что въ антропологической характеристикѣ народонаселенія Галиціи Коперницкій собралъ и обработалъ обильный матеріалъ

Библиотека "Руниверс"

для точной дифференцировки народныхъ типовъ: польскаго и русинскаго, между тѣмъ какъ въ публицистикѣ польской вообще, особенно-же въ Галиціи, въ то именно время усиленно настаивали на тождествѣ этихъ типовъ. Такъ, его описаніе русскихъ горцевъ съ полною точностью опредѣляетъ ихъ племенную принадлежность къ южно-русскому типу, между тѣмъ какъ въ сочиненіяхъ по этому предмету его предшественниковъ, Поля и даже Шуйскаго, изъ-за соображеній тенденціозныхъ и чуждыхъ наукѣ, горцы эти смѣшивались съ группами западныхъ польскихъ горцевъ, и вопросъ затемнялся до такой степени, что читатель могъ легко принять населеніе всей восточной части Карпатъ за разновидность польскаго типа.

Какъ научное высокое достоинство работъ покойнаго И. С. Копернцкаго, такъ его замѣчательный объективизмъ и научная правдивость, равно какъ и содержаніе темъ, избранныхъ имъ для изслѣдованій, заслуживаютъ полнаго признанія и благодарности со стороны интеллигентныхъ группъ, заинтересованныхъ всестороннимъ изученіемъ ближайшей родины покойнаго, для которой онъ немало и весьма дѣльно потрудился въ теченіе своей жизни.

В. А.

Библиотека "Руниверс"

АРХИМАНДРИТЪ ЛЕОНИДЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

22 октября скончался архимандритъ Леонидъ, намѣстникъ Троицко-Сергіевой Лавры, почтенный сотрудникъ Кіевской Старины, Русской Старины, Чтеній въ Моск. Общ. Ист. и Древностей. Арх. Леонидъ, въ мірѣ Левъ Александровичъ Кавелинъ, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Онъ родился въ 1822 г., получилъ образованіе въ первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ и служилъ 12 лѣтъ въ гвардіи. Въ 1852 г. онъ постригся въ монашество и провелъ много лѣтъ въ Іерусалимѣ и въ Константинополѣ. Съ 1877 г. онъ состоялъ намѣстникомъ Троицко-Сергіевской лавры. Арх. Леонидъ обогатилъ русскую науку изданіемъ цѣлаго ряда историческихъ актовъ и спеціальными научными изслѣдованіями по исторіи древней русской письменности и церковной исторіи. Не перечисляя многочисленныхъ статей и замѣтокъ арх. Леонида, отмѣтимъ здѣсь наиболѣе крупныя: описаніе славяно-русскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ Воскресенскаго монастыря (Новый Іерусалимъ); описаніе рукописей библіотеки Троицко-Сергіевой Лавры; о древней области Вятичей; о митроп. Кипріанѣ; объ аѳонскихъ книгохранилищахъ; о рукописяхъ и старопечатныхъ книгахъ въ монастыряхъ и сельскихъ церквахъ Калужской епархіи; о Сильвестрѣ и его сочиненіяхъ (Домостроѣ и др. XVI в.); о греческихъ сказкахъ объ Армянской вѣрѣ; о паломникахъ-писателяхъ петровскаго и послѣ—петровскаго времени: о монастырскихъ столовыхъ обиходникахъ,—все это, труды

Библиотека "Руниверс"

объемистые, въ 100 и болѣе страницъ. Кромѣ того, арх. Леонидъ представилъ описаніе нѣсколькихъ монастырей и издалъ много документовъ и писемъ петровскаго времени. Къ южнорусской исторіи относятся напечатанныя имъ въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос.“—Густынская лѣтопись, два поученія Леонтія Карповича и Пелыгринація Ипполита Вишенскаго (1707—1709 г.), затѣмъ статьи о в. кн. Ольгѣ въ Русской Старинѣ и въ Кіевской Старинѣ (1889 г.). Покойный неустанно работалъ въ научной области до самой кончины. Такъ, въ 1891 г. онъ напечаталъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. „Библіографическія разысканія въ области древнѣйшаго періода славянской письменности IX и X в. и памятники сихъ вѣковъ по сохранившимся спискамъ XI—XVII в.“; въ изданіи Общ. любит. древ. письм.—„Свѣдѣнія о святыхъ русскихъ съ картой Россіи и планомъ Кіевскихъ пещеръ“; въ Сборникѣ 2-го отд. Акад. Наук.—цѣнное изслѣдованіе „о родинѣ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кирилицѣ“. Сочиненія арх. Леонида разбросаны, и надо ожидать, что будетъ составленъ указатель всѣхъ его статей и замѣтокъ и что люди, близко стоявшіе къ покойному, подѣлятся своими о немъ свѣдѣніями. Во всякомъ случаѣ, научная дѣятельность арх. Леонида, во многихъ отношеніяхъ богатая и плодотворная, заслуживаетъ спеціальнаго изученія.

Н. Сумцовъ.

Библиотека "Руниверс"

Алексѣй Алексѣевичъ Гатцукъ.

(Некрологъ).

И еще одинъ некрологъ приходится занести въ лѣтописи послѣднихъ мѣсяцевъ текущаго года: 23 октября скончался Алексѣй Алексѣевичъ Гатцукъ, довольно близко связанный съ нашей родиной, какъ своимъ происхожденіемъ, такъ и значительной долей своей дѣятельности. Родился онъ 2 октября 1832 года въ г. Одессѣ, но гдѣ получилъ первоначальное школьное воспитаніе—мы не знаемъ; знаемъ только, что среднюю школу онъ проходилъ въ Москвѣ, въ гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ московскій же университетъ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1857 г. со званіемъ кандидата историко-филологическихъ наукъ. Службу свою началъ онъ въ 1859 г. въ званіи адъюнкта въ бывшемъ Ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ по каѳедрѣ русской словесности, и оставался тамъ до 1861 года, когда—какъ говорятъ—вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній съ однимъ изъ сослуживцевъ, онъ оставилъ мѣсто и переселился сначала въ Кіевъ, но не надолго, а затѣмъ—на постоянное жительство—въ Москву. Еще ранѣе переселенія въ Москву сталъ онъ обнаруживать склонность къ журнальной и газетной работѣ, сотрудничая, напримѣръ, въ періодъ пребыванія въ Одессѣ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“; но окончательно упрочился онъ на этой публицистической дорогѣ въ Москвѣ, работая въ разныхъ изданіяхъ. Одновременно съ этими публицистическими своими работами, не покидалъ онъ и задачъ научныхъ, обнаруживъ эту свою ученую дѣятельность между прочимъ тѣмъ,

Библиотека "Руниверс"

что былъ однимъ изъ членовъ основателей моковскаго археологическаго общества и издалъ популярную книжку по археологіи, выдержавшую два изданія,—„Старина русской земли“; въ Чтеніяхъ въ общ. ист. и древн. россійск. и въ Трудахъ москов. археологич. общ. онъ помѣстилъ любопытныя статьи „О курганахъ, господствующихъ въ москов. губ.“ и „Изслѣдованіе кургановъ москов. губ. въ 1863 и 1864 гг.“ И въ то-же самое время, будучи сыномъ своей родины, удѣлялъ онъ время на разработку вопросовъ, касающихся Малороссіи, особенно тогда, когда сталъ онъ издавать въ Москвѣ „Газету Гатцука“ (съ 1875 г.), гдѣ постоянно можно было встрѣтить статьи, о произведеніяхъ разныхъ авторовъ на малорусскомъ нарѣчіи. Десятью годами ранѣе этого изданія газеты началъ онъ издательство одного изъ самыхъ распространенныхъ въ свое время календарей—„Крестнаго Календаря“. Но ни то, ни другое изданіе, не смотря на то, что расходились они въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, не составили матеріальнаго благополучія самому издателю. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что послѣдніе годы доживалъ А. А. Гатцукъ почти въ нуждѣ, что тоже можно причислить не къ отрицательнымъ сторонамъ его моральнаго облика.

В. Н—ко.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Отзывъ графа А. К. Разумовскаго по поводу неурожая.

Въ то время, когда постигшій многія губерніи неурожай озабочиваетъ какъ правительство, такъ и общество, и вызываетъ во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ, посвященныхъ текущимъ интересамъ, обсужденіе разныхъ мѣръ къ предотвращенію печальныхъ послѣдствій этого бѣдствія,—больше чѣмъ когда нибудь умѣстно вспомнить, какъ относились къ неурожаямъ въ прошлое время. Помѣщаемый ниже документъ заключаетъ въ себѣ отзывъ на требованія губернскаго начальства, вызванныя неурожаемъ въ Малороссіи; онъ былъ писанъ сыномъ послѣдняго гетмана, графомъ Алексѣемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ, который съ 1810 по 1816 годъ служилъ въ должности министра народнаго просвѣщенія, а затѣмъ, вышедши въ отставку, поселился въ одномъ изъ своихъ имѣній—мѣстечкѣ Почепѣ, глинскаго уѣзда, гдѣ и умеръ въ 1822 году. Документъ этотъ представляетъ тотъ интересъ, что изъ него видно, какія мѣры принимались по поводу неурожаевъ въ старину и какъ къ этимъ мѣрамъ относился бывшій министръ народнаго просвѣщенія въ качествѣ помѣщика черниговской губерніи, владѣвшаго 53.000 душъ крестьянъ и несмѣтнымъ количествомъ земель. Мы списали этотъ документъ съ старинной копіи, на которой годъ не обозначенъ, но которая писана на бумагѣ, имѣющей водяные знаки: «1818». Очевидно, этотъ отзывъ могъ быть писанъ въ промежутокъ времени между 1816 г., когда А. К. Разумовскій оставилъ должность министра, и 1822 годомъ, т. е. годомъ его смерти.

Н. Шугуровъ.

Библиотека "Руниверс"

Дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, графа Разумовскаго.

На требованіе господина Новгородсѣверскаго маршала дворянства Объясненіе.

Неурожай, бывшій прошлаго года въ Черниговской губерніи, не только привелъ въ самое бѣдственное положеніе поселянъ, но имѣлъ естественнымъ послѣдствіемъ разстройство самихъ помѣщиковъ, которые, лишены будучи доходовъ, вмѣстѣ съ оными лишились и средствъ къ поддержанію крестьянъ своихъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ должно было ожидать, что губернское начальство приметъ надежныя мѣры къ избавленію жителей здѣшняго края отъ угрожаемаго разоренія; но чѣмъ справедливѣе таковое ожиданіе, тѣмъ непонятнѣе предписаніе губернскаго начальства, въ требованіяхъ гг. повѣтовыхъ маршаловъ изложенное. Обязанность пещись о крестьянахъ своихъ — есть обязанность священная, и въ настоящемъ времени конечно никакой христіанинъ не откажется, по мѣрѣ возможности, подавать руку помощи нуждающимся въ хлѣбѣ поселянамъ. Но какой помѣщикъ можетъ отвѣчать за то, что онъ до будущаго урожая будетъ въ состояніи кормить крестьянъ своихъ? и можно ли требовать съ него подписки въ томъ, что онъ непремѣнно ихъ прокормитъ? Затруднительное положеніе, въ коемъ находятся, какъ помѣщики, такъ и крестьяне, увеличивается еще требованіемъ съ нихъ государственныхъ податей, которыя въ теперешнихъ обстоятельствахъ уплатить имъ невозможно. И для уплаты сей необходима помощь помѣщиковъ; но тѣ же причины, которыя отнимаютъ у дворянъ возможность кормить крестьянъ, препятствуютъ имъ также и платить за нихъ подати. Правительству не безъизвѣстно, что постигшее здѣшній край несчастіе превратило въ ничто всѣ доходы помѣщичьи, основанные на хлѣбопашествѣ и на винокуреніи. Откуда же возьмутъ помѣщики средства къ прокормленію крестьянъ и къ уплатѣ податей, когда они сами не получили никакихъ доходовъ? Принужденная подписка, требуемая отъ дворянъ, не избавитъ отъ голода ни одного крестьянина, и угрозы, въ требованіяхъ сихъ заключенныя, не придадутъ дворянству способовъ къ достиженію всѣми желаемой цѣли. Нужда, отягощающая народъ, безъ сомнѣнія совсѣмъ иныхъ требуетъ попеченій, и я ожидалъ, что начальство къ продовольствованію здѣшняго края откроетъ источники, которые будутъ дѣйствительнѣе упомянутыхъ подписокъ и угрозъ.

Что касается собственно до меня, то я, не ожидая требованій гг. маршаловъ, принялъ всѣ зависящія отъ меня мѣры къ возмож-

Библиотека "Руниверс"

ному облегченію участи крестьянъ. Не получивъ никакихъ доходовъ, я принужденнымъ нашелся занять значительныя суммы для покупки дорогими цѣнами и въ отдаленныхъ мѣстахъ хлѣба; но при всемъ томъ я никакъ не могу отвѣчать за то, что средства сіи будутъ достаточны, если начальство губерніи, вмѣсто ожидаемаго отъ него вспомоществованія, довольствоваться будетъ взысканіемъ податей, требованіемъ подписокъ и угрозами. Г. Алексѣй Разумовскій.

Невольная ошибка. *(Письмо въ редакцію).* Въ августовской, сентябрьской и октябрьской книжкахъ Кіевской Старины за этотъ годъ была напечатана моя статья: «Илья Ѳедоровичъ Тимковскій», сопровождавшаяся приложеннымъ къ сентябрьской книжкѣ портретомъ, на которомъ, по ошибкѣ типографіи, не было сдѣлано подписи. Теперь обнаружилось, что типографія была права въ своей ошибкѣ (хотя и не сознавала этого) и что при изготовленіи портрета произошла другая, очень прискорбная для меня ошибка, о которой я считаю своимъ долгомъ разсказать.

Желая приложить къ своей статьѣ портретъ И. Ѳ. Тимковскаго и помня, что въ Новгородсѣверской гимназіи сохраняются портреты двухъ первыхъ директоровъ ея, т. е. И. И. Халанскаго и И. Ѳ Тимковскаго, я, не имѣя возможности быть лично въ Новгородсѣверскѣ, отнесся туда съ письменной просьбой снять для меня фотографическую копію съ имѣющагося въ гимназіи портрета И. Ѳ. Тимковскаго. Въ отвѣтъ на эту мою просьбу, я получилъ тотъ портретъ, снимокъ съ котораго приложенъ къ сентябрьской книжкѣ Кіевской Старины.

Теперь, когда статья моя появилась въ печати, я получилъ отъ внучки И. Ѳ. Тимковскаго, О. А. Постельниковой, которой я обязанъ возможностью ознакомиться съ сообщенными въ моей статьѣ рукописными матеріалами, — извѣстіе о томъ, что единственная изъ дочерей И. Ѳ. Тимковскаго, остающаяся нынѣ въ живыхъ, Елисавета Ильинишна Андреева, по разсмотрѣніи приложеннаго къ Кіевской Старинѣ портрета, нашла, что это — портретъ не отца ея И. Ѳ. Тимковскаго, а ея дѣда—Ив. Ив. Халанскаго.

Изъ этого видно, что при исполненіи моей просьбы, о которой я упомянулъ выше, въ Новгородсѣверскѣ перепутали одинъ портретъ съ другимъ и что въ гимназіи, сохранившей портреты двухъ первыхъ директоровъ своихъ, не сохранилось достовѣрной памяти о томъ, который именно изъ этихъ двухъ портретовъ изображаетъ И. Ѳ. Тим-

Библиотека "Руниверс"

ковскаго и который—И. И. Халанскаго, благодаря чему я и впалъ въ невольную ошибку.

Желалъ бы, по мѣрѣ возможности, исправить эту ошибку и чувствую, что исправленіе должно быть двоякое: вмѣсто портрета, ошибочно приложеннаго къ моей статьѣ, надо дать дѣйствительный портретъ И. Ѳ. Тимковскаго; а съ другой стороны, такъ какъ вслѣдствіе описанной ошибки Кіевская Старина дала своимъ читателямъ портретъ И. И. Халанскаго и такъ какъ это былъ тоже не безполезный дѣятель, то нужно познакомить читателей Кіевской Старины съ личностью этого человѣка. Постараюсь со временемъ исполнить это, если не встрѣтится къ тому какихъ нибудь препятствій.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи

Н. Шугуровъ.

Что претерпѣлъ въ Кіевѣ малороссіянинъ за „хожденіе при шпагѣ“. (1749 г.). Любопытный документъ для характеристики существовавшихъ въ Кіевѣ отношеній къ пріѣзжавшимъ изъ-за Днѣпра малороссіянамъ представляетъ слѣдующее доношеніе войск товарища Федора Михайловскаго въ Ген. Войск. Канц. отъ 28 генваря 1754 г.

«Минувшаго 1749 году в августѣ мѣсяцѣ, будучи я нижайшій при Г. Войск. Канц. во услуженіи, ѣздилъ въ г. Кіевъ по нѣкоторой моей нуждѣ, гдѣ без жадной моей причини сентября 4 тамошней кіевской столникъ капитанъ Максимовъ, спскавъ мене к себѣ, арестовалъ у мене шпагу (коей цена восемъ рублей), да того жъ сентября 4-го кіев. полиціи полицемейстеръ (кой нынѣ от той должности уже в отставке) Якимъ Кононовъ сынъ Литвиновъ, без жадного жъ резону наславъ до мене на квартеру солдатъ шесть человѣкъ и одобравъ от мене имѣючійся пашепортъ, взявъ под караулъ, держа под онимъ стращалъ боемъ, и не випуская никуда з полиціи приказивалъ писару полицемейстерскому Тимофей Астровитину, что ежели би я, сколко онъ полицемейстеръ требуетъ отъ мене, денегъ ему не далъ, то би держалъ за крепчайшимъ карауломъ в тюрмѣ з ворами и разбойниками; от якого его Литвинова нападка я не могучи спастися и что безвинно мучитъ подъ карауломъ, того жъ сентября 5 принужденъ билъ ему дать денегъ двадцять рублей, чарку серебранную позлочивану рублей въ шесть, а писару Астровитину денегъ рублей восемъ. И тако оние Литвиновъ з писаремъ мене ограбивши и паше-

Библиотека "Руниверс"

портъ мой подписавъ для возвращенія моего обратно с Кіева и приложа къ оному печать первѣе било 10 сентября отпустилъ, а потомъ подъ карауломъ же отправилъ еще в кіево-губернатскую канцелярію, куди егда мене привели, и я, уповая что тамо получу себѣ защищеніе, егда сталъ секретару Фотѣеву вышепоказанную мою обиду представлять, то не точію въ защищеніе себѣ ничего не получилъ, но еще и оной секретаръ, хотячи мене ободрать, первѣе на мене сказивалъ: напрасно де тебе столникъ и полицемейстеръ не осекли батожемъ, ибо де *малороссіянамъ при шпагахъ ходить не подлежитъ*; а потомъ требовалъ и оной секретар отъ мене в прибитокъ себѣ троихъ лошадей, сказивая жъ, что ежели б я ему не далъ, то и тамо по вышеписанному жъ под карауломъ держать прикажетъ, от которого уже секретарева грабительства заледви я освободился. По той моей обидѣ за прибитіемъ в Глуховъ тогда жъ въ г. войск. канц. поданнимъ челобитьемъ я нижайшій протестовалъ. А нинѣ в. г. к. всенижайше прошу за вышепоказанную мою обиду з вышеозначенних обидителей столника Максимова и бившого полицемейстера капитана Кононова, кои оба и нинѣ в Кіевѣ обрѣтаются, учинить по указамъ и малороссійскимъ правамъ милостивое опредѣленіе».

Съ прописаніемъ всего этого доношенія изъ в. г. к. писано было отъ имени гетмана къ Костюрину объ изслѣдованіи и учиненіи «обиженному достойной сатисфакціи» и о возвращеніи заграбленнаго, но какой результатъ это имѣло — неизвѣстно.

А. А.

Вздорожаніе хлѣба въ Кіевѣ въ 1765 году[1]. Осенью 1765 года въ Кіевѣ оказался значительный недостатокъ въ привозѣ хлѣба и дороговизна его, на что обратила вниманіе кіев. губ. канцелярія и постановленіемъ своимъ отъ 27 сентября рѣшила потребовать отъ кіевскаго магистрата, отъ духовной консисторіи и Кіево-Печерской Лавры (такъ какъ много ближайшихъ къ Кіеву селъ находилось во владѣніи монастырей) объясненія — «отчего бъ въ самое нынѣшнее удобное для продажи новаго хлѣба время такая дороговизна быть могла».

---

[1]) 1765 г. Дѣло о оказавшейся въ Кіевѣ въ хлѣбѣ дороговизнѣ и недостаткѣ и что о томъ куда надлежало писано.

Библиотека "Руниверс"

Архимандритъ Зосима отвѣчалъ, что де «въ лаврскихъ около Кіева состоящихъ маетностяхъ по справкамъ оказывается хлѣбъ ржаной отъ прошлогодного въ урожаи и въ вымолотѣ плохшой, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и градомъ не мало выбитъ, съ котораго и вовся сѣмени не вымолочивается; при продажи жъ оному здѣсь цена подвишена не инако уповать, какъ по причинѣ происходящихъ о недородѣ и въ другихъ мѣстахъ хлѣбномъ извѣстій, такъ и посему что оному хлѣбу чутъ ли есть теперь изъ заграничныхъ мѣстъ противъ прежнего свободній пропускъ, откуду такъ нескудной прежде бывалъ привозъ, что всѣ здѣшніе, а немало и сторонные жители покупкою довольствовались, ибо зъ малороссійскихъ сегобочныхъ мѣстъ осенню рѣдко кто къ продажи хлѣбъ привозить охотиться, зъ заднѣпрскихъ же мѣстъ, хотя бы и изобильной урожай былъ, вовся привозу теперь не бываетъ, а привозятъ по настоящей зимней дороги».

Духовная консисторія, на основаніи полученныхъ ею репортовъ, сообщала, что де «нынѣшного года урожай хлѣба въ вотчинахъ монастырей кіевскихъ былъ въ иныхъ мѣстахъ добръ, въ иныхъ средственъ, въ иныхъ же весьма плохъ, а въ нѣкіихъ градъ повыбывалъ, а дороговызна какъ отъ того жъ неурожая, такъ и что многіе разныхъ полковъ малороссійскихъ люди, въ коихъ послѣдовалъ неурожай хлѣба, покупаютъ оной въ Кіевѣ, бываетъ».

Магистратъ, послѣ учиненной среди пріѣзжихъ людей справки, 17-го октября донесъ, что «оному хлѣбу возвышается цена зъ нижеписанныхъ причинъ: 1) въ малороссійскихъ заднѣпрскихъ мѣстахъ урожай хлѣба не токмо противъ давныхъ но и противъ прошлогодного худшій былъ, ибо оной хотя на зерно увмолотной, но рожь была рѣдкая, а за границею въ польской области хотя и противъ прошлогодного рожь урожаемъ была, точію въ многихъ мѣстахъ градомъ выбито, 2) предъ симъ, ѣдучи съ хлѣбомъ на продажъ хотя изъ самихъ ближайшихъ заграничныхъ мѣстъ въ Кіевъ, выстоевали карантину по три дни, а на четвертой уже день выпускаеми бывали, и то не малымъ препятствіемъ возки оного хлѣба въ Кіевъ следовало; 3) пріѣзжаючіе зъ разныхъ заднѣпрскихъ мѣстъ многіе разного званія люде сухимъ и воднимъ путемъ, дубами, байдаками и возами, разнообразно тайнымъ и явнымъ образомъ, не точію въ нижнемъ городѣ Кіевѣ на Подолѣ, но и не допуская къ городу на пути въ многихъ мѣстахъ покупаютъ хлѣбъ и тѣмъ оному цѣну возвышаютъ; 4) самимъ же главнымъ препятствіемъ возки оного хлѣба въ Кіевъ было и нынѣ состоитъ, что привезъ въ Кіевъ хлѣбъ продаютъ на мѣдніе

Библиотека "Руниверс"

денги, кои повезъ за границу тамо оныхъ меднихъ денегъ ни за что употребить не могутъ, а сребнихъ денегъ за рубежъ въ силу указовъ не пропускаютъ».

А. А.

Къ объясненію одной колядки. Въ янв. книжкѣ «Кіевской Старины» 1889-го года напечаталъ я колядку, записанную о. Михаиломъ Зубрицкимъ въ карпатскихъ горахъ, въ селѣ Мшанцѣ турчанскаго повѣта. На колядку эту обратилъ вниманіе и г. А. Веселовскій (Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха XI — XVII стол.). Въ своей замѣткѣ къ тексту этой колядки я высказалъ предположеніе, что въ составъ ея вошли два мотива: 1) о чудесномъ построеніи церкви, причемъ совершенная днемъ постройка ночью проваливалась сквозь землю; параллельныя преданія у сербовъ—созданіе Скадра, у румынъ—созданіе монастыря въ Аргісъ, у поляковъ—преданіе о башнѣ семи вождей; 2) чудесное истребленіе полчищъ, покушающихся на святый храмъ. Для этого второго мотива я могу указать, м. б., непосредственный книжный источникъ. Въ львовскомъ изданіи извѣстнаго и въ Червоной Руси очень популярнаго сочиненія Іоанникія Голятовскаго «Ключъ разумѣнія» прибавлено при концѣ описаніе чудесъ Пресв. Богородицы. На листѣ ρ҃ѧѳ (138) мы читаемъ: «Чудо п҃е. Року ҂а҃х҃л. Гды едного часу войско полское приступило подъ монастыръ Печерскій и хотѣло его збурити, чуючи, же тамъ Шулга полковникъ з рицерствомъ запорозкимъ знайдуется, в той часъ Пресвятая Богородица манастыръ свой отъ небезпеченьства оборонила, бо за ея предстательствомъ огнистый дожчъ спалъ з неба на войско польское и одогнал его от монастыря Печерского, що потымъ сами ляхове и нѣмцы которыи были зъ ними, повѣдали. Надъ тымъ войскомъ Буглеръ и Жолтовскій были преложонымы.

Предоставляю спеціалистамъ историкамъ провѣрку историчности этого разсказа, и только замѣчу, что, по моему мнѣнію, вторая половина колядки основана не на чемъ другомъ, какъ на этомъ разсказѣ. «Ключъ разумѣнія» былъ настольной книгой у священниковъ въ карпатскихъ горахъ, гдѣ до сихъ поръ нерѣдко попадаются его экземпляры.

Миронъ.

Библиотека "Руниверс"

Стихи на Рождество Христово. Школьная поэзія прошлаго столѣтія, какъ извѣстно, излюбленными сюжетами своими сдѣлала выдающіеся годовые праздники — Рождество Христово и Свѣтлое Воскресенье. Къ этимъ моментамъ пріурочиваются и серьезной формы духовныя вирши, и болѣе легкой, веселой формы стихи, и наконецъ — почти совсѣмъ уже шутливаго тона мелкія произведеньица семинарской музы, въ которыхъ такъ характерно перемѣшивается рѣчь русская съ латинскою. Не мало извѣстно самыхъ разнообразныхъ анекдотовъ на тему объ этомъ смѣшеніи языковъ въ семинарскомъ быту, когда школары должны были всякую разговорную рѣчь свою выражать, по возможности, на латинскомъ языкѣ, и когда, за неимѣніемъ въ своемъ распоряженіи достаточнаго запаса словъ, они допускали самые курьезные пріемы словообразованія, въ родѣ «пустить мене domum meam, бо за мною *subaqua* (sub aqua — подъ вода) прыйихала». Конечно, отъ этой характерной черты бурсацкаго быта исходилъ и Котляревскій, когда онъ въ своей Энеидѣ, засадивъ предварительно героевъ за изученіе латинской грамоты, заставилъ ихъ потомъ сложить знаменитое посланіе «*Энеусъ костеръ магнусъ панусъ и храбрый Троянорумъ князь*». Отсюда же несомнѣнно ведетъ свое начало и помѣщаемое ниже маленькое стихотвореньице на Рождество Христово, любезно сообщенное намъ г. Малинкою. Это стихотвореніе записано въ одномъ рукописномъ сборникѣ разнообразнаго содержанія, относящемся къ началу нынѣшняго столѣтія; тутъ находятся и оды, и комическія стихотворенія, и вирши, и баллады, и рѣчи на разнаго рода случаи, и стихотворенія Гулака-Артемовскаго.

Стихи на Рождество Христово.

O quantum gaudium имѣти должны nos
Hac die, qua сошелъ in terram къ намъ Христосъ,
Понеже gratiam онъ tantam сдѣлалъ съ нами,
Ut hoc exprimere non possimus словами.
Чертовскій genus весь онъ силою prostravit
Nobisque omnibus жизнь вѣчную donavit.
De hac laetitia пришелъ я вамъ сказать.
Извольте жъ mihi vos poltincam unam дать,
За что и Chrystus vos non desinet amare,
Permittet онъ васъ всѣхъ съ собою habitare.

В. Н—ко.

Библиотека "Руниверс"

Кіевская поэзія за 50 лѣтъ назадъ.

Къ звѣздѣ.

Ты опять мнѣ засвѣтилась
Поднебесная звѣзда?
И съ тобой опять явилась
Благодатная мечта.

—

Ты мнѣ съ неба проглянула,
Озарила трудъ земной,
И душа опять дохнула
Лучшей жизни полнотой.

—

Но зачѣмъ блестишь такъ смутно,
Вѣковѣчная моя?
Иль возвратъ твой былъ минутной,
Иль дрожишь ты за меня?

—

О, помедли,—дай мнѣ свѣта
Наглядѣться моего!
Здѣсь такъ грустно безъ привѣта
И отвѣта твоего!

1835.

Кіевлянкѣ.

Въ альбомъ Н. П. С....тѣ.

Какъ тополь стройный, возрастила васъ
Картинная краса природы здѣшней;
И ваша жизнь свѣтла, какъ утра часъ,
Цвѣтна, какъ садъ порою вешней.

—

И кажется, что никогда ее
Сіянье мирное не омрачалось,
Что чистое, какъ радость, бытіе
Лишь грустью легкой оттѣнялось.

—

Что если съ голубыхъ очей порой
Двѣ три слезы тихонько упадали,

Библиотека "Руниверс"

То это небеса живой росой
Любимый цвѣтъ свой освѣжали.

—

О, пусть все та-жь, какъ въ утро, хороша
И въ полдень жизнь вамъ быть не перестанетъ;
Пусть юностью цвѣтетъ у васъ душа,
Когда и вечеръ ужъ настанетъ.

Кіевъ, 1838.

Весеннее чувство.

Какъ синее море—Днѣпровскія воды;
Какъ бархатъ зеленый—холмы и поля;
Свѣтлѣй засіяли небесные своды
И звонкая пѣснь раздалась соловья.
Все радостно, звучно, съ весною природы...
Зачѣмъ же душа унываетъ моя?
Въ душѣ воскресаютъ минувшіе годы
Весны же не будетъ уже для меня!

—

Иной она жизни давно ужъ желаетъ...
А здѣсь и природа весны не долга:
Отъ знойнаго лѣта она изнываетъ,
На свѣтлое небо найдутъ облака,
И осень природу опять развѣнчаетъ,
И землю, какъ саванъ, покроютъ снѣга...

Кіевъ.

Эти три піески нашли мы въ «Одескомъ Альманахѣ» на 1840 годъ; онѣ принадлежатъ *Михаилу Александровичу Максимовичу*, столь памятному еще многимъ. Вотъ какъ онъ пѣлъ *назадъ тому 50 лѣтъ и болѣе того!* Языкъ стихотвореній не устарѣлъ еще, но содержаніе ихъ отзывается романтизмомъ, какого въ наше время уже не встрѣтить. Въ Максимовичѣ издавна находили его современники *«хмелинку поэзіи»*,—играетъ она и въ этихъ пьесахъ, особенно во второй. Женщины вдохновляли его болѣе, чѣмъ природа, и онъ былъ любимцемъ женщинъ, по своей мягкой, говорливой, увлекательной натурѣ. *«Соловей рѣчи»* — отзывались о немъ, бывало, близкіе друзья, слушая его и зная его любящее сердце, которое никогда и никого не помянуло жесткимъ словомъ. Пусть эта черта его характера еще дольше свѣтится, чѣмъ его поэзія. **С. П.**

Библиотека "Руниверс"

Два рукописныхъ стихотворенія М. А. Максимовича. Въ только-что напечатанной замѣткѣ С. П. подъ заглавіемъ, «Кіевская поэзія за 50 лѣтъ назадъ» объ авторѣ ея сказано, что современники признавали въ немъ «хмелинку поэзіи». Безспорно, эта «хмелинка» была на самомъ дѣлѣ, и при томъ иногда проглядывала на свѣтъ въ довольно сильныхъ отраженіяхъ, какъ напр.: въ блистательно выполненномъ переводѣ Слова о Полку Игоревѣ на украинскую рѣчь. Хотя вообще можно замѣтить, что писатели первой половины текущаго столѣтія, ученые по призванію и по профессіи, считали себя обязанными являться время отъ времени и къ жертвеннику Аполлона, но о Максимовичѣ это приходится сказать въ особенности, т. к. проявленій его поэзіи было сравнительно очень много, какъ на русскомъ, такъ и на малорусскомъ языкахъ. Поэзія эта, частію въ свое время нашедши мѣсто въ печати, теперь почти совсѣмъ позабыта, а частію оставшись въ видѣ рукописныхъ набросковъ, сдѣланныхъ при случаѣ, мало кому была и раньше извѣстной. А между тѣмъ она почти всегда сопровождалась или проблесками серьезныхъ мыслей, или проявленіями игриваго ума, что такъ свойственно было этому талантливому дѣятелю нашей родины. Поговорить когда-нибудь подробнѣе объ этихъ цвѣтахъ поэзіи Максимовича мы считаемъ вполнѣ умѣстной и благодарной темой; но пока что, въ настоящемъ случаѣ мы хотимъ подѣлиться двумя стихотвореніями его, въ печати не бывшими, но сохранившимися въ подлинникѣ среди бумагъ, принадлежавшихъ покойному г. Щербаку, и любезно предоставленными теперь въ наше распоряженіе.

I.

26 лѣтъ тому назадъ Полтавская губернія, одновременно съ нѣсколькими другими, вступала въ новую фазу общественной жизни, благодаря вводившемуся тогда въ ней земскому строю. М. А. Максимовичъ, уже принадлежа тогда всецѣло старому поколѣнію (ему былъ 61 годъ) и живя въ отставкѣ въ своемъ хуторѣ *Михайловой Горѣ* (золотонош. у.), однако-же чуткой душой своей понялъ существо новой эры и въ хуторской тиши откликнулся стихотворнымъ привѣтомъ начинавшемуся земству. 10 Августа 1865 г. набросалъ онъ слѣдующую малорусскую пѣсню, сохранившуюся въ черновомъ видѣ, со всѣми помарками и поправками.

Библиотека "Руниверс"

Пѣсня

1865 г. 10 августа. М. Г. (Михайлова Гора).

Се вже кличуть нашихъ *гласныхъ*
У Золотоношу,
Щобъ наставыли для земства
Управу хорошу.

—

У насъ гласныхъ звышъ пивсотни—
Громада стоока:
Може ясно розличаты
Добро одъ порока.

—

Вона може разглядиты:
Хто мытець правдывый,
Хто дурысвитъ, хто пройдысвитъ,
И хто всимъ зычливый.

Хто способный земську пользу
Свято соблюдаты,
И хто ласый людьски грошы
Соби загрибаты.

—

Дайже Боже сій громади
На земськее дило
Статы въ добрый часъ, розумно,
Праведно и смило.

—

Нехай буде въ насъ управа
Честна, не лукава;
Нехай буде нашимъ гласнымъ
И въ Полтави слава.

Передъ послѣднимъ куплетомъ былъ набросанъ еще одинъ, который почему то авторомъ перечеркнутъ; вотъ онъ:

Не дай, Боже, людей добрыхъ
Лыхимъ увъ обыду;
Не дай земство наше въ руки
Цыгану и жыду!

II.

Живучи много лѣтъ на хуторѣ и получая очень скромную пенсію (около 750 р. въ годъ), Максимовичъ до 1872 года едва-едва сводилъ концы съ концами. Литературный заработокъ его былъ, можно сказать, ничтожный, такъ-что особенно замѣтной прибавки къ пенсіи составить не могъ. Имущества, кромѣ названнаго хуторка, совсѣмъ почти бездоходнаго, у него тогда еще не было никакого, т. к. дарованное ему на началахъ льготной покупки имѣніе въ подольской губерніи (около 400 десятинъ) стало его собственностью только послѣ празднованія пятидесятилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности (1871 г.) Вотъ почему очень часто приходилось ему перебиваться кое-какъ отъ получки до получки ежемѣсячной пенсіонной порціи. Живо помню, какъ въ декабрѣ 1871 г. получилъ я отъ него письмо изъ хутора съ просьбой привезти ему на рождественскіе праздники его сына, тогда воспитанника 1-го класса гимназіи, а также захватить въ казначействѣ кіевскомъ его пенсію за два послѣдніе мѣсяца. И вотъ, когда я пріѣхалъ къ нему передъ самымъ праздникомъ, исполнивъ и то, и другое порученіе, то засталъ его далеко не въ удоб-

Библиотека "Руниверс"

номъ положеніи: къ празднику приходится дѣлать усиленные расходы, а у него—какъ онъ сказалъ мнѣ—ломаннаго гроша въ домѣ не было. Вѣроятно, въ одинъ изъ такихъ моментовъ и было написано слѣдующее стихотворное письмо съ просьбой поскорѣе прислать ему разсчетную днижку для полученія пенсіи изъ казначейства.

Милостивый государь Ѳедоръ Ѳедоровичъ!

Въ градѣ Кіевѣ когда-то
Былъ, кажись, я вамъ знакомъ;
Жилъ тогда я не богато,
Нынѣ зажилъ бѣднякомъ.
Четверть вѣка пенсіономъ
На горѣ моей держусь;
Въ мартѣ я просилъ объ оном,
Въ маѣ жду и не дождусь.
Знать, Казенная палата
Чрезвычайно занята,
Что не шлетъ ни аттестата,
Ни разсчетнаго листа.
Красносизыя тетради
Могутъ голодомъ морить!
Повелите-жъ Бога ради
Пенсіономъ ускорить!
И примите увѣренье
Въ моемъ истиномъ почтеньи,
Съ коимъ честь имѣю быть

Вашего Превосходительства покорнымъ слугою Михаилъ Максимовичъ

21 мая 1866 года
Хуторъ Михайлова Гора
Золотонош уѣзда.

Письмо это, можетъ быть, въ чистомъ видѣ и не посланное по своему назначенію, писано было (не можемъ опредѣлить къ кому) въ минуты томительнаго ожиданья пенсіи, не получавшейся, какъ видно, нѣсколько мѣсяцевъ. Вмѣсто вполнѣ понятнаго въ такихъ случаяхъ тона раздраженія, у добродушнаго старика, привыкшаго уже къ своему житію съ лишеніями, явилось юмористическое посланіе, въ которомъ сквозь смѣхъ не трудно отыскать и слезы.

В. Науменко.

Князь Потемкинъ и малорусскія пѣсни. Въ недавно изданномъ сборникѣ малорусскихъ пѣсенъ г. Коцпинскаго [1]), напечатано нѣсколько пѣсенъ съ присоединеніемъ замѣтки,— «изъ любимыхъ пѣсенъ князя Г. А. Потемкина; въ числѣ ихъ напечатана и извѣстная приписываемая Мазепѣ «думка»:

[1]) Пісни, думки и шумки руського народа на Подоли, Украини и въ Малороссіи. Кіевъ. 1885. 16. 148 стр.

Библиотека "Руниверс"

Ой бида, бида чайци небози,
Що вывела дитокъ при бытій морози....[1]),

причемъ сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: «по народному преданію (?), князь Потемкинъ страстно любилъ музыку и изящныя искусства. Онъ сочинилъ много пѣсней на южнорусскомъ языкѣ (?). Любопытно было бы имѣть ихъ собраніе и этого достигнуть, кажется, не очень трудно, потому что въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ домахъ есть еще отстатки (?) съ этого времени (1778 г.), когда для принятія Императрицы и князя, лучшіе дома соревновали въ томъ, чтобъ великимъ гостямъ, посѣтившимъ ихъ край, доставить удовольствіе отборными оркестрами и хорами, а также—народными пѣснями и праздниками. Къ этому времени можно отнести начало хоровъ и оркестровъ у болѣе богатыхъ помѣщиковъ Малороссіи (?), что у нѣкоторыхъ и еще и доселѣ сохраняется».

Никакихъ указаній на источникъ этихъ свѣдѣній—о «любимыхъ пѣсняхъ» кн. Потемкина и о «сочиненіи» имъ пѣсенъ «на южнорусскомъ языкѣ» г. Коцпинскій не дѣлаетъ и возбуждаетъ въ этомъ своемъ сообщеніи полнѣйшее сомнѣніе... Эти свѣдѣнія, заключающія въ себѣ зернышко правды, несомнѣнно преизукрашены вымысломъ людей мало знакомыхъ съ біографіей Потемкина. Зернышко правды тутъ заключается, повидимому, въ основательности преданія—о любви кн. Потемкина къ малорусскимъ пѣснямъ. Въ Морск. Сборникѣ 1861 г. (№ 9) были помѣщены замѣтки объ основаніи черноморскаго Николаева, написанныя мѣстнымъ сторожиломъ; въ числѣ этихъ замѣтокъ находится и слѣдующая: «Потемкину нравились малороссійскія пѣсни; изъ нихъ его любимая была:

На бережку у ставка
На дощици у млынка,
Купалася дивчина,
Плескалася рыбчина....“

---

[1]) Къ числу „любимыхъ пѣсень“ кн. Потемкина отнесено еще нѣсколько; между ними—и слѣдующія:

1. Болить моя головонька видъ самого чола,
   Не бачила мыленького ни теперъ, ни вчора....
2. Добре тіи ляхи чинять, що не кумаются,
   Побравшися за рученьки та йдуть винчаются...
3. Ой израда, чорни брови, зрада,
   Чомъ у тебе, милий, не щирая правда....

Библиотека "Руниверс"

Въ богатой природѣ князя Таврическаго была и поэтическая складка; послѣдняя не могла не остановить вниманія Потемкина на музыкѣ и словахъ малорусскихъ пѣсенъ, которыя приходилось ему, конечно, не рѣдко слушать во время своего пребыванія на югѣ Россіи...

А. Л.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Наука исторіи русскаго права — Ея вспомогательныя знанія, источники и литература. — Составилъ ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Н. П. Загоскинъ. Казань. 1891. Стр. XXVIII+530. Цѣна 3 руб.

Проф. Загоскинъ далъ своей книгѣ чрезчуръ ужъ громкое названіе, которое можетъ вводить въ заблужденіе публику. Мы сами, прочитавъ объявленіе о выходѣ въ свѣтъ его книги, думали, что будемъ имѣть *критическій* обзоръ источниковъ, литературы по исторіи русскаго права, но должны были разочароваться, увидѣвъ подъ громкимъ, многообѣщающимъ заглавіемъ только лишь библіографическій указатель, да притомъ еще, какъ оказалось, очень небрежно составленный.

Г. Загоскинъ хочетъ придти на помощь учащемуся люду. Онъ сознаетъ, что историческая литература за послѣдніе годы такъ разрослась, что масса ея начинаетъ давить спеціалиста, не говоря ужъ о людяхъ, только что начинающихъ, которые «являются, въ данномъ случаѣ, въ положительно безпомощномъ состояніи, не зная, за что взяться и гдѣ искать тѣ или другіе источники и литературныя пособія, очень часто разбросанные по спеціальнымъ изданіямъ, сборникамъ и журналамъ» (стр. IV). Поэтому-то профессоръ и хочетъ дать «*практическій*» указатель источниковъ и литературы исторіи русскаго права, а также литературы тѣхъ отраслей знанія, которыя соприкасаются съ этою наукою» (стр. III), указатель, который бы служилъ, такъ сказать, путеводителемъ для лицъ учащихся и приступающихъ къ изученію исторіи русскаго права.

Цѣль, безъ сомнѣнія, благая. Какъ же она выполнена?

Намъ кажется, что изъ того, что указатель долженъ быть *практическимъ*, само ужъ собой вытекаетъ требованіе, чтобы онъ былъ и

Библиотека "Руниверс"

систематическимъ, т. е. чтобы пользующійся имъ сразу могъ бы отличить главное отъ второстепеннаго, менѣе важное отъ болѣе существеннаго; иначе, что жъ это будетъ за *практическій* указатель, гдѣ самому пользующемуся имъ предоставляется изъ массы разныхъ, по достоинству, сочиненій выбрать себѣ по вкусу, любое? Второе требованіе, которое бы мы предъявили къ *практическому* указателю — это, чтобы онъ содержалъ въ себѣ *только лишь наиболѣе цѣнные и важные труды по извѣстнымъ вопросамъ* и исключалъ всѣ тѣ сочиненія, цѣнность которыхъ завѣдомо-сомнительна: — вѣдь *практическій* указатель нуженъ не для спеціалистовъ, а для учащихся и лицъ, только-что приступающихъ къ изученію.

Къ сожалѣнію, проф. Загоскинъ упустилъ изъ виду эти требованія, какъ намъ кажется, логически вытекающія изъ той задачи, которую онъ себѣ поставилъ. Онъ, во-первыхъ, принялъ не систематическій, а *хронологическій* порядокъ въ своемъ указателѣ, и, во-вторыхъ, внесъ въ него много такого, чему совсѣмъ не мѣсто въ *практическомъ* указателѣ. На болѣе частные недостатки труда мы постараемся указать ниже и увидимъ, что они свидѣтельствуютъ о томъ, какъ небрежно относился къ своей задачѣ авторъ.

«Въ предѣлахъ каждой изъ частныхъ рубрикъ своего труда я, говоритъ проф. Загоскинъ, остановился не на алфавитномъ, но на хронологическомъ порядкѣ размѣщенія ссылокъ на пособія, источники и литературу, (о систематическомъ порядкѣ размѣщенія авторъ, очевидно, и не думалъ), считая этотъ (хронологическій) порядокъ болѣе цѣлесообразнымъ и удобнымъ въ практическомъ отношеніи: при такомъ порядкѣ размѣщенія матеріала, пользующійся книгою имѣетъ предъ глазами, такъ сказать, наглядную исторію литературной разработки каждаго даннаго вопроса и *имѣетъ возможность сразу остановиться на новѣйшихъ трудахъ въ области этого вопроса*» (стр. VIII).

Признаемся, мы не совсѣмъ ясно понимаемъ логическій ходъ мыслей автора, и хронологическій порядокъ намъ кажется болѣе цѣлесообразнымъ и удобнымъ для одного лишь составителя, а ужъ никакъ не для пользующагося указателемъ: при такомъ порядкѣ человѣкъ все-таки предоставляется на произволъ самому себѣ. Для человѣка, начинающаго самостоятельно заниматься, важна прежде всего не исторія разработки извѣстнаго вопроса, а важно найти источникъ, черпая изъ котораго, онъ могъ бы получить болѣе точныя и ясныя свѣдѣнія о томъ или другомъ вопросѣ. Напечатанныя нами курсивомъ слова автора даютъ поводъ думать, что онъ раздѣляетъ пред-

Библиотека "Руниверс"

разсудокъ, будто чѣмъ новѣе сочиненіе по извѣстному вопросу, тѣмъ оно лучше, а потому для автора ужъ достаточно, если человѣкъ начинающій прямо набросится на самыя новыя произведенія. Мы не раздѣляемъ такого мнѣнія и думаемъ, что для начинающаго изучать, напр., дворянство въ Россіи гораздо полезнѣе будетъ прямо взяться за трудъ проф. Романовича-Славатинскаго, появившійся въ 1870 году (№ 3028), чѣмъ наброситься сначала на новѣйшіе труды—компилятивный и довольно таки посредственный очеркъ г. Ш. въ «Вѣстникѣ Европы» 1887 года (№ 3034) и труды Яблочкова (3030) и Порай—Кошица (3029), достоинства которыхъ, я думаю, хорошо извѣстны проф. Загоскину, какъ спеціалисту. Также, напр., и при выборѣ общихъ курсовъ по исторіи русскаго права интересно, конечно, чтобы начинающій сразу остановился на курсахъ проф. Сергѣевича (71) и Владимирскаго Буданова (72), а не на курсахъ проф. Самоквасова (73) и Латкина (74), хотя они явились въ свѣтъ и позже.

Второе требованіе, которое мы предъявили къ подобнаго рода *практическимъ* указателямъ—это, какъ выше было сказано, чтобы они заключали въ себѣ *только* наиболѣе цѣнную литературу и изданіе памятниковъ, которые не сбивали бы съ толку людей начинающихъ. Въ такихъ указателяхъ, которые вовсе и не предназначаются для спеціалистовъ, нѣтъ надобности указывать, напр., произведенія прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, потерявшія всякую цѣну и всякое научное значеніе и имѣющія въ настоящее время чисто ужъ библіографическій интересъ, какъ напр., Русская исторія С. Глинки (347) или «Духъ россійскихъ государей Рюрикова дома» Я. Орлова и пр. (348).

Жаль также, что проф. Загоскинъ вноситъ въ свой *практическій* указатель изданія памятниковъ и литературу, непригодность которыхъ *именно для практическаго употребленія* давно ужъ признана спеціалистами. Такъ, напр., у него въ числѣ общихъ курсовъ по исторіи русскаго права мы встрѣчаемъ курсъ М. М. Михайлова (67)[1]), лекціи по исторіи русскаго законодательства Бѣляева (70)[2]) или, наконецъ изданіе Русской Правды (975), Псковской и Новгородской судныхъ Грамотъ (1093) Гинцбурга, которое просто разсчитано на довѣрчивость учащейся публики съ цѣлью вы-

---

[1]) *М. Ф. Владимирскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права стр. 9.

[2]) *его-же* разборъ „Лекцій" Бѣляева въ Кіев. Унив. Изв. 1879 г.

Библиотека "Руниверс"

годнаго гешефта [1]) и т. д. Мы не знаемъ, зачѣмъ понадобилось г. Загоскину указывать различныя изданія тѣхъ памятниковъ, которые есть въ Христоматіи проф. Владимирскаго Буданова. Достаточно было указать на эту христоматію, которую вѣдь обязательно нужно имѣть всякому занимающемуся исторіей русскаго права, и учащійся зналъ бы самое научное изданіе памятниковъ, не сбивался бы съ толку разными гг. Гинцбургами и имѣлъ бы указаніе изданій памятниковъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе полное, чѣмъ мы это находимъ у проф. Загоскина.

Кромѣ указанныхъ, такъ сказать, общихъ недостатковъ, лежащихъ въ самой системѣ изданія, въ трудѣ г. Загоскина есть много и другихъ, зависящихъ ужъ отъ личныхъ свойствъ автора, его небрежнаго отношенія къ дѣлу и дѣлающихъ его указатель совсѣмъ непригоднымъ для *практическаго* употребленія.

Отъ составителя *практическаго* указателя мы склонны требовать, во первыхъ, чтобы онъ приступилъ къ дѣлу съ солидной подготовкой *по всѣмъ* тѣмъ вопросамъ, по которымъ хочетъ руководить людей начинающихъ, а во вторыхъ, чтобы составитель, внося книги въ свой указатель, зналъ, что онъ вноситъ, а не судилъ бы о книгахъ по одному только заглавію.

На стр. 360—362 помѣщенъ, напр., отдѣлъ *козаки*, и подъ этимъ именемъ соединены самыя различныя категоріи ихъ,какъ будто бы нѣтъ никакого различія между козаками малорусскими, донскими, кубанскими, уральскими. Отдѣлъ напр., «Малороссія и среднее поднѣпровье (?)» носитъ также слѣды недостаточнаго знакомства съ предметомъ и составленъ, очевидно, такъ, по нантію свыше. Не приведена *ни одна* монографія Костомарова по исторіи южной Руси, за то названъ П. Кулишъ «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши» (№ 2423); названа сомнительнаго достоинства книга Токмакова о Мглинѣ (2420) [2]), и обойдены молчаніемъ очень многія монографіи проф. В. Б. Антоновича, статьи А. М. Лазаревскаго и пр.

Намъ, конечно, скажутъ, что наши требованія не по силамъ одному человѣку, Мы согласны съ этимъ; но тогда—зачѣмъ же браться за непосильный трудъ? Труды, подобные задуманному г. За-

---

[1]) Непригодность изданій г. Гинцбурга для практическаго употребленія была указана проф. *М. А. Дьяконовымъ* въ „Библіографѣ“; г. *П. Г.* въ „Кіевской Старинѣ“ и затѣмъ въ рецензіи въ „Русской Мысли“ 1888 года.

[2]) См. рецензію *А. Л.* въ „Кіевской Старинѣ“ 1889 г.

Библиотека "Руниверс"

госкинымъ, могутъ быть продуктомъ только коллективной работы, а потому мы и удивляемся смѣлости, съ какой нашъ авторъ взялся за разрѣшеніе трудной, широко и, нужно сказать, вѣрно имъ намѣченной задачи. Что она оказалась не по силамъ г-ну Загоскину—въ этомъ приходится убѣждаться на каждомъ шагу. Почти въ каждомъ отдѣлѣ можно найти сочиненія, которыхъ составитель указателя, очевидно, никогда и въ глаза не видалъ, а между тѣмъ *рекомендуетъ* лицамъ начинающимъ. Оказывается, напримѣръ, (horribile dictu!) что *три* Филарета писали у насъ Исторію Русской Церкви— рижскій, черниговскій и Гумилевскій (№ 4338—4340 и указатель именъ стр. 523), тогда какъ извѣстно, что это было одно лицо. Та же исторія повторяется и съ извѣстнымъ митр. Макаріемъ, этимъ Карамзинымъ исторіи русской церкви. Вмѣсто одного Макарія опять являются *три* Макарія—Литовскій, Булгаковъ и митрополитъ (стр. 512), и опять оказывается, что *два* Макарія писали Исторію Русской Церкви (4341 и 4343). Эти факты свидѣтельствуютъ, какъ легко и небрежно г. Загоскинъ относился къ своей симпатичной задачѣ [1]).

Общій характеръ труда г. Загоскина отразился и на группировкѣ литературы, такъ-какъ эта группировка во многихъ случаяхъ оказывается неудачной и показываетъ, какъ трудно группировать книги, руководствуясь одними только заглавіями ихъ. Въ указателѣ г. Загоскина есть особый отдѣлъ «библіографія» (стр. 82—97), а между тѣмъ почему то библіографическіе обзоры трудовъ Соловьева (36), Костомарова (42), К. Н. Бестужева-Рюмина (Козеко) (45) попали въ отдѣлъ «Обзоръ трудовъ отдѣльныхъ дѣятелей» на ряду съ некрологами и такими статьями, какъ проф. Шпилевскаго о Карамзинѣ (35), «Памяти Кавелина, Градовскаго» (№ 44, 46) и др. Непонятно для насъ, почему въ тотъ же отдѣлъ попала статья Н. Ланге «Древнее русское право въ Исторіи г. Костомарова» (41)? [2]). Въ отдѣлѣ объ артеляхъ (стр. 220—221) вы не найдете, напр., сочиненія Исаева или нѣкоторыхъ статей Сазонова, а должно искать ихъ въ обязательственномъ правѣ (догадайтесь-ка!). Сочиненіе В. И. Семевскаго «Крестьянскій *вопросъ* въ Россіи» ужъ по самому заглавію, кажется, не при-

[1]) Тѣмъ же думаемъ объясняется и предположеніе г. Загоскина, будто бы Иванъ Энгельманъ писалъ о ливонской исторіи (607), а Августъ Энгельманъ „о пріобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву“ (3911).

[2]) Справедливость требовала бы привести здѣсь же и отвѣтъ Костомарова—Моя „Русская исторія“ предъ судомъ критика въ „Русск. Вѣстн.“—„Вѣст. Евр.“ 1876 г. сентябрь.

Библиотека "Руниверс"

надлежитъ къ рубрикѣ «Крестьяне въ XVIII и первой половинѣ XIX ст.», и его нужно отнести къ слѣдующей рубрикѣ «Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи (стр. 351—352)» и т. д.

Къ числу недостатковъ труда г. Загоскина мы относимъ и часто совсѣмъ *случайное* упоминаніе источниковъ въ томъ или другомъ отдѣлѣ, причемъ трудно бываетъ судить, чѣмъ руководствовался въ данномъ случаѣ составитель. Источники русской исторіи до XVIII вѣка выдѣлены въ отдѣльную группу, тогда какъ для XVIII в. почему-то это не сдѣлано; упоминанія о нихъ вообще очень скудны, и они приводятся на ряду съ изслѣдованіями. Здѣсь опять для насъ недоумѣніе—почему авторъ счелъ нужнымъ упомянуть письма леди Рондо (2827), дневникъ Храповицкаго (2840), сочиненіе Гельбига (2846), имѣющіе значеніе для характеристики придворной жизни, и обошелъ молчаніемъ такіе мемуары, какъ Болотова, Шаховскаго, Добрынина, Державина, Мертваго и др., характеризующіе русскую общественную а также и бюрократическую жизнь XVIII в. и часто имѣющіе прямое отношеніе къ *исторіи* права.

Есть и существенные пропуски въ трудѣ г. Загоскина. На нѣкоторые изъ нихъ мы указывали ужъ выше. Мы не нашли также соч. И. Е. Энгельмана—Die Leibeigenschaft in Russland и его же обзоръ русскаго государственнаго права (Das Staatsrecht des Kaiserthums Russland); монографіи по исторіи Западной Руси В. Б. Антоновича, статьи проф. Н. П. Дашкевича о Литовско-русскомъ государствѣ (Кіев. Унив. Изв. 1882—1884). Въ отдѣлѣ о земскихъ соборахъ не названа статья проф. Владимирскаго-Буданова (Кіев. Унив. Изв. 1875 г. № 10), которая имѣла большое значеніе въ дѣлѣ установленія правильнаго взгляда на земскіе соборы. Г. Загоскинъ забылъ также упомянуть о трудахъ государственниковъ—С. М. Соловьева (Шлёцеръ и антиисторическое направленіе—въ Рус. Вѣст. 1857 г.) и Б. Н. Чичерина (о Народномъ представительствѣ). Если ужъ нужно было упоминать о статьяхъ профессора Павлова (2412), то нельзя пройти молчаніемъ такихъ статей покойнаго А. П. Щапова, какъ «Великорусскія области и смутное время» (Отеч. Зап. 1871 г.), «Земство и расколъ», «Земскій соборъ 1648—1649 г. и собраніе депутатовъ 1767 года» (От. Зап. 1862 г.), «Соборъ 1642 г.» (Вѣкъ 1863 г.). Не смотря на свое увлеченіе «общинностью», Щаповъ часто очень вѣрно смотрѣлъ на древне-русскую жизнь и соборы, и его взгляды не безслѣдно прошли въ русской литературѣ.—Объ Екатерининской коммиссіи литература указана довольно подробно, хотя и здѣсь есть, правда,

Библиотека "Руниверс"

очень незначительные пропуски, сравнительно, напр., съ литературой, указанной у М. Лишинскаго (Жур. М-ва Народ. Просв. 1887 т. ч. 251).—Добавимъ брошюру Авсѣенка «Малоросія въ 1767 г.,—рядъ статей И. В. Теличенка въ Кіевской Старинѣ 1890 и 1891 г. и статьи г. Абрамова въ «Сѣверн. Вѣст.» 1886 года, представляющія очень хорошій обзоръ «сословныхъ нуждъ, желаній и стремленій въ эпоху Екатерининской коммиссіи». Не мѣшало бы также при сочиненіяхъ, вызвавшихъ обстоятельныя рецензіи, указывать эти послѣднія. Г. Загоскинъ иногда это и дѣлаетъ (напр. №№ 2874, 2875, 3911, 3915 и др.), но, къ сожалѣнію, далеко не всегда, а между тѣмъ такія рецензіи часто въ значительной степени дополняютъ изслѣдованія, а иногда служатъ и немаловажнымъ къ нимъ коррективомъ. Таковы напр. рецензіи проф. Владимирскаго-Буданова въ Кіев. Унив. Изв., Сборн. Государ. Знаній, Журн. М-ва Нар. Пр., проф. Иконникова въ Кіев. Унив. Изв. и Сборн. Госуд. Зн., Дитятина и Ковалевскаго въ «Критическомъ обозрѣніи и др.

Мы, конечно, не беремся указывать всѣхъ, хотя бы только и существенныхъ пропусковъ, которые можно встрѣтить въ трудѣ г. Загоскина. Думаемъ, и указанныхъ достаточно, чтобы убѣдиться, что и въ этомъ отношеніи разбираемая работа не безъ грѣха. Со временемъ еще разъ придется внимательно провѣрять всю литературу, если только понадобится повторить изданіе г. Загоскина. Много тогда придется еще сдѣлать. Нужно будетъ провѣрить и дополнить указанія, чтобы не рекомендовалось читателю искать «Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси» Костомарова въ рѣдко встрѣчающемся теперь журналѣ «Основа» (2260), а было бы указано, что статью эту можно найти и въ I т. Монографій; надо будетъ указать также, что статьи А. Я. Ефименко не только разбросаны по разнымъ журналамъ, но что онѣ изданы и отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Изслѣдованія народной жизни» и т. д. Нужно будетъ различные отдѣлы книгъ указать подъ различными рубриками (иногда это и дѣлаетъ г. Загоскинъ ср. 2355, 2378, 2826 и др.), а то кто изъ начинающихъ догадается, что въ «Юридическихъ древностяхъ» проф. Сергѣевича онъ найдетъ вопросы о холопствѣ, крестьянствѣ, о различныхъ классахъ населенія, объ образованіи территоріи и пр.? Вообще много кой-чего придется сдѣлать, чтобы указатель г. Загоскина сдѣлался *практическимъ*. Его нужно будетъ передѣлать *кореннымъ образомъ*, и такая работа вполнѣ удовлетворительно, повторяемъ, можетъ быть выполнена не однимъ человѣкомъ, а только лишь совокупными усиліями

Библиотека "Руниверс"

спеціалистовъ. *Практическій* указатель по исторіи русскаго права намъ очень нуженъ. Желательно по этому, чтобы спеціалисты взялись за его составленіе и осуществили мысль г. Загоскина.

Во всякомъ случаѣ мы благодарны г. Загоскину за постановку вопроса объ указателѣ. *Его трудъ, правда, мы не будемъ рекомендовать лицамъ начинающимъ, — для нихъ онъ вовсе непригоденъ,* — но, какъ справочная книга для спеціалиста, онъ далеко не безполезенъ, на ряду съ другими указателями гг. Межова, Ламбиныхъ или же каталогами Глазунова, Чичинадзе; цѣна только *три* рубля — очень высокая. W*.

Regestr złoczyńców Grodu Sanockiego 1554—1638. Wydał Oswald Balzer (Materyały historyczne, wyd. Towarzystwa historycznego we Lwowie, tom. I). Lwów, 1891. стр. 264.

Изданные до настоящаго времени памятники уголовнаго процесса въ русскихъ областяхъ былой Польши весьма немногочисленны и до крайности разбросаны; поэтому нельзя не признать удачною мысль г. Бальцера познакомить публику съ содержаніемъ т. наз. «реестра преступниковъ», сохранившагося случайно въ львовскомъ архивѣ гродскихъ и земскихъ актовъ (книги подъ № 447 и 448) и составленнаго въ свое время при гродскомъ Саноцкомъ судѣ. Въ реестрѣ всего 155 записей, представляющихъ собою краткій отчетъ о показаніяхъ, данныхъ подсудимыми на пыткѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ о всемъ ходѣ судебной процедуры, начиная съ жалобы истца и оканчивая казнью или освобожденіемъ подсудимаго. Первое указаніе на обязательное веденіе протокольныхъ записей этого рода въ гродскихъ судахъ относится къ началу XVI в.; это тѣ же «черныя книги» литовскаго статута по третьему изданію. Обычай веденія книгъ этого рода сохранился почти до конца Рѣчи Посполитой и вслѣдъ за гродскими былъ усвоенъ также и судами мѣщанскими или нѣмецкаго права. Такъ какъ акты «реестровъ» представляли интересъ временный и вслѣдъ за казнью преступника теряли большею частью всякій интересъ для прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, то книги «реестровъ» хранились небрежно или даже уничтожались, къ великому ущербу для разработки исторіи мѣстнаго уголовнаго процесса и права. Изданные нынѣ г. Бальцеромъ акты подтверждаютъ послѣднюю мысль до очевидности.

Библиотека "Руниверс"

По содержанію своему записи настоящаго реестра представляютъ или изложеніе всего хода процесса, или протоколъ показаній подсудимаго на пыткѣ (testamentum), или то и другое разомъ. По происхожденію, акты «реестра» дѣлятся на двѣ группы: протоколы саноцкаго гродскаго суда и выписи изъ такихъ же реестровъ судовъ иногородныхъ или иноземныхъ, внесенныя въ мѣстныя книги по требованію заинтересованныхъ въ томъ лицъ. Обычай внесенія въ саноцкія книги иноземныхъ, именно, венгерскихъ актовъ, объясняется тѣмъ, что вся организація воровскаго дѣла (и прежде всего похищенія скота) въ краѣ основана была на сбытѣ краденаго имущества въ Венгрію и обратной продажѣ его по низкимъ цѣнамъ въ Польшу. Потерпѣвшему приходилось большею частью искать управы въ судахъ обоихъ государствъ; иногда составлялись для этого и смѣшанные польско-венгерскіе суды (акты № 119 и 121, г. 1608). Но главный интересъ представляютъ внесенныя въ реестръ записи изъ книгъ сельскихъ судовъ, такъ какъ онѣ даютъ понятіе объ организаціи и кругѣ дѣйствій этихъ послѣднихъ. Такихъ выписей имѣется въ реестрѣ 17, въ періодъ времени 1569—1618 г. Въ селахъ, основанныхъ на нѣмецкомъ правѣ, судитъ войтъ или солтысъ и присяжные или лавники. Такой судъ носитъ названіе «prawo gaine» или «zagajone», право «вѣрное», «полное», право и судъ «полные», «обычные». Иногда рядомъ съ войтомъ засѣдаютъ семь присяжныхъ представителей даннаго села; въ исключительныхъ случаяхъ, участвовали присяжные отъ двухъ селъ одновременно. Показанія преступника на пыткѣ отбирались либо въ присутствіи войта и двухъ присяжныхъ, либо одного или двухъ присяжныхъ безъ войта. Важная роль въ сельскомъ судѣ принадлежала «пану», т. е. владѣльцу или собственнику села. Всѣ приговоры суда скрѣпляются подписью и печатью пана и составляются какъ-бы отъ имени и по уполномочію послѣдняго; отсутствіе подписи «пана» опорочиваетъ подлинность акта. Судъ отправляется обыкновенно въ панскомъ дворѣ; захваченнаго преступника представляютъ туда-же. Панъ можетъ отмѣнить собственною властью приговоръ сельскаго суда или измѣнить мѣру наказанія, напр.—наложить денежную пеню вмѣсто назначенной судомъ смертной казни. Такимъ образомъ, судя по актамъ «реестра», средневѣковая форма автономнаго суда на нѣмецкомъ правѣ въ указанномъ періодѣ уже не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣла, и сельскій судъ постепенно переходитъ въ патримоніальный, помѣщичій. Нерѣдко въ судѣ участвуютъ еще и особые ассесоры, нѣчто въ родѣ свидѣтелей,

Библиотека "Руниверс"

безъ права рѣшающаго голоса, крестьяне или шляхта—безразлично. Иногда въ составѣ суда находятся представители старостинской или градской юрисдикціи (1569 г.), еще чаще—возные публичныхъ судовъ или поставленные тѣмъ же паномъ. Возные заносили по обычаю въ саноцкій «реестръ» акты сельскаго суда, въ которомъ принимали участіе. Компетенція сельскаго суда не ограничивалась крестьянами только своего села: каждый «крестьянинъ», владѣльческій или королевскій, могъ быть судимъ въ любомъ сельскомъ судѣ. Рѣшающее значеніе имѣло повидимому мѣсто совершенія преступленія или задержанія преступника. Впрочемъ, предѣлы юрисдикціи суда сельскаго и гродскаго, какъ видно изъ актовъ, не были строго разграничены.

Что касается предѣловъ юрисдикціи суда гродскаго или старостинскаго, то рѣшающимъ моментомъ служило мѣсто задержанія преступника: всѣ задержанные въ округѣ саноцкаго староства могли быть судимы саноцкимъ гродскимъ судомъ, также какъ и мѣстнымъ сельскимъ. Коллизія между двумя юрисдикціями не подлежитъ сомнѣнію и не могла быть разрѣшена по роду преступленій, такъ какъ компетенція обоихъ судовъ въ данное время была одинакова. Законодательство, пытавшееся въ XV в. точно опредѣлить границы старостинской юрисдикціи, въ XVI в. видимо стремится расширить ея предѣлы въ ущербъ мѣщанскихъ и сельскихъ судовъ нѣмецкаго права, стремится подчинить судъ патримоніальный суду старосты, какъ представителя общегосударственныхъ интересовъ, но попытка ограничить права въ этомъ отношеніи подольской шляхты (1567 г.) вызываетъ протестъ послѣдней и уступку въ ея пользу. Усвоенный законодательствомъ путь компромиса, конечно, не могъ устранить неизбѣжной при этомъ путаницы, и конкуренція двухъ юрисдикцій — градской и патримоніальной — продолжалась. Впрочемъ, судя по нашимъ актамъ, сами паны нерѣдко поступались своими правами въ пользу старосты; причиной былъ, по видимому, недостатокъ въ орудіяхъ пытки, игравшихъ первостепенную роль въ современномъ уголовномъ процессѣ, неимѣніе своего палача, трудность содержанія преступниковъ во время процесса и т. п. Самая система наказаній, заимствованная изъ *Каролины*, была до крайности несложна: отсѣченіе головы, повѣшеніе, четвертованіе—такова обычная градація наказаній. Въ рѣдкихъ случаяхъ допускалась, вмѣсто казни, денежная пеня, въ отмѣну приговора сельскихъ судовъ.

Въ составѣ гродскаго суда принимали участіе представители старосты, представители суда мѣщанскаго, «паны», т. е. владѣльцы

Библиотека "Руниверс"

той мѣстности, гдѣ былъ задержанъ преступникъ, и случайные ассесоры, свидѣтели. Роль послѣднихъ двухъ категорій участниковъ гродскаго суда понятна. Отъ мѣщанства представителемъ явился войтъ или его замѣститель и семь лавниковъ или присяжныхъ г. Санока. Не лишено интереса, что на протяженіи почти всего XVI в. оба элемента—старостинскій и мѣщанскій—представлены въ гродскомъ Саноцкомъ судѣ бокъ о бокъ, затѣмъ съ 1597 по 1638 г. элементъ старостинской юрисдикціи какъ будто исчезаетъ безслѣдно, такъ что затруднительно даже рѣшить съ перваго взгляда, дѣйствительно-ли мы имѣемъ дѣло съ судомъ гродскимъ, а не обычнымъ магдебургскимъ, мѣщанскимъ. Тѣмъ не менѣе, форма и самое содержаніе актовъ показываютъ, что апелляція на приговоры суда лавниковъ, записанные въ реестръ, могла быть обращена только къ старостѣ, ему-же принадлежали уголовныя пени, и лавничій судъ являлся лишь въ роли замѣстителя суда старостинскаго. Техническія затрудненія въ дѣлѣ пытокъ и казни играли въ этомъ случаѣ по отношенію къ старостинской юрисдикціи ту-же роль, что и въ отношеніи суда патримоніальнаго. Кромѣ того, польское уголовное право было слабо развито и далеко уступало въ этомъ праву нѣмецкому, какъ оно выразилось хотя бы въ саксонскомъ зерцалѣ и Каролинѣ. Старостинскій урядъ силою вещей вынужденъ былъ обратиться къ содѣйствію суда мѣщанскаго, и отъ первоначальной полной независимости своей въ средніе вѣка перешелъ къ компромису, въ XVI в., а затѣмъ въ первой половинѣ XVII в. устранилъ себя отъ прямаго участія въ гродскомъ судѣ, поручивъ это дѣло юристамъ лавничьяго суда. Очевидно, что такой порядокъ не могъ содѣйствовать развитію своей самостоятельной уголовной практики и уголовнаго права, роль котораго заняло право чужое, но усвоенное мѣщанами издавна благодаря нѣмецкой колонизаціи и проникшее въ села, осаженныя на нѣмецкомъ правѣ. Любопытно, что послѣдній документъ нашего реестра, 1638 года, представляетъ лишь копію изъ книгъ лавничьяго Саноцкаго суда: гродскій урядъ передалъ преступника для пытки въ лавницкій судъ, который и записалъ у себя «Testamentum». По всей вѣроятности, съ этого времени и вовсе прекратилось веденіе особаго «реестра преступниковъ» при гродскомъ Саноцкомъ судѣ.

Обрисованные выше со стороны общаго содержанія своего акты «реестра» не лишены интереса также и въ другомъ отношеніи: самый характеръ преступленій, бытовая обстановка ихъ, частности уголовнаго процесса, напр. формы присяги, приносимой «громадою»

Библиотека "Руниверс"

преступника за или противъ виновности послѣдняго, уровень правосознанія суда обрисовываются данными «реестра» въ наглядной и осязательной формѣ, почему изданные г. Бальцеромъ акты дадутъ историкамъ края важный матеріалъ въ ихъ изысканіяхъ. Въ частности, укажемъ здѣсь на приведенныя въ актахъ свидѣтельства о значеніи «магарыча» (литкупъ) при переходѣ имуществъ (№ 86), особомъ костюмѣ «гетмана» воровской шайки (64), обычаѣ носить при себѣ особые талисманы (чары) противъ дѣйствія пытки, наивной вѣрѣ судей въ дѣйствіе этихъ «чаръ», не будь которыхъ пытаемый навѣрное показалъ-бы гораздо болѣе (№ 82), и т. п.

По тщательности изданія актовъ, которымъ предпослано обстоятельное предисловіе автора, настоящій трудъ г. Бальцера не оставляетъ желать ничего лучшаго. Обстоятельный именной и предметный указатель значительно облегчаетъ справки и на половину сократитъ трудъ изслѣдователей, которымъ придется пользоваться «реестромъ» для внутренней исторіи галицкой окраины. **Н. М.**

Н. Леопардовъ и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. III и IV (въ одномъ томѣ). К. 1891 г. XII табл. + III и 29 стр. текста.

Наши предыдущія замѣтки о двухъ первыхъ выпускахъ Сборника вызвали у издателей цѣлую бурю негодованія. Причиной послужило то, что мы, относясь вполнѣ сочувственно къ изданію памятниковъ старины, не могли не отмѣтить въ данномъ изданіи нѣкоторыхъ несообразностей и преувеличеній при опредѣленіи времени тѣхъ или другихъ изданныхъ предметовъ. Считая имѣющими значеніе въ данномъ изданіи лишь таблицы снимковъ, мы лишь слегка коснулись текста, такъ какъ онъ представляетъ, повидимому, больное мѣсто издателей. Въ виду этого мы не входили въ детальный разборъ каждаго даннаго вопроса, и обосновывали наши возраженія на фактахъ болѣе общаго характера.

Негодованіе издателей сводится главнымъ образомъ къ обвиненію въ голословности нашихъ замѣчаній. Между тѣмъ, такъ какъ ихъ собственныя объясненія, кромѣ голаго утвержденія, что такой то, напр., крестъ относится къ такому-то вѣку, а такой-то къ такому-то, ничего не даютъ, то въ оправданіе такого способа научныхъ опредѣленій издатели приводятъ въ «предувѣдомленіи» къ настоящему

Библиотека "Руниверс"

выпуску слѣдующіе мотивы: «Мы, при описаніи отдѣльныхъ предметовъ, помѣщаемыхъ въ «Сборникѣ», излагали наши предположенія и выводы, а иногда одинъ только личный взглядъ на археологическое значеніе того или другого памятника на основаніи *данныхъ, имѣющихся у насъ въ рукахъ*»... Это, конечно,—совершенно новый способъ научной разработки вопроса по даннымъ, которыя издатели держатъ въ рукахъ, но не показываютъ. Тутъ невольно является сомнѣніе въ самомъ существованіи этихъ таинственныхъ данныхъ. Затѣмъ издатели продолжаютъ: «Поступая такъ, мы, главнымъ образомъ, руководились мыслью—вызвать оживленный обмѣнъ мнѣній путемъ основательныхъ и фактически обоснованныхъ *опроверженій* нашихъ взглядовъ и выводовъ». Выходитъ, что эти «взгляды и выводы» предаются тисненію съ спеціальной цѣлью вызвать только лишь одни опроверженія.—Это тоже новая и оригинальная манера. Теперь вернемся къ обвиненію насъ въ голословности. По этому поводу издатели говорятъ: «оказалось, что критическая часть рецензій состоитъ изъ одного набора фразъ, въ родѣ: «мы не можемъ раздѣлить», «мы не можемъ признать», «невозможно согласиться» и т. д., причемъ достопочтенный рецензентъ ни однимъ словомъ не проговорился о тѣхъ основаніяхъ и мотивахъ, которые имъ руководили при изреченіи своихъ non passumus, а эти то основанія и составляютъ всю суть дѣла». На это мы замѣтимъ, что въ данномъ случаѣ достопочтенные издатели прибѣгаютъ совсѣмъ не къ почтенному способу полемики, именно—выхватываютъ изъ фразы нѣсколько словъ, о другой же части ея умалчиваютъ. Вездѣ, хотя и вкратцѣ, мы выставляли факты, служившіе основаніемъ нашихъ заключеній [1]). Помимо такого болѣе чѣмъ предосудительнаго полемическаго пріема, и весь тонъ этихъ «нѣсколькихъ словъ по поводу рецензій нашего «Сборника», которыми издатели заключили свое «предувѣдомленіе», неумѣстенъ въ серьезномъ научномъ изданіи, каковымъ долженъ бы быть «Сборникъ».

Содержаніе настоящаго III и IV выпуска довольно обильно и разнообразно. Первыя шесть таблицъ пополнены изображеніями крестовъ и образковъ; описаніе къ нимъ составлено г. Леопардовымъ. Здѣсь нужно замѣтить, что нѣкоторые изъ помѣщенныхъ въ этомъ выпускѣ крестовъ, или совершенно тождественные съ ними, были раньше изданы въ первыхъ двухъ выпускахъ Сборника. Такое повто-

[1]) „Кіевск. Стар." 1891 г., Мартъ, стр. 538.

Библиотека "Руниверс"

реніе было бы умѣстно, если бы вновь помѣщаемые кресты были лучшей сохранности, на самомъ же дѣлѣ мы этого не находимъ: изображенія крестовъ также неясны, какъ и прежнія; лучше было бы замѣнить ихъ типами новыми, а таковыхъ есть еще очень много.

Первая таблица занята крестами, принадлежащими В. Б. Антоновичу. Отмѣтимъ по рѣдкости и оригинальности крестъ подъ № 1, украшенный разноцвѣтной эмалью (а не мозаикой, какъ сказано въ «Описаніи» г. Леопардова); къ сожалѣнію, у этого креста—энколпіона сохранилась только одна сторона. Далѣе слѣдуетъ крестъ № 2, т. н. корсунскій; онъ каменный съ серебряными обложками на верхнемъ и нижнемъ концѣ. По отношенію къ кресту подъ № 8 напрасно г. Леопардовъ говоритъ, что «надписаніе» въ верхней части креста, «изъ неизвѣстныхъ буквъ». Даже на довольно неясномъ снимкѣ отчетливо видны буквы I C изъ надписи I C—X C. Изображенія, совершенно аналогичныя кресту за № 11, уже были четыре раза помѣщены въ первыхъ выпускахъ «Сборника». Здѣсь интересно прослѣдить, съ какой легкостью г. Леопардовъ мѣняетъ свои прежнія заключенія въ опредѣленіи времени крестовъ, выведенныя «на основаніи данныхъ, имѣющихся въ рукахъ»; напр., крестъ за № 11 отнесенъ къ X—XI в., въ первомъ вып. совершенно такой же крестъ—къ XII в. (табл. 4, № 29), во второмъ вып.—къ XIII в. (таб. 3, № 10) и тамъ-же другой такой же къ XIII—XIV в. (таб. 1, № 3). Легкость въ переходахъ поразительная! Всѣхъ крестовъ, принадлежащихъ В. Б. Антоновичу, издано 12 н., кромѣ того, еще одинъ небольшой образокъ.

Вторая таблица не представляетъ ничего заслуживающаго вниманія; на ней помѣщено 8 крестовъ, изъ которыхъ 3 въ тождественныхъ изображеніяхъ были изданы раньше; такъ, крестъ № 15 воспроизводится уже второй разъ и съ прежнимъ успѣхомъ:—изображеній на крестѣ совсѣмъ не видно. Г. Леопардовъ обращаетъ особенное вниманіе на этотъ крестъ и относитъ его «къ раннему времени христіанства» (здѣсь г. Леопардовъ высказался гораздо осторожнѣе, чѣмъ во II выпускѣ; тамъ этотъ крестъ прямо отнесенъ къ IV—V в.). Главнымъ основаніемъ такого заключенія для г. Леопардова послужили пальмовыя вѣтви, изображенныя по концамъ средокрестія; а такъ какъ пальмовая вѣтвь есть катакомбный знакъ побѣды, то, по мнѣнію г. Леопардова, и крестъ этотъ первыхъ вѣковъ христіанства. Но г. Леопардовъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство, а именно—мѣсто находки креста. Крестъ найденъ на Княжей Горѣ, черкасск. у., гдѣ также найдена масса другихъ крестовъ, изъ которыхъ многіе по

Библиотека "Руниверс"

типу близко подходятъ къ данному; кресты эти относятся къ XI—XII (съ этимъ согласенъ и г. Леопардовъ); почему же именно этотъ одинъ крестъ старше другихъ на цѣлыхъ 7 вѣковъ? Фактъ довольно загадочный, и сомнительно, чтобы его удовлетворительно могли объяснить «данныя, имѣющіяся въ рукахъ» у г. Леопардова. На этой же таблицѣ крестъ № 18, отнесенный г. Леопардовымъ къ XII, совершенно одинаковъ съ крестомъ изъ перваго выпуска, гдѣ онъ отнесенъ къ X—XI в. (таб. 4, № 25), и притомъ оба креста найдены въ одной мѣстности—въ Княжей Горѣ. Тоже самое нужно сказать и о крестѣ № 21. Онъ датированъ довольно неопредѣленно, какъ «произведеніе до XIII в.», во второмъ же выпускѣ (таб. 4, № 8) такой же крестъ отнесенъ къ IX—X в. Эти оба крестика также съ Княжей Горы. Въ описаніи крестовъ второй таблицы очень ясно обнаруживается, что г. Леопардовъ при опредѣленіи времени крестовъ положительно ни на чемъ не основывается. Это очевидно изъ того, что на одной и той же страницѣ (3 й) одни и тѣ же кресты пріурочены къ совершенно разнымъ эпохамъ; такъ, крестъ подъ № 18 отнесенъ къ XII в., крестъ за № 19—къ XI—XII в., крестъ № 21—«произведеніе до XIII в.», и тутъ же, въ примѣчаніи, всѣ эти кресты оказываются «несомнѣнно близкими къ первымъ временамъ христіанства». И нужно знать, что здѣсь дѣло идетъ не о первыхъ временахъ христіанства въ Россіи, а вообще. Мы положительно отказываемся чѣмъ-нибудь объяснить эту быструю перемѣну взглядовъ.

На *третьей* таблицѣ отмѣтимъ образъ, на которомъ Іисусъ Христосъ изображенъ прямо, высокимъ рельефомъ; на оборотной сторонѣ образа есть годъ—1693. Кресты подъ №№ 23 и 24, воспроизведенные на этой таблицѣ, отчасти напоминающіе энколпіоны, но не составные, а сплошные, мы относимъ къ типу переходному (какъ это высказали уже раньше), а потому не можемъ принять опредѣленія г. Леопардова, который крестъ за № 23 относитъ къ XII—XIII в. Изъ двухъ небольшихъ образковъ, помѣщенныхъ на этой таблицѣ, интересенъ, какъ болѣе древній, за № 29. Три креста (№№ 25, 26, 27), какъ сравнительно болѣе новые и обыкновенныхъ типовъ, не представляютъ ничего особеннаго.

Таблица *четвертая* заключаетъ 3 образка, тоже болѣе или менѣе новыхъ, и 6 оборотныхъ изображеній древнихъ крестовъ.

На *пятой* таблицѣ помѣщенъ большой медальонъ иностранной работы 1536 г. съ распятіемъ на одной сторонѣ и изображеніемъ Адама, Евы и дерева съ зміемъ на другой. Тутъ же воспроизведено

Библиотека "Руниверс"

нѣсколько крестиковъ изъ Дрогичина и Херсонеса, причемъ между крестиками изъ Дрогичина помѣщена также пряжка или украшеніе отъ пояса, которую г. Леопардовъ считаетъ крестикомъ.

На таблицѣ *пятой а* находятся изображенія двухъ крестовъ, маленькаго крестика—тѣльника, двухъ болѣе новыхъ образковъ и образка съ изображеніемъ Божьей Матери, на оборотной сторонѣ котораго вылитъ т. н. змѣевикъ. Одинъ изъ крестовъ—№ 36, типъ котораго «ранній, предшествовавшій XII в.», совершенно сходенъ съ двумя воспроизведенными раньше, причемъ во второмъ вып. «Сборника» такой крестъ значится относящимся къ IX—X в. (таб. 4, № 9) а въ первомъ—«ко времени до XIII в.» Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же крестъ г. Леопардовъ считаетъ несомнѣнно близкимъ къ первымъ вѣкамъ христіанства (стр. 3, примѣчаніе). Такъ какъ здѣсь уже пальмовыхъ вѣтвей нѣтъ, то обстоятельствомъ, убѣждающимъ г. Леопардова въ такой замѣчательной древности креста, служитъ изображеніе Христа въ особаго рода одеждѣ; но насколько такой признакъ убѣдителенъ, объ этомъ легко заключить, сопоставивши этотъ крестъ съ другимъ крестомъ, помѣщеннымъ въ этомъ же выпускѣ на таблицѣ 2-й подъ № 16,—крестомъ, гораздо болѣе новымъ, который самъ г. Леопардовъ относитъ къ XVI—XVII в. Какъ на томъ, такъ и на другомъ одежда на Спасителѣ совершенно одинаковая.

Относительно «Описаній» и «Объясненій» г. Леопардова замѣтимъ, что было бы гораздо полезнѣе для «Сборника», если бы эти описанія и объясненія ограничивались однимъ указаніемъ мѣста, откуда происходитъ данный крестъ или образокъ, вмѣстѣ съ упоминаніемъ объ обстоятельствахъ находки.

Слѣдующій и самый интересный отдѣлъ «Сборника» составляютъ двѣ фототипическія и одна литографическая таблицы древнѣйшихъ русскихъ монетъ, найденныхъ главнымъ образомъ въ Кіевѣ. Цѣнность этихъ таблицъ заключается въ томъ, что многія изъ монетъ издаются впервые, другія же хотя и были изданы раньше, но теперь воспроизводятся съ экземпляровъ лучшей сохранности. Таблицы снабжены обстоятельными и вполнѣ научными замѣтками г. Чернева, извѣстнаго своими прежними работами по этой отрасли русской нумизматики. На таблицахъ мы находимъ два т. н. «Владимірова злата», изъ которыхъ одинъ подлинный, другой поддѣльный. Затѣмъ встрѣчаемъ двадцать «сребренниковъ» изъ замѣчательнаго клада, найденнаго въ 1876 г. въ Кіевѣ на Подолѣ. Г. Черневъ на основаніи новыхъ свѣдѣній дополняетъ тутъ же и исторію этого един-

Библиотека "Руниверс"

ственнаго въ своемъ родѣ клада. Кромѣ «сребренниковъ» изъ кіевскаго клада, помѣщены изображенія четырехъ «сребренниковъ» изъ клада близъ г. Нѣжина (1852 г.). Изданы также три рѣдкія монеты Петра I. На таблицѣ 8-й воспроизводятся и надписи на монетахъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя изъ монетъ вышли въ изданіи довольно неясно.

За этимъ отдѣломъ идутъ двѣ таблицы свинцовыхъ печатей и пломбъ съ объясненіями г. Леопардова. Но таблицы вышли такъ плохо, что, какъ ни всматриваешься, на большинствѣ снимковъ положительно ничего нельзя разобрать. Эти таблицы съ успѣхомъ можно было и не включать въ «Сборникъ».

Въ слѣдующей затѣмъ интересной статьѣ: «О происхожденіи и значеніи такъ называемыхъ змѣевиковъ» Н. Петровъ, сводя всѣ прежде высказанныя мнѣнія по поводу этихъ медальоновъ съ изображеніемъ змѣй, сближаетъ ихъ первоначальное возникновеніе, основываясь на греческомъ происхожденіи и цѣлебномъ значеніи ихъ, съ древне-греческимъ культомъ Асклепія или Эскулапа. Въ этой же статьѣ приведено описаніе трехъ новыхъ змѣевиковъ.

Въ статьѣ г. Чернева «О нѣжинскихъ сребренникахъ съ именемъ «Петръ» приводятся вполнѣ убѣдительныя данныя иконографическаго характера, подтверждающія мнѣніе автора, высказанное раньше (въ «Замѣтка о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ» помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ археологіи и исторіи» въ т. VI, гдѣ вопросъ разобранъ съ полеографической точки зрѣнія), что на одной группѣ монетъ изъ нѣжинскаго клада помѣщено изображеніе св. Апостола Петра, а не св. Георгія, какъ это полагалъ гр. И. Толстой въ своемъ трудѣ «Древнѣйшія монеты великаго княжества кіевскаго». Къ этой статьѣ приложена таблица съ византійскими эмалями и русскими монетами, временъ крестовыхъ походовъ съ изображеніемъ св. Петра.

Заключаетъ этотъ выпускъ «Сборника» статья Н. Леопардова «О славянахъ, какъ основателяхъ г. Дрогичина на р. Бугѣ (гродн. губ.)». Уже въ первомъ вып. «Сборника» г. Леопардовъ «высказалъ, какъ весьма вѣроятную догадку», что *«Дрогичинъ былъ мѣстомъ христіанской общины съ первыхъ вѣковъ нашей эры»* (курсивъ въ подлинникѣ). Въ настоящей статьѣ въ примѣчаніи онъ говоритъ: «эта догадка по настоящее время никѣмъ не опротестована и не опровергнута», а потому, мы доканчиваемъ мысль г. Леопардова,—она превратилась въ незыблемую истину. Теперь, продолжаетъ г. Леопардовъ, мы имѣемъ основаніе идти далѣе, именно, что въ Дорогичинѣ

Библиотека "Руниверс"

христіанская община того времени должна была состоять преимущественно изъ Славянъ». и т. д. «Основаніе» заключается въ сходствѣ изображеній на очень немногихъ свинцовыхъ торговыхъ пломбахъ, въ громадномъ количествѣ находимыхъ въ Дрогичинѣ, съ херсонесскими монетами. Замѣтимъ, что древность дрогичинскихъ пломбъ простирается, самое большее, къ XII—XIII в. Мы положительно недоумѣваемъ, куда дальше пойдетъ г. Леопардовъ въ своихъ догадкахъ, «никѣмъ не опротестованныхъ и не опровергнутыхъ», въ слѣдующемъ выпускѣ «Сборника»?

Въ заключеніе повторяемъ сказанное нами по поводу первыхъ двухъ выпусковъ. «Сборникъ» привнесетъ свою долю пользы въ цѣль разработки русской археологіи; жаль только, что среди научнаго матеріала, въ немъ попадаются статьи совершенно юмористическаго содержанія, какъ напр., послѣдняя статья г. Леопардова.

Н. Б.

«Český Lid» (Чешскій народъ. Прага. 1891 г.) 1891 г. (годъ I), кн. 1.

Къ изданіямъ, занимающимся собираніемъ всевозможныхъ данныхъ по народовѣдѣнію (folklore) и посильною разработкою ихъ, прибавился недавно еще одинъ собратъ по оружію: съ 15 сентября сего года (нов. стиля) начало выходить въ Прагѣ (чешской) повременное изданіе «Český Lid», посвященное народовѣдѣнію чешскаго племени, включая сюда, конечно, моравянъ и словаковъ. Такимъ образомъ заполняется наконецъ значительный пробѣлъ въ чешской наукѣ, особенно дававшій себя знать при сравненіи ея въ отношеніи народныхъ изученій съ другими славянскими, напр., русской (Этнографическое Обозрѣніе, Живая Старина) и польской (Wisła), отъ которыхъ чешская оказывалась значительно отставшей. Съ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе новаго собрата и желаемъ ему всяческаго преуспѣянія, что́, конечно, не замедлитъ и послѣдовать, такъ какъ ручательствомъ этой надежды служатъ почтенныя имена распорядителей изданія: д-ра Ч. Зиберта [1]), взявшаго на себя веденіе культурно-историческаго и этнографическаго отдѣловъ и особенно д-ра Любора Нидерле, преподавателя антропологіи въ пражскомъ чешскомъ уни-

---

[1]) Изъ его ученыхъ работъ заслуживаютъ особеннаго вниманія „Děiny kraje v zemich českých".

Библиотека "Руниверс"

верситетѣ, завѣдывающаго отдѣлами антропологическимъ и археологическимъ. Особенностью новаго изданія является то, что при каждой книгѣ его прибавляется содержаніе ея на двухъ языкахъ: чешскомъ и французскомъ, какъ международномъ; на французскомъ же языкѣ печатается на обложкѣ книжекъ и объявленіе объ изданіи (Le peuple tchèque) и производятся сношенія редакціи съ иностранными учеными и редакціями повременныхъ изданій.

Болѣе подробный отчетъ о новомъ изданіи мы предполагаемъ дать позже, когда появится еще нѣсколько книгъ его, съ помощью которыхъ можно будетъ точнѣе опредѣлить его, такъ сказать, физіономію и достоинства. Теперь же мы только укажемъ на существенное содержаніе вышедшей первой книги, чтобы читатели наши имѣли хотя какое-нибудь предварительное понятіе о ней. Вотъ важнѣйшія работы: перу извѣстнаго чешскоморавскаго этнографа Ф. Бартоша принадлежитъ начало статьи «Pověry a zvyky lidu moravskeho při hospodařství», въ которомъ приведены повѣрья и обряды при пастьѣ (pastva), касающіеся пастуха (pastýř), коровъ («aby se kravy ne trkaly», т. е. чтобы коровы не бодались, běhani, telení» и т. д.). Судя по этимъ повѣрьямъ, моравскіе селяне не особенно далеко ушли въ своемъ духовномъ развитіи отъ русскихъ....

Г-жа Тыршова помѣстила первую половину любопытной статьи о чешскихъ народныхъ вышивкахъ, представленныхъ на юбилейной земской выставкѣ чешскаго королевства, происходившей лѣтомъ сего года въ Прагѣ; статья снабжена нѣсколькими рисунками, свидѣтельствующими о довольно значительномъ уровнѣ, со стороны вкуса, художественнаго развитія чешскихъ селянъ. Особенно замѣчательнымъ кажется намъ прекрасный узоръ № 3 на пеленѣ (plena z okolí Králové hradeského), а также № 4 (Vyšívky z okolí Litomyšle a Vysokého Mýta). Далѣе укажемъ статьи: г. Кулы «O kroji lidu slovenského» (народный кроій словаковъ), любопытную по всѣмъ извѣстной своеобразности и живописности словацкаго наряда; г. Выкукала «Ze selské kuchyně», г. Гостинскаго «O naší světské písni lidové» и слѣдующія замѣтки »Lidové podání české o škytavce» [1]) (народн. чешск. предан.

[1]) Вотъ образцы повѣрій объ икоткѣ у чеховъ: 1) Kdy koli někdo u nas skytne, říkáme: Někdo si na nás vzpomíná (т. е. если кто у насъ икнетъ, мы говоримъ: Кто-то вспоминаетъ о насъ). 2) „Drži mne, chytla mne škytavka“ narika si někdo. Iiny radí: Napijse vody—ona te pustí. (т. е „Держитъ меня, схватила меня икотка—жалуется кто нибудь; другой на это ему совѣтуетъ: напейся воды—она, (т. е. икотка) тебя пуститъ).

Библиотека "Руниверс"

объ икотѣ). Изъ рисунковъ отмѣтимъ особенно тѣ, которые относятся къ статьѣ г. Кулы, напр. «Slovenka v rubaši», «Skupina lidi» (Собраніе людей) и др.

А. Степовичъ.

Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Вып. I. Слово о полку Игоревѣ: 80 стр. Цѣна 30 к. Вып. II. Домострой Сильвестровскаго извода. Изд. И. Глазунова. Спб. 1891 г. 132 стр. Ц. 45 коп.

Издатели задались прекрасною мыслію доставить учащимся возможность самостоятельнаго и притомъ толковаго и обстоятельнаго изученія важнѣйшихъ памятниковъ какъ русской, такъ и иностранной словесности, древней и новой, даже новѣйшей; издавая текстъ этихъ памятниковъ по лучшимъ изводамъ, они стараются при этомъ снабдить его необходимыми для полнаго пониманія объяснительными примѣчаніями, иногда (какъ при изданіи Домостроя) матеріалами для сравнительнаго изученія памятника, словаремъ, если по языку онъ оказывается неудобопонятнымъ для современнаго даже образованнаго читателя, своеобразными рисунками, взятыми изъ рукописей и т. п. Наиболѣе занимающій насъ выпускъ I состоитъ изъ подлиннаго текста «Слова о полку Игоревѣ», съ выдержаннымъ правописаніемъ, принятымъ у Буслаева и очень пригоднымъ въ педагогическомъ отношеніи. Кромѣ текста и буквальнаго прозаическаго переложенія его на современный книжный языкъ, принадлежащаго М. А. Максимовичу, приложены: наиболѣе характерныя стихотворныя переложенія «Слова», расположенныя такъ, что соотвѣтствуютъ всему содержанію памятника, изложеніе содержанія «Слова», сдѣланное Н. М. Карамзинымъ, отрывки изъ Ипатьевской и Лаврентьевской лѣтописей о походѣ князя Игоря на половцевъ и о походѣ русскихъ князей на половцевъ, и исторія текста «Слова», двѣ статьи о «Словѣ» (Барсова и Стоюнина), стилистическія и грамматическія особенности «Слова» и, наконецъ, Словарь. Изъ этого перечня читатель можетъ видѣть, какъ заботливо сдѣлано изданіе и какъ умѣло оно вводитъ учащагося въ область болѣе или менѣе строгаго и научнаго, а не бѣглаго и поверхностнаго, изученія предмета... Вотъ почему нельзя отъ всей души не привѣтствовать этой симпатичной попытки и не пожелать ей успѣшнаго продолженія и окончанія.

Библиотека "Руниверс"

Съ внѣшней стороны изданіе отличается замѣчательнымъ изяществомъ и чистотою; на обложкѣ помѣщено изображеніе графа А. И. Мусина-Пушкина, открывшаго, какъ извѣстно, «Слово о п. Иг.», а вообще къ книгѣ приложена отдѣльная картинка, изображающая горюющую Ярославну въ довольно вѣрной исторической обстановкѣ.

Издатели обѣщаютъ выпустить 50 книжекъ, въ которыхъ будутъ помѣщены, наприм., такія произведенія и писатели, какъ Нибелунги, Калевала, Дантъ, Рабле, Вильгельмъ Мейстеръ Гете, Лессингъ, Байронъ, Мильтонъ, Сервантесъ, Гамлетъ Шекспира, Шиллеръ, Тургеневъ, Гончаровъ и пр. и пр.

А. Степовичъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы—11. Сѣверный Вѣстникъ—11. Наблюдатель—11. Русское Обозрѣніе—11. Русская Мысль—11. Русскій Архивъ—11. Русскій Вѣстникъ—11. Историческій Вѣстникъ—11. Русская Старина—11.

Русская Мысль XI. Вс. Милеръ. Экскурсы въ область русскаго Эпоса продолженіе). Выясненіе типа Ильи Муромца и черты сходства его съ героями иранскаго эпоса; предположеніе о древнѣйшемъ происхожденіи былины изъ Черниговщины.—(Стр. 65—91).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ: краткій отзывъ о книгѣ Улейхикова: «еврейскія земледѣльческія колоніи екатеринославской губерніи.

Русскій Архивъ XI. Походныя замѣтки Н. А. Обнинскаго. Авторъ,—ополченецъ Крымской компаніи 1855—56 г.,—прошелъ съ своей дружиной по дорогѣ въ Крымъ всю Малороссію туда и обратно, рисуетъ черты нравовъ малороссіанъ и ихъ радушное гостепріимство (стр. 337, 349—366, 383, 408—411).

Русскій Вѣстникъ XI. Липранди. «Чешская колонизація на Волыни». Хозяйство, бытъ и занятія чеховъ на Волыни и распространеніе между ними православія (стр. 136—144).

Въ отдѣлѣ: новости литературы—краткій отзывъ о «Подоліи» Батюшкова (стр. 328—329).

Историческій Вѣстникъ XI. Барановъ. Бѣлогорскій Панъ. Трагическій эпизодъ изъ жизни богатыхъ южно-русскихъ пановъ въ старое крѣпостное время (стр. 359—368).

Поповъ. Изъ воспоминаній стараго кавалериста. Время провожденія и (развлеченія офицеровъ въ захолустьи Малороссіи въ 40-хъ годахъ (стр. 369—387).

Библиотека "Руниверс"

Эварницкій. Раскопки кургановъ въ бассейнѣ рѣкъ Орели и Самари. Результаты раскопокъ нѣсколькихъ кургановъ, произведенныхъ авторомъ въ области между лѣвыми притоками Днѣпра—Орелью и Самарью (стр. 440—449).

Въ отдѣлѣ критики: изложеніе книги: «Russes et Slaves. Louis Leger. въ которой авторъ въ двухъ первыхъ статьяхъ книги касается вопроса объ образованіи русской національности на основаніи между прочимъ Несторовой лѣтописи и разсматриваетъ нѣкоторые памятники первыхъ вѣковъ литературы, какъ лѣтопись Нестора, Слово о полку Игоревѣ и др. (стр. 504—508).

Тамъ же краткій отзывъ о 5-й книгѣ чтеній въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца съ указаніемъ на статьи Соболевскаго, Дашкевича, Левицкаго, Лазаревскаго и мн. др. (стр. 508—509).

Тамъ же отзывъ о 5-мъ выпускѣ литературно-научнаго приложенія къ «Харьковскому календарю», наполненнаго статьями (Багалѣя, Мезенцева, Краснова и др.), касающимися Слободской Украины (стр. 510—511).

Въ отдѣлѣ смѣси: Присужденіе наградъ графа Уварова. Между прочими почетнымъ отзывомъ награжденъ Каманинъ за свой извѣстный трудъ: статистическія данныя о евреяхъ въ юго-западномъ краѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка (стр. 545—546).

Русская Старина XI. Дневникъ А. В. Никитенко. Подъ 25 ноября 1867 г. отмѣчено, что авторъ читалъ отрывки своихъ записокъ Костомарову, которому повидимому понравилось читанное (ст. 444—445).

Библиотека "Руниверс"

Къ рисунку.

Въ № 2-мъ 1890 года „Кіевская Старина“ начала помѣщать рисунки изъ альбомовъ Т. Г. Шевченка, хранящихся въ богатомъ собраніи южно-русскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Помѣстивъ тогда 4 рисунка, редакція дала обѣщаніе постепенно отпечатать и всѣ остальные, благодаря любезности владѣльца, предоставившаго эти альбомы въ полное распоряженіе редакціи. До сихъ поръ помѣщено было 8 рисунковъ: 1) Видъ главнаго храма Густынскаго монастыря до обновленія его; 2) Брама съ церковью св. Варвары въ Густынскомъ монастырѣ; 3) Трапезная церковь въ Густынскомъ монастырѣ; 4) Чигиринъ съ Суботовскаго шляху (1890 г. № 2); 5) Село Андруши (1890 г. № 6); 6) Богданова церковь въ Суботовѣ (1890 г. № 9); 7) Церковь Архистратига Михаила въ Переяславѣ (1891 г. № 2); 8) Покровская церковь въ Переяславѣ (1891 г. № 3). Теперь прилагаемъ 9-ый рисунокъ, изображающій „Комору въ селѣ Потокахъ“. Это—старосвѣтская постройка въ полтора этажа, довольно оригинальной архитектуры. Такъ-какъ рисунокъ этотъ находится въ альбомѣ 1844 года, то нужно думать, онъ явился результатомъ впечатлѣній, полученныхъ Т. Г. Шевченкомъ при поѣздкѣ его въ этомъ году къ брату Никитѣ въ с. Кириловку, при чемъ могъ онъ по дорогѣ побывать и въ с. Потокахъ. Впрочемъ, это послѣднее предположеніе вѣрно только въ томъ случаѣ, если признать, что этотъ рисунокъ относится къ селу *Потокамъ* (оффиціальн.—*Потокъ*), находящемуся въ каневскомъ у. въ 30 верстахъ отъ города, и составляющему одно изъ крупныхъ владѣній Я. В. Тарновскаго. Кромѣ этого села даннаго имени,

Библиотека "Руниверс"

есть у насъ въ Малороссіи, насколько намъ извѣстно, еще два села того-же названія, изъ которыхъ одно (собственно—мѣстечко) находится въ кременчугскомъ у. при р. Пслѣ, а другое—въ подольск. губ. въ винницк. у. Послѣднее безусловно, кажется, можно въ данномъ случаѣ исключить, а изъ двухъ остальныхъ большее вѣроятіе падаетъ на Потоки каневскаго уѣзда, хотя окончательное рѣшеніе этого вопроса предоставляемъ лицамъ, ближе насъ знакомымъ съ темами рисунковъ изъ альбома Т. Г. Шевченка.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1892 ГОДУ

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки 8 р.	съ пересылкой въ другіе города 9 р
съ достав. въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 к.	за границей . . . . . 12 р

отдѣльно книга журнала 2 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **Рѣшенія Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената**, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 р. 50 к.

Рѣш. кас. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны сумма. Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ кас. рѣш. 9 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Анисимова рядомъ съ Публичною Библіотекою, Мартынова, Б. Морская, 30 и Чичинадзе, Невскій, 57; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи.

Библиотека "Руниверс"

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 1890 и 1891 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою. —2—

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

Газета общественная, политическая и литературная

Выходитъ ежедневно:

Программа газеты: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“. V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“. VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края“. и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. XVIII. Сторонніе сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ, имѣющія отношенія къ текущимъ событіямъ.

Подписная цѣна:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки.	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногородн.	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей. Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

—2— Редакторъ-Издатель **А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.**

Библиотека "Руниверс"

1892 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1892 г.

НА

„ВОЛЫНЬ“,

газету политическую, литературную и общественной жизни.

Годъ четырнадцатый съ будущаго 1892 года „ВОЛЫНЬ“ будетъ выходить по прежнему ЕЖЕДНЕВНО, за исключеніемъ воскресныхъ и послѣ праздничныхъ, дней по прежней программѣ.

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи, 2) Телеграммы. 3) Городская хроника, 4) Хроника Волыни и Западнаго Края; текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ по остальной Россіи, 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ, 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія 10) Биржевыя свѣдѣнія, 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій и 13) фельетонъ.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ, въ конторѣ редакціи, б.-Бердичевская ул. домъ Духовнаго училища.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

12 м. р. 11 м. 4 р. 75 к. 10 м. 4 р. 40 к 9 м. 4 р. 8 м. 3 р. 50 к. 7 м. 3 р 6 м. р. 60 к. 5 м. 2 р. 10 к. 4 м. 1 р. 80 к. 3 м. 1 р. 50 к. 2 м. 1 р. 1 м 75 к.

Издатель *И. И. Коровицкій.* Редакторъ *К. И. Коровицкій.*

—2—

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

безъ предварительной цензуры

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“.

Основная задача газеты—оставаться вѣрной своему названію, т. е. посвящать свои силы возможно полному изученію нуждъ родной земли.

Подписная цѣна для иногородныхъ съ пересылкой:

на годъ—9 руб., полгода—5 руб., три мѣсяца—3 руб., одинъ мѣсяцъ—1 рубль. Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Библиотека "Руниверс"

Новымъ подписчикамъ, которые внесутъ до ноября мѣсяца полную подписную сумму за годъ, „РУССКАЯ ЖИЗНЬ“ за ноябрь и декабрь текущаго года будетъ высылаться БЕЗПЛАТНО. Полугодовымъ подписчикамъ газеты будетъ высылаться безплатно лишь за декабрь мѣсяцъ.

Лицамъ, желающимъ ознакомиться съ „РУССКОЙ ЖИЗНЬЮ“, газета высылается въ теченіе мѣсяца за шесть семикопѣечныхъ марокъ.

Требованія на газету адресуются:

Въ С.-Петербургъ, въ контору „Русской Жизни“, Невскій пр., д. 65.

— 3 — Редакторъ-Издатель *А. Пороховщиковъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

на еженедѣльный иллюстрированный популярно-научный журналъ для семейнаго чтенія

„ПРИРОДА и ЛЮДИ“.

Подписной годъ съ 1 ноября 1891 г. по 1 ноября 1892 г.

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НОМЕРА. Каждый № украшенъ 8—12 рисунками первоклассныхъ иллюстраторовъ и содержитъ въ себѣ 6—8 большихъ статей: популярно-научныхъ очерковъ по всѣмъ отраслямъ естествознанія, разсказовъ изъ путешествій и жизни различныхъ народовъ, живописныхъ очерковъ и картинъ чудесъ природы, біографій ученыхъ, путешественниковъ и изобрѣтателей, романовъ, повѣстей и разсказовъ и т. д., и т. д. Кромѣ того, въ каждомъ № помѣщается масса мелкихъ замѣтокъ о новѣйшихъ путешествіяхъ, изобрѣтеніяхъ, открытіяхъ въ области естественной науки, полезныхъ совѣтовъ и рецептовъ, научныхъ развлеченій и занятій и пр.

Въ будущемъ году въ журналѣ будутъ помѣщены: „Картины изъ жизни первобытнаго человѣка“—д-ра А. В. Елисѣева, съ ориг. иллюстраціями А. М. Котляревскаго, статьи о свѣтящихся растеніяхъ и животныхъ, о пигмеяхъ, о дикаряхъ-землеѣдахъ, о предкахъ нашихъ животныхъ (съ рисунками, изображающими сцены изъ жизни вымершихъ животныхъ), о падающихъ звѣздахъ, о прошедшемъ и будущемъ нашей планеты, о кровавомъ дождѣ, „Въ Новый Свѣтъ“—большой разсказъ В. Ю. Дружинина, иллюстрированный худ. А. А. Наумовымъ, „Японія и японцы“—послѣднее произведеніе † путешественника П. И. Пашино, „Индійскіе кудесники“—разсказъ В. П. Желиховской, „Месть шамана“—разсказъ В. Я. Максимова, „За святую Русь“—историч. романъ Е. Ѳ. Шрекника и мн. др.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ, которыя составятъ великолѣпный альбомъ подъ общимъ заглавіемъ:

„ПРИРОДА и ЛЮДИ РОССІИ“.

Альбомъ будетъ состоять изъ 48 (по 4 ежемѣсячно) фототипическихъ снимковъ съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ: И. К. Айвазовскаго, проф. А. П. Боголюбова, В. А. Голынскаго, акад. Ѳ. Ѳ. Горшельта, В. Г. Казанцева,

Библиотека "Руниверс"

акад А. Д. Кившенко, Г. П. Кондратенко, А. И. Куинджи, проф А. Ф. Лагоріо, проф. А. И. Мещерскаго, акад. И. Е. Рѣпина, Н. А. Сергѣева, † акад. Р. Г. Судковскаго, акад. П. А. Черкасова, акад. И. И. Шишкина и мн. др

Снимки будутъ отпечатаны на слоновой бумагѣ въ форматѣ журнала, выполненіе ихъ поручено фототипу Императорской Академіи Художествъ В. И. Штейну.

Въ качествѣ оригиналовъ редакція получила разрѣшеніе воспользоваться картинами, находящимися во дворцѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, въ Императорскомъ Эрмитажѣ и Картинной Галлереѣ Императорской Академіи Художествъ.

При первомъ выпускѣ альбома (въ ноябрѣ мѣсяцѣ) всѣмъ подписчикамъ будетъ БЕЗПЛАТНО разослана художественно исполненная обложка изъ бристольскаго картона.

Цѣна журнала со всѣми приложеніями, съ пер. и дост., на годъ 5 ру

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1-му апрѣля 2 руб. и къ 1-му іюля—1 рубль.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 47.

— 2 — Редакторъ *С. Груздевъ*. Издатель *П. Сойкинъ*.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НА 1892 ГОДЪ.

Въ **Ученыхъ Запискахъ** помѣщаются

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ, знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Библиотека "Руниверс"

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

—1— Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

Открыта подписка на 1892 годъ

(третій годъ изданія)

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ 1892 году журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 30 листовъ. „Русское Обозрѣніе“ будетъ издаваться по прежней программѣ, при сотрудничествѣ слѣдующихъ лицъ:

Н. Д. Ахшарумовъ, кн. М. Н. Волконскій, П. И. Вейнбергъ, В. П. Клюшниковъ, М. В. Крестовская, Котъ Мурлыка, гр. А. А. Кутузовъ, К. Н. Леонтьевъ, Н. С. Лѣсковъ, Е. Л. Марковъ, К. Орловскій, Я. П. Полонскій, гр. Е. А. Саліасъ, А. А. Смирновъ, Д. И. Стахѣевъ, А. Стернъ, А. А. Фетъ, А. П. Чеховъ, П. П. Шатохинъ, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій), П. В. Безобразовъ, Л. В. Бертенсонъ, А. А. Борзенко, Н. П. Вагнеръ, С. Васильевъ, А. Н. Весоловскій, А. И. Воейковъ, Л. Н. Вороновъ, Георгіевскій, Н. М. Горбовъ, В. А. Гримгмутъ, Н. Я. Гротъ, И. П. Дубасовъ, Н. Ю. Зографъ, Н. Д. Кашкинъ, А. А. Кирѣевъ, Н. А. Любимовъ, Л. Н. Майковъ, А. И. Незеленовъ, Э. Л. Радловъ, С. А. Рачинскій, В. И. Сафоновъ, В. В. Святловскій, Вл. С. Соловьевъ, М. П. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ, Бретъ-Гартъ (Bret-Harte) Dr. H. Brundhofer, П. Бурже, (Paul Bourget), М. де-Вогюэ (Melchior de Vogüé), Г. Вельшингеръ, (Henri Welschinger), П. Леруа-Больэ (Paul Leroy-Beaulieu), Э. Гартманъ (Eduard von Hartmann), Ж. Симонъ (Jules Simon), В. Стэдъ (William Stead) и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ.	За подгода.
Съ пересылкой и доставкой во всѣ города Россійской Имперіи	15 р. 50 к.	8 рук. — коп.
За границу.	19 „ —	10 „ — „

Отдѣльные №№ продаются въ конторѣ журнала по 1 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Тверской бульв., д. Зыкова, № 46, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

При подпискѣ въ конторѣ журнала допускается разсрочка подписной платы по полугодіямъ и четвертямъ года. — 2 —

Библиотека "Руниверс"

Вниманію родителей и педагоговъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 Г.

НА ОБЩЕ-ПЕДАГОГИЧЕСКУЮ ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ

ГАЗЕТУ

„ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ."

Въ изданіи участвуютъ слѣдующія лица, извѣстныя своею дѣятельностію въ ученомъ, педагогическомъ и литературномъ мірѣ:

К. К. Абаза, Я. В. Абрамовъ, Н. Н. Блиновъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, проф. П. И. Вейнбергъ, Е. Н. Водовозова, проф. Н. Я. Гротъ. Ѳ. И. Егоровъ, К. В. Ельницкій, Л. Д. Журавлевъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, Е. И. Конради, (изъ Парижа), С. Н Кулябка, Б. Э. Кетрицъ, проф. П. Ф. Лесгафтъ, В. Н. Макъ-Гаханъ (Нью Іоркъ), В. В. Михайловъ, П. А. Нагель, А. П. Налимовъ, М. В. Овчинниковъ, В. Н. Острогорскій, М. Л. Песковскій, В. О. Португаловъ, А. С. Пругавинъ, А. С. Селивановъ, Д. Д. Семеновъ, проф. И. П. Скворцовъ, М. М. Соколова, А. Ф. Соколовъ, А. Т. Соловьевъ, Е. Н. Тихомирова, Д. И. Тихомировъ, В. Г. Турчаниновъ, (изъ Христіаніи), И. Ф. Федоровскій, И. О. Фесенко, В. А. Хавкинъ, (въ Парижѣ), Е. И. Челпановъ, В. Н. Чеховъ, Х. Х. Цивкъ, проф. В. И. Шерлць, и мн. другіе.

Вышеприведенныя имена гг. сотрудниковъ говорятъ сами за себя.

Форматъ изданія будетъ увеличенъ вдвое и внѣшній видъ его будетъ значительно улучшенъ, безъ повышенія подписной платы.

Въ пользу голодающихъ Редакція жертвуетъ 2% со всей подписной суммы, поступившей до 1 февраля 1892 г.

Подробный проспектъ на 1892 г. высылается по требованію безплатно.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою на годъ 5 р.; полгода—3 р.; 3 мѣсяца—2 р.; для начальныхъ школъ, учителей и духовныхъ лицъ—4 р. на годъ; 2 р. на 6 м.; 1 р. на 3 м. и 40 к. на 1 м. и за границу 6 р.

Съ новаго 1892 года, при конторѣ „Школьнаго Обозрѣнія", въ Москвѣ, открывается складъ народныхъ книгъ и картинъ, учебниковъ, сочиненій по всѣмъ отраслямъ знанія, русскихъ и иностранныхъ, учебныхъ пособій—картъ, глобусовъ и пр.

Адресъ конторы редакціи: Москва, Тверской бул., д. бар. Шеппенгъ, въ контору редакціи газеты „Школьное Обозрѣніе".

—2— Редакторъ издатель *П. И. Гусаренко.*

Объ изданіи въ 1892 году

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Универси.

Библиотека "Руниверс"

тету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1) Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2) Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3) Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонніхъ слушателей.

4) Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5) Программы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.

6) Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.

7) Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой ученой административной и хозяйственной части Университета.

8) Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9) Годичные отчеты по Университету.

10) Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11) Разборы дисертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя дисертаціи.

12) Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13) Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей

14) Ученые труды преподавателей и учащихся.

15) Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

„Университетскія Извѣстія“ въ 1892 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 15 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ извѣстій безъ пересылки шесть руб. пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета св. Владиміра платятъ за годовое изданіе „Университетскихъ Извѣстій“ 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. Иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета св. Владиміра.

— 2 — Главный редакторъ *В. Иконниковъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ“

НОВЫЙ, СПЕЦІАЛЬНЫЙ, БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Программа изданія:

I. Библіографія. Памятники древней письменности и печатныя произведенія русской и иностранной литературы, представляющія матеріалъ для библіографіи.—Библіографическія монографіи по научнымъ и литературнымъ вопросамъ.—Библіо-

Библиотека "Руниверс"

графія сочиненій русскихъ и иностранныхъ писателей. — Исторія библіографіи.— Біографіи и некрологи библіографовъ, библіофиловъ и ревнителей просвѣщенія.— Обозрѣніе общественныхъ и частныхъ книгохранилищъ, библіотекъ и архивовъ въ Россіи и за границею. — Обозрѣніе монастырскихъ и церковныхъ книгохранилищъ въ Россіи.—Описаніе древнихъ манускриптовъ, старопечатныхъ и рѣдкихъ русскихъ книгъ, гравюръ, картъ и т. п.

II. Критика. Отзывы ученыхъ учрежденій и обществъ о произведеніяхъ печати

III. Книжное дѣло. Типографское, издательское и книжноторговое дѣло, его прошлое и настоящее.—Обозрѣніе дѣятельности и успѣховъ въ литографскомъ, граверномъ, фотографическомъ и другихъ искусствахъ, имѣющихъ отношеніе къ печати.

IV. Извѣстія и замѣтки—о различныхъ событіяхъ и случаяхъ въ книжномъ мірѣ; о дѣятельности ученыхъ обществъ, о съѣздахъ, ученыхъ экспедиціяхъ и т. п. Протоколы засѣданій ученыхъ обществъ.

V. Смѣсь. Мелкія замѣтки, имѣющія отношеніе къ книжному дѣлу и библіографіи

Вопросы и отвѣты по библіографіи.

Приложенія: 1) Капитальныя изслѣдованія по библіографіи. 2) Лѣтопись русскаго книгопечатанія: распоряженія Правительства по дѣламъ печати, списокъ русскихъ книгъ и указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ за истекшій мѣсяцъ, rossica. 3) Книжныя новости антикварнаго магазина П. Шибанова и другихъ книгопродавцевъ.

Иллюстраціи въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ: портреты, рисунки, снимки съ рукописей, книгъ, гравюръ, древнихъ картъ и т. п.

Объявленія о книгахъ и предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ печати.

Журналъ будетъ выходить съ начала 1892 г., ежемѣсячно (каждое 15-е число), книжками in 8°, въ размѣрѣ отъ 4-хъ до 8-ми печатныхъ листовъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ доставкой и пересылкою . . . . . 6 р. — к.
За границу. . . . . 7 р. — к.

На другіе сроки подписка не принимается.

Цѣна нумера въ отдѣльной продажѣ. . . . . — р. 75 к.
Кромѣ того для любителей будетъ печататься 50 нумерованныхъ экземпляровъ на лучшей бумагѣ. Цѣна такому годовому изданію съ доставкой и пересылкой . . . 15 р. — к.

Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ редакціи (Москва, Петровская линія, Антикварная книжная торговля П. Шибанова), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы. Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ Москву въ главную контору редакціи.

 Редакторъ *А. Н. Соловьевъ*. Издатель *П. П. Шебановъ*.

Открыта подписка на 1892 г. (66-й годъ изданія)

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

газета политическая, литературная, экономическая и коммерческая.

Выходитъ ЕЖЕДНЕВО, не исключая понедѣльниковъ

Въ „Одескомъ Вѣстникѣ“ ежедневно помѣщаются:

1) Телеграммы общія.
2) Телеграммы коммерческія.
3) Переховыя статьи по внутренней и иностранной политикѣ.

Библиотека "Руниверс"

4) Газетное обозрѣніе.
5) Маленькая хроника (фельетон. замѣтки на злобы дня).
6) Внутреннія извѣстія.
7) Иностранныя извѣстія.
8) Мѣстная хроника (одесская и южнорусскаго края).
9) Корреспонденціи (русскія и загран.)
10) Искусство и литература.
11) Судебная хроника (общихъ и военныхъ судовъ).
12) Отголоски (летучія замѣтки по разнымъ предметамъ).
13) Смѣсь.
14) Фельетонъ (литературный, научный, бѣллетристическій и другія).
15) Торговыя свѣдѣнія.
16) Справочный отдѣлъ.

Для иллюстраціи статей объ особо выдающихся лицахъ или фактахъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ печатаются портреты и рисунки, относящіеся къ событіямъ дня.

Условія подписки

для иногородныхъ съ пересылкой и въ Обессѣ съ доставкой:

на 12 мѣсяцевъ . . . . . 12 р. — к.
„ 6 „ . . . . . 7 р. — к.
„ 3 „ . . . . . 3 р. 75 к.

Всѣ новые подписчики „Одескаго Вѣстника“ на 1892 г., подписавшіеся на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ, получатъ, и всѣ номера за 1891 годъ, со дня поступленія подписки.

Кредитъ допускается: для частныхъ лицъ по соглашенію съ Главной Конторой, а для лицъ, служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ за поручительствомъ ихъ казначеевъ.

Разсрочка подписной платы допускается для годовыхъ подписчиковъ: 1) по полугодіямъ съ платою по 6 руб. не позже 1 января и 1 Іюня; 2) по третямъ года по 4 руб.: не позже 1 января, 1 апрѣля и 1 Августа и 3) по четвертямъ года по 3 руб: не позже 1 января, 1 марта, 1 іюня, и 1 сентября.

Разсрочка даетъ возможность лицамъ съ ограниченными средствами уплачивать подписныя деньги частями безъ лишней приплаты противъ годовой цѣны.

Адресъ Редакціи и Главной Конторы: Одесса, уголъ Пушкинской и Полицейской д. Бассо. № 14.

— 2 — Редакторъ *М. Арнольдъ*. Издатель *В. Кирхнеръ*.

БИБЛІОГРАФЪ

1892. ИЗДАНІЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ **Годъ VIII**

(12 №№ въ годъ).

Ученымъ Комит. М ства Народн. Просв. рекомендованъ для основ. біобліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебныхъ Комит. при Св. Синодѣ одобренъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинаріи и училищъ.—По распоряженію Военно-Учебнаго Комитета помѣщенъ въ основной каталогъ для офицерскихъ бибіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; исторія, теорія и практика книговѣдѣнія: библіотечное, издательское и книжноторговое дѣло прежде и теперь; хроника книговѣдѣнія. Вопросы и отвѣты.

Библиотека "Руниверс"

Отд. 2 й (справочный). Лѣтописъ книгопечатанія: 1) каталогъ новыхъ книгъ, 2) указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ; 3) Rossica (указатель иностранныхъ сочиненій о Россіи); 4) правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 5) библіографическія извѣстія и объявленія.

Съ основанія „Библіографа въ немъ принимали участіе:

В. А. Алексѣевъ, И. Ѳ. Анненскій, А. И Барбашевъ, проф. Н. И. Барсовъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ Рюминъ, В. Ѳ. Боцяновскій. С. Н. Брайловскій, С. К. Буличъ, П. В. Быковъ, Е. А. Бѣловъ, Н. Н. Вакуловскій, А. Васильевъ, К. П. Галлеръ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, проф М. А. Дьяконовъ, І. І. Зингродзскій, К. А. Ивановъ, Е. П. Кавелина, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Колеко, М. А. Куплетскій, проф. А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. Ф. Леонтьевъ, И. А. Линниченко, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, акад. Л. Н. Майковъ, А. І. Малеинъ, В. И. Межовъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, А. Е. Молчановъ, И. Я. Морошкинъ, П. Н. Оглоблинъ, проф. С Ѳ. Платоновъ, Н. И. Позняковъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, Э. Л. Радловъ, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, А. Ѳ. Селивановъ, С. М Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, А. А. Титовъ, И. Ѳ. Токмаковъ, П. М. Устимовичъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, проф. Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи **5** р., за-границу **6** р.

отдѣльно нумеръ 50 к., съ перес. 60 к.

Плата за объявленія: страница—8 р.; ¾ стр.—6 р. 50 к.; ½ стран.—4. р. 50 к. ¼ стран.—2 р. 50 к.; ⅛ стран.- 1 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Подписка и объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38). и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжкахъ магазинахъ.—Гг. иногородніе подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

—2— Адресъ редакціи: Спб., Забалканскій (Обуховскій) просп., д. 7. кв. 13.

ЗАРЯ

большая иллюстрированная политическая, общественная и литературная газета

будетъ выходить съ 1-го января 1892 года по два раза въ недѣлю, въ объемѣ 2-хъ—3-хъ листовъ въ каждомъ №, съ рисунками, портретами и картинами, съ ежемѣсячными литературными и художественными приложеніями.

Цѣль изданія—соединить въ себѣ политическую газету и литературный журналъ. Въ ежедневныхъ газетахъ читатели получаютъ массу сыраго матеріала, въ которомъ не легко разобраться, въ особенности вслѣдствіе постоянно встрѣчающихся противорѣчій. Общественная и политическая жизнь приняла сложныя формы

Библиотека "Руниверс"

и въ своемъ быстромъ теченіи осложняется все болѣе и болѣе; въ нее входятъ новые факторы, новыя силы, съ которыми уже приходится считаться. Въ настоящее время уже не любознательность, а необходимость требуетъ отъ каждаго гражданина оріентироваться въ томъ, что совершается въ его отечествѣ и въ мірѣ, и эта необходимость сознательнаго отношенія къ общимъ вопросамъ жизни становится все настоятельнѣе, все полнѣе, распространяется все далѣе и далѣе въ глубь народной массы.

Этими соображеніями выясняются задачи изданія, подобнаго газетѣ „ЗАРЯ“. Выполненіе этихъ задачъ—трудъ тяжелый, въ особенности у насъ, гдѣ печать поставлена въ совершенно исключительныя условія, являясь единственной почти выразительницей общественныхъ и народныхъ нуждъ. И мы не беремъ на себя смѣлости утверждать, что „ЗАРЯ“ всецѣло выполнитъ намѣченную нами программу Мы считаемъ достаточнымъ сказать, что „ЗАРЯ“ будетъ всѣми силами и средствами стремиться къ тому, чтобы внести въ жизнь русской семьи общечеловѣческія идеи правды, добра и красоты и ясное, сознательное, справедливое отношеніе ко всѣмъ выдвигаемымъ текущею жизнью вопросамъ. Говорить только правду, снимать маску со всякой лжи, ратовать противъ всякаго угнетенія, произвола и насилія, радоваться каждому проявленію свѣтлой мысли, свѣтлаго и честнаго чувства, всецѣло и беззавѣтно служить тому, чтобы приблизился часъ разсвѣта,—вотъ все, что мы можемъ обѣщать нашимъ читателямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на газету „ЗАРЯ“ со всѣми приложеніями,

съ пересылкой во всѣ города Россіи и доставкой:

НА ГОДЪ 6 РУБ., НА ПОЛГОДА 3 РУБ., НА 3 МѢСЯЦА 1 РУБ. 50 КОП.

Газета можетъ быть выслана съ наложеннымъ платежомъ, съ прибавленіемъ 30 коп. на почтовые расходы.

Допускается разсрочка платежа на всякихъ условіяхъ, которыя подписывающійся признаетъ для себя возможными.

За границу: на годъ—10 руб., на полгода—5 руб.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСУЮТСЯ: въ Главную Контору газеты „Заря“,—Москва, Петровка, домъ Кредитнаго Общества, при типографіи И. И. Родзевича. —2—

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ и разосланы подписчикамъ

31, 32, 33, 34 и 35 выпуски

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

изданія Т-ва А. ГАРБЕЛЬ и К° въ Москвѣ. Тверская, Б. Гнѣздниковскій пер., домъ Мартыновой.

Объясненіе словъ на букву **Д** окончено въ 35-мъ выпускѣ.
Наборомъ окончена и приготовлена къ печати буква **И**.
Подписка продолжается только до выхода 50 выпуска.
Отдѣльные выпуски продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ конторѣ имѣются для продажи еще слѣдующія изданія: Завоеваніе Алжира. Изъ жизни животныхъ, по 30 коп. съ пересылкой. Программы для среднихъ учебныхъ заведеній, сост. Горбуновъ—50 к. Временныя правила для волостныхъ судей, гдѣ введены Земскіе Начальники—по 50 коп.

Лицъ—желающихъ выписать словарь наложеннымъ платеж. контора и. ч. покорнѣйше проситъ высылать на почтовые расходы на 1 руб. почтовыхъ марокъ, кои зачтутся въ счетъ уплаты. — 1 —

Открыта подписка на 1892 годъ

на ежемѣсячный общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Въ теченіи 1891 года въ „Русской Школѣ" напечатаны между прочимъ слѣд. статьи: 1) Страничка изъ исторіи воспитанія въ Россіи конца прошлаго вѣка. Изъ воспоминаній А. П. Степанова; 2) Изъ моихъ школьныхъ воспоминаній А. А. Фета; 3) Забытый міръ (изъ пансіонскихъ воспоминаній). П. В. Засодимскаго; 5) Начальное образованіе и народныя училища въ Зап. Европѣ и въ Россіи въ XIX вѣкѣ. Н. Х. Весселя; 5) Импер. Марія Ѳеодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ институтѣ. М. И. Радомской; 6) О мѣрахъ къ ограниченію распространенія заразныхъ болѣзней въ школахъ. Проф. Н. И. Быстрова; 7) Душа ребенка въ первые годы жизни. Проф. Н. Н. Ланге; 8) Механизмъ вниманія. Его-же; 9) Что такое общее образованіе? Проф. Н. И. Карѣева; 10) Педагогическая и философская подготовка учителей среднихъ учебныхъ заведеній. М. И. Демкова; 11) Современныя французскія идеи о воспитаніи, П. Ѳ. Каптерева; 12) Картинки семейнаго воспитанія. А. К. Молотова; 13) Что такое дѣтская книга и дѣтскій журналъ и чѣмъ они должны быть. К. Н. Модзалевскаго; 14) Дѣти и птицы. Проф Д. Н Кайгородова; 15) Отношеніе семьи и школы къ вопросу о ренегиторствѣ. М. И. Крыгина; 16) Къ вопросу объ обремененіи учениковъ нашихъ гимназій. Я. Г. Мора; Къ вопросу о переутомленіи учащихся. С. А. Будаевскаго; 18) Профессіональная школа и подъемъ отечественной промышленности М. Л. Песковскаго; 19) Цѣль и средства преподаванія низшей математики. С. И. Шохоръ-Троцкаго; 20) Къ вопросу о преподаваніи естественныхъ наукъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Проф. П. Ф. Лесгафта; 21) Преподаваніе географіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе и желательная постановка этого предмета въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. А. И. Пуликовскаго; 22) Очерки частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи. Я. В.; Абрамова; 23) Народное образованіе въ Московской губерніи. И. П. Бѣлокопскаго 24) Народное образованіе въ Восточной Сибири, Его-же; 25) Къ вопросу о значеніи и задачахъ русской народной школы. А. М. Тютрюмова; 26) Спеціальныя практическія задачи русской народной школы. Н. А. Феликсова; 27) Какія училища нужны для Петербурга К. К. Сентъ-Илера, 28) Къ вопросу о журналѣ для народа и народной школы. А. М. Калмыковой; 29) Къ вопросу о книгѣ въ жизни нашихъ дѣтей и юношества (Разборъ девяти новыхъ книгъ для дѣтскаго чтенія). Ея-же.

Въ вышедшихъ книжкахъ помѣщены также рецензіи на педагогическія сочиненія, брошюры и руководства, дано обозрѣніе нѣсколькихъ педагогическихъ жур-

12

Библиотека "Руниверс"

новъ, иностранныхъ и русскихъ за 1890 г., рядъ статей по хроникѣ школьной жизни въ Германіи и въ Россіи и наконецъ библіографическій указатель педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, вышедшихъ съ 1-го ноября 1890 г. по 1-е іюня 1 91 года.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени“, а также и въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой. Подписная цѣна въ Петербургѣ безъ доставки—шесть руб. въ годъ; съ доставкою шесть руб. пятьдесятъ коп., для иногородныхъ съ пересылкою—семь руб. Гг. учителямъ и учительницамъ сельскихъ и начальныхъ городскихъ школъ дѣлается съ подписной платы одинъ руб. уступки.

—2— Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

Дозволено ценз. Кіевъ, 28-го ноября 1891 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXV, 1891 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

стр.

I. Тревожные годы. Очерки изъ общественной и политической жизни Кіева въ 1811—1812 г.г. I. Пожарные тревоги. **О. И. Левицкаго** . . . . . 1—21, 170—194

II. Ѳеодоръ Лисовскій (1709—1772). Очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи въ 1-й половинѣ XVIII ст. (окончаніе) **С. П. Моравскаго** . . . . . 22—57

III. Нѣсколько соображеній по вопросу о князѣ Турѣ. **П. В. Голубовскаго**. . . . . 58—81

IV. Илья Ѳедоровичъ Тимковскій, педагогъ прошлаго времени (окончаніе) **Н. В. Шугурова**. . . . . 82—97

V. Записки Михаила Чайковскаго (Садыкъ-Паши) (продолженіе) . . . . . 89—107; 276—291; 430—449

VI. Бакотскій скальный монастырь (съ 2 рис.) **В. А.** . 108—116

VII. Очерки Переяславщины **А. В. Стороженка** . . . . 195—215

VIII. Изъ исторіи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссіи **А. М. Лазаревскаго**. . . . . 216—231

IX. Путешествіе Императрицы Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г. **Г. В. Есипова** (продолженіе) 232—245; 361—383

Библиотека "Руниверс"

		стр.
X.	Кіевскій воевода П. В. Шереметевъ и нѣжинскій магистратъ (1666—1669 г.) **В. О. Эйнгорна**	246—258
XI.	Табачная контрабанда среди кіевскихъ мѣщанъ **А. А.**	257—266
XII.	Къ исторіи апокрифическихъ сказаній **Мирона** . . .	267—275
XIII.	Старинныя воззрѣнія на самоубійство и отголосокъ ихъ въ народныхъ обычаяхъ Южной Руси. **О. Левицкаго,**	345—360
XIV.	Каменный затонъ и Бѣлозерское городище на Днѣпрѣ (съ картой). **Л. Падалки**	384—390
XV.	Обращеніе русской церкви въ латинскій костелъ **В. Храневича**	391—412
XVI.	Знахарки новаго типа. **В. В. Марковича**	413—429
XVII.	Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (некрологъ). **В. Науменка**	450—461
XVIII.	Исидоръ Станиславовичъ Коперницкій (некрол.) **В. А.**	461—465
XIX.	Архимандритъ Леонидъ (некрологъ). **Н. Сумцова** . .	466—467
XX.	Алексѣй Алексѣевичъ Гатцукъ (некрологъ) **В. Н—ко.**	468—469
XXI.	Документы извѣстія и замѣтки. Астрономъ Эйлеръ въ сѣчи запорожской въ 1770 г. **А. А. Скальковскаго.** Савва Чаленко и Игнатъ Голый **В. И. Щербины.** Судьба одной знатной козацкой фамиліи **В. И. Щербины.** Рисунки изъ путешествія Имп. Екатерины II въ южную Россію **Г.** Случай столкновенія кіевскаго магистрата съ военнымъ начальствомъ (1773 г.) **А. А.** Изъ бумагъ сенатора тайн. сов. М. П. Миклашевскаго. Сообщ. **Н. П. Василенко.** Памяти И. Ѳ. Тимковскаго, М. А. Максимовича и П. А. Антоновича **В. П. Науменка.** Къ вопросу о сохраненіи памятниковъ историческихъ лицъ. Памятники козацкой старины въ Музеѣ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. **Н. Б.** Свѣдѣнія о задунайскихъ запорожцахъ въ 1826 году **А. Л.** Къ исторіи церквей города Острa. Сообщ. **Хр. П. Ящуржинскій.** Великорусскіе чиновники въ Кіевѣ въ двадцатыхъ годахъ XVIII	

Библиотека "Руниверс"

стр.

столѣтія **В. И. Щербины**. Письмо П. Д. Юркевича къ прот. П. И. Катранову. Дѣло о П. И. Богдановичѣ, типографщикѣ и переводчикѣ «Монтюглевой» Исторіи математики. **Николая Сторожевскаго** Отзывъ гр. А. К. Разумовскаго по поводу неурожая. **Н. Шугурова.** Невольная ошибка. **Н. Шугурова.** Что претерпѣлъ въ Кіевѣ малороссіянинъ за «хожденіе при шпагѣ». **А. А.** Вздорожаніе хлѣба въ Кіевѣ въ 1765 г. **А. А.** Къ объясненію одной колядки. **Мирона.** Стихи на Рождество Христово. Кіевская поэзія за 50 лѣтъ назадъ. **С. П.** Два рукописныхъ стихотворенія М. А. Максимовича **В. Науменка**. Князь Потемкинъ и малорусскія пѣсни **А. Л.** . . . . . 117—137; 292—312. 470—484.

XXII. Библіографія. Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга пятая **Н. В.** Харьковскій сборникъ, литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому календарю» на 1891 г., вып. V. **М. Довнаръ-Запольскаго**. А. Лебедевъ. Духоборцы въ Слободской Украинѣ **Н. В.** Обозрѣніе журналовъ за сентябрь. Сборникъ извѣстій, относящихся къ мѣстной антропологіи. **В. А.** Изданія статистическихъ комитетовъ южной Россіи въ 1891 г. **Р.** И. А. Шляпкинъ. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709) **Ал. И. Маркевича.** Городъ Кременчугъ. Историческій очеркъ Ѳ. Д. Николайчика **Н. В.** Труды четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31-го іюля по 18-е августа 1877 г., Т. II. **И. М. Каманина**. Юридическія воззрѣнія и обычаи крестьянъ сѣверо-западнаго края, преимущественно кіевской губерніи. **М. Довнаръ-Запольскаго.** Обозрѣніе журналовъ за октябрь. **Н. П. Загоскинъ.** Наука исторіи русскаго права.—Ея вспомогательныя знанія, источники и литература. **W*.** Regestr zloczyńców Grodu Sanockiego 1554—1638. Wydał Oswald Balzer. **Н. М.** Н. Леонардовъ и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. III и IV. **Н. Б.** «Czesky Lid»

Библиотека "Руниверс"

стр.

1891 г. **А. Степовича**. А. Н. Чудиновъ. Русская классная библіотека. Вып. I и II. **А. Степовича**. Обозрѣніе журналовъ. . . . . 138—167; 313—344; 485—506

XXIII. Къ рисунку . . . . . 507—508

Приложенія: 1) Скальная живопись въ древнемъ Бакотскомъ монастырѣ (два рисунка).

2) Комора въ Потокахъ, рисунокъ Т. Г. Шевченка.

3) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.

Библиотека "Руниверс"

Сварковѣ и чтобъ видалъ Романъ кухву ему горѣлки, писмо далемъ. Такъ же и стрелцеви Чорторискому. Плетюнцѣ, войту, указъ данъ о тогоручной осипщинѣ, жеби везли оную въ Тулиголови, а оттоль дерево рѣзанное брали би. Такъ же и сеголѣтную осенщину вибирать указъ данъ ему жъ именно: отъ имѣючихъ по одной и по двѣ сохи, по 3 четверти жита, а отъ имѣючихъ по три и по чотири сохи, по четверику брати, да жеби сами жъ тое жито отвезли въ Тулиголови, а оттоль дерева взяли. Ему жъ данъ указъ смотрѣть того, чтобъ всѣ до церкви въ святніе дни ходили. Забара зъ чотирма подводами посланъ по драпь, а нѣ по валъ. Скриню зъ платтемъ черезъ того жъ ямщика москаля послали въ Роменъ, а панѣ отъ себе объ оной писала въ Роменъ до господарки. Івана Криштопенка отослалемъ зъ Худолѣемъ до правителей, при моемъ доношеніи. Отехалемъ въ Гамалѣевку, где у ясневел. вечералемъ.

8. Праздникъ Рождества Пресвятой Богородици отправляли въ Гамалѣевцѣ, гдѣ били: брегадиръ, прокуроръ, Кошелеви и прочіе, и подпіяхомъ.

9. Стойчикъ зъ Ромна пріехалъ зъ писмами: 1, Занковского о амбарахъ и сараяхъ, въ Веремѣевцѣ будучихъ, ознаймуючимъ что оніе цѣли, а миргородскимъ полкомъ строившіеся худи, и что князь Михайло Михайловичъ Голѣцинъ билъ въ Чигириндубровѣ, а оттоль поехалъ въ Переяславль, Нѣжинъ и протчіе городи; 2, отъ Орановского, о домашнихъ поведеніяхъ. Козакъ сотенній роменскій отправленъ въ Роменъ зъ пятма писмами: 1, до правителей, о сочиненіи вѣденія господарей, до десятка овецъ имѣючихъ и о респектѣ Петрановскому должномъ; 2, до Орановского, отвѣтъ; 3, до Романа, о его тамъ пребиваніи, и злегчанію дригантовъ, на Засуллю стоячихъ и 4, о томъ же до господара и о трубницѣ до сухоносовской винницѣ; 5, до родителки привѣтъ. Въ трапезѣ обѣдали, где и подпіяхомъ; посля у п. суддѣной.

10. Обѣдали тамъ же. По обѣдѣ отехали зъ Гамалѣевки въ Глуховъ; на дорозѣ стрѣлисмо сотника глуховского, ехавшого въ Гамалѣевку просити ясневелможной на веселле, мѣючое въ его дому бити дочерѣ его ужъ приговоренной Пѣроцкому, и пріехали въ

Библиотека "Руниверс"

Глуховъ. Іванъ, машталѣръ, пріехалъ зъ лубенского полку и привезлъ писмо отъ Романа, въ которомъ объявляетъ, что горѣлки куфъ 2 роздалъ людямъ по 89 зол.; воловъ моихъ 20 въ Куцупѣевщинѣ переписалъ. Пчолы на Плавиницахъ убито 15, а оставилъ 28 добрихъ. Медъ, бувшій въ муру, на шинкъ розситилъ. Леско сторожъ пріехалъ зъ писмами родителскими зъ Сулаку. 2 юля отпущенними. Въ Гамалѣевцѣ ясневел. дала карту архиерея чернѣговского, ко мнѣ писанную, и при оной образъ Распятія Христа Господа. Едучи въ Глуховъ, стрѣлисмо Войцеховичеву и п. Григоріеву, уже зъ Глухова поехавшихъ. Наихали на валъ, проваженній нашъ, подъ которимъ ось уломилась, для чего Дядко оставленъ.

11. Плетюнку, войта, упомянулъ я за его небреженіе. Отецъ протопопъ бувъ у мене. Черезъ Сухомузкого послалъ доношенія въ колегію: 1, о полученнихъ указахъ объ откупѣ индукти, преступленіяхъ партикулярнихъ и государственнихъ, о суддяхъ родственникахъ; 2, о магазейнѣ веремѣевскомъ, по вѣдомости Шимка и чигириндубровской старшини; 3, о Славѣнскомъ, ѣздившимъ въ Коровинцѣ зъ его доношенія, что онъ не запрѣщалъ овецъ на свои потреби употреблять тамошнимъ людямъ; 4, о Никифору веремѣевскому зъ приложеннимъ розискомъ, что онъ человѣкъ добрій и простій (?) противъ указу колежского, и оніе доношенія Сухомузкій Артѣлному отдалъ. Пожаръ за мѣстомъ бувъ.

12. Яхневецкій бувъ рано. Зъ Глинска сливъ привезено, которими обослалемъ здесь [1]). До заплатина послалъ 6 барановъ, 2 носатки горѣлки двойной и до протоколѣти — меншъ. Черезъ глинского козака, сливи припровадившого, послалемъ казанъ винничной мѣдній зъ диркою въ сподѣ, до Романа, въ Роменъ, и написалемъ къ ему о томъ, чтобъ отсилалъ въ Сухоносовку албо Лубнѣ. Ездилемъ у футоръ Калюжновскій, где тютюну казалъ тютюникъ 2182 шнуровъ. Проса зняли зъ поля калюжновского 30 копъ.

[1]) Мѣст. Глинскъ, роменскаго уѣзда, донынѣ славится своими сливами: „глинскіе“ и „опошанскіе“ (изъ м. Опошни) сливы даютъ, по увѣренію знатоковъ, наилучшую наливку-сливянку.

Библиотека "Руниверс"

Сторожъ лубенскій, ездивший до Каменя, повернулся зъ отвѣтомъ, что горѣлки з кухви моей и теперъ тамъ въ Каменѣ обрѣтается, а въ Роменъ не слано за небитіемъ подводъ; онъ же сторожъ зъ Тулиголовъ горѣлки на образецъ привезлъ и сказалъ, что горѣлки въ імбарѣ толко 5 носатокъ тамъ, затимъ что чорторійскому Стрелцю и сварковскому Шевцю по кухвѣ видалъ на вишинкъ. Дранѣ 500, зъ Протопоповки, паробки привезли до млина калюжновского.

13. Неделя. Веселле у сотника глуховского было, але молодіе, Пѣроцкій зъ дочерю его, поехали кончить въ Борзну, въ домъ Пѣроцкого. У сотника обѣдалисмо. Василя гос(подара) посилалемъ въ футоръ и въ Сварковъ за господарствомъ.

14. Шинкаръ уздицкій припроваженъ зосталъ. Романъ тулиголовскій бувъ тутъ и четверникъ озимой пшеницѣ посѣять въ Тулиголовахъ взялъ зъ собою. Сама моя занемогла на знакъ фебри. Савичъ Василій бувъ у насъ и п. асаулиная. Князя Трубецкого, Івана Юревича, дочери зъ Москви въ Глуховъ пріехали. Бувъ у склепу и вина осмотрувалъ, и насипавши въ бутилки, позапечатовалъ. Зъ Ромна стойчикъ, козакъ перекоповскій сотнѣ глинской, привезлъ писма: 1, отъ Билима зъ товарищи, о продажѣ меду, о переписѣ овецъ, о Петрановскомъ и переехавшомъ Роменъ князю Михайлу Михайловичу Голѣцину сего сент. 9; 2, пакетъ, а въ немъ репорти зъ сотенъ роменской, лохвицкой, сенецкой, городиской, чорнуской и пѣратинской, о продажѣ меду; 3, листъ отъ Шимка, о поправленномъ магазейнѣ; 4, отъ Савѣцкого писара, о колодникахъ и продажѣ меду.

15. У брегадира рано бувъ и у коллегіи, где зятеви войта Плетюнки приговорено платить 32 рублѣ, по промеморіи воинской колегіи. Осмотрувалемъ на горѣ (чердакѣ) шкла великихъ аркушовихъ шибъ и всѣхъ показалось 30. Такъ же и замковъ московской роботи нѣмецкихъ 4 до дверей, а нашихъ побиліованихъ, до дверей же, 5; особливе замковъ комнатнихъ 4, а дверецъ желѣзнихъ до печей 2. У говорили молотниковъ до футора молотить

Библиотека "Руниверс"

зъ 15 коробки [1]). Сухомузкому казалемъ дать оковитой горѣлки кварть 10, а простой 20.

16. Веремѣевскіе козаки явились зъ жалобою на старосту веремѣевского, передержуючого злодѣевъ. Отправилемъ сторожа лубенского Охрѣма въ Прилуку до пп. суддѣ и Федора зъ писмами и вина венкгерского фляшку и бутилку плетеную послалемъ. Козака сотнѣ роменской рѣпчанского Юска Трушенка послалемъ въ Роменъ зъ писмами до Билима, о сочиненіи единого вѣденія зъ репортовъ сотенныхъ о продажѣ меду, и присланню сюда, и о сочиненіи вѣденія о господарахъ, неимѣючихъ до десятка овецъ, и о Петрановскомъ. До родителки о ковалеви, когда вишлется, прося вѣдомости, и о Лукяну Свѣчцѣ. До Романа слуги о завѣскахъ и къ ему жъ послалемъ козлинъ пару на шори римареви Филипови. Брегадиру отослалемъ 150, а синови Никитѣ 30 папушъ тютюну. П. Антонова пріехала въ Глуховъ, а ясневел. зъ Гамалѣевки пріехала. Ездилемъ до Сваркова, где начали огорожувать садъ. Гончаръ печъ сталъ дѣлать. У п. Федора Савичи родилася дочъ.

17. Бувъ у колегіи, оттоль у п. Савича и у себе на Красной горцѣ; оттоль у ясневелможной, где и обѣдалъ. По обѣдѣ бувъ у секретара. Архипъ посланъ въ Савинки, до гути тамошней, за 50 аркушовими шибами и прочіимъ шкломъ, которому на тое дано грошей 5 рублей. Давидъ бувъ у брегадира, посидѣлъ и вечералъ.

18. Писалемъ до Романа въ Тулиголови, жеби дерево брали въ Сварковъ сварковцѣ, которіи жито осипное привозить будутъ до Тулиголовъ. Бувъ у колегіи и просидѣлъ зъ Галаганомъ, прилуцкимъ полковникомъ. У Кошелева бувъ Петра и о продаемой отъ его семѣ говорилось [2]). Василь господаръ поехалъ въ Ясманъ, оправить шинкъ. Ему жъ дерево перенести зъ Красной горки, а имбаръ тутъ устроили, казалемъ.

19. Ясневелможной писмо родителское и Нестеровичево отдалемъ. Брегадиръ у ясневел. билъ зъ зятемъ и водки по чарки

---

[1]) Т. е. изъ вымолоченной ржи хозяинъ получалъ 14-ть частей, а 15-я отдавалась молотнику за трудъ.

[2]) Кажется, слѣдуетъ понимать, что говорилось о продаваемой семьѣ крестьянъ.

Библиотека "Руниверс"

випивши, отехалъ. Худолѣевскій донощикъ, у колегіи сидѣвшій, померъ. У Сухарева билемъ. Князь Александръ Лукичъ Долгорукій, черезъ Глуховъ ѣдучи въ Москву, остоялся и квартеровалъ въ дому Александра Іванова. Билемъ у брегадира, где Петро повернувшись зъ Сумъ и привювши двохъ собакъ борзихъ, сказовалъ про брата п. Андрѣя, отехавшого въ Роменъ и запровадившого зъ собою половую собаку, брегадиру отъ полковника сумского дарованную. Яловицю, взявши зъ футора Калюжновского, зарѣзали. Микита судейскій, голивши (бривши) мене, сказалъ про вишнѣ безъ кустокъ: до пенка вишневого прищепить верхъ другой вишнѣ, и не отрѣзовать оной прищепленой отъ дерева вишнѣ поколь пріймется и станетъ кучеравіе листи изростувать, въ ту пору отрѣзать пропорціонално. Василь, господаръ, повернувшись зъ Ясманѣ, сказалъ, что тамъ зняли съ поля гречки 35 копъ, овса 37 копъ, а зъ жита 12 копъ вимолотили якоби толко 5 четвериковъ. Еще жъ тамъ не засѣяли жита на едной близъ села нивѣ, где становится 15 копъ. Князь Долгорукій Александръ Лукичъ проехалъ Глуховъ въ Москву.

20. Неделя. Воловики 6 возами привезли дубини зъ Каменя, до млина, на штуки. У ясневел. обѣдалъ. По обѣдѣ билъ въ дому; оттоль поехалъ къ брегадиру, которого стрѣтилемъ, ехавшого опроважать зятя своего Андрея Степановича Зѣновева, зъ дочерю его жъ Василиссею Степановною, отездившихъ отсюду въ Москву, и опроводивши я за мѣсто, вернулся и заехалъ до князя Четвертенского, зъ которимъ бувши у мене на Бѣлополовцѣ, заехали въ городъ до маіора Лаврентія Хрипунова, где посидѣвши мало, поехалисмо ко мнѣ и стрѣвшись на дорозѣ зъ ясневел., ехавшою отъ брегадирши и отъ нашего дому (где посидѣла мало), постояли мало и заехали въ домъ мой и напившись по шклянцѣ вина, князь отехалъ. Романъ, тулиголовскій дворникъ, пріехалъ въ Глуховъ и сказалъ, что въ Тулиголовахъ 2 кухви горѣлки, другая досипалась. Козакъ зъ Ромна пріехалъ зъ писмами: 1, отъ родителки, о присланню писемъ моихъ до родителя, якіе черезъ коваля пошлются; 2, отъ сотника городиского и реестръ о козакахъ, на низъ

Библиотека "Руниверс"

висланнихъ; 3, отъ Дракгановского, о коню претендуемомъ у его отъ конотопского человѣка и на Сухомузкого зъ жалобою. Овечій майстеръ, бувши у мене, сказалъ лѣкарства на товаръ рогатій, когда заболитъ а потечетъ зъ очей и ноздеръ флякгма, на тое: ацту, галуну 4 золотники, бузини ягодъ четверть фунта, подорожнику фунтъ, и щавля на болотѣ родячогося, и тое все въ горшку утушковавши, варить и тою водою, рано и вечоръ, ротъ и ноздрѣ вимивать, а вимивши, ячною мукою засипать. Также соли полфунта, полиню 4 лоти, посушивши, стовкти и дри... (?) 4 золотника, кварту діогтю и тое змѣшавъ, на язицѣ товаринѣ мазать и на хлѣбъ давать исти. Когда дворовое птаство занеможетъ, взять на тое крейди и въ коваля зужелицѣ, по полфунта, и потовкши, воду вложить, где они пютъ.

21. Роману, старостѣ тулиголовскому, отездившому, казалемъ двори шинковіе обложковскій и тулиголовскій оправити, а до чорторійского ліодницю зробить, въ пущѣ нанять тесслъ и готовую отвезсти. У колегіи бувъ и переговоривъ зъ Сухаревимъ, отехалъ на службу до ст. Михаила. Брегадиръ затимъ же опровожалъ зятя, не билъ въ колегіи. Обѣдалемъ дома; по обѣдѣ ездилемъ въ футоръ Калюжновскій, где видѣлемъ близъ млина привезенную зъ Каменя дубину, 17 штукъ, и дерево на ступи. Оттоль ездилъ въ Сварковъ, где гончареви додѣловать печей бѣлими кахлями, такъ же и покоротить блакитной печи, казалемъ, а Плетюнцѣ насипать хати велѣлемъ. Пріехалемъ позно въ Глуховъ. Пріехалъ сторожъ лукомскій Грицко зъ писмами: 1, отъ сотника наказ. лукомского. зъ жалобою на Петра Іванова также и на Ященкового сина, которій за лѣсъ свой Лукомцями до магазейну порубаній, хочай и взялъ таляръ 20 однакъ болшъ правитъ и побралъ грабѣжъ, коней 2; 1, отъ атамана лубенского и Котляренка, о инквизиціи въ Лукомлѣ виведенной, о беззаконно прижитой и страченной дитинѣ; 3, отъ родителки, о присланню туда отъ мене листовъ до родителя; 4, отъ войта роменского, о присланню указу до сотника наказ. глинского, чтобъ за зборщиковъ отдалъ надлежащіе гроши, якіе зъ нихъ мѣли вибратись; 5, отъ брата зъ повѣншованнемъ, п. Андрѣя; 6, отъ

Библиотека "Руниверс"

правителей полковнихъ, о господарахъ не имѣючихъ до десятка овецъ, о чомъ и вѣденіе о нихъ числомъ 9755 виписанное, зъ приложенною цедулою чигириндубровской старшини о кре...нихъ (?) тамъ проявившихся, готова и о реестрахъ зъ сотенъ сенецкой и лукомской козаковъ въ походъ низовій висланихъ, и вѣденіи проданного зборного меду зъ сотенъ всѣхъ, кромѣ чорнуской, лубенской и лукомской присланнихъ; 7, и саміе такіе реестра, также и вѣденія присланни. Лубенскій сторожъ повернулся зъ Прилуки зъ отвѣтними писмами пп. суддѣ прилуцкого и п. Федора.

22. Рано въ колегіи билемъ и долго просидѣлемъ, поколь отдѣлалемся въ дѣлѣ віижджихъ. Обѣдалемъ дома, и зъ дому знову ездилемъ до секретара, до Кошелева и до брегадира, где посидѣвши, позно пріехалемъ въ домъ. Овецъ 29 пригнали зъ футора моего Криворудского, при листѣ Романа, въ якомъ обявляетъ, что горѣлку людямъ далъ ценою по 15 р. (?) по Рождества Христова. Зъ шкляремъ Семеномъ уговоръ: зробить ему оболони, а ему дать отъ всякой по полкопи, три мѣрки муки житной, а 2 гречаной, 10 кварть горѣлки и возъ смолини. 1000 цегли взяли у цегелнѣ до Сваркова, а натомѣстъ дали 20 возовъ дровъ. Уласу, слюсареви, до квартири казалемъ зробить завѣски, защипки и наружники. Плетюнка войтъ, зъ зятемъ своимъ Федоромъ Івановимъ, просили, чтобъ его зятя оплатить въ колегіи 32 рублѣ, а ему бить моимъ вѣчно.

23. Плетюнка зъ зятемъ дали писмо на себе, что ему зятю за оплаченне тое бить моимъ вовся подданнимъ, а я указъ далемъ до селянъ, чтобъ они зобрали змежду себе 33 рублѣ на уплаченне его. Ему жъ Плетюнцѣ указъ далемъ и лѣкарство виписалемъ хоруючому статкови. Козакъ, стойчикъ, пріѣхалъ зъ писмами: 1, родителя и брата п. Семена, которій тое объявляетъ, что денегъ моихъ у сотника смѣловского 400 р.; 2, Билима, о полученномъ указѣ объ откупѣ порубежнихъ пошлинъ и указъ колежскій о томъ же писанній прислали; 3, родителки, о братахъ п. Марку и прочиіхъ, чтобъ ихъ экзаминовать. Черезъ сторожа сенецкого писалемъ до родителки о собацѣ половой, брегадирской, братомъ п.

Библиотека "Руниверс"

Андрѣемъ запроваженной въ Роменъ и дѣлѣ Сухомузкого зъ товаищи; о томъ же и до брата. Обѣдалемъ у ясневел., где были и п. Антонова зъ швакгровими. Сухомузкій зъ товарищи отдѣлались въ колегіи. Лѣкарство каплѣ и пѣкгулки бидловаго рецепту принялемъ. Билемъ у Сухарева и въ колегіи; у вечеру—у секретара.

24. Сухомузкого отправилемъ въ Роменъ и листъ писалемъ до родителки объ ономъ. Сварковцѣ були у мене, просячи, чтобъ денегъ уменшити имъ зъ 32 рублей, за плетюнчиного зятя опредѣленнихъ имъ зобрати; и по ихъ прошенію карту до Плетюнки далемъ, жебы они всѣ подданіе наши зобрали 23 р., а къ тимъ моихъ грошей шинковихъ взялъ би 8 р., да отъ себе положилъ би 2 р. Сухарева и Хрипунова обослалъ по 3 овци и горѣлки по барилцю. У ясневел. забавились долго, при подпиттю венкгерского.

25. Ясневелможная поехала въ Нѣжинъ зъ Глухова и виехала рано. Бувъ рано у брегадира и пожекгнавши его, пріехалемъ въ домъ. Ясневелможную неуспѣвши рано випроводить, писалемъ листовне черезъ лубенского сторожа, въ Туліголови, прощенія просячи. Футра смотрѣли наши на горѣ, у ключника обрѣтаючіеся, якіе моль барзо попсовала, особливо футро сѣбирковое Орановского, якое ключникови прикинуто, а велено ему доброе купить. Барило горѣлки простой отъ Селецкого Леску Кухару данное, отобрано въ дворъ и дано ради перегнаття на оковитую горѣлку. Рибу вялую перелѣчили и здали ключникови, а риби тоей всей именно: щукъ 670, короповъ 750, сомовъ 76. Ясвевел. прислала швакгромъ овецъ десять и яловицю. Ячменю куплено 4 четверика, господаремъ, по 7 зол. безъ 3 шаг. Писалемъ писма: 1, до родителя; 2, брата п. Семена, 3, до людей моихъ, чтобъ невпорожнѣ сюда ишли, а ишлибъ зарання; 4, до Волинского, о бандуристѣ и купленнихъ на его потребу бикахъ и коровахъ; 5, до Орановского, о приблудахъ, 3, въ Лукомлю, въ футоръ; (?) 6, до родителки, о отездѣ моей жени въ Роменъ и моемъ въ Прилуку и листъ родителскій послалемъ, въ якимъ пишетъ нѣкого зъ каретокъ (?) не посилать въ Царицинъ; 7, до правителей въ Роменъ, отвѣтъ о указѣ, взглядомъ порубежнихъ пошлинъ, о видачѣ грошей зъ Глинска за зборщиковъ ромен-

Библиотека "Руниверс"

скихъ, о росходахъ, якимъ бить неналежитъ. Получилемъ листъ отъ Орановского, черезъ Котлубая пяного, роспечатаний, о трубницяхъ, жеби написать объ нихъ до старости шабалиновского, чтобъ прислалъ въ Роменъ; а зъ Сухоносовки подводъ 3 со всякою дробиною пришлются сюда.

26. Жена моя отехала зъ Глухова зъ Роменъ и воскъ весь, на горѣ бившій, забрала зъ собою. Кошелевъ прислалъ копію купчой о крестянину своемъ, которого мнѣ продаетъ, Афанасія Яковлева сына Лохова. Билемъ у вечеру у секретара Заплатина, и зъ нимъ простился. Пп. Тернавскій, сотникъ срѣбранскій[1]), Панченко, Минѣцкій и Доброницкій були у мене и посидѣвши мало, отійшли. Бувшій полковій лубенскій комисаръ и прежніе зборщики пріехали въ Глуховъ и були у мене. Климъ ключникъ видалъ Мартину въ Роменъ воску: зъ гори грудъ 18, а въ нихъ каменей 4 и 18 фунтовъ и полфунта, а всего груд. 28, а каменей 15, 20 фунт. и полфунта.

27. Неделя. У Кошелева билъ и купчую отъ мене сложенную о крестьянину ему отдалъ. У сотника глуховского и п. судѣной, по службѣ, билъ. Солодовникъ Степанъ, бувши у мене, уговоръ учинилъ: взять у мене 30 зол., а мнѣ въ годъ дать 100 зол. и на мою потребу солоди робить. Посланъ Василь, господаръ, крестянина Кошелевого переписать. Били въ склепу зъ пп. Андрѣемъ и Яковомъ Милѣцкимъ, и подпіяхомъ.

28. Пиво при мнѣ зварили варъ 6 мѣрнихъ, зъ которихъ п. Андрѣеви 2 мѣрницѣ велѣлемъ отдать. У Клима, ключника, зол. 20 грошей отобралемъ. Виехалемъ зъ Глухова въ Сварковъ рано, где и обѣдалемъ. Передъ отездомъ, бувъ капралъ отъ капитана Хрипунова за солдатомъ Маркомъ, понявшимъ подданую мою въ Сварковѣ, жеби ей поля половину дать зъ братомъ ея жъ.

29. У Забари, шинкара, взялемъ на дорогу грошей 21 зол., якіе доплачовать за кухву ключникови отъ его подобало. У Шевця, шинкара, также на дорогу взялемъ 5 рублей. Зъ Андрѣемъ,

[1]) Троцина.

Библиотека "Руниверс"

майстромъ, уговоръ учинилемъ на годъ дать ему грошей зол. 60, жита полтора четверика, гречки четверикъ, сала полтора пуда, соли два пуда, носатку горѣлки, пшона полчетверника и уже забралъ на будущій годъ рубль 1 грошей, а годъ лѣчити отъ октовр. 1, сего году до будущого 1725 году. Сварковцѣ подданніе приходили просити облегченія въ осипщинѣ, которимъ отъ сохи по четверти жита отставлено, а велено дать по четверти овса. Марка солдата женѣ казалемъ пашню братнюю взять, а до поля не интересоватися. Донесли мнѣ сварковцѣ, что писма розездніе зъ Заруцкимъ и Чорнусцями (?) есть у Федора Юрченка. Василь господаръ пріехалъ въ Сварковъ и привезлъ шуфляду зъ шкломъ, въ якой шибъ цѣлихъ великихъ 29, а една тридцятая мало розбита. Тіе шиби казалемъ оправлять въ рама деревяніе Андрѣеви. Садовнику казалемъ зробить цвѣтникъ другій передъ свѣтелками. Василеви казалемъ, жеби Матвѣй ганчаръ переробилъ печи. Спорадивши все, поехалемъ зъ Сваркова на ночъ въ футоръ Калюжновскій. Осмотрувалемъ млина калюжновского и велѣлемъ Василю, чтобъ Андрѣемъ. майстромъ, осмотрѣлъ строенія.

30. Рано у футорѣ Калюжновскомъ далемъ наказъ Василю у 43 пунктахъ, а Плетюнцѣ, войту, у 12 пунктахъ другій наказъ. Поехалемъ оттуду въ Тулиголови на обѣдъ, где винника за пьянство и что худую горѣлку даетъ, скаралемъ боемъ кіевимъ. Роману тулиголовскому наказъ далемъ у 11 пунктахъ. Листъ до брегадира отъ мене писанній, о брату Андрѣеви, взглядомъ собаки половой, будто имъ заведенной въ Роменъ зъ Сумъ. Такъ же и, въ дополненне до 50 пунктовъ, наказъ до Василя послалемъ въ Глуховъ. Поехалемъ зъ Тулиголовъ въ монастирець Мутинскій и довго по пущи блудивши, заледво позно уже вночѣ въ монастирецъ утрафили.

1. Октовр. Службы Божой въ монастирцѣ слухалемъ и по обѣдѣ поехалемъ въ Камень, где греблѣ каменской осмотрѣвши, билемъ у футорцѣ, где винница, и осмотрѣвши тамъ горѣлки моей 3 куховъ, еще въ Роменъ не отосланной, отехалемъ въ Мутинъ, а Лозовского на дорозѣ завернулемъ. Пріехалемъ въ дворецъ му-

Библиотека "Руниверс"

тинскій на ночъ и застaлемъ жида шинкара мутинского, въ дворѣ прибираючогося зъ тютюномъ панскимъ въ дорогу, а староста мутинскій передомъ отехалемъ въ Гадячъ.

2. Послалемъ писма до Василя господара и Романа тулиголовского писанніе въ Камень къ Лазовскому, жеби переслалъ. До господара приложилемъ еще пунктовъ 3, и того всѣхъ 53; а до Романа о дичкахъ, жеби викопать у гаяхъ и о бересту на валъ, способномъ въ Каменѣ найдуючомся. Рибалкамъ велелемъ сѣтми ловить рибу у озерахъ. Віехалемъ рано зъ Мутина и у перевоза зехалемся зъ шишацкимъ сотникомъ. Приехалемъ на обѣдъ въ Конотопъ, а оттоль наночъ, черезъ Сосновку, въ Самборецъ Малій, отъ Конотопу отстоящій въ двохъ миляхъ.

3. Рано зъ Самборця Малого виехалемъ и пріехалемъ на обѣдъ въ Гайворонъ, отстоящій отъ Самборця въ двохъ миляхъ. По обѣдѣ виехалемъ къ Іваницѣ и недождаючи, заехалемъ въ село Кропивное, Андрѣя Лизогуба, и тамъ написавши писма: 1, до родителки, о моемъ поездѣ въ Прилуку; 2, до жени моей, о томъ же и о ея приездѣ въ Короваи; 3, до брата п. Андрѣя, о писмѣ моемъ, данимъ взглядомъ собаки половой, писанномъ до брегадира; 4, до глинского наказного, о его приездѣ въ Прилуку зъ Яковомъ судіевичемъ; и оніе писма кропивянскимъ козакомъ въ Бубни послалемъ. Пріехалемъ на ночъ въ Іваницю и ночовалемъ въ дворѣ попа отца Михайла.

4. Неделя. Вислухавши служби Божой въ Іваницѣ, пріехалемъ на обѣдъ въ Олъшаную, отстоящую оттуду въ двохъ миляхъ. По обѣдѣ, пріехалемъ въ Прилуку передъ вечеромъ, где пана суддю, дядю моего, засталемъ въ тяжкой болѣзни, которая на немъ показалась ex obstructione hepatis. Пана Кондзеровского, зъ панею его, засталемъ тутже. Отецъ Лѣсаневичъ бувъ у пана суддѣ и диспоновалъ пана суддю на смерть, исповѣдовалъ и коммунѣковалъ. Ночовалемъ въ п. суддѣ, зъ паномъ Федоромъ дядкомъ.

5. Лѣкаръ, кгрекъ Николай, куруючій пана суддю, повернулся зъ аптеки зъ лѣкарствами. Отецъ ігуменъ Клеопа бувъ у п. суддѣ и отехалъ въ Кіевъ. Посѣщали квартиру мою протопопъ

Библиотека "Руниверс"

прилуцкій Михаилъ Трифановскій, отецъ Лѣсаневичъ и обозній прилуцкій Михайло Григоріевичъ.

6. П. Василь глинскій пріехалъ въ Прилуку. Обѣдалемъ у отца протопопи, где Петрикъ брегадирскій бувши, въ ссоръ войшолъ зъ обознимъ. Подпіяхомъ. Брати мои Марко, Лука, Іоаннъ пріихали въ Прилуку. Обѣдалисмо всѣ у пана Федора дядка; оттоль булисмо у п Голѣнковского, писара полкового прилуцкого. Панъ суддя коня вороного подарилъ мнѣ и о Перервинцяхъ розговаривали.

8. Брати мои, поснѣдавши у пана суддѣ, отехали. Такъ же и я после ихъ отехалъ; а оставилъ тамъ своего человѣка, пѣшого, на фебру (якъ сказовалъ Николай лѣкаръ кгречинъ) захорувавшого. Виехавши я зъ Прилуки, пріехалъ позно въ Пѣратинъ и тамъ ночовалъ въ Мойсѣя Худолѣя.

9. Ранно оттуда поехавши, пріехалемъ на службу Божую въ Коровинци (Короваи?) где именини мои роздрѣшивши, проили и пропили. Ездилисмо до футора Ангелювщины и тамъ заночовали. Писалемъ зъ Короваювъ: 1, до родителки, чтобъ въ Луцѣ праздновали именини родителскіе; 2, до Орановского, о его въ футоръ Криворудскій прибитіи; 3, до Томари п., о его прибитіи завтрійшого дня сюда; 4 до александровского старости Славѣнского о присилцѣ у футоръ Криворудскій водки оковитой и простой, пива и булокъ,

10. П. Василь Томара пріехалъ въ Короваи и кушалъ со мною, а по обидѣ, просидѣлисмо и о футору его, продаемомъ, Чумгаку, розговорували, которій сказуетъ достался ему отъ Кохна, за 1000 зол. грошей и за кгрунтъ, стоячій 3000 зол. При вечору Томара отехалъ въ домъ свой, а я поехавши зъ Короваевъ зъ своею панею, пріехалемъ па ночъ въ Городище Свѣчки, отстоящое отъ Короваювъ въ милѣ едной. Іванъ Соколничій, припроводившій конѣ въ Короваи, отстался тамъ.

11. Неделя. Поехавши оттуду рано, пріехали до Савинецъ, отстоящихъ отъ Городища въ 3 миляхъ и тамъ служби Божой вислухавши и пообѣдавши, поехалисмо степомъ до перевозу Горошинского, въ трохъ миляхъ отстоящого оттоль, до Жостерского роди-

Библиотека "Руниверс"

телского футора, где видѣлемъ на стайнѣ стоячихъ своихъ дриктантовъ 6: вороностроkатого, сивого, тарана, вороного, шпаковатихъ двохъ; оттоль на ночъ пріехали въ свой футоръ Криворудскій.

12. Пересмотрували стадо конское и показалось лошатъ сеголѣтнихъ 42, а въ товару рогатомъ телятъ 49. Орановскому даровалемъ кобилу чалую зъ лошамъ и коня кологривого лукомского, а Алексѣйцеви далемъ коня вороного старого четверного. Проучували коней чтирохъ молодихъ, пятаковъ.

13. Шкапу приблудную, съ Лукомля пригнатую, даровали Лескови кухареви. Овецъ всѣхъ по рахубѣ панеи и п. Василя глинского показалось именно: овецъ старихъ и молодихъ 780, барановъ 144, цаповъ и козъ 71. Зъ того жъ числа п. Василеви даровалемъ овецъ 20 и барановъ 2, и корову зъ телямъ. Телятъ болшихъ, въ томъ же футорѣ, по той же рахубѣ — 42, а менших 9, и того 51. Взялисмо молодихъ неижджалихъ коней до езди 4: 1, гнѣдій болшій, 2, гнѣдій меншій, 3, рижострокатій, 4, малій сивій, а 5, взяли рижого шинкара, 6, зѣкраху старого. Оставили у футорѣ коней ижджалихъ молодихъ 3, вороного бѣлоногого, вороного и подпалого, а трое старихъ, пару рижихъ и за козла вимѣнятого. Сѣна показалосъ тамъ зробленного скиртъ—. Масла и сира по дѣжцѣ у футорѣ показалось. Поехали зъ футора передъ вечоромъ и на ночъ пріехалисмо въ Березняки.

14. Рано зъ Березняковъ поехавши, пріехали на обѣдъ въ Лубнѣ, гдѣ була у насъ старшина, и зъ дому биломъ въ Івана Івановича Гейтера аптекара. Комисарови дали цѣни полумисковъ ламанихъ фунтъ 26, а велѣли ему зробити фляшу цѣновую, круглую, у полтора garца, голяничокъ двѣ, тацу на чай или кагве, и чайникъ, и зъ остатку—полумиски. Гончареви плютинскому Стецкови казалемъ зробить до печей сварковскихъ лазаревой: поясковъ нижнихъ зеленихъ 11, поясковъ середнѣхъ 16, кахоль 80, кзимсовъ 13, карунокъ 15, а до жовтой: поясковъ нижнихъ 13, кзимсу верхнего 8, карунковъ 13, середнѣхъ поясковъ 6, кахоль 10. Другому гончареви казалемъ sta.... (?) робити и полѣцилемъ

Библиотека "Руниверс"

ого котляреви; а котляреви Семенови, здѣлавшому теперъ мнѣ два казани, еще трубъ 6 до онихъ казалемъ здѣлать, а третій казанъ после зробится. Казалемъ атаманови Пріймѣ да Семену Котляреви о сливахъ старатись. Романъ молодикъ казалъ, что въ шинкъ нашъ лубенскій розситилъ меду полъ 3 кухви, а пива—. Горѣлки зась мало есть. Виехалисмо зъ Лубенъ на ночъ до Александровки, где въ лазнѣ мились. Едучи, Павелъ Корнѣенко розговорувалъ со мною о Турковскомъ. Даломъ рецептъ Гейтеру лѣкарствъ потребнихъ мнѣ на хороби.

15. Обѣдалисмо въ Александровцѣ; старшина лубенская були знову въ Александровцѣ и привезли вина стоянецъ. У лукомского сторожа коня вороностроката отобралисмо, а ему мѣетъ асаулъ Кузма дать вороного приблуду и другого коника. Булисмо у Сухомузкого виехавши, где бувши у винницѣ его, видѣлемъ носатку у полтретя вѣдерка зъ квартою, а на оную идетъ муки четвериковъ 2, мѣри роменской. Кашира сварковскій стрѣлся зъ нами на дорозѣ, едучи онъ на дворничество до футора нашего Криворудского. Пріехалисмо позно до Сухоносовки.

16. Въ Сухоносовку пріездили сотникъ городискій, отецъ намѣстникъ красногор(скій). Пчоли у Сухоносовцѣ теперъ показалось 85. Тютюну нового 400 шнуровъ, а старого папушъ 700. Сѣна старого и нового, на степку, 17 скиртъ, а една за селомъ. Масла въ Сухоносовцѣ показалось 10 дѣжокъ, а сира по болшъ; толко, же погнилъ, велѣли поперекладовать. Зъ Сухоносовки того жъ дня поехалисмо и на степку обѣдали, а на ночъ пріехали въ Луку где застали родителку и брата п. Андрѣя и братовую.

17. Именини родителскіе отправляли, принималемъ гостей собраніи (?) и подпияхомъ.

18. Неделя. Тіе жъ гости були допозна трактовани. Атаманови лубенскому Пріймѣ да Григорію Котляренку полѣцилемъ словесно зъехать въ сотню лукомскую для учиненія розисковъ о убійствѣ отъ Петра Кривого и о протчемъ. Алексѣй Хелкидецкій и Циболскій у вечеру пріехали въ Луку. Явились дроновскіе подда-

Библиотека "Руниверс"

ніе князя свѣтлѣйш. и отправлени въ Роменъ до правителей, ради рѣшенія дѣла ихъ.

19. Отецъ Савѣцкій зъ отцемъ Іоанномъ въ примиреніе прійшли. Панъ суддя прилуцкій Іванъ Марковичъ 4 години дня преставился. У лазнѣ булисмо. П. Василь Романовичъ пріехалъ зъ Ромна.

20. Отца Савѣцкого виправили въ Кіевъ зъ листами: инстанціялнимъ еднимъ о ему до архіерея, а до архіерея жъ, ректора и писара, о отцу Іоанну, взглядомъ церкви святой Николской, напрасно запечатанной. Поехалисмо въ Глинскъ на обѣдъ, где вѣсть принесена о умертвіи пана судіи. Позно у вечеру поехалемъ зъ Глинска въ Прилуку.

21. Пріехалемъ въ монастиръ Густинскій рано, где передъ дверми, лѣвими, боковими, положенъ панъ судія. Пообѣдавши у ігумена Клеопи, пріехалемъ въ Прилуку. Получилемъ писмо отъ обозного, въ которомъ обявляетъ, что прокуроръ колегіи малор., бувши переездомъ зъ Сорочинецъ, въ Лохвицѣ, и стоявши въ его дому квартерою, виговорувалъ будто нерѣшени чолобитніе на родителя поданніе господину Румянцову, о чомъ би мнѣ отвѣтствовать.

22. Получилемъ писма зъ Чорнухъ и вѣденій двѣ: одно, о проданномъ зборномъ меду, а другое, о принятихъ регламентахъ объ овцахъ мѣючихъ содержатись. Обѣдъ бувъ въ дому пана судіи; по обѣдѣ бувъ у п. Федора, где Синдаровского видѣлемъ и кагве пили. П. Федоръ мнѣ копію тестаменту п. суддѣ небожчика далъ.

23. Рано у мене п. Федоръ бувъ и розговорувалисмо о тестаментъ, когда говорилъ при Федору Засулному, что коня сивого турецкого суддѣ мѣютъ дать на мою персону. Послалемъ писма до родителя, самой родителки, и отъ еи до правителей въ Глуховъ о присилкѣ указу къ Волжину, взглядомъ козаковъ новоуписнихъ засулскихъ; до правителей лубенскихъ о томъ, чтобъ написали въ сотнѣ, даби дали всѣ господари мѣючіе свои овци доношеніе, что приняли они регламенти и готови по нихъ содержать свои овци и чтобъ старшина, кому печатнихъ нестанетъ регламентовъ, тимъ би

Библиотека "Руниверс"

скопіевать давать. До ихъ же и зъ чорнуской сотнѣ присланіе двѣ вѣденія: одно о зборномъ, проданномъ меду, а другое, объ овцахъ и реглямонтахъ послалемъ; а все тое послалося черезъ Якима, сторожа лукомского. Бувши зъ п. Федоромъ въ п. судіиной, пожекгналемъ еи и п. Демянову, которой далемъ карту, жеби мѣрочникъ журавскій у млинѣ родителскомъ пашню п. Демяновой безъ продолженія моломъ. Зъ п. Федоромъ поехалисмо зъ Прилуки на Соричинцѣ, до его дому достроючогося, где порозглядѣвши, отехалемъ въ монастиръ Густинскій. Въ монастирѣ отца ігумена Клеопу просилемъ панахиду надъ п. суддею отправити, и отправлена передъ службою. Ему жъ далемъ руб. 2. По службѣ отехалемъ, а едучи до Срѣбного, стрѣтилемся, на половинѣ дороги, зъ п. сотникомъ срѣбранскимъ, которій въ розговорѣ своемъ сказалъ мнѣ, что иноземецъ овечій надзиратель, бивши въ Срѣбномъ, сказалъ для ста овецъ здѣлать овчарню 7 сажень и аршинъ долготою, а шириною 3 сажень. Пріехалемъ позно въ Срѣбное и въ городѣ ночовалемъ, въ шапочника Дацка.

24. Поехавши рано зъ Срѣбного, переехалемъ села: Харитоновку до ратуша срѣбранского тагучую, и Хоминцѣ Билимови, и пріехалемъ на обѣдъ въ Глинскъ, до Василя. Зъ Глинска послалемъ сторожа лохвицкого зъ писмомъ до маіора Кологривого о баранахъ до бранокъ овецъ способнихъ, жеби продажею или обмѣною намъ уступилъ и о томъ би отъ его передомъ мнѣ увѣдомить. Виехавши по обѣдѣ зъ Глинска, заехалемъ до Федора Зарудного и тамъ посидѣвши мало, поехалемъ зъ старимъ Зарудним до Луки и позно пріехалемъ. Засталемъ у Луцѣ брата п. Андрѣя зъ братовою, которій вернулся зъ Короваювъ, а моя сожителница передомъ сего жъ дня отехала въ Роменъ. Также и Алексѣй Хелкидоцкій.

25. Неделя. Полку Інгермоланского офѣцери зъ ротами ехали черезъ село на квартери зимніе и тутъ 9 роти капитанъ ночовалъ. Писмо отъ старшини роменской получилемъ о прибувшемъ капралу 9 роти Інгермоланского полку въ Роменъ для занятя квартери капитану въ Засуллю, которому приговорили старшини оную отвести въ городъ, або (?) въ иншихъ селахъ. якъ согласуючи и я отпи-

Библиотека "Руниверс"

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій, Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в. Изд. Савицкихъ. Кіевъ. 1890. 8° 223 + XVIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. Кіевъ. 1890. Ц. 25 к.

Я. Шульгинъ. Очеркъ коліивщины. К. 1890. 8° 209 стр. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 кн. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Кн. 5-я Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.

Библиотека "Руниверс"

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „Кіевскую Старину“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Кузнечная № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель К. М. Гамалѣй. **За редактора Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ 8-го октября 1891 г.

Библиотека "Руниверс"